
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

2(110)'2025

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2025. – Вып. 2 (110). – 284 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2025. – Issue 2 (110). –
284 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(110)'2025

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <https://politlinguistika.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2025

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

2(110)'2025

Scientific journal

Founder: FSA HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <https://politlingvistika.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
М. Б. Ворошилова Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирандо Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
С. В. Иванова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания
В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
С. Л. Кушнерук Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Лю Хун Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
В. А. Маслова Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
П. Серио Лозаннский университет, Швейцария
О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
З. К. Темиргазина Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан
Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: *Д. О. Морозов*

Заведующий отделом перевода: *С. М. Поляков*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: A. P. Chudinov, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

M. B. Voroshilova Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Материалы Международной научной конференции

Отчет о проведении XV Международной научной конференции «Современная политическая коммуникация»	12
Бекасова Е. Н. Модуляции диалога с властью в русских челобитных.....	16
Бубнова И. А. Как связаны <i>добро</i> и <i>зло</i> , или Меняется ли нравственный идеал Горохова Д. В. русской культуры?	25
Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал префиксоида: <i>квази-</i> , <i>псевдо-</i> , <i>лже-</i> Коновалова Н. И. в современном медиадискурсе	32
Зарипов Р. И. Теоретико-прикладные основы использования мемов, демотиваторов и других поликодовых текстов в целях информационно-психологического воздействия.....	40
Кондратьева О. Н. Шахматная метафорика в российском политическом медиадискурсе.....	48
Пирожкова И. С. Метафорическая репрезентация Д. Трампа в американских СМИ в постинаугурационный период	54
Сунь Тяньцы Представления о терпении в китайском языковом сознании и их отражение в СМИ	61

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л. В. Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.)	69
Гаврилова М. В. Лингвистические средства репрезентации национальной идентичности в политическом тексте.....	78
Декатова К. И. Фразеостилистическая конвергенция и контаминация как средства выражения иронии в политическом тексте.....	90
Минаева Л. В. Демонизация России во властном дискурсе стран Балтии.....	98
Руженцева Н. Б. Лики власти в литературе и публицистике: от портрета Будаев Э. В. градоначальника к портрету современного чиновника	107
Нахимова Е. А.	
Тиллоева С. М. Язык вражды в современных англоязычных СМИ: лингвистический аспект	117

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Барабаш О. В. Фразеология с семантикой игры в политическом медиадискурсе	126
Знак Ю. Э. Вторичная вербальная номинация как лингвистически релевантный признак военных конфликтов нового типа	133
Извольская Д. Р. Концепт «безопасность» (Sicherheit) в языковой картине мира немцев и немецких политиков	145

Кириллова К. И.	Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа).....	154
Кошкарлова Н. Н. Соколова Д. А.	Репрезентация европейского турне Си Цзиньпина в китайских СМИ.....	162
Куликова Э. Г. Осипенко А. В.	Диалогичность телевизионного медиадискурса (на материале политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым»).....	172
Купина Н. А. Пикулева Ю. Б.	Взрыв в мировом информационном пространстве: реакции на телефонный разговор президентов России и США.....	180
Лисенко М. В. Космодемьянская В. И. Малыхина М. В.	Конспирологический дискурс и манипулирование общественным сознанием в контексте пандемии COVID-19	189
Рябова М. Ю. Каруковец Н. С.	Коммуникативные стратегии эвфемизации и дисфемизации дипломатического дискурса	197
Чудинов А. П. Сегал Н. А. Мищенко А. Н.	Метафорическая модель «Политика — это шахматная партия» в медиaprостранстве 2022–2024 гг. (на материале Telegram-каналов).....	205
Шаманская М. А. Шарманова О. С.	Функции стереотипов в немецкоязычном миграционном дискурсе.....	215

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алимджанов А. А.	Невольшебные политкорректные сказки: влияние политического дискурса на жанр.....	223
Ерофеева Е. В. Скопова Л. В. Мкртчян Э. А.	Сопоставительный анализ библеизмов во французском, английском и армянском языках	233
Ефремов Д. Д.	Неморфологические способы образования профессионализмов на примере двух лексико-тематических групп: «Наименования лиц, являющихся военнослужащими», «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими» — американо-русского военного дискурса.....	246
Темникова Н. Ю.	Дискурс власти в жанровых песнях-сценках В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг.	254

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Гуань Шаоян	Исследование характеристики мультимодальных метафор в новостных карикатурах на тему инициативы «Пояс и путь»	261
-------------	--	-----

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Семухина И. А.	Итоги XIII международной научно-практической конференции молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы»	268
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика».....		281

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. MODERN POLITICAL COMMUNICATION

Report on the XV International Scientific Conference “Modern Political Communication”	12
Bekasova E. N. Modulation of the Dialogue with the Power in Russian Petitions.....	16
Bubnova I. A. Gorokhova D. V. The Relationship between the <i>Good</i> and the <i>Evil</i> , or Has the Moral Ideal of Russian Culture Changed?	25
Gridina T. A. Konovalova N. I. The Association Potential of the Prefexoids <i>kvazi-, pseudo-, izhe-</i> in Modern Media Discourse	32
Zaripov R. I. Theoretico-Applied Foundations for the Use of Memes, Demotivators and Other Polycode Texts for the Purposes of Information and Psychological Impact.....	40
Kondrat'eva O. N. Chess Metaphors in Russian Political Media Discourse	48
Pirozhkova I. S. Metaphorical Representation of D. Trump in American Mass Media in Post-inaugural Period.....	54
Sun Tianci Ideas about Patience in Chinese Linguistic Consciousness and Their Reflection in Mass Media	61

PART 2. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Balashova L. V. The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov (2022–2024)	69
Gavrilova M. V. Linguistic Means of Representation of National Identity in Political Text	78
Dekatova K. I. Phraseo-Stylistic Convergence and Contamination as Means of Expressing Irony in Political Text	90
Minaeva L. V. Demonization of Russia in the Official Power Discourse of the Baltic Countries	98
Ruzhentseva N. B. Budaev E. V. Nakhimova E. A. Faces of Power in Literature and Journalism: From the Portrait of a Mayor to the Portrait of a Modern Official	107
Tilloeva S. M. The Language of Hostility in Modern English-Language Media: A Linguistic Aspect.....	117

PART 3. POLITICAL COMMUNICATION

Barabash O. V. Phraseologisms with Game-Based Semantics in Political Media Discourse	126
Znak Yu. E. Secondary Verbal Nomination as a Linguistically Relevant Feature of a New Type of Military Conflicts	133
Izvol'skaya D. R. The Concept of “Sicherheit” (Security) in the Linguistic Worldview of Germans and German Politicians	145

Kirillova K. I.	The Image of an Opponent Country Through the Prism of Artifact Metaphors (Based on Contemporary Russian and American Mass Media).....	154
Koshkarova N. N. Sokolova D. A.	Representation of Xi Jinping's European Tour in Chinese Media	162
Kulikova E. G. Osipenko A. V.	Dialogic Nature of TV Media Discourse (Based on the Material of the Political Talk Show "Evening with Vladimir Solovyov")	172
Kupina N. A. Pikuleva Yu. B.	Explosion in the Global Information Space: Responses to the Telephone Conversation Between the Presidents of Russia and the United States	180
Lisenko M. V. Kosmodem'yanskaya V. I. Malykhina M. V.	Conspiracist Discourse and Manipulation of Public Consciousness in the Context of COVID-19 Pandemic.....	189
Ryabova M. Yu. Karukovets N. S.	Communication Strategies of Euphemization and Dysphemization of Diplomatic Discourse	197
Chudinov A. P. Segal N. A. Mishchenko A. N.	The Metaphorical Model of "Politics Is a Chess Game" in the Media Space of 2022-2024 (Based on the Material of Telegram Channels).....	205
Shamanskaya M. A. Sharmanova O. S.	Functions of Stereotypes in the German Migration Discourse	215

PART 4. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alimdjano A. A.	Non-Fairy Politically Correct Tales: The Influence of Political Discourse on the Genre	223
Erofeeva E. V. Skopova L. V. Mkrtchyan E. A.	A Comparative Analysis of Biblicisms in French, English and Armenian	233
Efremov D. D.	Non-morphological Methods of Formation of Professionalisms on the Example of Two Lexico-Thematic Groups – "Nominations of Military Persons" and "Nominations of Non-military Persons" – in the American-Russian Military Discourse	246
Temnikova N. Yu.	The Discourse of Power in V.S. Vysotsky's Musical Skits of the 1960s and 1970s.....	254

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Guan Shaoyang	A Study of Multimodal Metaphors in News Cartoons on the Topic of the Belt and Road Initiative	261
---------------	---	-----

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Semukhina I. A.	Results of the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scholars "Littera Terra: Problems of Poetics of Russian and Foreign Literature"	268
Manuscripts Requirements.....		281

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность ци-

тат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <https://politlinguistika.ru/>

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы Международной научной конференции

Отчет о проведении XV Международной научной конференции «СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

28–29 марта 2025 года в Уральском государственном педагогическом университете состоялась Пятнадцатая **Международная научная конференция «Современная политическая коммуникация»**. Конференция прошла в смешанном формате: очно и дистанционно (на платформе «Яндекс. телемост»). В текущем году конференция имеет особое значение в связи с ее приуроченностью к 75-летию доктора филологических наук Анатолия Прокопьевича Чудинова — почетного профессора УрГПУ, всемирно известного специалиста в области политической лингвистики, в частности в сфере политической метафорологии.

В конференции приняли участие более 90 исследователей — преподаватели, докторанты, аспиранты, студенты и учащиеся школ Екатеринбурга, Оренбурга, Кемерово, Санкт-Петербурга, Москвы, Челябинска, Сургута, Казани, Луганска, Нижневартовска и Нижнего Тагила. Докладчиками и гостями конференции стали также специалисты из Кыргызстана (Киргизии), Пакистана и Китая.

Цель XV Международной научной конференции «Современная политическая коммуникация» заключалась в обсуждении актуальных вопросов, связанных с политической коммуникацией, межкультурным диалогом, языковой политикой и кросскультурными исследованиями. Конференция направлена на создание платформы для научного обмена мнениями, исследования глобальных вызовов и формирования новых подходов к изучению современной политической коммуникации.

Основное внимание уделялось следующим аспектам:

- 1) диалогу между Европой, Россией и Азией в языковом и межкультурном контексте;
- 2) исследованию социально-политических проектов в России и за рубежом;
- 3) анализу взаимосвязи языка, политики и культуры через кросскультурные исследования;
- 4) роли межкультурной коммуникации и образовательных технологий в изучении языков и культур;
- 5) лингвополитическим исследованиям, включая вопросы языковой политики и использования языка в политике;

- 6) статусу русского языка в условиях мультикультурализма.

С вступительным словом к участникам конференции обратился доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного **Анатолий Прокопьевич Чудинов**.

На пленарном заседании прозвучали доклады профессора кафедры МКРиРКИ ИФМК **Эдуарда Владимировича Будаева** о метафорическом образе России в современных украинских СМИ, профессоров кафедры ОЯиРЯ ИФМК **Татьяны Александровны Гридиной** и **Надежды Ильиничны Коноваловой** об ассоциативном потенциале префиксоидов *квази-*, *псевдо-*, *лже-* в современном медиадискурсе, доктора филологических наук Оренбургского государственного педагогического университета **Елены Николаевны Бекасовой** о модуляциях диалога с властью в русских челобитных. Профессор **Юлия Валерьевна Богоявленская** рассказала о корпусе письменных и устных текстов носителей русского эритажного языка с доминантным французским (КРЭЯФ). Доклад профессора кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета **Ольги Николаевны Кондратьевой** был посвящен шахматной метафорике в российском политическом медиадискурсе. Профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого **Елена Вячеславовна Дзюба** осветила варьирование значения понятия «национальные интересы» в языке, корпусе, дискурсе. Профессором кафедры иностранных языков Гуманитарно-прикладного института, доктором филологических наук Национального исследовательского университета «МЭИ» **Ириной Александровной Бубновой** и доцентом кафедры английского языка в сфере юриспруденции, кандидатом филологических наук, доцентом Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России **Дарьей Вадимовной Гороховой** был представлен доклад на тему «Как связаны добро и зло, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры?».

Работа конференции шла в пяти секциях.

В центре внимания участников заседания **секции I** оказались проблемы современной имагологии. Профессор кафедры МКРПКИ УрГПУ **Наталья Борисовна Руженцева** рассказала о политических портретах в изданиях, ориентированных на разговорную речь; доктора филологических наук **Наталья Николаевна Кошкарлова**, **Ольга Александровна Солопова** и аспирант **Мегахед Махмуд Мааруф Фарахат** кафедры международных отношений, политологии и регионоведения ЮУрГУ осветили теоретико-методологические основы имагологии. Доцент кафедры иностранных языков Московского технического университета связи и информатики **Ибрагим Алиевич Курбанов** и студентка 4 курса направления «Лингвистика» ИГОиС Сургутского государственного университета **Яна Игоревна Истелева** представили сообщение на тему «Метафорическое моделирование образа Павла Дурова в российских и зарубежных СМИ». Кроме того, в рамках секции были представлены доклады, посвященные различным аспектам исследований в области социально-политической коммуникации. Таковыми являются сообщение профессора кафедры МКРПКИ УрГПУ **Елены Анатольевны Нахимовой** и аспиранта кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета **Исрапила Нуцалхановича Гулагаева** о метафоре как инструменте манипуляции общественным сознанием в конспирологических нарративах на английском языке; сопоставительное исследование докторанта Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации **Екатерины Вячеславовны Сурковой** о фразеологии в трудах теоретиков военного искусства (на материале русского и английского языков); доклад доцента кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России **Анастасии Игоревны Золотайко** о способах метафоризации доминирующих мировых валют в политических карикатурах; исследование доцента кафедры иностранных языков УрФУ **Марии Вячеславовны Плотниковой** и профессора кафедры политических наук УрФУ **Анатолия Станиславовича Гагарина** «Понятие „социальный архитектор“ в социально-политической коммуникации (по данным контент-анализа экспертных комментариев)»; доклады доцента кафедры лингвистики и перевода, научного сотрудника Управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета **Ирины Юрьевны Парулиной** о природоморфной метафоре в русскоязычном дискурсе БРИКС;

старшего преподавателя кафедры английской и восточной филологии, кандидата филологических наук Института филологии и социальных коммуникаций Луганского государственного педагогического университета **Игоря Александровича Шашкова** о лингвопрагматических особенностях организации гипертекста в политическом сетевом медиадискурсе; профессора, доктора филологических наук, доцента кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета **Ляйли Агьдасовны Мардиевой** о поликодовости как способе вовлечения в диалог (на материале новостных сообщений Telegram-канала «Профиль-News») и доклад доцента кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Кемеровского государственного университета **Елизаветы Анатольевны Вдовиченко** и доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Кемеровского государственного университета **Вероники Александровны Каменевой** о параметрах оценки сложности политических новостных текстов со структурой «INVERTED PYRAMID» (перевернутая пирамида) для детской аудитории.

Тематика докладов **секции II** объединялась межкультурными вопросами, сопоставительными исследованиями, выявлением особенностей национального восприятия и языковой картины мира. Особенности языковой репрезентации в американском, китайском и российском политическом дискурсе были рассмотрены в докладах доцента УрГЭУ **Ирины Сергеевны Пирожковой**, аспиранта УрФУ **Сунь Тянци**, доцента УрГПУ **Марины Владимировны Никифоровой**, докторанта ШУИЯ (Шанхай, КНР) **Нины Валерьевны Матвеевой**, старшего преподавателя ЮУрГУ (Челябинск) **Анны Анатольевны Ловчиковой**. Особенности элементов традиционной картины мира в русском и английском языке в плане сравнительного изучения были рассмотрены в докладах доцента УрГПУ **Марины Львовны Гусельниковой** и студентов ИФМК УрГПУ **Варвары Алексеевны Усовой**, **Александры Евгеньевны Поздняковой** и **Анастасии Сергеевны Ежовой**. В докладах студенток были представлены материалы исследований с применением ИИ. Проблемам информационно-психологического воздействия, аксиологического аспекта в политическом сознании молодежи, межкультурного этикета и языковой политики были посвящены доклады докторанта Военного университета МО РФ **Руслана Ириковича Зарипова**, доцента

УрГЮУ **Наталии Анатольевны Юшковой**, кандидата педагогических наук, заведующего кафедрой «Русский язык и литература» ОшГПУ Кыргызстана **Таалайбека Кубатовича Торошова** и старшего преподавателя кафедры «Русский язык и литература» ОшГПУ **Рахимы Кадыркуловны Караевой**, студентки 2 курса УрФУ **Анастасии Сергеевны Семеновой**. Выступления участников секции продемонстрировали несомненную актуальность, теоретическую и методическую значимость поднимаемых вопросов, творческое пересечение исследовательских подходов, общность научных интересов и позиций при широкой межрегиональной и международной палитре докладов, что отразилось в активной, заинтересованной научной дискуссии.

На **секции III** обсуждались проблемы методики преподавания межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного в средней школе. Диапазон вопросов, обсуждаемых во время научной дискуссии, отличался многообразием. Все участники дискуссии сошлись во мнении, что решение вопросов методики преподавания русского языка как иностранного в классах с полиэтническим составом является проблемой, требующей разработки новых подходов в контексте непрерывного сотрудничества школы и вуза. Так, в частности, прослушав доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры ОЯиРЯ УрГПУ **Татьяны Владимировны Гоголиной** и доцента, кандидата филологических наук, заведующего кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ **Евгении Николаевны Ивановой** «О формате круглого стола в апробации школьных лингвистических проектов (модель «вуз — школа»)», участники конференции наметили пути преодоления стереотипности в подготовке проектов, ухода от частотных тем, подчеркнули важность вариативности сотрудничества школы и вуза на разных уровнях. О внедрении в преподавание языка новых экспериментальных форм говорили в своем докладе доцент кафедры ОЯиРЯ УрГПУ **Ирина Александровна Ваулина** и кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры ОЯиРЯ УрГПУ **Евгения Сергеевна Краснопёрова**. Докладчиками был представлен проект «фоносемантической лаборатории» в школьном курсе русского языка. Старший преподаватель кафедры МКРиРКИ УрГПУ **Василина Вадимовна Савиновских** в своем выступлении поделилась практическими разработками, направленными на обучение студентов ведению свободной беседы на изучаемом иностранном языке. В ходе обсуждения доклада доцента кафедры МКРиРКИ УрГПУ

Олеси Владимировны Феоктистовой участники рассуждали о сложности формулировки педагогической проблемы в речи учителя. В докладах студентов шла речь о применении лингвотеатральных приемов в обучении РКИ (**Антонова Анастасия Алексеевна**, **Галиханова Элина**, **Лебедева Полина Алексеевна**, **Лузарева Виктория Олеговна**, **Терех Екатерина Алексеевна**), об обучении орфографии в полиэтническом классе (**Чудинова А. А.**), а также об особенностях урока-экскурсии при обучении РКИ (**Зайкова Виктория**). Студенты — участники конференции продемонстрировали высокую заинтересованность и нестандартный взгляд на решение проблем РКИ. В заключение работы секции были обозначены проблемные блоки в реализации преподавания РКИ и намечены пути их решения. **Надежда Васильевна Багичева** (доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора ИПиПД) и **Ирина Борисовна Фан** (доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН) представили доклад на тему «„Товарищ“ и „гражданин“: обращения как маркеры социального неравенства».

В рамках **секции IV** обсуждались вопросы лингводидактики в межкультурной коммуникации. Работа секции началась с динамичного доклада профессора кафедры МК, риторики и РКИ **Наталии Алексеевны Завьяловой**, которая в ходе своего микроисследования описала связь между творчеством А. А. Ахматовой, китайских народных сказителей и современных исполнителей китайских юмористических рассказов в жанре «перекрестного диалога». Важные проблемы и перспективы преподавания русского языка в Кыргызстане (Киргизии) стали предметом доклада экспертов Ошского государственного педагогического университета **Джамилы Джумабавны Мурзалиевой** и **Гулназ Сатимбековны Эргешовой**. Их исследование выявило проблемы языкового барьера и индикаторы профессионализма работы педагогов в поликультурной среде. Доцент кафедры МК, риторики и РКИ **Светлана Александровна Еремина** посвятила свой доклад вторичной языковой личности преподавателя-иностранца П. Серио, который является членом редакционной коллегии журнала «Политическая лингвистика». Ее доклад содержал подробный анализ стилистических приемов, характерных для нарратива П. Серио, экспрессивных средств и базовых концептов его исследовательской деятельности. Студенты группы РКИА-2131 **Анна Викторовна Старикова** и **Татьяна**

Игоревна Клинова представили авторскую разработку интерактивной викторины по русскому языку и литературе для учащихся 7 и 8 классов школ Екатеринбурга. Студентка группы РКИА-2431 **Виолетта Белоцкая** и студенты группы РКИА-2131 **Анастасия Сергеевна Ежова, Варвара Алексеевна Усова** посвятили свои доклады интерактивным методам на уроках РКИ. **Азиза Мирза-абдуллаевна Мирзаназарова**, старший преподаватель Наманганского государственного института иностранных языков им. Исхокхона Ибрата, и ее студенты **Малика Бахтиёр кизи Набижонова** и **Камила Ойбек кизи Хабибуллаева** рассказали о проектной деятельности при обучении русскому языку в узбекской школе. Под руководством Н. А. Завьяловой **Михаил Петрович Зайцев** (ученик класса 9 Г МАОУ «Гимназия № 9»), **Дарья Владимировна Архипова** (ученица класса 9 А МАОУ «Гимназия № 144»), **Роман Александрович Шкилев** (ученик класса 6 Б МАОУ «Гимназия № 144»), **Михаил Дмитриевич Коротин** (ученик класса 6 К МАОУ «Лицей № 110 им. Л. К. Гришиной») представили доклады, посвященные различным аспектам китайской лингвокультуры. **Викторией Эдуардовной Сало** (магистр, преподаватель, Сургутский государственный университет) также был прочитан доклад на тему «Transformations of Metaphorical Images in the Translations».

Главным проблемно-тематическим вектором выступлений в рамках специальной билингвальной **секции V**, организаторами которой являлись также Department of English Linguistics & Allied Studies (NED University of Engineering & Technology, Пакистан, Карачи) и Российский центр науки и культуры в Карачи, были актуальные проблемы политической лингвистики, межкультурной коммуникации, языкового образования. Встреча было открыта докладом **Римы Брохи** (NED) по теме «Does Language of Peace influence Behaviour and Attitude?». Второй исследовательский коллектив NED, в состав которого вошли **Ванья Хан, Набия Имран, Ануша Акбар, Сания Захир**, представил сообщение «Gender Representation and Language Use in Pakistani TV Ads».

Дискуссия была продолжена сообщениями российских исследователей кандида-

та филологических наук **Наилей Чудаковой** (Российский государственный педагогический университет, Россия, Нижний Тагил) и кандидата филологических наук **Ольгой Михневич** (Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург), которые выступили соответственно с докладами «Метафорическое моделирование искусственного интеллекта в дискурсе СМИ» и «Образ президента Турции Р. Эрдогана в метафорическом зеркале российских СМИ: аксиологический аспект». Далее результаты своего исследования «Doublespeak in Western Political Discourse in the Eastern Mediterranean and Persian Gulf» представил российский ученый сирийского происхождения **Атие Басем** (Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург). Также видеоролик с докладом «Дидактические возможности орфографических игр при обучении русскому языку в полиэтническом классе» подготовила студентка УрГПУ Алина Фонова, которая в данный момент проходит языковое обучение в Китае.

Финальные доклады прозвучали от исследователей NED University. **Рамша Абдул Вахаб** и **Уруж Яхья** представили сообщение на тему «Framing of Female Politicians in Digital News». Пример лингвистического анализа с задействованием корпусных технологий в своем докладе «America First: A Corpus-Based Discourse Analysis of Power and Dominance in Donald Trump's 2024–2025 Speeches» продемонстрировали **Ильяс Бандикха** и профессор **Мухаммед Асим Кхан**.

Состоявшаяся встреча — не первый опыт взаимодействия Уральского государственного педагогического университета и NED University. Плодотворный академический диалог дает уверенность в дальнейшем перспективном сотрудничестве.

УрГПУ выражает благодарность руководителю Department of English Linguistics & Allied Studies of NED University и директору Russian Centre for Science and Culture **Турсуну Тажибаевичу Субанову**, кандидату экономических наук, доценту, директору Департамента международных связей и инвестиций Ошского государственного педагогического университета (г. Ош, Кыргызстан), **за организацию значимого события.**

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42(091)
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-03

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, bekasova@mail.ru, SPIN-код: 4178-4503

Модуляции диалога с властью в русских челобитных

АННОТАЦИЯ. В политических традициях Древнерусского государства под родовым названием челобитных объединялись разнообразные документы, касающиеся практически всех сторон жизни частных лиц различной социальной принадлежности, что дает возможность проследить особенности взаимоотношения человека с властью, начиная от вечевых традиций до утверждения самодержавия. Более того, следы старых жалобниц / жалоб (документов, востребованных в начальный период формирования Древнерусского государства и сохраняющих пережитки патриархальных отношений) и челобитий (жанр, вобравший в себя черты жалобы, просьбы и прошения и окончательно утвердившийся в последней четверти XVI века), переживших эволюцию формуляра и откорректированных в связи с развитием языка и общества по форме и содержанию, сохранились в целевом назначении современных заявлений, служебных записок, жалоб (граждан), прошений. Высокая степень креативности мотивирующей и просительной частей дает основание исследователям сближать древнерусские челобитные с художественными произведениями, особенно с позиции оказания эмоционального воздействия челобитчиков на адресата. Исследование речевого взаимодействия просителя с властью показывает, как общественно-политическое устройство отражалось в модификациях структурной модели документа, которые были обусловлены противоположными тенденциями: чем более отдалялась власть от нужд «низового» народа, тем более обезличивалось содержание челобитной и его автор дистанцировался от власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное устройство, диалог с властью, просительные документы, типовая модель челобитья, эволюция параметров документа, челобитные, русский язык, история русского языка, Иван IV, Алексей Михайлович, протопоп Аввакум.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19; email: bekasova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бекасова, Е. Н. Модуляции диалога с властью в русских челобитных / Е. Н. Бекасова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 16-24.

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, bekasova@mail.ru, SPIN code: 4178-4503

Modulation of the Dialogue with the Power in Russian Petitions

ABSTRACT. In the political traditions of the Ancient Russian state, various documents related to almost all aspects of the lives of individuals of various social backgrounds were combined under the generic name of petitions, which makes it possible to trace the peculiarities of a person's relationships with power, ranging from veche traditions to the establishment of autocracy. Moreover, traces of old complaints (documents in demand in the early period of the formation of the Ancient Russian state and preserving remnants of patriarchal relations) and petitions (a genre that absorbed the features of complaints, requests, and petitions and finally established itself in the last quarter of the 16th century), which survived the evolution of the form and were adjusted in connection with the development of language and society in form and content, have been preserved in the purposes of modern statements, memos, complaints (of citizens), and petitions. The high degree of creativity in the motivating and supplicating parts gives researchers a reason to bring ancient Russian petitions closer to works of art, especially from the point of view of the emotional impact of petitioners on the addressee. The study of the petitioner's verbal interaction with the authorities shows how socio-political structure was reflected in the modifications of the structural model of the document, which were caused by opposite trends: the more the government moved away from the needs of common people, the more depersonalized the content of the petition became, and its author was distanced from the power.

KEYWORDS: state system, dialogue with the power, petitions, typical complaint model, evolution of document parameters, complaints, Russian language, history of the Russian language, Ivan IV, Aleksey Mikhaylovich, protopope Avvakum.

AUTHOR'S INFORMATION: Bekasova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Methods of Its Teaching, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.

FOR CITATION: Bekasova E. N. (2025). Modulation of the Dialogue with the Power in Russian Petitions. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 16-24. (In Russ.).

Челобитная — один из немногих документов, прошедших путь от формирования Древнерусского государства до укрепления

Российской империи. Более того, следы старых жалобниц и челобитий, переживших эволюцию формуляра и откорректировав-

© Бекасова Е. Н., 2025

ших в связи с развитием языка и общества свою форму и содержание, сохранились в целевом назначении современных заявлений, служебных записок, жалобах (граждан), прошениях. Такого рода просительные документы, являясь массовым явлением на всех этапах развития власти, пронизывают все слои населения, которые изредка могли менять роли — получать челобитья от нижестоящих и обращаться к вышестоящим.

Стремление разных социальных групп в той или иной степени защитить собственные интересы вовлекали в своеобразный диалог с властью просителя или группу просителей по всем звеньям вертикали власти — как светской, так и духовной, давая возможность практически каждому высказаться по поводу создавшейся жизненной ситуации или сложившимся обстоятельствам. В связи с разнообразием поводов, способов объективизации просьбы, использованием доступного спектра экспрессивно-эмоциональных средств, возможных ресурсов воздействия древнерусские просительные документы в своей нарративной части обладают высокой степенью достоверности, что способствует объективному исследованию на их материале исторической действительности и выявлению реальных отношений социальной соподчиненности и развития диалога с властью и во власти. Такое положение обусловлено тем, что в челобитных содержание, как правило, «излагается свободно, в соответствии с желанием автора (писца)» [Волков 1974: 71], при этом «текст с изложением обстоятельств дела и просьб обычно не был связан традиционными формулами чаяний и требований в формулировках самих челобитчиков» [Раскин 1974: 185], что делает данные документы не только одним из ценных источников изучения русской истории, но и языка. Высокая степень креативности мотивирующей и просительной частей дает основание исследователям сближать древнерусские челобитные с художественными произведениями, особенно с позиции оказания эмоционального воздействия челобитчиков на адресата (обзор литературы см.: [Трахтенберг 2015: 84–85]). Более того, историк Н. Н. Оглоблин, изучавший документы сибирского приказа конца XVI — второй половины XVIII в., утверждал, что челобитные составлялись «населением вполне самостоятельно, свободно и независимо от административных влияний и вождения ... Для изучения народного мирозерцания ... челобитные народа представляют единственный в своем роде материал и более ценный, чем в ке-

лейных произведениях так называемой „литературы“ этого времени... В челобитных слышится несомненный голос народа — более действенный и жизненный, чем в разного рода „сказаниях“, „повестях“ и т. п. ...» [Оглоблин 1900: 87].

С течением времени менялся формульный каркас челобитий, в определенной степени влияя на нарративную часть, трансформируя модуляции диалога просителя к более властному лицу. По мнению историков и лингвистов, челобитие как документ частного-делового характера следовало за развитием государства и его социальной градацией. Считается, что в начальный период формирования Древнерусского государства как пережиток патриархальных отношений были востребованы жалобы / жалобницы, которые в «обращении нижестоящего лица к вышестоящему с просьбой решить поставленный вопрос, подчеркивали „как бы семейный характер взаимоотношений между князем и его подчиненными“» [Русанова 2022: 90], причем «от властного лица ждут не столько действий, сколько ответной жалобной эмоции, сходной с родительским участием» [Садова 2020: 20]. К такого типа документам следует отнести грамоту № 361 (условная дата 1380–1400 гг.), которая на сайте Берестяных грамот определяется как челобитная, но при этом параметризация текста [Горбань 2021: 8] не позволяет однозначно отнести документ к данному жанру, поскольку в начальном протоколе отсутствует типичная формула *челом быют*, но присутствует начальное слово документа — *поклон* и многочисленные обращения к господину: *поклонъ от шижнанъ и от братиловиць господину якову пожди господине по свою верешь дати господине не гнеє а нзынеца ксме господине погнели верешь позабл сѣяти господине не чєго а кєти тако же не чєго вѣи господине промежу собою исправы не учините а мѣ промежу вами погнели*¹ [Берестяные грамоты]. С другой стороны, в тексте представлена именно жалоба, то есть в народном осознании «изъявление обиды <...> в широком диапазоне оттенков чувства и переживаний — от сетования, печали и просьбы о помощи до ропота, упреков и хулы» [Колесов 2014: 252]. Это также подтверждается тем, что в грамоте № 135 (условная дата 1380–1400 гг.) *Целобѣтъє от ижеа къ василью игнатьву с просьбой позаботиться о детях (нонеце осподин пєцалєсь дѣтьмѣ моими), по мнению А. В. Арциховского и В. И. Борковского, «че-*

¹ Текст минимально адаптирован.

лобיתье — еще не просьба, а поклон, в соответствии с прямым этимологическим смыслом» [Арциховский 1958: 75]. Таким образом, уже в конце XIV в. челобитие как имя действия начинает объединять жалобу, просьбу и прошение, а динамика модели просительного документа постепенно складывается в жанр челобитной, которая, по мнению С. С. Волкова, утверждается в последней четверти XVI в. [Волков 1972: 48–54] и, пережив своеобразную стандартизацию в XVII в., сохраняется в некоторых своих чертах и после Петровских реформ.

Такое изменение структуры документа прежде всего было связано с развитием государства и представлениями о его устройстве. С XV в. меняются отношения адресата и адресанта, поскольку государство начинает мыслиться «в виде феодального дома с государем, посаженным править волей свыше. Это уже не близкие „семейные отношения“, но еще „домашние“: еще признается законное право одного человека стоять над другим в границах общего дома» [Садова 2020: 10]. Как справедливо утверждает И. Е. Забелин, «простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития» сменяется принижением масс, однако «одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы» всё еще равняют быт государя, бояр и крестьян [Забелин 1990: 52].

В этих условиях при сохранении казуальной и просительной частей начинает отрабатываться начальный протокол со специфическими требованиями самоуничижительных диминутивов того, кто бьет челом, а затем и «пренебрежительных наименований его родственников и имущества» [Руднев 2023: 25]. Подобные отношения рассматриваются по-разному: или как безусловная покорность челобитчика (С. С. Волков), или как подчиненность власти, которая обязана заботиться о сиротах, богомольцах, нищих, бедных, рабах (работниках), холопах и нести за них ответственность (С. Б. Веселовский, А. Н. Качалин). Думается, что последняя точка зрения соответствует реальным отношениям просителя к вышестоящему лицу, способному выполнить его просьбу. Об этом, в частности, свидетельствуют челобитные неистового протопопа Аввакума, которые не только показывают неисчерпаемые литературные возможности данного документа и его воздействующую силу, но и значимость формулировок в начальном протоколе, например: *Христоробивому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России само-*

дер[жиу] бьет челом богомолец твой, в Даурех мученой прото[поп], Аввакум Петров [Там же: 193]; *благочестивому государю, царю-свету Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу <...> грешник протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю* [Аввакум: 185]; *Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моих умилосердися ко мне! <...> Свет-государь, православной царь! <...> Царь-государь, смилуйся* [Там же: 191].

При традиционном титуловании царя [Чашина 2010] Аввакум во всех своих челобитных подчеркивает его принадлежность к православию, а себя именует в той же духовной плоскости — богомольцем и грешником, например: *царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! <...> помилуй единокровную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския церкви святых сосец ея нелесным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси. Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единого бо мы себе отца имамы вси, иже есть на небесех, по святому Христову Евангелию* [Аввакум: 195]. Однако особое построение казуальной и просительной частей дает основание считать, что Аввакум, обращаясь к Алексею Михайловичу, облакал свои послания в форму челобитных к царю на него самого. Это четко указано в Первой челобитной Аввакума, где им определяется цель челобитных в нераздельности своих жалоб и прошений: *«свое ли смертоносное житие возведу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?»* [Там же: 185]. В челобитных Аввакум прямо обвиняет Алексея Михайловича: *«Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит»* [Там же: 197]. Он также поименно называет тех, кто погубил *«в Руси все государевы люди душою и телом»* [Там же: 189], и приводит перечень их злодейств и ожидаемого наказания вместе с царем, которому, однако, дается возможность самому всё исправить, но *«аще ли же ни, то пустим до Христова суда: там будет и тебе тошно, да тогда не пособишь себе ни мало» «и ты тамо отвечаши будеши всем нам»* [Там же: 197]. «Раб господень», уповающий на Бога и не боящийся ничего, припадает к ногам царя, свету и надежде, но при этом по-

стоянно указывает ему не только на существование высшего суда, но и относительность царской власти: *«Видишь ли, самодержавие? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю»* [Там же: 200].

Надо отметить, что подобное обращение челобитчиков к царю не является исключением. В частности, Д. А. Высоцкий в этом плане отмечает коллективную челобитную 1648 г., в которой авторы «поднимаются до критики самого царя, правда слегка замаскированной. Они напоминают ему, что он „от бога и всего народа был поставлен и избран государем“ и ему „меч злым на казнь, а добрам на милость был вручен, чем всякая неправда была исправлена“» [Высоцкий 1987: 136]. А в челобитной псковских дворян патриарху Никону содержится прямая угроза обратиться к царю, «а буде де государевой милости не будет, одинако де мы ныне пропали, собрався иверских старцев прирубим и монастырь весь разорим» [Там же: 133].

С другой стороны, ряд челобитных предупреждает о серьезных последствиях в случае непринятия властью соответствующих мер, например, в Челобитной владимирских оброчников «Великие росискии державы Московского гсдрства бояром и воеводам» (1613 г.) указывается, что *«нам гсдри беднымъ людишкам жити невозможно многие люди от не...ных податей розно разбрелися а иные бро[дят] по двором»* [Пам. Влад.: 149]; в Челобитной царю Михаилу Федоровичу (1616 г.) земский староста Куземка предупреждает, что из-за выпущенных татей и разбойников г. Шуя от *«их воровског умышления становитца пуста»* [Там же: 153]; шуяне в челобитной царю Алексею Михайловичу показывают, как не приняли их челобитную, и ему *«чиниться простой и недобор»* и под. Невыполнение коллективных челобитных могло закончиться городскими восстаниями. Так, в июне 1648 г. в царствующем граде «нестроениями» и «огненными попалениями» было показано царю Алексею Михайловичу, чем может закончиться игнорирование мнения жителей Москвы: *«Великие люди»* ссорят государя со всею землею, *«вся народное множество Московского государства», «все граде всей... державы от этого станут»* [Черепнин 1978: 282].

Н. В. Маркова приводит примеры, как первоначально не принятые Государем и Патриархом, но неоднократно посылаемые челобитья привели к ограничению торговли с англичанами; а челобитная, призывающая к созыву Земского собора, от земских воевод

и от всяких, которые «все плачутся на государя, что государь де за нас бедных... не вступаетца, выдав свое государство на грабление приказных людей», легла в основу «Соборного уложения» 1649 года, «что свидетельствует о возможности оказывать влияние на политику властей» [Маркова 2019: 12].

Типовая модель челобитной складывается во времена Ивана IV, закрепляется в Соборном уложении 1649 г. и не теряет своей актуальности в XVIII в. Показательно, что жесткий каркас с формулой-обращением, формулой челобитья, сведениями об адресате и конечным протоколом в соединении с тем животрепещущим желанием пожаловаться и поплакаться и особыми для каждого возможностями добиться справедливости для себя, семьи, родных, общины настолько внедрились в сознание древнерусского человека, что используются как материал для формирования особого, во многом креативного текста. Первым этим воспользовался Иван IV, который, отталкиваясь от челобитья игумена Козьмы с братиею, свое ответное «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» мимикрирует под челобитье, скрепленное соответствующими зачином — *«в пречистую обитель... и преподобному игумену Козьме, яже о Христе с братию, царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа Руси челом бьет»* [Послания 2005: 162], *«А мы вамъ, господие мои и отцы, челомъ биемъ до лица земнаго»* [Там же: 192] — и последовательно выдержанным возвеличиванием адресата и уничижением, особенно в начальной части, ее автора — *окаянного, грешного, скверного, недостойного, пса смердящего...* Контрасты именования адресата и адресанта челобитной позволили Ивану IV усилить эффект возвышения богоизбранного царя, «знающего святость и понимающего свою греховность „исполу чернецу“ дать отповедь погрязшим в мирском полумонахам — разорителям православия на Руси [Бекасова 2018]. Коммуникативная стратегия усыпления бдительности монахов, обмана их формульных ожиданий конечного протокола (*помилуй и сжался*) подчинена достижению главной цели — утверждению значимости самодержца, несущего ответственность перед Богом за души своего народа.

В Послании Симеону Бекбулатовичу Иван IV выбирает другую стратегию, неуклонно следуя введенному в оборот обновленному образцу челобитной: указана дата, прописан титул нового государя, которому бьет челом *«Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом»* [По-

слания 2005: 187], сохранена формула «о всем тебе, государю, челом бьем. Государь, смилуйся, пожалуй!» [Там же: 189] с тщательной уничижительной «прошивкой» текста: *людишок, вотчинишок, поместьишок, хлебишко, денженка, рухлядишко, дьячишки, жалованьишко*. Причины появления такого документа и цели Ивана IV до сих пор неясны [Там же: 187], но можно предположить, что в данном случае Иван IV полностью реализовал потенциал языковой игры, механизмы которой и «реализуют стратегию моделирования нестандартного ассоциативного контекста восприятия игры (игровой трансформы) на фоне опознавательного прототипа» [Гридина 2016: 84]. Модель челобитной, проявляющаяся во всей структуре текста, позволяла в форме некоего «перевертыша» использовать терминологию грамот о размежевании земель, полной грамоты (о приеме в холопы) и правил отказа и приема челобитных, а самое главное — проявить отточенное мастерство лицедейства и «остротную игру» (Д. С. Лихачёв), а далее, видимо, рассмотреть и проанализировать реакцию «людишек» на его игрища, облеченные в строгий каркас делового документа.

Лингвокреативный эксперимент к жанру челобитной применил и царь Алексей Михайлович, однако для него притягательность формуляра челобитной заключается прежде всего не в политических целях, а в игровых контрастах адресата и адресанта, в абсолютной свободе казусной части, которая позволяет затронуть любую сторону жизни в ее воздействующей убедительности и несдерживаемой эмоциональности. Это тоже своеобразный «перевертень», но «потешный», обусловленный не государственными интересами и спецификой взаимоотношений низшего и высшего по вертикали власти, а проявление необычайной тяги царя к охоте. В «Челобитной, заручной именем государя и его государевых полчан о звании бояр на Озерецкого медведя» царь не только смиренно просит принять участие в охоте, но и напоминает каждому из 12 бояр об их челобитных: «я всем вам поступался, кто о чем бил челом. И вы помятуйте все скорую милость к себе...» (цитируется по [Шунков 2010: 187]). Однако строгость непринятия отказа смягчается концовкой дружеского послания: «А я, государь царь и великий государь Алексей Михайлович всеа Руси, полчане желаем всем дивного спасения и телесного здравия во веки. Аминь» [Там же].

Надо отметить, что для Алексея Михайловича возможность «поиграть» с текстом, вправленным в челобитную, была, по всей

видимости, обусловлена его практикой дружеских писем, где он не только описывал свои «потешения», но и нередко позволял себе словесные увеселительные потехи типа «А у нас Христос воскрес. А у вась воистинно ли воскрес?» [Шунков 2010: 187] или шуточные жалобы в виде письма-акrostиха на непеченный хлеб [Летопись: 38]. Видимо, не последнюю роль в обыгрывании формуляра и креативных возможностей челобитной сыграло исполнение царских обязанностей — «государь, слушав, указал и приговорил про то сыскать», тем более, судя по И. Е. Забелину, ему приходилось разбирать челобитные из-за частых «побранок на Постельной крыльце», которое находилось между приемными палатами и жилыми теремными покоями государя: бесчинствовали знатные и почтенные особы из родов Голицыных, Долгоруких, Волконских, Опричных и под., там же шумели и бранились приказные и площадные люди. А затем они писали друг на друга челобитные, не боясь статей Уложения, по которым за изветы и «бездельность» следовало серьезное наказание. И. Е. Забелин приводит примеры таких челобитных, которые «позволяют вслушаться в склад живой разговорной старинной речи, раскрывают склад понятий и нравов тогдашнего общества» [Забелин 1990: 408], например: «Бьет челом холоп твой Евсигнейка Неелов на Романа Цымарманова и на сына его Ивана: в нынешнем, государь, во 183-м году марта в 1 день Роман и сын его Иван на твоём государеве Постельном Крыльце у переграды при многих людех безчестил меня холопа твоего; и называли Роман и сын его Иван вором и зершиком [*игроком в кости*] и бунтовщиком <...> Царь государь смилуйся пожалуй!» [Там же: 384]; «Бьют челом холопы твои Федка да Алешка Салтыковы: в нынешнем, 381 государь, во 183-м году октября в 6 день в селе Коломенском безчестил отца нашего боярина Петра Михайловича и нас холопей твоих и весь род наш Никифор Захарьев сын Фустов всякою неподобною лаею. Милосердый государь! пожалуй нас холопей, вели...» [Там же: 380–381]. Челобитные о бесчестии нередко доходили «до нелепых и смешных вещей» [Там же: 352], что стало причиной указа Петра I от 4 мая 1700 г. о запрете подобных исков: власть перестала внедряться в дразни своих подданных. Особо показателен пример реакции императора на челобитные путивльского воеводы Алымова на Григория Бутурлина, который смотрел на него «зверообразно», «тем он меня холопа твоего обесчестил» — «вместо правды бесчестия, Петр, за таковое недельное челобитие, велел доправить на са-

мом челобитчике 10 р. пени» [Забелин 1990: 352].

На фоне царских креативных практик вершиной использования потенциальных возможностей жанра следует признать пародийное челобитье 1677 г. о нарушении «безпечального житья» монахов Калязинского монастыря, в котором введенные структурные параметры документа выдерживались настолько строго, что в так называемом статейном списке XVIII в. в соответствии с законом «О форме суда» Петра I от 5 ноября 1723 г. текст разбивался на пункты.

Именно с Петровской эпохи начинается процесс окончательной стандартизации формуляра челобитной, который становится все более официальным — от полной отстраненности царя-батюшки от подданных (Именной указ 22 декабря 1718 г. о запрете подавать челобитные государю) и передаче бумаг на рассмотрение в различные приказы до законодательного нововведения формы челобитной в Именном указе 1723 г.: «*бьет челом имряк на имряка, а в чем мое прошение, тому следуют пункты, и писать пункт за пунктом*» [ПРП: 636]. Все это так или иначе отразилось на мотивирующей и просительной частях, которые становятся более безличными и холодными, поскольку хоть и писались государю, но по сути рассматривались кем-то назначенным и какими-то неопределенными лицами.

Меняется и самоидентификация челобитчика, который теперь именует себя полным именем с уточнением социального положения не потому, что утвердился в собственном достоинстве, а потому, что понял — на жалость государя рассчитывать не стоит: *Бьет челом отставного квартирмистра Петра Иванова сна Меркулова крестьянин ево Федор Иванов снь Сушили и в чем мое прошение тому следуют пункты* (1741 г.) [ПМ XVIII: 169]; *Бьет челомъ генерала и ордина святаго Александра кавалера лейб-гвардии Преображенского полку подполковника Михаила Афонасьевича Матюшкина жены ево вдовы гсжи генералиши Софьи Дмитриевны служител ее Никифор Зверевъ а о чемъ мое прошение тому следуют пункты* (1747 г.) [Там же: 178] и под. Разночтения особенно показательны в сравнении с теми же московскими челобитными, но XVII в.: *бьет челом раба твоя Ивановская женишка Дмитриевича Протопопова Анютка* (1659 г.) [МДБП: 201]; *бьет челом холоп твои кадашевец Стенка Баженов* (1668 г.) [Там же: 205]; *бьет челом сирота твои гсдревъ москвитин Дмитровские сотни тягл[ец] Фетка Василевъ снь Капля* (1669 г.) [Там же: 79].

Адресат в условиях новой вертикальной коммуникации все более отдаляется, а со временем не только растворяется в структурах власти, но и ею же от нее отсекается. Соответственно отпадает необходимость и в уничижительных формах имени, и приложениях типа *сирота, холоп*, которые еще недавно сокращали дистанцию между жалобщиком и государем, сохраняя некий флер домашнего общения и семейных уз, свойственный временам жалобниц, а вслед за этим уходила надежда на положительное рассмотрение дела и помощь. Именно поэтому в челобитных XVIII в. именованья челобитчика и того, на кого он жалуется, становятся одинаково официозными и эмоционально безличными по сравнению с текстами XVII в., ср.: *холопъ твои подячишка Гаврилко Степановъ бьет челом на Афанасья Дмитриева, посадцкого члвка Константина Черепихина* (1671 г.) [МДБП: 82]; *Сирота твои Якушко Семенов бьет челом на Трофима Офанасева* (1670 г.) [Там же: 81] и др.

Реакцией на стандарт документа, сжимающего интенции жалобщика и просителя до формальных пунктов, адресованных формальному читателю, становится отмена конечного протокола — *црь гсдрь смилуйся пожалуй*. Концовка с надеждой на жалость и милость сменяется констатацией факта: кто подписал или кто записал челобитную, при этом старая формула может изредка вплестись в новый контекст, где государя просят не пожалеть и выполнить прошение, а велеть принять челобитье исполнителю — *пожалуе меня сироту своего вели гсдрь челобите мое и явку записат црь гсдрь смилуется*. Стремительно теряется непосредственность и индивидуальность общения людей, из которых один, «малый», излагает свои жалобы и просьбы, а другой, «великий», обязан их удовлетворить, имея соответствующие права и возможности. Жесткие требования шаблонности из формуляра начинают распространяться на содержание челобитья — только «по сей формуле отправляться» [ПСЗ: 150], постепенно нивелируя многообразие устройства жизни, ее психологическое осмысление, индивидуальное или коллективное изложение в рамках коммуникативных достижений, отсекая реального человека не только от адресата, долженствующего пожалеть и оказать милость, но и от документа, который теперь пишется формально «по пунктам».

В движении к предельной стандартизации, предписываемой «сверху», в том числе и в связи с оптимизацией обработки потока такого рода документов, теряется актуальность и значимость информационной части,

что в соединении с обновлением лексико-фразеологического репертуара полностью разрушает воздействующую составляющую и эмоциональный накал текста, расплавляясь в трафаретности и обезличенности, и в свою очередь обуславливает соответствующую реакцию вышестоящих структур. При этом неизменным остается отзвук традиционной приниженности заявителя, который современной личностью воспринимается как некое нарушение ее прав. В связи с этим вспоминается случай попытки назначить на должность профессора достойного кандидата наук, доцента, чему помешало одно обстоятельство: человек отказался писать заявление: если достоин — назначайте, если нет — просить не буду. В этом плане следует согласиться с мнением Д. В. Руднева и Т. С. Садовой, что «просить власть (*требовать, заявлять, обращаться* и т. д.) имеет смысл только в том случае, если автор говорит с властью на языке, ожидаемом и даже навязываемом ею самой, — об этом со всей ясностью свидетельствует эволюция языка просительных документов, максимально отражающих метасферу (принципы устройства и идеологию) государства» [Руднев 2020: 31]. Однако считаем нужным отметить, что отторжение адресата и адресанта — процесс не только взаимосвязанный, но и практически одновременный с обеих сторон: власть дистанцируется от просителя, который с ощущением разрыва ранее почти домашних связей и некоего «прорезывания» официозного начала перестраивает свое общение с властью, стараясь вписаться в предлагаемую норму за счет потери эмоционально-воздействующих средств и обезличивания перед иллюзорным представителем власти, заменившим всесильного государя. В этом документе уже не до жалоб с максимальным воздействием на власти поддерживающие и не до упований на их действия: главным становится форма, а также опасение, что челобитие будет рассмотрено как «бездельное ябедников». При этом начинает распадаться родовое название ключевых древнерусских документов на явочные, распросные, исковые, изветные, мировые, отсроченные и пр., переходя в другой вид документа — прошение, в котором взаимное отчуждение власти и просителя полностью исключает следы их бывшей, почти «семейной» связи.

ИСТОЧНИКИ

1. Аввакум = Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. И. К. Гудзия. — Москва : ГИХЛ, 1960. — 480 с. — Текст : непосредственный.
2. ДБГ = Древнерусские берестяные грамоты. — URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения: 3.02.2025). — Текст : электронный.

3. Летопись = Летопись занятий Археографической комиссии за 1885–1887 гг. — Вып. 10, отд. II. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1895. — Текст : непосредственный.

4. МДБП = Московская деловая и бытовая письменность XVII века / сост. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. — Москва : Наука, 1968. — 338 с. — Текст : непосредственный.

5. Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. — Москва : Наука, 1984. — 367 с. — Текст : непосредственный.

6. ПМ XVIII = Памятники московской деловой письменности XVIII века. — Москва : Наука, 1981. — 318 с. — Текст : непосредственный.

7. Послания = Послания Ивана Грозного / подг. Текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Андриановой-Перетц. — (Репринтное воспроизведение издания 1951 г.). — Санкт-Петербург : Наука, 2005. — 716 с. — Текст : непосредственный.

8. ПРП = Памятники русского права. Вып. 8 / под ред. К. А. Софроненко. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952–1961. — 667 с. — Текст : непосредственный.

9. ПСЗ = Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. — Т. VII (1723–1725 гг.). — Санкт-Петербург : Типография Его Императорского Величества, 1830. — 925 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.) / А. В. Арциховский, В. И. Боровский. — Москва : АН СССР, 1958. — 159 с. — Текст : непосредственный.
2. Бекасова, Е. Н. Креативный челобитчик / Е. Н. Бекасова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник / Урал. гос. пед. ун-т. — Вып. 2 : Материалы Междунар. конф. «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы нового научного направления» (27–28 апреля 2018 г.) / гл. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург : [б.и.], 2018. — 562 с. — С. 36–45. — (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»; Вып. 2 (27)).
3. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства : моногр. / С. С. Волков. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. — 164 с. — Текст : непосредственный.
4. Волков, С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная / С. С. Волков. — Текст : непосредственный // Русская историческая лексикология и лексикография. — Ленинград : ЛГУ, 1972. — С. 46–61.
5. Высоцкий, Д. А. Коллективные дворянские челобитные XVII в. как исторический источник / Д. А. Высоцкий. — Текст : непосредственный // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. — Ленинград : Наука, 1987. — Т. XIX. — С. 125–138.
6. Горбань, О. А. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 4. — С. 5–18. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>.
7. Гридина, Т. А. Словесные эксперименты Игоря Северянина: игра в поле языковых возможностей / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2016. — № 2. — С. 83–95. — EDN WHDSIL.
8. Забелин, И. Е. Государев двор, или дворец / И. Е. Забелин. — Москва : Книга, 1990. — 416 с. — (Историко-литературный архив). — Текст : непосредственный.
9. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности. В 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — Т. I. — 592 с. — Текст : непосредственный.
10. Маркова, Н. В. Коллективные челобитные посадского населения как источник информации об интересах горожан русского города XVII века / Н. В. Маркова. — Текст : непосредственный // Вестник МГПУ «Исторические науки». — 2019. — № 4 (36). — С. 8–16. — <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.36.4.01>

11. Оглоблин, Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным / Н. Н. Оглоблин. — Москва : [б. и.], 1900. — (Из «Чтений в Обществе истории и древностей рос. при Моск. ун-те»). — Текст : непосредственный.

12. Раскин, Д. И. Мирские челобитные монастырских крестьян первой половины XVIII в. / Д. И. Раскин. — Текст : непосредственный // Вспомогательные исторические дисциплины. — Ленинград : Наука, 1974. — Т. VI. — С. 175–185.

13. Руднев, Д. В. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи / Д. В. Руднев, Т. С. Садова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22, № 4. — С. 21–36. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>.

14. Русанова, С. В. От челобитной к жалобнице: факты, вопросы, гипотезы / С. В. Русанова. — Текст : непосредственный // Славянская историческая лексикология и лексикография. — 2022. — Вып. 5. — С. 86–100. — DOI 10.30842/26583755202206.

15. Садова, Т. С. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект / Т. С. Садова, Д. В. Руднев. — Текст : непосредственный // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2020. — Т. 42. — № 5. — С. 8–14. — DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493.

16. Трахтенберг, Л. А. Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков в контексте теории смеховой культуры : учеб. пособие по спецкурсу / Л. А. Трахтенберг. — Москва : МАКС Пресс, 2015. — 112 с. — Текст : непосредственный.

17. Чащина, Е. А. Лексический состав титулатуры в памятниках деловой письменности московской Руси XV–XVII веков / Е. А. Чащина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2010. — № 22 (203). — Вып. 46. — С. 140–143.

18. Черепнин, Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. / Л. В. Черепнин. — Москва : Наука, 1978. — 420 с. — Текст : непосредственный.

19. Шунков, А. В. Авторское слово в русской эпистолографии 2-й половины XVII века (на материале материалов семейной переписки царя Алексея Михайловича) / А. В. Шунков. — Текст : непосредственный // Acta Neophilologica. — 2010. — Т. XII. — С. 181–191.

MATERIALS

1. Avvakum (1960). *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum, written by himself, and his other works] (Ed. I. K. Gudziy). Moscow: GIKhL, 480 p. (In Russ.)

2. DBG = *Drevnerusskie berestyanye gramoty* (n.d.). [Old Russian birch bark letters]. Retrieved Feb. 3, 2025, from <http://gramoty.ru/birchbark/> (In Russ.)

3. Archaeographic Commission (1895). *Letopis' = Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii za 1885–1887 gg.* [Chronicle = Chronicle of the studies of the Archaeographic Commission for 1885–1887] (Iss. 10, sev. II). Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. (In Russ.)

4. Kotkov, S.I., Oreshnikov, A.S., & Filippova, I.S. (Comp.) (1968). *MDBP = Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka* [MDBP = Moscow business and everyday writing of the 17th century]. Moscow: Nauka, 338 p. (In Russ.)

5. Kotkov, S.I. (Ed.) (1984). *Pam. Vlad. — Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVII veka. Vladimirskiy kray* [Pam. Vlad. — Monuments of business writing of the 17th century. Vladimir region]. Moscow: Nauka, 367 p. (In Russ.)

6. PM XVIII (1981). *Pamyatniki moskovskoy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Monuments of Moscow business writing of the 18th century]. Moscow: Nauka, 318 p. (In Russ.)

7. Likhachev, D.S., & Lur'e, Ya.S. (Comp.) (2005). *Poslaniya = Poslaniya Ivana Groznogo* [Epistles = Messages of Ivan the Terrible] (Ed. V.P. Andrianova-Peretts, Reprint reproduction of the 1951 edition). St Petersburg: Nauka, 716 p. (In Russ.)

8. Sofronenko, K.A. (Ed.) (1952–1961). *PRP = Pamyatniki russkogo prava* [PRP = Monuments of Russian Law] (Iss. 8). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 667 p. (In Russ.)

9. PSZ (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [PSZ = Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. (Vol. VII, 1723–1725). St. Petersburg: Tipografiya Ego Imperatorskogo Velichestva, 925 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Artsikhovskiy, A.V., & Borkovskiy, V.I. (1958). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.)* [Novgorod letters on birch bark (from the excavations of 1953–1954)]. Moscow: AN SSSR, 159 p. (In Russ.)

2. Bekasova, E.N. (2018). Kreativnyy chelobitnik [Creative petitioner]. In T.A. Gridina (Ed.), *Ural'skiy filologicheskii vestnik* (Issue. 2: Proceedings of the International Conference “Linguistics of creativity: trends and prospects of a new scientific direction”, April 27–28, 2018, pp. 36–45; Series “Language. System. Personality: Linguistics of creativity”, Iss. 2(27)). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 562 p. (In Russ.)

3. Volkov, S.S. (1974). *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [Vocabulary of Russian petitions of the 17th century: form, traditional etiquette and stylistic means] [Monograph]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 164 p. (In Russ.)

4. Volkov, S.S. (1972). Iz istorii russkoy leksiki. II. Chelobitnaya [From the history of Russian vocabulary. II. Petition]. In *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* (pp. 46–61). Leningrad: LGU. (In Russ.)

5. Vysotskiy, D.A. (1987). Kollektivnye dvoryanskije chelobitnye XVII v. kak istoricheskiy istochnik [Collective noble petitions of the 17th century as a historical source]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* (Collection, Vol. XIX, pp. 125–138). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

6. Gorban', O.A., Kosova, M.V., & Sheptukhina, E.M. (2021). Strukturnaya razmetka delovykh dokumentov v diakhronicheskom lingvisticheskom korpusе: problemy i resheniya [Structural markup of business documents in a diachronic linguistic corpus: problems and solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 20(4), 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1> (In Russ.)

7. Gridina, T.A. (2016). Slovesnye eksperimenty Igorya Severyanina: igra v pole yazykovykh vozmozhnostey [Verbal experiments of Igor Severyanin: a game in the field of linguistic possibilities]. In *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Ser.: “Language. System. Personality: Linguistics of Creativity”*, Iss. 2, pp. 83–95. (In Russ.)

8. Zabelin, I.E. (1990). *Gosudarev dvor, ili dvorets* [The Sovereign's Court, or Palace] (Ser. “Istoriko-literaturnyy arkhiv”). Moscow: Kniga, 416 p. (In Russ.)

9. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., & Kharitonov, A.A. (2014). *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian mentality] (Vol. 1). St. Petersburg: Zlatoust, 592 p. (In Russ.)

10. Markova, N.V. (2019). Kollektivnye chelobitnye posadskogo naseleniya kak istochnik informatsii ob interesakh gorozhan russkogo goroda XVII veka [Collective petitions of the tradesmen's population as a source of information about the interests of the townspeople of the Russian city of the 17th century]. *Vestnik MGPU «Istoricheskije nauki»*, 4(36), 8–16. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.36.4.01> (In Russ.)

11. Oглоблин, Н.Н. (1900). *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of the columns and books of the Siberian order (1592–1768)] (Part 3. Documents on relations between local government and the central one; Ser. “Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University”). Moscow. (In Russ.)

12. Raskin, D.I. (1974). Mirskie chelobitnye monastyrskikh krest'yan pervoy poloviny XVIII v. [Worldly petitions of monastery peasants of the first half of the 18th century]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* (Vol. VI, pp. 175–185). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

13. Rudnev, D.V., & Sadova, T.S. (2023). Metafora gosudarstva i sposoby ee vyrazheniya v russkoy delovoy rechi [Metaphor of the state and ways of its expression in Russian business speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 22(4), 21–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2> (In Russ.)

14. Rusanova, C.V. (2022). Ot chelobitnoy k zhalobnitse: fakty, voprosy, gipotezy [From petition to complainant: facts, questions, hypotheses]. *Slavyanskaya istoricheskaya leksiko-*

logiya i leksikografiya, 5, 86–100. DOI 10.30842/265837552 02206 (In Russ.)

15. Sadova, T.S., & Rudnev D.V. (2020). Iz istorii russkikh prositel'nykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt [From the history of Russian petition genres: linguistic aspect]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 42(5), 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493 (In Russ.)

16. Trakhtenberg, L.A. (2015). *Russkaya rukopisnaya parodiya XVII–XVIII vekov v kontekste teorii smekhovoy kul'tury* [Russian handwritten parody of the 17th–18th centuries in the context of the theory of the culture of laughter] [Teaching manual]. Moscow: MAK Press, 112 p. (In Russ.)

17. Chashchina, E.A. (2010). Leksicheskiy sostav titulatury v pamyatnikakh delovoy pis'mennosti moskovskoy Rusi XV–XVII vekov [Lexical composition of titulature in monuments of

business writing of Muscovite Rus' of the 15th–17th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 22(203, Iss. 46), 140–143. (In Russ.)

18. Cherepnin, L.V. (1978). *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th–17th Centuries]. Moscow: Nauka, 420 p. (In Russ.)

19. Shunkov, A.V. (2010). Avtorskoe slovo v russkoy epistolografii 2-y poloviny XVII veka (na materiale materialov semeynoy perepiski tsarya Aleksey Mikhaylovicha) [Author's Word in Russian Epistolography of the Second Half of the 17th Century (Based on the Materials of the Family Correspondence of Tsar Alexei Mikhailovich)]. *Acta Neophilologica*, XII, 181–191. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'23+81'27
ББК Ш100.63

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ирина Александровна Бубнова^{1✉}, Дарья Вадимовна Горохова^{2✉}

¹ Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, aribubnova@gmail.com[✉], SPIN-код: 8509-4941

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, d.gorohova@odin.mgimo.ru[✉], SPIN-код: 2121-2458

Как связаны *добро* и *зло*, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры?

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление предпочитаемой оценки соединения *добра* и *зла* молодыми людьми, выросшими и прошедшими социализацию в современной России. Важность этого показателя заключается в том, что он, согласно модели, разработанной В. Лефевром, является индикатором предпочитаемого человеком типа поведения в конфликтной ситуации и определяет фундаментальное отличие — стремление к компромиссу либо ориентацию на конфронтацию — между западной и русской культурами. Актуальность проведенного исследования определяется выявлением сдвига в оценке респондентами возможности соединения положительного и негативного полюсов проблемы. Сравнение полученных результатов с данными эксперимента В. Лефевра, проведенного им в конце XX века, показало следующее: 1) отношение к объединению либо разъединению *добра* и *зла* в сознании современных молодых людей динамично меняется, объединение этих сущностей, как правило, допускается в тех случаях, которые касаются *друга* и не связаны с нарушением закона; 2) современные молодые люди демонстрируют стремление искать компромиссные решения, но не идти на конфликт; 3) несмотря на то, что полученные результаты демонстрируют постепенное размывание нравственного идеала, закреплённого в русской культуре, наблюдаемая жесткая поляризация мнений по фундаментальным для культуры вопросам, связанным со спасением невиновных и уничтожением людей без попыток вступить с ними в контакт, может свидетельствовать о расколе, существующем в российском обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: добро, зло, нравственность, нравственный идеал, русская культура, молодежь, экспериментальные исследования, компромисс, конфликтные ситуации, российское общество.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Гуманитарно-прикладного института, Национальный исследовательский университет «МЭИ»; 111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1; aribubnova@gmail.com.

Горохова Дарья Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в сфере юриспруденции, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 143007, Россия, Московская область, Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3; email: d.gorohova@odin.mgimo.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бубнова, И. А. Как связаны *добро* и *зло*, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры? / И. А. Бубнова, Д. В. Горохова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 25-31.

Irina A. Bubnova^{1✉}, Dar'ya V. Gorokhova^{2✉}

¹ National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia, aribubnova@gmail.com[✉], SPIN code: 8509-4941

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch) in Odintsovo, Russia, d.gorohova@odin.mgimo.ru[✉], SPIN code: 2121-2458

The Relationship between the Good and the Evil, or Has the Moral Ideal of Russian Culture Changed?

ABSTRACT. The article deals with the results of a pilot study aimed at identifying the preferred evaluation of the relationship between the good and the evil by young people who grew up and were socialized in modern Russia. The importance of this indicator lies in the fact that, according to the model developed by V. Lefebvre, it is a bellwether for a person's preferred type of behavior in a conflict situation and determines the fundamental difference – the desire for compromise or call for confrontation – between Western and Russian cultures. The relevance of this research is determined by the identification of a shift in the respondents' evaluation of the possibility of combining the positive and negative poles of the problem. The comparison of the results obtained with the data of Lefebvre's experiment conducted by him at the end of the twentieth century showed the following: 1) the attitude towards the unification or separation of the good and the evil in the minds of modern young people is dynamically changing; the unification of these entities is usually possible in relation to a friend and has nothing to do with breaking the law; 2) modern young people demonstrate a desire to seek compromise solutions and avoid conflict; 3) despite the fact that the results obtained demonstrate a gradual erosion of the moral ideal enshrined in Russian culture, the observed serious polarization of opinions on issues fundamental to culture related to the rescue of innocent people and the destruction of people without attempting to establish contact with them may serve as evidence of a split existing in Russian society.

KEYWORDS: *the good, the evil, morality, moral ideal, Russian culture, young people, experimental studies, compromise, conflict situations, Russian society.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bubnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Humanitarian and Applied Institute, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia.*

Gorokhova Dar'ya Vadimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Legal English, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow Region, Russia.

FOR CITATION: *Bubnova I. A., Gorokhova D. V. (2025). The Relationship between the Good and the Evil, or Has the Moral Ideal of Russian Culture Changed? In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 25-31. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Понятия *добра* и *зла* не просто существуют в любой культуре, но и, с точки зрения философии, морали и религии, считаются основополагающими и взаимоопределяющими этическими категориями, являющимися некой обобщенной и всеохватывающей смысловой установкой, регулятором жизни человека, воздействующим на организацию социума, взаимоотношения между его членами, определяющим правила поведения и общения между людьми.

Как само наличие данных идей, так и способ их передачи в процессе воспитания в коллективе, а также их концептуализация и вербализация в виде определенных моделей поведения, обеспечивающих удовлетворение базовых и вторичных потребностей, позволяет определять данную оппозицию как культурную универсалию, содержание которой обусловлено определенными нравственными нормами [Степин 2001].

Однако существующий в том или ином культурном сообществе идеал нравственного совершенства и, соответственно, восприятие некой ситуации как ситуации *добра* либо *зла* определяются не только культурой, которая, что необходимо подчеркнуть, и сама не является чем-то застывшим и неизменным: под внешним воздействием она способна адаптироваться к социальной среде других народов, заимствуя их ценности и приспосабливаясь к новым психологическим потребностям человека [Мёрдок 1997]. Помимо культуры, этот идеал зависит и от этических систем, представляющих собой, по мнению В. А. Лефевра, уровень некоего «вакуума», который «глубже, чем то, что можно усвоить из культуры» [Лефевр 2003б: 448], однако именно на нем «все главное и происходит, но не принимается во внимание» [там же: 446].

Еще в последней трети XX века, моделируя процессы принятия решений в конфликтных ситуациях и, соответственно, специфику осознания конфликта в мышлении человека, В. А. Лефевр пришел к выводу, что существует два типа поведения, в основе которых лежит оценка соединения либо

разъединения негативного и позитивного полюсов стоящей перед личностью проблемы: при отрицательной оценке соединения *добра* и *зла* на уровне отношений человек предпочитает объединяться с другими людьми, и, напротив, положительная установка на соединение двух полюсов коррелирует с отношением разъединения с оппонентом [Лефевр 2003а; Лефевр, Смолян 1968]. Собственно, эти различия в оценке, выявленные в ходе экспериментов, и обуславливают, как пишет автор модели, фундаментальные отличия между западным и советским человеком, и, шире, западной и русской культурами, проявляющиеся в стереотипах поведения их носителей, прежде всего их поведении в случае конфликта, когда американец стремится к поиску компромисса, а индивид, выросший в СССР, настроен агрессивно и идет на конфронтацию.

Выводы о несхождении двух этических систем по ключевому для мирного сосуществования и сотрудничества признаку, сделанные несколько десятилетий назад, не только не потеряли актуальности, но, как представляется, приобрели в настоящий момент еще большую значимость, так как от поведения участников многочисленных современных конфликтов, от выбираемых ими стратегий решения зависит дальнейшая траектория развития человечества, будущее и судьба не только сегодняшнего, но и последующих поколений. Это обстоятельство и послужило одним из основных мотивов для проведения нашего экспериментального исследования.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ/РАЗЪЕДИНЕНИЯ ДОБРА И ЗЛА

Целью проведенного исследования являлось: 1) выявление предпочитаемой оценки соединения *добра* и *зла* современными молодыми людьми, выросшими и прошедшими социализацию в современной России; 2) определение сдвигов в оценке конфликтной ситуации и, соответственно, предварительная диагностика современного состояния нравственного идеала русской культуры.

Таблица 1

Оценка соединения добра и зла современной молодежью России

Вопрос	Кол-во «Да»	Кол-во «Нет»
Должен ли врач скрыть от больного диагноз «рак», чтобы тот меньше страдал?	4	59
Следует ли наказывать преступников строже, чем предусматривает закон, чтобы другим неповадно было?	11	52
Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невиновного?	29	34
Следует ли подсказывать другу на экзамене?	52	11
Должен ли достойный человек в ситуации конфликта с наглецом стремиться к компромиссу?	47	16
Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру...	32	31

Респондентами в исследовании выступили студенты вуза, общее количество — 63 человека, средний возраст участников — 20 лет.

Вопросы, которые предлагались участникам эксперимента, были идентичны вопросам, предложенным своим респондентам В. А. Лефевром:

Должен ли врач скрыть от больного диагноз «рак», чтобы тот меньше страдал?

Следует ли наказывать преступников строже, чем предусматривает закон, чтобы другим неповадно было?

Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невиновного?

Следует ли подсказывать другу на экзамене?

Должен ли достойный человек в ситуации конфликта с наглецом стремиться к компромиссу?

Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру. Другая возможность — сначала предложить террористам сдаться. Руководитель группы освобождения принял решение не вступать с террористами ни в какие переговоры — правильно ли он поступил?

Результаты эксперимента представлены в таблице 1.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Очевидно, что полученные данные значительно отличаются от результатов эксперимента В. А. Лефевра, в ходе которого подавляющее большинство респондентов, представленных эмигрантами, выехавшими из СССР, ответили на все предложенные вопросы положительно, а все участники-американцы дали отрицательные ответы.

В нашем случае оценки ситуаций, где возможно соединение либо разъединение добра и зла, варьируются от практически

полного неприятия такого объединения до достаточно согласованного мнения о необходимости выбора положительного варианта, что требует детального обсуждения каждого заданного вопроса.

Из данных, представленных в таблице 1, следует, что в трех ситуациях мнение, высказанное нашими респондентами, не совпадает с позицией эмигрантов из СССР, принимавших участие в эксперименте В. А. Лефевра, но тождественно выбору американцев. Иначе говоря, фиксируемое в настоящий момент в ответах отрицание необходимости сокрытия болезненной и причиняющей страдания информации от пациента, рост стремления к компромиссу в ситуации конфликта, а также отказ от ужесточения предусмотренного законом наказания свидетельствуют о существенном сдвиге в оценке соединения добра и зла в сознании российской молодежи. Более того, данный сдвиг вполне предсказуем, а его появление достаточно закономерно в новых экономических и социальных реалиях, где поведение человека регулируется заимствованными социальными нормами, которые активно внедряются в общественное сознание на протяжении нескольких десятилетий.

Так, взаимоотношения между врачом и пациентом сегодня регламентируются прежде всего законом [Федеральный закон 2011], не просто обязывающим сообщать всю информацию о состоянии человека, но и предусматривающим ответственность врача за ее сокрытие. Помимо этого, потребность в знании истинного положения вещей для среднестатистического жителя современной России мотивирована и необходимостью приведения в надлежащий порядок значительного числа документов, которые регулируют права собственности и наследования, что не являлось фактором, значимым для жизни советского гражданина. Следует отметить и тот факт, что в современном социуме, наряду с существующими юридиче-

скими требованиями и нормами, в самых разных типах дискурса с помощью лидеров мнений постоянно поддерживаются оживленные дискуссии о праве человека распоряжаться своей жизнью самостоятельно, об особой ценности «роли умирающего» (см., например, полемику о книге [Gawande 2014]) и многих других сторонах действительности, которые десакрализируют момент ухода человека из жизни, разрушая незаметно представления и мировоззренческие установки, закрепленные в культуре. В результате прагматическая точка зрения на болезнь, смерть и все последующие за ней процедуры, преобладающая в современном обществе, сегодня оказывается приоритетной, а желание оградить человека от страданий отходит на второй план, и это, в свою очередь, не может не влиять на выбор поведенческого образца в данной конкретной ситуации, которая уже не воспринимается сознанием как конфликтная.

Отражаемое в эксперименте стремление к поиску компромиссных решений, как представляется, есть следствие социального влияния в не меньшей мере, чем выбираемый врачом и одобряемый современным обществом сценарий действий при столкновении со страхом и болью, испытываемой другим человеком. Различие состоит лишь в том, что в основе готовности к уступкам и соглашениям лежит не стремление избежать неприятных эмоций и нежелательных последствий в будущем, а уже сформированный в сознании нескольких поколений образец толерантного поведения как тот стандарт, которому обязан следовать индивид.

Интересно попутно отметить, что в публичном пространстве в разговорах о толерантности почти не упоминается тот факт, что данный термин, введенный английским иммунологом П. Медавара, обозначает отсутствие ответа иммунной системы на чужеродный антиген, т. е. процесс, ведущий к

гибели организма, а следовательно, толерантность в социальном смысле, представляя собой искусственно навязанную терпимость к любым идеям и мировоззренческим позициям, является, с одной стороны, средством разрушения закреплённой в собственной культуре системы нравственных ценностей, с другой — маркером отсутствия способности в любой ситуации критически оценивать реальность, нежелания проявлять волевое усилие и неготовности отстаивать свое мнение. По крайней мере, полученные результаты дают возможность предположить, что один из важных элементов этической системы русской культуры, ориентированной на самостоятельное выстраивание и защиту собственной позиции в ситуации конфликта, уже претерпел значительные изменения.

Причина несогласия с усилением строгости наказания также весьма очевидна. Такое мнение может объясняться знаниями наших респондентов об истории страны, прежде всего полученными в процессе школьного образования [Бубнова 2019; Горохова 2019]. Еще более важным источником информации является интернет [Бубнова 2020, 2021 и др.], различные социальные сети, а также современное кино, которые формируют весьма специфическое представление как о далеком, так и о недавнем прошлом и месте России в мире.

Особо интересны, на наш взгляд, ответы на вопросы о подсказке другу на экзамене и лжесвидетельстве ради спасения невинного (диаграммы на рис. 1 и 2), предполагающие непосредственную личную вовлеченность и возможность в большей или меньшей степени, но повлиять на судьбу другого человека, либо близкого, либо страдающего безо всяких оснований, причем принятое тобой решение может оказаться критическим.

Следует ли подсказывать другу на экзамене?
63 ответа

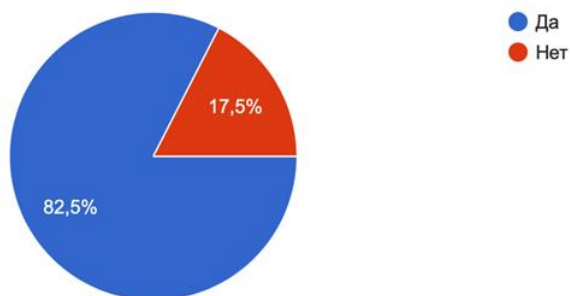

Рис. 1

Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невинного?

63 ответа

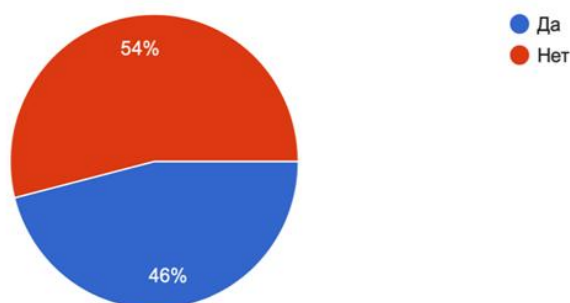

Рис. 2

Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру. Другая возможность... переговоры – правильно ли он поступил?

63 ответа

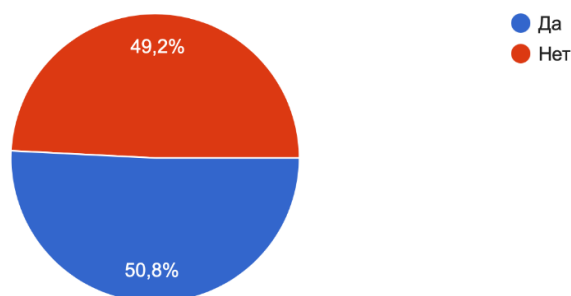

Рис. 3

Следует подчеркнуть, что в русской культуре понятие *друга* всегда занимало особое место, и еще на рубеже XX–XXI веков оно входило в ядро русского языкового сознания [САС 2004; Уфимцева 1999; Шапошникова 2022; Гридина, Коновалова 2020 и др.], что являлось одной из его отличительных черт по сравнению с ядром лексикона, выделенного А. А. Залевской [Залевская 1981] по материалам Ассоциативного тезауруса английского языка [Kiss and all 1972], в котором данное слово занимало 73 место из 75. Как отмечает А. А. Уфимцева, важнейшими характеристиками слова «друг» являются такие, как *бесценный*, *близкий*, *родной*, *любимый* и т. д., друг — это *моя защита* (1), *помощь* (1), *счастье* (1), *тепло* (1), *не оставит в беде* (1) [Уфимцева 1999]. Поэтому вполне объяснимо, что для бывших советских граждан помощь другу оказывалась совершенно естественным явлением. Сегодня почти 20 % респондентов не считают такое поведение правильным, что косвенно еще раз подтверждает выводы о том, что ценность *дружбы* и *друга* в современном российском обществе снижается, уступая место *здоровью*, *деньгам*, *радости*, *спокойствию*,

тишине, *семье*, т. е. тем вещам, которые обеспечивают личный комфорт.

Не менее показательны реакции на вообразимую ситуацию в суде, в которой для более половины участников соблюдение закона оказывается важнее, чем жизнь невинного человека. И несколько удивительным на этом фоне кажется ответ, поддерживающий решение об уничтожении террористов без вступления с ними в переговоры, который дали 50,8 % испытуемых (отказались спасти невинного 54 %; см. диаграмму на рис. 3). Тем не менее в целом из этих ответов становится очевидным, что ценность жизни другого для современных молодых людей, по крайней мере значительной их части, не слишком велика, что отчасти может объясняться содержанием культурно-идеологических и социально-исторических процессов, на фоне которых происходило их формирование как личностей (о влиянии политических событий на ценности см., например: [Хлопова 2019]).

ВЫВОДЫ

В целом полученные в эксперименте данные позволяют сделать несколько выводов.

1. Отношение к объединению либо разъединению *добра* и *зла* в сознании современных молодых людей динамично меняется: объединение данных сущностей прежде всего допускается в тех случаях, которые касаются близких людей и не связаны с нарушением закона (помощь на экзамене). Если закон должен быть нарушен, то, несмотря на критическое положение человека, оказавшегося в тяжелых обстоятельствах, каждый второй свидетель ситуации откажет ему в помощи.

2. В настоящий момент развития российского общества его молодые представители, как правило, демонстрируют стремление искать компромиссные решения, но не идти на конфликт. Иначе говоря, в обществе уже практически сформирован стандарт толерантного поведения, который является желательным (либо необходимым в силу каких-то обстоятельств) образцом для значительной части его членов. В данном случае вполне можно допустить, что на формирование подобного стандарта поведения существенное влияние оказала и виртуальная реальность, погружение в которую, как писал в конце XX в. В. А. Лефевр, «может радикально изменить тип морального сознания детей» [Лефевр 2003б: 453].

3. Регулятором поведения человека в ситуации выбора прежде всего является прагматическая оценка всех обстоятельств и стремление к собственному комфорту и безопасности, в том числе стремление оградить себя от нежелательных последствий принятых решений либо санкций со стороны государственных органов. Чувства и даже жизни других людей часто рассматриваются в критических ситуациях как «фон» по отношению к своей «фигуре».

4. Данные, полученные в ходе эксперимента, свидетельствуют о том, что нравственный идеал, закрепленный в русской культуре, для части людей теряет отчетливость и уже не всегда может служить ориентиром для принятия решений в конфликтной ситуации.

5. Поляризация мнений, наблюдаемая в ответах на вопросы, касающиеся спасения невиновных и уничтожения людей без попыток вступить с ними в контакт, может свидетельствовать и о расколе современного общества, о существовании двух диаметрально противоположных нравственных идеалов, один из которых связан с традиционными ценностями русской культуры, а другой сложился на основе заимствованных культурных норм.

ИСТОЧНИКИ

1. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н. В. Уфимцева [и др.]. — Москва : Моск. гос.

лингвист. ун-т [и др.], 2004. — 790 с. — Текст : непосредственный.

2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» : от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция). — URL: <https://base.garant.ru/12191967/> (дата обращения: 17.03.2025). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бубнова, И. А. Прецедентное имя: символ славного прошлого и расколотого настоящего / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Этнопсихоллингвистика. — 2019. — № 2. — С. 102–114.
- Бубнова, И. А. Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 2. — С. 269–278. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278.
- Бубнова, И. А. Песня как зеркало государственной морали и инструмент конструирования мировоззрения личности / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Вопросы психоллингвистики. — 2020. — № 3 (45). — С. 28–40. — DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-28-40.
- Горохова, Д. В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры : дис. ... канд. филол. наук / Горохова Д. В. — Москва, 2019. — 234 с. — Текст : непосредственный.
- Гридина, Т. А. Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 27–47. — DOI 10.26170/pla20-01-04.
- Залевская, А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека / А. А. Залевская. — Текст : непосредственный // Психоллингвистические исследования в области лексики и фонетики. — Калинин : [б. и.], 1981. — С. 28–44.
- Лефевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. — Москва : Когито-Центр, 2003а. — 426 с. — Текст : непосредственный.
- Лефевр, В. А. Рефлексия / В. А. Лефевр. — Москва : Когито-Центр, 2003б. — 496 с. — Текст : непосредственный.
- Лефевр, В. А. Алгебра конфликта / В. А. Лефевр, Г. Л. Смолен. — Москва : Знание, 1968. — 64 с. — Текст : непосредственный.
- Мёрдок, Д. П. Фундаментальные характеристики культуры / Д. П. Мёрдок. — Текст : непосредственный // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. — С. 49–57.
- Степин, В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры / В. С. Степин. — Текст : непосредственный // Универсалии восточных культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. — Москва : Восточная литература, РАН, 2001. — С. 14–41.
- Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева. — Текст : непосредственный // Этнокультурная специфика языкового сознания. — Москва : [б. и.], 1996. — С. 139–162.
- Хлопова, А. И. Отражение политических событий в свободном ассоциативном эксперименте / А. И. Хлопова. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 2, июнь. — ISSN 2218-9238. — URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/987> (дата обращения: 17.03.2025). — DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.2.18>.
- Шапошникова, И. В. Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) / И. В. Шапошникова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 648–665. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665.
- Gawande, A. Being Mortal: Medicine and What Matters in the End / A. Gawande. — [S.l.] : Metropolitan Books, 2014. — 304 p. — Text : unmediated.
- Kiss, G. R. The associative thesaurus of English / G. R. Kiss, G. Armstrong, R. Milroy. — Edinburgh : [s.n.], 1972. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Ufimtseva, N.V. [et al.] (2004). *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': rus., beloruss., bolg., ukr.* [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Moscow State Linguistic University, 790 p. (In Russ.)

2. Russian Federation (2011). *Federal'nyy zakon "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v RF" ot 21.11.2011 N 323-FZ* [Federal Law "On the fundamentals of public health protection in the Russian Federation" No. 323-FZ of 21.11.2011]. Retrieved March 17, 2025, from <https://base.garant.ru/12191967/> (In Russ.)

REFERENCES

1. Bubnova, I.A. (2019). Precedentnoe imya: simbol slavnogo proshlogo i raskolotogo nastoyashchego [Precedent name: A symbol of glorious past and divided present]. *Ethnopsycholinguistics*, 2, 102–114. (In Russ.)

2. Bubnova, I.A. (2021). Tsennosti i obraz budushchego pokoleniya Z: spetsifika sistemy [Values and the image of the future of Generation Z: System specifics]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 269–278. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278 (In Russ.)

3. Bubnova, I.A. (2020). Pesnya kak zerkalo gosudarstvennoy morali i instrument konstruirovaniya mirovozzreniya lichnosti [Song as a mirror of state morality and a tool for constructing personal worldview]. *Issues of Psycholinguistics*, 3(45), 28–40. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-28-40 (In Russ.)

4. Gorokhova, D.V. (2019). *Dinamika soderzhaniya i nomenklatury pretsedentnykh imen v yazykovom soznanii nositeley russkoy lingvokul'tury* [Dynamics of content and nomenclature of precedent names in the linguistic consciousness of Russian speakers] (Diss. Cand. Sci. (Philol.)). Moscow, 234 p. (In Russ.)

5. Gridina, T.A., & Konvalova, N.I. (2020). Assotsiativno-verbal'naya set' kak dinamicheskaya model' yazykovogo soznaniya: eksperimental'nye dannye [Associative-verbal network as a dynamic model of linguistic consciousness: Experimental data]. *Psycholinguistic Aspects of Speech Activity*, 18, 27–47. DOI: 10.26170/pla20-01-04 (In Russ.)

6. Zalevskaya, A.A. (1981). O kompleksnom podkhode k issledovaniyu zakonomernostey funktsionirovaniya yazykovogo mekhanizma cheloveka [On a comprehensive approach to study-

ing the functioning of human language mechanisms]. In *Psycholinguistic Studies in Lexics and Phonetics* (pp. 28–44). Kalinin. (In Russ.)

7. Lefebvre, V.A. (2003a). *Algebra sovesti* [Algebra of conscience]. Moscow: Cogito-Center, 426 p. (In Russ.)

8. Lefebvre, V.A. (2003b). *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Cogito-Center, 496 p. (In Russ.)

9. Lefebvre, V.A., & Smolyan, G.L. (1968). *Algebra konflikta* [Algebra of conflict]. Moscow: Znanie, 64 p. (In Russ.)

10. Murdock, D.P. (1997). Fundamental'nye kharakteristiki kul'tury [Fundamental characteristics of culture]. In *Anthology of Cultural Studies* (Vol. 1, pp. 49–57). St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

11. Stepin, V.S. (2001). Mirovozzrencheskie universalii kak osnovanie kul'tury [Worldview universals as the basis of culture]. In *Universals of Eastern Cultures* (pp. 14–41). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)

12. Ufimtseva, N.V. (1996). Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russians: An attempt at self-identification]. In *Ethnocultural Specificity of Linguistic Consciousness* (pp. 139–162). Moscow. (In Russ.)

13. Khlopova, A.I. (2019). Otrazhenie politicheskikh sobyitiy v svobodnom assotsiativnom eksperimente [Reflection of political events in free associative experiment]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2. Retrieved March 17, 2025, from <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/987>. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.2.18> (In Russ.)

14. Shaposhnikova, I.V. (2022). Russkaya yazykovaya lichnost' v aktual'noy diakhronii: novaya baza assotsiativno-verbal'nykh dannykh (2014-2021) [Russian linguistic personality in actual diachrony: New database of associative-verbal data (2014-2021)]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 648–665. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665 (In Russ.)

15. Gawande, A. (2014). *Being Mortal: Medicine and What Matters in the End*. Metropolitan Books, 304 p.

16. Kiss, G.R., Armstrong, G., & Milroy, R. (1972). *The associative thesaurus of English*. Edinburg.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+81'38+81'23

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.6

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.45

Код ВАК 5.9.5

Татьяна Александровна Гридина^{1✉}, Надежда Ильинична Коновалова^{2✉}

^{1,2} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ tatyana_gridina@mail.ru ✉, SPIN-код: 9100-3240, <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, sakralist@mail.ru ✉, SPIN-код: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Предметом анализа в данной статье является функционал префиксоидов квази-, лже-, псевдо- в свете соотношения константных и динамических аспектов актуализации их значений. С применением процедур компонентного анализа словарных дефиниций данных префиксоидов устанавливается их нюансировка в выражении смысловых оппозиций «ложный — истинный», «мнимый — подлинный», «реальный — нереальный» и др. С целью верификации семантики данных морфем в обыденном языковом сознании современной молодежи авторами была разработана и проведена серия психолингвистических экспериментов. На первом этапе проводился эксперимент с использованием методики прямого толкования префиксоидов; на втором этапе — направленный ассоциативный эксперимент, предполагавший выявление сочетаемостных возможностей стимулов лже-, квази- и псевдо- с лексическими основами. Это позволило обнаружить тематический спектр как нормативных, так и окказиональных (в том числе игровых) производных слов с рассматриваемыми аффиксоидами. По данным эксперимента были установлены не только интегральные, но и более глубокие дифференциальные семы в значениях синонимичных морфем («намеренно выдающий себя за кого-либо», «поддельный», «несуществующий», «выдуманный» и др.). Выявленные смыслы префиксоидов объясняют их востребованность в современном медиадискурсе как индикатора изменений в обществе, в том числе в политдискурсе, который структурируется оппозициями свой — чужой, реальный — фантомный, верный — ошибочный и т. п.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, префиксоиды, языковая игра, словообразование, психолингвистические эксперименты, языковое сознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, офис 281; email: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, офис 281; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; email: sakralist@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 32–39.

Tat'yana A. Gridina^{1✉}, Nadezhda I. Konovalova^{2✉}

^{1,2} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ tatyana_gridina@mail.ru ✉, SPIN code: 9100-3240, <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, sakralist@mail.ru ✉, SPIN code: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

The Association Potential of the Prefexoids *kvazi-*, *psevdo-*, *lzhe-* in Modern Media Discourse

ABSTRACT. The article analyzes the functions of the prefexoids *kvazi-*, *lzhe-*, *psevdo-* in the light of the correlation of constant and dynamic aspects of actualization of their meanings. Using the procedures of component analysis of dictionary definitions of these prefexoids, the study reveals the nuances in the expression of the semantic oppositions “false — true”, “imaginary — authentic”, “real — unreal”, etc. In order to verify the semantics of these morphemes in the everyday linguistic consciousness of modern young people, the authors have developed and conducted a series of psycholinguistic experiments. At the first stage, an experiment was held using the method of direct definition of the prefexoids; at the second stage, a directed associative experiment was conducted, which involved identifying the combinability of the prefexoids *kvazi-*, *lzhe-*, *psevdo-* with lexical bases. This made it possible to discover the thematic range of both normative and occasional (including game-based) derivatives with the affixoids under consideration. According to the experiment, not only integral, but also deeper differential semes were distinguished in the meanings of synonymous morphemes (“intentionally pretending to be

another person”, “fake”, “non-existent”, “fictitious”, etc.). The revealed meanings of the prefixoids explain their urgency in modern media discourse as an indicator of changes in society, including political discourse, which is structured by the oppositions of “own – alien”, “real – phantom”, “true – erroneous”, etc.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, prefixoids, language game, word formation, psycholinguistic experiments, linguistic consciousness.

AUTHOR'S INFORMATION: Gridina Tat'yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Konovalova Nadezhda Ilyinichna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Gridina T. A., Konovalova N. I. (2025). The Association Potential of the Prefixoids *kvazi-*, *pseudo-*, *lzhe-* in Modern Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 32-39. (In Russ.).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Современный медиадискурс, характеризующийся широкой палитрой жанровых форм и техник трансляции социально значимой информации, открывает возможности креативного использования канонических моделей коммуникации и задает новые ракурсы актуализации потенциала языковых знаков, что, в частности, касается и сферы словообразовательных новаций.

Предметом анализа в статье являются динамические процессы, представленные в современной языковой ситуации реализацией словообразовательной активности и ассоциативного потенциала префиксоидов ПСЕВДО-, КВАЗИ-, ЛЖЕ-, спецификой которых является их исходная корреляция со словами *мнимый*, *ложный*, *ненастоящий*. В этом плане особый интерес вызывает исследование функционирования дериватов с данными компонентами в информационном поле массмедиа как ресурса оценочной интерпретации передаваемой информации в свете ее истинности или ложности.

Значимым аспектом такого анализа выступает характеристика морфодеривационных процессов с использованием префиксоидов *квази-*, *лже-*, *псевдо-* как индикатора изменений в обществе, в том числе в политдискурсе, который структурируется оппозициями *свой — чужой*, *реальный — фантомный*, *верный — ошибочный* и т. п.

Важен не только аспект моделирования воздействующего эффекта номинаций с указанными аффиксоидами, но и верификация восприятия подобных дериватов — с привлечением данных свободного и направленного ассоциативного экспериментов, выявляющих психологическую реальность значений в опоре на показания обыденного языкового сознания (см., например: [Бубнова 2020; Караулов 1989; Сахарный 1985; Konovalova 2020]). Под ассоциативным контекстом слова нами понимается вся совокупность реакций, обнаруживающих различные векторы осмысления формы и значения конкретных вер-

бальных знаков в сознании носителей языка (см. [Гридина 2018: 270]). Применительно к префиксоидам следует особо подчеркнуть *синкретизм* их лексического и словообразовательного значений, поскольку данные языковые единицы могут выступать и как полноценные (самостоятельные) лексемы, и как словообразовательные форманты.

Ср., например: *Эксперты нашли какие-то дефекты — реальные или псевдо* [Комсомольская правда. 13.08.2024]; *Женщина в Лангепасе отдала псевдополицейскому 140 тысяч рублей* [МК-Югра. 17.06.2024]; *Был избран некий квази-автокефальный вариант* [Российская газета. 19.08.2024]; *В новом романе автор создает образ квази, разрушая классические представления о человеке; Квази в современной культуре: между реальностью и фантастикой* [Искусство кино. № 6. 2023]; *Лженаучные теории в образовании* [Учительская газета. №34. 2023]; *Он собрал вокруг себя множество последователей, не пророк, а лже* [АИФ. 15.08.2023].

Для описания актуальных значений аффиксоидов релевантным представляется анализ их ассоциативного контекста в свете тех динамических сдвигов, которые проявляют потенциальные смысловые проекции названных компонентов в сравнении с данными толковых словарей.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

В качестве источников материала использовались толковые словари конца XX — начала XXI в., которые сфокусированы на лексикографическом представлении актуальной лексики в свете языковых изменений на рубеже веков (см.: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред Г. Н. Складчиковской. *Далее — ТССРЯ*; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковской. *Далее — ТСАЛ*).

Извлеченные методом сплошной выборки дериваты с префиксоидами *квази-*, *лже-*,

псевдо- подвергались компонентному анализу для выявления базовых идентификаторов в значениях анализируемых морфем. При сравнении контента двух указанных словарей выявлялись, во-первых, сходства и различия в тематической специализации синонимичных префиксоидов; во-вторых, — динамика осмысления их семантики с учетом экстралингвистических и собственно языковых факторов: семантики производящих основ и сочетаемостной валентности префиксоидов.

Словарный материал дополнялся фактами употребления соответствующих дериватов в современном медиадискурсе. Для этого привлекались примеры из поисково-аналитической системы «Интегрум-профи» (электронный ресурс, на котором размещены полнотекстовые версии центральных и региональных периодических изданий РФ и стран СНГ; ежедневное обновление банка данных составляет более 300 тысяч статей). На основе контекстуального анализа выявлялись актуальные (в том числе новые) смыслы производных слов с префиксоидами в их синтагматической проекции.

На следующем этапе в экспериментальном ключе верифицировалась семантика префиксоидов в сознании современной молодежи (студентов-филологов).

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ словарных данных позволяет выявить, с одной стороны, обобщающие семантические компоненты, входящие в структуру значения префиксоидов *квази-*, *псевдо-*, *лже-*, с другой стороны, семантические нюансы, которые обуславливают потенциальную сочетаемость каждого из этих префиксоидов с разными лексическими основами в процессе деривации (образования сложных слов). В использованных нами словарях принята система графических знаков, фиксирующих языковые изменения: слова без помет относятся к лексике, актуальной в указанный период и не содержащей каких-либо изменений; стрелка вверх означает актуализацию значения слова (или лексико-семантического варианта полисеманта); стрелка вниз — уход слова из активного запаса; стрелка справа налево — возврат слова в активный запас.

Рассмотрим лексикографическое представление слов с анализируемыми префиксоидами.

Первый словарь (ТССРЯ) включает 3 единицы с префиксоидом *квази-*, 6 единиц с префиксоидом *псевдо-* и ни одного слова с префиксоидом *лже-*. Все эти лексемы паспортизированы концом 80-х — началом 90-х годов и содержат отрицательные коннотации, экс-

плицированные оценочной лексикой *мнимый*, *неподлинный*, *создающий видимость*.

Ср.:

Квазиденьги — «*условные* платежные средства для внутреннего пользования, заменяющие наличные деньги (обычно при их дефиците): купоны, безналичные деньги и т. п.». Как сообщил «Вестник статистики», внедренные в 1987 году изобретения принесли народному хозяйству 3,8 миллиарда рублей. Надо бы уточнить, каким способом исчислена эта величина: это какие-то особые, **условно-сэкономленные** квазиденьги [ТССРЯ 2001: 336].

Слово дано в словаре без графических знаков, т. е. относится к группе новых слов, которые уже своим появлением демонстрируют динамические процессы в русской лексике. Идентификатор *условные платёжные средства*, используемый в дефиниции понятия *квазиденьги*, поддерживается контекстуальными конкретизаторами: *какие-то, особые, условно-сэкономленные*. В значении префиксоида актуализируются сема «*мнимый*», «*неподлинный*».

Два других слова с тем же префиксоидом даны с графическим знаком «стрелка вверх». Они, по мнению авторов словаря, представляют собой «...привычные старые слова, подвергнувшиеся актуализации» [ТССРЯ 2001: IX]:

Квазиперестройка — «*мнимая, неподлинная* перестройка». *Первый этап «квазиперестройки» мы уже прошли. Он исчерпал себя, продемонстрировав уже свою бесплодность. Во второй этап — «контрперестройки» — мы уже вступили* [ТССРЯ 2001: 336].

Квазирыночный — «*создающий видимость* рыночной ориентации». *Госсобственность исподтишка присваивается квазирыночными структурами и коррумпированным чиновничеством* [ТССРЯ 2001: 336].

По-видимому, в данном случае можно говорить о возрастающей деривационной активности аффиксов, расширяющих свои синтагматические (сочетаемостные) валентности за счет лексики, актуальной для эпохи перестройки и рыночной экономики [Николина, Рацибурская 2020; Коновалова, Тиллоева 2023]. При этом актуализации подвергается семантика самой производящей основы, но «ощущение новизны» создается в результате словообразовательного процесса при присоединении префиксоида.

Ср.:

Псевдodemократия — «*ненастоящая, мнимая* демократия». *В наших силах добиться того, чтобы Россия стала действительно демократической страной, а не псевдodemократией дежнего мешка* [ТССРЯ 2001: 643].

Псевдопатриот — «**ненастоящий, мнимый** патриот». *Аппаратчики, объединив усилия с псевдопатриотами, стараются удержать власть* [ТССРЯ 2001: 644].

Псевдопатриотизм — «**ненастоящий, мнимый** патриотизм, *лжепатриотизм*». ... Автор предлагает не отказ от обороны и армии, как проповедуют те, для кого спекуляция и псевдопатриотизм давно уже стали бездонной кормушкой, а перевод обороны и армии на рациональные рельсы [ТССРЯ 2001: 644].

Псевдорелигиозный — «**не являющийся** подлинно религиозным, напоминающий внешне формы религии». *Все эти псевдорелигиозные явления, хотя и содержат в себе иногда отдельные элементы религии, в действительности являются лишь продуктами ее распада, деградации* [ТССРЯ 2001: 644].

Псевдосоциализм — «**ненастоящий, мнимый** социализм». *Руководство государства и партии ... сумело оценить гибельность пути традиционного псевдосоциализма* [ТССРЯ 2001: 644].

Псевдосуверенитет — «**ненастоящий, мнимый** суверенитет». *Есть еще одна причина, толкающая к удельному псевдосуверенитету ...* [ТССРЯ 2001: 644].

Показательно сравнение проанализированного контента с материалами словаря, составленного тем же авторским коллективом и изданного спустя шесть лет (Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. — М., 2007).

В данном словаре так же, как и в первом, не отмечено ни одной единицы с префиксоидом *лже-*; при этом уже не фиксируются слова с префиксоидом *квази-*, но вместе с тем расширяется состав слов с префиксоидом *псевдо-* (с 6 до 10): в частности, растет словообразовательное гнездо с вершиной *демократ* — *псевдодемократ, псевдодемократизм, псевдодемократический*. Все отмеченные производные паспортизированы концом 90-х — началом 2000-х годов (1997–2005). Вместо деривата *квазирыночный*, зафиксированного в первом словаре, появляется его синоним *псевдорыночный*. Это косвенно подтверждает осмысление префиксоидов *квази-* и *псевдо-* как синонимичных, несмотря на то, что они ни разу не встречаются как тождественные / близкие по значению в словарных дефинициях обоих словарей. Для толкования в новом (последнем) словаре используются те же идентификаторы *ненастоящий, мнимый*, добавляются только описательные конструкции, конкретизирующие словообразовательное значение префиксоида. Ср.:

Псевдорыночный — «не являющийся *на самом деле* рыночным; не относящийся к рынку, не

подчиняющийся законам рынка». *Очередным трагическим порождением многовековой беды России явился развал ее экономики и государственного устройства, прикрывавшийся лозунгами псевдорыночных реформ* [ТСАП 2007: 818].

Псевдодемократический — «основанный на *мнимой* демократии; стремящийся к достижению своих целей под видом демократических преобразований». ... *Во времена псевдодемократии, узаконившей еще и нравственный беспредел* [ТСАП 2007: 818].

Заметим, что все производные данной группы можно рассматривать как антонимы (оппозиты) к производящим: префиксоид *псевдо-* не только актуализирует семантику «ненастоящий, мнимый», но и синонимизируется с префиксами, выражающими значение противоположности: *а-, не-, анти-, противо-*. Этот процесс во многом объясняется тематической направленностью лексики, специализированной на социально-политической и религиозной сферах, которые в данный период (80-е — начало 90-х гг. XX в.) характеризовались крайней поляризованностью общества накануне распада СССР и в первые годы после этого «тектонического» события [Будаев 2011; Русский... 2014; Чудинов 2020; Язык... 2006].

Отмеченные тенденции свидетельствуют о большей активности префиксоида *псевдо-* в сравнении с *квази-* и *лже-* в актуализации значений «мнимый, ненастоящий, ложный» применительно к таким тематическим векторам современного медиадискурса (по данным НКРЯ), как общественно-политическая сфера (30 %), право и юриспруденция (25 %), экономика (15 %), философия (12 %), пиар и публицистика (20 %).

Отсутствие в анализируемых словарях слов с префиксоидом *лже-*, по-видимому, объясняется тем, что он не развивает в отмеченный период новых актуальных смыслов. Кроме того, сама семантика префиксоида *лже-*, имея открыто оценочный характер, не вполне удовлетворяет завуалированному выражению значения недоверности и мнимости в стилистическом регистре медиадискурса (в отличие от префиксоидов *квази-* и *псевдо-*).

В то же время словообразовательная активность данных формантов требует обращения к коммуникативным практикам носителей языка, в частности, к актуальным смыслам соответствующих префиксоидов в сознании молодежной аудитории. С этой целью нами была разработана экспериментальная серия заданий, включавшая в себя процедуры интерпретации и продуцирования лексем, в структуре которых представлены исследуемые компоненты.

Таблица 1

Семы	Префиксоиды					
	Квази-		Лже-		Псевдо-	
	Словарь	ПЯС	Словарь	ПЯС	Словарь	ПЯС
Мнимый	+	29 %	+	–	+	52 %
Ненастоящий	+	43 %	+	72 %	–	27 %
Ложный	–	–	+	98 %	+	27 %

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕФИКСОИДОВ КВАЗИ-, ПСЕВДО-, ЛЖЕ- В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Респондентам (студентам-филологам Уральского государственного педагогического университета) поэтапно предлагались задания на толкование и создание слов с указанными префиксоидами.

1. Методика прямого толкования [Гридина, Коновалова 2024: 85].

Исходная гипотеза: каждый элемент значения слова может выступать и как смысловоразличительный в системе (т. е. как структурный), и как отражающий связи с определенным типом объектов в коммуникативных ситуациях (т. е. как денотативный). В первом случае это предполагает толкование стимульного префиксоида через синонимичный префиксальный коррелят, во втором случае префиксоид может быть соотнесен с конкретной ситуацией или референтом. Приведенные толкования сопоставлялись со следующими словарными дефинициями:

Квази... — (книжн.) «Первая часть сложных слов в значении **мнимый**, **ненастоящий**, напр. *квазиизученый*, *квазиспециалист*» [Ожегов 1986: 234].

Лже... — «Первая часть сложных слов в значении **ложный**, **ненастоящий**, напр. *лжепророк*, *лжеплод*, *лжеученый*» [Ожегов 1986: 277].

Псевдо... — «Первая часть сложных слов в значении **мнимый**, **ложный**, напр. *псевдонаучный*, *псевдоклассический*, *псевдоискусство*» [Ожегов 1986: 277].

Верифицировалась актуальность для участников эксперимента базовых сем **мнимый**, **ненастоящий**, **ложный** в значениях соответствующих префиксоидов. Результаты в процентном соотношении представлены в таблице 1.

Для каждого префиксоида знаками «+» и «–» отмечено наличие / отсутствие базовых сем в словарном толковании; под заголовком «ПЯС» (показание языкового сознания) указано в процентном соотношении количество ответов респондентов, включивших в свое толкование соответствующую сему.

Например: **псевдо-** указывает на **лживость**, **мнимость** обозначаемого. **Квази-** придает слову значение признака «**ненастоящий**» / «**нереальный**», «**созданный искусственно**». **Лже-** фиксирует значение «о чем-то заведомо **ложном**», «**неверном**».

Исходя из полученных данных можно предположить, что в речевом употреблении, скорее будут синонимизироваться **лже-** и **псевдо-**, чем **псевдо-** и **квази-**, а также **лже-** и **квази-**.

Кроме того, на основе предложенных респондентами толкований нами были выделены дополнительные дифференциальные семы, не зафиксированные в словарных определениях:

квази-: *вымышленный*; *поверхностный*; *ложное сходство с чем-либо*; *придуманый*; *формальное сходство*;

псевдо-: *ошибочный*; *скрытый*; *похожий*, *подобный*; *чаще всего используется в науке*; *для различения сходных понятий*; *отрицательный*; *искусственный*;

лже-: *ошибочный*; *намеренно выдаваемый за действительное*; *неправильный*; *обманный*; *неправда*; *прямая ложь*; *неистинный*; *обман*.

Выделяются более «грубые», по существу — интегральные признаки для данной группы аффиксоидов (**мнимый**, **кажущийся**) и более «тонкие», дифференциальные и, следовательно, более глубинные признаки (*намеренно выдающий себя за кого-либо*; *поддельный*, *ненастоящий*, *несуществующий*, *выдуманный*).

Соответственно, чем ближе стимулы друг к другу в семантическом поле, тем, по видимому, менее значима актуализация интегральных признаков и более значима актуализация дифференциальных признаков в структуре значения префиксоида. Ср., например: **псевдо-** «*искусственный*, *не имеющий достаточных признаков для настоящего, подобный*»; **квази-** «*что-то неполное, не имеющее связи с реальностью*».

2. Направленный ассоциативный эксперимент (см.: [Гридина, Коновалова 2024: 75], верифицирующий гипотезу о морфодеривационной активности префиксоидов **квази-**, **псевдо-**, **лже-** в сознании современной молодежи.

Испытуемым предлагалось привести несколько слов с соответствующими стимульными префиксоидами.

Ниже представлены ассоциаты, полученные на каждый предъявленный стимул, с распределением по доминантным тематическим сферам. В скобках после ассоциата в ряде случаев приводятся пояснительные комментарии респондентов:

ЛЖЕ-

– «искусство и литература»: *лжеискусство, лжехудожник (о К. Малевиче), лжепоэзия (= стихоплётство); лжеклассицизм;*

– «наука»: *лженаука, лжетеория, лжегипотеза, лжеученый, лжеучение, лжефилософия;*

– «религия»: *лжерелигия, лжевера, лжепокаяние, лжеискупление, лжесвященник, лжепророк, лжеапостол;*

– «государство и право»: *лжегосударство, лжемир, лжесвидетель, лжесвидетельство, лжепостановление;*

– «межличностная коммуникация»: *лже-разговор, лжедиалог, лжемонолог, лжелюбовь, лжеотношения, лжедружба, лжедоверие, лжетоварищество, лжечитатель, лжеслушатель, лжемнение.*

Отдельно отметим самый частотный в рассматриваемом поле ассоциат *Лже-дмитрий*, представленный как первая реакция на стимул *лже-* в ответах всех респондентов (студентов-филологов). Этот ономастический дериват — самый известный исторический прецедент, модель образования которого активно востребована в современном политическом дискурсе [Коновалова, Михайлова 2025: 77–78]. См., например: *лже-Шольц, лже-Зеленский, лже-Трампп, лже-Макрон: Ранее KP.RU сообщил, что власти Германии возмутились после публикации дипфейк-видео, в котором лже-Шольц призывает запретить партию AfD [Комсомольская правда. 28.11.2023]; Певец Шарлот спел гимн Украины для лже-Зеленского [Комсомольская правда (msk.kp.ru). 23.11.2023]; Твиттер заблокировал блог французского лже-Трамппа — депутата Жоакима Сон-Форже [vesti.ru. 09.01.2021]; Аудиозапись телефонного разговора Анжея Дуды с лже-Макроном пранкеры Вован и Лексус выложили в своем Telegram-канале [Газета.ru. 22.11.2022].*

ПСЕВДО-

– «наука»: *псевдонаука, псевдонаучный, псевдоисследование, псевдорезультаты, псевдоданные, псевдоаргумент, псевдоучение, псевдотеория, псевдопрактика, псевдизм (= концепция, согласно которой большинство наук не является правдоподобным), псевдология (= течение, противополо-*

ложное псевдизму, оспаривающее теорию псевдизма);

– «государство и общество»: *псевдоперестройка, псевдоуправитель, псевдонародный, псевдострана, псевдодоходы, псевдоимущие, псевдогуманизм, псевдогерой (= человек, который выдает себя за героя, но на самом деле его действия основаны на лжи и обмане, такие личности часто прибегают к манипуляции, чтобы повлиять на окружающих, подрывая их доверие к истинным ценностям), псевдосенсация, псевдоинтеллектуал, псевдоджентльмен;*

– «искусство и литература»: *псевдоискусство, псевдосоц-арт, псевдопоэт, псевдостихи, псевдосюжет, псевдоним, псевдopodobie (= антоним к правдоподобие);*

– «медицина»: *псевдохирург, псевдотерапия, псевдолечение, псевдодиагноз;*

– «медиакоммуникация»: *псевдомедиа, псевдореклама, псевдомир (= виртуальная реальность), псевдосайт, псевдоблогер.*

Ассоциаты двух последних групп особенно ярко демонстрируют наметившиеся проблемы в сфере информационной безопасности, связанные с манипуляцией сознанием самых разных страт социума.

См., например: *В России заблокировали сайты иноагентских SOTA и «Мемориала» — псевдо-медиа [pressa24.ru]; Псевдоблогер умудрился стать звездой интернета всего за 68 долларов [mk.ru. 22.04.2013]; Последние 10 лет в сети стали появляться многочисленные псевдосайты... [studiomir.net].*

КВАЗИ-

– «наука»: *квазинаука, квазипредмет, квазинаучный, квазипланета, квазитеория;*

– «языкознание»: *квазислово, квазисловосочетание, квазиалфавит, квазиязык, квазисинонимы, квазиантонимы;*

– «искусство и литература»: *квазиискусство, квазихудожник, квазитекст, Квазимодо.*

Особый регистр полученных ассоциатов на заданные стимулы составляют окказиональные креативные номинации, эксплуатирующие разные техники языковой игры: *КвазиМИР Малевич, симКВАЗИум (= квазисимпозиум), квазизм, квазолог, квазиумие; псевдократия, псевдема, квазема, лжема (= единицы несуществующего, вымышленного языка).*

В числе подобных креативных номинаций в ассоциативных полях, смоделированных по результатам эксперимента, представлены и собственно словообразовательные игровые симиляры и оппозицы **врале-, скрыто-, брехо-** как синонимы и антонимы префиксоидов *квази-, псевдо-, лже-*. Подобные «стратегии ассоциирования активно востребованы... в создании виртуальных

пространств игрового художественного текста» [Гридина 2018: 270], а также в процессах нестандартного развертывания стандартных словообразовательных пресуппозиций в различных практиках речевой деятельности (см. об этом: [Гридина, Коновалова 2017; Gridina 2020: 103–107]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к анализу ассоциативного потенциала префиксоидов представляется продуктивным для выявления смысловой перспективы производного слова в разных дискурсах его функционирования.

Комплексный сопоставительный анализ словарных данных, материалов массмедиа и результатов психолингвистических экспериментов обнаруживает константные смыслы рассмотренных синонимичных морфем *квази-*, *псевдо-*, *лже* в перспективе их актуализации и динамики.

Именно экспериментальные данные дают основания для утверждения относительно психологической реальности не только этих базовых компонентов значения префиксоидов, но и новых, не отмеченных в словарях приращениях их смысла.

Особой сферой реализации значений данных префиксоидов является их креативный потенциал, расширяющий как сам состав слов с использованием соответствующих морфем, так и их тематический регистр в игровом ключе.

Востребованность проанализированных префиксоидов в современной языковой ситуации во многом обусловлена их способностью к тонкой нюансировке лексической семантики производящего слова и акцентированию его оценочной составляющей. Это находит яркое отражение в медийном (в том числе политическом) дискурсе, сущностная природа которого базируется на оппозициях «ложный — истинный», «подлинный / настоящий — поддельный / искусственный», «достоверный — недостоверный» и т. п.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Интегрум-Профи. — URL: <https://integrum.ru/> (дата обращения: 21.02.2025). — Текст : электронный.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с. — Текст : непосредственный.
3. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — Москва : Эксмо, 2007. — 1136 с. — Текст : непосредственный.
4. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред Г. Н. Складневской. — Москва : Астрель : АСТ, 2001. — 944 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнова, И. А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 5–10.

2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Изд-во НТГСПА, 2011. — 330 с. — Текст : непосредственный.

3. Гридина, Т. А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Лингвистика креатива-4 : коллективная моногр. / под ред. Т. А. Гридиной ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2018. — С. 270–281.

4. Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — 3-е изд., испр. — Москва : Флинта, 2024. — 360 с. — ISBN 978-5-9765-4604-2. — Текст : непосредственный.

5. Гридина, Т. А. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 8. — С. 79–84. — DOI 10.26170/po17-08-13.

6. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. — Текст : непосредственный // Язык. Познавание. Коммуникация : сб. работ : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5–11.

7. Коновалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 77–85.

8. Коновалова, Н. И. Информационное противостояние России и Запада в британских и американских СМИ / Н. И. Коновалова, С. М. Тиллоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 256–260.

9. Николина, Н. А. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19, № 2. — С. 5–19. — DOI 10.15688/jvolsu2.2020.2.1

10. Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина, И. Т. Вепрева [и др.] ; Уральский федеральный университет ; отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — 324 с. — ISBN 978-5-7996-1083-8. — Текст : непосредственный.

11. Сахарный, Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования / Л. В. Сахарный. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. — 97 с. — Текст : непосредственный.

12. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта, 2020. — 236 с. — Текст : непосредственный.

13. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная моногр. / И. А. Стернин, К. М. Шилихина, Ю. Е. Прохоров [и др.] ; Уральский межрегиональный институт общественных наук ; отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2006. — 561 с. — ISBN 5-7525-1640-4. — Текст : непосредственный.

14. Gridina, T. A. Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data / T. A. Gridina. — Text : unmediated // Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020. Vol. 437. — Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 103–107. — DOI 10.2991/assehr.k.200509.019.1.

15. Konovalova, N. I. “Russian Associative Dictionary” as a Source of Information About Metalanguage Consciousness in Verbal Memory of Speakers / N. I. Konovalova. — Text : unmediated // Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020. Vol. 437. — Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 399–403. — DOI 10.2991/assehr.k.200509.072.

MATERIALS

1. *Integrum-Profi* (n.d.). Retrieved Feb. 21, 2025, from <https://integrum.ru/> (In Russ.)
2. Ozhegov, S.I. (1986). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] (ed. N.Yu. Shvedova, 18th ed., ster). Moscow: Russkiy yazyk, 797 p. (In Russ.)
3. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2007). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century. Current vocabulary]. Moscow: Eksmo, 1136 p. (In Russ.)
4. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2001). *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory dictionary of modern Russian language. Language changes at the end of the twentieth century]. Moscow: Astrel': AST, 944 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bubnova, I.A. (2020). Rol' tsifrovoy sredy v organizatsii individual'nogo mental'nogo opyta [The role of the digital environment in the organization of individual mental experience]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 18, 5–10. (In Russ.)
2. Budaev, E.V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology] [Monograph]. Nizhniy Tagil: Izd-vo NTGSPA, 330 p. (In Russ.)
3. Gridina, T.A. (2018). Smyslovaya perspektiva slova v igrovom khudozhestvennom tekste [Semantic perspective of the word in a fictional play text]. In T.A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa-4* (Collective monograph, pp. 270–281). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
4. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2024). *Metody psikholingvisticheskikh issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of psycholinguistic research: theory, workshop, trainings] (3rd ed., corr.). Moscow: Flinta, 360 p. ISBN 978-5-9765-4604-2 (In Russ.)
5. Gridina, T.A., Konovalova, N.I. (2017). Tekhniki yazykovoy igry v protsesse obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i v vuze [Techniques of language play in the process of teaching word formation at school and at university]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 8, 79–84. DOI 10.26170/po17-08-13 (In Russ.)
6. Karaulov, Yu.N., & Petrov, V.V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa [From text grammar to cognitive theory of discourse]. In T.A. van Deyk, *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* (Collection of works, transl. from Engl., pp. 5–11). Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Konovalova, N.I., Mikhaylova, O.A., & Mikhaylova, Yu.N. (2025). Slovoobrazovatel'nyy potentsial politicheskogo diskursa [The Word-Forming Potential of Political Discourse]. *Political Linguistics*, 1(109), 77–85. (In Russ.)
8. Konovalova, N.I., & Tilloeva, S.M. (2023). Informatsionnoe protivostoyanie Rossii i Zapada v britanskikh i amerikanskikh SMI [Information Confrontation Between Russia and the West in the British and American Media] [Review: S.L. Kushneruk, “Ideological world modeling in the context of information-psychological warfare”]. *Political Linguistics*, 4(100), 256–260. (In Russ.)
9. Nikolina, N.A., Ratsiburskaya, L.V., & Fatkhutdinova, V.G. (2020). Novye yavleniya v sfere derivatsionnykh formantov kak otrazhenie dinamiki slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka [New phenomena in the sphere of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 19(2), 5–19. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.2.1 (In Russ.)
10. Gasparov, B.M., Kupina, N.A., Vepreva, I.T. et al. (2014). *Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve* [Russian language in a multi-river socio-cultural space] (Eds. B.M. Gasparov, N.A. Kupina). Ekaterinburg: Ural Fed. Univ., 324 p. ISBN 978-5-7996-1083-8. (In Russ.)
11. Sakhamyy, L.V. (1985). *Psikholingvisticheskie aspekty teorii slovoobrazovaniya* [Psycholinguistic aspects of the theory of word formation]. Leningrad: Izd-vo LGU, 97 p. (In Russ.)
12. Chudinov, A.P., Budaev, E.V., & Solopova, O.A. (2020). *Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povорот* [Political metaphorology: a discursive turn]. Moscow: Flinta, 236 p. (In Russ.)
13. Sternin, I.A., Shilikhina, K.M., Prokhorov, Yu.E., et al. (2006). *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* [The language of enmity and the language of consent in the socio-cultural context of modernity] [Collective monograph] (Ural Interregional Institute of Social Sciences Ural'skiy mezhregional'nyy institut obshchestvennykh nauk, resp. eds. I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mikhaylova). Ekaterinburg: Ural State University n.a. A. M. Gorky, 561 p. ISBN 5-7525-1640-4. (In Russ.)
14. Gridina, T.A. (2020). Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data. In *Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020 (Vol. 437, pp. 103–107). Yekaterinburg: Atlantis Press. DOI 10.2991/assehr.k.200509.019. 1
15. Konovalova, N.I. (2020). “Russian Associative Dictionary” as a Source of Information About Metalanguage Consciousness in Verbal Memory of Speakers. In *Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020 (Vol. 437, pp. 399–403). DOI 10.2991/assehr.k.200509.072

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Руслан Ирикович Зарипов

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Россия, lieutenant-en-chef@ya.ru, SPIN-код: 9294-2349

Теоретико-прикладные основы использования мемов, демотиваторов и других поликодовых текстов в целях информационно-психологического воздействия

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются теоретические и прикладные основы применения поликодовых текстов в целях информационно-психологического воздействия. В современном медиадискурсе функционирует большое количество сообщений, обладающих эмоциогенной конфигурацией, среди которых выделяются мемы и демотиваторы. Они представляют собой концентрированные фрагменты (единицы) информации и фасцинации, которые направлены на дискредитацию избранной мишени и/или создание определенной картины действительности. Эффективный для восприятия и понимания формат демонстрации соединяет в них проявления как эмоционально-эстетического, так и когнитивно-идеологического порядка, приближая их к «эталону» информационно-психологического воздействия. Для содержащих изображения политиков мемов очевидна близость со смежными с ними по жанровому направлению и целевому предназначению политическими карикатурами, основу которых составляют визуальная метафора и эффект карнавализации. Эффективность мемизации с точки зрения воздействия приводит к тому, что нередко можно вести речь о полноценной «войне мемов», цель которой состоит в установлении контроля над информационным пространством противника и достижении доминирования в развитии медианарратива по соответствующей тематике. Также в статье объясняются факторы, при которых воздействие на адресата не всегда достигает ожидаемого эффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, языковые единицы, поликодовые тексты, мемы, демотиваторы, фасцинация, фасцинирующий эффект, информационно-психологическое воздействие, информационно-психологическое оружие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, докторант Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; 119618, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; email: lieutenant-en-chef@ya.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зарипов, Р. И. Теоретико-прикладные основы использования мемов, демотиваторов и других поликодовых текстов в целях информационно-психологического воздействия / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 40-47.

Ruslan I. Zaripov

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, lieutenant-en-chef@ya.ru, SPIN code: 9294-2349

Theoretico-Applied Foundations for the Use of Memes, Demotivators and Other Polycode Texts for the Purposes of Information and Psychological Impact

ABSTRACT. The article discusses theoretical and applied foundations of the use of polycode texts for the purposes of information and psychological impact. Modern media discourse abounds in messages with an emotionogenic configuration, among which memes and demotivators stand out. They represent concentrated fragments (units) of information and fascination that are aimed at discrediting the chosen target and/or creating a certain picture of reality. Their demonstration format, which is effective for perception and understanding, combines both emotional-aesthetic and cognitive-ideological aspects, bringing them closer to the “standard” of information and psychological impact. The memes containing images of politicians are obviously close to political cartoons related to them in genre and purpose, which are based on visual metaphor and the effect of carnivalization. The effectiveness of memization in terms of impact leads to the fact that it is often possible to talk about a full-fledged memetic warfare, the purpose of which is to establish control over the enemy's information space and achieve dominance in the development of media narrative on the relevant topic. The article also explains the factors under which the impact on the addressee does not always achieve the expected effect.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, linguistic units, polycode texts, memes, demotivators, fascination, fascinate effect, information and psychological impact, information and psychological weapons.

AUTHOR'S INFORMATION: Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Post-Doctoral Associate of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Zaripov R. I. (2025). Theoretico-Applied Foundations for the Use of Memes, Demotivators and Other Polycode Texts for the Purposes of Information and Psychological Impact. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 40–47. (In Russ.).

Сегодня в медиадискурсе сохраняются консервативные варианты коммуникации, однако современный медиатекст функционирует преимущественно в поликодовом и часто мультимодальном формате. Его аудиовизуальная оболочка нередко выступает в роли невербальной метафоры, фиксируя образы, порождая ассоциативные связи и формируя имплицитные смыслы [Гаврилов, Зарипов 2023: 146]. Результат взаимодействия вербальных и невербальных единиц в структуре медиатекста представляет собой «не сумму семиотических знаков, а систему смыслов, в которой значения составляющих элементов интегрируются и дополняют друг друга» [Там же]. Типичными примерами поликодового текста могут выступать демотиваторы, мемы и им подобные как статичные, так и динамичные медиаматериалы (постеры, листовки, комиксы, карикатуры, посты в мессенджерах, социальных сетях и т. д.). Мультимодальным при этом медиатекст считается в случае задействования адресатом нескольких каналов перцепции (чаще всего зрительного и слухового).

Коммуникативная реализация поликодовой структуры современного медиатекста предполагает мультисемиозис, при котором вербальные, паравербальные и невербальные элементы «соединяют» свои значения за счет вербально-аудиовизуального сцепления¹ на денотативно-коннотативном уровне. В процессе когнитивной обработки сообщения не соответствующие контексту семы отсеиваются, тогда как подходящие «подсвечиваются», вычленяются и обогащаются в результате комплексного концептуального взаимодействия. Формируются концептуальные векторы, проявляются элементы когнитивных моделей, генерируется комплексное означаемое сообщения (хотя вариативность интерпретации при сочетании гетерогенных семиотических кодов может значительно возрастать). Механизм конструирования смысла реализуется в этом ключе даже в случае противопоставления семантики отдельных частей медиатекста, при котором контекстуально возникает фасцинативный эффект (комичность, интрига, неоднозначность, конфликтность и т. д.).

Наиболее характерна подобная эмоциональная конфигурация для мемов, определенных в 1976 году Р. Докинзом как небольшие единицы культуры, которые формируют и отражают взгляды общества на избранную проблематику, распространяясь от человека к человеку путем копирования или подражания [Shifman 2014: 2]. В ходе исследования современных медиакommunikативных практик Л. Шифман пришел к новому пониманию интернет-мема, под которым видит «набор цифровых единиц, которые сочетают в себе содержание, форму и/или позицию, созданных при условии взаимной осведомленности и распространяемых, копируемых и модифицируемых множеством интернет-пользователей» [ibid: 7–8]. Обычно мем представляет собой запоминающийся фрагмент медиапотока и имеет формат короткого видеоролика или статичного изображения, сопровождаемого многозначительной, юмористической или броской подписью.

Мемы выступают эффективным способом информационно-психологического воздействия на эмоциональном, иррациональном уровне, «впечатывая» предлагаемый фрагмент картины действительности в сознание-подсознание реципиента за счет фасцинативного эффекта, вызванного юмором, сенсацией, парадоксом, зрелищностью и другими вариантами привлечения массовой аудитории. Действенность подобных медиаматериалов связана как с индивидуальными особенностями психоэмоционального реагирования человека на резко контрастную информацию (в том числе фрустрирующую, шокирующую, дезинформирующую), так и с социальными закономерностями ее распространения (циркулированием слухов, импульсивной реакцией толпы, общественным резонансом и т. п.). Изображение часто транслирует более интенсивные эмоции, усиливая фасцинативный эффект; соответственно, оно, как правило, и занимает доминирующее положение в мемах, хотя нередко случаи, когда ключевую функцию «триггера» для возникновения фасцинативного эффекта играет именно вербальная часть (см. рис. 1).

¹ По аналогии с термином А.-М. Ариас «вербально-визуальное сцепление», под которым понимается «условная единица семантически мотивированной взаимосвязи семиотически разнородных элементов» [Ариас 2011: 62–63].

Рис. 1. Пример мема в интернет-коммуникации¹

Приведенный мем формирует концептуальную установку, согласно которой Д. Трамп — российский военный служащий и/или агент спецслужб РФ, так как, исходя из пресуппозиции, мог претендовать на компенсацию за ранение и был подотчетен российским органам власти. Абсурдность и асимметрия информации передаются не только с помощью вербального компонента, который в данном случае и финализирует смыслопонимание, но и иконического компонента, который проецирует концептуальные векторы печали, обиды, сочувствия. В едином структурно-функциональном и семантическом пространстве поликодового текста соединяются гетерогенные семиотические элементы, которые, с одной стороны, впечатляют и стимулируют адресата психологически, с другой стороны, осуществляют когнитивное моделирование в «готовом» для сознания-подсознания адресата виде («думать не надо, надо смеяться»), реализуя суггестивный механизм вариативной интерпретации действительности с идеологическим уклоном. Эффективный для восприятия и понимания формат демонстрации (компактность, краткость, броскость, информативность) за счет специальных решений коммуникатора в вербальной и визуальной частях соединяет в меме проявления как эмоционально-эсте-

тического, так и когнитивно-идеологического порядка, приближая его к «эталону» информационно-психологического воздействия.

В этой связи очевидна близость мемов со смежными с ними по своему жанровому направлению и целевому предназначению политическими карикатурами, основу которых составляют визуальная метафора и эффект карнавализации² (по М. М. Бахтину). Как в тех, так и других поликодовых текстах основное положение занимает, как правило, визуальный компонент³, поскольку именно он создает в сознании-подсознании адресата запоминающийся фрагментарный и картиноподобный образ, который будет окказионально возникать в его памяти первым. В силу репликативного характера медиадискурса изображение наряду с короткими речевыми высказываниями становится прецедентным и образует единицу ментального уровня, задавая определенную модель понимания действительности и поведенческий паттерн. Когнитивная репрезентация в подобных типах медиатекстов опирается главным образом на ментальную природу концептуальной метафоры (и, в первую очередь, визуальной), которая первична в осмыслении политических событий и «объективируется на разных уровнях политической семиотики...» [Будаев, Чудинов: 135–136].

¹ СВОеПРАВО — лайфхаки. — URL: <https://t.me/SVOePravo/640> (дата обращения: 07.08.2024).

² Карнавализация сознания связана с гротеском как отправной точкой разрушения «чего-то монолитно серьезного, безусловного и непререкаемого» [Бахтин 1986: 343]. Иными словами, высмеивание и карнавальное мироощущение ведут к освобождению мысли и воображения, которое в рамках карикатурного и меметического воздействия проявляется в развенчивании статуса и имиджа мишени.

³ Несмотря на важную роль вербальной части, которая сужает и финализирует генерируемые изображениями смыслы, основу мемов чаще всего составляет именно изображение.

Это позволяет небезосновательно считать ее роль основополагающей в процессах формирования и изменения идеологической ориентации, поведенческих и социальных установок человека в целом.

М. Б. Ворошилова считает когнитивную метафору своеобразным ключом к интерпретации в сообщении вербальной и невербальной информации [Ворошилова 2013: 109]. Так, взаимодействие в визуальной части динамического медиатекста двух и более зрительных образов — иконических знаков, непосредственно отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации, позволяет выявить источник метафоризации, который, как правило, составляет план выражения когнитивной конструкции, и ее цель — план содержания [Там же: 61]. В статическом медиатексте, к которому и относится большинство мемов и политических карикатур, а также фотокадры, скриншоты, иллюстрации и т. п., визуальная метафора создается также на основе синтеза образов гетерогенной природы, причем изображение чаще всего представляет сферу-источник, а речевой компонент — сферу-мишень [Там же: 109–110]. Так или иначе, кооперация нескольких визуальных образов, которые вслед за Ж. Делёзом возможно назвать *перцептами* [Делёз, Гваттари 2009: 195, 205], порождает *концепт* или идеологему, раскрывающую концептуальные установки автора. В соответствии с этим пониманием соединение двух планов содержания метафоры в визуальной части сообщения образует его «третий план» (по аналогии с «третьим элементом» С. Эйзенштейна), то есть новую художественную [Крюкова 1988: 85] или медиареальность (гиперреальность, которая соотносится с семиотической ситуацией симулякривности). Метафора, таким образом, выступает не только универсальным герменевтическим механизмом и одновременно смысловым центром медиатекста, выстраивая вокруг себя его семантическое пространство, но и эффективным инструментом манипулирования, социальной регуляции и управления: «Включаясь в систему образов, используемых для пропаганды тех или иных идей, метафора начинает функционировать на уровне конструирования символического пространства социума, становится материалом формирования коллективных представлений и идеологических доктрин» [Сарна 2005: 58–59].

Демотиваторы, мемы и другие подобные поликодовые тексты как концентрированные фрагменты (единицы) информации и фасциации представляют собой информационно-психологическое оружие, то есть сообщения,

дискредитирующие мишень воздействия путем формирования ее негативного образа и/или нанесения репутационного ущерба ее основополагающим характеристикам, в том числе с использованием дезинформации, сомнительной (непроверенной) информации, деструктивных установок и других приемов [Зарипов 2024: 97]. Наряду с дипломатическими усилиями, медийным освещением событий и другими коммуникативными практиками именно мемизация как относительно новое явление в интернет-коммуникации нередко становится фактором определенных изменений в военно-политической, социально-экономической и других сферах. Это фактически подтверждает доклад аналитического центра RAND, признанного в России нежелательной организацией, в котором отмечается, что «российский контент эффективен в достижении своих целей», а «слишком положительная эмоциональная реакция на такой контент в социальных сетях» вызывает беспокойство [Helmus, Marrone, Posard, Schlang 2024]. В указанном документе сообщается о трудностях в принятии защитных мер против мемов, которые могут даже не содержать «выраженного мнения, с которым можно было бы согласиться или не согласиться», но при этом «представлять эмоционально возбуждающий контент для ангажированной аудитории» [Ibid]. А. В. Лосев в этой связи отмечает: «Русский контент порождает очень сильные эмоциональные реакции и более резко разделяет стороны, поляризует американское общество, чем обычные новости, которые у них передаются в CNN и Fox News, то есть чем американские реальные новости или ложные новости (они достаточно честны в этом плане). И эта эмоциональная реакция как раз и управляет поведением, симпатиями и лайками в соцсетях, обменом информацией» [Сетевое издание «Смотрим» 2024]. За счет речевого оформления и спецэффектов мемы (как и демотиваторы) придают визуальным образам, происходящим из событий повседневной жизни, гипертрофированный и эмоциогенный характер, а нередко вместе с этим — значимый информационный повод и благоприятные условия для активного обсуждения, продвижения и закрепления в массовом сознании определенных аксиологических, политических и идеологических ориентиров. Нередко речь идет уже о полноценной «войне мемов», цель которой состоит в установлении контроля над информационным пространством противника и достижении доминирования в развитии медианарратива по соответствующей тематике. Очевидно, что так называемая меметическая война высту-

пает частью информационно-психологической войны и ведется в интересах выполнения ее задач, оказывая значительное влияние на материальную действительность и приводя к практическим последствиям на управленческом и социально-политическом уровнях. В качестве примеров следует привести отказ Дж. Байдена баллотироваться на второй президентский срок в США (см. рис. 2), а также непрекращающиеся попытки иностранных агентов и экстремистов «повлиять на российскую политику изнутри в угоду так называемым „зарубежным партнерам“» [Рыбарь 2022]: «Иноагенты не забыли и о пропаганде среди молодого поколения... прозападными пропагандистами создан канал „Тема урока“, который якобы рассказывает „о подростковой жизни в школе“. Авторы с использованием шуток и мемов агрессивно доносят молодым людям свою политическую позицию, высмеивая, например,

новые школьные уроки „Разговоры о важном“» [Там же].

Главный фактор успеха информационно-психологического воздействия состоит в поддержании высокой частотности актуальной темы, сопровождаемой ореолом fascinации (впечатления и развлечения адресата). Чем чаще какая-либо тема поднимается публично и чем больше по ней высказываются разные мнения, в том числе вызывающие негативную общественную реакцию, тем быстрее проходит процесс «привыкания» массовой аудитории и допускается возможность разных вариантов развития событий (решения проблемы). Соответственно, поднятие и обсуждение темы ради ее утверждения в повестке медиадискурса есть главным образом процесс и результат социального внушения, суггестивного воздействия коммуникаторов.

Рис. 2. Примеры мемов о президенте США Дж. Байдене¹

¹ Repeat the line... // Imgflip. — URL: <https://imgflip.com/i/6m7k0o> (дата обращения: 10.08.2024); Why Biden must withdraw // The Economist. — URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/07/04/why-biden-must-withdraw> (дата обращения: 11.08.2024); Why does Biden usually shakes hands with ghosts at the end of his speech // Quora. — URL: <https://www.quora.com/Why-does-Biden-usually-shakes-hands-with-ghosts-at-the-end-of-his-speech> (дата обращения: 11.08.2024); «Я Джо Байден, и я забыл это сообщение»: Топ-5 мемов о выборах президента США // ЦАРЬГРАД. — URL: https://tsargrad.tv/news/ja-dzho-bajden-i-ja-zabyl-jeto-soobshhenie-top-5-memov-o-vyborah-prezidenta-ssha_294734 (дата обращения: 10.08.2024).

Рис. 3. Фасцинативное сопровождение медианарратива о вмешательстве в выборы в США в российском медиадискурсе¹

Тем не менее воздействие на адресата не всегда достигает ожидаемого эффекта. Это связано с определенным «иммунитетом» аудитории к дезинформации, самосознанием общества и отдельных реципиентов, а также действиями государства по обеспечению собственной информационной безопасности. В попытках подорвать жизненно важные характеристики избранной мишени коммуникатор систематически и последова-

тельно их «расшатывает», завоевывая благосклонность общественного мнения. Это весьма сложно сделать в относительно изолированном языковом сегменте медиaproстранства, в котором информационная повестка диктуется собственными источниками, преподносящими иную интерпретацию событий. В таком случае положительного результата не всегда удастся достичь даже при долгосрочной информационной атаке как спла-

¹ Примеры взяты из: Иванова А. Рязань — за Трампа, Томск — за Байдена // Версия. — URL: <https://versia.ru/rossijskie-polzovateli-razrazilis-potokom-shutok-o-svojom-vmeshatelstve-v-vybory-v-ssha> (дата обращения: 05.09.2024); Для нас совершенно нет смысла... // Арбалет Говорит. — URL: <https://t.me/arbaletgovorit/6852> (дата обращения: 05.09.2024); В сети завирусился шуточный ролик о том, как россияне могут «вмешиваться в выборы США» // VK. — URL: https://vk.com/video-40316705_456381064?list=4958ed023369a15ff1 (дата обращения: 05.09.2024); 60 минут. Эфир от 03.07.2018 (19:00). Джон Кеннеди: не вмешивайтесь в наши выборы и покиньте Крым // Сетевое издание «Смотрим». — URL: <https://smotrim.ru/video/1802236> (дата обращения: 05.09.2024).

нированном, массивированном воздействии на адресата в соответствии с задачами ее организаторов [Коцюбинская 2017: 81].

Так, для россиян тема вмешательства России в выборы США в целом не интересна и не вызывает практически ничего, кроме усмешки. В результате усилий отечественных источников информации и официальных лиц постоянное появление новых сообщений прозападных СМИ относительно возможного участия российских спецслужб в этой операции и введения в связи с этим очередных санкций привело к потере аудиторией интереса к проблематике. Обвинения в адрес России были преподнесены нашим гражданам как абсурдные и безосновательные, с выверенным применением фасцинирующего сопровождения, которое проявлялось в излишнем медийном внимании к теме: ее публичном высмеивании, юмористической сюжетности, гипертрофированном и частотном полилоговом обсуждении, мемизации, а также в видеоэффектах анекдотичности и утрирования (см. рис. 3). В медиатекстах русскоязычного информационного пространства мишенями воздействия стали США, организация их электоральной системы, претенденты на президентский пост, включая Дж. Байдена и Д. Трампа, а также многие другие объекты внеязыковой действительности. Совокупный эффект такого системного «иммунизирующего» освещения повлек моральную усталость и равнодушие аудитории, чего и добивались ведущие российские коммуникаторы.

Конечно, информационно-психологическое оружие в поликодовом формате не ограничивается мемами и другими преимущественно статичными изображениями. Высока за счет фасцинации или антифасцинации адресата эффективность воздействия социальной рекламы, после просмотра которой большинство участников исследования сообщили о разных испытываемых эмоциях [Ломтатидзе, Алексеева 2016: 171]. Когнитивный и эмоциональный отклик аудитории достигается за счет специальных приемов автора по созданию контрастности, асимметрии, концептуального противоречия, которые наиболее выражены в конфликтных текстах, применяющихся в интересах ведения информационно-психологической борьбы. Деятельность коммуникаторов, направленная на регуляцию социальных установок и поведения адресата, строится в первую очередь через воздействие на его психическое состояние. Это открывает возможности для реализации механизмов внушения и закрепления информации на подсознательном уровне.

ИСТОЧНИКИ

1. В потоке новостей на военную тематику... // Рыбарь. — URL: <https://t.me/rybar/41220> (дата обращения: 11.08.2024).

2. RAND Corporation (организация, признанная нежелательной в России): США проиграли в информационной войне // Сетевое издание «Смотрим». — URL: <https://smotrim.ru/audio/2524231> (дата обращения: 10.08.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ариас, А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство / А.-М. Ариас. — Текст : непосредственный // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2011. — № 6 (72). — С. 62–64.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин ; [сост. С. Г. Бочаров и В. В. Кожин]. — Москва : Художественная литература, 1986. — 543 с. — Текст : непосредственный.
3. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 213 с. — Текст : непосредственный.
4. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 194 с. — Текст : непосредственный.
5. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война : моногр. / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : ЛЕНАНД, 2023. — 216 с. — Текст : непосредственный.
6. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. — Москва : Академический проект, 2009. — 261 с. — Текст : непосредственный.
7. Зарипов, Р. И. Информационно-психологическое оружие: сущность и типологизация / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 84–99.
8. Коцюбинская, Л. В. Языковая объективация информационной атаки (на примере информационного события «Олимпиада-2016») / Л. В. Коцюбинская. — Текст : непосредственный // Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 16–21 окт. 2017 г.) / отв. ред. А. П. Чудинов, Сунь Юйхуа ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2017. — С. 81–84.
9. Крюкова, Н. Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста / Н. Ф. Крюкова. — Текст : непосредственный // Языковое общение: процесс и единицы : Межвуз. сб. науч. трудов. — Калинин : Калининский гос. ун-т, 1988. — С. 81–86.
10. Ломтатидзе, О. В. Восприятие зрительной информации и психологическое состояние человека / О. В. Ломтатидзе, А. С. Алексеева. — Текст : непосредственный // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход : материалы VI Всерос. конф. с междунар. участием (8–9 дек. 2016 г.) / под ред. П. В. Ткаченко. — Курск : КГМУ, 2016. — С. 169–174.
11. Сарна, А. Визуальная метафора в дискурсе идеологии / А. Сарна. — Текст : непосредственный // Палиточная сфера. — 2005. — № 4. — С. 55–60.
12. Helmus, T. C. Russian Propaganda Hits Its Mark. Experimentally Testing the Impact of Russian Propaganda and Counter-Interventions / T. C. Helmus, J. V. Marrone, M. N. Posard, D. Schlang. — Text : electronic // RAND (организация, признанная нежелательной в России). — URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA704-3.html (дата обращения: 09.08.2024).
13. Shifman, L. Memes in Digital Culture / L. Shifman. — Cambridge : The MIT Press, 2014. — 200 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Rybar' (n.d.). *V potoke novostey na voennuyu tematiku...* [In the flow of news on military topics...]. Retrieved Aug. 11, 2024, from <https://t.me/rybar/41220> (In Russ.)

2. Smotrim (Online publication) (n.d.). *RAND Corporation (organizatsiya, priznannaya nezhelatel'noy v Rossii). SSHA proigrali v informatsionnoy voyne* [RAND Corporation (an organization proclaimed as undesirable in Russia): The US lost the information war]. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://smotrim.ru/audio/2524231> (In Russ.)

REFERENCES

1. Arias, A.-M. (2011). Polikodovyy tekst kak semiotiko-semanticheskoe i esteticheskoe znakovoe edinstvo [Polycode text as a semiotic-semantic and aesthetic sign unity]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 6(72), 62–64. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. (1986). *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles] (compiled by S.G. Bocharov & V.V. Kozhinov). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 543 p. (In Russ.)
3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). *Metafora v politicheskoy interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 213 p. (In Russ.)
4. Voroshilova, M.B. (2013). *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to reading] [Monograph]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 194 p. (In Russ.)
5. Gavrilov, L.A., & Zaripov, R.I. (2023). *Yazyk massovoy kommunikatsii i informatsionnaya vojna* [The language of mass communication and information warfare] [Monograph]. Moscow: LENAND, 216 p. (In Russ.)
6. Deleuze, J., & Guattari, F. (2009). *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?] (Translated from French and afterword by S. Zenkin). Moscow: Akademicheskii Proekt, 261 p. (In Russ.)
7. Zaripov, R.I. (2024). *Informatsionno-psikhologicheskoe oruzhie: sushchnost' i tipologizatsiya* [Information and Psychological Warfare Weapons: Essence and Typology]. *Political Linguistics*, 5(107), 84–99. (In Russ.)
8. ZlKotsyubinskaya, L.V. (2017). Yazykovaya ob"ektivatsiya informatsionnoy ataki (na primere informatsionnogo sobytiya «Olimpiada-2016») [Linguistic objectification of an information attack (on the example of the information event "Olympics-2016")]. In A.P. Chudinov, & Sun Yuhua (Eds.), *Odin poyas — odin put'. Lingvistika vzaimodeystviya* (Proceedings of the international scientific conference, Ekaterinburg, October 16–21, 2017, pp. 81–84). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
9. Kryukova, N.F. (1988). Metafora kak pragmaticheskoe sredstvo pri postroenii khudozhestvennogo teksta [Metaphor as a pragmatic means in constructing a literary text]. In *Yazykovoe obshchenie: protsess i edinit'sy* (Interuniversity collection of scientific works, pp. 81–86). Kalinin: Kalininskiy gos. un-t. (In Russ.)
10. Lomtadze, O.V., & Alekseeva, A.S. (2016). Vospriyatie zritel'noy informatsii i psikhologicheskoe sostoyanie cheloveka [Perception of visual information and psychological state of a person]. In P.V. Tkachenko (Ed.), *Psikhologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psikhologicheskij podhod. Materialy VI Vserossiyskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 8-9 dekabrya 2016 g.* (pp. 169–174). Kursk: KGMU. (In Russ.)
11. Sama, A. (2005). Vizual'naya metafora v diskurse ideologii [Visual Metaphor in the Discourse of Ideology]. In *Palitichnaya sfera*, 4, 55–60.
12. Helmus, T.C., Marrone, J.V., Posard, M.N., & Schlang, D. (n.d.). *Russian Propaganda Hits Its Mark. Experimentally Testing the Impact of Russian Propaganda and Counter-Interventions* (RAND (an organization proclaimed as undesirable in Russia)). Retrieved Aug. 9, 2024, from https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA704-3.html
13. Shifman, L. (2014). *Memes in Digital Culture*. Cambridge: The MIT Press, 200 p.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Ольга Николаевна Кондратьева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, Olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

Шахматная метафорика в российском политическом медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Метафора играет ключевую роль в политической коммуникации, поскольку позволяет передавать сложные политические идеи и концепции через образы, понятные широкой аудитории, усиливать воздействие политических сообщений, создавать эмоциональную связь между политическими идеями и аудиторией. Для интерпретации мира политики в российских массмедиа активно используются метафоры, восходящие к различным сферам-источникам, при этом в последние годы все большую популярность приобретают метафоры с исходной сферой «СПОРТ», поскольку это универсальная сфера, понятная широкому кругу людей, а идеи соперничества, стремления к победе соответствуют установкам политической деятельности. Несмотря на изученность к настоящему моменту метафор, имеющих своими источниками такие популярные виды спорта, как футбол, хоккей, борьба, бокс, теннис и некоторые другие, практически не изучены метафоры с исходной сферой «Шахматы», хотя метафоры, восходящие к данной сфере, активно используются в современном мире, в том числе и в дискурсе массмедиа. Обращение к шахматной терминологии в материалах СМИ, посвященных внешней и внутренней политике, рассматривается в статье на примере современного российского медиадискурса (материалом послужили тексты российских массмедиа, извлеченные методом сплошной выборки из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка и системы «Дзен.Новости» (ранее — «Яндекс.Новости») за 2000–2024 гг.). В составе метафорической модели «Политика — это игра в шахматы» выделяются фреймы «Шахматы», «Шахматные фигуры», «Игроки в шахматы», «Фазы шахматной партии», «Шахматные ходы и комбинации», каждый из которых содержит значительное количество репрезентантов и характеризует различные аспекты политической ситуации в России и в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, русский язык, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, концептуальные метафоры, шахматные метафоры, шахматные фигуры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, каб. 5212; email: Olnik25@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кондратьева, О. Н. Шахматная метафорика в российском политическом медиадискурсе / О. Н. Кондратьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 48–53.

Ol'ga N. Kondrat'eva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, Olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

Chess Metaphors in Russian Political Media Discourse

ABSTRACT. Metaphor plays a key role in political communication, as it allows conveying complex political ideas and concepts through images that are understandable to a wide audience, enhance the impact of political messages, and create an emotional connection between political ideas and the audience. To interpret the world of politics, Russian mass media actively use metaphors originating from various source domains. In recent years, metaphors from the source domain "SPORT" have become increasingly popular, since this is a universal sphere familiar to a wide range of people, and the ideas of rivalry and striving for victory correspond to the guidelines of political activity. Despite the fact that metaphors with such source domains as popular kinds of sport – football, hockey, wrestling, boxing, tennis, and some others, – have been studied well enough, metaphors with the source domain "Chess" have practically not been explored, although they are actively used in the modern world, including the discourse of mass media. The use of chess terminology in media materials on foreign and domestic policy is considered in the article on the example of modern Russian media discourse (the practical research material comprises texts of Russian mass media extracted by continuous sampling method from the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language and Zen.News (formerly Yandex.News) over the period 2000–2024). The metaphorical model "Politics is a game of chess" includes the frames "Chess", "Chess pieces", "Chess players", "Phases of a chess game", "Chess moves and combinations", each of which contains a significant number of representants and characterizes various aspects of the political situation in Russia and the world.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, mass media language, language means, Russian media, Russian language, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, linguistic units, cognitive linguistics, political linguistics, conceptual metaphors, chess metaphors, chess pieces.

AUTHOR'S INFORMATION: Kondrat'eva Ol'ga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kondrat'eva O. N. (2025). Chess Metaphors in Russian Political Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 48-53. (In Russ.).

Метафора играет ключевую роль в политической коммуникации, поскольку позволяет передавать сложные политические идеи и концепции через образы, понятные широкой аудитории, усиливать воздействие политических сообщений, создавать эмоциональную связь между политическими идеями и аудиторией. В современной лингвистике метафора трактуется не только как образное средство языка, некое украшение речи, но и как одна из основных когнитивных операций, способ концептуализации, интерпретации и оценки [см.: Баранов 2014; Будаев и др. 2016; Кондратьева 2015; Лакофф, Джонсон 2004; Чудинов 2021 и др.].

Для интерпретации мира политики в российских массмедиа активно используются метафоры, восходящие к сферам-источникам «ЧЕЛОВЕК», «ПРИРОДА», «АРТЕФАКТЫ», «КРИМИНАЛ», «ВОЙНА», «ТЕАТР» (см. подробнее: [Чудинов 2001]), в последние годы все большую популярность приобретают метафоры с исходной сферой «СПОРТ», поскольку это универсальная сфера, понятная широкому кругу людей независимо от их культурного фона или уровня образования, а идеи соперничества, стремления к победе соответствуют установкам политической деятельности.

Следует отметить, что в данный момент достаточно основательно изучены метафоры, имеющие своими источниками такие популярные виды спорта, как футбол, хоккей, борьба, бокс, теннис и некоторые другие (см., например: [Белютин 2009; Кириллова 2011, Корбо 2015; Корж, 2019; Макеева 2004, Сунь, Хуань 2023; Удальцова 2015; Филиппова, 2011; Чудинов 2001] и др.), но практически не изучены метафоры с исходной сферой «Шахматы» [Девяткова 2018; Максимова 2016; Поскребышева, Голубева 2016 и др.], хотя эта интеллектуальная игра насчитывает многовековую историю существования и метафоры, восходящие к данной сфере, активно используются современным мире, в том числе и в дискурсе массмедиа.

Между политикой и шахматной игрой можно провести параллели: в обеих сферах деятельности востребована способность анализа стратегий, продумывания ходов, подсчета рейтинга и т. д. Политика и шахматная игра требуют от участников высокого интеллекта и умения мыслить логично, не поддаваясь эмоциональным порывам. Такая общность и обуславливает частое обращение

к шахматной терминологии в материалах СМИ, посвященных внешней и внутренней политике.

Интерпретация политики как игры в шахматы восходит к периоду средневековья (см. подробнее: [Лучицкая 2007]). Активизация в использовании шахматной метафоры для репрезентации политических процессов произошла во второй половине XX в., в этот период в западных СМИ «возникает традиция проводить аналогию между эффективной внешней политикой и шахматной партией, успех которой зависит от искусного манипулирования фигурами на шахматной доске», данная метафора стала ключевой фигурой риторики «холодной войны» [Поскребышева, Голубева 2015: 148].

Цель настоящей статьи — рассмотреть роль шахматной метафоры в концептуализации мира политики в современном российском медиадискурсе. Материалом исследования послужили тексты российских массмедиа, извлеченные методом сплошной выборки из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка и системы «Дзен.Новости» (ранее — «Яндекс.Новости») за 2000–2024 гг.

В проанализированном материале структуру метафорической модели «Политика — это игра в шахматы» образуют пять фреймов: «Игра в шахматы», «Шахматные фигуры», «Игроки в шахматы», «Фазы шахматной партии», «Шахматные ходы и комбинации», каждый из которых содержит значительное количество репрезентантов.

1. Фрейм «Шахматы». О существовании устойчивых ассоциаций между сферами «Политика» и «Игра в шахматы» свидетельствует регулярное использование в российском медиадискурсе XXI в. метафорического сочетания *политические шахматы: Политики не могут определиться между синицей сиюминутной выгоды и журавлем будущих триумфов, дипломаты продолжают играть в политические шахматы (Дни.ру, 2014); Если не к середине сентября, то к его концу или началу октября вновь расчехлятся пушки и орудия, которые скучают по запаху пороха, расставят вновь фигуры профессионалы политических шахмат* (Новости Хакасии, 2025). Авторы медиатекстов прямо указывают на сходство политики и игры в шахматы: *Политика похожа на шахматы. Взятся — ходи. До мата* (Известия, 2010).

Лексема *шахматы* сопровождается эпитетами *геополитические, мировые, местные, региональные*, что указывает на масштабы политической игры, т. е. подобные метафоры используются для характеристики как внешней, так и внутренней политики страны: *Похоже, Вашингтон и Пхеньян, образно говоря, продолжают играть в геополитические шахматы на ядерной доске, с каждым днем побуждая наблюдателей быть более скептическими* (Российская газета, 2018); *Последние назвали Кучина «сильной фигурой в местных политических шахматах»* (Евразия Daily, 2017).

2. Фрейм «Шахматные фигуры». Для характеристики политических персонажей в медиадискурсе используются метафоры, основанные на переносном значении лексем, обозначающих шахматные фигуры, например *ферзь, король, слон, конь, ладья, пешка*.

Фигуры, которые относятся к сильным (*король, ферзь*), часто обозначают политических лидеров, фигуры рангом ниже (*ладья, слон, конь, пешка*) сравниваются с политиками или народом: *Ферзь — экс-премьер, а ныне вождь либеральной оппозиции* (Комсомольская правда, 2006); *Русская нация в России не пешка, а король* (Известия, 2014). В качестве пешек, полностью зависящих от деятельности политиков и от стратегии государства, регулярно предстают обычные граждане, а также страны, не относящиеся к числу лидеров и политически уязвимые: *Человек, целиком зависимый от государства, — пешка, но небезобидная* (Комсомольская правда, 2009); *Последним, кстати, глубоко наплевать на Украину, она для них — разменная пешка в игре против России...* (Труд-7, 2004).

Следует отметить, что метафоры шахматного короля, которые, в принципе, могли бы характеризовать первых лиц государства, в российском политическом медиадискурсе практически не используются. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что король — это хоть и сильная, но все же фигура, т. е. предмет, управляемый шахматистом, лишенный самостоятельности в принятии решений. Поэтому для характеристики политиков, стоящих на самых высших ступенях политической иерархии, используются метафоры шахматиста и даже гроссмейстера.

3. Фрейм «Игроки в шахматы». В медиадискурсе для характеристики политических персонажей в переносном значении активно используются лексические единицы *игрок, шахматист, новичок, гроссмейстер*. Профессиональный политик, подобно шахматисту, обладает развитым стратегическим

мышлением и точно просчитывает ситуацию: *Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков сравнил действия Владимира Путина с шахматистом, который просчитывает несколько ходов вперед в переговорах с США* (Российская газета, 2021).

Как и в любой игре, в шахматах предполагаются разные степени овладения мастерством. Игрока, который только начинает осваивать шахматы, называют «новичком». Высшее спортивное звание в игре в шахматы носит название «гроссмейстер». Разный уровень политиков представляется в массмедиа как столкновение на игровом поле профессионала-гроссмейстера и новичка: *Бездумное желание идти по пути глобализации или спешное вступление в ВТО напоминает мне игру в шахматы гроссмейстера и новичка. Все вроде честно и по правилам, но новичок обречен на проигрыш. Нам явно не стоит уподобляться такому новичку. Лучше в противоборство уступать уже подготовленным, имея все шансы на успех* (Известия, 2006).

Гроссмейстерами в массмедиа называют политиков, достигших высочайшего уровня мастерства, которым обладают только настоящие асы политической игры. Чаще всего в роли политических гроссмейстеров предстают лица, обладающие максимальным политическим влиянием, т. е. президенты крупных стран. Закономерно, что наиболее часто в российских массмедиа подобным образом уважительно называют президента России В. В. Путина: *Путин — гроссмейстер международного класса. Как президент России двумя небольшими интервью и задачку Трампу задал, и пыл его охладил, и Зеленского заставил бояться за себя ещё больше* (Мир Белогорья, 2025). Показательно, что подобную точку зрения разделяют и представители других стран: *Внимание, прикованное к президенту России, как мировых СМИ, так и лидеров других стран подтвердило факт того, что Владимир Путин является признанным даже его недоброжелателями гроссмейстером глобальной политики. Такое мнение высказывает в своей статье американский журналист Артур Эванс на страницах издания Fort Russ News* (Life, 2019).

В изученном материале в качестве гроссмейстеров предстают также лидеры Китая, Северной Кореи, Турции, Республики Беларусь и Казахстана: *Путин, Си Цзиньпин, Ким Чен Ын и лидер Турции Эрдоган — все они гроссмейстеры мирового уровня* (Vesti.ru, 2020); *Ваш ход, гроссмейстер Лукашенко! Значит, вполне возможно, что,*

столкнувшись с кризисной ситуацией, в отличие от Виктора Януковича, он сможет удивить мир мастерством игры в «политические шахматы» (ИА «Новости», 2015); Токаев — эффективный политический гроссмейстер, политический актер высочайшего класса, национальный лидер, пользующийся доверием и поддержкой миллионов граждан своей страны (Парламентская газета, 2024). От уровня мастерства в политике, как и в шахматах, зависит многое, что и определяет продуктивность метафор данного фрейма в российском политическом медиадискурсе.

4. Фрейм «Фазы шахматной игры». Для характеристики различных этапов политических процессов и для характеристики острых политических ситуаций российские массмедиа используют в переносном значении лексемы, обозначающие различные этапы шахматной партии: дебют, миттельшпиль, эндшпиль. Каждая фаза плавно перетекает в другую, но иногда ситуация может развиваться таким образом, что после дебюта сразу наступает эндшпиль, все зависит от мастерства игрока: *Возможность представления Путиным вице-мэра Москвы Валерия Шанцева кандидатом в нижегородские губернаторы ещё позавчера казалась лишь версией, слухом. А вчера это стало свершившимся фактом. Такой вот стремительный эндшпиль. А дебют и миттельшпиль этой партии были весьма долгими* (Комсомольская правда, 2005).

5. Фрейм «Шахматные ходы и комбинации». На политической доске опытные игроки реализуют сложные комбинации, которые должны привести их к политическому успеху. В российском медиадискурсе для характеристики политических процессов наиболее активно в переносном значении используются лексические единицы рокировка, гамбит, цугцванг, пат, шах, мат.

В политических структурах регулярно происходят перемещения политиков внутри относительно равноправных подразделений, сдача политиками своих соратников ради возможности сместить политических конкурентов и приблизиться к цели. Для описания данных процессов в массмедиа используются в метафорическом значении шахматные термины рокировка и размен: *Вокруг Путина началась большая рокировка. Приход Белоусова в Минобороны ставит вопрос о новом месте работы Патрушева* (Независимое военное обозрение, 2024). Под разменом в шахматах понимается ход, которым собственная фигура отдается за такую же или равноценную фигуру партнера. В мире политики также регулярно приносятся

в жертву собственные фигуры ради достижения желаемого результата: *Способен ли наш сверхдержавный шахматист на такой рискованный размен или он готов только оттягивать приближение неминуемого мата от имени Преисподней?* (Известия, 2013).

Под гамбитом в шахматах понимают ситуацию, когда одна из сторон (в отличие от размена) в интересах быстрее развития или просто для обострения игры жертвует материал (обычно пешку, но иногда и более крупную фигуру). Соответственно, подобные метафоры используются для характеристики вынужденных политических жертв, которые приходится приносить для достижения политических успехов в будущем: *Налицо своего рода шахматный гамбит. Мэр жертвует качеством отношений с сегодняшним руководителем Законодательного собрания, чтобы построить выгодное сотрудничество с будущим губернатором* (Труд-7, 2003); *Трамповский гамбит: 40 % сокращения военных расходов — блеф или генеральный ход?* (Аргументы недели, 2025).

Ситуации, когда любой ход, который бы ни сделал политический игрок, приведет к ухудшению партии, называют цугцвангом: *Противостояние официальных властей и оппозиции вошло в фазу, именуемую на языке шахматистов «взаимный цугцванг»* (Известия, 2014). В последнее время подобные метафоры в российских массмедиа активно используются применительно к В. Зеленскому: *Орбан переполошил Европу и Штаты своей многоходовочкой. Вроде бы ничего особенного, но Запад в патовом положении, а Зеленскому остаётся только цугцванг — вынужденный ход* (Царьград, 2024); *Зеленский в политическом цугцванге: между Трампом и Кремлем* (NewsInfo.ru, 2025).

Для обозначения наиболее острых ситуаций в шахматах используются термины «пат», «шах» и «мат». Патом называется ситуация, при которой сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, так как все ее фигуры и пешки лишены возможности сделать ход по правилам, причем король не находится под шахом: *Цветная революция, пат или политический торг: Молдавия сделала еще один шаг к развязке* (ИА REX, 2010); *Политический пат: как Украина готовится к встрече «нормандской четверки»* (Звезда, 2019).

Метафора шаха используется для обозначения политических ситуаций, более напряженных, чем те ситуации, для характеристики которых использовалась метафора пата, кроме того, шах может выступать в ка-

честве некоего предупреждения: *Если сравнить Землю с огромной политической шахматной доской, то Москва и Пекин поставили Вашингтону «шах»* (РЕНТВ, 2023); *Владимир Путин поставил «Орешником» шах Западу: Какие политические знаки Россия передала миру* (Комсомольская правда, 2024).

Мат в шахматах является финальной точкой в политической партии. После поражения одной из сторон может начаться новая политическая игра, но уже на условиях победителя: *Этим ходом президент поставил мат всем прогнозам политологов: столь странной рокировки не ожидал никто* (Комсомольская правда, 2006); *В США признали: Путин поставил Байдену политический мат* (Мир тесен, 2021); *«Шах и мат»: западные СМИ уверены в желании Трампа избавиться от Зеленского* (РТ на русском, 2025).

Проведенный анализ показал, что шахматные метафоры активно используются российскими массмедиа. Политика регулярно метафорически представляется в политическом медиадискурсе как шахматная игра, политические процессы (выборы, переговоры, борьба за власть) — как напряженная партия, в которой выделяются основные фазы (*дебют, миттельшпиль и эндшпиль*), осуществляются сложные комбинации (*рокировки, размен*), возникают критические ситуации (*цугцванг, гамбит, шах, мат, пат*). Участники политической игры предстают либо как шахматисты с разным уровнем мастерства (*новички или гроссмейстеры*), либо как шахматные фигуры — сильные (*ферзь, король, ладья, слон*) и слабые (*пешки*).

Таким образом, политическая деятельность регулярно концептуализируется в массмедиа как интеллектуальное состязание, в котором существуют строгие правила игры, разрабатываются и реализуются многоходовые стратегии, победа приходит к сильнейшему. В подобных образах задействованы концептуальные смыслы «состязание», «соперничество», «борьба», «победа».

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка (газетный подкорпус). — URL: ruscorpora.ru.
2. *Дзен.Новости* (ранее — Яндекс.Новости). — URL: <https://dzen.ru/news>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
2. Белютин, Р. В. Дискурсивная метафора ФУТБОЛ в национальной лингвосомиотической концептосфере (на материале немецкого языка) / Р. В. Белютин. — Текст : непосредственный // Конкурсы молодых ученых: сборник материалов. — Смоленск : Смоленская городская типография, 2009. — С. 35–39.

3. Будаев, Э. В. Методика диахронического анализа политической метафоры / Э. В. Будаев, О. Н. Кондратьева, Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6 (60). — С. 18–31.

4. Девяткова, М. И. Метафорическая модель «Политика — это игра в шахматы» в российском и американском политическом дискурсе (на материале креолизованных текстов с образом Владимира Путина) / М. И. Девяткова. — Текст : непосредственный // Гуманитарно-педагогическое образование. — 2018. — Т. 4. — № 2. — С. 35–45.

5. Кириллова, Ю. Н. Спортивная концептуальная метафора в современном немецкоязычном дискурсе СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Кириллова Ю. Н. — Барнаул, 2011. — 235 с. — Текст : непосредственный.

6. Кондратьева, О. Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект) / О. Н. Кондратьева. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2015. — 238 с. — Текст : непосредственный.

7. Корбо, Б. Спортивно-игровая метафора в политическом дискурсе (на материале русского и итальянского языков) / Б. Корбо. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3(53) — С. 116–123.

8. Корж, П. А. Спортивная метафора как средство коммуникации в американском политическом дискурсе / П. А. Корж. — Текст : непосредственный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2019. — № 2 (22). — С. 175–179.

9. Макеева, А. А. Спортивная метафорика в современном политдискурсе / А. А. Макеева. — Текст : непосредственный // Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки : сборник статей. — Москва : Прометей : МПГУ, 2004. — С. 349–352.

10. Максимова, Ю. А. Метафорическая модель «Политика — это игра, спортивное состязание» в политическом дискурсе Л. Д. Троцкого (на материале работы «К истории русской революции») / Ю. А. Максимова. — Текст : электронный // Концепт : науч.-мет. электр. журн. — 2016. — Т. 11. — С. 26–30.

11. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

12. Лучицкая, С. И. Шахматы как метафора средневекового общества / С. И. Лучицкая. — Текст : непосредственный // Одиссей. Человек в истории. — 2007. — Т. 19. — С. 67–84.

13. Поскребышева, Т. А. Метафора шахматной игры как средство создания образа России в американском политическом дискурсе / Т. А. Поскребышева, Т. М. Голубева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 9 (51). — С. 147–150.

14. Сунь, Ф. Сопоставительное исследование спортивных и игровых метафор в российском и китайском политическом дискурсе / Сунь Ф., Хуан Ч. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 185–195.

15. Удальцова, Н. М. Спортивная концептуальная метафора в англоязычном медиадискурсе / Н. М. Удальцова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 173–181.

16. Филиппова, Н. Б. Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации) / Н. Б. Филиппова. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 130. — С. 80–87.

17. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (gazetnyy podkorpus)* [National Corpus of the Russian Language (newspaper subcorpus)] (n.d.). Retrieved from ruscorpora.ru (In Russ.).
2. *Dzen.Novosti* (formerly Yandeks.Novosti) (n.d.). Retrieved from <https://dzen.ru/news> (In Russ.).

REFERENCES

1. Baranov, A.N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 632 p. (In Russ.)

2. Belyutin, R.V. (2009). Diskursivnaya metafora FUTBOL v natsional'noy lingvosemioticheskoy kontseptosfere (na materiale nemetskogo yazyka) [Discursive metaphor FOOTBALL in the national linguo-semiotic concept sphere (based on the German language)]. In *Konkurs molodykh uchennykh* [Competition of young scientists] (Collection of materials, pp. 35–39). Smolensk: Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2009. (In Russ.)
3. Budaev, E.V., Kondrat'eva, O.N., Nakhimova, E.A., & Chudinov, A.P. (2016). Metodika diakhronicheskogo analiza politicheskoy metaforiki [Methods of Diachronic Analysis of Political Metaphors]. *Political Linguistics*, 6(60), 18–31. (In Russ.)
4. Devyatkov, M.I. (2018). Metaforicheskaya model' "Politika — eto igra v shakhmaty" v rossiyskom i amerikanskom politicheskom diskurse (na materiale kreolizovannykh tekstov s obrazom Vladimira Putina) [Metaphorical model "Politics is a game of chess" in Russian and American political discourse (based on creolized texts with the image of Vladimir Putin)]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 4(2), 35–45. (In Russ.)
5. Kirillova, Yu.N. (2011). *Sportivnaya kontseptual'naya metafora v sovremennom nemetskoyazychnom diskurse SMI* [Sports conceptual metaphor in modern German-language media discourse] [Dis. of Cand. of Philological sciences]. Barnaul, 235 p. (In Russ.)
6. Kondrat'eva, O.N. (2015). *Diakhronicheskaya metaforologiya (kognitivno-diskursivnyy aspekt)* [Diachronic metaphorology (cognitive-discursive aspect)]. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, 238 p. (In Russ.)
7. Korbo, B. (2015). Sportivno-igrovaya metafora v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i ital'yanskogo yazykov) [Sports and Games Metaphor in Political Discourse in Russian and Italian]. *Political Linguistics*, 3(53), 116–123. (In Russ.)
8. Korzh, P.A. (2019). Sportivnaya metafora kak sredstvo kommunikatsii v amerikanskom politicheskom diskurse [Sports metaphor as a means of communication in American political discourse]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2(22), 175–179. (In Russ.)
9. Makeeva, A.A. (2004). Sportivnaya metaforika v sovremennom politdiskurse [Sports metaphors in modern political discourse]. In *Nauchnye trudy MPGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* (Collection of articles, pp. 349–352). Moscow: Prometey MPGU. (In Russ.)
10. Maksimova, Yu.A. (2016). Metaforicheskaya model' "Politika — eto igra, sportivnoe sostyazanie" v politicheskom diskurse L. D. Trotskogo (na materiale raboty "K istorii russkoy revolyutsii") [Metaphorical model "Politics is a game, a sports competition" in the political discourse of L. D. Trotsky (based on the work "On the history of the Russian revolution")]. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 11, 26–30. (In Russ.)
11. Lakoff, J., & Johnson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow: URSS, 256 p. (In Russ.)
12. Luchitskaya, S.I. (2007). Shakhmaty kak metafora srednevekovogo obshchestva [Chess as a Metaphor of Medieval Society]. *Odyssey. Chelovek v istorii*, 19, 67–84. (In Russ.)
13. Poskrebysheva, T.A., & Golubeva, T.M. (2015). Metafora shakhmatnoy igry kak sredstvo sozdaniya obraza Rossii v amerikanskom politicheskom diskurse [The Metaphor of a Chess Game as a Means of Creating the Image of Russia in American Political Discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9(51), 147–150. Tambov: Gramota. (In Russ.)
14. Sun Fuqing, Huang Zhonglian. (2023). Sopostavitel'noe issledovanie sportivnykh i igrovyykh metafor v rossiyskom i kitayskom politicheskom diskurse [A Comparative Study of Sports and Games Metaphors in Russian and Chinese Political Discourse]. *Political Linguistics*, 3, 185–195. (In Russ.)
15. Udaltsova, N.M. (2015). Sportivnaya kontseptual'naya metafora v angloyazychnom mediadiskurse [Conceptual Sports Metaphor in English Media Discourse]. *Political Linguistics*, 3(53), 173–181. (In Russ.)
16. Filippova, N.B. (2011). Sportivnaya metafora kak sublimatsiya voennoy metafori (na materiale politicheskoy kommunikatsii) [Sports metaphor as a sublimation of military metaphor (based on political communication)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. I. Gertsena*, 130, 80–87. (In Russ.)
17. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafori (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.261

ГРНТИ 16.21.51; 16.41.21

Код ВАК 5.9.6

Ирина Сергеевна Пирожкова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, pirozhkova_is@usue.ru, SPIN-код: 8847-9136

Метафорическая репрезентация Д. Трампа в американских СМИ в постинаугурационный период

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу метафорического образа Д. Трампа в американских СМИ в период после инаугурации в 2025 году. Цель исследования — выявить наиболее востребованные метафорические модели, используемые для создания образа Д. Трампа в СМИ, и проиллюстрировать особенности их функционирования. Актуальность данного анализа заключается в том, что изучение метафорического образа политика, создаваемого СМИ, позволяет глубже понять роль массмедиа в политических процессах страны и выявить образы, которые они пытаются закрепить в сознании массового адресата. Методом сплошной выборки было выявлено 130 метафорических контекстов в онлайн-версиях изданий «The New York Times», «Bloomberg», «The Economist», «USA Today» за период с января 2025 года по март 2025 года. Наиболее востребованными оказались такие метафорические модели: «Трамп — это страстный человек», «Трамп — это Путин», «Трамп — это король», «Трамп — это военный», «Трамп — это строитель» и «Трамп — это игрок». Все выявленные контексты дают негативную оценку действиям президента, что может быть связано с тем, что большинство СМИ в США принадлежит сторонникам Демократической партии и часто выступает с резкой критикой действий политиков-консерваторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, американские СМИ, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, метафорические образы, концептуальные метафоры, американские президенты, Д. Трамп.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, каб. 454; email: pirozhkova_is@usue.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пирожкова, И. С. Метафорическая репрезентация Д. Трампа в американских СМИ в постинаугурационный период / И. С. Пирожкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 54-60.

Irina S. Pirozhkova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, pirozhkova_is@usue.ru, SPIN code: 8847-9136

Metaphorical Representation of D. Trump in American Mass Media in Post-inaugural Period

ABSTRACT. The article analyzes the metaphorical image of D. Trump in American media in the period after the inauguration in 2025. The study aims to identify the most popular metaphorical models used to create the image of D. Trump in the media and to illustrate their functioning. The urgency of this analysis lies in the fact that studying the metaphorical image of a politician created by the media allows the researcher to better understand the role of mass media in the political processes of the country and identify the images that they are trying to consolidate in the minds of the mass addressee. Using the continuous sampling method, 130 metaphorical contexts were identified in the on-line versions of “The New York Times”, “Bloomberg”, “The Economist”, “USA Today” over the period from January 2025 to March 2025. The most popular metaphorical models include: “Trump is a passionate person”, “Trump is Putin”, “Trump is a king”, “Trump is a military man”, “Trump is a builder” and “Trump is a player”. Almost all contexts give a negative assessment of the president's actions, which may be explained by the fact that most media in the United States belong to Democrats and often sharply criticize the actions of Republican politicians.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, American media, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, metaphorical images, conceptual metaphors, American presidents, D. Trump.

AUTHOR'S INFORMATION: Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Pirozhkova I. S. (2025). Metaphorical Representation of D. Trump in American Mass Media in Post-inaugural Period. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 54-60. (In Russ.).

В данном исследовании предпринята попытка изучения и систематизации метафорической репрезентации американского президента Д. Трампа в период после инаугурации в 2025 г. Актуальность данного анализа заключается в том, что изучение метафорического образа политика, создаваемого СМИ, позволяет глубже понять роль масс-медиа в политических процессах страны и выявить образы, которые они пытаются закрепить в сознании массового адресата.

Политическая лингвистика — это сравнительно молодое научное направление, которое, являясь мультидисциплинарным, использует методологию различных наук для изучения связи языка и мышления в рамках политической коммуникации [Чудинов 2006; Гаврилова 2016]. Сегодня результаты исследований в области политической коммуникации могут быть полезны не только лингвистам, политологам, политикам и журналистам, но и обывателю, так как критический анализ современной политической коммуникации поможет более точно интерпретировать описываемые события и не поддаваться манипуляции. Фундамент политической лингвистики в России был заложен А. П. Чудиновым, которому удалось превратить новое направление в исследовании языка в научную школу, методология и методы исследования которой востребованы отечественными и зарубежными учеными. Важной областью исследования в рамках политической лингвистики является изучение метафоры, которая представляется как «ментальная операция, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев, Чудинов 2006: 40].

Как справедливо отмечалось ранее, «активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания» [Чудинов 2012: 86].

Изучение метафор в политических текстах в период международных конфликтов представляет особый интерес для исследователей. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков 2002: 32], метафора выступает хорошим инструментом внушения, так как с помощью ярких и понятных адресату образов позволяет не только передать информацию, но и убедить в правильности своих суждений.

В период с 2020 по 2025 г. большое внимание исследователей уделяется метафо-

рической репрезентации пандемии, образа полиции, кризиса образования, здравоохранения и других социальных сфер, экономического кризиса [Червякова 2022; Будаев, Пологова 2023; Исаева 2023] и др. Интерес вызывает использование метафор в медийном политическом дискурсе для репрезентации образа политика. Так, Дж. Байдена часто представляют как строителя, машину, растение и мертвеца. По данным исследования, самая распространенная метафорическая модель «Байден — строитель» создает положительный образ политика, пытающегося восстановить мир и порядок [Малагин 2023]. Сопоставление образов британских политиков Кира Стармера и Риши Сунака в карикатурах позволило прийти к выводу, что карикатуры последнего более резкие и содержат больше негативных коннотаций, в то время как Кир Стармер имеет нейтральные или даже положительные оценки [Dumova et al 2024]. Анализ репрезентации метафорического образа Дж. Мелони в итальянском предвыборном медиадискурсе показал, что наиболее частотными являются метафоры сфер-источников «Война», «Игра и спорт», «Животные», «Анатомия» и «Театр». Метафоры реконструируют полярные образы политика: с одной стороны, Дж. Мелони представлена как надежный кандидат, а с другой — неискренний [Исакова 2024]. Метафорический образ премьер-министра республики Армения в русскоязычных и англоязычных СМИ представлен социальной и антропоморфной метафорами [Калантарян 2024].

При изучении медийного образа канцлера Германии Олафа Шольца авторы делают вывод о том, что «образ политика в современных массмедиа является результатом целенаправленного конструирования и, следовательно, не может соотноситься с реальной внедискурсивной личностью политика» [Виниченко 2023: 38].

Дональд Трамп — это яркая фигура на политической арене США. Это первый республиканец, занимающий пост президента два срока с перерывом. Его предвыборные кампании запомнились патриотическим слоганом «Make America Great Again», который является отсылкой к временам правления Рональда Рейгана, высоко оцениваемым в американском обществе. Покушения во время избирательной кампании, два импичмента в первый президентский срок, судебное преследование, резкая критика в СМИ, обвинения в дезинформации — все это не помешало Трампу получить большинство голосов как выборщиков, так и избирателей на выборах 2024 г.

Дискурс политика и публикации о нем в СМИ не раз становились предметом лингвистического анализа. Так, метафорический образ Дональда Трампа был описан на материале британского издания «The Guardian» за период 2017–2020 гг. и 2021–2024 гг. Было выявлено, что в медиаобразе политика доминируют негативные оценки, наиболее распространенные метафорические модели включают: Трамп — шоумен, Трамп — игрок, Трамп — лжец, Трамп — мошенник, Трамп — грубиян, Трамп — расист и сексист [Закиева 2024]. В британских медиатекстах для репрезентации образа Трампа используются такие коммуникативные стратегии, как стратегия дискредитации, противопоставления, поляризации и аргументации [Пономарева 2017]. Анализ образа Трампа в журнале «Newsweek» в 2017 году показал, что «моральные принципы и личные качества американского президента оцениваются отрицательно; эта оценка в значительной степени транслируется общественностью на оценку его политики. Взаимодействие Трампа с окружающей действительностью репрезентируется как неуравновешенное и безрассудное, некоторые методы ведения политики не одобряются» [Гавриленко 2018: 23]. Метафорический образ Д. Трампа в СМИ США в 2017 году представлен такими сферами-источниками, как «Animals», «Show Business», «Politicians», «Artifacts», «War», «Sport», «Family». Большинство контекстов содержат негативную оценку политика [Лавриенко 2017].

Таким образом, исследования последних лет показывают, что в СМИ преобладает негативная оценка при создании образа Дональда Трампа, но, несмотря на это, победа на выборах президента в США 2024 года показала, что журналистам не удастся дискредитировать политика. По словам П. В. Балдицына, «тотальная критика Дональда Трампа во всех либеральных медиа — одна из самых характерных черт политической жизни США в последние годы. Исследования показали, что в американских медиа все годы его президентства преобладали негативные материалы о Трампе: в 2017 г. их было от 62 до 88 %, в 2020 г. — до 95 %» [Балдицын 2021].

Цель данного исследования — проанализировать метафорическую репрезентацию образа президента США Дональда Трампа в американских СМИ в постинаугурационный период. Материалом исследования послужили публикации в онлайн-изданиях «The New York Times», «Bloomberg», «The Economist», «USA Today» за период с января 2025 г. по март 2025 г. Было изучено 50 статей,

из которых отобрано 130 метафор методом сплошной выборки.

Рассмотрим метафорическую репрезентацию Дональда Трампа в американских СМИ после его инаугурации в 2025 году. Первые сто дней президентства — это период активных политических действий и инициатив, которые задают направление курса политики президента на весь новый срок. В это время наблюдается большая активность журналистов в освещении происходящих событий и выражении своего мнения о них. Публикации о Д. Трампе в указанный период выходили во всех рассмотренных изданиях каждый день.

Лидером по количеству употреблений стала метафорическая модель «ТРАМП — ЭТО СТРАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК». Особое место здесь занимает метафора объятий. Авторы публикаций в разных изданиях неоднократно описывают отношения между Россией и США как объятия: «embrace of Russia», «embrace the Kremlin's view», «embrace of sovereignty politics» и др. Например: *After Mr. Trump's embrace of Russia and his warnings that Europe had better fend for itself, the president's latest attack added to the increasing view of European leaders and analysts that he and his team of loyalists consider America's traditional allies in Europe as adversaries not just on trade, but on nearly everything* (The New York Times. Indifference or Hostility? Trump's View of European Allies Raises Alarm. 20.02.2025); *As he breaks a taboo by embracing Russia, he looks as if he is treating his alliance with Europe as something to bargain away* (The Economist. Donald Trump: the would-be king. 20.02.2025).

В рамках данной метафорической модели Трампа представляют как человека, женатого на мечте о крепкой «тройке сильных лидеров», куда входят он сам, Путин и Си Цзиньпин: *European leaders had tried to guide Trump in the days before Zelensky arrived, but Trump is wedded to his demented dream of a troika of strongmen — himself, Putin and Xi Jinping — astride the world* (The New York Times. Trump Is Rootin' for Putin. 01.03.2025).

Отношения Трампа с его соратниками представлены в образе брака: *Can the Trump-Musk Marriage Be Saved?* (The New York Times. Writers on an Inevitably Combustible Relationship 24.01.2025). Внебрачные отношения завязались с политиками, скептически настроенными по отношению к международным организациям: *And they fueled Mr. Trump's love affairs with other skeptics of international organizations, such as Viktor Orban of Hungary or Giorgia Meloni of Italy* (The New York Times. Why Does Trump Threaten America's Allies? 02.02.2025).

Наконец, журналисты полагают, что Трамп питает теплые чувства к Путину: *I don't envy Marco Rubio trying to steer a course between his hawkish instincts on Russia and Trump's lovey-dovey feelings for Vladimir Putin* (The New York Times. Four More Years! Four More Years! Wait. Four More Years? 20.01.2025). Важно подчеркнуть, что все контексты, репрезентирующие данный образ, не содержат намека на нетрадиционную ориентацию: так, например, «lovey-dovey feelings» и «bro-mance» имеют значение «братская любовь».

Отношения Трампа с гражданами США и корпорациями не так безоблачны, например, «медовый месяц с потребителями» подходит к концу, «любовь» к крупным нефтяным компаниям может остаться безответной: *Trump's Honeymoon With Consumers May Be Nearing an End* (Bloomberg. Trump's Honeymoon With Consumers May Be Nearing an End 25.02.2025); *Donald Trump loves big oil. Does big oil love him back?* (The Economist. Donald Trump loves big oil. Does big oil love him back? 06.02.2025).

В то же время, несмотря на всю свою «любвеобильность», Трамп не поддается «чарам» западных политиков, например, Э. Макрона: *But Mr. Trump describes himself as a disrupter, and Mr. Macron got little for his attempt at seduction* (The New York Times. Indifference or Hostility? Trump's View of European Allies Raises Alarm. 27.02.2025).

Таким образом, используя метафоры романтических отношений, чаще в негативном значении, журналисты подчеркивают, что действия Трампа продиктованы его личными симпатиями, а не здравым смыслом и заботой о гражданах. Высокая частотность метафор данной модели в СМИ обусловлена, возможно, громким судебным делом против Трампа за попытку откупиться и скрыть свои внебрачные отношения.

Следующая по частотности метафорическая модель может быть представлена как «ТРАМП — ЭТО ПУТИН» или «ТРАМП — ЭТО ПОМОЩНИК ПУТИНА». Все контексты этой метафорической модели имеют явные отрицательные коннотации и говорят о возможности превращения Д. Трампа в «кровавого тирана, который хочет проглотить Украину»: *Even though we should be used to it by now, it was still shocking to see Trump parrot the view of Vladimir Putin, a murderous tyrant who wants to swallow Ukraine in a fit of nostalgia for the Soviet Union* (The New York Times. Trump Is Rootin' for Putin. 01.03.2025).

Читателей предупреждают, что попытки Трампа и его администрации оказать давление на прессу, наказать политических оппонентов и «приручить» американских магна-

тов очень похожи на ранние дни «царствования» В. Путина: *A new administration's efforts to pressure the news media, punish political opponents and tame the nation's tycoons evoke the early days of President Vladimir V. Putin's reign in Russia* (The New York Times. In Trump's Washington, a Moscow-Like Chill Takes Hold. 26.02.2025). В попытке унижения Трампа его называют «болельщиком Путина» в заголовке одной из статей издания «The New York Times»: *Trump Is Rootin' for Putin* (The New York Times. 01.03.2025), обвиняют в том, что он «раболепствует перед Путиным»: *Unless Trump's art of the deal is all about truckling to Putin* (The New York Times. Trump Is Rootin' for Putin. 01.03.2025), является или притворяется «русским агентом»: *My fellow Americans, we are in completely uncharted waters, led by a president, who — well, I cannot believe he is a Russian agent, but he sure plays one on TV* (The New York Times. This Never Happened With an American President Before. 28.02.2025).

В контексте серьезной конфронтации США и России, которая быстро развивалась в последнее десятилетие, сравнение Трампа с Путиным — это попытка дискредитировать политическую деятельность американского президента и обвинить его в предательстве интересов Америки.

Третья по частотности метафорическая модель — «ТРАМП — ЭТО КОРОЛЬ». СМИ представляют Трампа «самопровозглашенным королем, для которого главным критерием является личная преданность, и поэтому у любого человека, желающего получить что-то в Америке, есть стимул предстать перед ним в качестве придворного, рискуя своим достоинством в надежде получить благосклонность трона»: *The second time is different: Trump has set himself up as a king with a court where the main litmus test is personal loyalty and so there are incentives for any people who wants anything in America (except, yes, more undocumented immigration or more D.E.I. programs) to appear before him as a courtier, risking their dignity in the hopes of winning favors from the throne* (The New York Times. In the Court of King Trump. 25.01.2025).

Статьи, использующие монархическую метафору, часто дополняют текст изображением Трампа в короне, на престоле, с жезлом или в королевской мантии, усиливая тем самым идею о том, что единоличная власть может нанести непоправимый ущерб Америке. Яркий заголовок «Дональд Трамп: потенциальный король»: *Donald Trump: the would-be king* (The Economist 20.02.2025) предваряет статью, в которой действия президента критикуются его оппозицией: президент го-

ворит, что он очищает государственный аппарат от расточительства, мошенничества и злоупотреблений властью, но его оппоненты предупреждают, что он разрушает федеральное правительство. Трамп говорит, что несет мир во всем мире и процветание дома; они предупреждают, что он разрушает альянсы, которые поддерживают силу Запада. Он говорит, что он снова делает Америку великой; они предупреждают, что он ведет страну к конституционному кризису или даже к трамповской автократии.

Комментируя приглашение, полученное Трампом от короля Великобритании Карла III, журналисты пишут, что «настоящий король тешит эго обычного хулигана, который думает, что он король» и призывают монарха отозвать приглашение: *A real king soothing the ego of a hooligan who thinks he's a king* (The New York Times. Trump Is Rootin' for Putin. 01.03.2025). Другие политики предстают в образе слуг, собственности или тех, кто должен выразить свою преданность президенту, поклонившись или поцеловав кольцо — традиция, существовавшая во времена средневековых монархов: *Or does he (Trump) just want other leaders to kiss the ring?* (Bloomberg. Trump Takes Markets, Businesses on a Tariff Rollercoaster. 03.02.2025); *In sum, bowing to Trump at the expense of the needs of the caucus might seem like the easier road to Johnson now, but it could get harder as chaos swirls, deficits balloon and grocery prices remain high* (Bloomberg. Mike Johnson's Shrinking Power Is No Accident. 28.02.2025).

Таким образом, включение в американский политический дискурс монархической метафорической модели и отождествление президента с монархом создает негативный образ Дональда Трампа, так как «в силу известных культурно-исторических причин монархическая метафора совершенно нетипична для американского политического дискурса, где президент — это не „помазанник божий“, а назначенный народом главный менеджер» [Чудинов 2012б: 223].

Следующая частотная метафорическая модель в проанализированном корпусе статей — «ТРАМП — ЭТО ВОЕННОКОМАНДУЮЩИЙ». Известно, что политика часто концептуализируется с помощью военной метафоры и представляет собой поле боя, борьбу за власть, сражение с оппонентами. После инаугурации Д. Трамп продолжает «войну за власть» и предпринимает «стремительную атаку, блицкриг указов, прокламаций и распоряжений»: *A week into Donald Trump's second term, we've witnessed a rapid onslaught, a blitzkrieg if you will, of executive orders, proclamations and mandates,*

including the firing of at least a dozen inspectors general (The New York Times. Assessing Trump's 'Wrecking Ball' First Week. 28.01.2025). Метафора «блицкриг» служит отсылкой к событиям первой части Второй мировой войны. Кроме того, СМИ сообщают, что Трамп «открывает огонь по своим союзникам» в борьбе против России: *Trump's attack on Zelensky is just the latest salvo against our allies* (The New York Times. Trump Is Breaking Things We Can't Just Fix. 02.03.2025), хотя сам является лишь «призывником-уклонистом, который пытается читать наводнения человеку (Зеленскому), имя которого стало синонимом военной храбрости»: *Pretty rich for a draft dodger to lecture a man whose name has become synonymous with wartime bravery* (The New York Times. Trump Is Rootin' for Putin. 01.03.2025).

Несмотря на то, что милитарная метафора не является лидером по числу словоупотреблений в проанализированной выборке, образы, создаваемые с ее помощью, сообщают читателю, что президент своими действиями и заявлениями подвергает страну опасности и пытается разрушить ее изнутри.

Метафорические модели «ТРАМП — ЭТО СТРОИТЕЛЬ» и «ТРАМП — ЭТО ИГРОК» являются наименее частотными в нашей выборке. Часто метафора строительства актуализирует положительные коннотации, однако для реконструкции образа Д. Трампа журналисты используют лишь негативные значения. Например, Трампа обвиняют в том, что он «с ликованием сносит забор Честертон бульдозером»: *There is nothing conservative about Trump's movement. He's bulldozing Chesterton's fence with glee* (The New York Times. Trump Is Breaking Things We Can't Just Fix. 02.03.2025). «Забор Честертон» — это известное в американской культуре выражение, которое предостерегает от поспешных преобразований и напоминает о необходимости подумать дважды, прежде чем совершить какое-либо действие. Таким образом, журналист заявляет, что действия Трампа — это не что иное, как попытка уничтожить то, что может быть полезно в будущем. Среди того, что может быть разрушено, находится Северо-Американский союз: *He (Trump) swung a wrecking ball at the North American economic alliance that has been the region's great competitive advantage* (Bloomberg. Trump Takes Markets, Businesses on a Tariff Rollercoaster. 03.02.2025). Тарифы, которые вводит президент, могут стать «ядром для сноса зданий» и разрушить объединение США, Канады и Мексики. Некоторые заявления Трампа «зацементируют опасе-

ния Европы о том, что он перевернется на сторону противника в войне»: *And Mr. Trump's statement may cement Europe's fear that he has essentially switched sides in the war, and is seeking a broader normalization of relations with Russia* (The New York Times. How Trump and Biden's Focus on Minerals Became Core to U.S. Foreign Policy. 26.02.2025).

Непредсказуемость Дональда Трампа поддерживается метафорой карточной игры, где его называют «джокером»: *The administration is positioning itself to clamp down on Chinese investment and access to technology. But the wild card may be the president himself* (The New York Times. Trump's New Crackdown on China Is Just Beginning. 26.02.2025). Многие контексты, эксплуатирующие метафору игры в карты, содержат предостережение американскому президенту, что «игра может оказаться не такой простой или карты будут плохими». Под игрой часто подразумевают конфликт на Украине, массовые увольнения сотрудников госструктур или повышение тарифов на импорт товаров из Канады, Мексики и Китая: *But even in a purely transactional world, in which America abandons principle and embraces coercion, Mr Trump may not find the game as simple or his cards as strong as he thinks* (The Economist. The transactional world Donald Trump seeks would harm not help America. 27.02.2025).

Таким образом, проведенный анализ показал, что американские журналисты используют негативно окрашенные метафоры для конструирования образа президента страны. Оценочные суждения в СМИ играют большую роль в формировании отношения массового адресата к президенту, но, тем не менее, они являются лишь частью образа главы государства наряду с его профессиональными качествами. В эпоху экономических кризисов и внешнеполитических конфликтов демонизация власти становится распространенной практикой в СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балдицын, П. В. Технология создания негативного образа Дональда Трампа в журнале «Нью-Йоркер» / П. В. Балдицын. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2021. — № 1. — С. 168–183.
2. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 213 с. — Текст : непосредственный.
3. Будаев, Э. В. Метафорическая репрезентация полиции в нарративе «Движение BLM» в СМИ США / Э. В. Будаев, К. В. Пологова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2023. — № 21. — С. 17–26.
4. Виниченко, Л. Г. Медийная презентация образа канцлера Германии Олафа Шольца в современных СМИ (на материале публикаций журнала «Spiegel») / Л. Г. Виниченко, Е. И. Петрова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3(99). — С. 38–46.
5. Гавриленко, О. В. Оценка образа Дональда Трампа в масс-медийном дискурсе (на материале журнала Newsweek) / О. В. Гавриленко. — Текст : непосредственный // Новая парадигма социально-гуманитарного знания : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. В 6 ч. (Белгород, 29 дек. 2017 г.) / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. — Белгород : Агентство перспективных научных исследований, 2018. — Ч. 1. — С. 17–25.
6. Гаврилова, М. В. Политическая лингвистика в России: как языковеды читают политические тексты / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политика и наука на перекрестке современности : к итогам юбилейного Конгресса РАПН / Российская ассоциация политической науки. — Москва : Политическая энциклопедия, 2016. — С. 110–119. — (Политическая наука. Ежегодник — 2016).
7. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Политическая наука. Политический дискурс. История и современные исследования. — Москва : ИНИОН РАН, 2002. — № 3. — С. 32–43.
8. Закиева, Т. М. Динамичность образа Дональда Трампа в британском аналитическом медиатексте / Т. М. Закиева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1. — С. 50–56.
9. Исаева, А. Ф. Репрезентация метафорической модели «Экономический кризис — это болезнь» в печатных англоязычных СМИ / А. Ф. Исаева. — Текст : непосредственный // Научные исследования и разработки — 2023: гуманитарные и социальные науки : сб. материалов XVIII Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф. (Москва, 8 февр. 2023 г.). — Москва : Империя, 2023. — Т. 2. — С. 73–76.
10. Исакова, И. Ю. Репрезентация метафорического образа Джорджии Мелони в итальянском предвыборном медиаполитическом дискурсе / И. Ю. Исакова, О. Л. Кочева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 85–93.
11. Калантарян, Г. А. Сопоставительный анализ метафорического моделирования образа премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна в русскоязычных и англоязычных СМИ / Г. А. Калантарян, И. А. Курбанов, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 100–109.
12. Косиченко, Е. Ф. Метафорическая репрезентация кризиса образования в американском дискурсе / Е. Ф. Косиченко. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 5 (61). — С. 314–319.
13. Лавриненко, Е. М. Метафорический образ Д. Трампа в СМИ США / Е. М. Лавриненко, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 16–21 окт. 2017 г.) / отв. ред. А. П. Чудинов, Сунь Юйхуа / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2017. — С. 101–103.
14. Малагин, Д. В. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе / Д. В. Малагин, И. А. Курбанов. — Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 23, № 6. — С. 55–65.
15. Пономарева, Е. В. Репрезентация образа Дональда Трампа в британских медиатекстах политической направленности / Е. В. Пономарева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10-2 (76). — С. 143–147.
16. Червякова, О. А. Метафорический образ войны как способ репрезентации пандемии в медийном дискурсе (на материале испанского языка) / О. А. Червякова. — Текст : непосредственный // Военно-филологический журнал. — 2022. — № 2. — С. 84–93.
17. Чудинов, А. П. Дискурсивное исследование политической коммуникации в зарубежной лингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. — 2008. — № 1. — С. 82–90.
18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта, 2012а. — 256 с. — Текст : непосредственный.

19. Чудинов, А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2012б. — № 2. — С. 85–93.

20. Чудинов, А. П. Уральская школа политической метафорологии как направление политической лингвистики / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 4 (55). — С. 55–58.

21. Dymova, A. V. Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election / A. V. Dymova, V. Yu. Kareva, A. I. Zolotaiko. — Text : unmediated // Филологические науки в МГИМО. — 2024. — Vol. 10, No. 4. — P. 114–131.

REFERENCES

1. Balditsyn, P.V. (2021). Tekhnologiya sozdaniya negativnogo obraza Donal'da Trampa v zhurnale «N'yu-Yorker» [Technology of creating a negative image of Donald Trump in the New Yorker magazine]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*, 1, 168–183. (In Russ.)

2. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). *Metafora v politicheskom interdiskurse* (2nd ed., revised and supplemented). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 213 p. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Pologova, K.V. (2023). Metaforicheskaya reprezentatsiya politicii v narrative «Dvizhenie BLM» v SMI SShA [Metaphorical representation of the police in the narrative “BLM Movement” in the US media]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 21, 17–26. (In Russ.)

4. Vinichenko, L.G., & Petrova, E.I. (2023). Mediynaya prezentatsiya obraza kantslera Germanii Olafa Shol'tsa v sovremennykh SMI (na materiale publikatsiy zhurnala «Spiegel») [The Media Presentation of German Chancellor Olaf Scholz in Today's Media (Based on Publications in Der Spiegel)]. *Political Linguistics*, 3(99), 38–46. (In Russ.)

5. Gavrilenko, O.V. (2018). Otsenka obraza Donal'da Trampa v mass-mediynom diskurse (na materiale zhurnala Newsweek) [Assessing the Image of Donald Trump in Mass Media Discourse (Based on the Materials of Newsweek Magazine)]. In E.P. Tkacheva (Ed.), *Novaya paradigma sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* (Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, Dec. 29, 2017, Iss. 1, pp. 17–25). Belgorod: Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy. (In Russ.)

6. Gavrilova, M.V. (2016). Politicheskaya lingvistika v Rossii: kak yazykovedy chitayut politicheskie teksty [Political Linguistics in Russia: How Linguists Read Political Texts]. In *Politika i nauka na perekrestke sovremennosti : k itogam yubileynogo Kongressa RAPN* (Political Science. Yearbook of the Russian Association of Political Science for 2016, pp. 110–119). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)

7. Dem'yankov, V.Z. (2002). Politicheskii diskurs kak predmet politicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political philology]. *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya*, 3, 32–43. Moscow: INION RAN. (In Russ.)

8. Zakieva, T.M. (2024). Dinamichnost' obraza Donal'da Trampa v britanskom analiticheskom mediatekste [The Dynamic Nature of the Image of Donald Trump in British Political Media Texts]. *Political Linguistics*, 1(103), 50–56. (In Russ.)

9. Isaeva, A.F. (2023). Reprezentatsiya metaforicheskoy modeli “Ekonomicheskii krizis — eto bolezni” v pechatnykh anglo-yazychnykh SMI [Representation of the metaphorical model “Economic crisis is a disease” in printed English-language me-

dia]. In *Nauchnye issledovaniya i razrabotki 2023: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* (Collection of materials from the XVIII international in-person and correspondence scientific-practical conference, Moscow, Feb. 8, 2023, Vol. 2, pp. 73–76). Moscow: Imperiya. (In Russ.)

10. Isakova, I.Yu., & Kocheva, O.L. (2024). Reprezentatsiya metaforicheskogo obraza Dzhordzhi Meloni v ital'yanskom predvyborno-mediapoliticheskom diskurse [Representation of the Metaphorical Image of Georgia Meloni in the Italian Pre-election Political Media Discourse]. *Political Linguistics*, 2(104), 85–93. (In Russ.)

11. Kalantaryan, G.A., Kurbanov, I.A., & Nakhimova, E.A. (2024). Sopostavitel'nyy analiz metaforicheskogo modelirovaniya obraza prem'er-ministra Respubliki Armeniya Nikola Pashinyana v russkoyazychnykh i anglo-yazychnykh SMI [A Comparative Analysis of Metaphorical Modeling of the Image of Armenian Prime-Minister Nikola Pashinyan in Russian- And English-Language Media]. *Political Linguistics*, 5, 100–109. (In Russ.)

12. Kosichenko, E.F. (2024). Metaforicheskaya reprezentatsiya krizisa obrazovaniya v amerikanskom diskurse [Metaphorical representation of the education crisis in American discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 5(61), 314–319. (In Russ.)

13. Lavrinenko, E.M., & Budaev, E.V. (2017). Metaforicheskii obraz D. Trampa v SMI SShA [Metaphorical image of D. Trump in the US media]. In A.P. Chudinov & Sun Yuhua (Eds.), *Odin poyas — odin put'. Lingvistika vzaimodeystviya* (Proceedings of the International Scientific Conference, Ekaterinburg, October 16–21, 2017, pp. 101–103). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)

14. Malagin, D.V., & Kurbanov, I.A. (2023). Metaforicheskoe modelirovanie obraza prezidenta SShA Dzho Baydena v anglo-yazychnom politicheskom mediadiskurse [Metaphorical modeling of the image of US President Joe Biden in the English-language political media discourse]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 23(6), 55–65. (In Russ.)

15. Ponomareva, E.V. (2017). Reprezentatsiya obraza Donal'da Trampa v britanskikh mediatekstkakh politicheskoy napravlenosti [Representation of the image of Donald Trump in British media texts of a political orientation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10-2(76), 143–147. (In Russ.)

16. Chervyakova, O.A. (2022). Metaforicheskii obraz voyny kak sposob reprezentatsii pandemii v mediynom diskurse (na materiale ispanского yazyka) [Metaphorical image of war as a way of representing a pandemic in media discourse (based on the Spanish language)]. *Voenno-filologicheskii zhurnal*, 2, 84–93. (In Russ.)

17. Chudinov, A.P., & Budaev, E.V. (2008). Diskursivnoe issledovanie politicheskoy kommunikatsii v zarubezhnoy lingvistike [Discursive study of political communication in foreign linguistics]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 1, 82–90. (In Russ.)

18. Chudinov, A.P. (2012a). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] (4th ed.). Moscow: Flinta, 256 p. (In Russ.)

19. Chudinov, A.P. (2012b). Postulaty ural'skoy shkoly politicheskoy metaforologii [Postulates of the Ural school of political metaphorology]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 2, 85–93. (In Russ.)

20. Chudinov, A.P. (2023). Ural'skaya shkola politicheskoy metaforologii kak napravlenie politicheskoy lingvistiki [Ural school of political metaphorology as a direction of political linguistics]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 4(55), 55–58. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.581'42+811.581'38+811.581'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш171.1-003

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Тяньцы Сунь

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
2104437546@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Представления о терпении в китайском языковом сознании и их отражение в СМИ

АННОТАЦИЯ. В данном исследовании по материалам средств массовой информации раскрывается глубокое влияние и современная трансформация представлений о терпении в китайской традиционной культуре и современном языковом сознании. Показано, что понятие «терпение» глубоко укоренено в китайской языковой системе, начиная с древней конфуцианской и даосской мысли и заканчивая дискурсом современной общественной жизни, где терпение рассматривается как благородное качество, способность оставаться спокойным, сдержанным и стойким перед лицом трудностей, разочарований и конфликтов. В то же время в СМИ отмечается переход от «нулевой терпимости» к «нетерпимости» (необходимой для противостояния коррупции и распространению недостоверной информации), что является отражением современных представлений китайцев о терпении как одной из доминант национального сознания. Отмечается, что реализации концепта «терпение» частотны в новостных сообщениях СМИ о профилактике эпидемий и борьбе с ними (медицинские работники в тяжелых защитных костюмах воплощают дух стойкости), о спортивных достижениях (при этом подчеркивается упорство спортсменов в преодолении трудностей). Средства массовой информации играют важную роль в укреплении традиционного понятия «терпение», но в то же время наделяют терпение новыми, современными коннотациями, адаптированными к новым социальным реалиям, сохраняя при этом основной смысл понятия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, китайские СМИ, китайский язык, лингвокультурология, китайская лингвокультура, прецедентные феномены, терпение, языковое сознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Тяньцы, аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся, ассистент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; email: 2104437546@qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Выражаем благодарность Китайскому стипендиальному совету 2021101000032 за поддержку этого исследования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь, Тяньцы. Представления о терпении в китайском языковом сознании и их отражение в СМИ / Тяньцы Сунь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 61-68.

Tianci Sun

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, 2104437546@qq.com,
<https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Ideas about Patience in Chinese Linguistic Consciousness and Their Reflection in Mass Media

ABSTRACT. Based on media materials, this study reveals the profound influence and modern transformation of ideas about patience in Chinese traditional culture and modern linguistic consciousness. It shows that the concept of “patience” is deeply rooted in the Chinese language system, starting with the ancient Confucian and Taoist thought and ending with the discourse of modern social life, where patience is looked upon as a noble quality, as the ability to remain calm, restrained and resilient in the face of difficulties, disappointments and conflicts. At the same time, the media demonstrates a shift from “zero tolerance” to “intolerance” (necessary to counter corruption and spread of false information), which is a reflection of modern Chinese ideas about patience as one of the dominants of national consciousness. It is noted that the realization of the concept of “patience” is frequent in media news reports about epidemic prevention and control (medical workers in heavy protective suits embody the spirit of perseverance), about sporting achievements (while emphasizing the perseverance of athletes in overcoming difficulties). Mass media play an important role in strengthening the traditional concept of “patience”, but at the same time endow patience with new, modern connotations adapted to new social realities, while preserving the basic meaning of the concept.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Chinese media, Chinese language, linguoculturology, Chinese linguoculture, precedent phenomena, patience, linguistic consciousness.

AUTHOR'S INFORMATION: Sun Tianci, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. We express our gratitude to the China Scholarship Council 2021101000032 for their support for this research.

FOR CITATION: *Sun Tianci.* (2025). Ideas about Patience in Chinese Linguistic Consciousness and Their Reflection in Mass Media. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 61-68. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Исследования динамики языковой ситуации, соответствующей «прагматическим, мировоззренческим установкам и эстетическим приоритетам, <составляющим> ценностную парадигму конкретной языковой личности» [Гридина, Коновалова 2022: 31], представляют собой одно из актуальных направлений современной антропоцентрической, в том числе политической лингвистики (см., например: [Бубнова 2020; Бубнова, Кондакова 2021; Будаев 2011; Русский... 2014; Стексова 2012; Сунь 2024; Чудинов 2020; Язык вражды... 2006] и др.).

События социально-политической жизни часто описываются в опоре на прецедентные тексты [Караулов, Петров 1989; Рацибурская 2024; Сунь 2022; Коновалова, Тиллоева 2023], обладающие «„приоритетным правом“ на закрепление в языковом сознании представителей конкретной лингвокультуры» [Гридина, Коновалова 2013: 16]. Цель данной статьи — изучить коннотации, связанные с представлениями о терпении в традиционной культуре Китая (в опоре на прецедентные культурные тексты), и их отражение в современном китайском языковом сознании (по материалам государственных СМИ). Такой ракурс исследования позволит изучить роль СМИ в реконструкции представлений о терпении и их динамике в общественном сознании современных китайцев. Это не только поможет углубить понимание традиционной китайской культуры, но и продемонстрировать значимость ценностных доминант языкового сознания современных представителей китайской лингвокультуры для межкультурной коммуникации и распространения знаний о Китае, его традициях и современном обществе.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕРПЕНИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Терпение как важное культурное понятие глубоко укоренилось в китайском языковом сознании с древних времен. Во времена династии Мин — Тан Инь (гениальный китайский поэт) написал стихотворение «Песня о сотне терпений» (буквально: «Сто раз терпеть кого-то/что-то» = «Всё можно терпеть»): «百忍歌, 百忍歌, 人生不忍将奈何? 我今与汝歌百忍, 汝当拍手笑呵呵。朝也忍, 暮也忍, 耻也忍, 辱也忍, 苦也忍, 痛也忍, 饥也忍, 寒也忍, 欺也忍, 怒也忍, 是也忍, 非也忍...君不

见, 如来割身痛也忍, 孔子绝粮饥也忍, 韩信胯下辱也忍, 闵子单衣寒也忍, 师德唾面羞也忍, 刘宽污衣怒也忍, 不疑诬金欺也忍, 张公九世百般忍。好也忍, 歹也忍, 都向心头自思忖, 囫圇吞却栗棘蓬, 恁时方识真根本!». В переводе на русский язык это звучит примерно так: «Песня о сотне терпений, что будет, если жизнь станет нетерпимой? Теперь с вами я пою „стони терпений“, вы должны хлопать в ладоши и смеяться. Терпи утром, терпи вечером, терпи позор, терпи унижение, терпи страдание, терпи боль, терпи голод, терпи холод, терпи издевательства, терпи гнев, терпи право и терпи несправедливость... Разве вы не видите, Татхагата (один из десяти эпитетов Будды) терпел боль от порезов собственного тела, Конфуций терпел голод, когда не было еды, Хань Синь терпел позор пролезания под чужим задом (между ног), Минь Цзы терпел холод в своей единственной одежде, Ши Дэ терпел позор, когда ему плевали в лицо, Лю Куань терпел гнев из-за того, что его одежда была испачкана, Бу И терпел обман, вызванный ложными обвинениями, а Чжан Гун терпел всевозможные вещи на протяжении девяти поколений. Будьте терпеливы к хорошему, будьте терпеливы к плохому, размышляйте обо всем этом в своем сердце, проглотите все это целиком, тогда вы познаете корень истины!» В «Песне о сотне терпений» перечислены восемь известных аллюзий на способность терпеть.

Значение слова «терпение» не ограничивается поверхностным перенесением боли или сдерживанием эмоций, но также имеет в китайском языке более глубокий культурный и философский смысл. В этимологическом словаре китайского языка «说文解字» («Шуовэнь цзецзы» / «Происхождение китайских иероглифов») [许慎 — Сюй Шэнь] иероглиф 忍 (жэнь) впервые объясняется как «能也。从心刃聲。而軫切», что интерпретируется как «способность» и может означать «способность к продолжению и прекращению действия — это парадигма терпения». И Дуань Юйцай (китайский ученый) комментирует, что «许云能者, 今俗云能耐也。凡敢于行曰能, 今俗所谓能干也。敢于止亦曰能, 今俗所谓能忍也。其为能一也» («способность терпеть в современном языке называется „умением мочь“. Тот, кто смело действует, называется „способным делать“. Тот, кто смело воздерживается, также называет-

ся „способным терпеть“. Суть способности едина»). Это показывает, что изначальное значение иероглифа 忍 (жэнь) было своего рода способностью, включающей в себя как способность предпринимать позитивные действия, так и способность сдерживать и останавливать, и эта способность проявляется как терпение при столкновении с трудностями и давлением.

По своему основному значению «терпение» означает подавление болезненных чувств или определенных эмоций, а также упорство в трудных обстоятельствах. В «Гуаня» (广雅), где иероглиф 忍 (жэнь) приравнивается к иероглифу 耐 (най), еще больше подчеркивается значение терпения, которое заключается в перенесении трудностей и страданий. В повседневной жизни китайцы часто используют «忍耐» для описания способности человека сдерживать свои эмоции и не позволять себе легко вспыхивать или бунтовать перед лицом неблагоприятных ситуаций, таких как неудачи, трудности и оскорбления. Например, когда начальник критикует работника, он выбирает терпеть, молча принимать критику и усердно работать над собой, хотя он и чувствует себя обиженным и недовольным в душе. Это типичное проявление терпимости в Китае.

Понятие терпения в китайском языке многозначно. Оно часто ассоциируется с воспитанием личности и характера и рассматривается как благородное моральное качество. В традиционной китайской культуре терпение считается важным символом, который может отражать уровень развития и качества человека. Человек, умеющий быть терпеливым, часто рассматривается как культурный, уравновешенный и способный заботиться об общих интересах. Конфуцианство подчеркивает: «克己复礼» (буквально: «кэ джи фу ли — обуздать себя и вернуться к ли» (этикету-культуры) — [в этом подлинная гуманность] (обр. в знач.: обрести высшую добродетель, стать достойным человеком)), где 克己 (кэ джи — «самоограничение или самоконтроль») включает в себя значение терпения, требующего от людей сдерживать свои желания и эмоции, придерживаться моральных норм и систем принятых в обществе правил этикета. Даосское мышление также пропагандирует «无为而治» (буквально: «у вэй эр жи — управлять недеянием» (одним примером собственных достоинств руководить народом)), утверждая, что люди должны следовать природе и не проявлять чрезмерной силы, что также подразумевает мудрость терпения. С точки зрения даосизма, часто чрезмерная борьба

и сопротивление не могут решить проблему, но принесут больше неприятностей. Терпение — более мудрый выбор, который позволяет людям сохранять внутренний мир и спокойствие.

Анализируя форму иероглифа, можно обнаружить, что 忍 (жэнь) образно отражает «острое лезвие, направленное в сердце». Носители китайской лингвокультуры понимают значение 忍 (жэнь) так: «忍字头上一把刀» (так больно, как нож в сердце, но ещё можно терпеть). Конечно, есть вещи, которые можно терпеть, и вещи, которые терпеть нельзя. Конфуций восклицал: 《是可忍, 孰不可忍》 («Если это терпимо (можно терпеть), так что же тогда нетерпимо?» — букв. «с этим нельзя мириться, нестерпимо, недопустимо, возмутительно»). 忍与不忍, 断之于义矣。 («Способность терпеть или неспособность терпеть определяется праведностью»).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕРПЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПО ДАННЫМ СМИ

Древние представления о терпении не только повлияли на образ мышления и модели поведения китайцев, но и широко отражаются в средствах массовой информации, фиксирующих ассоциативные векторы развертывания семантики стереотипных понятий в обыденном сознании [Gridina 2020; Koponova 2020] представителей современной китайской лингвокультуры.

В большом количестве новостных сообщений *терпение* упоминается так: «小不忍则乱大谋» («нетерпимость к пустякам может испортить большое дело; нехватка выдержки в малом порой портит большое начинание») — подчеркивая важность терпения для достижения великих целей; «忍得一时气, 免得百日忧» («Выдержи гнев на мгновение и избежишь ста дней беспокойства»), «忍一时风平浪静, 退一步海阔天空» («Терпите некоторое время, чтобы успокоить ветры и волны, и сделайте шаг назад, чтобы расширить море и небо»). Это выражение подчеркивает гармонию и спокойствие, которые приносит терпение. Такие выражения, как «吃得苦中苦, 方为人上人» («нет боли, нет доли; только преодолевая трудности можно достичь высокого положения»), «君子矜而不争» («совершенный человек держится строго, но без ссоры [с другими из-за материальных благ]»), «必有忍乃有济» («необходимо обладать терпением, и тогда остальное приложится») и «大智若愚» («большая

мудрость подобна глупости» — об умном образованном человеке, который не умеет или не хочет себя показать), отражают тесную связь между терпением, успехом и мудростью в китайской культуре.

Кроме того, слово *忍受* (выдерживать) часто появляется в новостях о профилактике эпидемий и борьбе с ними. Медицинские работники, как основная сила на переднем крае эпидемии, долгое время носили тяжелую защитную одежду и проявляли вызывающий восхищение дух стойкости. При сообщении о чрезвычайных ситуациях социального характера слово *克制* (сдержанность) отражает то, что вовлеченные стороны и свидетели способны контролировать свой страх, гнев и другие эмоции и активно сотрудничать с соответствующими ведомствами. Такие слова, как *坚韧* (стойкость) и *坚毅* (настойчивость), чаще всего используются для описания негибаемого духа человека перед лицом долгосрочных трудностей, особенно в отчетах о борьбе с нищетой в бедных районах. В спортивной журналистике *忍受* (терпеть и сносить) и *坚忍不拔* (твёрдый, непреклонный) показывают упорство спортсменов в преодолении трудностей и бросании вызова самим себе на соревнованиях.

Другими словами, «терпение» как вид самосовершенствования или личной добродетели имеет очень широкие контексты употребления, особенно в новостных сообщениях. *忍* (жэнь) лишь на первый взгляд означает «терпеть». На самом деле это лишь один из аспектов понятия: в китайском языковом сознании *忍* (жэнь) имеет несколько значений в разных контекстах: *выносливость, страдание, мучение, понимание, принятие, настойчивость, ответственность, достижение, благородный и не гордый, победа, добродетельный, справедливый, выдержка, справедливый, ради других* и т. д.

В современном китайском обществе представление о терпении относится к принципам, причинам и объектам. Что касается государственных дел, таких как борьба с коррупцией, борьба с культом, борьба с азартными играми, борьба с иностранным вторжением и т. д., их вообще нельзя терпеть, и лучшим выходом является *零容忍* (*нулевая терпимость*). Просматривая сообщения авторитетных китайских газет «Жэньминь жибао» и информационного агентства «Синьхуа», можно часто увидеть этот термин:

1. *对侵害未成年人犯罪“零容忍”，起诉性侵、伤害未成年人等犯罪7.4万人。В стране дейст-*

вует принцип «нулевой терпимости» к преступлениям против несовершеннолетних, и 74 000 человек были привлечены к ответственности за сексуальное насилие и нанесение телесных повреждений несовершеннолетним [URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/03-09/10380374.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)].

2. *建立和航空公司的信息共享机制，并对机票代理商违规行为“零容忍”* *Создание механизма обмена информацией с авиакомпаниями и «нулевая терпимость» к нарушениям со стороны билетных агентов* [URL: <https://www.chinanews.com.cn/cj/2025/03-14/10382840.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)].

3. *充分释放了我们党反腐无禁区、全覆盖、零容忍的强烈信号。В полной мере высвободил мощный сигнал нашей партии по борьбе с коррупцией без каких-либо запретных зон полный охват и нулевая терпимость* [URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10041976.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)].

4. *建立科学有效的评价机制，对学术不端行为“零容忍”。Создание научного и эффективно-го механизма оценки, «нулевая терпимость» к академическим нарушениям* [URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10041948.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)].

5. *该市坚持执法必严，对破坏环境的违法行为实行“零容忍”。Город настаивает на строгом соблюдении закона и придерживается политики «нулевой терпимости» к незаконным действиям, наносящим ущерб экологическим правонарушениям* [URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2023/07-12/10041722.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)].

6. *该局对窗口服务工作人员作风问题“零容忍”，发现一起严惩一起。Бюро придерживается политики нулевой терпимости к проблемам стиля работы персонала по обслуживанию окон, и любые подобные обнаруженные проблемы будут сурово наказаны* [URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2023/06-29/10033473.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)].

7. *资阳乐至警方对春节扒窃犯罪“零容忍”。Полиция Цзыян Лечжи придерживается политики «нулевой терпимости» к карманным кражам во время Праздника Весны* [URL: <http://sc.people.com.cn/n2/2023/0203/c379469-40287815.html> (дата обращения: 14.03.2025)].

8. *国际社会必须以零容忍的态度打击叙利亚境内一切恐怖主义。Международное сообщество должно бороться со всеми формами терроризма в Сирии с позиции нулевой терпимости* [URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0324/c1002-32650365.html> (дата обращения: 14.03.2025)].

Отметим также частое использование в СМИ более строгого лексико-семантического значения «忍无可忍» — китайская фраза, которая означает «потерять всякое терпение, терпение лопнуло, невозможно терпеть; невыносимый, нестерпимый».

1. 98.6%受访者对美国在新冠问题上甩锅中国忍无可忍. 98,6 % респондентов **исчерпали свое терпение** в связи с демпингом США против Китая по вопросу о «новой короне» [URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2021/09-02/9556914.shtml>] (дата обращения: 14.03.2025)].

2. 美西方反华势力捏造的谎言，已让新疆民众忍无可忍。Ложь, сфабрикованная антикитайскими силами США и Запада, **вывела из терпения** народ Синьцзяна [URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2021/12-11/9627433.shtml>] (дата обращения: 14.03.2025)].

3. 忍无可忍！全美多地举行抗议 反对仇视亚裔 **Невыносимо!** По всей Америке проходят акции протеста против азиатофобии [URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2021/03-22/9437490.shtml>] (дата обращения: 14.03.2025)].

Неоспоримым является тот факт, что существующее в китайском языковом сознании понятие «нулевая терпимость» или «потерять всякое терпение, терпение лопнуло, невозможно терпеть» чаще всего находят свое отражение в политических новостях, описаниях международных политических событий, дипломатических спорах и пропагандистских сообщениях о внутренней политике.

Соответственно, будучи участником общественной жизни, человек должен терпеть ущерб личным интересам ради реализации национальных интересов. Например, «李克强谈简政放权：相忍为国、让利于民» — «Ли Кэцян говорит об оптимизации администрирования и делегировании полномочий: **Идти на уступки в интересах Родины** (то есть терпеть лишения ради интересов государства), и пусть народ получает от этого пользу» [URL: http://www.taiwan.cn/xwzx/PoliticsNews/201605/t20160510_11453931.htm?from=singlemessage] (дата обращения: 14.03.2025)]. Один и тот же иероглиф 忍 (жэнь) используется как для частных, так и для общественных дел, а это два разных понятия: **будьте смелыми на публике и нетерпимы в общественных делах; будьте робкими в личной жизни и терпимы в личных делах.**

С развитием новых медиа понятие терпения по-новому трактуется в социальных сетях и на онлайн-форумах. На таких платформах, как Weibo и WeChat, обсуждения, связанные с терпением, часто привлекают всеобщее внимание и вызывают жаркие

споры. Пользователи Сети делятся своим опытом терпения, обсуждают границы и пределы терпения и формируют несколько новых онлайн-дискурсов. Например, популярность терминов 佛系 (в стиле Будды) и 躺平 (лежать плашмя) отражает новое толкование концепции терпения современными молодыми людьми в высококонкурентном китайском обществе.

佛系 (в стиле Будды) означает:

1) *ничем не интересоваться, быть равнодушным ко всему; безразлично; не колышет; интересоваться только своим спокойствием, плывя по течению и полагаясь только на судьбу; мне всё пофиг — я радуюсь жизни;*

2) *по-буддийски, никому не причиняя вреда.*

А выражение 躺平 (лежать плашмя) можно интерпретировать так:

1) *принять горизонтальное положение, лежать вытянувшись, лежать плашмя, лежать пластом;*

2) *жарг. лежать и перестать стремиться к чему-либо (молодёжный пессимизм, потеря веры в достижимость социальной мобильности и успеха в традиционном понимании этого слова).*

Эти примеры демонстрируют сочетание спокойствия, хладнокровия и покладистости в соответствии с традиционным пониманием терпения и беспомощности, некоторой самоиронии по поводу выживания в современном обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав представления о терпении в китайском языковом сознании и реализацию этого концепта в новостных СМИ, мы пришли к следующим выводам.

1. С точки зрения семантической динамики понятие «терпение» в китайском языке прошло эволюцию от древнекитайского до современного китайского языка, от первоначальных независимых понятий «忍» и «耐» до более позднего объединения в «忍耐». Его значение постоянно обогащается, охватывая множество смыслов, таких как сдержанность, выносливость и противостояние, а в различных контекстах оно приобретает такие коннотации, как позитивное ожидание и терпимость, отражая идеологию и образ жизни китайской нации в различные исторические периоды.

2. С точки зрения культурного подтекста, идеи конфуцианства о «самоограничении, благоговении» и «прощении», идеи даосизма о «ничегонеделании» и «мягкости лучше силы», а также безразличное отношение к славе и богатству совместно сформирова-

ли глубокое культурное наследие представления о терпении. Эти идеи воспроизводятся в повседневных сценариях жизни, таких как межличностное взаимодействие, рабочее окружение и семейные отношения.

3. Являясь важным каналом распространения информации, новостные СМИ обладают такими коммуникативными характеристиками, как своевременность, экстенсивность, авторитетность и адресность [Гридина, Коновалова, Ху 2024]. В языке новостей понятие терпения отражается через использование ряда сопутствующих лексических единиц, не только слов «*терпение*», «*терпеть*» и других, непосредственно связанных с терпением, но и через использование идиом, поговорок и других аллюзий.

4. Средства массовой информации, постоянно реконструируя исходные коннотации понятий традиционной народной культуры, в том числе сакральные, суггестивные [Коновалова 2007], в то же время находят новые способы выражения обновленных нюансов понятия «*терпение*». По мере того, как меняется общество, СМИ не только приближают понятие «*терпение*» к жизни молодых людей, но и отражают инновационную трансформацию традиционной культуры в современном обществе.

5. Анализ различных тематических блоков новостных сообщений, таких как «*социальная жизнь*», «*международная политика*» и «*чрезвычайные ситуации*», позволяет убедиться, что концепция терпения широко отражена в новостных средствах массовой информации. Наиболее популярной в китайском информационном поле массмедиа стала идея «*нулевой терпимости*», отражающая уникальную концепцию политики государства в защите национальных и личных интересов.

ИСТОЧНИКИ

1. 新华字典 = Словарь Синьхуа онлайн. — URL: <https://zidian.aies.cn/MTE5NjM=.htm> (дата обращения: 13.03.2025). — Текст : электронный.
2. 辞源(修订本) 商务印书馆编辑部编. 北京: 商务印书馆. 1979. = Цы Юань (этимологический словарь). — Пекин : Коммерческое издательство, 1979. — Текст : непосредственный.
3. 汉俄大词典, 上海, 上海外语教育出版社, 2009. = Большой китайско-русский словарь. — Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2009. — Текст : непосредственный.
4. 古代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2002. = Словарь древнекитайского языка. — Пекин : Коммерческое издательство, 2002. — Текст : непосредственный.
5. 汉典. = Хан Дянь, китайский онлайн-словарь. — URL: <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE> (дата обращения: 13.03.2025). — Текст : электронный.
6. 汉语成语大词典, 朱祖延, 河南人民出版社, М. 1985. = Китайский фразеологический словарь, Чжоу Цзюнь, Хэнань жэньминь издательство, 1985. — Текст : непосредственный.
7. 百度汉语. = Байду китайский язык. — URL: <https://hanyu.baidu.com/s?wd=忍的成语&from=zici> (дата обращения: 13.03.2025). — Текст : электронный.

8. 劝忍百箴 忍经 (白话全译本), 许名奎、吴亮, 知识出版社, 1992. = Сто наставлений о терпении. Книга терпения (полный перевод на русский язык), Сюй Минкуй и У Лян. Издательский дом «Знание», 1992.

9. 说文解字. = Шуовэнь Цзецзы (Происхождение китайских иероглифов). — URL: <http://www.shuowen.org/view/6928?pinyin=ren> (дата обращения: 13.03.2025)

10. 中国新闻网.2025.03.09.= China News Network. 09.03.2025. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/03-09/10380374.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

11. 中国新闻网.2025.03.09.= China News Network. 09.03.2025. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/03-09/10380282.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

12. 中国新闻网.2025.03.14.= China News Network. 14.03.2025. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/cj/2025/03-14/10382840.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

13. 中国新闻网.2023.07.13.= China News Network. 13.07.2023. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10042064.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

14. 中国新闻网.2023.07.13.= China News Network. 13.07.2023. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10041976.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

15. 中国新闻网.2023.07.13.= China News Network. 13.07.2023. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10041948.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

16. 中国新闻网.2023.07.12.= China News Network. 12.07.2023. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2023/07-12/10041722.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

17. 中国新闻网.2023.06.29.= China News Network. 29.06.2023. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2023/06-29/10033473.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

18. 人民网.2023.02.03. = Жэньминь жибао онлайн. 03.02.2023. — URL: <http://sc.people.com.cn/n2/2023/0203/c379469-40287815.html> (дата обращения: 14.03.2025)

19. 人民网.2023.03.24. = Жэньминь жибао онлайн. 24.03.2023. — URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0324/c1002-32650365.html> (дата обращения: 14.03.2025)

20. 人民网.2023.02.10. = Жэньминь жибао онлайн. 10.02.2023. — URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0210/c1002-32621448.html> (дата обращения: 14.03.2025)

21. 中国新闻网.2021.09.02.= China News Network. 02.09.2021. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2021/09-02/9556914.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

22. 中国新闻网.2021.12.11.= China News Network. 11.12.2021. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2021/12-11/9627433.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

23. 中国新闻网.2021.03.22.= China News Network. 22.03.2021. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2021/03-22/9437490.shtml> (дата обращения: 14.03.2025)

24. 中国台湾网. 2016.05.10. = Китайско-Тайваньская сеть. 10.05.2016. — URL: http://www.taiwan.cn/xwzx/PoliticsNews/201605/t20160510_11453931.htm?from=singlemessage (дата обращения: 14.03.2025)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнова, И. А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 5–10. — DOI 10.26170/pla20-01-01.
2. Бубнова, И. А. Дипломатический дискурс XXI века: что стоит за агрессией в публичной дипломатии? / И. А. Бубнова, М. И. Кондакова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2021. — № 19. — С. 5–13. — DOI 10.26170/2411-5827_2021_19_01.
3. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Изд-во НТЦСПА, 2011. — 330 с. — Текст : непосредственный.
4. Гридина, Т. А. «Куда идём? Большой вопрос»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2013. — № 3. — С. 13–20.

5. Гридина, Т. А. Лингвокреативный потенциал эргониций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 2 (52). — С. 30–45. — DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45.

6. Гридина, Т. А. «Один пояс — один путь»: расширение пояса, уточнение пути (языковая игра в китайских мемах) / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Ц. Ху. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 16–23.

7. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. — Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5–11.

8. Коновалова, Н. И. Информационное противостояние России и Запада в британских и американских СМИ / Н. И. Коновалова, С. М. Тиллоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 256–260.

9. Коновалова, Н. И. Прагматика русского заговора / Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2007. — № 1. — С. 60–66.

10. Рацибурская, Л. В. Прецедентность заголовков «Российской газеты» как проявление языковой игры / Л. В. Рацибурская. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2024. — № 22. — С. 86–92.

11. Русский язык в многомерном социокультурном пространстве / Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина, И. Т. Вепрева [и др.] ; Уральский федеральный университет ; отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — 324 с. — ISBN 978-5-7996-1083-8. — Текст : непосредственный.

12. Стеклова, Т. И. Лингвокреативная деятельность в сфере политической коммуникации / Т. И. Стеклова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2012. — № 2. — С. 113–120.

13. Сунь, Т. Ассоциативный контекст глагола «терпеть» и его производных в русской и китайской лингвокультурах / Т. Сунь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 98–105.

14. Сунь, Т. Прецедентные феномены в ассоциативном поле глагола терпеть и его производных / Т. Сунь. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 253–263.

15. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта, 2020. — 236 с. — Текст : непосредственный.

16. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная моногр. / И. А. Стернин, К. М. Шилихина, Ю. Е. Прохоров [и др.] ; Уральский межрегиональный институт общественных наук ; отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2006. — 561 с. — ISBN 5-7525-1640-4. — Текст : непосредственный.

17. Gridina, T. A. Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data / T. A. Gridina. — Text : unmediated // Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020. Vol. 437. — Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 103–107. — DOI 10.2991/assehr.k.200509.019. 1.

18. Konvalova, N.I. “Russian Associative Dictionary” as a Source of Information About Metalinguage Consciousness in Verbal Memory of Speakers / N. I. Konvalova. — Text : unmediated // Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020. Vol. 437. — Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 399–403. — DOI 10.2991/assehr.k.200509.072.

MATERIALS

1. Xinhua Dictionary Online (n.d.). Retrieved March 13, 2025, from <https://zidian.aies.cn/MTE5NjM=.htm> (In Chinese)

2. Ciyuan (revised edition) (1979). Edited by the Editorial Department of the Commercial Press. Beijing: The Commercial Press. (In Chinese)

3. Great Chinese-Russian Dictionary (2009). Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese)

4. Ancient Chinese Dictionary (2002). Beijing: Commercial Press. (In Chinese)

5. Chinese Dictionary Online (n.d.). Retrieved March 13, 2025, from <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE> (In Chinese)

6. A Dictionary of Chinese Idioms (1985). Zhu Zuyan, Henan People's Publishing House. (In Chinese)

7. Baidu Chinese Language (n.d.). Retrieved March 13, 2025, from <https://hanyu.baidu.com/s?wd=忍的成语&from=zici>

8. One Hundred Precepts on Patience — The Book of Patience (1992). Complete Russian Translation, Xu Mingkui and Wu Liang, Knowledge Publishing House.

9. Explaining Chinese Characters. Origin of Chinese characters (n.d.). Retrieved March 13, 2025, from <http://www.shuowen.org/view/6928?pinpin=ren> (In Chinese)

10. China News Network (09.03.2025). Retrieved March 14, 2025, from <https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/03-09/10380374.shtml> (In Chinese)

11. China News Network (09.03.2025). Retrieved March 14, 2025, from <https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/03-09/10380282.shtml> (In Chinese)

12. China News Network (14.03.2025). Retrieved March 14, 2025, from <https://www.chinanews.com.cn/cj/2025/03-14/10382840.shtml> (In Chinese)

13. China News Network (13.07.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10042064.shtml> (In Chinese)

14. China News Network (13.07.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10041976.shtml> (In Chinese)

15. China News Network (13.07.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/gn/2023/07-13/10041948.shtml> (In Chinese)

16. China News Network (12.07.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/sh/2023/07-12/10041722.shtml> (In Chinese)

17. China News Network (29.06.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/sh/2023/06-29/10033473.shtml> (In Chinese)

18. People's Daily Online (03.02.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://sc.people.com.cn/n2/2023/0203/c379469-40287815.html> (In Chinese)

19. People's Daily Online (24.03.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://world.people.com.cn/n1/2023/0324/c1002-32650365.html> (In Chinese)

20. People's Daily Online (10.02.2023). Retrieved March 14, 2025, from <http://world.people.com.cn/n1/2023/0210/c1002-32621448.html> (In Chinese)

21. China News Network (02.09.2021). Retrieved March 14, 2025, from <https://www.chinanews.com.cn/gn/2021/09-02/9556914.shtml> (In Chinese)

22. China News Network (11.12.2021). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/sh/2021/12-11/9627433.shtml> (In Chinese)

23. China News Network (22.03.2021). Retrieved March 14, 2025, from <http://www.chinanews.com.cn/sh/2021/12-11/9627433.shtml>

24. China Taiwan Network (10.05.2016). Retrieved March 14, 2025, from http://www.taiwan.cn/xwzx/PoliticsNews/201605/t20160510_11453931.htm?from=singlemessage (In Chinese)

REFERENCES

1. Bubnova, I.A. (2020). Rol' tsifrovoy sredy v organizatsii individual'nogo mental'nogo opyta [The role of the digital environment in the organization of individual mental experience]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 18, 5–10. (In Russ.)

2. Bubnova, I.A., & Kondakova, M.I. (2021). Diplomaticskiy diskurs XXI veka: chto stoit za agressey v publichnoy diplo-

matii? [Diplomatic Discourse of the 21st Century: What is Behind Aggression in Public Diplomacy?]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 19, 5–13. DOI 10.26170/2411-5827_2021_19_01 (In Russ.)

3. Budaev, E.V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology] [Monograph]. Nizhniy Tagil: Izd-vo NTGSPA, 330 p. (In Russ.)

4. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2013). “Kuda idem? Bol'shoy vopros”: pragmatika kreativa v sovremennom mediy-nom diskurse [“Where are we going? The big question”: the pragmatics of creativity in modern media discourse]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 3, 13–20. (In Russ.)

5. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2022). Lingvokreativnyy potentsial ergonominatsiy v aspekte ikh porozhdeniya i vospriyatiya: eksperimental'noe issledovanie [Lingvocreative potential of ergonominations in terms of their generation and perception: an experimental study]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2(52), 30–45. DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45 (In Russ.)

6. Gridina, T.A., Konovalova, N.I., & Hu Ziyao (2024). “Oдин по́яс — один пу́т’”: rasshirenie poyasa, utochnenie puti (yazyko-vaya igra v kitayskikh memakh) [One Belt One Road: Expanding the Belt and Specifying the Road (Language Game in Chinese Memes)]. *Political Linguistics*, 4(106), 16–23. (In Russ.)

7. Karaulov, Yu.N., & Petrov, V.V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa [From text grammar to cognitive theory of discourse]. In T.A. van Deyk, *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* (Collection of works, transl. from Engl., pp. 5–11). Moscow: Progress. (In Russ.)

8. Konovalova, N.I., & Tilloeva, S.M. (2023). Informatsionnoe protivostoyanie Rossii i Zapada v britanskikh i amerikanskikh SMI [Information Confrontation Between Russia and the West in the British and American Media] [Review: S.L. Kushneruk, “Ideological world modeling in the context of information-psychological warfare”]. *Political Linguistics*, 4(100), 256–260. (In Russ.)

9. Konovalova, N.I. (2007). Pragmatika russkogo zagovora [Pragmatics of Russian zagovor]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 1, 60–66. (In Russ.)

10. Ratsiburskaya, L.V. (2024). Pretsedentnost' zagolovkov “Rossiyskoy gazety” kak proyavlenie yazykovoy igry [Precedent of the headlines of the “Rossiyskaya Gazeta” as a manifestation of the language game]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 22, 86–92. (In Russ.)

11. Gasparov, B.M., Kupina, N.A., Vepreva, I.T. et al. (2014). *Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve* [Russian language in a multi-river socio-cultural space] (Eds. B.M. Gasparov, N.A. Kupina). Ekaterinburg: Ural Fed. Univ., 324 p. ISBN 978-5-7996-1083-8. (In Russ.)

12. Steksova, T.I. (2012). Lingvokreativnaya deyatel'nost' v sfere politicheskoy kommunikatsii [Linguo-creative activity in the sphere of political communication]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 2, 113–120. (In Russ.)

13. Sun Tianci. (2024). Assotsiativnyy kontekst glagola “terpet” i ego proizvodnykh v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh [The Associative Context of the Verb “terpet” and Its Derivatives in Russian and Chinese Linguocultures]. *Political Linguistics*, 4(106), 98–105. (In Russ.)

14. Sun, T. (2022). Pretsedentnye fenomeny v assotsiativnom pole glagola terpet' i ego proizvodnykh [Associative context of the verb “to endure” and its derivatives in Russian and Chinese linguocultures]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 20, 253–263. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P., Budaev, E.V., & Solopova, O.A. (2020). *Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot* [Political metaphorology: a discursive turn]. Moscow: Flinta, 236 p. (In Russ.)

16. Sternin, I.A., Shilikhina, K.M., Prokhorov, Yu.E., et al. (2006). *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* [The language of enmity and the language of consent in the socio-cultural context of modernity] [Collective monograph] (Ural Interregional Institute of Social Sciences Ural'skiy mezhregional'nyy institut obshchestvennykh nauk, resp. eds. I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mikhaylova). Ekaterinburg: Ural State University n.a. A. M. Gorky, 561 p. ISBN 5-7525-1640-4. (In Russ.)

17. Gridina, T.A. (2020). Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data. In *Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020 (Vol. 437, pp. 103–107). Yekaterinburg: Atlantis Press. DOI 10.2991/assehr.k.200509.019. 1

18. Konovalova, N.I. (2020). “Russian Associative Dictionary” as a Source of Information About Metalanguage Consciousness in Verbal Memory of Speakers. In *Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg, 23–24 Apr., 2020 (Vol. 437, pp. 399–403). DOI 10.2991/assehr.k.200509.072

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
 Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42:808.54
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Любовь Викторовна Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN-код: 8794-4333, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.)

АННОТАЦИЯ. В работе дается комплексный анализ использования деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в 2022–2024 гг. Материал исследования — 75 единиц в 235 контекстах, извлеченных из 210 устных выступлений министра в 2022–2024 гг. Актуальность темы определяется недостаточной изученностью сложной организации и жанрового разнообразия дипломатического дискурса, соотношения институционального и личностного в речи официальных лиц министерства, а также особенностей реализации в ней языковых концептуальных метафор. Цель исследования — выявить семантико-когнитивную, прагматическую и функционально-дискурсивную специфику употребления деструктивных метафор в устных выступлениях С. В. Лаврова в 2022–2024 гг. При анализе применялись современные лингвистические, когнитивные и дискурсивные методики анализа текстового материала. Было установлено, что использование министром деструктивных метафор продуктивно, системно и функционально обусловлено. Их основная цель — акцентировать внимание на наиболее острых, опасных и потому негативно оцениваемых процессах в современных международных отношениях. В ситуативном аспекте данные переносы фиксируются почти исключительно при характеристике агрессивной и дестабилизирующей деятельности противников и оппонентов России (США и их союзников, Украины, отчасти Израиля) против РФ, других суверенных государств и международных институтов. Это обуславливает востребованность преимущественно дезинтегрирующей модели, а также преобладание ирреальной модальности при использовании акциональной модели. Обращает на себя внимание разнообразие метафорических единиц, среди которых представлены не только языковые образные, генетические, частичные переносы, но и речевые метафоры. Последние наиболее ярко отражают личностное негативное отношение С. В. Лаврова к процессам, направленным на ослабление РФ и дестабилизацию политической обстановки в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, деструктивные метафоры, российская дипломатия, министр иностранных дел, политическая риторика, политические речи, политические тексты, политические деятели, речевые жанры, речевая деятельность, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, языковая личность, лингвоперсонология, публичные выступления, концептуальные модели, дипломатический дискурс, С. В. Лавров.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; email: sarteorlingv@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балашова, Л. В. Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 69–77.

Lyubov' V. Balashova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN code: 8794-4333, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov (2022-2024)

ABSTRACT. The paper provides a complex analysis of the use of destructive metaphors in the speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Sergey Lavrov in 2022-2024. The research material consists of 75 items in 235 contexts extracted from 210 oral presentations by the Minister in 2022-2024. The urgency of the topic is determined by the insufficient study of the complex organization and genre diversity of diplomatic discourse, the relationship between institutional and personal aspects in the speech of ministry officials, and the specificity of the realization of linguistic conceptual metaphors in it. The aim of the study is to identify the semantic-cognitive, pragmatic and functional-discursive specificity of the use of destructive metaphors in Lavrov's oral speeches in 2022-2024. Modern linguistic, cognitive, and discursive methods of text analysis have been used in research. It has been found that the Minister's use of destructive metaphors is produc-

tively, systemically and functionally conditioned. Their main purpose is to focus on the most acute, dangerous, and therefore negatively evaluated processes in modern international relations. From a situational perspective, these transfers are recorded almost exclusively when characterizing the aggressive and destabilizing activities of Russia's opponents and enemies (the United States and its allies, Ukraine, and partly Israel) against the Russian Federation, other sovereign states, and international institutions. This determines the demand for a predominantly disintegrating model as well as the predominance of the surreal modality when using the actional model. Attention is drawn to the variety of metaphorical units, among which there are not only linguistic figurative, genetic, partial transfers, but also speech metaphors. The latter most vividly reflect Lavrov's personal negative attitude towards the processes aimed at weakening the Russian Federation and destabilizing the political situation in the world.

KEYWORDS: political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, destructive metaphors, Russian diplomacy, minister of foreign affairs, political rhetoric, political speeches, political texts, politicians, speech genres, speech, communication strategies, communication tactics, linguistic personality, linguopersonology, public speeches, conceptual models, diplomatic discourse, S.V. Lavrov.

AUTHOR'S INFORMATION: Lyubov' Viktorovna Balashova, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia.

FOR CITATION: Balashova L. V. (2025). The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov (2022–2024). In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 69–77. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является продолжением изучения специфики реализации языковых концептуальных метафор и их основных функций в речи министра иностранных дел России С. В. Лаврова в условиях резкого обострения международной обстановки и начала специальной военной операции (24.02.22) [Балашова 2022а, 2022б, 2023]. Объектом исследования стали переносы, формируемые на базе деструктивной лексики. Его актуальность обусловлена следующим. Сложная организация и жанровое разнообразие дипломатического дискурса вызывают дискуссии о месте этого коммуникативного феномена в дискурсивной системе, в политической коммуникации (в широком ее понимании [Чудинов 2006; 2012]), о соотношении институционального и личностного в дипломатических жанрах разного типа, а также об использовании в речи официальных лиц министерства образных языковых средств, в том числе концептуальных метафор [Ардаева 2018; Балашова, Дементьев 2022; Бударина 2019; Игнатьева 2023; Красакова 2024; Терентий 2010; Шейгал 2004]. Наконец, по мнению многих лингвистов, именно деструктивные метафоры оказываются продуктивными в политической коммуникации в кризисных условиях, в периоды усиления конфронтации между государствами и т. п. [Кириллова 2024; Ковязина 2024; Нечкина 2024].

Цель исследования — выявить семантико-когнитивную, прагматическую и функционально-дискурсивную специфику употребле-

ния деструктивных метафор в устных выступлениях С. В. Лаврова. Материалом для анализа послужили стенограммы 160 выступлений С. В. Лаврова, опубликованных в 2022–2024 гг. на официальном сайте mid.ru/ru/press_service/minister_speeches¹. Методологической базой стало восприятие метафоры как когнитивно-семантического феномена, одного из ведущих способов формирования и презентации языковой картины мира, в том числе политической. Использовались современные лингвистические, когнитивные и дискурсивные методики анализа текстового материала.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Общая характеристика деструктивных моделей метафоризации в языке и речи С. В. Лаврова

Формирование переносов на базе лексики, характеризующей нарушение целостности объекта, достаточно продуктивно в русском языке, а также в современной речи различной дискурсивной направленности [Гизатуллин 2018; Хосьмукова 2016]. По нашим наблюдениям, к наиболее регулярным в языке относятся две бытийно-динамические деструктивные модели метафоризации — дезинтегрирующая и акциональная.

Ядерное положение среди них занимает **дезинтегрирующая** модель, «в которой деструкция воспринимается как аннигиляция какого-либо феномена или утрата структурных связей между феноменами» [Балашова, Кириллова 2024: 359] (ср.: *рушить*: 'ломаю, разрушаю, валить на землю' → (перен.) 'уничтожать, приводить в полное расстрой-

¹ Из-за большого массива текста с заголовками всех использованных стенограмм выступлений С. В. Лаврова мы посчитали возможным не давать их полный список, а ограничиться при цитировании указанием на точную дату такого выступления.

ство'; *рвать*: 'резким движением разделять на части' → (перен.) 'прекращать действие каких-л. отношений или того, что связывает какими-л. отношениями'; *рваться*: 'разделяться на части' → (перен.) 'прекращаться (о связях, отношениях и т. п.)'; *рухнуть*: 'обвалиться с шумом, разрушаясь' → (перен.) 'перестать существовать'; *провалиться*: 'рухнуть, обрушиться' → (перен., разг.) 'потерпеть полную неудачу').

Акциональная модель, в основе которой лежит представление о проявлении, активизации чего-либо как об обретенной (за счет деструкции оболочки, ограждения, сдерживающих уз) свободе перемещаться в пространстве, занимает периферийное положение, поскольку обычно составляет часть более продуктивных пространственных метафор, прежде всего — бытийно-динамической модели [Балашова 2014; 2017] (ср.: *разорвать*: 'рывком разделить на части; разъединить соединенное' → (перен.) 'освободить от чего-л. ограничивающего свободу, от чего-л. тягостного, обременительного'; *прорвать*: 'разрушив своим напором какую-л. преграду, выйти наружу, устремиться куда-л.' → (перен.) 'внезапно и бурно обнаружиться, проявиться').

Аналогичную картину можно наблюдать в речи С. В. Лаврова. Из 75 деструктивных метафор, зафиксированных в 235 контекстах, переносы на базе **дезинтегрирующей** модели составляют абсолютное большинство: 67 лексем (89,3 %) в 218 контекстах (92,8 %), тогда как на долю **акциональной** модели приходится только 8 лексем (10,7 %) в 17 контекстах (7,2 %), причем каждая из них обладает определенной спецификой в формировании картины мира, отражающей точку зрения министра на ключевые проблемы отношений РФ с другими странами и международной обстановки в целом.

2.2. Дезинтегрирующая модель

2.2.1. Общая характеристика модели

Как показал анализ, использование ядерной дезинтегрирующей модели в речи С. В. Лаврова имеет ряд особенностей. В частности, министр прибегает к ней исключительно при характеристике негативно оцениваемых кризисных явлений современности и относительно недавнего прошлого: усиление социально-экономической, политической дестабилизации и конфронтации в мире (ср.: *Подробно рассказал о причинах нынешнего беспрецедентного роста напряженности в мировых делах, деструктивной линии США и их сателлитов в решении собственных узкокорыстных проблем за счет интересов других стран.* 05.07.22; *Все*

шансы на мир [киевским режимом] последовательно разрушались. 07.11.24). Но данные концептуально-прагматические установки по-разному реализуются в трех языковых субмоделях — аннигиляционной, фрагментирующей и реляционной.

2.2.2. Аннигиляционная субмодель

Именно аннигиляционные переносы оказываются наиболее востребованными и разнообразными в речи С. В. Лаврова: 46 единиц (68,7 % дезинтегрирующих метафор) в 179 контекстах (82,1 %). Их концептуальную основу составляет представление о полном / частичном нарушении целостности (из-за внешнего воздействия или непрочности) конструктивно единого, монолитного объекта как о полном уничтожении, прекращении функционирования социально-экономического, политического, идеологического и т. п. феномена. Если же в результате аннигиляции объекта сохраняются его сегменты, то «они не способны функционировать самостоятельно и / или не отражают сущности исходного целостного объекта» [Балашова, Кириллова 2024: 360] (ср.: *Цели [КЗ] не скрываются...: разрушить, сломать, уничтожить, задуть российскую экономику и Россию в целом.* 25.03.22; *Право на религию киевским режимом тоже растоптано.* 29.11.24; [Страны НАТО Ирак] *развалили.* *До сих пор её собирают по кускам.* 01.07.22; *НАТО внедряется в этот регион под лозунгом «Индо-Тихоокеанских стратегий», размывая инклюзивные механизмы, десятилетиями выстраивавшиеся вокруг АСЕАН.* 31.10.24).

Достаточно показательным в концептуальном отношении оказывается ситуативный аспект употребления таких переносов. С их помощью министр характеризует тенденцию к социально-экономической и политической дестабилизации в мире, виновником которой является агрессивная политика «коллективного Запада» (далее КЗ), киевского режима, реже — участников ближневосточного конфликта (ср.: *Запад откровенно подорвал все продвигавшиеся им с такой настойчивостью принципы глобализации.* 06.11.24; *Запад его [принцип равенства государств] грубейшим образом попирает и навязывает всем свое «превосходство».* 25.03.22; [В 2014 г. КЗ и украинская оппозиция] *решили «сломать» договоренность [«Минские соглашения»].* 02.11.24; *Права русскоязычного населения Украины растоптаны.* 21.10.24; Особое внимание было уделено кризису на Ближнем Востоке, *катастрофе палестинского народа.* 02.11.24; *Только не ситуация в Газе является провалом международного сообщества, но про-*

валом является и вся история выполнения резолюций ООН о создании палестинского государства. 18.07.24).

Кроме того, с помощью аналогичных переносов С. В. Лавров подчеркивает, с одной стороны, безрезультативность попыток КЗ и киевского режима уничтожить Россию (в геополитическом и социально-экономическом аспектах), помешать стремлению народов к самоопределению, к многополярности, а с другой — пагубность такой политики для самих агрессоров. Утверждение же обратного трактуется министром как ложь со стороны идеологических противников РФ, как стремление выдать желаемое за действительное, что проявляется в использовании специальных лексических показателей, ирреальной модальности и т. п. (ср.: НАТО хотело развалить РФ, а в итоге ее сплотило. 25.04.23; Мы достаточно быстро приспособились [к санкциям]. Барак Обама в 2010, по-моему, году говорил, что экономика России уже лежит разорванная в клочья. 25.04.23; Они [страны КЗ] увидели, что провалились их планы по превращению Украины в плацдарм для агрессивного, силового сдерживания России. 22.04.22; Запад самостоятельно разрушает [продовольственную безопасность], заставляя своих производителей жертвовать ради украинских фермеров. 18.07.24; Нам жаль украинцев, которые заслуживают большего. ... История этой страны [Украины] разрушается на наших глазах. 24.07.22).

Акцент на идеологической, прагматически обусловленной составляющей описываемых ситуаций обуславливает специфику используемых лексических средств.

Во-первых, процесс формирования переносов носит системный характер. В него включаются прежде всего разнообразные (часто на уровне блоков однокоренных метафор) номинации нарушения целостности объекта в результате физического воздействия на него (удар, толчок и падение, подрыв, давление, трение, разрыв, транспортная авария), а также орудий и результата такого воздействия: разрушить, разрушать, разрушаться, обрушить, порушить, нарушить, нарушать, нарушаться, нарушение; подорвать, подрывать, подрывать, подрыв; разорвать, разрывать; подрубить; ломать, сломать, поломать, развалить, развал; попирать, попираться, попирать; растоптать; долбить; пустить под откос; деструктивный; таран; клочок, кусок (ср.: Американцы и их союзники [хотели] подорвать основу венесуэльской экономики. 04.07.22; Планы [США и НАТО в Юго-Восточной Азии] работают на подрыв зоны,

свободной от оружия массового уничтожения. 27.07.24; Этот принцип был нарушен гораздо раньше, чем Украина своими действиями обрушила свою территориальную целостность. 21.10.24; В качестве анти-российского тарана использует киевский режим. 24.05.23). Кроме того, это номинации нарушения целостности объекта в результате непрочности материала, его конструкции, действия природных стихий — водных потоков, ветра, землетрясения и т. п., а также планетарных и космических катаклизмов: рухнуть; провалиться, провал, обвальный; размывать, размываться; катастрофа, катастрофический; черная дыра; тектонический сдвиг (ср.: Всё [западная концепция глобализации] в одночасье рухнуло, когда им захотелось «наказать» Россию. 14.11.24; Система, созданная после Второй мировой войны и основывающаяся на центральной роли ООН, постепенно размывается. 18.07.24; Коалиция стран НАТО ... разбомбила страну, превратила ее [Ливию] в «черную дыру», сквозь которую вниз на Африканский континент потекли потоки бандитов и террористов. 07.12.24).

Во-вторых, абсолютное большинство используемых С. В. Лавровым единиц характеризует каузативные ситуации (переходные глаголы, их именные и возвратные дериваты со страдательным значением), причем предпочтение отдается единицам, указывающим на полное уничтожение объекта. Тем самым министр акцентирует внимание на активности субъекта, целенаправленно уничтожающем объект как таковой. Не случайно в роли такого субъекта обычно выступают главные оппоненты и противники РФ, а в роли объекта — Россия, экономические конкуренты и политические оппоненты КЗ, двусторонние и многосторонние соглашения, права русскоязычного населения на Украине и т. п. (ср.: Сколько времени им [странам НАТО] потребуется в Ливии, чтобы развалить государство? Сейчас все за них «склеивают горшки». 18.07.24; Каждый раз, когда украинцами и их хозяевами разрушались достигнутые договоренности, Украина теряла все больше и больше территории. 21.10.24; Наутро ... они [гарантии соглашения между украинским президентом и оппозицией в 2014 г.] были «растоптаны» и разорваны. 21.07.22).

В-третьих, хотя в исследуемом подкорпусе фиксируется достаточно большое число контекстов с генетическими и этимологическими переносами, особенно при указании на частичную деструкцию (ср.: нарушать — 14 вхождений, нарушение — 24), но преобладают все же экспрессивно маркированные

единицы. Это не только языковые полные метафоры (ср.: *ломать, развалить, растоптать, растерзание, катастрофа*), но и эмотивные этимологические переносы (ср.: *истребить* ‘полностью уничтожить’ — этимологически восходит к старославянскому варианту деструктивного глагола *теребить*). Таким образом, несмотря на институциональный характер коммуникации, министр выражает личностное отношение к описываемым ситуациям и воздействует на эмоции слушателей (ср.: *Наутро эта оппозиция «растоптала» бумагу, на которой стояли подписи министров иностранных дел Германии, Франции и Польши*. 01.07.22; *Все это [права русских и русскоязычных] сейчас перечеркнуто и отдано на растерзание неонацистам, которые «правят бал» в Киеве*. 28.03.23; *После кровавого госпереворота в 2014 г. неонацистский киевский режим начал планомерное истребление всего, что связано с Русским миром*. 02.11.24; *Упорное стремление Вашингтона монополизировать процесс арабо-израильского урегулирования обернулось катастрофическими последствиями*. 31.10.24). Не менее ярко данная тенденция проявляется в речевых, окказиональных и развернутых переносах, в идиомах на метафорической основе (ср.: *Запад делает все, чтобы «подрубить» сам смысл ее [ОБСЕ] существования*. 05.12.24; *Этого [сохранения Украины в границах 1992 г.] сейчас потребовал В. А. Зеленский, когда «поезд» не только ушёл, но и рухнул со скалы в глубокую пропасть*. 25.06.24; *Это обязательство было пущено НАТО «под откос»*. 01.07.22; *Координация наших подходов особенно важна сейчас, когда в мире происходят без преувеличения «тектонические сдвиги»*. 01.07.22; *Но их [русских на Украине] ломают через колено, весь народ ломают через колено, чтобы они этот язык забыли*. 04.04.24).

2.2.3. Фрагментирующая субмодель

Концептуальную основу данной субмодели составляет представление о разделении единого объекта на части одной как о прекращении функционирования социального и иного института в прежнем виде: полученные фрагменты (новые институты) функционируют в новом качестве независимо друг от друга, причем их социально-экономические, политические и идеологические установки могут быть противоположны характеристикам утраченного цельного объекта, что влечет за собой «отсутствие гармоничного взаимодействия новообразованных объектов, конфликтные отношения между ними» [Балашова, Кириллова 2024: 361].

Фрагментирующая субмодель занимает околоядерную зону в дезинтегрирующем подкорпусе, но значительно уступает описанной выше аннигиляционной субмодели как по числу единиц (16 метафор, или 23,9 %), так и по числу их вхождений (32 контекста, или 14,7 %). Кроме того, ее использование С. В. Лавровым более ограничено в ситуативном аспекте. Министр употребляет переносы этого типа исключительно при характеристике реального или гипотетического прекращения существования государства, государственного и межгосударственного объединения — в результате добровольного или вынужденного, инициированного извне дробления на несколько независимых образований: формирование суверенных государств на месте СССР; суверенизация Косово, Крыма, Донбасса; попытки КЗ уничтожить путем дробления РФ, неконтролируемых КЗ социально-экономических и военно-политических блоков и т. п. (ср.: *[Страны КЗ] собрали под ружье коалицию из порядка 50 стран, для того чтобы Россию в том числе и попытаться расчлениить*. 02.09.24; *США и их союзники сделали неправильный выбор после распада СССР*. 07.11.24; *При этом когда без какого-либо референдума отделялось Косово, Запад «аплодировал»*. 27.07.24).

Особенности когнитивной матрицы обусловливают специфику используемых лексических средств. Это преимущественно деструктивно-процессуальные единицы, включающие в семантику исходных ЛСВ компоненты ‘разъединять / разъединяться на части, распределять / распределяться по частям’, ‘отъединить часть от целого или от того, что находилось в соединении с чем-л. / отпасть (о такой части)’ — без конкретизации структуры вещества и причины разъединения (ср.: *делить, отделяться, фрагментировать, расчлениить*) или с их конкретизацией (ср.: *расколоть, разбить, оторвать*). Единичными примерами представлены номинации орудия деструкции (*клин*) и полученных фрагментов (*часть*). Обращает на себя внимание тот факт, что здесь, как и в описанной выше субмодели, предпочтение отдается каузативным глаголам и их дериватам. Таким образом, и в данном случае акцент делается на активности субъекта в достижении своей цели — деструкции объекта (ср.: *Это были встречи, где делили мир (как у нас говорят) «по понятиям»*. Каждый хотел отстоять как можно больше прав в рождавшихся системах. ... Но это все равно был «делёж мира». 14.11.24; *Философия «разделяй и властвуй» активно применяется Западом и в отношении госу-*

дарств бывшего СССР. Цель понятна: еще больше фрагментировать постсоветское пространство, рассорить наши страны и народы. 30.09.22; Они [украинские войска] оторвали значительную часть от каждого из этих регионов [ЛНР, ДНР]. 19.04.22; «Двадцатка» разбита ровно пополам. 25.06.24).

Вместе с тем обнаруживаются существенные отличия использования министром фрагментирующей субмодели (по сравнению с аннигиляционной). Так, большинство зафиксированных единиц относятся к генетическим и нейтральным, а не образным и экспрессивно маркированным метафорам. В семантическом аспекте это преимущественно деструктивные лексемы с обобщенным значением — без актуализации способа воздействия на объект, причины разъединения целого и т. п. Ведущая роль этого типа переносов в речи С. В. Лаврова проявляется, в частности, в том, что они часто представлены группой однокоренных единиц (ср.: *делить, дележ, разделять, отделяться, фрагментировать, фрагментация, расчленить, расчленение*). Экспрессивно маркированные метафоры в большей степени ориентированы на деструктивную лексику, конкретизирующую причину и способ фрагментации (ср.: *расколоть, раскалывать, разбить, оторвать, вбить клин*): с их помощью С. В. Лавров обычно акцентирует внимание на наиболее острых геополитических проблемах современности (ср.: *Они [страны Запада] хотят работать не на то, чтобы сохранить единство всех этнополитических сил в Сирии, а на то, чтобы «оторвать» себе побольше влияния и территории. 26.12.24; Пытаются расколоть АСЕАН, перетянуть некоторые страны в свои ряды закрытых блоковых структур. 18.07.24; Невозможно вбить клин между Россией и Китаем. 15.11.24).*

2.2.4. Реляционная субмодель

В когнитивной матрице этой субмодели на первый план выходит деструкция не самих объектов, а специальных артефактов, соединяющих автономные объекты (веревка, цепь и т. п.). При метафоризации это трактуется «как нарушение договоренностей между феноменами, как смена партнерских отношений на конфликтные» [Балашова, Кириллова 2024: 359]. Среди дезинтегрирующих метафор субмодель занимает периферийное положение: 5 единиц (7,4 %) в 32 контекстах (3,2 %).

В ситуативном аспекте данные метафоры характеризуют исключительно смену партнерских отношений на конфликтные, а также усиление враждебности между Россией и КЗ, Украиной, причем инициатором

такого рода изменений является исключительно КЗ и Украина. Если же в функции активного субъекта выступают РФ, другие страны и русскоязычное население Украины, то ситуация осмысливается как ирреальная (ср.: *Вдруг после сентября 2021 г. американцы прервали этот стратегический диалог. ... Мы его не разрывали. 18.01.23; По остальным территориям [Украины], где живут люди, которые не хотят разрывать связи с Россией, решать будет население этих областей. 29.05.22).* Лексические средства в полной мере отражают идеологический посыл министра иностранных дел РФ. Переносы фиксируются только у переходных глаголов (и одного именного деривата), именующих разделение целого на части с помощью рывка (*разорвать, разрывать, разрыв, прерывать*) или режущего артефакта (*обрубить*). Степень экспрессивности используемых единиц различна: наименьшая — у частичной метафоры *прерывать*, средняя — у полных языковых переносов (*разорвать, разрывать, разрыв*), наибольшая — у речевой метафоры *обрубить* (ср.: *Все контакты ... между нашими странами (Россией и Евросоюзом, Россией и НАТО, Россией и США) были разорваны в одночасье. 21.10.24; Запад обрубил фактически все связи с нашей страной. 04.07.22).*

Таким образом, в речи С. В. Лаврова наблюдается тенденция к системному использованию дезинтегрирующих метафор, где каждая из субмоделей акцентирует внимание на разных аспектах прежде всего агрессивных действий КЗ по отношению к России и другим суверенным государствам, а также Украины — по отношению к ПФ и собственному русскоязычному населению.

2.3. Акциональная модель

Периферийная, как отмечалось (см. 2.1), акциональная модель (8 лексем, или 10,7 % всех переносов, в 17 контекстах (7,2 % всего корпуса) фрагментарно представлена двумя субмоделями (перфектной и манифестирующей), специализирующимися на характеристике разного типа ситуаций.

В **перфективной** субмодели обретение субъектом способности свободно двигаться в результате его активных действий по разрушению оболочки, внешней преграды ассоциируется с возможностью реализоваться, добиться успеха в решении сложной, долго не решаемой задачи и т. п.: 4 единицы (50 %) в 11 контекстах (64,7 %). Эта субмодель используется С. В. Лавровым в двух типах ситуаций (с позитивной или с негативной их оценкой), что непосредственно связано с выбором лексических средств ее реализации. Субстантив *прорыв* характеризует

позитивно оцениваемый результат сложных переговоров. Но лишь в одном контексте он включен в конструкцию с реальной модальностью — отношения РФ с африканскими странами (*Президент В. В. Путин назвал саммиты Россия — Африка «настоящим прорывом»*. 24.04.24). В остальных случаях, описывающих контакты России с КЗ и отражающих реальное положение вещей, употребляются конструкции с ирреальной модальностью (ср.: *Мы тоже не ждем прорыва от этой встречи* [с Э. Блинкеном]. 21.01.22; *Встреча [С. Е. Нарышкина и У. Бернса] состоялась. Было достаточно серьезно, полезно, хотя никаких прорывов она не принесла*. 18.01.23). Негативно оцениваемый результат международных переговоров (укрепление позиции КЗ в мире, националистов на Украине) именуют переносы 3 однокоренных деструктивных единиц с компонентами 'надавливая, прилагая большие усилия, преодолевая сильное сопротивление' (*продавить, продавливать, продавливание*). Тем самым министр делает акцент на агрессивности КЗ, украинских националистов в достижении своей цели и на возможном сопротивлении им других участников переговорного процесса (ср.: *Продавливая миссию на территории Армении... Брюссель откровенно злоупотребляет своими отношения с Баку и Ереваном*. 28.02.23; *Евросоюз обязан ... дать «по рукам» тем, кто продавил русофобию в Киеве*. 25.06.24; [В ЕС] *взят курс на продавливание любой ценой «плана В. А. Зеленского», имеющего ярко выраженную форму ультиматума*. 18.07.24).

В манифестирующей субмодели проникновение чего-либо (воздуха, жидкости, звуков) сквозь оболочку, замкнутое пространство из-за ветхости материала и / или неожиданно образовавшихся трещин, дыр ассоциируется с неожиданным доступом к новой, тщательно скрываемой, утаиваемой информации. Для реализации субмодели С. В. Лавров также использует 4 единицы (*прорваться, прорываться, пробиваться, прорезаться*), которые фиксируются в 6 контекстах (35,3 %). С их помощью он характеризует один тип ситуации: противники РФ (представители КЗ, киевского режима), постоянно дезинформируя мировое сообщество, неожиданно, часто вопреки своей воле (случайно, из-за эмоционального напряжения и т. п.) сообщают правдивую и важную информацию об истинном положении вещей, о своих целях, об отношении к тем или иным процессам и т. п. (ср.: *У них [руководителей НАТО] иногда прорывается по Фрейду признание в том, что, как Боррель не-*

давно сказал, Европа — это цветущий сад, а все остальное — джунгли. 13.07.23; *В Евросоюзе «прорываются» публичные заявления о том, что [США] их дискриминируют*. 18.01.23).

2.4. Выводы

Итак, комплексный анализ речи С. В. Лаврова в 2022–2024 гг. показал, что употребление им деструктивных метафор носит продуктивный, системный и функционально обусловленный характер. С их помощью министр прежде всего акцентирует внимание на наиболее острых, опасных и потому негативно оцениваемых процессах в современных международных отношениях.

В ситуативном аспекте данные переносы фиксируются почти исключительно при характеристике агрессивной и дестабилизирующей деятельности противников и оппонентов России (США и их союзников, Украины, отчасти Израиля) против РФ, других суверенных государств и международных институтов. Это обуславливает востребованность преимущественно дезинтегрирующей модели, а также преобладание ирреальной модальности при использовании акциональной модели.

Обращает на себя внимание разнообразие метафорических единиц, среди которых представлены не только языковые образные, генетические, частичные переносы, но и речевые метафоры. Последние наиболее ярко отражают личностное негативное отношение С. В. Лаврова к процессам, направленным на ослабление РФ и дестабилизацию политической обстановки в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ардаева, Н. В. Дипломатический и политический дискурс. Латинская Америка / Н. В. Ардаева. — Текст : непосредственный // Власть. — 2018. — Т. 26. — № 5. — С. 114–117.
2. Балашова, Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной операции на Украине / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2022а. — Т. 17, вып. 4 (36). — С. 272–284. — DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284, EDN: HFBMYH.
3. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Quaestio Rossica. — 2017. — Т. 5. — № 4. — С. 1178–1196.
4. Балашова, Л. В. Идеология «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале выступлений С. В. Лаврова после начала специальной военной операции 24.02.2022) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022б. — № 5. — С. 24–39. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_02.
5. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
6. Балашова, Л. В. Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса: динамический аспект (на материале

ле текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2023. — Т. 18, вып. 4 (40). — С. 337–348. — DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348, EDN: VDURBA.

7. Балашова, Л. В. Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. — 832 с. — Текст : непосредственный.

8. Бударина, А. А. Политический дискурс С. В. Лаврова / А. А. Бударина. — Текст : непосредственный // Филологические открытия. — Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2019. — С. 195–198.

9. Гизатуллин, Д. Э. Опыт аналитического толкования лексем *рушиться, рушиться, рухнуть, обрушиться, обрушиться* / Д. Э. Гизатуллин. — Текст : непосредственный // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. — Уфа : Изд-во Башкирского государственного университета, 2018. — С. 330–335.

10. Игнатьева, Т. В. Языковые средства реализации межкультурного взаимодействия и оценки политической конфронтации (на материале российского дипломатического дискурса) / Т. В. Игнатьева. — Текст : непосредственный // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2023. — № 4 (81). — С. 118–126. — DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.012.

11. Кириллова, К. И. Роль деструктивной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологии США в российских газетных масмедиа) / К. И. Кириллова. — Текст : непосредственный // Русский язык и ценностные ориентиры современного мира. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2024. — С. 271–280.

12. Ковязина, М. А. Концептуальные метафоры в британском медиадискурсе 2014–2023 гг.: корпусное исследование / М. А. Ковязина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 94–104.

13. Красакова, А. В. Языковая игра в политическом дискурсе в речи С. В. Лаврова / А. В. Красакова. — Текст : непосредственный // Вестник филологических наук. — 2024. — Т. 4. — № 2. — С. 157–163.

14. Нечкина, М. В. Метафоры войны и природы как средство концептуализации миграции в СМИ ФРГ / М. В. Нечкина. — Текст : непосредственный // Ученые записки Нижнетагильского государственного социально-педагогического института. Серия: История и филология. — 2024. — № 1. — С. 81–95.

15. Терентий, Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 1 (022). — С. 47–56.

16. Хосьмукова, Н. Ф. Метафорический тип значения глаголов разрушения в русском языке XI–XVII вв. / Н. Ф. Хосьмукова. — Текст : непосредственный // Филология. — 2016. — № 5 (5). — С. 81–83.

17. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

19. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ardaeva, N.V. (2018). Diplomatic and political discourse. Latin America [Diplomatic and political discourse. Latin America]. *Vlast' [Power]*, 26(5), 114–117. (In Russ.)

2. Balashova, L.V. (2022). "Diplomatic" and "undiplomatic" in the genres of diplomatic discourse: based on metaphors of Russian foreign Minister Sergey Lavrov used during press conferences and interviews on the special military operation in Ukraine. *Speech Genres*, 17 (No. 4(36)), 272–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>

3. Balashova, L.V. (2017). Gorizont'naya model' prostranstvennoy metafory v mediynom obraze Rossii (zhanry analiticheskogo obzora i ekspertnogo mneniya) [The horizontal

model of spatial metaphor in the media image of Russia (genres of analytical review and expert opinion)]. *Quaestio Rossica*, 5(4), 1178–1196.

4. Balashova, L.V. (2022b). Ideologema «kollektivnyy Zapad» skvoz' prizmu antropomorfnoy metafory (na materiale vystupleniy S. V. Lavrova posle nachala spetsial'noy voyennoy operatsii 24.02.2022) [The ideologeme "collective West" through the prism of anthropomorphic metaphor (based on the speeches of S. V. Lavrov after the start of the special military operation on February 24, 2022)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 5, 24–39. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_02 (In Russ.)

5. Balashova, L.V. (2014). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitiy: XI—XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI—XXI centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 632 p. (Studia Philologica). (In Russ.)

6. Balashova, L.V. (2023). Emotivnaya metaforika v zhanrach diplomaticheskogo diskursa: dinamicheskiy aspekt (na materiale tekstov press-konferentsiy i interv'y u ministra inostrannykh del S. V. Lavrova 2023 goda) [Emotive metaphors in the genres of diplomatic discourse: a dynamic aspect (based on the texts of press conferences and interviews of Foreign Minister S. V. Lavrov in 2023)]. *Speech genres*, 18 (Iss. 4(40)), 337–348. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348, EDN: VDURBA (In Russ.)

7. Balashova, L.V., & Dementyev, V.V. (2022). *Russkie rechevye zhanry* [Russian Speech Genres]. Moscow: LRC Publishing House, 831 p. (In Russ.)

8. Bударина, А.А. (2019). Politicheskii diskurs S.V. Lavrova [Political discourse of S. V. Lavrov]. In *Filologicheskiye otkrytiya* [Philological discoveries] (pp. 195–198). Vladivostok: FEPU Publishing House. (In Russ.)

9. Gizatullin, D.E. (2018). Opyt analiticheskogo tolkovaniya leksem *rushit', rushit'sya, rukhnut', obrushit', obrushit'sya* [Experience of analytical interpretation of the lexemes to rushit', rushit'sya, rukhnut', obrushit', obrushit'sya]. In *Yazykovyye yedynitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradig* [Language units in the light of modern scientific paradigms] (pp. 330–335). Ufa: Publishing house of Bashkir State University. (In Russ.)

10. Ignatyeva, T.V. (2023). Yazykovyye sredstva realizatsii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya i otsenki politicheskoy konfrontatsii (na materiale rossiyskogo diplomaticheskogo diskursa) [Language Means of Implementing Intercultural Interaction and Assessing Political Confrontation (Based on Russian Diplomatic Discourse)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin], 4(81), 118–126. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.012 (In Russ.)

11. Kirillova, K.I. (2024). Rol' destruktivnoy metafory v formirovaniy sovremennoy politicheskoy kartiny mira (na materiale ideologemy SSHA v rossiyskikh gazetnykh massmedia) [The Role of Destructive Metaphor in the Formation of a Modern Political World View (Based on the Material of Russian Mass Media)]. In N.V. Danilevskaya (Ed.), *Russkiy yazyk i tsennostnyye oriyehtiry sovremennogo mira* [Russian Language and Value Orientations of the Modern World] (Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference (PSNU, February 2–3, 2024), pp. 271–280). Perm: PSU. (In Russ.)

12. Kovyzina, M.A. (2024). Kontseptual'nyye metafory v britanskoy mediadiskurse 2014–2023 gg.: korpusnoye issledovaniye [Conceptual metaphors in the British media discourse 2014–2023: a corpus study]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2(104), 94–104. (In Russ.)

13. Krasakova, A.V. (2024). Yazykovaya igra v politicheskom diskurse v rechi S.V. Lavrova [Language play in political discourse in the speech of S.V. Lavrov]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Bulletin of Philological Sciences], 4(2), 157–163. (In Russ.)

14. Nchkina, M.V. (2024). Metafory voyny i prirody kak sredstvo kontseptualizatsii migratsii v SMI FRG [Metaphors of war and nature as a means of conceptualizing migration in the media of the Federal Republic of Germany]. *Uchenyye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya* [Scientific notes of NTGSPi. Series: History and philology], 1, 81–95. (In Russ.)

15. Terentiy, L.M. (2010). Diplomatic discourse as a special form of political communication. *Voprosy*

kognitivnoy lingvistiki [Issues of cognitive linguistics], 1(022), 47–56. (In Russ.)

16. Khosmukova, N.F. (2016). Metaforicheskiy tip znacheniya glagolov razrusheniya v russkom yazyke XI-XVII vv. [Metaphorical type of meaning of verbs of destruction in the Russian language of the 11th-17th centuries]. *Filologiya* [Philology], 5(5), 81–83. (In Russ.)

17. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2(40), 53–59. (In Russ.)

18. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 254 p. (In Russ.)

19. Sheygal, E.I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 326 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'38+811.161.1'42
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.27

Код ВАК 5.9.5

Марина Владимировна Гаврилова

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия,
mvlgavrilova@gmail.com, SPIN-код: 9232-2982, <https://orcid.org/0000-0001-9100-7694>

Лингвистические средства репрезентации национальной идентичности в политическом тексте

АННОТАЦИЯ. Цель исследования — реконструировать представления о национальной идентичности, явленные в политическом тексте. Материалом исследования является речь при вступлении в должность президента России, произнесенная В. В. Путиным 7 мая 2024 г. Национальная идентичность формируется на основе представлений о коллективной общности «Мы», значимых социальных группах «Другие», интерпретации исторического прошлого и образа желаемого будущего. Языковые средства, используемые политиком, участвуют в конструировании положительной национальной идентичности на тематическом, концептуальном, лексическом, грамматическом и риторическом уровнях организации политического текста.

В ходе анализа выявлены основные содержательные характеристики национальной идентичности. Наиболее многочисленной по объему и разнообразию используемых в выступлении языковых средств является совокупность представлений о Нас. Россия — это страна, государство, Родина, Отечество и держава. Страна, состоящая из регионов. Государство, в основе которого «межнациональное согласие, сбережение традиций всех народов, живущих в России». Страна-цивилизация, «объединённая русским языком и нашей многонациональной культурой». Отечество, наше Отечество, которому хранят верность и приносят пользу, за которое сражаются, которое защищают. Родина, которая всегда стоит на первом месте. Мировая держава, которую создали наши предки.

«Другой» находится вне страны и представлен двумя группами стран: 1) «Другой», который рассматривает Россию в качестве надежного и честного партнера (мировое большинство), 2) враждебно настроенный по отношению к России «Другой» (западные государства).

В. В. Путин видит в российской истории важный фактор сохранения национального самосознания и построения новой постсоветской идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистические средства, языковая репрезентация, средства репрезентации, репрезентация национальной идентичности, политические тексты, национальная идентичность, политическая лингвистика, политический дискурс, инаугурационная речь, российские президенты, русский язык, национальный менталитет, политическая риторика, политические речи, политические деятели, речевые жанры, речевая деятельность, языковая личность, лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; 191119, Россия, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, к. 1211; email: mvlgavrilova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаврилова, М. В. Лингвистические средства репрезентации национальной идентичности в политическом тексте / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 78-89.

Marina V. Gavrilova

Saint Petersburg State University of Film and Television, Saint Petersburg, Russia, mvlgavrilova@gmail.com, SPIN code: 9232-2982, <https://orcid.org/0000-0001-9100-7694>

Linguistic Means of Representation of National Identity in Political Text

ABSTRACT. The study aims to reconstruct the ideas of national identity expressed in political texts. The practical research material includes the inaugural speech delivered by V.V. Putin on May 7, 2024. National identity is based on shared ideas about the collective community “We,” significant social groups “Others,” interpretations of the historical past, and visions of the desired future. The linguistic means employed by a politician participate in the construction of a positive national identity at the thematic, conceptual, lexical, grammatical, and rhetorical levels of the organization of a political text.

In the course of her analysis, the author has revealed the main content characteristics of national identity. The group of ideas related to “Us” is the most numerous in terms of the variety and volume of language means used. Russia is a country, a state, the Motherland, the Fatherland, and a power. It is a country consisting of different regions, a state based on “inter-ethnic harmony and the preservation of the traditions of all the peoples living in it”. The country is a civilization “united by the Russian language and our multinational culture”. Our fatherland is the place we work for, remain loyal to, fight for, and defend. It is the Motherland we think about first and foremost. It is also a world power that was created by our ancestors.

The ideas related to “Others” are represented by two groups of countries: 1) the “Other,” who considers Russia as a reliable and honest partner (the global majority), 2) the “Other” who is hostile to Russia (Western states). Vladimir Putin sees Russian history as an important factor in preserving national self-awareness and building a new post-Soviet identity.

KEYWORDS: linguistic means, linguistic representation, means of representation, representation of national identity, political texts, national identity, political linguistics, political discourse, inaugural speech, Russian presidents, Russian lan-

guage, national mentality, political rhetoric, political speeches, politicians, speech genres, speech, linguistic personality, linguopersonology.

AUTHOR'S INFORMATION: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Drama and Film Studies, Saint Petersburg State University of Film and Television, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Gavrilova M. V. (2025). Linguistic Means of Representation of National Identity in Political Text. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 78–89. (In Russ.).

С момента распада Советского Союза в 1991 году в Российской Федерации происходит процесс конструирования новой постсоветской идентичности. В условиях динамично изменяющегося контекста мировой политики, появления новых общественно-политических реалий и экономических вызовов, данный процесс характеризуется постоянным изменением.

Президенты Российской Федерации уделяют значительное внимание процессу конструирования национальной идентичности, поскольку «в конце концов не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем» [Медведев 2009].

Актуальность исследования обусловлена его общественной значимостью, так как укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования является одним из приоритетных направлений научно-технологического развития страны¹. Добавим, что национальная идентичность рассматривается как нематериальный ресурс общественного развития [Семененко 2009]. В этой связи важной научной задачей служит разработка методов и методик изучения национальной идентичности в различных типах текстов.

Материалом исследования является речь при вступлении в должность президента России, произнесенная В. В. Путиным 7 мая 2024 г. Выбор материала обусловлен тем, что инаугурационная речь формулирует идейную основу для объединения общества на новом этапе развития страны. Речь создается на основе анализа общественного мнения и отражает систему ценностей социума, а также динамику восприятия россиянами своей страны.

Цель исследования — реконструировать представления о национальной идентичности, явленные в политическом тексте. Для достижения цели необходимо определить концептуальные составляющие понятия «национальная идентичность», предложить методику лингвистического анализа его основ-

ных элементов, выявить языковые способы репрезентации национальной идентичности и описать ее основные характеристики.

Важная роль лингвистических исследований идентичности обусловлена тем, что, с одной стороны, одной из форм ее выражения является язык, с другой стороны, национальная идентичность формируется, развивается и изменяется посредством использования языковых средств.

Под национальной идентичностью мы понимаем «самоотождествление с комплексом представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющих индивиду соотносить себя с ним» [Многоликая идентичность... 2008: 8].

Далее важно определить, что представляет собой комплекс представлений, воплощающих национальную идентичность. Вслед за В. С. Комаровским, мы считаем, что эта совокупность представлений может включать в себя 4 группы «общих убеждений и представлений о стране и нации: 1) коллективное „мы“ — представление о нации и стране, где в качестве институциональных скреп выступает государство (моя страна, родина предков и т. д.), а в качестве гуманитарных — моральное сообщество (доверие, солидарность, обязательства в отношении других членов общества); 2) „значимые другие“ — страны и народы, постоянное взаимодействие с которыми позволяет лучше понимать свое отличие, самобытность; 3) интерпретация прошлого и конструирование традиций как общей судьбы и истории; 4) проект желаемого будущего» [Комаровский 2013: 577]. Подчеркнем, что предложенный комплекс наиболее соответствует тематическим особенностям инаугурационной речи.

Отметим, что понятия «национальное самосознание» и «национальная идентичность» рассматриваются нами как синонимичные выражения.

Выявление лингвистических способов репрезентации национальной идентичности

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» от 18 июня 2024 г. № 529. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 06.02.2025).

осуществляется с помощью контекстуально-семантического, интерпретационного, концептуального и статистического анализа.

ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Национальная идентичность, являясь сложным многосоставным феноменом, изучается представителями различных гуманитарных и социальных наук, таких как политология [Семененко 2023; Цымбургский 2007; Anderson 1983; Huntington 1993], филология [Гачев 2007], социология [Горшков, Тюрина 2018], культурология [Хренов 2007; Hall 1993], история [Тишков 2013], философия [Ахиезер 1995; Межуев 2018; Habermas, 1992], психология [«Они» и «Мы» 2021] и др.

В зависимости от аспекта изучения идентичности в научных работах применяются такие понятия, как гражданская, национальная, политическая, цивилизационная, социокультурная, российская, макрополитическая, государственная и национально-государственная идентичность.

Далее рассмотрим, как изучается национальная идентичность в российском и зарубежном языкознании. В зарубежной политической лингвистике анализ идентичности проводится при помощи методик критического дискурс-анализа, дискурс-анализа, (новой) риторики, прагматики, системно-функциональной лингвистики, теории жанров, теории повествования, этнографии, социальной семиотики и др.

Наиболее распространен дискурсивно-исторический подход, разрабатываемый в рамках критического дискурс-анализа научным коллективом под руководством Р. Водак (R. Wodak). Изучение дискурсивного конструирования национальной идентичности основано на следующих теоретических положениях: 1) нации следует понимать как ментальные конструкции; 2) национальные идентичности создаются, воспроизводятся, трансформируются и разрушаются дискурсивно — посредством языка и других семиотических систем; 3) идентичности можно рассматривать как своего рода габитус; 4) дискурсивное конструирование национальной идентичности тесно связано с конструированием различий/самобытности и уникальности; 5) национальные идентичности — это динамичные единства, которые могут изменяться в зависимости от контекста, ситуации и других факторов.

Основываясь на данных положениях, лингвисты предлагают трехуровневую методику анализа национальной идентичности: 1) содержание/темы (идеи, нарративы, дискурсивные конструкции, заголовки); 2) дис-

курсивные стратегии (конструктивные, увековечивающие и оправдывающие, трансформационные, демонстрационные или деструктивные); 3) лингвистические средства (лексические единицы, способы аргументации и синтаксические конструкции) [De Cella, Reisigl, Wodak 1999: 153–157].

Отметим, что в условиях иконического поворота предметом изучения являются не только языковые средства, но и другие способы выражения значения, поскольку содержание текста воплощается не только посредством языка, но и с помощью визуальных и/или аудиальных элементов. В связи с этим возникает необходимость в анализе способов применения нелингвистических средств для трансляции идей, мнений и формирования идентичностей.

Социосемиологи предложили методику анализа мультимодального текста и коммуникативного события, состоящую в изучении диалога, жанра, стиля и модальности. При этом особое внимание уделяется исследованию звуковой и изобразительной организации текста, где важно разложить целое на составляющие его элементы, применяя понятия «ритм», «композиция», «связность информации», «диалог», и далее определить функции и связь анализируемых элементов с социальными нормами и правилами [Van Leeuwen 2005: 91–177].

Поскольку национальная идентичность рассматривается как динамический процесс, основными характеристиками которого являются изменчивость и вариативность, то зарубежные лингвисты изучают дискурсивные процессы и механизмы, (вос)производящие ее изменение, сдвиг и трансформацию.

Так, социосемиологи пришли к выводу, что в различных дискурсивных формах идентичность видоизменяется при помощи четырех основных видов преобразований.

1. Исключение, т. е. можно исключить некоторые элементы социальной практики.

2. Перестановка, т. е. можно перегруппировать единицы, например, изменить порядок следования действий.

3. Дополнение, т. е. можно дополнить элементы к описанию социальной практики, например, анализируя участников события, можно добавить оценку, цели и стратегии узаконивания их и их действий.

4. Замещение, т. е. можно заменить представления об элементах, например, конкретное будет преобразовано в абстрактное, частное в общее, действие в процесс [Van Leeuwen 2005: 110–112].

Примечательно, что зарубежные ученые в основном фокусируют свое внимание на исследовании взаимосвязи между нацио-

нальной и европейской идентичностью, а также на анализе разнообразных дискурсивных конструкций национальной идентичности в контексте транснациональной идентичности в условиях глобализации.

В отечественной лингвистике подчеркивается важная роль языка в формировании и проявлении национального самосознания. Исследования различных языковых средств выражения национальной идентичности проводятся при помощи методик когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики [Прохоров, Стернин 2007], психолингвистики [Уфимцева 2009], межкультурной коммуникации [Тер-Минасова 2000], лингвоэкологии [Сковородников 2016], лингвокультурологии [Воркачев 2002], лексикографии [Россия. Большой лингвострановедческий словарь 2009] и др.

Наиболее многочисленны и методологически разработаны исследования национального самосознания, проводимые при помощи различных методик когнитивной лингвистики. Российские языковеды изучают ключевые идеи языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005], особенности русской ментальности [Колесов 2006], концептуальное пространство русского языка [Колесов, Колесова, Харитонов 2014; Степанов 2001], концептуальную метафору [Чудинов 2001] и др.

Отечественные лингвисты изучают языковые механизмы влияния на народное мировосприятие, этику и культуру: вытеснение национальных образов и внедрение иных представлений в общественное сознание, смысловая динамика базовых концептов в различных стилях речи, вторжение инородных лексических элементов, конструирование образов страны и народа в отечественных и зарубежных СМИ и др.

Таким образом, краткий обзор научной литературы показал многообразные направления научного поиска, проявляющиеся в различии терминологических систем, тематики и методов исследования национальной идентичности в языкознании.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ

Первым этапом лингвистического анализа национальной идентичности является рассмотрение тематической структуры политического текста. Выступление В. В. Путина содержит 705 слов, формирующих 42 предложения, объединённых в 25 абзацев. Мы выяснили, что ключевыми компонентами

содержания инаугурационной речи В. В. Путина являются темы: Россия (страна и государство, Россия и мир), народ (традиции и ценности), единство, специальная военная операция, историческое прошлое, образ будущего (цель, условия и ресурсы для её достижения), трудности сегодняшнего дня, развитие страны, задачи и обязанности президента.

Поскольку приписывание определенных тем тексту является субъективным по своему характеру, мы применили автоматический анализ текста, используя программу «TextAnalyst 2.0»¹. В результате проведенного анализа был создан информационный портрет текста, построена семантическая сеть и определены наиболее часто встречающиеся слова.

Алгоритм реферирования основан на выборе из текста готовых предложений, которые содержат наибольшее число наиболее часто встречающихся понятий, иногда — с учетом связей понятий. Таким образом, информационный портрет документа представляет собой ассоциативную семантическо-статистическую модель, сформированную на базе самого исследуемого текста [Ермаков 2000]. В результате автоматического реферирования получен текст, состоящий из наиболее значимых в смысловом отношении предложений:

«В эти торжественные и ответственные минуты вступления в должность Президента хочу сердечно поблагодарить граждан России во всех регионах нашей страны, жителей наших исторических земель, отстоявших право быть вместе с Родиной.

Вы, граждане России, подтвердили правильность курса страны.

Наши решения по развитию страны и регионов должны быть эффективными и справедливыми, повышать благосостояние, качество жизни российских семей.

Мы были и будем открыты к укреплению добрых отношений со всеми странами, которые видят в России надёжного и честного партнёра.

Мы должны обеспечить надёжную преемственность в развитии страны на десятилетия вперёд, вырастить и воспитать молодые поколения, которые будут укреплять могущество России, развивать нашу государственность, в основе которой межнациональное согласие, сбережение традиций всех народов, живущих в России, стран-цивилизации, объединённой русским языком и нашей многонациональной культурой».

¹ Персональная система автоматического анализа текста *TextAnalyst 2.0*. URL: <https://analyst.ru/ru/products/text-analyst> (дата посещения: 06.02.2025).

Семантическая сеть представляет множество понятий текста, т. е. слов и словосочетаний, ассоциативно связанных между собой. В качестве критерия связности используется частота совместной встречаемости понятий в предложениях текста. Важным свойством семантической сети является дифференциация связей по весам (100 баллов), отражающим степень смысловой связности понятий. Сеть инаугурационной речи состоит из 4 уровней: 1) 99 — России, 99 — страны; 2) 96 — надежного, 95 — укреплению, 78 — граждане России; 3) 62 — государственная, 55 — развитию страны, 55 — регионах; 4) 23 — исторических, 14 — поколений, 11 — вперёд. Таким образом, основной семантической сети политического текста является представление России как страны.

Результаты статистического анализа показали, что притяжательное местоимение *наш* (18 словоупотреблений), местоимение с объединительной семантикой *мы* (14 словоупотреблений), существительное *Россия* (13 словоупотреблений), глагол *быть* (12 словоупотреблений), *страна* (9 словоупотреблений), определительное местоимение *весь* (8 словоупотреблений), *развитие* (7 словоупотреблений), местоименное прилагательное *свой* со значением 'своеобразный, свойственный данному или единому' (6 словоупотреблений), наречие *вместе* (5 словоупотреблений) и *народ* (5 словоупотреблений) являются наиболее информативными и значимыми словами в тематической структуре выступления политика. Ключевые слова можно объединить в семантический ряд, формирующий концептуальную рамку выступления: Россия (страна, наш, свой) — единый народ (мы, весь, вместе) — быть — развитие.

Таким образом, тематическая структура, информационный портрет, семантическая сеть и ключевые слова инаугурационной речи участвуют в создании национальной идентичности, конструируя представления о Нас, Других, нашей истории и нашем будущем.

КАТЕГОРИЯ «КОЛЛЕКТИВНОЕ МЫ»

Мы предлагаем процедуру проведения лингвистического анализа категории «Коллективное Мы», включающую три этапа исследования. Во-первых, следует изучить представление о стране. Для этого нужно исследовать наполнение концепта «Россия» в тематической структуре политического текста и сочетательные возможности прилагательных *русский* и *российский*. Во-вторых, выявить представления и убеждения о людях, населяющих Россию. С этой целью оп-

ределить содержание концепта «народ» и сочетательные связи местоимений *наш* и *свой*. В-третьих, выяснить, какие ценности артикулированы в политическом тексте, а также упоминаются ли в тексте антиценности, т. е. отвергаемые нашим обществом идеи, убеждения и способы поведения.

Представление о стране. Рассмотрим, как концепт «Россия» вербализован в тексте. Мы выяснили, что в инаугурационной речи используются следующие номинации: *Россия* (13 словоупотреблений), *страна* (7 словоупотреблений), *Отечество* (4 словоупотребления), *государство* (3 словоупотребления), *страна-цивилизация*, *Родина* и *держава* (единичные словоупотребления).

Результаты частотного анализа показывают, что лексической доминантой концепта является слово *Россия* и Россия преимущественно осмысливается как страна.

Используемые в выступлении наименования России (*Родина* — *Отечество* — *государство* — *держава*) подчеркивают историческую преемственность форм устройства общества. «Слово *родина* связано с родом, *отечество* — с отчеством, *государство* по смыслу корня — с государственной, т. е. с господской, властью. Приведенные слова обозначают политически властную организацию общества на разных этапах его развития. Смена слов-терминов отражает исторически изменявшееся представление народа о государственном единстве и государственной власти. При родовом строе это была *родина*, в Средние века, при господстве патриархальной власти — *отечество*, а после XVI века, уже в связи с развитием зрелых феодальных отношений господства и подчинения — *государство*» [Колесов 1999: 168–169]. Слово *держава* известно с XI в. Значение слова развивается от конкретного образа поддержки силой через представление о самой силе и власти к понятию государства-державы. В выступлении *держава* сочетается с прилагательным *мировая*, усиливая основное значение 'независимое государство (обычно большое и сильное)'. Употребление слова *Родина* с прописной буквы повышает его стилистический ранг, вызывает в памяти целый ряд ассоциаций, воспоминаний и эмоций, способствуя актуализации патриотических настроений в общественном сознании.

Мы наблюдаем введение в политический текст новой номинации: Россия — это *страна-цивилизация*. Полагаем, что необходимость переопределения вызвана переосмыслением национальных интересов России, изложенных во внешнеполитических документах. См., например: «...особое положение России как самобытного государства-цивилизации,

обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹. Отметим функционирование в русском политическом дискурсе двух новых номинаций для обозначения России: *страна-цивилизация* и *государство-цивилизация*.

Далее разберем дискурсивные способы позиционирования страны. Для этого необходимо выявить, с какими согласованными определениями употребляется слово *Россия* в выступлении. Обращает на себя внимание то, что в отличие от других инаугурационных речей российских президентов в анализируемом выступлении у слова *Россия* отсутствуют признаки, т. е. согласованные определения, эксплицирующие представления о том, какой видит политик Россию. Примечательно, что в предшествующих инаугурационных речах российские президенты преимущественно наделяют Россию идеальными признаками в описании будущего страны.

Поскольку синтаксические преобразования являются идеологически значимыми, рассмотрим позиции, которые занимает *Россия* в структуре предложения. Мы выяснили, что *Россия* употребляется в форме косвенных падежей: в качестве несогласованного определения («*могущество России*», «*судьба России*», «*граждане России*», «*интересы России*», «*народ России*», «*развитие России*»), в значении места действия («*в России*»), в функции дополнения («*для России*», «*в России*») и объекта действия («*беречь Россию*»). Таким образом, слово *Россия* не выступает в роли активно действующего субъекта в синтаксической структуре предложения. Преобладает функция дополнения в форме родительного падежа в значении принадлежности. Президент осмысляет Россию как некий субъект, обладающий (не)материальными объектами: граждане, народ, интересы, могущество, судьба и развитие.

Представления о стране как географическом пространстве также участвуют в конструировании национальной идентичности. Однако эта тема практически отсутствует в семантической структуре текста. Есть лишь указание на то, что страна состоит из регионов, включая исторические земли: «*поблагодарить граждан России во всех регионах нашей страны, жителей наших исторических земель*». В. В. Путин для описания территориальных единиц использует слово иностранного происхождения *регион*, обо-

значающее обширный район, объединенный по общим признакам. Словосочетание *исторические земли* президент ранее ввел в политический оборот для обозначения четырех новых российских регионов.

Отметим, что словосочетание *беречь Россию* устанавливает интертекстуальные связи инаугурационных речей. Так, наказ первого президента России В. В. Путину, выраженный сочетанием «*берегите Россию*», и значение фразеологического выражения «*беречь как зеницу ока*» актуализирует восприятие России как значимой общественной ценности.

Известно, что метафора как средство вторичной номинации участвует в конструировании национальной идентичности. В. В. Путин использует прагматический потенциал метафорической модели персонификации («*видят в России надёжного и честного партнёра*»), уподобляя страну человеку, обладающему положительными характеристиками «внушающий полное доверие» и «на которого можно положиться».

Используя прилагательное *русский*, президент обозначает предметные области, относящиеся к стране. Мы выяснили, что в выступлении слово единожды применяется в сочетании «*качество жизни российских семей*». В. В. Путин подчеркивает важность семьи как социального института и общественной ценности. Напомним, что 2024 год был объявлен в России Годом семьи.

Анализ показал, что в выступлении президента прилагательное *русский* употребляется в значении «принадлежащий или свойственный восточнославянскому народу, являющемуся основным населением России», в составе словосочетания *русский язык*, который рассматривается как фактор, способствующий объединению народов страны. Примечательно, что в инаугурационных речах российских президентов слово *русский* используется во второй раз. Впервые это произошло в 1991 году, когда Б. Н. Ельцин употребил в выступлении словосочетания *русский народ* и *русская культура*. Таким образом, само использование в значимой политической речи прилагательного *русский* можно считать средством актуализации в общественном сознании представлений о национальной идентичности.

Дискурсивное конструирование национальной идентичности предполагает определение места страны на международной арене. В. В. Путин значительное внимание

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 06.02.2025).

уделяет описанию роли Российской Федерации в современном мире в контексте динамично изменяющихся геополитических реалий. Россия позиционирует себя миру как «надежного и честного партнёра», т. е. добросовестного прямого открытого участника совместной деятельности, на которого можно положиться.

Представление о народе. Рассмотрим, какими словами концепт «народ» эксплицирован в выступлении. Для этого следует определить, какие социальные субъекты представлены в тексте и как они обозначены. Мы выяснили, что таковыми являются: *граждане России, дамы, господа, друзья, жители, герои; все, кто сражается; народ России, люди, поколения, вы, мы, российские семьи, общество, народы, живущие в России; предки*. Каковы языковые средства создания коллективной идентичности в выступлении? Во-первых, это повтор слов как риторическое средство. Так, самое частотное слово в тексте — это местоимение *мы* (14 словоупотреблений). Во-вторых, обозначения субъектов используются только в форме множественного числа. В-третьих, в выступлении применяются собирательные существительные (*народ, общество*). Иными словами, представления о нас как общности людей конструируются благодаря средствам речевого воздействия, грамматическим и семантическим характеристикам обозначений социальных субъектов.

Следующим этапом анализа является изучение признаков социальных субъектов, т. е. какие качества им присваиваются. В начале выступления используются этикетные формулы: *уважаемые граждане России и дорогие друзья*. В кульминационном завершении речи *народ* определяется как *единый и великий*. В. В. Путин актуализирует в общественном сознании такие положительные характеристики народа, как 'целостный' и 'сплоченный', а также 'выдающийся по своему значению и достоинствам'.

Далее разберем, какие действия совершает наша общность людей (Коллективное Мы). Для этого рассмотрим предложения с подлежащим, выраженным местоимением *мы* и сказуемым, выраженным личной формой глагола. Статистический анализ показал, что в выступлении наличествуют 13 таких предложений, которые, равномерно распределяясь по тексту, являются опорными точками тематической структуры. Предложения, описывающие наши действия (*мы*), относятся к различным временным периодам: прошлому, настоящему и будущему. Некоторые предложения содержат модальность долженствования.

В прошлом «*мы столкнулись с серьезными испытаниями*». В настоящее время *мы «не отказываемся от диалога с западными государствами», «видим, как», «держим ответ перед нашей тысячелетней историей и нашими предками», «смотрим вперед, планируем своё будущее, намечаем и уже реализуем новые проекты и программы».*

В будущем «*судьбу России мы будем определять сами*», «*пройдем через этот трудный, рубежный период, станем ещё сильнее и обязательно реализуем долгосрочные планы*», «*будем открыты к укреплению добрых отношений*», «*продолжим работу по формированию многополярного миропорядка*», «*преодолеем все преграды, воплотим в жизнь всё задуманное*» и «*победим*».

Модальный глагол должен указывает на необходимые качества («*мы должны быть самодостаточными и конкурентоспособными*») и обязательные к совершению действия («*открывать для России новые горизонты*», «*обеспечить надёжную преемственность в развитии страны*», «*вырастить и воспитать молодые поколения*»).

Отметим, что при помощи лексических и риторических средств в предложениях с *мы* эксплицируется семантика самостоятельности (без постороннего вмешательства) выполнения действия: «*сами и только сами*», «*самодостаточными*».

В дискурсивном конструировании категории «Коллективное Мы» участвуют притяжательные местоимения *наш* и *свой*, формирующие суждения об объединяющих и различительных признаках культурно-исторической общности.

Рассмотрим, что президент определяет как наше, т. е. что нам принадлежит. В тексте местоимение *наш* сочетается со словами и словосочетаниями: *страна* (2 словоупотребления), *государственная и общественно-политическая система* (2 словоупотребления), *исторические земли, герои, народ, общая твёрдая уверенность, общие исторические цели, решения, история, государственность, многонациональная культура, единство и сплоченность, тысячелетняя история, предки, Отечество, развитие*.

Наблюдения над лексической сочетаемостью местоимения *наш* позволяют предположить, что В. В. Путин актуализирует в общественном сознании элементы картины мира, связанные с историей страны, государством и его устройством и ценностями, объединяющими нацию.

Следует отметить высокую частотность в выступлении местоимения *наш*, свиде-

тельствующую о его важной роли в формировании представлений о национальной идентичности.

Мы выявили в тексте сочетаемостные возможности местоименного прилагательного *свой* со значением 'своеобразный, свойственный данному или единому'. Своим, самобытным является *выбор, свобода, ценности, лучшие человеческие и профессиональные качества, страна, народ, будущее*.

Представление о ценностях. Национальная идентичность формируется на основе общих разделяемых обществом ценностей. В инаугурационном выступлении представлены ценностные ориентиры, которые выражены при помощи слов, обозначающих нравственные и моральные качества, и слов *ценность* и *ценить*.

Слово *ценность* используется в речи дважды в форме множественного числа, и его значение уточняется при помощи определений с семами 'самобытный', 'длительный', 'относящийся к семье': '*свои ценности*', '*многовековых семейных ценностей*'.

Полагаем, что ценности, представленные в тексте, могут быть соотнесены с различными временными планами: ценности прошлого и вечного, ценности настоящего времени и ценности, которыми нужно руководствоваться сейчас и в будущем, чтобы успешно развивать страну.

Президент актуализирует такие значимые для предшествующих поколений ценности, как патриотизм и единство. Предки *«на первое место всегда ставили Родину, знали, что достичь по-настоящему больших целей можно только вместе со своей страной и со своим народом»*. Отметим, что тема единства страны является основной для формирования чувства общности.

В. В. Путин обращает внимание на то, *«как изменилась атмосфера в обществе, как высоко ценятся сегодня надёжность, взаимная ответственность, искренность, порядочность, благородство и мужество»*.

Впервые в инаугурационных речах российских президентов появляется образ героя, названы те, кто вызывает интерес, восхищение и является образцом: *«Хочу поклониться нашим героям, участникам специальной военной операции, всем, кто сражается за Отечество»*.

Показательно, что в выступлении представлены и антиценности, которыми руководствуются «Другие», наши противники.

Выражая уверенность в том, что Россию ждёт лучшее будущее, В. В. Путин подчеркивает, что *«результаты этой работы в решающей степени зависят от нашего*

единства и сплочённости, от общего стремления приносить пользу Отечеству, защищать его, трудиться с полной отдачей». Таким образом, единство, солидарность, честность, любовь к Родине и трудолюбие — те ценности, на основе которых может формироваться национальная идентичность россиян в *«сложном мире, который стремительно меняется»*.

КАТЕГОРИЯ «ДРУГИЕ»

Известно, что национальная идентичность развивается в процессе сравнения, сопоставления и зачастую противопоставления с другими нациями и народами. «Другой» играет важную роль для обозначения границ собственной идентичности, формируя представления о том, кем являемся Мы в отличие от Них.

Другие могут быть дружелюбно или враждебно настроены по отношению к Нам. Примечательно, что впервые в инаугурационном выступлении представлены обе эти группы. Отметим, что «Другой» находится внове.

«Другие», с которыми складываются конструктивные отношения, обозначены как страны, составляющие *«мировое большинство»*, как *«партнёры по евразийской интеграции»* и *«другие суверенные центры развития»*. В описании отношений с этими странами актуализируются семы с положительными коннотациями: 'объединение' (*интеграция*), 'самостоятельность' (*суверенный*), 'совместная работа' (*партнер*), 'большое число' (*большинство*).

Принципы, на которых строятся отношения со странами, уважающими национальные интересы России, — это открытость и взаимное расположение (*«Мы были и будем открыты к укреплению добрых отношений со всеми странами, которые видят в России надёжного и честного партнёра»*), совместная деятельность и отсутствие вражды (*«искать путь к сотрудничеству и миру»*) и взаимоуважение (*«разговор <...> только на равных, уважая интересы друг друга»*).

Номинация противоположной группы — *«западные государства»*. Прежнее обозначение этих стран в качестве партнеров сменилось наименованием *государство*, которое можно рассматривать в качестве единицы измерения на политической карте мира.

Эти страны стали противником, поскольку в своих действиях руководствуются ценностями, которые мы отвергаем. «Другой» пренебрежительно относится к окружающим (*«высокомерие»*), демонстрирует тщеславную гордость (*«чванство»*) и обособлен-

ность, основанную на идее превосходства (*«собственная исключительность»*).

Россия готова вести с ними диалог, понимая важность *«стратегической стабильности»* в мире, но на определенных условиях. «Другой», являющийся противником, не должен *«пытаться сдерживать развитие России, продолжать политику агрессии, непрекращающегося годами давления на нашу страну»* и вести разговор с позиции силы.

Наши совместные с союзниками действия, в отличие от действий противников, направлены на *«формирование многополярного миропорядка, равной и неделимой системы безопасности»*.

КАТЕГОРИЯ «ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОШЛОГО»

Одним из важнейших способов конструирования национальной идентичности является историческая память. Показательно, что тема истории звучит во всех инаугурационных речах В. В. Путина. Политик видит в российской истории важный фактор сохранения народного самосознания и построения новой российской идентичности.

Тема истории актуализируется в выступлении при помощи употребления существительного *история* в значении 'последовательный ход развития' (*«нашей тысячелетней историей»*, *«наша история»*) и прилагательного *исторический* в значении 'относящийся к прошлому народа' и 'знаменательный для истории' (*«наши исторические земли»*, *«наших общих исторических целей»*).

Президент говорит о том, что важно помнить сложные периоды в развитии истории, *«не забывать о трагической цене внутренних смут и потрясений»*.

Политик обращает внимание на ответственность нынешних поколений перед поколениями, жившими задолго до настоящего времени, за будущее страны: *«Сегодня, по сути, мы держим ответ перед нашей тысячелетней историей и нашими предками»*.

В. В. Путин уверен, что накопленный народом исторический опыт преодоления трудностей поможет решить задачи, стоящие перед страной сегодня: *«В сложном мире, который стремительно меняется, мы должны быть самодостаточными и конкурентоспособными, открывать для России новые горизонты, как уже не раз бывало в нашей истории»*.

Президент, используя прилагательное *тысячелетний*, указывает на длительную историю существования Российского государства: *«наша тысячелетняя история»*.

Полагаем, что обращение В. В. Путина к теме прошлого, почтительное отношение к российской истории обусловлено тем, что историческая память не только объединяет общество, но и вселяет уверенность, что у народа есть будущее.

КАТЕГОРИЯ «ПРОЕКТ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО»

Инаугурационная речь — это идеальный проект Дела, который необходим, чтобы на основе выдвигаемых президентом целей и ценностей объединить нацию. Анализируемое выступление достаточно детально рисует образ будущего, описывая желаемые характеристики общества, страны и органов государственной власти. Кроме того, сформулирована цель развития страны, определены совместные и должные действия, а также условия для реализации планов на будущее.

Одной из главных целей развития страны является народосбережение. Условием ее достижения является *«поддержка многовековых семейных ценностей, традиций»*. Примечательно, что представление о семье как важной составляющей образа будущего функционирует в политическом дискурсе уже несколько лет. Так, в 2021 г., выступая на съезде партии «Единая Россия», В. В. Путин сказал: «Часто слышу, что нам нужна национальная идея, все об этом говорят, образ будущего. Вы знаете, уважаемые друзья, я стараюсь избегать каких-то высокопарных слов, но считаю, что крепкая, благополучная семья, в которой растут двое, трое, четверо и больше детей, по сути, и должна быть этим образом будущего России. Ничего здесь придумывать и не нужно» [Путин 2021].

Будущее России — это *«надёжная преемственность в развитии страны на десятилетия вперёд»*, *«молодые поколения, которые будут укреплять могущество России»*, *«межнациональное согласие»* и *«многонациональная культура»*.

Что мы будем делать сообща для достижения идеального будущего? С этой целью рассмотрим предложения с подлежащим, выраженным местоимением *мы*, и сказуемым, выраженным личной формой глагола в будущем времени.

1. Будем решать за себя (*«судьбу России мы будем определять сами и только сами ради сегодняшних и будущих поколений»*).

2. Выстоим, будем более мощными и выполним планы (*«мы достойно пройдем через этот трудный, рубежный период, станем ещё сильнее и обязательно реализуем долгосрочные планы и масштабные проекты»*).

3. Будем открытыми к взаимодействию с другими странами (*«Мы были и будем открыты к укреплению добрых отношений со всеми странами, которые видят в России надёжного и честного партнёра»*).

4. Будем работать (*«мы продолжим работу по формированию многополярного миропорядка, равной и неделимой системы безопасности»*).

5. Справимся с трудностями, осуществим планы (*«Мы <...> вместе преодолеем все преграды, воплотим в жизнь всё задуманное»*).

6. Нанесем поражение противнику (*«Вместе победим!»*).

Что будет делать президент как глава государства? Рассмотрим предложения, в которых политик дает описание своим будущим действиям, употребляя сказуемые в форме личных глаголов будущего времени. Мы выяснили, что В. В. Путин использует глагол осуществления *делать* и в процессуальном значении (*буду делать*), и со значением завершенности, результата действия (*сделаю*).

Использование семантически размытого глагола *делать* и генерализатора *всё* позволяет описывать будущие действия политика в обобщенном виде. Однако представлен результат будущих действий. Во-первых, лидер заслуживает доверие народа (*«Буду делать всё необходимое, всё, что в моих силах, чтобы оправдать ваше доверие»*), и, во-вторых, военные, участвовавшие в специальной военной операции, занимают руководящие должности в системе управления (*«Сделаю всё, чтобы люди, которые проявили свои лучшие человеческие и профессиональные качества, делом доказали верность Отечеству, выходили на ведущие позиции в государственном управлении, в экономике — во всех сферах»*). Обратим внимание на словосочетание *выйти на позицию*, которое употребляется в военном дискурсе.

Отметим, что В. В. Путин определяет ценности, которыми будет руководствоваться в своей деятельности в период исполнения должности президента: *«Заверяю вас, что и впредь интересы, безопасность народа России будут для меня превыше всего»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги. Инаугурационная речь российских президентов является важным материалом для изучения процесса конструирования национальной идентичности, поскольку тематическая структура выступления содержит существенные элементы национального самопознания: пред-

ставление о России, о народе, об истории страны, ее настоящим и будущем, об отношениях с другими странами, о системе общественных ценностей.

Языковые средства, используемые политиком, участвуют в конструировании положительной национальной идентичности на тематическом, концептуальном, лексическом, грамматическом, риторическом уровнях организации политического текста.

В ходе лингвистического анализа реконструированы содержательные характеристики национальной идентичности, явленные в инаугурационной речи. Наиболее многочисленной по объему и разнообразию используемых в выступлении языковых средств является совокупность представлений о Нас. Россия — это страна, государство, Родина, Отечество и держава. Страна, состоящая из регионов. Государство, в основе которого «межнациональное согласие, сбережение традиций всех народов, живущих в России». Страна-цивилизация, «объединённая русским языком и нашей многонациональной культурой». Отечество, наше Отечество, которому хранят верность и приносят пользу, за которое сражаются, которое защищают. Родина, которая всегда стоит на первом месте. Мировая держава, которую создали наши предки.

Высокая частотность слова *Россия* в инаугурационной речи свидетельствует о его значимости в формировании национальной идентичности и в системе политических представлений В. В. Путина. В выступлении концепт «Россия» представлен как страна (понятие), человек (образ) и мировая держава (символ).

Коллективное Мы можно сформулировать как утверждение: Мы / народ(ы) России — сплоченная и выдающаяся по своему значению общность людей. В нашем обществе ценностью является надежность, взаимная ответственность, искренность, порядочность, патриотизм, благородство и мужество.

Во взаимоотношениях с другими странами Россия выступает как надежный и честный партнер.

Президент подчеркивает важность исторического опыта и необходимость знать и помнить уроки истории для успешного развития страны. Обращение В. В. Путина к исторической памяти дискурсивно конструирует положительную национальную идентичность.

Дружная, живущая в достатке семья с детьми — важная составляющая образа будущего в России.

Поскольку национальная идентичность может рассматриваться как динамический

процесс, который дискурсивно, т. е. при помощи языка и других знаковых систем, создается, воспроизводится и изменяется, тогда перспективным является сравнительное изучение динамики конструирования идентичности в выступлениях российских президентов с целью установления инвариантных и вариативных характеристик национальной идентичности.

ИСТОЧНИКИ

1. Медведев Д. А. Россия, вперёд! — 2009. — 10 сентября. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 06.02.2025). — Текст : электронный.
2. Путин В. В. Выступление на съезде партии «Единая Россия». — 2021. — 24 августа. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66445> (дата обращения: 06.02.2025). — Текст : электронный.
3. Путин В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России. — 2024. — 7 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73981> (дата обращения: 06.02.2025). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахизер, А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / А. С. Ахизер. — Текст : непосредственный // Мир России. — 1995. — № 1. — С. 3–57.
2. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. — Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2002. — 140 с. — Текст : непосредственный.
3. Гачев, Г. Г. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира / Г. Г. Гачев. — Москва : Академический проект, 2007. — 512 с. — Текст : непосредственный.
4. Горшков, М. К. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности / М. К. Горшков, И. О. Тюрина. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2018. — Т. 18. — № 1. — С. 44–57.
5. Ермаков, А. Е. Тематический анализ текста с выявлением сверхфразовой структуры / А. Е. Ермаков. — Текст : непосредственный // Информационные технологии. — 2000. — № 11. — С. 37–40.
6. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — Текст : непосредственный.
7. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 368 с. — Текст : непосредственный.
8. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с. — Текст : непосредственный.
9. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. В 2 т. Т. 1. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — 592 с. — Текст : непосредственный.
10. Комаровский, В. С. Модернизация и национально-государственная идентификация России / В. С. Комаровский. — Текст : непосредственный // Rosja 21 wiek. Geopolityka, Gospodarka. Kultura. / red. Marian Wilk. — Lodz : Wyzsza Szkoła Studiów Międzynarodowych w Lodz, 2013. — С. 576–590.
11. Межуев, В. М. Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? / В. М. Межуев. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 2018. — № 7. — С. 35–43.
12. Многоликая идентичность и новые политические вызовы / Текст : непосредственный // Полис. — 2008. — № 3. — С. 8–28.
13. «Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан: Образы России и мира в сознании российских граждан / Э. А. Бикбулатов, Н. С. Виноградова, А. Л. Зверев [и др.]; под ред. Е. Б. Шестопал. — Москва : РОССПЭН, 2021. — 420 с. — Текст : непосредственный.

14. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — Москва : Наука : Флинта, 2007. — 328 с. — Текст : непосредственный.

15. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общей редакцией Ю. Е. Прохорова. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 736 с. — Текст : непосредственный.

16. Семенов, И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения / И. С. Семенов. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 6. — С. 8–23.

17. Семенов, И. С. Идентичность как ресурс общественного развития / И. С. Семенов. — Текст : непосредственный // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. — Москва : Весь мир, 2023. — С. 18–26.

18. Сковородников, А. П. Экология русского языка / А. П. Сковородников. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. — 385 с. — Текст : непосредственный.

19. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2001. — 989 с. — Текст : непосредственный.

20. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово/Slovo, 2000. — 261 с. — Текст : непосредственный.

21. Тишков, В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков — Москва : Наука, 2013. — 649 с. — Текст : непосредственный.

22. Уфимцева, Н. В. Образ мира русских: системность и содержание / Н. В. Уфимцева. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2008. — № 4 (8). — С. 98–111.

23. Хренов, Н. А. Художественная воля в контексте цивилизационной идентичности / Н. А. Хренов. — Текст : непосредственный // Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. — Москва : Наука, 2007. — С. 17–119.

24. Цымбургский, В. Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006 / В. Л. Цымбургский. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 543 с. — Текст : непосредственный.

25. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

26. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. — London ; New York : Verso, 1983. — 160 p. — Text : unmediated.

27. Habermas, J. Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe / J. Habermas. — Text : unmediated // Praxis International. — 1992. — N 12. — P. 1–19.

28. Hall, S. Culture, community, nation / S. Hall. — Text : unmediated // Cultural Studies. — 1993. — N 7 (3). — P. 349–363.

29. Huntington, S. The Clash of Civilizations? / S. Huntington. — Text : unmediated // Foreign Affairs. — 1993. — Vol. 72. — N 3. — P. 22–49.

30. Van Leeuwen, T. Introducing Social Semiotics / T. Van Leeuwen. — London : Routledge, 2005. — 301 p. — Text : unmediated.

31. Wodak, R. The Discursive Construction of National Identities / R. Wodak, R. De Cillia, M. Reisigl. — Text : unmediated // Discourse Society. — 1999. — N10 (2). — P. 149–172.

MATERIALS

1. Medvedev D.A. (2009, Sept. 10). *Rossija, vperjod!* [Russia, go ahead!]. Retrieved February 06, 2025, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (In Russ.)

2. Putin V.V. (2021, Aug. 2024). *Vystuplenie na s'ezde partii «Edinaja Rossija»* [Speech at the Congress of the United Russia Party]. Retrieved February 06, 2025, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66445> (In Russ.)

3. Putin V.V. (2024, May 7). *Vystuplenie na ceremonii vstuplenija v dolzhnost' Prezidenta Rossii* [Speech at the inauguration of the President of Russia]. Retrieved February 06, 2025, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73981> (In Russ.)

REFERENCES

1. Ahiezer, A.S. (1995). *Rossija: nekotorye problemy socio-kul'turnoj dinamiki* [Russia: some problems of socio-cultural dynamics]. *Mir Rossii*, 1, 3–57. (In Russ.)

2. Vorkachev, S.G. (2002). *Koncept schast'ja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologičeskogo analiza* [The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness: the experience of linguistic and cultural analysis]. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj tehnologičeskij universitet, 140 p. (In Russ.)
3. Gachev, G.G. (2007). *Kosmo-Psiho-Logos: nacional'nye obrazy mira* [National images of the world. Cosmo-Psychology]. Moscow: Akademicheskij projekt, 512 p. (In Russ.)
4. Gorshkov, M.K., & Tjurina, I.O. (2018). Sintez jetnonacional'nogo i grazhdanskogo kak osnova rossijskoj identičnosti [Synthesis of ethnonational and civil as the basis of Russian identity] *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija*, v.1, 1, 44–57. (In Russ.)
5. Ermakov, A.E. (2000). Tematičeskij analiz teksta s vyjaveniem sverhfrazovoj struktury [Thematic analysis of the text, identifying a super-phrase structure]. *Informacionnye tehnologii*, 11, 37–40. (In Russ.)
6. Zaliznjak, A.A., Levontina, I.B., & Shmelev, A.D. (2005). *Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 544 p. (In Russ.)
7. Kolesov, V.V. (1999). «*Žizn' proishodit ot slova...*» [“Life comes from the word...”]. Sankt-Peterburg: Zlatoust, 368 p. (In Russ.)
8. Kolesov, V.V. (2006). *Russkaja mental'nost' v jazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 624 p. (In Russ.)
9. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., & Kharitonov, A.A. (2014). *Slovar' russkoj mental'nosti* [Dictionary of Russian mentality] (In 2 vol. Vol. 1). St.Peterburg: Zlatoust, 592 p. (In Russ.)
10. Komarovskij, V.S. (2013). Modernizacija i nacional'no-gosudarstvennaja identifikacija Rossii [Modernization and National-State Identity of Russia]. In Wilk M. (Ed.), *Rosja 21 wiek. Geopolityka, Gospodarka. Kultura* (pp. 576–590). Lodz: Wyższa Szkoła Studiów Międzynarodowych w Lodz. (In Russ.)
11. Mezhuiev, V.M. (2018). Est' li u Rossii svoj «civilizacionnyj kod», i v chem on mozhet zaključat'sja? [Does Russia have its own unique “civilizational code”? And what might this code consist of?]. *Voprosy filosofii*, 7, 35–43. (In Russ.)
12. Editorial Article (2008). Mnogolikaja identičnost' i novye političeskie vyzovy [Multifaceted Identity and New Political Challenges]. *Polis*, 3, 8–28. (In Russ.)
13. Bikbulatov, Je.A., Vinogradova, N.S., & Zverev, A.L. (2021). «*Oni*» i «*My*». *Obrazy Rossii i mira v soznanii rossijskich grazhdan: Obrazy Rossii i mira v soznanii rossijskich grazhdan* [“They” and “We”. Images of Russia and the World in the minds of Russian citizens: Images of Russia and the World in the minds of Russian citizens] (ed. E.B. Shestopal). Moscow: ROSSPJEN, 420 p. (In Russ.)
14. Prohorov, Ju.E., & Sternin, I.A. (2007). *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow: Nauka publishers, Flinta, 328 p. (In Russ.)
15. Prokhorov, Ju.E. (Ed.) (2009). *Rossija. Bol'shoj lingvostranovedčeskij slovar'* [Russia. Big cultural dictionary]. Moscow: AST-PRESS BOOK, 736 p. (In Russ.)
16. Semenenko, I.S. (2009). Dilemmy nacional'noj identičnosti: političeskie riski i social'nye priobretenija [The dilemmas of national identity: Political risks and social benefits]. *Polis. Political Studies*, 6, 8–23. (In Russ.)
17. Semenenko, I.S. (2023). Identičnost' kak resurs obščestvennogo razvitiya [Identity as a Resource for Social Development]. In: *Identity: Personality, Society, Politics. New Directions in Research* (ed. I.S. Semenenko, pp. 18–26). Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
18. Skovorodnikov, A.P. (2016). *Jekologija russkogo jazyka* [Ecology of the Russian language]. Krasnojarsk: Siberian Federal University, 385 p. (In Russ.)
19. Stepanov, Ju.S. (2001). *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij projekt, 989 p. (In Russ.)
20. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 261 p. (In Russ.)
21. Tishkov, V.A. (2013). *Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: The History and Meaning of National Identity]. Moscow: Naukapublishers, 649 p. (In Russ.)
22. Ufimceva, N.V. (2008). Obraz mira russkich: sistemnost' i soderžanie [The image of the world by Russians: consistency and content]. *Language and Culture*, 4(8), 98–111. (In Russ.)
23. Hrenov, N.A. (2007). Hudožestvennaja volja v kontekste civilizacionnoj identičnosti [Artistic will in the context of civilizational identity] In N.A. Hrenov (Ed.), *Art and civilizational identity* (pp. 17–119). Moscow: Naukapublishers. (In Russ.)
24. Cymburskij, V.L. (2007). *Ostrov Rossija: geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty* [The Island of Russia: geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. Moscow: Publishing house “Political Encyclopedia”, 543 p. (In Russ.)
25. Chudinov, A.P. (2001). *Rossija v metaforičeskom zerkale: kognitivnoe issledovanie političeskoj metafory* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 238 p. (In Russ.)
26. Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso, 160 p.
27. Habermas, J. (1992). Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe. *Praxis International*, 12, 1–19.
28. Hall, S. (1993). Culture, community, nation. *Cultural Studies*, 7(3), 349–363.
29. Huntington, S. (1993). The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49.
30. Van Leeuwen, T. (2005). *Introducing Social Semiotics*. London: Routledge, 301 p.
31. Wodak, R. (1999). The Discursive Construction of National Identities *Discourse Society*, 10(2), 149–172.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'373
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП41.12-36

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.5

Кристина Ивановна Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, dekatovaki@mail.ru,
SPIN-код: 7838-3660, <https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Фразеостилистическая конвергенция и контаминация как средства выражения иронии в политическом тексте

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме вербального выражения иронического кода в политическом тексте. Целью исследования стал анализ образующихся в результате взаимодействия фразеологических единиц и стилистических приемов фразеостилистических комплексов, участвующих в экспликации иронии. В результате исследования были описаны фразеостилистические комплексы, образованные вследствие таких процессов, как фразеостилистическая конвергенция и фразеостилистическая контаминация. Материалом исследования послужили фразеостилистические конвергенты и контаминанты, участвующие в выражении иронических смыслов. Источниками материала послужили политические публицистические тексты. В процессе исследования применялись метод компонентного анализа и метод контекстуального анализа. В статье рассматриваются семантические механизмы формирования иронических смыслов в многоярусной смысловой структуре фразеостилистического конструкта. Автор статьи приходит к выводу, что фразеостилистические конвергенты и контаминанты становятся экспликаторами иронии в результате двух типов смысловых несоответствий: несоответствия смысла фразеостилистического конструкта представлениям о реальной действительности и несоответствия элементов фразеостилистического конструкта. Второй тип смыслового несоответствия основывается на нарушении норм лексической или стилистической сочетаемости взаимодействующих устойчивых единиц и стилистических приемов. Анализ смысловой структуры фразеостилистических комплексов в политическом тексте показал, что иронические смыслы нередко формируются в тех случаях, когда в состав фразеостилистических конвергентов и контаминантов входят фразеологизмы, обладающие ироническим кодом, а также фигуры абсурда и фигуры неправдоподобия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, фразеологизмы, фразеологические единицы, стилистические приемы, фразеостилистический конвергент, фразеостилистический контаминант, ирония, публицистика, публицистический дискурс, публицистические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27; email: dekatovaki@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Декатова, К. И. Фразеостилистическая конвергенция и контаминация как средства выражения иронии в политическом тексте / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 90–97.

Kristina I. Dekatova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, dekatovaki@mail.ru, SPIN code: 7838-3660, <https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Phraseo-Stylistic Convergence and Contamination as Means of Expressing Irony in Political Text

ABSTRACT. The article deals with the issue of the verbal expression of ironic code in political text. The aim of the study is to analyze the phraseostylistic complexes participating in the explication of irony formed as a result of interaction between phraseological units and stylistic devices. As a result of the undertaken research, the author describes phraseostylistic complexes formed in the course of such processes as phraseostylistic convergence and phraseostylistic contamination. The practical research material embraces phraseostylistic convergents and contaminants involved in the expression of ironic meanings. Political publicist texts serve as sources of practical research material. The study employs the method of component analysis and the method of contextual analysis. The article examines semantic mechanisms of the formation of ironic meanings in the multi-tiered semantic structure of a phraseostylistic construct. The author of the article comes to the conclusion that phraseostylistic convergents and contaminants become explicators of irony as a result of two types of semantic discrepancies: a discrepancy between the meaning of the phraseostylistic construct and the ideas about reality, and a discrepancy between the elements of the phraseostylistic construct. The second type of semantic discrepancy is based on a violation of the norms of lexical or stylistic combinability of the interacting phraseological units and stylistic devices. An analysis of the semantic structure of phraseostylistic complexes in a political text has shown that ironic meanings are often formed in cases where phraseostylistic convergents and contaminants include phraseological units with an ironic code, as well as the figures of absurdity and the figures of improbability.

KEYWORDS: political discourse, political texts, phraseologisms, phraseological units, stylistic devices, phraseostylistic convergent, phraseostylistic contaminant, irony, publicism, publicist discourse, publicist texts.

AUTHOR'S INFORMATION: Dekatova Kristina Ivanovna, Doctor of Philology, Head of Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.

FOR CITATION: Dekatova K. I. (2025). Phraseo-Styletic Convergence and Contamination as Means of Expressing Irony in Political Text. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 90–97. (In Russ.).

Современные научно-исследовательские работы, посвященные анализу иронии, нередко начинаются с описания трудностей определения границ и сущностных признаков этого феномена [Винник 2019; Каличкина 2022; Шилихина 2014; Земчихина 2018 и др.]. К основным причинам отсутствия одинакового понимания иронии в разных научных сферах относят сложность ее природы и разные подходы к исследованию ее функций. Будучи непростым когнитивно-вербальным явлением, ирония рассматривается и как мировоззрение, эстетическая категория в философских и культурологических исследованиях [Кирюхин 2011; Пивоев 2000; Рорти 1996; Семенов 2007 и др.], и как эмоциональное переживание, вид психологической защиты и агрессии в психологических трудах [Киришбаум, Еремеева 2005; Рубинштейн 2002; Фрейд 1997 и др.], и как средство вербализации категории комического, фигура двусмысленной речи в филологических исследованиях [Зинченко 2016; Ермакова 2007; Каличкина 2022; Козинцев 2007 и др.]. Анализ лингвистической справочной и научно-исследовательской литературы показывает, что в языкознании существует узкое и широкое понимание иронии. При узком понимании ирония описывается как стилистический прием и нередко приравнивается к антифразису — фигуре двусмысленной речи, «состоящей в употреблении слов в противоположном смысле» [Ахманова 1969: 49]. С этим определением иронии не согласны исследователи, которые видят в ней не прием выразительной речи, а также особое дискурсивное явление, формируемое совместными действиями говорящего и адресата [Шилихина 2014: 80]. Такое широкое понимание иронии позволяет рассматривать ее как сложное ментально-семиотическое явление, образуемое в результате изменения «смежности смыслов или форм (вплоть до их несовместимости), имеющее многочисленные варианты репрезентации <...>» [Каличкина 2022: 132].

Будучи эффективным средством косвенной передачи смыслов, ирония активно используется в тех коммуникативных сферах, в которых важнейшей задачей является манипулирование сознанием адресата. К таким коммуникативным сферам относится политическая коммуникация, в которой для достижения главной цели — завоевания и удержания власти — используются разные сред-

ства манипулятивного воздействия на общественное мнение [Шейгал 2000]. Ирония в ряду этих средств занимает особое место, поскольку ее прагматический потенциал велик: иронические высказывания позволяют воздействовать и на эмоции, и на ум участников политического общения. Вызывая широкий спектр эмоциональных переживаний — от гнева до смеха, — иронические номинации в речи политика заставляют аудиторию прилагать интеллектуальные усилия для декодирования их смысла. Необходимость расшифровывания иронического высказывания обусловлена двуплановостью семантики иронии: иронический смысл формируется на базе столкновения прямого и переносного смысла, «на основе некогерентности буквального смысла выражения и фонового знания (контекстуального или шире — дискурсивного)» [Солодилова 2023: 127]. Способность иронии быть инструментом эмоционально-интеллектуального воздействия делает ее эффективным средством манипуляции. Кроме того, эффективность иронии в политической коммуникации обусловлена тем, что иронические номинации одновременно являются и средством нападения, и средством защиты: иронизируя, осмеивая политического оппонента, можно нанести ему репутационный ущерб и при этом заставить действовать осторожно, так как открытая агрессия в ответ на иронические замечания может расцениваться как неспособность дать достойный ответ, вскрывает полемические слабости политика. Ирония относится к средствам дискредитации оппонента, но при этом, как отмечает Е. И. Шейгал, ирония является «наименее агрессивным типом инвектив» [Шейгал 2000: 176], потому что ироническое высказывание — это скрытая инвектива, агрессия, завуалированная насмешкой. Таким образом, широким прагматическим потенциалом и функциональными возможностями иронии объясняется тот факт, что «иронический компонент почти с необходимостью присутствует при реализации большинства тактических схем» политической коммуникации [Руженцева 2004: 81].

В современной политической лингвистике исследованию проявления иронического в тексте посвящено немало работ: изучались лингвокультурные особенности выражения иронии [Боженкова, Каличкина 2020; Каличкина 2022; Воробьева 2007 и др.], анализировались механизмы формирования

иронических кодов, их функции, роль в реализации различных коммуникативных стратегий и тактик [Горностаева 2014; Мощева 2022; Фенина 2015; Солодилова 2023; Шилихина 2014 и др.], рассматривались вербальные средства экспликации иронического смысла [Веселова 2003; Винник 2019; Глазова 2016; Попова 2017 и др.].

В результате исследования средств выражения иронии в политическом тексте были описаны такие приемы создания иронического эффекта, как неожиданное сочетание слов, обыгрывание прецедентных текстов, двойная актуализация значения языковых единиц, словообразовательные трансформации, игра с жанровыми формами, языковая игра [Руженцова 2004; Солодилова 2023 и др.]. Исследование последнего приема позволило всесторонне проанализировать процессы образования иронического смысла в высказываниях, содержащих различные стилистические приемы и фразеологические единицы [Веселова 2003; Ляпун 2009; Руженцова 2004 и др.]. Несмотря на глубокий анализ роли тропов, стилистических фигур, устойчивых единиц языка в экспликации иронии, взаимодействию стилистических приемов и фразеологических единиц, приводящему к формированию иронического смысла, не было уделено должного внимания. В этой связи анализ взаимодействия устойчивых единиц и стилистических приемов как процесса, порождающего иронические смыслы в политическом тексте, является весьма актуальным.

Контекстуальное взаимодействие фразеологизмов и стилистических приемов приводит к формированию фразеостилистических конструктов разного типа, а именно к образованию фразеостилистических конвергентов и контаминантов [Декатова 2024]. Первый тип фразеостилистических конструктов образуется в результате наложения фразеологических единиц и стилистических приемов для выполнения общих стилистических функций. Например, именно такой сложный фразеостилистический конструкт использует С. Шаргунов, описывая в статье «Побеждает неваляшка» причины конца «эры военно-политического монополизма США»:

*А что же мальчик, претендующий быть «отцом глобального семейства»? Конечно, можно **давить маленькие неугодные страны тотальными санкциями до посинения**, не пытаясь слышать и разгова-*

*ривать, не вникая в исторические и социальные нюансы (и, как известно, **благословляя средневековые монархии Персидского залива и ядерную бомбу турбулентного Пакистана**)*¹.

Негативная характеристика и отрицательная оценка поведения Дональда Трампа, рассыпающего угрозы всем не признающим величия Америки странам, выражается с помощью конвергенции антитезы *маленькие страны* и *тотальные санкции*, основанной на противопоставлении эпитетов *маленькие* и *тотальные*, и устойчивой единицы (давить) *до посинения* — 'до полной потери сил, до изнеможения' [Федоров 2008: 510].

Фразеостилистические конструкты второго типа — фразеостилистические контаминанты — представляют собой объединение последовательно расположенных стилистических приемов и фразеологических единиц для выполнения общей стилистической функции. Например, негативное отношение к политическим шагам идеолога перестройки А. Н. Яковлева и горькую иронию автор статьи «Моралитэ „серого кардинала“» выразил в контаминации стилистического приема — эпитета *покаянный* — и модифицированной фразеологической единицы *посыпание головы пеплом* (*посыпать голову пеплом* — 'предаваться глубокой скорби (обычно по поводу тяжелой утраты)' [Федоров 2008: 512]):

*Во второй половине 1980-х престол Папы Римского в Ватикане занимал бывший краковский кардинал Войтыла. В Польше у власти находился генерал Войцех Ярузельский, ветеран Войска Польского времён войны, преданный и искренний союзник СССР. Яковлевский «покаянный» доклад, **посыпание головы пеплом по поводу «секретных протоколов» 1939 года в польском руководстве восприняли с недоумением**.*²

Фразеостилистическая контаминация и конвергенция приводит к формированию сложной речевой единицы, обладающей многоярусной смысловой структурой. Смыслообразование фразеостилистического конструкта — это построение смысловой структуры на базе значений его компонентов — устойчивых единиц и языковых единиц, участвующих в формировании стилистических приемов. Так, характеризуя поступок Лионеля Месси, не явившегося на церемонию награждения в Белом доме, журналист В. Богданов использует сложный стилисти-

¹ Шаргунов С. Побеждает неваляшка // RT на русском от 14 августа 2017 г. URL: <https://ru.rt.com/8zb3> (дата обращения: 24.01.2025).

² Бадов В. Моралитэ «серого кардинала» // Еженедельник «Звезда» от 05 сентября 2020 года. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/20208241420-EbFW5.html> (дата обращения: 16.01.2025).

ческий прием, основанный на фразеостилистической конвергенции:

Самым умным из всех друзей Байдена, которые участвовали в церемонии награждения медалями Свободы в Белом доме, оказался Лионель Месси. На поле вашингтонского болота игрок «Интера Майами» так и не вышел. Сказал, что трудно добираться. Правильно. В Аргентине у Месси свой Трамп-Милей. И он 20 января как Байден в отставку не уходит¹.

Смысловая структура фразеостилистического конвергента формируется в процессе сочетания значений фразеологизма **вашингтонское болото** — ‘правящие круги США’ — и метафорического оборота **игрок на поле не вышел** — ‘не принимать участие в игре’. Фразеологическое и метафорическое значения являются первым ярусом смысловой структуры фразеостилистического конвергента, на котором надстраивается речевой смысл высказывания — ‘не принимать участие в игре, организованной определенными правящими силами Америки’.

Многоярусность смысловой структуры фразеостилистического конструкта (далее — ФСК) осложняет процесс его декодирования. Еще сложнее оказывается декодирование ФСК, содержащего иронический код, поскольку для правильного понимания подобного стилистического приема необходимо не только соотнести значения фразеологической единицы и стилистической фигуры или тропа, но и определить ложный посыл, расшифровать скрытые иронические смыслы. К такому сложному вербальному средству воздействия автор политического текста, как правило, прибегает в тех случаях, когда он не желает открыто выразить свое отношение к политическим реалиям и стремится завуалировать негативные эмоции, оценку, критическое отношение к политическим игрокам или событиям.

Анализируя семантические особенности иронических высказываний, К. М. Шилихина пишет, что «семантической основой иронии является намеренно создаваемое говорящим несоответствие между отдельными элементами высказывания либо между высказыванием и реальной ситуацией» [Шилихина 2014: 12]. Признавая справедливость данного наблюдения, отметим, что в высказываниях, содержащих ФСК, иронический код формируется вследствие установления таких типов несоответствия, как 1) несоот-

ветствие смысла ФСК существующим представлением о мироустройстве или дискурсивной ситуации 2) либо смысловое несоответствие элементов ФСК.

Примером выражения иронии в политическом тексте в результате несоответствия ФСК представлениям о миропорядке может послужить описание предвыборных событий 2008 г. в России в статье С. Сергеева, опубликованной в газете «Известия»:

*Однако в те дни и месяцы главное противостояние власти исходило от партии Геннадия Зюганова. На одном из партийных собраний верный зюгановец генерал Варенников озвучил программу партии, сулившую стране «максимум коммунизма». КПРФ подготовила тогда 20 законопроектов по воссозданию социалистической системы, то есть **прямой путь назад к светлomu будущему**².*

В данном фрагменте оксюморон **прямой путь назад к светлomu будущему** формируется с помощью политического фразеологизма **светлое будущее** — ‘о счастливом грядущем (обычно коммунизме)’ [Русская фразеология: историко-этимологический словарь 2005: 70]. ФСК становится средством выражения иронии, потому что автор прибегает к утверждению о том, чего не существует в реальности: вербально выраженный смысл вступающих в конвергенцию оксюморона и фразеологизма не соответствует существующему представлению о том, что в будущее невозможно попасть, двигаясь назад. Кроме того, автор статьи иронизирует по поводу стремления представителей политической партии КПРФ воссоздать ту политическую систему, которая не оправдала ожидания граждан страны, вернуть страну к тому, чего не было, поскольку в Советском Союзе так и не удалось построить счастливое коммунистическое общество.

Формирование иронического кода в результате несоответствия элементов ФСК возможно по разным причинам. Ирония может основываться на нарушении норм лексической сочетаемости элементов ФСК. Так, в статье «Фрау Урсула отменяет либерум вето», опубликованной на канале Международной телевизионной сети RT, М. Соколов с иронией описывает попытки ЕС отказаться от принципа единогласия:

*Когда же в конце 1990-х — начале нулевых Евросоюз **окончательно отдался головокружению от успехов и стихии без-***

¹ Telegram-канал В. Богданова (пост от 5 января 2025 года). URL: <https://t.me/s/valentinbogdanov> (дата обращения: 20.01.2025).

² Сергеев С. Мрачные тени светлого будущего // Известия от 17 марта 2008 года. URL: <https://iz.ru/news/334390> (дата обращения: 22.01.2025)

*оглядного расширения, включая в свой состав страны, ни в хозяйственном, ни в политическом, ни в культурном отношении не соответствующие стандартам старой Европы, имеющие свои интересы, порой весьма далёкие от интересов старых сочленов, тогда по зданию, основанному на принципе консенсуса, пошёл треск*¹.

Лексическая несочетаемость употребляемого в переносном значении слова *отдаться* — ‘целиком, безраздельно посвящать себя чему-либо (любимому делу, искусству, семье и т. п.)’ [Словарь современного русского литературного языка 1959: 1327] и фразеологизма *головокружение от успехов* — ‘утрата способности правильно понимать и оценивать реальную действительность под влиянием достигнутых успехов в отсутствие самокритики’ [Русская фразеология: историко-этимологический словарь 2005: 150] — становится причиной возникновения иронического смысла, позволяющего автору высмеять полную неспособность чиновников ЕС правильно понимать реальную действительность.

Основой образования иронии может быть стилистическое несоответствие элементов ФСК. Например, описывая предвыборные столкновения руководства колхоза имени В. И. Ленина с властью имущими политическими оппонентами, П. Н. Грудинин иронично характеризует своих политических противников:

*Однако нынче ситуация резко осложнилась, потому что на сей раз рейдеров поддерживали судьи, силовики, разнокалиберные чиновники, чьи уши порой торчат с самых высоких этажей федеральной власти*².

В данном фрагменте иронический смысл формируется вследствие сочетания элементов ФСК разного стиля: книжное слово **чиновники** сочетается с разговорным, пренебрежительным словом **разнокалиберные**, а просторечный фразеологизм **уши торчат** — ‘налицо недостатки, недоделки; работа сделана недобросовестно, некачественно’ [Большой словарь русских поговорок 2007: 696] — сочетается с модифицированным книжным фразеологизмом **верхние (высокие) этажи (федеральной) власти** — ‘о высших структурных подразделениях ие-

рархической системы управления’ [Большой словарь русских поговорок 2007: 763].

Ирония нередко формируется вследствие объединения в пределах ФСК элементов с противоположной оценкой. Например, в рассуждениях о восприятии современниками событий Октябрьской революции автора статьи «Наша Родина — революция», опубликованной в газете «Правда», содержится ироническое наименование тех, кто оказывает влияние на формирование общественного мнения:

*Вряд ли мы услышим в телевизионных политических шоу, например, слова Сергея Есенина, современника революции, который знал, что «имя Ленина шумит, как ветер по краю, давая мыслям ход, как мельничным крылам». Не вспомнят нынешние суетливые «властители дум» эти строки в праздничные дни, например, на Первом канале телевидения. Потому что подлинный Есенин (как и подлинные Блок, Маяковский, Конёнков, Шостакович и многие другие наши гении, отразившие свет Октября) не соответствует нынешней установке на искажение революции...*³

ФСК *нынешние суетливые «властители дум»* состоит из фразеологической единицы *властитель дум* — ‘выдающийся человек, оказывающий сильное духовное и интеллектуальное влияние на своих современников’ [Русская фразеология: историко-этимологический словарь 2005: 101] — и эпитетов *нынешние, суетливые*. Объединение книжной, выражающей положительную оценку устойчивой единицы, и слова *суетливые*, в семантике которого содержится отрицательная оценка, делает данный ФСК оценочным оксюмором. На несоответствие оценочных смыслов компонентов ФСК формируется его иронический код.

Анализ лингвистического материала показывает, что ирония, эксплицируемая ФСК, нередко основана на использовании устойчивых единиц с ироническим кодом. Например, к таким языковым единицам можно отнести устойчивое выражение *не надо такого счастья*, входящее в ФСК нижеследующего фрагмента газетной статьи:

Не будем забывать, что мы находимся в многоуровневом конфликте с Западом: экономическом, военном, психоисториче-

¹ Соколов М. Фрау Урсула отменяет либерум вето // RT на русском от 11 мая 2022 года. URL: <https://ru.rt.com/lguou> (дата обращения: 25.01.2025).

² Озеров А. Сплотимся для отпора! // Правда №124 (30911) от 8–11 ноября 2019 года. URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/124-30911-8-11-noyabrya-2019-goda/splotimsya-dlya-otpora/?sphrase_id=156979 (дата обращения: 22.01.2025).

³ Замостьянов А. Наша Родина — революция // Правда. №123 (30620) от 3–8 ноября 2017 года. URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda/-nasha-rodina-revoljutsiya/?sphrase_id=155091 (дата обращения: 22.01.2025).

ском (ментальном). Поэтому **не надо нам такого счастья**, чтобы **рулила «коллективная Камала»**. Поэтому пожелаем Байдену здоровья!¹

Известно, что выражение **не надо нам такого счастья** используется в тех случаях, когда речь идет о чем-то нежелательном, о не приносящем счастья предмете, явлении или событии. Сочетание данного выражения с метафорой **рулила** и модифицированной фразеологической единицей «**коллективная Камала**» придает ФСК иронический смысл: правление группы людей, стоящих за слабым, недалёковидным, вечно смеющимся и неумным американским политиком Камалой Харрис, называется счастьем, от которого все с радостью готовы отказаться.

Иронический код, как правило, формируется в смысловой структуре ФСК, в состав которого входят фигуры абсурда и фигуры неправдоподобия. К первым относят стилистические приемы, основанные на принципе алогизма (оксюморон, катахреза и др.), ко вторым — стилистические приемы, основанные на доведениях до абсурда несоответствия содержания языковых единиц действительному или возможному положению дел (гипербола, литота и др.) [Москвин 2024: 98–115]. Например, на странице официального канала в мессенджере Telegram Д. А. Медведев иронично характеризует умственное и физическое состояние американского президента Д. Байдена:

*На примере **ушедшего в небытие ходячего мертвеца** Байдена можно проследить, как опытный и неглупый в целом политик (а он очень опытный, работал на высоких позициях ещё в советский период) постепенно превратился в оторванного от реалий маразматика².*

В данном отрывке политического текста ФСК представляет собой оксюморон, образованный в результате сочетания фразеологизмов **уйти в небытие** — ‘умереть’ [Федоров 2008: 712] и **ходячий (живой) мертвец** — ‘о человеке, одряхлевшем физически и опустошённом духовно’ [Федоров 2008: 367], которые содержат в значении несовместимые смысловые элементы ‘живой’ и ‘мертвый’. Приписывая политическому оппоненту взаимоисключающие признаки — способность быть живым и мертвым одновременно, — Д. А. Медведев высмеивает политическую

несостоятельность уходящего с поста президента США политика.

Фигуры неправдоподобия имеют большой иронический потенциал, поэтому ФСК, в состав которых входят свободносинтаксические или фразеологизированные гиперболы или литоты, нередко используются в политическом тексте для экспликации иронических смыслов. Так, журналист А. Медведев, рассуждая о действиях Трампа, с горькой иронией пишет о возможных последствиях разногласий с повторно избранным президентом США:

*Да, он бизнесмен. И поэтому кому-то наивно кажется, что он будет торговаться об условиях мира. Угу. Только торг пойдёт об условиях, выгодных США. Не более того. И если Трамп не получит то, что хочет, **Украину накачают оружием по ушам**³.*

Иронический смысл ФСК **Украину накачают оружием по ушам** образуется вследствие сочетания метафоры с фразеологической единицей с гиперболическим значением **по (самые) ушам** — ‘сверх всякой меры’ [Федоров 2008: 713].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, желая выразить негативное отношение к политическим реалиям и дать им отрицательную оценку завуалированно, авторы политического текста прибегают к иронии. В ряду средств выражения иронических смыслов в политической коммуникации нередко выступают фразеостилистические комплексы — фразеостилистические конвергенты и контаминанты. Иронический код данных сложных изобразительно-выразительных средств может формироваться в результате установления несоответствия смысла фразеостилистических комплексов существующим представлениям о мироустройстве или смыслового несоответствия элементов фразеостилистических конвергентов и контаминантов: лексической, стилистической несочетаемости фразеологизмов и стилистических приемов, несоответствия их оценочной семантики и др. Смысловое несоответствие как основа формирования иронического кода в смысловой структуре фразеостилистических комплексов нуждается в дальнейшем изучении, поскольку такого рода исследования позволят более детально осмыслить особенности процесса

¹ Школьников А., Титов И. Крах США неизбежен? // Завтра. 2022. 30 сент. URL: https://zavtra.ru/blogs/krah_ssha_neizbezhen (дата обращения: 15.01.2025).

² Telegram-канал Д. А. Медведева (пост от 14 октября 2024 года). URL: https://t.me/s/medvedev_telegram (дата обращения: 22.01.2025).

³ Медведев А. Наивная радость экспертов // RT на русском. 2024. 17 июля. URL: <https://ru.rt.com/srz1> (дата обращения: 21.01.2025).

декодирования иронических смыслов в политических текстах разных жанров.

СЛОВАРИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 607 с. — Текст : непосредственный.
2. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 878 с. — Текст : непосредственный.
3. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 784 с. — Текст : непосредственный.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 8. — 1840 стб. — Текст : непосредственный.
5. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. — 928 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боженкова, Н. А. Поликодовая ирония в современном медиаполитическом пространстве / Н. А. Боженкова, Т. И. Каличкина. — Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. — Москва : РУДН, 2020. — С. 137–143.
2. Веселова, Н. В. Ирония в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Веселова Н. В. — Нижний Новгород, 2003. — 185 с. — Текст : непосредственный.
3. Винник, Ю. В. Специфика иронии в политической коммуникации / Ю. В. Винник. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2019. — № 4 (247). — С. 38–42.
4. Воробьева, К. А. Лингвокультурологические источники иронии / К. А. Воробьева. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2007. — № 1. — С. 72–74.
5. Глазова, Н. А. Тропы как средство создания комического эффекта / Н. А. Глазова. — Текст : непосредственный // Риторика. Лингвистика. — 2016. — № 12. — С. 24–30.
6. Горностаева, А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? / А. А. Горностаева. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 64–74.
7. Декатова, К. И. Контекстуальное взаимодействие фразеологизмов и стилистических приемов как сложное стилистическое явление / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Terra Linguistica. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 47–59.
8. Ермакова, О. П. Ирония среди тропов / О. П. Ермакова. — Текст : непосредственный // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. — Москва : Языки славянской культуры, 2007. — С. 172–181.
9. Земчихина, Л. С. Ирония: к проблеме определения / Л. С. Земчихина. — Текст : непосредственный // Наука и школа. — 2018. — № 6. — С. 155–161.
10. Зинченко, Н. С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н. С. Зинченко. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3-1 (57). — С. 126–130.
11. Каличкина, Т. И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / Каличкина Т. И. — Москва, 2022. — 238 с. — Текст : непосредственный.
12. Киршбаум, Э. И. Психологическая защита / Э. И. Киршбаум, А. И. Еремеева. — Москва : Смысл : Санкт-Петербург : Питер, 2005. — 175 с. — Текст : непосредственный.
13. Кирюхин, Ю. А. Ирония как предмет эстетического осмысления (история разработки понятия) / Ю. А. Кирюхин. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 2 (40). — С. 87–90.

14. Козинцев, А. Г. Юмор: до и после иронии / А. Г. Козинцев. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — Москва : Индрик, 2007. — С. 238–253.

15. Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX — начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. — 2009. — Вып. 1. — С. 115–120.

16. Москвин, В. П. Риторика и теория коммуникации: виды, стили и тактики речевого общения / В. П. Москвин. — Москва : Ленанд, 2024. — Т. 2. — 368 с. — Текст : непосредственный.

17. Мошчева, С. В. Ироническое высказывание как косвенная речевая тактика: на основе политического дискурса / С. В. Мошчева. — Текст : непосредственный // Вестник Гуманитарного института. — 2022. — № 3. — С. 40–46.

18. Пивовев, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивовев. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. — 106 с. — Текст : непосредственный.

19. Попова, Т. И. Стилистическая многослойность сатирического политического креолизованного текста / Т. И. Попова. — Текст : непосредственный // Век информации. — 2017. — № 2-2. — С. 50–51.

20. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. — Москва : Русское феноменологическое общество, 1996. — 280 с. — Текст : непосредственный.

21. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 720 с. — Текст : непосредственный.

22. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004. — 294 с. — Текст : непосредственный.

23. Семенов, И. А. Ирония как категория культуры / И. А. Семенов. — Текст : непосредственный // Аналитика культурологии. — 2007. — № 2 (8). — С. 19–22.

24. Солодилова, И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность / И. А. Солодилова. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 124–135.

25. Фенина, В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») / В. В. Фенина. — Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 1. — С. 29–34.

26. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. — Санкт-Петербург : Унив. кн. ; Москва : АСТ, 1997. — 317 с. — Текст : непосредственный.

27. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.

28. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / Шилихина К. М. — Воронеж, 2014. — 399 с. — Текст : непосредственный.

DICTIONARIES

1. Ahmanova, O.S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. enciklopediya, 607 p. (In Russ.)

2. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow: Astrel : ACT, 878 p. (In Russ.)

3. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2007). *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [A comprehensive dictionary of russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Group, 2007. 784 p. (In Russ.)

4. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language] in 17 vols. (vol. 8, p. 1840). Moscow, Leningrad: USSR, 1959 (In Russ.)

5. Biri, A.K., Mokienko, V.M., & Stepanova, L.I. (2005). *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel: AST: Lyuks, 2005. 928 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bozhenkova, N.A., & Kalichkina, T.I. (2020). Polikodovaya ironiya v sovremennom mediapoliticheskom prostranstve [Polycode irony in the modern media policy space] In *Voprosy sov-*

remennoj lingvistiki i izucheniya inostrannyh yazykov v epohu iskusstvennogo intellekta [Issues of modern linguistics and foreign language learning in the era of artificial intelligence] (pp. 137–143). Moscow: RUDN. (In Russ.)

2. Veselova, N.V. (2003). *Ironiya v politicheskom diskurse* [Irony in political discourse] [Dis. of Cand. of Philology]. Nizhny Novgorod, 185 p. (In Russ.)

3. Vinnik, Y.V. (2019). Specificity of irony in political communication. *Bulletin of the Adyghe state university. Ser.: Filology and the Arts*, 4(247), 38–42. (In Russ.)

4. Vorob'eva, K.A. (2007). Linguocultural sources of irony. *Bulletin of South Ural State University*, 1, 72–74 (In Russ.)

5. Glazova, N.A. (2016). Tropes as Comic Devices. *Rhetoric. Linguistics*, 12, 24–30 (In Russ.)

6. Gornostaeva, A.A. (2014). Irony in political discourse: aggression or entertainment. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika*, 3, 64–74 (In Russ.)

7. Dekatova, K.I. (2024). The contextual interaction of phraseological units and stylistic devices as a complex stylistic phenomenon. *Terra Linguistica*, 15(3), 47–59 (In Russ.)

8. Ermakova, O.P. (2007). Ironiya sredi tropov [Irony among the tropes]. In *Yazyk v dvizhenii. K 70-letiyu L. P. Krysin* [The language is in motion. On the 70th anniversary of L. P. Krysin] (pp. 172–181). Moscow. (In Russ.)

9. Zemchihina, L.S. (2018). Irony: to the issue of definition. *Science and School*, 6, 155–161. (In Russ.)

10. Zinchenko, N.S. (2016). Irony as a multi-aspect phenomenon: the methodological foundations of literary discourse analysis. *Philology. Theory & Practice*, 3-1(57), 126–130. (In Russ.)

11. Kalichkina, T.I. (2022). *Ironiya kak sposob eksplicatsii lingvokul'turnykh osobennostej sovremennoj politicheskoy kommunikatsii* [Irony as a way of explication of linguistic and cultural features of modern political communication] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 238 p. (In Russ.)

12. Kirshbaum, E.I., & Ereemeeva, A.I. (2005). *Psichologicheskaya zashchita* [Psychological protection]. Moscow: Smysl ; St. Petersburg: Piter, 175 p. (In Russ.)

13. Kiryuhin, Y.A. (2011). Ironiya kak predmet esteticheskogo osmysleniya (istoriya razrabotki ponyatiya) [Irony as a subject of aesthetic comprehension (the history of the concept development)]. *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, 2(40), 87–90. (In Russ.)

14. Kozincev, A.G. (2007). Yumor: do i posle ironii [Humor: before and after irony]. In *Logicheskii analiz yazyka. Linguistic mechanisms of comedy* (pp. 238–253). Moscow: Indrik. (In Russ.)

15. Lyapun, S.V. (2009). Ironiya v gazetnoy publitsistike kontsa XX — nachala XXI vekov: stilisticheskii priem i stilevaya tendentsiya [Irony in newspaper journalism of the late XX — early XXI centuries: stylistic device and style trend]. *Vestnik Adygey-*

skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Filologiya i iskusstvovedenie, 1, 115–120. (In Russ.)

16. Moskvina, V.P. (2024). *Ritorika i teoriya kommunikatsii: Vidy, stili i taktiki rechevogo obshcheniya* [Rhetoric and theory of communication: Types, styles and tactics of speech communication]. Book 2. Moscow: Lenand, 368 p. (In Russ.)

17. Moshcheva, S.V. (2022). Ironicheskoe vyskazyvanie kak kosvennaya rechevaya taktika: na osnove politicheskogo diskursa [Ironic utterance as an indirect speech tactic: based on political discourse]. *Bulletin of the Humanities Institute of ISUCT*, 3, 40–46. (In Russ.)

18. Pivoev, V.M. (2000). *Ironiya kak fenomen kul'tury* [Irony as a cultural phenomenon]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 106 p. (In Russ.)

19. Popova, T.I. (2017). Stylistic layering of satirical political creolized text. *Information Age*, 2-2, 50–51. (In Russ.)

20. Rorti, R. (1996). *Sluchajnost', ironiya i solidarnost'* [Chance, irony and solidarity]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 280 p.

21. Rubinshtejn, S.L. (2002). *Osnovy obshchej psichologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter, 720 p. (In Russ.)

22. Ruzhenceva, N.B. (2004). *Diskreditiruyushchiye taktiki i priyomy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg: USPU Publ., 294 p. (In Russ.)

23. Semenov, I.A. (2007). Ironiya kak kategoriya kul'tury [Irony as a cultural category]. *Analitika kul'turologii* [Cultural studies Analytics], 2(8), 19–22 (In Russ.)

24. Solodilova, I.A. (2023). Ironiya v politicheskikh debatakh: funktsional'naya kogerentnost' [Irony in political debate: Functional coherence]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9(4), 124–135 (In Russ.)

25. Fenina, V.V. (2015). Irony in everyday political discourse: analysis of the users' comments on the internet site of the radio-station "Echo of Moscow". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 29–34. (In Russ.)

26. Freud, Z. (1997). *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Wit and its relation to the unconscious]. St. Petersburg: Univ. kn.; Moscow: AST, 317 p. (In Russ.)

27. Sheygal, E.I. (n.d.). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Doctoral Thesis of Dr of Philology]. Volgograd, 440 p. (In Russ.)

28. Shilikhina, K.M. (2014). *Diskursivnaya praktika ironii : kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty* [The Discursive practice of irony : cognitive, semantic, and pragmatic aspects] [Doctoral Thesis of Dr of Philology]. Voronezh, 399 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 19.01.11; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9

Людмила Владимировна Минаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, liudmila.minaeva@gmail.com,
SPIN-код: 6619-7494

Демонизация России во властном дискурсе стран Балтии

АННОТАЦИЯ. В статье используется нарративная теория для исследования дискурсивной содержательной стратегии властного дискурса стран Балтии в отношении России. Важность исследования властного дискурса определяется тем влиянием, которое оказывают руководители государства на его граждан. Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений и заявлений политических лидеров стран Балтии в 2021–2022 годах, представленные на официальных государственных сайтах. Исследуемый материал вписывается в контекст событий новейшей истории (после распада Советского Союза страны Балтии проигнорировали такие региональные международные организации, как СНГ, Евразийское экономическое сообщество, включающие ряд бывших советских республик, сразу заняли враждебную по отношению к России позицию). Результаты критического дискурс-анализа, включавшего применение методов политической коммуникации и лингвопоэтики, позволяют сделать заключение, что политические лидеры стран Балтии стремятся демонизировать сегодняшнюю Российскую Федерацию, уравнивая ее политический курс с действиями Советского Союза и Российской империи. Подчеркивая ее историю как агрессора и колонизатора, целью которого является восстановление могущественной империи, враждебной современным демократиям, политические лидеры стран Балтии вносят вклад в нынешнюю информационную войну между Россией и коллективным Западом. В статье описываются коммуникативные тактики и лингвистический механизм формирования негативного образа России, которые используются во властном дискурсе стран Балтии в отношении России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, официальные сайты, политический дискурс, политическая риторика, политические речи, политические тексты, политические деятели, речевые жанры, речевая деятельность, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, языковая личность, лингвоперсоналогия, публичные выступления, информационная война, страны Балтии, образ России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Минаева Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международной коммуникации, факультет мировой политики, МГУ имени М. В. Ломоносова; 101000, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, корп. 1; email: liudmila.minaeva@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Минаева, Л. В. Демонизация России во властном дискурсе стран Балтии / Л. В. Минаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 98-106.

Liudmila V. Minaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, liudmila.minaeva@gmail.com, SPIN code: 6619-7494

Demonization of Russia in the Official Power Discourse of the Baltic Countries

ABSTRACT. The article uses the narrative theory to study the discursive content strategy of the official power discourse of Baltic states related to Russia. The importance of studying the official power discourse is determined by the influence that the leaders of the state exert on its citizens. The practical research material encompasses texts of public speeches and statements by political leaders of the Baltic States in 2021-2022, posted on official government websites. The material under study fits into the context of recent events (After the collapse of the Soviet Union, the Baltic States ignored such regional international organizations as the CIS and the Eurasian Economic Community, which include a number of former Soviet republics, and immediately took a hostile position towards Russia). The results of a critical discourse analysis, which include the use of the methods of political communication and linguopoetics, allow concluding that the political leaders of the Baltic states seek to demonize today's Russian Federation, equating its political course with the actions of the Soviet Union and the Russian Empire. By emphasizing its history as an aggressor and colonizer, the goal of which is to restore a powerful empire hostile to modern democracies, the political leaders of the Baltic states are contributing to the current information warfare between Russia and the collective West. The article describes the communication tactics and linguistic mechanisms of forming a negative image of Russia, which are used in the official power discourse of the Baltic countries in relation to Russia.

KEYWORDS: Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, official sites, political discourse, political rhetoric, political speeches, political texts, politicians, speech genres, speech, communication strategies, communication tactics, linguistic personality, linguopersonology, public speeches, information warfare, Baltic states, image of Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Minaeva Liudmila Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of International Communication Department, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Minaeva L. V. (2025). Demonization of Russia in the Official Power Discourse of the Baltic Countries. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 98-106. (In Russ.).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Демонизация противника является признанным инструментом информационной войны. Не является исключением и современная информационная война, которую Россия ведет с коллективным Западом. Негативное представление нашей страны в выступлениях политических лидеров западных стран имело место и ранее, особенно в период холодной войны. Но в последние тридцать лет к ним присоединились и руководители стран Балтии: Эстонии, Литвы и Латвии.

После распада Советского Союза страны Балтии проигнорировали такие международные организации, как СНГ, Евразийское экономическое сообщество, впоследствии Евразийский экономический союз, ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), которые включают целый ряд бывших советских республик, и сразу заняли враждебную по отношению к России позицию. В разное время они вошли в Европейский союз и НАТО и сейчас проводят прозападную политику.

Что касается информационной сферы, политические лидеры стран Балтии являются активными участниками процесса очернения России, то есть ее демонизации. Целью демонизации является формирование общественного мнения посредством создания образа врага как агрессора, представляющего собой угрозу и преследующего только разрушительные цели. В качестве врага может выступать личность, группа людей или народ. Самым частым объектом демонизации является политический лидер [Юсупова, Теплых 2017]. Примерами могут служить Саддам Хусейн, Слободан Милошевич, Башар Асад, Владимир Путин. В последние годы, стремясь пересмотреть результаты Второй мировой войны, западные историки и политики демонизируют Красную армию [Золов 2013]. За год до начала бомбардировки НАТО Югославии западные СМИ развернули поэтапное нагнетание анти-сербской истерии и муссирование темы «этнических чисток» в Косово, демонизируя таким образом сербский народ [Касюк 2018].

Демонизация осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления и/или подчинения [Сквородников, Копнина 2016], а также для объединения вокруг себя союзников. Результатом демонизации является создание негативного, вызывающего ненависть образа противника, который выступает во всех

своих проявлениях как абсолютное, универсальное зло [Иванова 2016]. А со злом следует бороться всеми доступными средствами, и борьба, следовательно, оправдана теми угрозами, которые исходят от оппонента. Поэтому он «должен быть уничтожен сначала морально, а потом, если это возможно, и физически» [Аблеев, Кузьминская 2015].

Демонизация осуществляется при помощи использования средств вербальной и невербальной коммуникации. Что касается невербальных форм коммуникации, то достаточно вспомнить мемы в Интернете или карикатуры в газетах и журналах, которые представляют Россию в образе злобного медведя с наводящим ужас оскалом. Или изображение Путина как полуголого байкера, оседлавшего несущуюся (по мнению художника, в сторону Запада) стратегическую ракету, который явно представляет угрозу.

Вербальная коммуникация охватывает выступления политиков, а также медиатексты, которые распространяются офлайн и онлайн. При этом из-за того, что нередко авторство сообщения установить невозможно и Интернет наполнен фейками [Малькевич 2022], люди, чтобы понять, что происходит, предпочитают обращаться к официальным источникам информации, то есть правительственным сайтам, где размещаются речи руководителей страны, и традиционным национальным СМИ.

Репертуар средств вербальной коммуникации чрезвычайно широк, поэтому так важен их отбор, чтобы оказать нужное автору воздействие на соответствующую целевую аудиторию. Для этого требуется не только знание языка, но и развитые навыки риторически организованной публичной речи. Политические лидеры могут такими навыками не обладать, но речи для них пишут спичрайтеры, которые прекрасно владеют законами риторики и подстраивают текст под индивидуальный стиль политика [Aranson, Spetner 1993]. Последний обязательно контролирует процесс написания речи и может высказывать пожелания, касающиеся ее содержания и формы в зависимости от собственного представления о том эффекте, которое она должна вызвать. При этом он, естественно, опирается на политический курс, который проводит, преследуя принципиальные для него цели.

Важность исследования властного дискурса, таким образом, определяется тем влиянием, которое оказывают руководители

государства на его граждан. Следует подчеркнуть, что любое выступление или высказывание политика такого уровня важно для общественно-политической жизни, поскольку представляет собой политический акт, воздействующий на ее характер. Не умаляя значения СМИ для информирования населения о событиях в стране и мире, все же следует подчеркнуть, что именно каждое выступление политика становится объектом их пристального внимания, на что указывают многочисленные публикации ученых, изучающих имидж политических лидеров на медиаматериалах [Блудова 2008; Вагенляйтнер, Никитина 2014; Донина 2022]. Журналисты в своих статьях поддерживают или критикуют политических лидеров, но в любом случае, цитируя их, они доносят официальную позицию руководства страны до граждан, что не может не влиять на формирование общественного мнения.

Что касается политических лидеров стран Балтии в рассматриваемый период, то следует напомнить, что как только прибалтийские государства обрели независимость, в речи их руководителей заметное место стал занимать так называемый «постколониальный дискурс», служащий основой для построения новых национальных идентичностей. Характерной чертой этого дискурса является формирование враждебного образа Российской империи и СССР в качестве «негативно значимого Другого» с переносом этой модели на отношение к современной России [Ачкасов 2019]. Иначе говоря, демонизация России во властном дискурсе лидеров стран Балтии началась уже довольно давно, но с началом специальной военной операции это явление стало особенно заметным и значимым в контексте информационной войны, которую коллективный Запад ведет против России.

Цель данного исследования — выявить приемы речевого воздействия, которые используются руководителями стран Балтии в ходе информационной войны коллективного Запада против России и рассмотреть созданный ими механизм демонизации нашей страны.

МЕТОД И МАТЕРИАЛ

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений и заявлений политических лидеров стран Балтии в 2021–2022 гг., представленные на официальных государственных сайтах. Были рассмотрены речи президента Эстонии Аларе Кариса, премьер-министра Эстонии Каи Каллас, президента Латвии Эгилса Левитса, премьер-министра Латвии Кришьяниса Кариньша,

президента Литвы Гитанаса Науседы, премьер-министра Литвы Ингриды Шимоните.

На предварительном этапе исследования были отобраны тексты выступлений политических лидеров стран Балтии, в которых упоминаются ключевые слова «Советский Союз», «СССР», «Россия», «советский», «русский». В дальнейшем применялся метод критического дискурс-анализа.

Большое влияние на развитие теории критического дискурс-анализа оказал Тён ван Дейк, который утверждал, что дискурс как феномен определяет общество, более того, именно дискурсы формируют окружающую реальность. «Власть связана с контролем, а контроль над дискурсом означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю и, в конце концов, общественному сознанию» [ван Дейк 2013: 15]. Иначе говоря, власть осуществляется посредством дискурса и через дискурс, а «правильно подобранные слова доносят идею до адресата, передают вложенный смысл и оказывают воздействие на его сознание и могут побуждать к необходимым действиям» [Якоба 2015: 123]. Ведь именно высшая властная элита (в контексте настоящего исследования — лидеры стран Балтии) обладает тем ресурсом, который позволяет ей широко распространять создаваемые ею смыслы — властью.

Развивая положения изучения дискурса воспроизводства власти, ван Дейк подчеркивает, что дискурс-анализ представляет собой не столько метод исследования, сколько область междисциплинарных штудий, и поэтому предлагает заменить его термином «критические дискурсивные исследования». Это допускает использование различных методов анализа в зависимости от природы изучаемого объекта, целей исследователя и других релевантных параметров [ван Дейк 2013: 19]. В настоящей работе выделенные по ключевым словам контексты анализируются с точки зрения теории политической коммуникации и лингвопоэтики.

Исходя из постулатов теории политической коммуникации, прежде всего следует определить коммуникативную стратегию рассматриваемых текстов. Под коммуникативной стратегией понимается «план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения; план, который регулирует 1) содержание / тему информации, закладываемой им в текст; 2) тот коммуникативный эффект (реакцию адресата), к достижению которого он стремится; 3) выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формули-

рование задуманных целей высказывания» [Якоба 2015: 45].

Как уже было сказано выше, коммуникативным намерением политических лидеров стран Балтии сразу после распада Советского Союза стало очернение России. С началом украинского конфликта, а затем специальной военной операции данное коммуникативное намерение осталось прежним и даже стало более четко сформулировано благодаря развернувшейся информационной войне против России. Содержание текстов выступлений касалось действий России, что подтверждается выборкой с опорой на указанные ключевые слова. Ожидаемая реакция адресата заключается в поддержке позиции оратора, касающейся, во-первых, осуждения действий России и, во-вторых, сплочения общества вокруг ценностей коллективного Запада. Таким образом, в задачу настоящей статьи входит определение стратегии, тактик и языковых средств, которые используются в речи политических лидеров стран Балтии для воплощения коммуникативного намерения демонизации России.

Что касается лингвопоэтического метода исследования, то он был разработан на материале художественной литературы в 70-е гг. прошлого века [Akhmanova, Zadornova 1977], но мысль о необходимости создания отдельной филологической дисциплины — науки о языке художественной литературы была высказана в трудах академика В. В. Виноградова еще раньше [Виноградов 1954]. Лингвопоэтика возникла на стыке лингвистической и литературоведческой стилистик с целью изучения совокупности «использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [Задорнова 1992].

Метод лингвопоэтического анализа предполагает рассмотрение текста на трех уровнях: семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом [Задорнова 1992; Липгарт 1997]. При этом подчеркивается, что главной единицей анализа является слово, которое в контексте художественного произведения становится «орудием образного мышления» [Задорнова 1992]. На семантическом уровне слова, составляющие текст, изучаются как словарные единицы. На метасемиотическом уровне в центре внимания исследователя находятся экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны, которое слово демонстрирует в контексте произведения. Собственно, этим занимается лингвостилистика, которая прекрасно описала

все тропы и фигуры речи, придающие особую выразительность тексту. Наконец, на метаметасемиотическом уровне все выразительные средства, которые использовались автором в произведении, в совокупности передают его идейно-эстетическое содержание.

В дальнейшем метод лингвопоэтического анализа с успехом был применен к исследованию рекламных текстов, где на метаметасемиотическом уровне раскрывается имидж товара [Морозов 2001; Медведева 2002], а в медиатекстах — имидж политика [Эбру 2017].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основой публичных выступлений прибалтийских политиков, в которых упоминается Россия, служит агональная стратегия дискурса, то есть стратегия соперничества. Цель агонального властного дискурса политических лидеров Эстонии, Литвы и Латвии в условиях ведущейся информационной войны заключается в выстраивании оппозиции «свой — чужой», где «свой» — это коллективный Запад и страны Балтии, которые являются его частью, а «чужой» — Россия. При этом «чужой» — это враг, и демонизация России становится еще отчетливее именно на фоне данной оппозиции.

Для представления России как врага используются различные коммуникативные тактики. Так, например, в следующих фрагментах показано, как **тактика обвинения** используется для создания негативного образа России путем ее прямого или косвенного уравнивания с Советским Союзом:

– *Так Советский Союз напал на Финляндию в 1939 г., на Венгрию в 1956 г., на Чехословакию в 1968 г., а правопреемница Советского Союза Российская Федерация сделала то же самое, начав войну против Украины в 2022 г. Так же, как она вторглась в Грузию в 2008 году и в предыдущий раз в Украину в 2014 году* (президент Эстонии Алар Карис).

При этом нередко используется также **тактика устрашения**:

– *Возведенного Советским Союзом железного занавеса больше нет. Но, как мы видим, там продолжает жить желание повернуть историю вспять, под угрозой оружия установить в Европе свои правила, значительно ослабить единство Европейского союза и НАТО* (президент Эстонии Алар Карис).

Частным случаем создания образа «врага» является **тактика «виктимизационной унии»**, то есть технология сплочения социальной группы с помощью «единства в жертвенности» [Лебедев 2021: 61]. Все лидеры

стран Балтии подчеркивают в своих выступлениях страдания своих народов, вызванные действиями Советского Союза:

– *Советский Союз, оккупировавший Латвию, совершил преступление и депортировал тысячи жителей Латвии, насильно вырвав их из их домов и повседневной жизни. Латвийские солдаты, находящиеся под контролем оккупационной армии, попали в засаду, были разоружены, а затем депортированы из Литены. Литене — это место, где начался путь на Голгофу для наших солдат и офицеров, и именно поэтому мы приезжаем сюда каждый год, чтобы почтить память депортированных и тех, кто погиб* (президент Латвии Эгилтс Левитс);

– *...одно важное напоминание: Эстония не участвовала в этой войне как государство, а была жертвой как коммунистического, так и нацистского режима* (президент Эстонии Алар Карис).

Жертвой, с точки зрения политиков стран Балтии, были и другие народы Европы, что служит основанием для объединения всего свободного демократического мира в борьбе с сегодняшней Россией:

– *Большое число стран Центральной и Восточной Европы были поработаны, людей продолжал терроризировать советский тоталитарный режим, социальная жизнь и экономика стали жертвой на великом алтаре коммунистической идеологии* (президент Литвы Гитанас Науседа).

«Враг» в случае демонизации, как правило, агрессор, представляющий собой реальную угрозу сегодня. Однако особенность дискурсивного поведения прибалтийских политиков заключается в последовательном обращении к собственному прошлому при обличении России как преемницы Советского Союза. Период пребывания Эстонии, Литвы и Латвии в составе Советского Союза регулярно описывается как время оккупации, а сами они как оккупированные территории или колонии, например:

– *Советский Союз, оккупировавший Латвию, совершил преступление и депортировал тысячи жителей Латвии, насильно вырвав их из их домов и повседневной жизни* (президент Латвии Эгилтс Левитс);

– *Россия отказывается признать, что страны нашего региона, ранее оккупированные Советским Союзом, теперь являются независимыми суверенными государствами, а не его колониями* (премьер-министр Литвы Гитанас Науседа).

Таким образом, в случае властного дискурса стран Балтии к характеристике образа России как агрессора добавляется еще две — колонизатор и оккупант.

Лингвопоэтический анализ выступлений политических лидеров стран Балтии раскрывает собственно языковой механизм создания негативного образа России. Так, основой его на семантическом уровне становятся слова «агрессор», «колония», «оккупация», «империя» и их производные, которые закрепляют в сознании получателей информации соответствующие концепты. Однако надо отметить тот манипулятивный семантический сдвиг в словоупотреблении, который наблюдается в данном случае во властном дискурсе политиков стран Балтии.

Объявляя наряду с Карелией, Бурятией и Сибирью страны Балтии бывшими колониями Российской империи, а затем и Советского Союза, поборники деколонизации игнорируют тот факт, что в случае с Россией мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда колонизация была, например, колонизация Сибири, а колоний, как у западноевропейских государств, у России не было.

«Колония» определяется как «страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима» (Большой энциклопедический словарь, 2012; Однотомный большой юридический словарь, 2012; Словарь экономических терминов, 2012). Ни один из перечисленных параметров не находит подтверждения в случае России.

Более того, многие зарубежные историографы настаивают на термине «русская колонизация», подчеркивая уникальность процесса применительно к России. Так, Николас Брейфогль пишет, что русская «колонизация» была осуществлена потрясающе разнообразным набором поселенцев (русские, нерусские, иностранцы, торговцы, крестьяне, военные, городские рабочие, религиозные инакомыслящие, политические диссиденты, преступники, женщины, мужчины и целые семьи). Причем проходила она при различных обстоятельствах (изгнание, бегство или добровольное „переселение“) и проводилась в различных географических и климатических условиях. Фактически российская колонизация разворачивалась с таким роскошным разнообразием, что более правильно говорить о российских колонизациях во множественном числе» [Breyfogle 2007].

При этом «одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания». Следует подчеркнуть, что «сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегриро-

вание различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию... Российское дворянство оказалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты» [Александр, Трепавлов 2007].

Что касается стран Балтии, то история отношений России с этими регионами началась еще в 1721 г., когда по Ништадтскому миру большая часть Латвии и Эстонии вошли в состав Российской империи. Следовательно, первый признак колонии в данном случае не применим, потому что иначе придется признать колониями все территории, которые становились частью другого государства в результате войны и заключения соответствующего мирного договора, а таких примеров в мировой истории предостаточно. Тем более что, как и в случае с Сибирью, административное управление данными территориями не отличалось от других частей Российского государства, хотя границы прибалтийских губерний и варьировались в течение двух веков.

Что касается экономической зависимости прибалтийских губерний и их эксплуатации Российским государством в дореволюционную эпоху, то статистика показывает, что данный регион действительно отличался от других российских губерний, но в лучшую сторону. Это был один из мощнейших промышленных центров Российской империи. Но стал он таковым потому, что имел теснейшие связи с экономикой всей страны.

Рассмотрение этих территорий в советский период через призму уже перечисленных признаков также не позволяет констатировать колониальный характер данных советских республик в составе СССР. А применение разработанной международным правом дефиниции понятия «оккупация» к периоду вхождения Прибалтики в состав СССР доказывает полную несостоятельность утверждения о ее оккупации Советским Союзом [Блищенко 2015].

Таким образом, оккупация Эстонии, Литвы и Латвии и превращение их в колонии СССР — это миф, имеющий явную политическую подоплеку, который сегодня поддерживается в политическом дискурсе Запада по идеологическим соображениям с целью устрашения всего мира путем гиперболизации агрессивной природы России.

Слово «империя», примененное для описания Советского Союза, а сейчас и современной России, используется не в политическом смысле («империя» — тип государственного устройства. Империя — государство, имеющее обширные колониальные

владения (например: Британская империя), или большое многонациональное образование, управляемое из одного центра — например: Османская империя, Византийская империя, Российская империя), а метафорически, с целью уравнивания республики СССР и Российской Федерации с царской Российской империей, и переводит все рассуждение на метасемиотический уровень (см. ниже).

На метасемиотическом уровне негативный имидж России становится ярче благодаря широкому употреблению пейоративных слов, обладающих ингерентной коннотацией, например:

– **Абсурдные предлоги российского руководства для нападения на независимую Украину лживы, ничтожны и преступны**» (президент Эстонии Алар Карис);

– **Никто из нас не хочет, чтобы воинственный и враждебно настроенный сосед нагнетал напряженность у нас дома**» (премьер-министр Кая Каллас).

Политические лидеры часто используют метафоры и другие тропы, чтобы максимально визуализировать негативный образ России, например:

– **...национальная независимость была растоптана советским оккупационным режимом, который правил почти пять десятилетий, за исключением трех лет, когда нацистская Германия оккупировала Латвию. Оба оккупационных режима оставили глубокие шрамы на латвийской земле и ее народе** (президент Латвии Эгилс Левитс);

– **Депортации оставили зияющую дыру в сердце нашей нации** (президент Латвии Эгилс Левитс);

– **Во внешне глухом, бесперспективном и беспомощном брежневском обществе последовательно продвигались процессы целенаправленного создания советского общества и *homo soveticus***» (президент Эстонии Алар Карис).

В последнем примере помимо выразительной цепочки прилагательных, образующих синонимическую конденсацию, рисующую мрачную атмосферу Советского Союза в период застоя, обращает на себя внимание и словосочетание *homo soveticus*, которое было ироничным антонимом выражения «советский человек». Выражение стало особенно популярным после публикации в 1982 г. сатирической книги находившегося в эмиграции в Мюнхене А. Зиновьева «Гомо советикус».

Особенно интересно использование метафоры «империя зла» премьер-министром Литвы Ингрид Шимоните. Вначале метафора, которая уже давно превратилась в поли-

тическое клише, употребляется в привычном для нее контексте описания действий Советского Союза. Именно так она впервые прозвучала в речи Рональда Рейгана в 1983 г. для характеристики аморального, с точки зрения оратора, поведения Советского Союза. В этом смысле Шимоните и использует данную метафору:

Мы гордились тем, что, сильные и сплоченные, взявшись за руки, мы уничтожили империю зла (премьер-министр Литвы Ингрид Шимоните).

Однако далее Ингрида Шимоните «оживляет» ее, усиливая агрессивную риторику выступления:

...те, кто не хотел верить в безумие Кремля... увидели, что возродившаяся поверившая в свою силу империя зла и будет мстить любой ценой. [...] Даже нам было трудно представить, что Советская империя не исчезнет... однако, как оказалось, империя лишь зализывала раны и готовилась к новому агрессивному нападению (премьер-министр Литвы Ингрид Шимоните).

В дальнейшем Шимоните использует образ дракона для устрашения своей аудитории. Так, говоря о конфликте на Украине, она заявляет:

...борьба с драконом большевистской оккупации еще не окончена, Литва всеми силами помогает Украине окончательно покончить с этой **тоталитарной империей**. [...] Это укрепляет веру в то, что мы выдержим **последние конвульсии этого многоголового дракона** и сможем, наконец, сказать, что очень долгая и трудная борьба с **советским империализмом** выиграна (премьер-министр Литвы Ингрид Шимоните).

При анализе всей совокупности стилистически маркированных слов и словосочетаний на метаметасемиотическом уровне становится ясно, что они служат планом выражения образа современной России. План содержания представляет Россию как враждебное агрессивное государство, унаследовавшее все пороки своих предшественников (Российской империи и Советского Союза), имеющее своей целью восстановить бывшее могущество и подчинить себе суверенные европейские государства путем применения военной силы.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что властный дискурс стран Балтии четко ориентирован на враждебное представление современной России путем отождествления ее с СССР и Российской империей.

Демонизация современной России приводит к тому, что «Чужой» уже не просто негативный «иной», а экзистенциальный враг. Создавая такой негативный образ России в противовес положительному образу коллективного Запада, включающего бывшие советские прибалтийские республики, ныне суверенные государства, страны Балтии сознательно создают напряжение в отношениях с Россией и оправдывают как свои внешнеполитические действия (поддержка Украины, санкции против России), так и внутреннюю политику (дискриминация русскоязычного населения, демонтаж советских памятников, изменение топонимов).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аблеев, С. Р. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации / С. Р. Аблеев, С. И. Кузьминская. — Текст : электронный // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 5. — С. 172–176. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsii-massovym-soznaniem-politicheskaya-mifologiya-i-strategiya-demonizatsii>.
2. Александри, О. Л. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. ИРИ РАН. — Москва : Восточная литература. — 2007. — 255 с. (реферат) / О. Л. Александри, В. В. Трепавлов. — Текст: электронный // История России в современной зарубежной науке. — 2013. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trepavlov-v-v-belyy-tsar-obraz-monarha-i-predstavleniya-o-poddanstve-u-narodov-rossii-xv-xviii-vv-iri-ran-m-vost-lit-2007-255-s-referat>.
3. Ачкасов, В. А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств / В. А. Ачкасов. — Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 440. — С. 146–152. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-postkolonializma-v-politike-pamyati-postsovetских-gosudarstv>.
4. Блищенко, В. И. Россия и Прибалтика: поиски исторической правды / В. И. Блищенко. — Текст : электронный // Обозреватель — Observer. — 2015. — № 4 (303). — С. 28–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-pribaltika-poiski-istoricheskoy-pravdy>.
5. Блудова, А. Г. Имидж политического лидера: роль средств массовой информации в формировании электоральных предпочтений: на материале региональных периодических печатных изданий : дис. ... канд. полит. наук / Блудова А. Г. — Санкт-Петербург, 2008. — 126 с. — Текст : непосредственный.
6. Вагенляйтнер, Н. В. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века / Н. В. Вагенляйтнер, Л. Б. Никитина. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. — 160 с. — Текст : непосредственный.
7. Виноградов, В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1954. — № 5. — С. 5–38.
8. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Тен А. ван Дейк. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.
9. Донина, О. В. Анализ образа политика в СМИ (на материале изданий Воронежской области) / О. В. Донина. — Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 2 (30). — С. 1–5. — URL: <https://rulb.org/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.23>.
10. Иванова, С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации / С. В. Иванова. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5. — С. 28–37. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-resursnaya-baza-informatsionnoy-voyny-sozdanie-effekta-demonizatsii>.

11. Задорнова, В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Задорнова Я. В. — Москва, 1992. — 49 с. — Текст : непосредственный.
 12. Золов, А. В. Демонизация Красной армии как один из трендов западной историографии / А. В. Золов. — Текст : электронный // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2013. — № 4. — С. 65–80. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demonizatsiya-krasnoy-armii-kak-odin-iz-trendov-zapadnoy-istoriografii>.
 13. Касюк, А. С. Информационно-психологические операции: история и современность / А. С. Касюк. — Текст : электронный // Вестник МГЛУ. Общественные науки. — 2018. — № 1 (794). — С. 26–38. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskie-operatsii-istoriya-i-sovremennost>.
 14. Лебедев, С. В. Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания / С. В. Лебедев. — Текст : электронный // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 11 (4). — С. 59–65. — URL: https://humanities.fa.ru/jour/article/view/564?locale=ru_RU.
 15. Липгарт, А. А. Методы лингвопоэтического исследования / А. А. Липгарт. — Москва : Московский лицей, 1997. — 221 с. — Текст : непосредственный.
 16. Малькевич, А. А. Информационная война XXI века: фабрики фейков, центры силы и информационное ополчение / А. А. Малькевич. — Текст : электронный // Российская школа связей с общественностью. — 2022. — № 25. — С. 156–173. — URL: <https://www.ruscoms.ru/>.
 17. Медведева, Е. В. Рекламный текст в плане межкультурной и межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / Медведева Е. В. — Москва : [б. и.], 2002. — 183 с. — Текст : непосредственный.
 18. Морозов, А. Ю. Выразительные возможности рекламного текста (на материале американской рекламы) : дис. ... канд. филол. наук / Морозов А. Ю. — Москва, 2001. — 195 с. — Текст : непосредственный.
 19. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 42–50. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya/viewer>.
 20. Эбру, А. Языковые средства создания образа политического деятеля в американских и британских СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Эбру А. — Москва, 2017. — 233 с. — Текст : непосредственный.
 21. Юсупова, Р. Р. Демонизация «Плохих» политических лидеров как инструмент информационной войны / Р. Р. Юсупова, Р. Р. Теплых. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5. — С. 163–167. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demonizatsiya-plohih-politicheskikh-liderov-kak-instrument-informatsionnoy-voyny>.
 22. Якоба, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якоба. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — Томск, 2015. — № 3 (35). — С. 122–134.
 23. Akhmanova, O. On Linguopoetic Stratification of Literary Text / O. Akhmanova, V. Zadornova. — Text : unmediated // Poetica. An International Journal of Linguistic-Literary Studies. — Tokyo, 1977. — № 7. — P. 50–60.
 24. Aranson, M. The Public Relations writer's handbook / M. Aranson, B. Spetner. — San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 1993. — 219 p. — Text : unmediated.
 25. Breyfogle, N. Russian colonizations: An introduction / N. Breyfogle. — Text : unmediated // Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. — London ; New York : Routledge, 2007. — P. 1–18.
- ### REFERENCES
1. Ableev, S.R., & Kuzminskaya, S.I. (2015). Manipulyatsii massovym soznaniem: politicheskaya mifologiya i strategiya demonizatsii [Manipulation of Mass Consciousness: Political Mythology and Demonization Strategy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 5, 172–176. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsii-massovym-soznaniem-politicheskaya-mifologiya-i-strategiya-demonizatsii> (In Russ.)
 2. Achkasov, V.A. (2019). Diskurs postkolonializma v politike pamyati postsovetsskikh gosudarstv [The discourse of postcolonialism in the politics of memory of post-Soviet states]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 440, 146–152. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-postkolonializma-v-politike-pamyati-postsovetsskikh-gosudarstv> (In Russ.)
 3. Alexandri, O.L., & Trepavlov, V.V. (2007). «Belyi tsar»: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV-XVIII vv. [“The White Tsar”: the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries] — M., S. 203. Retrieved from <https://statehistory.ru/3995/Byla-li-Rossiya-tyurmoy-narodov/> (In Russ.)
 4. Blishchenko, V.I., & Rossiya, I. (2015). Pribaltika: poiski istoricheskoi pravdy [Russia and the Baltics: Searching for Historical Truth]. *Obozrevatel — Observer*, 4 (303), 28–43. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-pribaltika-poiski-istoricheskoy-pravdy> (In Russ.)
 5. Bludova, A.G. (2008). *Imidzh politicheskogo lidera: rol sredstv massovoi informatsii v formirovanii elektoralnykh predpochtenii: na materiale regionalnykh periodicheskikh pechatnykh izdaniy* [The image of a political leader: the role of mass media in shaping electoral preferences: based on regional periodicals] [Dis. of Doct. of Philological Sciences]. St. Petersburg, 126 p. (In Russ.)
 6. Vagenlyaitner, N.V., & Nikitina, L.B. (2014). *Yazykovoi obraz politika po dannym rossiiskikh pechatnykh SMI nachala XXI veka* [The linguistic image of a politician according to Russian print media at the beginning of the 21st century]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 160p. (In Russ.)
 7. Vinogradov, V.V. (1954). *Yazyk khudozhestvennogo proizvedeniya* [Language of the work of art] In *Voprosy yazykoznaniya*, 5, 5–38. (In Russ.)
 8. Van Deik, T.A. (2013). *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominiraniya v yazyke i kommunikatsii*. [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication] Moscow: LIBROKOM, 344 p. (In Russ.)
 9. Donina, O.V. (2022). Analiz obraza politika v SMI (na materiale izdaniy Voronezhskoi oblasti) [Analysis of the image of a politician in the media (based on publications in the Voronezh region)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2(30), 1–5. Retrieved from <https://rulb.org/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.23> (In Russ.)
 10. Ivanova, S.V. (2016). Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoi voyny: sozдание effekta demonizatsii [Linguistic resource base of information warfare: creating the effect of demonization]. *Politicheskaya lingvistika*, 5, 28–37. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-resursnaya-baza-informatsionnoy-voyny-sozдание-effekta-demonizatsii> (In Russ.)
 11. Zadornova, V.Ya. (1992). *Slovesno-khudozhestvennoe proizvedenie na raznykh yazykakh kak predmet lingvopoeticheskogo issledovaniya* [Verbal and artistic work in different languages as a subject of linguapoetic research] [Abstract of Dis. of Doct. of Philology]. Moscow, 49 p. (In Russ.)
 12. Zolov, A. V. (2013). Demonizatsiya Krasnoi armii kak odin iz trendov zapadnoi istoriografii [Demonization of the Red Army as one of the trends in Western historiography]. *Slovo.ru: Baltiskii aktsent*, 4, 65–80. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/demonizatsiya-krasnoy-armii-kak-odin-iz-trendov-zapadnoy-istoriografii> (In Russ.)
 13. Kasyuk, A.S. (2018). Informatsionno-psihologicheskie operatsii: istoriya i sovremennost.[Information and psychological operations: history and modernity]. *Vestnik MGLU*, 1(794), 26–38. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskie-operatsii-istoriya-i-sovremennost> (In Russ.)
 14. Lebedev, S.V. (2021). Tekhnologiya vozdeystviya v sovremennykh politicheskikh kommunikatsiyakh: psikhologicheskie osnovaniya [Technology of influence in modern political communications: psychological foundations]. *Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 11(4), 59–65. Retrieved from https://humanities.fa.ru/jour/article/view/564?locale=ru_RU (In Russ.)
 15. Lipgart, A.A. (1997). *Metody lingvopoeticheskogo issledovaniya*. [Methods of linguapoetic research]. Moscow: Moskovskii litsei, 221 p. (In Russ.)
 16. Malkevich, A.A. (2022). Informatsionnaya voyna XXI veka: fabriki feikov, tsentry sily i informatsionnoe opolchenie [Information warfare of the 21st century: factories of fake news, centers of power and information militia] [Infor-

mation warfare of the 21st century: fake factories, centers of power and information militia]. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennostyu*, 25, 156–173. Retrieved from <https://www.ruscoms.ru/> (In Russ.)

17. Medvedeva, E.V. (2002). *Reklamnyi tekst v plane mezhyazykovoi i mezhkultunoi kommunikatsii* [Advertising text in terms of interlingual and intercultural communication] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 183 p. (In Russ.)

18. Morozov, A.Yu. (2001). *Vyrazitelnye vozmozhnosti reklamnogo teksta (na materiale amerikanskoi reklamy)* [Expressive Possibilities of Advertising Text (based on American Advertising)] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 185p. (In Russ.)

19. Skovorodnikov, A.P., & Kopnina, G.A. (2016). Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information and psychological warfare: towards the substantiation and definition of the concept]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(55), 42–50. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoj-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya/viewer> (In Russ.)

20. Ebru, A. (2017). *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza politicheskogo deyatelya v amerikanskikh i britanskikh SMI* [Linguistic means of creating the image of a political figure in American

and British media] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 233 p. (In Russ.)

21. Yusupova, R.R., & Teplykh, R.R. (2017). Demonizatsiya «Plokhikh» politicheskikh liderov kak instrument informatsionnoi voyny [Demonization of “Bad” Political Leaders as a Tool of Information Warfare]. *Politicheskaya lingvistika*, 5, 163–167. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/demonizatsiya-plokhikh-politicheskikh-liderov-kak-instrument-informatsionnoy-voyny/> (In Russ.)

22. Yakoba, I.A. (2015). Vlast diskursa mediinogo prostranstva v borbe za nominatsiyu [The power of media discourse in the fight for nomination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 3(35), 122–134. (In Russ.)

23. Akhmanova, O., & Zadornova, V.Ya. (1977). On Linguopoetic Stratification of Literary Text. In *Poetica. An International Journal of Linguistic-Literary Studies*, 7, 50–60. Tokyo.

24. Aranson, M., & Spetner, D. (1993). *The Public Relations writer's handbook*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 219 p.

25. Breyfogle, N. (2007). Russian colonizations: An introduction. In N. Breyfogle, A. Schrader & W. Sunderland (Eds.), *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* (pp. 1–18). London, N. Y.: Routledge.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).

Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 821.161.1-31+811.161.1`42+811.161.1`38

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,444+Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Наталья Борисовна Руженцева^{1✉}, Эдуард Владимирович Будаев^{2✉}, Елена Анатольевна Нахимова^{3✉}

^{1,2,3} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ verbalis@mail.ru[✉], SPIN-код: 97535994

² aedw@mail.ru[✉], SPIN-код: 7149-2238

³ nakhimova@gmail.com[✉], SPIN-код: 2983-5495

Лики власти в литературе и публицистике: от портрета градоначальника к портрету современного чиновника

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена видам и речевым средствам создания комического, используемым при создании портретов представителей властных структур в литературе (портреты градоначальников в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина) и в публицистике (портреты чиновников в современных СМИ). Авторы статьи сделали попытку реконструировать портреты градоначальников с опорой на феномен точки зрения. Четыре основные точки зрения представлены в произведении средствами политической сатиры. В целом обобщенный лик власти как некоей однородной и негативно настроенной по отношению к глуповцам структуры складывается из совокупности точек зрения на фигуры градоначальников и разнообразных портретных характеристик (внешности, речи, поведения, психологических особенностей и др.). Сатирическое изображение представителей власти достигается такими приемами текстообразования, как фантастичность, абсурдность, гиперболичность, саркастичность, гротескность, аллегоричность образов, пародийность, повышенная степень негативной оценочности. В свою очередь, для реконструкции публицистических портретов представителей власти авторы статьи обращаются к текстам, посвященным губернатору Вологодской области и А. Чубайсу, и к таким видам комического, как юмор и ирония. В качестве основы для исследования юмора взяты три признака юмористического дискурса, выделенные В. И. Карасиком. Анализ текста публикации, посвященной губернатору, показал, что авторское намерение уйти от серьезного разговора заложено уже в заголовочном комплексе; юмористическая тональность создается рядом речевых средств; а смеховое поведение, принятое в национальной культуре, репрезентировано а) прецедентными феноменами, соотносимыми с русской историей и фольклором; б) апелляциями к местной специфике; в) фоном устойчивых оборотов, закрепившихся в русском языке. Авторы статьи приходят к выводу о том, что текстовое представление однотипного содержания (фигуры представителя власти) в художественном и публицистическом текстах может иметь как сходство, так и различия. К сходным чертам можно отнести полифоничность текстов. К различиям относятся употребление широкого спектра литературных приемов в художественном тексте и широкое обыгрывание в публицистике фигуры представителя власти в национальных ситуациях смехового общения, а также высокая степень дискретности публицистического текста и потенциальные возможности его визуального ряда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, российские СМИ, политический дискурс, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные образы, романы, портрет политика, художественные тексты, комическое, М. Е. Салтыков-Щедрин, сатира, юмор, ирония, градоначальники, чиновники.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: verbalis@mail.ru.

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: aedw@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Лики власти в литературе и публицистике: от портрета градоначальника к портрету современного чиновника / Н. Б. Руженцева, Э. В. Будаев, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 107-116.

Natal'ya B. Ruzhentseva^{1✉}, Eduard V Budaev^{2✉}, Elena A. Nakhimova^{3✉}

^{1,2,3} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ verbalis@mail.ru[✉], SPIN code: 97535994

² aedw@mail.ru[✉], SPIN code: 7149-2238

³ nakhimova@gmail.com[✉], SPIN code: 2983-5495

Faces of Power in Literature and Journalism: From the Portrait of a Mayor to the Portrait of a Modern Official

© Руженцева Н. Б., Будаев Э. В., Нахимова Е. А., 2025

ABSTRACT. The article deals with the types and verbal means of creation of comic portraits of representatives of government structures in literature (portraits of mayors in the "Foolsburg: The History of a Town" by M.E. Saltykov-Shchedrin) and in journalism (portraits of officials in modern media). The authors of the article made an attempt to reconstruct the portraits of the mayors in the above mentioned novel based on the phenomenon of point of view. Four main points of view are presented in the book by means of political satire. On the whole, the generalized image of the power as a homogeneous structure negatively disposed towards the residents of Foolsburg is made up of a set of points of view on the figures of the mayors and various portrait characteristics (appearance, speech, behavior, psychological traits, etc.). The satirical portrayal of government officials is achieved via such text generating techniques as fantasticality, absurdity, hyperbolicity, sarcasm, grotesque, allegorical imagery, parody, and heightened negative evaluation. In turn, to reconstruct the publicistic portraits of government officials, the authors of the article turn to texts dedicated to the governor of Vologda Region and A. Chubais, and to such types of the comic as humor and irony. Three features of humorous discourse, singled out by V.I. Karasik, are used as the basis for the study of humor. The analysis of the text of the publication dedicated to the governor showed that the author's intention to avoid a serious conversation is already present in the headline complex of the publication; the humorous tone is created by a complex of verbal means; and the laughing traditions adopted in the national culture are represented by a) precedent phenomena correlated with Russian history and folklore; b) appeals to local specificity; c) a nomenclature of stable phrases established in the Russian language. The authors of the article come to the conclusion that textual representations of typical content (the figure of a representative of power) in literary and journalistic texts may have both similarities and differences. Similar features may include textual polyphony. Differences are likely to encompass the use of a wide range of literary techniques in a fiction text and a versatile presentation of the figure of a representative of power in journalism in national laughable communicative situations, as well as a high degree of discreteness of the journalistic text and a heightened potential of its visual aspect.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, Russian media, political discourse, Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary images, novels, portrait of a politician, fiction texts, the comic, M.E. Saltykov-Shchedrin, satire, humor, mayors, officials.

AUTHOR'S INFORMATION: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Nakhimova Elena Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Ruzhentseva N. B., Budaev E. V., Nakhimova E. A. (2025). Faces of Power in Literature and Journalism: From the Portrait of a Mayor to the Portrait of a Modern Official. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 107-116. (In Russ.).

В самом общем виде под комическим понимается явление, вызывающее смех. Толкование комического в художественной литературе и в публицистике во многом восходит к толкованию смешного А. Шопенгауэром: «Источником смешного всегда служит парадоксальное и поэтому неожиданное подведение под понятие в остальном ему гетерогенное, и феномен смеха означает таким образом всегда внезапное понимание несоответствия между таким понятием и мыслимым в нем реальным объектом, т. е. между абстрактным и созерцаемым...» — и далее: «...источник смешного — несовпадение мыслимого и созерцаемого» [Цит. по: Зарецкая 1998: 407–408]. На художественном и публицистическом воспроизведении комического основываются и формы комического: сатира, юмор, ирония.

Целью данной статьи является обобщение средств создания комического эффекта, использованных М. Е. Салтыковым-Щедриным при создании портретов градоначальников в «Истории одного города», и портретов

чиновников в современной публицистике («Комсомольская правда», «Экспресс-газета»). Подчеркнем, что текст М. Е. Салтыкова-Щедрина выбран для анализа именно из-за его публицистичности, ср.: «Щедрин продемонстрировал другую сторону явления, а именно то, что сатира может сливаться с публицистикой, оставаясь высоким искусством, сохраняя всю доказательную силу образа, и быть лишенной нравоучительной дидактики и прописей» [Плоткин 1960: 15]. С нашей точки зрения, именно синкретичный текст позволяет более корректно сопоставить текстовые репрезентации комического в разных форматах дискурса.

Портреты представителей властных структур еще в XIX в. активно создавались российскими писателями и поэтами в стихотворной и прозаической форме (Н. Гоголь — «Ревизор», «Мертвые души»; Н. Некрасов — «Размышления у парадного подъезда», М. Салтыков-Щедрин — «Помпадурши и помпадурши», «Господа ташкентцы» и др.). Уже в пушкинской «Истории села Горюхина»

«были элементы, предвещавшие будущего Щедрина и его шедевр — „Историю одного города“» [Плоткин 1960].

К портретам градоначальников (высших чиновников в дореволюционной России) обращался ряд исследователей творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина [см., например: Горячева 1976; Макашин 1949]. Со своей стороны, мы попытаемся реконструировать эти портреты с опорой на феномен точки зрения — «центральной проблемы композиции произведения искусства — объединяющей самые разные виды искусства» [Успенский 1995: 9]. Наиболее релевантной для реконструкции портрета градоначальника является идеологическая (или оценочная) точка зрения, репрезентированная посредством приемов политической сатиры: «Не только город Глупов, но и каждый образ романа полон глубокого политического смысла, зашифрованного эзоповским языком сатиры. Город Глупов — олицетворение самодержавной России... Его правители воплощают в себе конкретные черты исторически достоверных, живых правителей, но черты эти доведены „до логического конца“, гиперболизированы» [Горячева 1976: 47].

В конце XX — начале XXI в. текстовое представление ликов власти уверенно перешло из литературы в публицистику. Для воплощения фигуры политика стали широко использоваться такие формы комического, как ирония и юмор. В отличие от сатиры, юмор «видит в своем объекте какие-то стороны, не вступающие в противоречие с идеалом. Объект юмора, заслуживая критики, все же сохраняет свою привлекательность. Юмор, утверждая сущность явления, стремится его совершенствовать, очищать от недостатков, помогая полнее раскрываться всему общественному, ценному. Юмор — смех дружелюбный, хотя и не беззубый» [Словарь литературоведческих терминов 1974]. Что касается такой формы комического, как ирония, то основным критерием разграничения юмора и иронии «следует считать доминирующую цель: в шутке это юмор, развлечение, в иронии — насмешка...» [Ляпун 2009: 188]. Как следствие, ирония отличается от юмора высокой степенью негативной оценочности: «Ирония — это осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивается, одна из форм отрицания. Отличительным признаком иронии является двойной смысл... Осмеиваться может как сущность предмета, так и отдельные его стороны» [Словарь лингвистических терминов 1974]. Как ирония, так и юмор соотносятся с текстами художественного, публицистического и политического форматов дискурса,

что было отмечено целым рядом исследователей [Ворошилова 2010; Желтухина 2000; Зарецкая 1998; Шилихина 2014 и др.].

Именно средствами политической сатиры представлены четыре основные точки зрения на фигуры правителей у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это точка зрения автора-повествователя, точка зрения летописцев («летопись ведена преемственно четырьмя городскими архивариусами и обнимает период времени с 1771 по 1825 год»), самохарактеристика (точка зрения градоначальника на самого себя) и точка зрения жителей города Глупова. Наложение и совмещение этих точек зрения лежат в основе совокупного облика власти в городе Глупове. Для анализа феномена точки зрения использована группа методов: общенаучный аналитико-описательный метод, а также методы контекстуального анализа, стилистического анализа, жанрового анализа и интерпретативный метод. В свою очередь, для исследования юмора и иронии как форм репрезентации комического в современных публицистических портретах чиновников использованы лингвостилистический и лингвопрагматический методы, а также семиотический метод, предполагающий обращение к креолизированным текстам.

ПОРТРЕТЫ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Точка зрения автора-повествователя

Точка зрения автора-повествователя в «Истории одного города» неоднородна. Она включает в себя различные портретные характеристики: внешность, речь, поведение, психологические черты, деятельность на посту градоначальника, а также портрет-намек, портрет-аллюзию, портрет-ярлык и сопоставительный портрет.

Внешний портрет

• *В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчеева. Это мужчина среднего роста с каким-то деревянным лицом, очевидно, никогда не освещавшимся улыбкой. Густые, остриженные под гребенку и как смоль черные волосы покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамляют узкий и покатый лоб. Глаза серые, впавшие, осененные несколько припухшими веками; взгляд чистый, без колебаний; нос сухой, спускающийся от лба почти в прямом направлении книзу; губы тонкие, бледные, опущенные подстриженной щетиною усов; челюсти развитые, но без выдающегося выражения плотоядности, а с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам... Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы...*

Поведенческий портрет

- Он (Фердыщенко) ни во что не вменялся, довольствовался умеренными данями, охотно заходя в кабаки покалякать с целовальниками, по вечерам выходил в замасленном халате на крыльцо градоначальнического дома и играл с подчиненными в носки, ел жирную пищу, пил квас и любил уснащать свою речь ласкательным словом «братик-сударик».

Вербальный речевой портрет (речевые жанры угрозы и команды)

- На нем (градоначальнике) был надет лейб-кампанский мундир; голова его была сильно перепачкана грязью и в нескольких местах побита. Несмотря на это, он ловко выскочил из телеги и сверкнул на толпу глазами.

— **Разорю!** — загремел он таким оглушительным голосом, что все мгновенно притихли...

— **Зачинщики, вперед!** — скомандовал градоначальник, все более возвышая голос.

Невербальный речевой портрет

- По временам, однако ж, на лице его появлялась какая-то **сомнительная улыбка**, которая **не предвещала ничего доброго**.

Психологический портрет

- Он был **ужасен**; но сверх того, он был краток и с изумительной ограниченностью соединял непреклонность, почти граничившую с идиотством. Никто не мог обвинить его в воинственной предприимчивости, как обвиняли, например, Бородавкина, ни в порывах безумной ярости, которым были подвержены Брудастый, Негодяев и многие другие. Страстность была вычеркнута из числа элементов, составлявших его природу, и заменена непреклонностью, действовавшей с регулярностью самого отчетливого механизма... Голая решимость — и ничего более.

«Деятельностный» портрет

(действия градоначальника в качестве представителя власти)

- Новый градоначальник заперся в своем кабинете, не ел, не пил и все что-то скреб пером. По временам он выбегал в зал, кидал письмоводителю кипу исписанных листов, произносил: «**Не потерплю!**» — и вновь скрывался в кабинете. Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города; частные пристава поскакали; квартальные поскакали; заседатели поскакали... Хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают... А градоначальник все сидит и выскребает все новые и новые понуждения.

Портрет-намеки (отсылки к прецедентным ситуациям)

- Отсылка к восхождению на престол Елизаветы и Екатерины II с помощью гвардии:

Новая претендентша имела высокий рост, любила пить водку и ездила верхом по-мужски. Без труда склонив на свою сторону четырех солдат местной инвалидной команды и будучи тайно поддерживаема польской интригой, эта бездельная проходимица овладела умами почти мгновенно.

Портрет-аллюзия (отсылки к прецедентным текстам)

- Отсылка к античной истории:

«Несмотря на добродушие Менелая, — говорил учитель истории, — никогда спартанцы не были столь счастливы, как во время осады Трои; ибо хотя многие бу маги остались неподписанными, но зато многие же спины пребыли невыстеганными, и второе лишение с лихвою вознагра дило за первое...»

— Нет-с! это не так-с! — говорил Бородавкин, расхаживая в волнении по избе и возражая невидимому собеседнику, — надобно, чтобы все было подписано-с! и все было бы выстегано-с! Вот это порядок-с!

- Отсылка к фольклору:

Наверное, обнаружилось бы, что происхождение этой легенды чисто административное и что Баба-яга была не что иное, как градоправительница или, пожалуй, посадница, которая, для возбуждения в обывателях спасительного страха, именно этим способом путешествовала по вверенному ей краю, причем забирала встречавшихся по дороге Иванушек и, возвратившись домой, восклицала: «Покаताюся, поваляюся, Иванушкина мясца поевши».

Портрет-ярлык

Оценочная функция ярлыков связана прежде всего с дискредитацией оппонента. «Прием „наклеивания ярлыков“ — это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу» [Цуладзе 1999: 86–87]. С нашей точки зрения, в «Истории одного города» ярлык является своеобразным мини-портретом, дискредитирующая функция которого усиливается в контексте. В качестве ярлыка функционирует, например, слово «идиот», ср.: Портрет этот производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами читателя восстает чистейший тип **идиота**, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение... Обыкновенно противу **идиотов** принимаются известные меры, чтоб

они, в неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встречается им на пути. Но меры эти почти всегда касаются только простых **идиотов**; когда же придатком к **идиотству** является власть, то дело ограждения общества значительно усложняется... Вот это-то отверженное и вполне успокоившееся в самом себе **идиотство** и поражает зрителя в портрете Угрюм-Бурчеева.

По функциональной значимости к ярлыкам близки говорящие фамилии и клички градоначальников: *Прыщ, Бородавкин, Негодяев, Угрюм-Бурчеев, Грустилов, Перехват-Залихватский, Брудастый (Органчик)*, которые точно определяют как социальную, так и психологическую сущность персонажей М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Портрет-самохарактеристика

(взгляд градоначальника на самого себя)

— Я человек простой-с, — говорил он одним, — я не для того сюда приехал, чтоб издавать законы-с. Моя обязанность на блюсти, чтобы законы были в целости и не валялись по столам-с. Конечно, и у меня есть план кампании, но этот план таков: отдохнуть-с!

Портрет может иметь и комплексный характер, соединяя в авторской точке зрения внешнюю, поведенческую, деятельностьную и другие характеристики градоначальников.

Точка зрения летописцев

1. Краткие негативно-оценочные характеристики, данные летописцами в «Описи градоначальникам»:

- **Фердыщенко Петр Петрович, бригадир.** Бывший денщик князя Потемкина. При не весьма обширном уме был косноязычен. Недоимки запустил, любил есть буженину и гуся с капустой. Во время его градоначальствования город подвергся голоду и пожару. Умер в 1779 году от объедения.

- **Прыщ, майор Иван Пантелеич.** Оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства. И т. д.

2. Мнение летописца о ведущих чертах характера градоначальника:

- И действительно, Фердыщенко был до того прост, что **летописец** считает нужным неоднократно и с особенною настойчивостью остановиться на этом качестве, как на самом естественном объяснении того удовольствия, которое испытывали глуповцы во время бригадирского управления... «Прост он был — поясняет летописец, — так прост, что даже после стольких бедствий простоты своей не оставил».

3. Мнение летописца о деятельности градоначальника и ее результатах:

- Молодые все до одного разбежались. «Бежали-бежали, — говорит **летописец**, — многие, ни до чего не добежав, венец приняли; многих изловили и заключили в узы; сии почитали себя благополучными».

Точка зрения летописца часто совмещается с точкой зрения автора повествования, они пересекаются, взаимодействуют, дополняя друг друга, но никогда не находятся в отношениях противопоставления и противоречия.

Точка зрения жителей города Глупова

Точка зрения (реакция на действия градоначальника) жителей города Глупова может содержать в себе как положительную, так и отрицательную оценку действий градоначальника (умения/неумения говорить публично, степени притеснения глуповцев и др.), а также его общественно-политической позиции. Точка зрения глуповцев — это не только характеристика градоначальника, но и самохарактеристика, отражающая менталитет жителей как порождение уклада их жизни под властью градоначальников.

Пример отрицательной оценки градоначальника:

- Как ни воспламенились сердца обывателей по случаю приезда нового начальника, но прием его значительно расхолодил их.

— Что ж это такое! — фыркнул и затылок показал! Нешто мы затылков не видали! А ты по душе с нами поговори! Ты лаской-то, лаской-то пронимай! Ты пригрозить-то пригрозил, а потом и помилуй! — так говорили глуповцы и со слезами припоминали, какие бывали у них прежде начальники, все приветливые, да добрые, да красавчики — и все-то в мундирах!

Пример положительной оценки градоначальника:

- В первый раз свободно вздохнули глуповцы и поняли, что жить «без утеснения» не в пример лучше, чем жить «с утеснением»:

— Нужды нет, что он парадов не делает да с полками на нас не ходит, — говорили они, — зато мы при нем, батюшке, свет узрили! Теперича, вышел ты за ворота: хошь — на месте сиди; хошь — куда хошь иди! А прежде сколько одних порядков было — и не приведи бог!

Таким образом, обобщенный лик власти в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина предстает как некая однородная субстанция, негативно настроенная по отношению к простым людям:

- Когда он (Бородавкин) взглянул на скрижали, то так и ахнул. Вереницею прошли перед ним: и Клементий, и Великанов, и Ламврокаис, и Баклан, и маркиз де Санлот, и Фердыщенко... Вот вышла из мрака одна

тень, хлопнула: раз-раз! — и исчезла неведомо куда; смотришь, на место ее выступает другая тень. И тоже хлопает как попало, и исчезает... «Раззорю!», «Не потерплю!» — слышится со всех сторон, а что раззорю, чего не потреплю — того разобрать невозможно. Рад бы посторониться, прижаться к углу, но ни посторониться, ни прижаться нельзя, потому что из всякого угла раздается все то же «раззорю!», которое гонит укрывающегося в другой угол и там в свою очередь опять наступает его. Это была какая-то дикая энергия, лишенная всякого содержания...

В плане текстообразования лик власти складывается из совокупности точек зрения на фигуры градоначальников и разнообразных портретных характеристик. В свою очередь, сатирическое изображение представителей власти достигается такими средствами, как фантастичность, абсурдность, гиперболитичность, саркастичность, гротескность, аллегоричность образов, пародийность, повышенная степень негативной оценочности.

ПОРТРЕТЫ ЧИНОВНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Обратимся к юмористическому представлению фигуры губернатора Вологодской области в публикации В. Ворсобина «Найден рецепт народного счастья на Руси: Водку убрать, олигархов прижать, Сталина вернуть» (КП 20.01.2025. <http://dzen.ru/a/Z43Lmf1ZNQzJlmxC>). В этой публикации фигура губернатора, как и фигуры градоначальников у М. Е. Салтыкова-Щедрина, представлена с разных точек зрения (автора — журналиста, жителей Вологодчины, местных чиновников и СМИ, а также посредством самохарактеристики). Как следствие, публикация имеет полифонический характер [Бахтин 1963], однако комический эффект создается не столько наложением и пересечением точек зрения, сколько спецификой текстовой ткани публикации.

В качестве основы для анализа текстовой ткани мы взяли три основных признака юмористического дискурса, выделенные В. И. Карасиком: «Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, т. е. стремление сохранить дистанцию; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [Карасик 2002: 252].

Коммуникативное намерение уйти от серьезного разговора заложено уже в заголовочном комплексе публикации о вологодском губернаторе Г. Ю. Филимонове. Подобный заголовочный комплекс представляет собой своеобразное «речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения» [Карасик 2014: 251]:

ЗАГЛОВОК: *Найден рецепт народного счастья на Руси: Водку убрать, олигархов прижать, Сталина вернуть.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГЛОВОК:

Молодой. Перспективный. Во френче

От викингов до Берии

Суровый чемпион

Мечта о трезвости

В безумном темпе

Пятилетки искренности

Лучше варяги, чем пустые клетки

Про памятник вождю

«Опрокидывание устоявшихся стереотипов» поддерживается авторским комментарием-характеристикой: *Ведь все, что связано с главой Вологодчины, почти невероятно, почти невозможно и почти восхитительно. Самый экстравагантный губернатор на Руси, решивший править губернией — не как все. А экспериментально. Эффективно. По-новому.*

Юмористическая тональность общения создается целым комплексом речевых средств. Об этих средствах неоднократно писали исследователи языка литературы и публицистики, ср., например, мнение о синтаксическом потенциале юмористических высказываний: «Юмористическое впечатление создается таким расположением слов и фраз в структуре текста, когда возникает своеобразный разрыв между художественной речью и содержанием информации, т. е. пафосно-важное и даже возвеличенно-приподнятое повествование не соответствует тому, что изображается, — прозаизму, пошлости, мелочности жизненных ситуаций» [Язык Н. В. Гоголя: 145]. Обратимся к репертуару речевых средств разных уровней языковой системы, использованных в публикации В. Ворсобина для создания юмористического эффекта.

• Разговорная лексика, в том числе — разговорные наименования лица:

- *Последний из «северстальских» губернаторов;*
- *«Телега» вологодского губернатора била пулеметом с раннего утра до глубокой ночи...*
- *Наша задача — убрать наливайки с первых этажей.*

• Намеренное нарушение лексической сочетаемости:

- Губернатор **грамотно опаздывал**;
- А ночью мне из его **пулемета-канала** прилетает песня;
- Очнулся **от зловещей тишины**;
- Странная, **стерильная тишина**.
- Вторжение атрибуции в чужое смысловое поле, подведение признака под гетерогенное понятие:
 - **Барабанно-вдохновляющая** инаугурация;
 - **Идейно безупречный кабинет** Филимонова;
 - И, говорят горожане, что **трогательный губернатор** тайком носит туда цветы.
- Парадоксальные высказывания:
 - Но для Белых это кончилось разочарованием. **Либерал-губернатор расслабился, плюнул в народ и сел в тюрьму**;
 - Планы экономического развития области тут пишут столпы российского консерватизма — Сергей Глазьев и Михаил Хазин (они нашли очень **свежее решение** — а если, мол, планировать народное хозяйство «пятилетками»?!)
- Метафоры:
 - И профессор Филимонов в Вологде **«раскрылся»**. **Засверкала скромная область** на новостных лентах. Причем так, что даже **Москва немного опешила**;
 - (Никита Белых) в Кировской области так же **«окунулся» в народ**, пытаясь войти к нему в доверие;
 - С первых дней гигантская «Северсталь» и смелый губернатор **кружат в боевом танце шпилек и уколов**.
- Сравнения, в том числе парадоксальные:
 - Аудитория варилась в собственном соку, **томилась, как рождественский гусь в духовке**;
 - Впечатление, что любая починенная в области труба, покрашенный подъезд или лавочка — это **гарантированный удар по твоему мобильнику**;
 - Это до боли напоминало первые годы другого губернатора-экспериментатора — Никиты Белых, который в Кировской области **так же «окунулся» в народ**, пытаясь войти к нему в доверие...
 - Свой кабинет Филимонов превратил то ли в капище, то ли в святилище Консерватизма. Здесь залетный либерал обязан **скорежиться**
 - и испепелиться, как вампир на солнце**;
 - В приемной губернатора, **похожей на комнату настоящего пацана...** и находится место силы Русского Мира;
 - Увольнения **напоминают то ли коверную бомбардировку, то ли зачистку врагов народа**.
- Метаоператоры:
 - Именно поэтому зал, где я впервые увидел Филимонова, нервно ожидал — откуда он, **прости Господи**, появится.
- Интенсификаторы:
 - **Метеором облетев** всю необъятную область, побывав чуть ли не в каждой деревне, новый губер завел телеграм-канал, и сам (**сам!**) принялся общаться с народом. Причем **с такой яростью**, что, подписавшись на Филимонова, я быстро пожалел;
 - С одной стороны — это давало возможность обратиться к главе с вопросом или жалобой, с другой — **черт побери, сто сообщений в день?!**
- Ай-стопперы (написания с заглавной буквы для привлечения внимания читателя):
 - Тут я, наконец, почувствовал Дух Новой Вологодской власти;
 - ...открытый философский Космос Огненного Проханова.
- Парцелляция:
 - Там (в приемной) уже сидел его сменщик. **Молодой. Перспективный. Филимонов**;
 - А вот в Вологде интересно. Тут обратный эксперимент. **С ультраконсерватором. В духе нашего шоу-времени**;
 - И вот, наконец, губернатор перед нами. **Во френче**.
- Несобственно-прямая речь (в приведенном контексте в сочетании с просторечным словом «шибко» и отсылкой к мему «Денег нет, но вы держитесь», а также к устойчивому выражению: «Суров, но справедлив»):
 - Сосед успокаивает, **мол**, губернатор строгий, но отходчивый. Чуть ли не каждое, **дескать**, выступление он так гневается. **Суров**. Следит внимательно — чтоб все слушали. **Шибко** дисциплину любит. Вот только на совещаниях выступает **шибко** долго. Может и час, и два... **Но мы ничего — держимся!**
- Короткие предложения, разговорные конструкции:
 - Ты подсказываешь. Ты заинтригован. **Где! Ну где же?!**

Наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной культуре

Смеховое поведение, принятое в русской национальной культуре, репрезентировано в данной публикации: а) разнородными прецедентными феноменами, соотносимыми с русской историей и фольклором; б) апелляциями к местной (вологодской) специфике; в) фондом устойчивых оборотов, закрепившихся в русском языке, ср.:

- Прецедентные феномены (антропонимы):
 - *Портреты Берии, Дзержинского, статуя Ивана Грозного, картина «Сталин пожимает Филимонову руку». Причем на картине губернатор в сталинском френче (в нем он ходит на работу) и смотрит на вождя для 21 века смело. С обожанием.*
- Апелляции к местной специфике:
 - *Местные остряки называли областную власть — филиалом заводского управления. Иногда казалось, что «Северсталь» и есть Вологодская область;*
 - *Выходцы из Череповца — славились не только хозяйственной основательностью, но и купеческой скупостью;*
 - *В ответ в «северстальских» телеграм-каналах — насмешки. Мол, при новой власти в области — одно шоу, а меж тем казна пуста, министры разбегаются.*

• Фразеологический фонд (устойчивые единицы используются в готовом и трансформированном виде): *пришли новые времена, отеческая жалость (к губернатору), до боли напоминало, пытаться войти (к народу) в доверие, наладить с ним блогерскую связь, до чего потомков довели, ястребом смотрит в мой неприметный уголок, грозно обводит взглядом зал, на святое замахнулись, толпой повалили в приемную губернатора, поглазеть на диво-дивное.*

Таким образом, юмористический эффект достигается не только многоголосием текстовой ткани публикации, но и самой ее спецификой, предполагающей перманентную реализацию трех основных признаков юмористического дискурса. Фигура губернатора как бы растворяется в ситуации смехового общения, дается на общем смеховом фоне, который образуют журналисты, зрители, пришедшие на инаугурацию, жители Вологодчины, другой «губернатор-экспериментатор» Никита Белых, телеграм-каналы и др. Осмеяние не связано с общей негативной оценкой губернатора — ему подвергаются лишь отдельные смешные, с точки зрения

автора текста, черты. Автор-журналист не испытывает негодования, он скорее подшучивает над представителем власти, ср., например: *«Во время недавней инаугурации, например, — обычно формальной, нафталинно-торжественной, губернатор выпрыгнул из фойе. И под песню «Алисы» «Небо славян» прошел сквозь зрителей, молотя кулаками мускулистую грудь. Так красиво выходят на ринг боксеры и американские политики (Смотрю биографию и точно — Филимонов боец. Хоть немного и артист).*

Ограниченный объем статьи не позволяет нам обратиться к феномену иронии, используемой для реконструкции ликов власти в литературе и публицистике. Однако можно утверждать, что ирония как в литературе, так и в современной публицистике выполняет одну главную цель — «не вызвать смех, а вызвать отношение к объекту иронии, в то время как у шуток именно смех и является целью» [Ермакова <http://>]. «Именно насмешка является отличительной функцией иронии, хотя, конечно, не каждая насмешка содержится в себе иронию и не любая ирония представляет собой насмешку» [Ляпун 2009: 117]. Как следствие, иронические высказывания имеют очень высокую степень негативной оценочности. Кроме того, специфика текстовой репрезентацией иронии в современной публицистике заключается в полисемиотичности последней — ирония репрезентирована не только в вербальном ряде сообщений, но и в визуальном: в фотографиях, вставках (врезках), графическом оформлении материала. В качестве иллюстрации можно привести подписи к фотографиям в креолизованной, многокомпонентной подборке об А. Чубайсе под общим заголовком «Во всем виноват Чубайс» («Экспресс газета», № 23 (1320), 08.06.2020), которую можно считать комплексным портретом чиновника. Следует отметить, что иронический портрет чиновника, как и в предыдущих случаях, полифоничен, так как дается с разных точек зрения: самого А. Чубайса, автора-журналиста, а также анонимных субъектов — авторов прозвищ. Приведем примеры взаимодействия вербального и визуального рядов в данной публикации.

1. Номинации и самоназвания политика (врезки и подписи к центральной фотографии А. Чубайса, имеющие негативно-оценочную направленность):

- *Я просто **антинародный**. Абсолютно. Это у меня с детства. И уже ничего с этим не поделать. Анатолий Чубайс* (интенция — создание контекста самодискредитации).

2. Прозвища Анатолия Борисовича: **Антошка, Ваучер, Ваучеризатор, Дезинтегратор СНГ, Железный Дровосек, Завлаб, Ржавый Толик, Рыжий Черт, Чубаучер** (интенция — создание смехового эффекта).

3. Заголовки к графически оформленным информационным сообщениям, входящим в подборку (интенция — актуализация негативно-оценочного значения):

- *От широты душевной/За сколько приватизированы гиганты советской индустрии;*
- *Бесславные вехи;*
- *Преступление века/Схема залоговых аукционов.*

4. Подписи к фотографиям (интенция, аналогичная предыдущей):

- *Ваучерная авантюра разорила большинство россиян;*
- *Правление Чубайса и его сторонников привело к чудовищной маргинализации России;*
- *Последствия страшной аварии на Саяно-Шушенской ГЭС.*

Таким образом, литературное и публицистическое воспроизведение образа представителя власти может иметь формы шуток, насмешки, гнева, возмущения, негодования. В свою очередь, текстовое представление однотипного содержания имеет, на наш взгляд, известное сходство и определенное разнообразие, в зависимости от дискурсивной принадлежности текста. К сходным чертам представления ликов власти можно отнести прежде всего полифоничность текстов: комическое подается с разных точек зрения, «озвучивается» разными голосами. К различиям относятся употребление широкого спектра литературных приемов в художественном тексте, а в публицистике — широкое обыгрывание фигуры чиновника в национальных ситуациях смехового общения. Кроме того, созданию комического эффекта в публицистике в большей степени, чем в литературе, способствует возросшая степень дискретности публицистического текста и визуальные возможности заголовочного комплекса, позволяющие интенсифицировать оценочный потенциал вербального ряда сообщения.

СЛОВАРИ

1. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — 509 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. — 800 с. — Текст : непосредственный.
2. Ворошилова, М. Б. Пятая ветвь власти: функции политического юмора / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный

венный // Образование и наука : материалы 4-й рег. науч.-практ. конференции (Новоуральск, апр. 2010) / УрГПУ. — Новоуральск : [б. и.], 2010. — С. 113–116.

3. Горячева, М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина / М. С. Горячева. — Москва : Просвещение, 1976. — 239 с. — Текст : непосредственный.

4. Ермакова, О. П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. — URL: http://modernlib.ru/books/olqa_pavlovna_ermakova. — Текст : электронный.

5. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М. Р. Желтухина. — Москва : Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. — 264 с. — Текст : непосредственный.

6. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — Москва : Дело, 1998. — 480 с. — Текст : непосредственный.

7. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2014. — 450 с. — Текст : непосредственный.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

9. Кожин, А. Н. Язык Н. В. Гоголя : учеб. пособие / А. Н. Кожин, Э. А. Веденяпина, Н. А. Кожевникова. — Москва : Высшая школа, 1991. — 176 с. — Текст : непосредственный.

10. Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX — начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. — 2009. — № 1. — С. 115–120.

11. Макашин, С. Салтыков-Щедрин / С. Макашин. — Москва : Гослитиздат, 1949. — 512 с. — Текст : непосредственный.

12. Плоткин, Л. А. О путях развития русской сатиры: вступительная статья / Л. А. Плоткин. — Текст : непосредственный // Русская сатира XIX — начала XX века. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художествен. литературы, 1960. — С. 31–32.

13. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 360 с. — Текст : непосредственный.

14. Цуладзе, А. Политические манипуляции, или Покорение толпы / А. Цуладзе. — Москва : Книжный дом «Университет», 1999. — С. 86–87. — Текст : непосредственный.

15. Шилихина, К. В. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. — 304 с. — Текст : непосредственный.

DICTIONARIES

1. Timofeev, L.I. & Turaev, S.V. (Eds-comp.) (1974). *Dictionary of literary terms*. Moscow: Entlightenment, 509 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (2002). *Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960–1970 gg.* [Problems of Dostoevsky's poetics. Works of 1960–1970]. Moscow: Russian dictionary, Languages of Slavic cultures, 800 p. (In Russ.)
2. Voroshilova, M.B. (2010). Pyataya vet' vlasti: funktsii politicheskogo yumora [The fifth branch of government: the functions of Political Humor]. In *Science and Education: materials of the 4th reg. scientific-practical conferences* (Novouralsk, April 2010, pp. 113–116). Novouralsk: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
3. Goryacheva, M.I. (1976). *Satira Saltykova-Shchedrina* [Satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 239 p. (In Russ.)
4. Ermakova, O.P. (n.d.). *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and the role in the life of language]. Retrieved from http://modernlib.ru/books/olqa_pavlovna_ermakova (In Russ.)
5. Zheltukhina, M.P. (2000). *Comicheskoe v politicheskoy diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki* [The Comic in Political Discourse of the Late Twentieth Century. Russian and German Politicians]. Moscow, Volgograd: Publishing house of the VF MUPK, 264 p. (In Russ.)
6. Zaretskyan, E. (1998). *Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: theory and practice of speech communication]. Moscow: Delo, 480 p. (In Russ.)

7. Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestations of personality]. Volgograd: Paradigma Publ., 450 p. (In Russ.)
8. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The linguistic circle: personality, concepts, discourse] [Monograph]. Volgograd: Changes, 477 p. (In Russ.)
9. Kozhin, A.N., Vedenyapina, E.A., & Kozhevnikova, N.A. (1991). *Yazyk N. V. Gogolya* [The Language of N. V. Gogol] [Study manual]. Moscow: Higher School, 176 p. (In Russ.)
10. Lyapun, S.V. (2009). Ironiya v gazetnoy publitsistike kontsa XX — nachala XXI vekov: stilisticheskiy priem i stilevaya tendentsiya [Irony in newspaper journalism of the late twentieth and early twentieth centuries: stylistic technique and stylistic trend]. *Proc. of Adygeisk State University, Ser. 2. Philology and Art History, 1*, 115–120. (In Russ.)
11. Makashin, S. (1949). *Saltykov-Shchedrin*. Moscow: Goslitizdat, 512 p. (In Russ.)
12. Plotkin, L.A. (1960). O putyakh razvitiya russkoy satiry [On the paths of development of Russian satire] [Introductory article]. In *Satire of the nineteenth century — twentieth century* (pp. 31–32). Moscow, Leningrad: State Publishing House of Art. lit. (In Russ.)
13. Uspensky, B.A. (1995). *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow: School “Culture of the Russian language”, 360 p. (In Russ.)
14. Tsuladze, A. (1999). *Politicheskie manipulyatsii, ili Pokorenie toly* [Political manipulation, or the Conquest of the Crowd] (pp. 86–87). Moscow: University Book House. (In Russ.)
15. Shilikhina, K.V. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noy ironii* [Verbal Semantics of irony and pragmatics]. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 304 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.111'42+811.111'37
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГРНТИ 16.41.21

Код ВАК 5.9.8

Саодат Махмадкуловна Тиллоева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, saodat9@mail.ru, SPIN-код: 3327-2440, <https://orcid.org/0000-0002-8511-7894>

Язык вражды в современных англоязычных СМИ: лингвистический аспект

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования является «язык вражды» в англоязычных СМИ. Предмет исследования — языковые средства выражения «языка вражды». Цель данной статьи — выявить комплекс лингвистических факторов, определяющих специфику функционирования «языка вражды» в современных американских СМИ. Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, активным развитием проблемы использования языка вражды во всех сферах жизни современного человека, с другой — вниманием, которое приковано к данному явлению со стороны не только представителей государств, но и таких международных организаций, как Совет Европы, Организация Объединенных Наций (ООН) и т. д. Представители организаций, занимающихся защитой прав человека, открыто выражают беспокойство распространением языка ненависти в сети Интернет, объясняя это серьезностью возможных последствий подобной агрессии для реальной жизни.

Теоретико-методологической базой исследования явились научные работы отечественных и зарубежных авторов в таких областях, как юридическая лингвистика, стилистика, методология лингвистического анализа, лингвистическая семантика, когнитивная лингвистика, теория диалога. Исследование потребовало использования таких методов, как дискурсивно-контекстуальный анализ, методы корпусной лингвистики: автоматизированное извлечение информации, методы обработки естественного языка, а также методы интен-т-, контент- и дискурс-анализа.

Исследование показало, что объективный анализ «языка вражды» в СМИ требует полипарадигмального подхода с учетом прагмалингвистических, лингвокогнитивных, структурно-семантических и лингвостилистических факторов в их экстралингвистической обусловленности. Результаты исследования могут быть использованы на различных лингвистических, лексикологических и семасиологических семинарах, при чтении курсов «Современная лексикология», «История языка», написании работ, где разрабатываются теоретические, методологические вопросы лексикологии, лексикографии, «Теории и практики массовой информации», «Стилистики современных СМИ».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, англоязычные СМИ, английский язык, язык вражды, политический дискурс, эмотивность, смысловая нагрузка, речевая агрессия, аутгруппа.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тиллоева Саодат Махмадкуловна, доктор филологических наук, профессор кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: saodat9@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тиллоева, С. М. Язык вражды в современных англоязычных СМИ: лингвистический аспект / С. М. Тиллоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 117-125.

Saodat M. Tilloeva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, saodat9@mail.ru, SPIN code: 3327-2440, <https://orcid.org/0000-0002-8511-7894>

The Language of Hostility in Modern English-Language Media: A Linguistic Aspect

ABSTRACT. The article deals with the language of hostility in modern English-language media. The object of the study covers the linguistic means of expressing the language of hostility. The aim of this article is to discover the complex of linguistic factors that determine the specificity of functioning of the language of hostility in modern American media. The urgency of this study is due, on the one hand, to the active development of the problem of the use of language of hostility in all spheres of modern human life. On the other hand, its urgency is confirmed by the attention paid to it by not only representatives of different countries but also international organizations such as the Council of Europe, the United Nations (UN), etc. Representatives of the organizations engaged in the protection of human rights openly express concern about the spread of the language of hostility on the Internet, explaining this by the seriousness of the possible consequences of such aggression for real life.

The theoretical and methodological basis of the research is made up of the scientific works of domestic and foreign authors in the following areas: legal linguistics, stylistics, methodology of linguistic analysis, linguistic semantics, cognitive linguistics, and theory of dialogue. The following research methods were used in the article: discursive contextual analysis, corpus linguistics methods: automated information extraction, natural language processing methods, and methods of intent, content and discourse analysis.

The study showed that an objective analysis of the media language of hostility requires a multi-paradigm approach, tak-

ing into account pragmalinguistic, linguocognitive, structural-semantic and linguostylistic factors in their extralinguistic conditionality. The results of the research can be used at various linguistic, lexicological and semasiological seminars, when reading courses of modern lexicology and history of language, writing qualification papers, where theoretical and methodological issues of lexicology, lexicography, theory and practice of mass media, and stylistics of modern media are developed.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, English-language media, English language, language of hostility, political discourse, emotivity, semantic load, verbal aggression, out-group.

AUTHOR'S INFORMATION: Tilloeva Saodat Makhmadkulovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Professionally Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Tilloeva S. M. (2025). The Language of Hostility in Modern English-Language Media: A Linguistic Aspect. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 117-125. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Язык вражды не всегда выражен имплицитно, что затрудняет не только его анализ, но и его ограничение и регулирование. В связи с этим перед проведением анализа единиц языка вражды с точки зрения выбранных лингвистических аспектов необходимо прежде всего определить, в каких формах выражения сведений он встречается.

Исследователи отмечают, что проведенный лингвистический анализ речевой агрессии в текстах, размещенных в средствах массовой информации, демонстрирует ее использование в четырех основных формах выражения сведений [Комалова 2015: 25–26]. Соответственно, язык вражды, являясь одним из видов речевой агрессии, может проявляться в тех же четырех основных формах высказываний:

1) в открытой вербальной форме: информация представлена «в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний, причем новая информация чаще всего дана в предикативной части высказывания (является предикатом, логическим сказуемым)»;

2) в скрытой вербальной форме: информация выражена словесно, но при этом не бросается в глаза. Она будто бы спрятана, так как подается как что-то уже известное «в группе подлежащего в виде так называемой латентной предикации»;

3) в пресуппозитивной, или затекстовой, форме: сведения о каких-то аспектах события в тексте не выражены напрямую и подразумевается, что и адресант, и адресат высказывания уже их знают;

4) в подтекстовой форме: информация не содержится в самом тексте, но при этом легко из него извлекается адресатом. Например, факту не дается прямая оценка, но при этом он подан в таком контексте, что оценка логично из него выводится. Другим приемом может служить риторический вопрос, который на самом деле представляет собой скрытое утверждение (например, вопрос «Интересно, это совпадение случайно или нет?», в котором содержится скрытое

утверждение «Ну конечно, это совпадение не случайно — иначе бы вопрос не задавался!»). Наконец, если в высказывании идет речь о каком-либо известном персонаже, то его биография, как правило, не сообщается, так как и адресант, и почти любой потенциальный адресат знает, кто это такой [Леонтьев 2008: 78–79].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование актуализации языка вражды в данных формах проводится с использованием отобранных материалов на тему межнациональных отношений из англоязычных СМИ, при этом во всех примерах сохранены оригинальная орфография и пунктуация авторов (см. Приложение).

Иллюстрацией открытой формы языка вражды могут послужить следующие высказывания, опубликованные на YouTube под видео о мусульманах в США:

*We need to **purge** our nation of these people* (см. рис. 1). — *Мы должны очистить свой народ от этих людей.*

В данном случае единица языка вражды содержится в предикативной части высказывания, а именно в инфинитиве составного глагольного сказуемого *purge* «очистить, вычистить», поэтому иллюкутивное намерение адресанта легко обнаруживается и заключается в призыве к применению силы и к «выдворению» из страны мусульман.

*Yes, **DESTROY THEM ALL!!!*** (см. рис. 1). — *Да, УНИЧТОЖЬТЕ ИХ ВСЕХ!!!*

В данном комментарии иллюкутивное намерение выражается не только предикатом *destroy* «уничтожить», стоящим в форме императива, но также подчеркивается при помощи пунктуации и графических средств, которые тоже выражают эмотивность.

Комментарий под статьей американской газеты «Вашингтон пост» о том, что в новых индийских учебниках нет информации о мусульманской истории страны:

Hindus are racist hypocrites [Kaur 2023]. — *Индусты — лицемеры-расисты.*

В контексте данного комментария язык вражды выражен немотивированным упоминанием

нением религиозной принадлежности группы людей при помощи литературного слова *Hindus* «индуисты», являющегося подлежащим. Использование форм множественного числа в сочетании с литературными словами *hypocrites* «лицемеры» в составе именного сказуемого и *racist* «расистские» в группе сказуемого приводит к обобщению, в результате чего иллокутивное намерение выглядит следующим образом: «Все индуисты — лицемеры-расисты».

Скрытая вербальная форма языка вражды содержится в статье новостного издания «The Sun», посвященной тому, как мигранты-преступники из Албании пытаются остаться в Великобритании, используя законы о правах человека:

Sexual predators, violent thugs and drug dealers are all gaming the system to frustrate our legal system booting them out [Ferguson 2023]. — *Сексуальные маньяки, жестокие бандиты и наркоторговцы — все они пытаются переиграть систему, чтобы не дать нашей правовой системе выпроводить их из страны.*

В данном случае язык вражды скрыт в группе подлежащего. Так как в тексте статьи лексические единицы *Albanian criminals* «албанские преступники», *Albanian convicts* «албанские заключенные», *Albanian migrants* «албанские мигранты» и *Albanians* «албанцы» используются как взаимозаменяемые, то литературные слова *sexual predators* «сексуальные маньяки», *violent thugs* «жестокие бандиты» и *drug dealers* «наркоторговцы», обозначающие разные виды преступников, используются для создания негативной характеристики всей группы в целом. В сущности, в данном предложении содержится два совмещенных утверждения, составляющих иллокутивное намерение адресанта: что албанские мигранты — это сексуальные маньяки, жестокие бандиты и наркоторговцы, а также что они пытаются незаконно остаться в стране.

Скрытая вербальная форма языка вражды может быть также проиллюстрирована данным фрагментом комментария, размещенного пользователем в социальных сетях:

Have you noticed that almost every black person in America is unemployed and broke and are into selling drugs and other crime activities (см. рис. 2). — *Замечали ли вы, что почти все чернокожие люди в Америке безработные, без гроша в кармане и занимаются продажей наркотиков и другой преступной деятельностью.*

В данной фразе информация о цвете кожи субъекта высказывания содержится в группе подлежащего придаточного пред-

ложения, при этом отсутствуют единицы прямой номинации типа *the black* «чернокожие» или *Afro-Americans* «афроамериканцы». При этом основную смысловую нагрузку на себе несет словосочетание *almost every* «почти каждый, почти все», которое является проявлением эффекта «однородности чужой группы» и приводит к тому, что адресант и адресат высказывания воспринимают членов аутгрупп (в данном случае людей с черным цветом кожи) как более похожих друг на друга. Более того, к скрытой форме воздействия в данном примере можно отнести использование вопросительного порядка слов, так как адресант как бы не выражает свою неприязнь напрямую, а делает это через риторический вопрос.

Отрывок из статьи «Fox News» также иллюстрирует скрытую вербальную форму языка вражды:

...many of the Venezuelan migrants were convicts and included hardened criminals [Shaw 2022]. — *...многие из венесуэльских мигрантов были осужденными, в том числе закоренелыми преступниками.*

В данном случае информация о национальной принадлежности мигрантов-преступников содержится в группе подлежащего, единицы прямой номинации типа *Venezuelans* «венесуэльцы» отсутствуют. Словосочетание *many of* «многие из» опять же приводит к возникновению эффекта «однородности чужой группы», в результате чего иллокутивное намерение адресанта можно выразить примерно следующим образом: «Венесуэльские мигранты — преступники, их нужно остерегаться».

Отрывок из цитаты, приведенной в статье газеты «Daily Mail» о нелегальных мигрантах:

These Albanian criminals are back where they belong — in their home country [Barrett 2022]. — *Эти албанские преступники вернулись туда, где им самое место, — на родину.*

В данном предложении информация о национальности преступников преподносится без единицы прямой номинации *Albanians* «албанцы», однако содержится в группе подлежащего. Более того, язык вражды в данном случае выражается и немотивированным упоминанием национальности, которая не имеет самостоятельного значения в рамках подготовленной информации, а потому, согласно этическим нормам, его стоит избегать.

Пресуппозитивная, или затекстовая, форма иллюстрируется следующим комментарием из социальной сети:

... ebola needs to work its magic to start

killing faster than the birth rate in Africa (см. рис. 3). — ... «Эбола» должна сотворить чудо и начать убивать быстрее, чем новые дети рождаются в Африке.

В данном примере успешность выявления намерения адресанта текста во многом зависит от объема фоновых знаний. Несмотря на наличие в предикативной части высказывания глагола *killing* «убивать», невозможно понять, что именно подразумевается под данным речевым актом, если не знать о том, что лихорадка Эбола является острой и крайне опасной вирусной болезнью с высокой летальностью и что ее вспышки происходят в основном в странах Африканского континента. В данном случае предполагается, что все партнеры по общению уже знают, что такое Эбола.

Также иллюстрацией затекстовой формы является другой комментарий в соцсети, оставленный адресантом в ответ на пост другого пользователя о том, что одна из его сестер покончила жизнь самоубийством:

Hope she was a Democrat (см. рис. 4). — Надеюсь, она была демократом.

В данном случае информация о смерти не выражена в тексте напрямую, но подразумевается благодаря использованию грамматической формы прошедшего времени глагола *to be* «быть».

Подтекстовую форму языка вражды можно проиллюстрировать следующим комментарием в социальной сети под постом с обсуждением туризма и европейских городов:

I was in Rome few days ago and I tell you. This is the last call to visit those beautiful european Cities because it's starting to look like pakistan or africa (см. рис. 5). — Я был в Риме несколько дней назад и говорю вам. Это последний шанс посетить эти прекрасные европейские города, потому что они начинают походиться на Пакистан или Африку.

Rome is starting to look like Paris... (см. рис. 5). — Рим становится похож на Париж...

В данных примерах единицы языка вражды не содержатся в тексте высказываний напрямую, а лишь подразумеваются адресантом. Язык вражды, направленный в адрес мусульман и темнокожих людей, появляется в результате упоминания Пакистана, большая часть населения которой исповедует ислам, и континента (Африканского), на котором проживает большинство темнокожих людей, а также упоминанием Парижа, многие жители которого имеют африканское или арабское происхождение. Вербально смысл данных высказываний можно представить примерно следующим образом: «Темнокожие люди и мусульмане заполони-

ли европейские города и вскоре уничтожат их культуру».

Еще одной иллюстрацией подтекстовой формы является комментарий под уже упомянутой статьей издания «Вашингтон пост» о том, что в новых индийских учебниках нет информации о мусульманской истории страны:

Do Muslims burn widows on the funeral pyres of their dead husbands? [Kaur 2023]. — Сжигают ли мусульмане вдов на погребальных кострах вместе с их умершими мужьями?

Язык вражды, направленный в адрес индуистов, проявляется в данном комментарии даже несмотря на то, что в тексте отсутствует упоминание представителей данной религии. Он реализуется за счет содержащейся в самой статье, под которой оставлен комментарий, фоновой информации, благодаря чему читатель понимает, что речь идет об Индии и что индуизм и ислам являются двумя самыми распространенными в стране религиями. Более того, в комментарии содержится упоминание похоронного обряда сати, являющегося традиционным для индуизма, в соответствии с которым вдова подлежит сожжению вместе с покойным супругом. Подтекстовый смысл высказывания можно передать следующим образом: «Индуисты сжигают женщин, поэтому они хуже мусульман».

Отрывок из статьи американского журнала «National Review» на тему нехватки рабочей силы и ее связи со снижением иммиграции в США также представляет собой пример подтекстовой формы языка вражды:

After all, why worry about people on the economic sidelines when we can hire eager immigrants instead? [Camarota 2023]. — В конце концов, зачем беспокоиться о находящихся на задворках экономики людях, если вместо них мы можем нанять рьяных иммигрантов?

В данном случае язык вражды по отношению к мигрантам содержится в заданном читателю риторическом вопросе, смысл которого заключается в том, что иммигранты отнимают у коренного населения рабочие места. Соответственно, автор статьи намеренно вводит дихотомию «мы — они» и настраивает читателей против иммигрантов.

ВЫВОДЫ

Язык вражды в англоязычных СМИ проявляется во всех четырех формах выражения сведений: в открытой вербальной, скрытой вербальной, пресуппозитивной и подтекстовой. При этом последние три формы являются завуалированными. Язык вражды также может актуализироваться с использо-

ванием как литературных, так и нелитературных выражений.

Нелитературные выражения языка вражды используются в открытой вербальной форме, из-за чего содержащие их высказывания быстро удаляются из общественного доступа. Образуются нелитературные выражения языка вражды в основном при помощи языковых средств нижних уровней: фонетических (подражание произношению слов в иностранном языке, ошибочное произношение слов, использование варваризмов), морфологических (аффиксация, сокращение, слияние, словосложение), лексических (заимствования, переход имени собственного в имя нарицательное, метонимический перенос). Кроме того, эффект от нелитературных высказываний, содержащих язык вражды, может усиливаться за счет синтаксических средств.

Литературные выражения языка вражды в открытой и завуалированной формах создаются при помощи средств более высоких уровней: лексического и синтаксического.

Язык вражды встречается в СМИ в материалах, относящихся к газетно-публицистическому стилю, а также в рамках особого жанра интернет-комментария. Анализ лингвостилистических особенностей текстов, содержащих язык вражды, показал, что их стилистика кардинально различается в зависимости от жанра.

Для газетно-публицистических материалов характерно использование литератур-

ных выражений, логическое построение текста, сложность и разнообразие структур синтаксиса, наличие различных видов сочинительной и подчинительной связи, полносоставность предложений и отсутствие эллипсиса, высокая степень когезии текста. Более того, в таких текстах соблюдаются общепринятые нормы орфографии и пунктуации. Экспрессивность в газетно-публицистических текстах, как правило, выражается посредством употребления эпитетов, фразеологических оборотов и разговорной лексики, а язык вражды может порождаться благодаря выбору лексических единиц, в завуалированной форме несущих пренебрежительный или оскорбительный оттенок, или синтаксических средств (например, риторических вопросов).

Интернет-комментарии, напротив, зачастую создаются без учета общепринятых орфографических, грамматических и пунктуационных норм языка. Для них характерно использование стилистически сниженной лексики, обладающей негативными коннотациями, а также пейоративной лексики (в том числе этнофолизмов). Содержащие язык вражды комментарии отличаются повышенной экспрессивностью, которая может выражаться при помощи графических средств; повелительного наклонения; модальных глаголов; глаголов, семантика которых связана с уничтожением или причинением вреда; особых аббревиатур, употребляющихся в конце комментариев.

ПРИЛОЖЕНИЕ (справочное)

Оригиналы интернет-комментариев, использованных в работе

Рис. 1. Комментарии под видео на YouTube, скриншот из группы r/insanepeoplefacebook в социальной сети Reddit

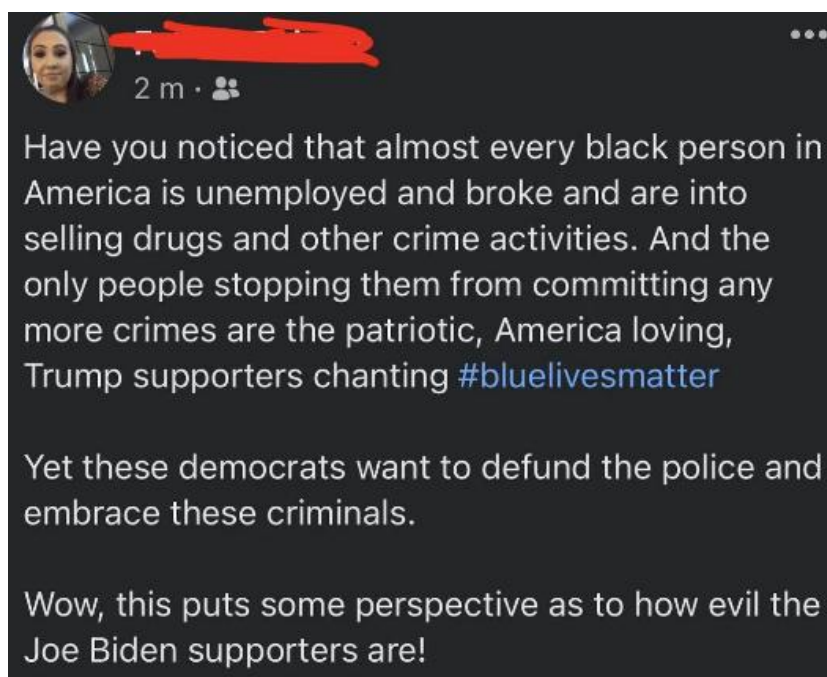

Рис. 2. Пост в социальной сети, скриншот из группы r/insanepoplefacebook в социальной сети Reddit

Travis 3 years ago

I'm all for a race war against blacks in America to put an end to this. Also, ebola needs to work it's magic to start killing faster than the birth rate in Africa.

The war on white is a war on humanity

REPLY 9 👍 👎

Рис. 3. Комментарий под видео на YouTube, скриншот из группы r/insanepoplefacebook в социальной сети Reddit

Рис. 4. Комментарии в социальной сети Twitter, скриншот из группы r/insanepoplefacebook в социальной сети Reddit

Рис. 5. Комментарии под видео на YouTube, скриншот из группы *r/insanepoplefacebook* в социальной сети Reddit

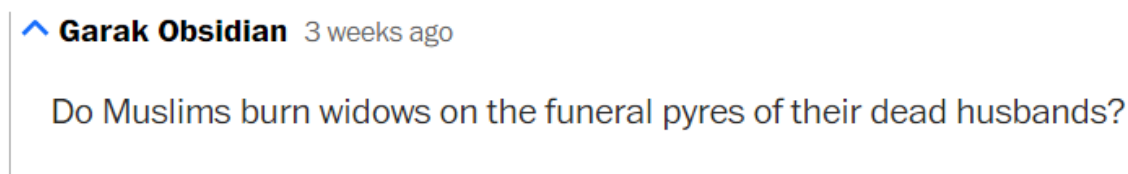

Рис. 6. Комментарий под статьей «New Indian textbooks purged of nation's Muslim history» от газеты The Washington Post

"The only good nigger is a dead nigger."

"The only good nigger is a dead nigger."

Apri

Рис. 7. Комментарий в социальной сети Reddit

Click to rate

Рис. 8. Комментарии под статьей «Albanian crack dealer deported as part of a zero-tolerance policy against migrants who threaten national security sneaks back into UK and lives next to a children's nursery» от британского таблоида Daily Mail

ИСТОЧНИКИ

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН. — 1948. — 10 дек. // Организация Объединенных Наций : [офиц. сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 05.04.2023).
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. : измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. // Council of Europe Portal. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 01.04.2023).
3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи. — 1979. — 18 дек. // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 01.04.2023).

4. Правила сообщества // TikTok. — URL: <https://www.tiktok.com/community-guidelines?lang=ru> (дата обращения: 10.04.2023).

5. Правила в отношении дискриминационных высказываний // Справка. — YouTube. — URL: https://support.google.com/youtube/answer/2801939?hl=ru&ref_topic=9282436#z1 (дата обращения: 10.04.2023).

6. Рекомендация Комитета министров Совета Европы о вопросах разжигания ненависти № R(97)20. — 1997. — 30 окт. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199634> (дата обращения: 03.04.2023).

7. Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems. — Strasbourg, 2003. — 28 Jan. // Council of Europe Portal. — URL: <https://rm.coe.int/168008160f> (date of access: 05.04.2023).

8. Hate Speech and Hate Crime // American Library Association. — URL: <https://www.ala.org/advocacy/intfreedom/hate> (date of access: 05.04.2023).

9. Kaur, A. New Indian textbooks purged of nation's Muslim history / A. Kaur. — Text : electronic // The Washington Post. — 2023. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/04/06/india-textbooks-muslim-history-changes/> (date of access: 15.04.2023).

10. Reddit Content Policy // Reddit. — URL: <https://www.redditinc.com/policies/content-policy> (date of access: 10.04.2023).

11. Racial and Religious Hatred Act 2006 // legislation.gov.uk. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/contents> (date of access: 06.04.2023).

12. Shaw, A. ICE arrests 220 criminal illegal immigrants with convictions including rape, murder / A. Shaw. — Text : electronic // Fox News. — 2023. — URL: <https://www.foxnews.com/politics/ice-arrests-220-criminal-illegal-immigrants-convictions-including-rape-murder> (date of access: 15.04.2023).

13. Barrett, D. EXCLUSIVE: More than 40 Albanian criminals and migrants who tried to enter the UK via boat arrive back in their home country aboard a Home Office removal flight after being deported / D. Barrett. — Text : electronic // Daily Mail. — 2022. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11566209/More-40-Albanian-criminals-migrants-arrive-home-deported-UK.html> (date of access: 16.04.2023).

14. Camarota, S. Our Missing Workers Are Not Missing Immigrants / S. Camarota. — Text : electronic // National Review. — 2023. — URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2023/05/01/our-missing-workers-are-not-missing-immigrants/> (date of access: 16.04.2023).

15. Ferguson, K. IT'S CRIMINAL Over 1,000 Albanian criminals are in Britain and all but 25 using modern slavery and human rights laws to try to stay / K. Ferguson. — Text : electronic // The Sun. — 2023. — URL: <https://www.thesun.co.uk/news/21910448/1000-albanian-foreign-criminals-only-25-can-be-deported/> (date of access: 15.04.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев, Н. Н. Идеология терроризма / Н. Н. Афанасьев. — Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2002. — № 1. — С. 230–234.

2. Войниканис, Е. А. Язык СМИ: правовые проблемы / Е. А. Войниканис. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — Москва : [б. и.], 2004. — Ч. 2. — С. 207–219.

3. Галяшина, Е. И. Лингвистика vs экстремизм: в помощь судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина ; под ред. проф. М. В. Горбаневского. — Москва : Юридический мир, 2006. — 96 с. — Текст : непосредственный.

4. Гладили, А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа / А. В. Гладили. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 21 (312). — С. 144–153.

5. Громова, Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина / Н. С. Громова. — Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — № 3. — С. 211–214.

6. Грушихина, В. А. К вопросу о проблемах выявления вербального (словесного) экстремизма путем использования специальных знаний / В. А. Грушихина. — Текст : непосредственный // Современность в творчестве талантливой молодежи. — Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. — С. 46–50.

7. Дзялошинский, И. М. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? / И. М. Дзялошинский. — Текст : непосредственный // Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. — Москва : [б. и.], 2002. — С. 100–114.

8. Кара-Мурза, Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С. 47–72.

9. Комалова, Л. Р. Язык и речевая агрессия : анализ. обзор / Л. Р. Комалова ; отв. ред. Э. Б. Яковлева. — Москва : [б. и.], 2015. — 75 с. — Текст : непосредственный.

10. Леонтьев, А. А. Прикладная психоллингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А. А. Леонтьев. — Москва : [б. и.], 2008. — 159 с. — Текст : непосредственный.

11. Международные стандарты профессиональной этики журналистов : учеб.-метод. пособие / сост. А. В. Байчик, Ю. В. Курышева, С. Б. Никонов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2012. — 102 с. — Текст : непосредственный.

12. Никонов, К. О. Проблемы определения экстремизма / К. О. Никонов. — Текст : непосредственный // Юридический мир. — 2011. — № 7. — С. 41–43.

13. Смертин, А. Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий / А. Н. Смертин. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2009. — № 1. — С. 54–59.

14. Хлопотов, Я. Ю. Риторика ненависти в американском политическом дискурсе (функционально-лингвистический анализ) / Я. Ю. Хлопотов. — Текст : непосредственный // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2020. — № 2. — С. 20–30.

15. Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / под ред. Г. Ю. Араповой. — Воронеж : [б. и.], 2011. — 128 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. UN (1948). *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka, priyata rezolyutsiyey 217 A (III) General'noy Assamblei OON* [Universal Declaration of Human Rights, adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly, 10 December 1948]. United Nations [Official site]. Retrieved Apr. 5, 2023, from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (In Russ.)

2. Council of Europe (1950). *Evropeyskaya konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 g., izmenennaya i dopolnennaya Protokolami № 11 i № 14, vstupivshimi v silu 1 iyunya 2010 g.* [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950, as amended and supplemented by Protocols No. 11 and No. 14, which entered into force on 1 June 2010]. Council of Europe Portal. Retrieved Apr. 1, 2023, from <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (In Russ.)

3. United Nations (1979). *Konventsiya o likvidatsii vseh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin, priyata rezolyutsiyey 34/180 General'noy Assamblei ot 18 dekabrya 1979 goda* [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, adopted by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979]. Retrieved Apr. 1, 2023, from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (In Russ.)

4. TikTok (n.d.). *Pravila soobshchestva* [Community Rules]. Retrieved Apr. 10, 2023, from <https://www.tiktok.com/community-guidelines?lang=ru> (In Russ.)

5. YouTube (n.d.). *Pravila v otnoshenii diskriminatsionnykh vyskazyvaniy* [Rules on discriminatory speech]. Retrieved Apr. 10, 2023, from https://support.google.com/youtube/answer/2801939?hl=ru&ref_topic=9282436#zi (In Russ.)

6. Committee of Ministers of the Council of Europe (1997). *Rekomendatsiya Komiteta ministrov Soveta Evropy o voprosakh razhiganiya nenavisti № R(97)20 ot 30 oktyabrya 1997 g.* [Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on incitement to hatred No. R (97) 20 of 30 October 1997]. In *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. Retrieved Apr. 3, 2023, from <https://docs.cntd.ru/document/90199634> (In Russ.)

7. Council of Europe (2003, Jan. 28). *Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems*. Strasbourg. Council of Europe Portal. Retrieved Apr. 5, 2023, from <https://rm.coe.int/168008160f>

8. American Library Association (n.d.). *Hate Speech and Hate Crime*. Retrieved from <https://www.ala.org/advocacy/intfreedom/hate>

9. Kaur, A. (2023). New Indian textbooks purged of nation's Muslim history. *The Washington Post*. Retrieved Apr. 15, 2023, from <https://www.washingtonpost.com/world/2023/04/06/india-textbooks-muslim-history-changes/>

10. Reddit (n.d.). *Reddit Content Policy*. Retrieved Apr. 10, 2023, from <https://www.redditinc.com/policies/content-policy>

11. UK (n.d.). *Racial and Religious Hatred Act 2006*. legislation.gov.uk. Retrieved Apr. 6, 2023, from <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/contents>

12. Shaw, A. (2023). ICE arrests 220 criminal illegal immigrants with convictions including rape, murder. *Fox News*. Retrieved Apr. 15, 2023, from <https://www.foxnews.com/politics/ice-arrests-220-criminal-illegal-immigrants-convictions-including-rape-murder>

13. Barrett, D. (2022). EXCLUSIVE: More than 40 Albanian criminals and migrants who tried to enter the UK via boat arrive back in their home country aboard a Home Office removal flight after being deported. *Daily Mail*. Retrieved Apr. 16, 2023, from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11566209/More-40-Albanian-criminals-migrants-arrive-home-deported-UK.html>

14. Camarota, S. (2023). Our Missing Workers Are Not Missing Immigrants. *National Review*. Retrieved Apr. 16, 2023, from URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2023/05/01/our-missing-workers-are-not-missing-immigrants/>

15. Ferguson, K. (2023). IT'S CRIMINAL Over 1,000 Albanian criminals are in Britain and all but 25 using modern slavery and human rights laws to try to stay. *The Sun*. Retrieved Apr. 15, 2023, from <https://www.thesun.co.uk/news/21910448/1000-albanian-foreign-criminals-only-25-can-be-deported/>

REFERENCES

1. Afanas'ev, N.N. (2002). Ideologiya terrorizma [Ideology of terrorism]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1, 230–234. (In Russ.)

2. Voynikanis, E.A. (2004). Yazyk SMI: pravovye problemy [Language of the media: legal problems]. In *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* (teaching manual, part 2, pp. 207–219). Moscow. (In Russ.)

3. Galyashina, E.I. (2006). Lingvistika vs ekstremizm: v pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam [Linguistics vs. extremism: to help judges, investigators, experts] (edited by prof. M.V. Gorbanevskiy). Moscow: Yuridicheskiy mir, 96 p. (In Russ.)

4. Gladilin, A.V. (2013). «Yazyk vrazhdy» v traditsionnykh i novykh media [“Hate Speech” in Traditional and New Media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21(312), 144–153. (In Russ.)

5. Gromova, N.S. (2017). Verbal'nyy ekstremizm: k voprosu o granitsakh termina [Verbal Extremism: On the Boundaries of the Term]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 211–214. (In Russ.)

6. Grushikhina, V.A. (2016). K voprosu o problemakh vyyavleniya verbal'nogo (slovesnogo) ekstremizma putem ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy [On the Problems of Identifying Verbal (Spoken) Extremism Using Special Knowledge]. In *Sovremennost' v tvorchestve talantlivoy molodezhi* (pp. 46–50). Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD RF, 2016. (In Russ.)

7. Dzyaloshinskiy, I.M. (2002). Komu vygodno tirazhirovaniye neterpimosti? [Who Benefits from the Dissemination of Intolerance?]. In A.M. Verkhovskiy (Comp.), *Yazyk moy. Problema etnicheskoy i religioznoy neterpimosti v rossiyskikh SMI* (pp. 100–114). Moscow. (In Russ.)

8. Kara-Murza, E.S. (2009). Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki [Linguistic Expertise as a Procedure of Political Linguistics]. *Political Linguistics*, 1(27), 47–72. (In Russ.)

9. Komalova, L.R. (2015). *Yazyk i rechevaya agressiya : analit. obzor* [Language and Speech Aggression : Analytical Review] (Resp. ed. E.B. Yakovleva). Moscow, 75 p. (In Russ.)

10. Leont'ev, A.A. (2008). *Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoy kommunikatsii* [Applied psycholinguistics of speech communication and mass communication]. Moscow, 159 p. (In Russ.)

11. Baychik, A.V., Kurysheva, Yu.V., & Nikonov, S.B. (Compilers) (2012). *Mezhdunarodnye standarty professional'noy etiki zhurnalistov* [International standards of professional ethics of journalists] [Training and methodological manual]. St. Petersburg, 102 p. (In Russ.)

12. Nikonov, K.O. (2011). Problemy opredeleniya ekstremizma [Problems of defining extremism]. *Yuridicheskiy mir*, 7, 41–43. (In Russ.)

13. Smertin, A.N. (2009). Ekstremizm i terrorizm: nekotorye podkhody k opredeleniyu ponyatiy [Extremism and terrorism: some approaches to defining concepts]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 54–59. (In Russ.)

14. Khlopotunov, Ya.Yu. (2020). Ritorika nenavisti v amerikanskom politicheskom diskurse (funktsional'no-lingvisticheskiy analiz) [Rhetoric of hatred in American political discourse (functional and linguistic analysis)]. *Diskurs professional'noy kommunikatsii*, 2, 20–30. (In Russ.)

15. Arapova, G.Yu. (Ed.) (2011). *Yazyk vrazhdy v SMI. Pravovye i eticheskie standarty* [Hate speech in the media. Legal and ethical standards]. Voronezh, 128 p. (In Russ.)

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'373
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-36

ГРНТИ 16.21.49

Код ВАК 5.9.5

Ольга Владимировна Барабаш

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, olphil@mail.ru, SPIN-код: 1694-9900

Фразеология с семантикой игры в политическом медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Цель исследования состоит в выявлении фразеологических единиц, функционирующих в политическом медиадискурсе и транслирующих семантику игры; установлении их стилистических особенностей и определении прагматических функций в контексте высказываний о политике. Источником языкового материала выступают тексты СМИ за 2020–2024 гг., опубликованные на ведущих информационно-аналитических порталах России и посвященные вопросам международной политики. Теоретическую и методологическую основу исследования составляют работы в области теории фразеологии, когнитивной лингвистики и политической коммуникации. Анализ показал, что фразеологические единицы с семантикой игры довольно часто выступают одним из конструктивных компонентов как заголовочной, так и основной части медиатекста и направляют коммуникативную деятельность его реципиента в необходимом автору направлении. При этом наиболее активно в публикациях о политике используется фразеология, обязанная своим происхождением карточной терминологии. Автор приходит к выводу, что включение фразеологизмов в медиатексты общественно значимой тематики является не только способом привлечения внимания читателя и создания выразительности текста, но и эффективным приемом конструирования образа политической действительности. Это обусловлено тем, что оценка политических решений, событий и ситуаций предстает в знакомых читателю образах, включенных в палитру культурно значимых ассоциаций и составляющих фрагмент национальной и языковой картин мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, фразеология русского языка, фразеологические единицы, фразеологизмы, русский язык, семантика игры, мировая политика, международные отношения, тема политики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой «Русский язык как иностранный», старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, д. 40; email: olphil@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Барабаш, О. В. Фразеология с семантикой игры в политическом медиадискурсе / О. В. Барабаш. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 126-132.

Ol'ga V. Barabash

Penza State University, Penza, Russia, olphil@mail.ru, SPIN code: 1694-9900

Phraseologisms with Game-Based Semantics in Political Media Discourse

ABSTRACT. The aim of the study is to identify phraseological units functioning in political media discourse and translating the semantics of the game, establish their stylistic peculiarities and determine their pragmatic functions in the context of utterances about politics. The practical research language material encompasses 2020-2024 media texts published on the leading Russian information and analytical portals and devoted to issues of international politics. The theoretical and methodological basis of the study is formed by investigations in the theoretical fields of phraseology, cognitive linguistics and political communication. The analysis has shown that phraseological units with game-based semantics often act as one of the constructive components of both the headline and the main part of a media text and orient the communicative activity of its recipient in the direction required by the author. In this regard, authors of political publications most actively use phraseologisms originating from gambling terminology. The author concludes that using phraseologisms in media texts on socially important topics is not only a way to attract the reader's attention and enhance the expressiveness of the text but also an effective technique for constructing the image of political reality. This can be explained by the fact that evaluation of political decisions, events, and situations is presented through images familiar to the reader, included in the palette of culturally significant associations and constituting a fragment of national and linguistic worldviews.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, Russian phraseology, phraseological units, phraseologisms, Russian language, game-based semantics, global politics, international relations, the theme of politics.

AUTHOR'S INFORMATION: Barabash Ol'ga Vladimirovna, Candidate of Philology, Head of Department of Russian as a Foreign Language, Senior Researcher of the Research Institute for Basic and Applied Studies, Penza State University, Penza, Russia.

FOR CITATION: Barabash O. V. (2025). Phraseologisms with Game-Based Semantics in Political Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 126-132. (In Russ.).

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Происходящие в мире политические события находят отражение в публикациях, которые размещаются на различных информационно-аналитических порталах и становятся фрагментом современного политического медиадискурса. Дискурс в известной работе Е. С. Кубряковой определяется как «такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (online), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или — его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525]. Н. Д. Арутюнова образно определяет дискурс как речь, «погруженную в жизнь» [Арутюнова 1989: 136]. Соответственно, под политическим медиадискурсом мы понимаем совокупность высказываний о политике, функционирующих в медиaprостранстве и, с одной стороны, отражающих политическую действительность, а с другой — непрерывно конструирующих ее образ в сознании участников коммуникации.

Как отмечает В. З. Демьянков, «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость „политически правильных“ действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2003: 127]. Развивая предложенный Эриком Хиршем образ, В. З. Демьянков, пишет, что дискурс СМИ, в частности политический, «должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект („усваиваться“, как и любая fast food), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории» [Демьянков 2003: 119].

На наш взгляд, этой цели успешно служит фразеология, которая, будучи включенной в текст общественно значимой тематики, не только привлекает внимание читателя, но и задает вектор оценки описываемых событий и явлений, метко характеризует их в устойчивых для данной языковой картины мира образах.

Цель исследования состоит в выявлении фразеологических единиц, функционирую-

щих в политическом медиадискурсе и транслирующих семантику игры; установлении их стилистических особенностей и определении прагматических функций в контексте высказываний о политике.

В качестве материала исследования выступают тексты СМИ за 2020–2024 гг., затрагивающие вопросы международной политики и размещенные на популярных российских информационно-аналитических порталах: www.360.ru, www.ria.ru, www.gazeta.ru, www.news.rambler.ru, <http://topcor.ru>.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Теоретической и методологической основой нашего исследования служат труды известных ученых, посвященные русской лексике и фразеологии [Виноградов 1977; Телия 1996; Мокиенко 2020; Баранов 2013]; теории дискурса [Кубрякова 2008]; вопросам когнитивной лингвистики и политической коммуникации [Демьянков 2003; Чудинов 2003; Будаев 2008].

Русская фразеология, безусловно, представляет собой уникальный и богатейший пласт современного русского языка — как с точки зрения семантики и культурных коннотаций, стилистического разнообразия образующих ее единиц, так и с точки зрения плана выражения самих категорий, причисляемых к фразеологии.

Традиционно фразеологическая единица, или фразеологизм (от греч. φράσις — выражение, оборот речи), понимается как «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [Ахманова 1969: 494]. Иными словами, фразеологизм, как семантически несвободное сочетание слов, воспроизводится в речи в закреплённом за ним устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Словарь лингвистических терминов Т. В. Матвеевой определяет фразеологизм как «общее обозначение лексически неделимых устойчивых словосочетаний, обладающих семантическим и интонационным единством» [Матвеева 2010: 516], и указывает, что устойчивость и воспроизводимость являются их основными чертами.

В то же время вопрос о категориальных признаках фразеологизмов и о типах оборо-

тов, которые могут быть к ним отнесены, остается дискуссионным.

В. Н. Телия к базовым классам фразеологизмов относит все сочетания слов, для которых «характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка; признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости», то есть способность воспроизводиться «в готовом виде» [Телия 1996: 56]. При этом к фразеологии В. Н. Телия относит и лексически незамкнутые структуры типа «куры не клюют», которые, несмотря на предикативность, еще не могут считаться полноценным высказыванием в силу отсутствия модальной актуализации (оборот обозначает не поименованный объект, а ситуацию). Пословицы и поговорки, выражающие ценностные суждения, В. Н. Телия выносит за пределы фразеологии.

Другая точка зрения заключается в том, что в состав фразеологизмов включаются идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, присловья и т. д. Это широкий подход, представленный, например, в работах Н. М. Шанского, согласно которому пословицы и поговорки могут быть отнесены к «фразеологическим выражениям» [Шанский 1985: 76].

В. М. Мокиенко считает, что термины *поговорка*, *идиома* и *фразеологизм*, или *фразеологическая единица*, являются синонимами [Мокиенко 2020: 132], но при этом идиома и фразеологизм принадлежат лингвистической терминологии, а поговорка — фольклористической терминологии. Ученый отмечает, что «не всегда, например, легко отделить „классические“ пословицы от поговорок, а различные интерпретации лингвистических терминов *идиома* или *фразеологизм* накладывают (и будут накладывать) отпечаток на выбор словников фразеологических словарей» [Мокиенко 2020: 132].

Нам близка научная позиция А. Н. Баранова, который определяет фразеологизм как устойчивое неоднословное выражение некомпозиционной семантики и разграничивает следующие типы таких оборотов: *идиомы*, *коллокации* (*принять решение*), *пословицы*, *грамматические фразеологизмы* (*во что бы то ни стало; по крайней мере*), *фразеологизмы-конструкции* (*X — он и в Африке X*), *ситуативные клише* (*спокойной ночи; руки вверх!*) [Баранов 2013]. Центральными единицами фразеологии являются, безусловно, идиомы, которым, по А. Н. Баранову, свойственны переинтерпретация значения, непрозрачность и усложнение способа указания на денотат [Баранов 2008: 30].

В контексте поставленных в нашей работе целей мы фокусируем внимание преимущественно на идиомах. Это обусловлено тем, что обороты, обладающие наибольшей степенью идиоматичности, являются, на наш взгляд, и наиболее полифункциональными, что позволяет достичь автору медиатекста искомого перлокутивного эффекта. Очевидно, что коллокации типа «поставить вопрос» или «принять решение» лишены той культурно-семантической многослойности, которая характерна, например, для идиом «бить баклуши» или «спутать карты». Напротив, использование идиом в тексте, особенно в медиатексте о политике, рассчитанном на формирование общественного мнения, позволяет имплицитно выражать оценку политического события, личности политика или его поступка, конструировать образ действительности через знакомые читателю образы, включенные в палитру культурно значимых ассоциаций.

Отметим, что не случайно и обращение к фразеологии, транслирующей семантику игры. Концептуализация политики как игры наблюдается в разных языках и культурах, а в русской языковой картине мира этот вектор прослеживается особенно четко. Так, например, А. П. Чудинов, рассматривая в своей работе субсферу «Социум» как источник политической метафоры, выделил «взаимоперекрещивающиеся метафорические модели ЖИЗНЬ — это ИГРА и ЖИЗНЬ — это СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ» [Чудинов 2001], которые накладываются и на восприятие политической жизни. Политика, действительно, часто ассоциируется с игрой, в связи с чем возникает известная метафора «политические игры». Политические маневрирования емко и образно описываются с помощью целого ряда соответствующих фразеологических оборотов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ публикаций о политике позволяет утверждать, что фразеологические единицы с семантикой игры, действительно, довольно часто выступают одним из конструктивных компонентов как заголовочной, так и основной части медиатекста и направляют коммуникативную деятельность его реципиента в необходимом автору направлении.

Само слово «игра» является общеславянским и восходит к праславянскому **ъrga* [Фасмер 2003: 116], где индоевропейский корень означает «колебаться, двигаться» [Семенов 2003]. Исходное языческое значение игры связано с «восхвалением божества пением и пляской» [Крылов 2005: 155], позднее оно преобразовалось в *развлечение*,

забава. В русских письменных памятниках лексема «игра» встречается с XI в.

В основе идиом часто лежит метафора [Метафора в языке и тексте 1988: 78]. Иными словами, образование идиом, как оборотов с образной семантикой, по сути, является примером перехода тропа в языковой знак. Следовательно, фразеологический оборот представляет собой результат узуализации соответствующей метафоры.

Так, источником формирования фразеологизма могли стать свободные сочетания с компонентом *играть / игра*, называющие конкретный **вид игры**: *играть в бирюльки*, *играть в прятки*, *играть в поддавки*, *играть в молчанку*; указывающие на **способ игры**: *играть в одни ворота*; **условия игры**: *играть на своем / чужом поле* и т. п. Указанные свободные сочетания претерпели образное переосмысление и закрепились в языке в виде устойчивого оборота для обозначения той или иной ситуации:

– *играть в бирюльки* — ‘заниматься пустяками, чем-то несерьезным’;

– *играть в прятки* — ‘скрывать истинные намерения’;

– *играть в молчанку* — ‘уклоняться от разговора’;

– *играть в поддавки* — ‘делать что-либо, удовлетворяя интересы и требования другого, в том числе для последующего достижения своих целей’;

– *играть в одни ворота* — ‘учитывать интересы только одной стороны отношений’;

– *играть на своем / чужом поле* — ‘действовать в привычных / непривычных условиях’.

В текстах о политике такие обороты характеризуют способ ведения дел, выстраивания отношений, например:

– *Президент Байден тем временем играет в молчанку с журналистами* (<https://www.ntv.ru/novosti/2759511/?ysclid=m543f0aa-ut871180732>);

– *„Все нормы делового оборота и международных отношений, когда это становится необходимо, трактуются исключительно в интересах этой державы, что называется работают в одну сторону, игра идет в одни ворота. Мир, основанный на таких догмах, определенно неустойчив“*, — сказал Путин на пленарном заседании в рамках ПМЭФ (<https://ria.ru/20220617/putin-1796161822.html>).

Имплицитно семантика игры выражена в обороте *ход конем* (калька с французского *jouer le cavalier*). Он означает «решительное средство, которое пускается в ход в крайнем случае, находчивый и хитрый поступок, вносящий неожиданные изменения в сложную ситуацию» [Бирх 1998: 605], например:

– *Ход конем: как руководство России ответило на вызов США* (<https://ruinform.com/page/hod-konem-kak-rukovodstvo-rossii-otvetilo-na-vyzov-ssha>).

Внутренняя форма оборота *ход конем* связана с интеллектуальной игрой — шахматами, в которой фигура «конь» способна на маневры, не свойственные никаким другим фигурам, что дает ей стратегические преимущества. Соответственно, в приведенном заголовке медиатекста в структуру цели (действия руководства России) проецируются такие компоненты структуры источника, как ‘интеллектуальная деятельность’, ‘удачный ход’, ‘преимущество’. Как видим, прагматический потенциал оборота *ход конем* заключается в том, что он не только формирует образ характеризуемого объекта, но и выступает призмой, через которую осуществляется восприятие и осмысление данного объекта читателем.

Одно из значений глагола «играть» — ‘обращаться с чем-либо легкомысленно’. Отсюда сочетание *играть с огнем*, которое в результате образного переосмысления закрепилось в качестве фразеологизма со значением «рисковать». В медиатекстах о политике этот оборот также эксплицирует семантику риска, опасности, политического безрассудства, тем самым выражая оценку совершаемым на политической арене действиям, например:

– *США продолжают играть с огнем, поощряя курдский сепаратизм, заявил Лавров* (<https://ria.ru/20230206/ssha-1849984254.html>).

Интересно, что в русской языковой картине мира игра представлена в большей степени как *развлечение*, *забава*, *потеха* и сосуществует в диалектическом единстве с понятием дела, труда (вспомним пословицу: *делу время — потехе час*). Анализ фразеологии с семантикой игры в медиатекстах о политике подтверждает эту мысль: политика как игра часто противопоставляется реальным действиям во благо народа и государства, например:

– *„Похоже, что это уже прямой сигнал, что мы начинаем, потому что игра в бирюльки должна все-таки закончиться. Мы больше не будем терпеть преступления украинских неонацистов на нашей территории“*, — отметил эксперт (<https://news.rambler.ru/army/53787376-voenny-ekspert-niku-lin-zayavil-chto-zapad-pereshel-chertu-igra-v-biryulki-dolzha-zakonchitsya/?ysclid=m3ykr3kxt2901322308>).

В данном примере идиома *игра в бирюльки* означает бездействие и указывает на отсутствие серьезных мер, направленных против неонацизма.

По нашим наблюдениям, довольно значимым для русского языкового сознания оказался образ азартной игры. Это не случайно. Как отмечает М. Ю. Лотман, «карточная игра есть игра, то есть представляет собой модель конфликтной ситуации. В этом смысле она выступает в своем единстве как аналог некоторых реальных конфликтных ситуаций. Внутри себя она имеет правила, включающие иерархическую систему относительных ценностей отдельных карт и правила их сочетаемостей, которые в совокупности образуют ситуации „выигрыша“ и „проигрыша“» [Лотман 1992: 789]. Терминология карточных игр, связанная с описанием игровых ситуаций, со временем претерпевает переинтерпретацию значения и расширяет предметную соотнесенность, начиная применяться к более широкому кругу ситуаций в жизни людей и общества, например:

- *играть на руку* — ‘помогать, способствовать’;
- *делать ставку* — ‘надеяться’;
- *крыть нечем* — ‘нет аргументов’;
- *путать (спутать) карты* — ‘разрушить чей-то план’;
- *играть в открытую* — ‘открыто действовать’;
- *играть втёмную* — ‘исподтишка’;
- *раскрыть все карты* — ‘открыть истинные намерения, действовать открыто’;
- *остаться в дураках* — ‘проиграть, быть обманутым’;
- *сорвать банк* — ‘получить выгоду, добиться чего-нибудь, обычно нечестно’;
- *держат козырь в рукаве* — ‘иметь скрытое преимущество’;
- *карта бита* — ‘о полной неудаче чьих-либо замыслов’ и т. п.

Фразеология, обязанная своим происхождением карточной терминологии, активно используется и в медиатекстах о политике. Диалектика расчета и случая как условия исхода карточной игры, наличие или отсутствие у игрока «сильных» (козырных) карт, стратегия игры — все это проецируется на общественную, в том числе политическую реальность, характеризуя как самих мировых «игроков», так и их действия и решения. Приведем примеры из медиатекстов:

- *МИД заявил, что мятеж играет на руку внешним врагам России* (<https://ria.ru/20230624/myatezh1880222292.html>).

Отметим, что семантика игры может быть выражена без использования прямой номинации:

- *„Ракета для удара по России“. Трамп вновь спутал все карты* (<https://ria.ru/20240917/trump-1972991901.html>).

Фразеологизм *спутать все карты* имеет разговорный оттенок и в русском языке

употребляется применительно к ситуации, когда сорваны чьи-либо намерения, расчеты, спутаны либо разрушены планы. Это выражение появилось в русском языке в XIX веке и является переводом французского оборота *Brouiller les cartes* (из речи картежников и гадалок на картах). В политическом дискурсе данный оборот часто используется в отношении политических деятелей, имеющих большое влияние и способных своими решениями и действиями влиять на мировую политику. Так, фразеологизм *спутать все карты* появляется рядом с именем Дональда Трампа в заголовке публикации, посвященной тому, как покушение на бывшего президента США, случившееся 13 июля 2024 г., неожиданно способствовало укреплению его позиций в предвыборной кампании. В то же время автор публикации, выбирая именно этот оборот, ненавязчиво подчеркивает, что Трамп — не вершитель истории, а игрок на политической арене.

В свою очередь, фразеологизм «раскрыть все карты» означает полностью раскрыть все планы, намерения, показать то, что скрывалось, и действовать открыто. Например:

- *Пентагон решил раскрыть все карты* (<https://ria.ru/20240630/pentagon-1956090790.html>).

Отметим, что в медиатекстах часто используется антонимичное выражение с отрицанием: «не раскрывать все карты» либо перефразированное сочетание «раскрыть не все карты», например:

- *Baijiahaо (Китай): Россия не раскрывала все карты, когда продавала нам С-400* (<https://news.rambler.ru/weapon/43792965-baijiahaо-kitay-rossiya-ne-raskryvala-vse-karty-kogda-prodavala-nam-s-400>).

Как известно, в карточной игре важное значение имеет наличие козырной карты, или козыря. Козырь — это игральная карта той масти, которая по правилам игры признается старшей и бьет любую карту всех других мастей. В переносном смысле козырной картой называют преимущество, которое может использоваться в нужный момент в споре, борьбе, например:

- *Алаудинов заявил об использовании Украиной и Западом „козырной карты“* (https://www.gazeta.ru/army/news/2024/09/11/23895973.shtml?utm_source=smi2&utm_medium=exchange&utm_campaign=3364&utm_term=99611&es=smi2).

Включение такого фразеологизма в текст о политике диктуется стратегией формирования уверенности читателей в наличии у той или иной стороны политических отношений значимых ресурсов политического (военного, экономического и пр.) влияния.

Таким образом, игра предстает как модель взаимоотношений людей в обществе и проецируется на взаимодействие политических сил, на диалог государств и их лидеров в контексте международной политики, получая в языке соответствующие формы экспликации. Одной из таких форм выступают фразеологические единицы, которые активно используются в политическом медиадискурсе.

ВЫВОДЫ

Анализ функционирования идиом с семантикой игры в медиадискурсе о политике позволяет сделать некоторые обобщения.

1. Прежде всего отметим, что тематика проанализированных публикаций за 2020–2024 гг. о международной политике, в заголовках и содержании которых выявлены фразеологизмы с семантикой игры, охватывает преимущественно вопросы взаимоотношений двух мировых держав — России и США, а также политические события, связанные с их противостоянием. Соответственно, политическими субъектами, действия и решения которых описываются в данных медиатекстах с использованием фразеологических оборотов, выступают, как правило, Россия, США, Запад, Украина, МИД, Пентагон, а также лидеры стран и ключевые политики.

2. Использование в медиатексте идиом, безусловно, повышает выразительность текста и служит привлечению внимания читателя. Так, фразеология с семантикой игры, будучи включенной в медиатекст, «подогревает» интерес адресата к политическим процессам, расстановке политических сил, наличию у той или иной стороны преимуществ (выражаясь соответствующей идиоматикой — *у кого и какой есть козырь в рукаве?*, *кто играет втемную?*, *чья карта бита?* и т. п.).

3. Фразеологическая единица, как правило, помещается в заголовок публикации и тем самым выполняет, с одной стороны, текстообразующую функцию, поскольку сразу обозначает аспект, ракурс, в котором будет раскрыта тема; а с другой — оценочную, так как дает возможность автору через название статьи продекларировать свое отношение к личности, событию или явлению. Это особенно важно для политического медиадискурса, участники которого являются (либо могут стать в результате прочтения текста) носителями определенных политических убеждений и мнений (как, например, в случае использования в публикации оборота *спутал карты* по отношению к Д. Трампу).

4. В русском языке фразеология с семантикой игры представлена такими единицами, внутренняя форма которых связана с раз-

личными видами игр: бытовыми, в том числе детскими (прятки, бирюльки), интеллектуальными (шашки, шахматы), азартными (карты), спортивными. При этом наиболее продуктивной в плане фразеобразования оказалась карточная терминология, послужившая основой целого ряда идиом. В политическом медиадискурсе в исследуемый период данный тип фразеологических единиц также преобладает.

5. Вплетение идиом в ткань медиатекста является эффективным приемом конструирования образа политической действительности. Это обусловлено тем, что оценка политических решений, событий и ситуаций предстает в знакомых читателю образах, включенных в палитру культурно значимых ассоциаций и составляющих фрагмент национальной и языковой картин мира.

СЛОВАРИ

1. Академический словарь русской фразеологии / А. Н. Баранов и др.; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ЛЕКСРУС, 2015. — 1168 с. — Текст : непосредственный.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1989. — С. 136–137.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 607 с. — Текст : непосредственный.
4. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. — 700 с. — Текст : непосредственный.
5. Крылов, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Крылов. — Санкт-Петербург : Полиграфуслуги, 2005. — 432 с. — Текст : непосредственный.
6. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. — 562 с. — (Словари). — Текст : непосредственный.
7. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. — Москва : ЮНБЕС, 2003. — 704 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — Текст : непосредственный.
2. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с. — (Studia philologica). — Текст : непосредственный.
3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Флинта-Наука, 2013. — 312 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 247 с. — Текст : непосредственный.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1977. — 319 с. — Текст : непосредственный.
6. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — Москва : Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. — С. 116–133.
7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки

славянской культуры, 2004. — 560 с. — Текст : непосредственный.

8. Лотман, Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Избранные статьи. В 3 т. — Таллин : [б. и.], 1992. — Т. 2. — С. 389–415.

9. Метафора в языке и тексте : моногр. / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1988. — 176 с. — Текст : непосредственный.

10. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — Москва : Энергия, 1979. — 152 с. — Текст : непосредственный.

11. Мокиенко, В. М. Лингвокультурологические и аксиологические аспекты русской паремииологии в исследованиях М. Л. Ковшовой / В. М. Мокиенко. — Текст : электронный // Slavica Slovaca. — 2020. — Т. 55. — № 1. — С. 123–133. — URL: http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2020_1/mokienko_2020_1.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

12. Сидоренко, М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке / М. И. Сидоренко. — Ленинград : ЛГПИ, 1982. — 108 с. — Текст : непосредственный.

13. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. — Текст : непосредственный.

14. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение в языке / В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1981. — 269 с. — Текст : непосредственный.

15. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

16. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов / Н. М. Шанский. — Москва : Высшая школа, 1985. — 160 с. — Текст : непосредственный.

DICTIONARIES

1. Baranov, A.N., & Dobrovol'skiy, D.O. (Eds.) (2015). *Akademicheskiy slovar' russkoy frazeologii* (2nd ed., rev. and additional). Moscow: LEKSURUS, 1168 p. (In Russ.)

2. Arutyunova, N.D. (1989). Diskurs [Discourse]. In V.N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (pp. 136–137). Moscow: Sov. entsiklopediya. (In Russ.)

3. Akhmanova, O.S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 607 p. (In Russ.)

4. Birikh, A.K., Mokienko, V.M., & Stepanova, L.I. (1998). *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and Etymological Dictionary] (Ed. V.M. Mokienko, 3rd ed., corrected and enlarged). St. Petersburg: Folio-press, 700 p. (In Russ.)

5. Krylov, A.G. (2005). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg : Poligrafuslugi, 432 p. (In Russ.)

6. Matveeva, T.V. (2010). *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov on Don: Feniks, 562 p. (Slovari). (In Russ.)

7. Semenov, A.V. (2003). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: YUNVES, 704 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Grade. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 341 p. (In Russ.)

2. Baranov, A.N., & Dobrovol'skiy, D.O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak, 656 p. (Studia philologica). (In Russ.)

3. Baranov, A.N., & Dobrovol'skiy, D.O. (2013). *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology]. Moscow: Flinta-Nauka, 312 p. (In Russ.)

4. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in political communication] [Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka, 247 p. (In Russ.)

5. Vinogradov, V.V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka, 319 p. (In Russ.)

6. Dem'yankov, V.Z. (2003). Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of Political Discourse in the Media]. In M.N. Volodina (Ed.), *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: Uchebnoe posobie* (pp. 116–133). Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)

7. Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 560 p. (In Russ.)

8. Lotman, Yu.M. (1992). “Pikovaya dama” i tema kart i kartonnoy igry v russkoy literature nachala XIX veka [“The Queen of Spades” and the theme of cards and card games in Russian literature of the early 19th century]. In Yu.M. Lotman, *Izbrannye stat'i* (Vol. 2, pp. 389–415). Tallin. (In Russ.)

9. Teliya, V.N. (Ed.) (1988). *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text] [Monograph]. Moscow: Nauka, 176 p. (In Russ.)

10. Minskiy, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge]. Moscow: Energiya, 152 p. (In Russ.)

11. Mokienko, V.M. (2020). Lingvokulturologicheskie i aksiologicheskie aspekty russkoy paremiologii v issledovaniyakh M. L. Kovshovoy [Lingvocultural and axiological aspects of Russian paremiology in the studies of M. L. Kovshova]. *Slavica Slovaca*, 55(1), 123–133. Retrieved Jan. 12, 2025, from http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2020_1/mokienko_2020_1.pdf (In Russ.)

12. Sidorenko, M.I. (1982). *Paradigmatische otnosheniya frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke* [Paradigmatic relations of phraseological units in the modern Russian language]. Leningrad: LGPI, 108 p. (In Russ.)

13. Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 288 p. (In Russ.)

14. Teliya, V.N. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy. Svyazannoe znachenie v yazyke* [Types of linguistic meanings. Associated meaning in language]. Moscow: Nauka, 269 p. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991 — 2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 238 p. (In Russ.)

16. Shanskiy, N.M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language] [A textbook for universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 160 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+81'27+81'38
ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Юлия Эдуардовна Знак

Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия,
levi-julia@yandex.ru, SPIN-код: 4724-2780, <https://orcid.org/0000-0002-1873-2889>

Вторичная вербальная номинация как лингвистически релевантный признак военных конфликтов нового типа

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу примеров «вторичной вербальной номинации», которая представляет собой технологию (стратегию) массового интердискурсивного идеологического воздействия. Российская Федерация в настоящее время переживает острую фазу противостояния с сильным и коварным геополитическим соперником в лице «коллективного Запада», отстаивая свои национальные интересы. Цель статьи — выявление специфики метода вторичной вербальной номинации, который непосредственно доказывает цели и задачи интерферирующего влияния западного гегемонистического дискурса. Анализ примеров идеологической пропаганды геополитических противников России улучшит понимание специфики используемых лингвистических методов оказания воздействия институтов «коллективного» Запада и западных СМИ, позволит выработать способы противодействия подобной практике и будет способствовать обеспечению национальной безопасности РФ. Новизну работы составляет лингвистическое исследование дискурсивных событий, связанных с идеологической (ре-) концептуализацией языковой картины мира в реалиях современной информационной войны.

В статье рассматриваются примеры вторичной вербальной номинации в доктринальных документах НАТО, в том числе в Вашингтонской декларации, которая была принята по итогам саммита стран НАТО в 2024 г., а также в других англоязычных публикациях СМИ. Для расширения доказательной базы автор использует материалы из официальных источников — официального сайта Государственной думы РФ, Министерства обороны РФ, НАТО. Результаты исследования позволяют выявить на конкретных примерах, каким образом осуществляется навязывание идеологически ангажированного западного гегемонистического и, зачастую, антироссийского дискурса, что может способствовать разработке необходимых мер противостояния пропаганде «коллективного» Запада и позволит отстаивать национальные интересы Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, вторичная вербальная номинация, военные конфликты, коллективный Запад, идеологическая пропаганда, политическая идеология, гибридная война, рекатегоризация, геополитика, геополитические соперники, национальные интересы, российские президенты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Знак Юлия Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 3105; email: levi-julia@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Знак, Ю. Э. Вторичная вербальная номинация как лингвистически релевантный признак военных конфликтов нового типа / Ю. Э. Знак. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 133-144.

Yu. E. Znak

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, levi-julia@yandex.ru, SPIN code: 4724-2780, <https://orcid.org/0000-0002-1873-2889>

Secondary Verbal Nomination as a Linguistically Relevant Feature of a New Type of Military Conflicts

ABSTRACT. The article examines such an interdiscursive technique (strategy) of mass ideological impact as “secondary verbal nomination”. The Russian Federation is currently going through a dramatic period of confrontation with a strong and cunning geopolitical rival (the so-called “collective West”), defending its national interests. The article aims to identify specifics of the method of secondary verbal nomination, which directly demonstrates the goals and objectives of the interfering impact of the Western hegemonic discourse. The analysis of ideological propaganda examples of Russian geopolitical opponents can improve the understanding of linguistic methods of exerting influence used by the institutions of the “collective West” and Western media, can provide ways to counter such practices and will contribute to the national security of the Russian Federation. The novelty of the work is determined by the need to study of discursive events related to ideological (re)conceptualization of the linguistic worldview in the context of the modern information warfare.

The article examines the examples of secondary nomination in the NATO doctrinal documents, including the Washington Declaration adopted following the 2024 NATO summit, as well as other English-language media publications. Materials from official sources such as the official website of the State Duma of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, NATO, etc. served to enlarge the sample under study. The conducted research allows us to identify the specific examples of an ideologically biased Western hegemonic and often anti-Russian discourse, which can contribute to

the development of the necessary measures to counter the propaganda of the collective West and will allow defending national interests of the Russian Federation.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, political texts, secondary verbal nominations, military conflicts, collective West, ideological propaganda, political ideology, hybrid warfare, re-categorization, geopolitics, geopolitical rivals, national interests, Russian presidents.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Znak Yuliya Eduardovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English No 6, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Znak Yu. E. (2025). Secondary Verbal Nomination as a Linguistically Relevant Feature of a New Type of Military Conflicts. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 133-144. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

По мнению экспертов, в том числе военных, главным «полем сражений» за контроль над энергоресурсами, рабочей силой, территориями и др. в XXI в. стали психика и сознание человека, а средствами ведения борьбы по изменению психосферы оппонента стало нелетальное и информационное оружие. С. М. Иншаков полагает, что в XXI в. поле битвы будет смещаться в интеллектуальную сферу, а главные сражения новейшего времени будут в сфере интеллектуальной войны [Иншаков 2022: 10].

Как известно, военный конфликт представляет собой форму разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы, предполагает любое применение вооруженного насилия противоборствующими сторонами в интересах достижения определенных целей. Основными типами военных конфликтов являются войны и вооруженные конфликты¹.

Средствами вооруженной борьбы является оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами воюющих сторон для нанесения вреда противнику. Средства поражения, согласно нормам международного права, подразделяются на дозволенные и запрещенные².

Современные войны, как считают аналитики, тесно связаны с политикой и экономикой воюющих сторон и классифицируются по различным основаниям. В современных военно-политических и экономических условиях следует обратить особое внимание на классификацию конфликтов по применяемой стратегии достижения целей войны: стратегия сокрушения противника; стратегия не прямых действий; информационная война; смешанный тип (гибридная, асимметричная, партизанская война)³.

В соответствии с этой классификацией в понятие средства вооруженной борьбы входят не только традиционные системы

вооружения вооруженных сил, но и значительно больший спектр новых инструментов воздействия на противника: информационные, экономические, социальные и иные. Гибридная война (англ. *hybridwarfare*) — вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет потенциал своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий в информационной среде, а также оказывая поддержку повстанцам и иным деструктивным силам, действующим на территории противника. При этом военные действия могут вообще не вестись, и с формальной точки зрения гибридная война может протекать в мирное время³.

В труде «Гибридная война» К. В. Сивков и К. Н. Соколов выделяют 6 основных подтипов войн в информационно-духовной сфере, нацеленных: на дегуманизацию (разрушение моральных устоев); духовную дезориентацию (разрушение общинных ценностей индивидуалистическими, размывание представлений о добре и зле); дебилизацию (разрушение научно-технологической сферы жизни общества); космополитизацию (разрушение национальных ценностей и их замещение иностранными); ментальные войны (разрушение мировоззренческих основ общества и их модификация); войны на устрашение (формирование представления о гибельности сопротивления) [Сивков, Соколов 2023: 32].

По мнению А. И. Фурсова, суть войны в информационном пространстве может быть выражена в психоисторическом аспекте существования человека, проецируясь как системное воздействие на информационном (фальсификация истины, подтасовка фактов), концептуальном («упаковывание» информации, избирательное формирование знаний) и метафизическом уровнях (изменение смыслов и образов в сознании) [цит. по: Хабаров 2022: 60].

Вслед за А. П. Сковородниковым, А. А. Хабаров подчеркивает важность и научную акту-

¹ <https://bigenc.ru/c/voennyi-konflikt-daac15>

² <https://bigenc.ru/c/sredstva-vedeniia-voinyabadec>

³ <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6>

альность выдвижения на передний план лингвистики информационно-психологической войны, как полипарадигмального мультидисциплинарного направления, которая занимается вопросами изучения форм языка во взаимосвязи с психическими процессами и механизмами управления социальным поведением людей. Это обусловлено тем, что «мишенями воздействия стали российская государственность, институты власти, история России и русского народа, включая победу в Великой Отечественной войне, православие, культуру и язык, науку, искусство и др.» [цит. по: Хабаров 2022: 57].

В интерпретации А. П. Сковородникова информационно-психологической войной является противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, информационно-психологического, прежде всего языкового воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия с противоположной стороны [Сковородников 2020: 13].

Типовыми интердискурсивными технологиями (стратегиями) массового идеологического воздействия, по мнению А. А. Хабарова, являются «креолизация, вторичная вербальная номинация, ментальное картирование, полифоническое профилирование, поляризация и др.» [Хабаров 2022: 24].

Проблематика информационной войны получила всестороннюю и глубокую разработку в ряде отечественных и зарубежных научных направлений, однако дальнейшего изучения требуют вопросы дискурсивного пространства информационной войны, взаимосвязи приемов массового коммуникативного воздействия. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения современных методов лингвистического воздействия на различные сферы интегрального потенциала государства-противника с использованием современных информационно-коммуникативных технологий.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и описании специфики метода вторичной вербальной номинации с акцентом на лингвокогнитивный анализ внутренних смысловых асимметрий.

Выбор **методов** исследования был определен необходимостью и возможностью решить поставленные задачи. Решение поставленных задач осуществлялось на основе описательного и сравнительно-сопоставительного методов, посредством анализа

структуры и интерпретации информации в дискурсе СМИ, а также индукции и дедукции, заключающихся в движении от общих закономерностей институционализации социополитических процессов к их фактическому (частному) проявлению, что способствует наиболее полному и точному раскрытию сущности такого сложного и неоднозначного явления, каким является информационно-психологическое противоборство в условиях цифровой реальности.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении базовых положений к изучению лингвистически релевантных признаков военных конфликтов нового типа, аспектов вторичной вербальной номинации в контексте социополитических реалий и в условиях конфликтотенной коммуникации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что описание метода и примеров вторичной вербальной номинации может способствовать разработке стратегии противостояния пропаганде «коллективного» Запада и позволит отстаивать национальные интересы Российской Федерации.

2. МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются примеры вторичной вербальной номинации, которые непосредственно доказывают цели и задачи интерферирующего влияния западного гегемонистического дискурса. Следует отметить, что вторичная языковая номинация представляет собой переосмысление готовых языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции. В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который, в свою очередь, позволяет устанавливать сходства и различия на основе признаков, присущих новым именам. Вторичная номинация может иметь и языковой, и речевой характер.

Феномен языковой номинации в целом и вторичной номинации в частности был уже неоднократно рассмотрен в зарубежной лингвистике, а также в трудах советских и российских ученых (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Б. А. Серебренников и др.).

Вторичная вербальная номинация связана с особенностью номинативного аспекта языка и обусловлена прежде всего тем, что знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двукратную соотнесенность (референцию) с предметным рядом:

1) в качестве номинативных знаков — слов и словосочетаний — в системе номинаций, в парадигматике;

2) в качестве или в составе предикативных знаков — фраз, высказываний — в актуальной речи, в синтагматике.

Естественный язык является не только средством познания окружающего мира — материализуя мысль, он связан с формированием и передачей мыслей, выражением чувств, оценок и различных интенций, обслуживая тем самым сферы эмоциональной, речемыслительной и коммуникативной деятельности человека. Будучи полифункциональным, язык дает наименование вещам, явлениям, способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений; храня и передавая общественно-исторический опыт, отраженный в значениях и наименованиях языковых единиц, язык удовлетворяет одновременно коммуникативным потребностям людей.

Языковая техника рекурсивно-комбинаторных способов наименования обеспечивается «гибкостью» самого языкового кода — его многоуровневой системой тождеств и различий элементов и правил их организации, с одной стороны, а с другой — взаимодействием номинативного (классифицирующего) и коммуникативного (синтезирующего) планов речевой деятельности, где функциональные тождества и различия преобладают над структурно-семантическими [Уфимцева, Азнаурова, Кубрякова, Телия 1977: 79].

Уникальным свойством естественного человеческого языка является его способность двукратного (двойного) означивания объектов окружающей действительности (в языковой системе и речи) [Азнаурова 1977: 88].

В. Н. Телия утверждает, что «именно в процессах реального функционирования языка его номинативные средства, отражая элементы структуры обозначаемого в предложении события, приспособляются к выполнению определенного коммуникативного задания, которое вдыхает новые смыслы в значения слов, способствуя их переосмыслению» [Телия 1977: 136].

В результате вторичной номинации слово приобретает иное значение вследствие сознательного употребления в речи значения для именования предмета, который не является его естественным (обычным) референтом. Создание нового понимания предмета происходит на основе уже имеющегося материала, тем самым наименование осуществляется при помощи производного значения.

Как следствие, итог вторичной номинации — это закрепленные значения словесных знаков, принятые языком, а также употребление лексических единиц в несобственной для них номинативной функции.

По А. А. Хабарову, вторичная вербальная номинация является важнейшим средством рекатегоризации концептуальной картины мира, представляет собой «вид идеологически мотивированного замещения семантики знака через форму его языковой кодификации, направленный на функциональную замену внешней (материальной) формы знака при сохранении реального референциального отношения». Подобное замещение приводит к нарушению аксиологического и концептуального осмысления знака в речи, с последующим коммуникативным закреплением смысловой асимметрии в языковом узусе через замещенную форму речевого знака. Целью размывания референциальных отношений между истинной семантикой предмета и опосредуемым в речевом знаке смысловым значением является использование речевого знака в новом, идеологически навязанном коннотативном значении [Хабаров 2022: 311].

Так, в своей докторской диссертации А. А. Хабаров приводит ряд примеров применения средств вторичного номинирования в доказательство того, что языковыми средствами маскируются реальные цели, задачи политики США и стран коллективного Запада.

Через вторичную вербальную номинацию в американский национальный дискурс внедряются социально значимые для индивида единицы концептосферы, разными вербальными средствами создается основа для их вариативного применения при создании метафорических образов и дискурсивных фигур отображения альтернативной реальности. Создаются идеологемы, понятия и определения в таких критически важных сферах государственного управления, как жизнь и здоровье («gender incongruence» — «гендерное несоответствие»), социальные отношения («family planning» — «планирование семьи»), религия («And may God protect our troops» — «И пусть Бог оберегает наши войска»), политика, «rules-based order», военное дело («humanitarian intervention» — «гуманитарная интервенция»), право («surrogacy» — «суррогатное материнство»), культура («tolerance» — «толерантность»), наука и технологии («Internet of things» (IoT) — «интернет вещей») и др. [Хабаров 2022: 311–313].

3. ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ВТОРИЧНОГО НОМИНИРОВАНИЯ

В качестве примера демонстрации вторичной номинации на уровне стратегической дезинформации рассмотрим итоговую декларацию саммита НАТО, состоявшегося в июле 2024 г. Дискурсивная практика применения средств вторичного номинирования

проявляется в таких формулировках, как, например:

1. «Forged to preserve peace (NATO)» — «НАТО, созданная для сохранения мира»;

2. «We are bound together by shared values: individual liberty, human rights, democracy, and the rule of law» — «Нас связывают общие ценности: свобода личности, права человека, демократия и верховенство права»;

3. «We adhere to international law and to the purposes and principles of the Charter of the United Nations and are committed to upholding the rules-based international order» — «Мы придерживаемся международного права, а также целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, и привержены поддержанию международного порядка, основанного на правилах»;

4. «We will also continue to strengthen our human security approach related to the protection of civilians and cultural property» — «Мы также будем продолжать укреплять наш подход к обеспечению безопасности человека в связи с защитой гражданских лиц и культурных ценностей»;

5. «At a time when international law and fundamental norms are challenged, we remain fully committed to international humanitarian law» — «Мы по-прежнему полностью привержены международному гуманитарному праву в условиях, когда международное право и основные нормы подвергаются угрозе»;

6. «Seventy-five years ago, NATO was founded to preserve peace and promote stability within the Euro-Atlantic area» — «Семьдесят пять лет назад было создано НАТО для сохранения мира и содействия стабильности в евроатлантическом регионе» и др.

Правомерность таких формулировок, как *сохранение мира; свобода личности, права человека, демократия и верховенство права; приверженность международному праву, а также целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, поддержанию международного порядка, основанного на правилах; укрепление подхода к обеспечению безопасности человека в связи с защитой гражданских лиц и культурных ценностей; приверженность международному гуманитарному праву*, можно поставить под сомнение на основе общеизвестных исторических фактов, которые зафиксированы в документах и с которыми можно познакомиться в открытых источниках. В XX–XXI вв. список уничтоженных Вашингтоном либо утративших государственность стран включает государства Латинской Америки, Европы, Ближнего Востока, Африки, Азиатско-

Тихоокеанского региона, в том числе Корею (1950–1953 гг.), Вьетнам (1965–1973 гг.), Сомали (1992–1994, 2007–2008 гг.), Югославию (1990–1999 гг.), Ирак (1991 г.; бомбардировки 1992–2002, 2003–2012 гг.), Афганистан (2001–2021 гг.), Ливию (2011 г.), Сирию (2011–2015 гг., 2024 г.).

Кроме того, военные интервенции США были осуществлены в Колумбию (1901 г.), Панаму (1902 г.), Филиппины (1906 г., 1966 г.), Китай (1895, 1911, 1927–1934, 1939 гг.), Россию (1918–1920 гг.).

Американские спецслужбы причастны к государственным переворотам в Иране (1953 г.), Ливане (1958, 1982–1983 гг.), на Гаити (1959 г.), в Эквадоре (1960 г.), Гватемале (1960 г., 1966 г.), Индонезии (1966 г.), Конго (1967, 1978 гг.), Камбодже (1968 г.), Никарагуа (1907, 1937, 1972 гг.), Лаосе (1971–1973 гг.), Гренаде (1983 г.), Гондурасе (1988 г.), Панаме (1989–1990 гг.), Восточном Тиморе (2000 г.), Грузии (2003 г.), Пакистане (2005–2006 гг.), на Украине (2008, 2014 гг.) и т. д.¹

На основе вышеперечисленных фактов можно сделать вывод о том, что цели НАТО далеки от мирных, напротив, итогом деятельности этой организации стало не поддержание и сохранение мира, а многочисленные человеческие жертвы, в том числе среди гражданского населения, гуманитарная катастрофа, голод, разрушение государственности целого ряда стран.

Рассмотрим другие примеры вторичной вербальной номинации в сфере информационного противоборства применительно к важнейшим проблемам мировой политики: «зеленая повестка», «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека».

Мировой тенденцией последнего десятилетия, активно утверждаемой Западом, стала «зеленая повестка» для достижения в том числе «энергетической безопасности» в контексте борьбы с изменением климата. Данная инициатива предполагает реализацию мер, направленных на защиту окружающей среды и устойчивое развитие. В ее основе отказ от использования углеводородов, угля и атомной энергетики и переход на энергию воды, ветра и солнца.

На Западе была развернута активная пропагандистская кампания: проводились международные конференции, принимались декларации, подписывались международные договоры, появились свои спикеры, пропагандирующие «зеленую» трансформацию, среди них наибольшую известность получи-

¹ <https://ruxpert.ru/Список военных операций США>.

ла Грета Тунберг. В контексте реконцептуализации языковой картины мира «зеленая повестка» и «энергетическая безопасность» рассматриваются нами как демонстрация приема вторичной вербальной номинации.

Так, на официальном сайте НАТО в июне 2021 г. представлен «План действий НАТО по изменению климата и безопасности» (NATO Climate Change and Security Action Plan), в соответствии с которым утверждается, что «НАТО также проведет оценку того, как изменение климата может повлиять на ее потенциал сдерживания и обороноспособности, включая готовность, оснащение, подкрепление и военную мобильность»¹.

«NATO will also assess how climate change might impact its deterrence and defence posture, including readiness, enablement, reinforcement, and military mobility».

В Вашингтонской итоговой декларации 2024 г. также сделан акцент на этой проблеме: «We will continue integrating climate change considerations into all core tasks and will enhance our energy security efforts. Climate change is a defining challenge with a profound impact on our security. NATO remains committed to becoming the leading international organisation for understanding and adapting to the impacts of climate change and extreme weather on security. Energy is a critical capability enabler to NATO's core tasks and military operations... As we adapt our Alliance to the ongoing energy transition, we will ensure military capability, effectiveness, and interoperability»². — «Мы продолжим учитывать соображения, связанные с изменением климата, во всех основных задачах и активизируем наши усилия в области энергетической безопасности. Изменение климата — это определяющий вызов, глубоко влияющий на нашу безопасность. НАТО остается неизменной в своем стремлении стать ведущей международной организацией по пониманию последствий изменения климата и экстремальных погодных условий для безопасности и адаптации к ним. Энергия — это критически важный фактор, определяющий силы и средства при выполнении военных операций... По мере адаптации нашего Североатлантического союза к происходящему энергетическому переходу мы будем обеспечивать военный потенциал, эффективность и оперативную совместимость».

На основе данного примера можно сделать вывод о том, что НАТО использует проблему изменения климата как часть своей повестки, климатическая риторика позволяет НАТО, ее партнерам и союзникам расширять свое влияние и оправдывать военные расходы на «экологические операции», о чем косвенно свидетельствует подрыв «Северных потоков».

Обратимся к другому примеру. В статье «Связь между климатом и космосом: новые подходы к укреплению устойчивости НАТО» авторы напрямую утверждают, что «технологии, которые изначально предназначались и использовались для отслеживания погодных явлений, помогают вооруженным силам стран НАТО совершенствовать боевые силы и средства, повышать оперативную эффективность и осведомленность об обстановке на поле боя», особенно в контексте продолжающейся войны на Украине, где радиолокационные данные и спутниковые изображения «помогают украинским силам следить за передвижением российских войск»³. Кроме того, авторы указывают на то, что «с помощью данных с европейского спутника „Сентинэл“», использовавшихся ранее для наблюдения за ростом растительности, оценивается ущерб, наносимый зданиям, а также отслеживается передвижение войск и техники на западе территории России.

Известно, что инициатором «зеленого» перехода стали США, навязывающие новую энергетическую повестку Евросоюзу. Цель — закрепить на международном уровне собственные экологические стандарты и продвинуть свои технологии на глобальные рынки. Вскоре обозначились последствия: стали закрываться угольные шахты, останавливаться энергоблоки атомных электростанций. В странах ЕС появились целые поля с ветрогенераторами и панелями с солнечными батареями, на улицах европейских городов появилось большое количество электромобилей. В результате такого внедрения «зеленой повестки» и «энергетической безопасности» темпы экономического развития Европы резко сократились, автомобильная промышленность оказалась в тяжелом кризисе. Также стала очевидна выгода США от утверждения энергетической диверсификации. После значительного сокращения европейцами закупок российского трубопроводного газа американские экспортеры начали агрессивно осваивать рынки Европы. В 2022 г.

¹ https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_185174.htm.

² https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_227678.htm?selectedLocale=en.

³ <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2022/08/18/svyaz-meyodu-klimatom-i-kosmosom-novye-podhody-k-ukrepleniyu-ustojchivosti-nato/index.html>.

продажи сжиженного природного газа из США в Европу увеличились почти в 2,5 раза по отношению к 2021 г. Таким образом, Вашингтон использует фактор борьбы за экологию как инструмент для решения широкого спектра проблем — от противостояния России до тотального реформирования правил игры в международных экономических отношениях.

Весьма показательной является статья Стива Миллой, опубликованная 6 февраля 2025 года в американском журнале *Real ClearEnergy* под названием «There Is Nothing Green About the 'Green' Agenda»¹. «Климатический скептик» — республиканец утверждает, что в решениях климатических левых «нет ничего зеленого». В своей статье он приводит целый ряд аргументов, свидетельствующих о крайне негативных последствиях такого рода «зеленой» повестки: использование рабов-детей в Конго для добычи кобальта для литий-ионных аккумуляторов, используемых в электромобилях, когда дети работают грубыми инструментами и голыми руками, вдыхая токсичную пыль кобальта в тесных ямах, при этом сточные воды, пропитанные кобальтом и другими химикатами, загрязняют водоснабжение; в Индонезии отходы переработки при добыче и переработке никеля просачиваются в землю, пылевые остатки повсеместно покрывают близлежащие населенные пункты, в то время как водные пути, загрязненные горнодобывающими работами, имеют красный оттенок; в Бразилии был закрыт завод по производству алюминия для Ford F-150 Lightning, полностью электрического пикапа компании, в результате удовлетворения иска, когда выяснилось, что токсичные элементы, включая алюминий и другие тяжелые металлы, выделяемые заводом, являются причиной рака, врожденных дефектов, неврологических расстройств, расстройств пищеварения, кожных заболеваний и повышенной смертности. Стив Миллой также указывает на то, что уничтожение лесных угодий для солнечных батарей вредно для окружающей среды, так как потеря лесов, поглощающих углекислый газ для солнечных установок, приводит к увеличению выбросов парниковых газов, а работа ветряных электростанций приводит к массовой гибели диких животных, так как нарушается среда обитания. Автор статьи,

подводя итог, утверждает, что правда заключается в том, что зеленой энергии не существует, как и не существует «чистой» или «грязной» энергии, а есть проблемы, решения и компромиссы, при этом во времена и без того высоких цен на энергоносители выбор надежной энергии, поддерживаемой ископаемым топливом, имеет первостепенное значение.

Приведем еще один пример демонстрации приема вторичной номинации на уровне стратегической дезинформации, связанный с концептом «зеленая повестка». В феврале 2024 г. в журнале «XQ The News» была опубликована статья «Greenwashing: what is fake green?» («Ложная экологичность: что такое фальшивый зеленый?»)². По сути, в статье речь идет о ложной информации об «экологической ответственности» со стороны целого ряда компаний, когда они, заявляя о том, что их продукция «экологична», по факту скрывают истинные данные и используют характеристики, которые не соответствуют действительности. Термин «гринвошинг» («ложная экологичность» / «эквити-рательство») был впервые использован экологом Джейм Вестервельдом в 1986 г. во время отдыха на Фиджи. Позже он защитил диссертацию по данной проблеме, и эта тема стала широко обсуждаться с привлечением общественности, вплоть до того, что ООН также обратила на нее внимание. На сайте ООН в разделе, посвященном мерам по борьбе с изменением климата, опубликована статья «Ложная экологичность — это обманчивая тактика, скрывающаяся за заявлениями об экологической безопасности» («Greenwashing — the deceptive tactics behind environmental claims»), в которой описываются приемы недобросовестных компаний, связанные с ложной экологичностью³. Генсек ООН Антониу Гутерриш также высказался по этой проблеме в ходе презентации доклада Группы экспертов высокого уровня по достижению чистого нулевого уровня выбросов: «Мы должны проявлять нулевую терпимость к „зеленому промыванию мозгов“», — заявил он («We must have zero tolerance for net-zero greenwashing»)⁴.

В статье журнала «XQ The News» приводятся конкретные факты, например о компании и сети кофеен «Starbucks», которая в рамках своей стратегии «устойчивого раз-

¹ https://www.realclearenergy.org/articles/2025/02/06/there_is_nothing_green_about_the_green_agenda_1089809.html.

² <https://xqthenews.com/en/greenwashing-what-is-fake-green/>.

³ <https://www.un.org/en/climatechange/science/climate-issues/greenwashing>.

⁴ <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2022-11-08/secretary-generals-remarks-launch-of-report-of-high-level-expert-group-net-zero-commitments-delivered>.

вития» или экологической ответственности в 2018 году выступила с инициативой «Крышка без трубочки», но эта крышка содержала больше пластика, чем старая комбинация крышки и трубочки. Похожая ситуация возникла с компанией «McDonalds», которая в том же году объявила, что откажется от одноразовых пластиковых трубочек в своих ресторанах и предложит бумажные трубочки. Однако позже выяснилось, что трубочки на самом деле не подлежат переработке и т. д.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что концепты «зеленая повестка» и «энергетическая безопасность» являются демонстрацией приема вторичной вербальной номинации, используются в целях стратегической дезинформации для продвижения «коллективным Западом» во главе с США экспансионистской политики, а также применяются недобросовестными компаниями для привлечения покупателей и увеличения спроса на свою продукцию. Под различными лозунгами зеленой повестки и энергетической безопасности, в том числе необходимости адаптировать военные стратегии к новым реалиям, западные страны продвигают свои геополитические интересы, воздействуют на рынки других стран, контролируют ключевые ресурсы.

Рассмотрим еще один пример демонстрации приема вторичной вербальной номинации, связанный с такими концептами, как «стратегия в области биотехнологий» и «технологий совершенствования человека».

На официальном сайте НАТО 12 апреля 2024 г. опубликован документ, представляющий собой краткое изложение стратегии НАТО в области биотехнологий и технологий совершенствования человека — «Summary of NATO's Biotechnology and Human Enhancement Technologies Strategy»¹. Приведем ряд цитат: «Biotechnology and human enhancement technologies (BHE) will transform our economies, societies, security and defence in unprecedented and unforeseeable ways» — «Биотехнологии и технологии совершенствования человека преобразуют нашу экономику, общество, безопасность и оборону в беспрецедентных и непредсказуемых масштабах»... «Human Enhancement Technologies are biotechnological and non- biotechnological interventions that enable individuals to operate beyond normal human limits or abilities. Opportunities to leverage human enhancement technologies for our defence and security include improving: military medicine and rehabilitation of military personnel...; cognitive awareness, especially in complex operational environments

where human-machine interfaces and fatigue countermeasures can enhance decision-making beyond baseline human capabilities» — «Технологии совершенствования человека — это биотехнологические и небиотехнологические вмешательства, которые позволяют людям действовать за пределами обычных человеческих ограничений или способностей. Возможности использования технологий совершенствования человека для нашей обороны и безопасности включают улучшение в таких сферах: военная медицина и реабилитация военнослужащих...; когнитивная осведомленность, особенно в сложных оперативных условиях, где взаимодействие человека и машины и меры по борьбе с усталостью могут улучшить процесс принятия решений, выходя за рамки базовых человеческих возможностей».

На основе приведенных примеров можно сделать промежуточный вывод о том, что первоначальная цель НАТО — реабилитация военнослужащих, повышение их выносливости в экстремальных ситуациях. Однако 5 и 7 пункты стратегии гласят: «Human enhancement technologies also present defence and security risks against which Allies and NATO must safeguard, including strategic competitors and potential adversaries enhancing their forces, or otherwise seeking to degrade Allied forces by exploiting cognitive, physical or technological vulnerabilities, to achieve military advantages»... — «Технологии совершенствования человека также представляют собой риски для обороны и безопасности, от которых союзники и НАТО должны защищаться, включая стратегических конкурентов и потенциальных противников, усиливающих свои силы или при иных обстоятельствах пытающихся ослабить силы союзников, используя когнитивные, физические или технологические уязвимости для достижения военного преимущества». «Our use of BHE technologies must be founded on our norms, values and commitment to international law» — «Использование нами технологий BHE должно основываться на наших нормах, ценностях и приверженности международному праву».

Отметим, НАТО заявляет о том, что стремится развивать технологии «совершенствования человека», что будет способствовать улучшению физического состояния военнослужащих, повышению их эффективности. Однако фактически речь идет также о том, что цель организации — противостоять потенциальным угрозам на основе правил и норм, разработанных самой НАТО.

¹ https://www.nato.int/cps/ra/natohq/official_texts_224669.htm.

На пленарном заседании 11 апреля 2023 г. Государственная дума РФ единогласно утвердила итоговый доклад, озвученный заместителем Председателя ГД РФ И. Яровой, из которого следует, что по поручению Председателя Государственной думы было инициировано парламентское расследование по факту деятельности американских биологических лабораторий на Украине¹. Была проведена большая работа, изучены и соотнесены многие факты, установлены свидетели, исходя из имеющихся сведений был сделан ряд выводов: «...Пентагон организовал на Украине план военно-биологической оккупации. Именно на Соединенных Штатах сегодня лежит вина и ответственность за военно-биологическую оккупацию Украины... Фактически Украина превратилась в очаг эпидемий кори, туберкулеза и других заболеваний. При помощи Комиссии специалистами Министерства обороны был проведен анализ 180 проб крови проходящих лечение украинских военнослужащих, который показал: более 30 % из них переболели или больны гепатитом, 14 % — конго-крымской лихорадкой, а 21 % — лихорадкой Западного Нила. Данные заболевания активно изучались на Украине представителями Пентагона в рамках проектов UP, и поэтому есть все основания утверждать об умышленном инфицировании гораздо большего количества украинских военнослужащих, чем указано в проекте».

Доказательства, представленные в докладе, свидетельствуют о том, что под благовидным предлогом (в том числе «совершенствования человека») администрация США инициировала создание глобальной военно-биологической сети и глобальной военно-биологической разведки для создания биологических рисков, запуска эпидемий и управления численностью населения.

Обратимся еще раз к Вашингтонской итоговой декларации НАТО 2024 года². В ней зафиксировано следующее положение: «We have accelerated NATO's transformation to meet current and future threats and to maintain our technological edge, including through experimentation and more rapid adoption of emerging technologies, and through digital transformation. To this end, we will implement our revised Artificial Intelligence Strategy and new Quantum and Biotechnology Strategies and further promote principles of responsible use which underpin our work...We are closely monitoring technological advancements on the battlefield in Ukraine and are launching new innovation initiatives with our Ukrainian part-

ners». — «Мы ускоряем процесс трансформации НАТО, чтобы противостоять нынешним и будущим угрозам и сохранить наше технологическое превосходство, в том числе благодаря проведению экспериментов, ускоренному внедрению новых технологий и цифровым преобразованиям. С этой целью мы будем реализовывать нашу пересмотренную стратегию в области искусственного интеллекта, новую квантовую стратегию и новую стратегию в области биотехнологий, а также и далее поддерживать основу нашей работы — принципы ответственного применения... Мы внимательно следим за технологическими достижениями на поле боя в Украине и запускаем новые совместные с украинскими партнерами инициативы в области инноваций». По сути, такая расплывчатая формулировка, как «we will implement our ... new Quantum and Biotechnology Strategies» — «мы будем реализовывать нашу новую квантовую стратегию и новую стратегию в области биотехнологий», может подразумевать действия в обход международного права, направленные на биологические эксперименты, разработку и накопление опасных патогенов и т. д., что созвучно с концептом «усовершенствование человека» и является демонстрацией примера вторичной вербальной номинации.

Можно провести параллели между докладом И. Яровой по парламентскому расследованию и данными «Стратегии НАТО в области биотехнологий и технологий совершенствования человека», а также итоговой Вашингтонской декларацией. В докладе И. Яровой говорится: «...Нашли подтверждение и факты о том, что США испытывали на украинских военнослужащих и незарегистрированные лекарственные препараты. Самое ужасное, что и сегодня мы видим подтверждение того, что военнослужащие Украины напичканы разными психотропными препаратами, которые направлены на повышение их агрессивности и нечеловеческой жестокости. Которая направлена против кого? Против женщин, детей и военнопленных».

Данные примеры, по нашему мнению, подтверждают использование СМИ «коллективного Запада» приема вторичной вербальной номинации с целью определенной идеологической установки, связанной с якобы гуманными целями «усовершенствования человека», с целью продвижения своих геополитических и интересов, однако фактически имеет место явное нарушение конвенции ООН о запрещении разработки, произ-

¹ <http://duma.gov.ru/news/56838/>.

² https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_227678.htm?selectedLocale=en.

водства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО), которая была одобрена Генассамблеей ООН в 1971 году и является бессрочной.

Для расширения доказательной базы обратимся к еще нескольким примерам, на основании которых можно с уверенностью утверждать, что концепты «стратегия в области биотехнологий» и «технологии совершенствования человека» являются примерами демонстрации приема вторичной вербальной номинации.

В ходе брифинга 24 декабря 2024 г. заместитель начальника войск радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных сил РФ генерал-майор Алексей Ртищев публично выступил с докладом, посвященным военно-биологической деятельности Вашингтона¹. Он заявил: «В зону повышенного интереса попала Африка. Администрация Соединенных Штатов рассматривает регион как неограниченный природный резервуар возбудителей опасных инфекций и полигон для натуральных испытаний экспериментальных медицинских препаратов». На официальном сайте Минобороны России представлен данный доклад, приведем несколько цитат: «...в то время, как заявленными целями являются мониторинг инфекционной заболеваемости и оказание помощи развивающимся странам, на практике мы видим наращивание военно-биологического потенциала США в обход обязательств по КБТО. При этом прослеживается четкая тенденция: возбудители болезней, которые попадают в зону интересов Пентагона, в дальнейшем получают пандемическое распространение, а выгодоприобретателями становятся американские фармкомпании; ... особое внимание уделено переносу незавершенных военно-биологических исследований с территории Украины; ... таким образом, на фоне поступательного укрепления позиций России в Африке, в том числе в сфере биобезопасности, Соединенные Штаты стремятся не допустить ослабления своего влияния в регионе... Как показывает практика, подобное взаимодействие оборачивается утратой национального суверенитета в сфере биобезопасности и ухудшением ситуации с заболеваемостью».

Проведенный анализ показывает, что НАТО, прикрываясь лозунгами об инициативах в области биотехнологий, направленных на защиту от возможных биологических угроз и улучшение здоровья населения, фактически использует свои наработки для

скрытых военных целей, что является с позиции лингвокогнитивного подхода демонстрацией вторичной вербальной номинации.

4. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проблема вторичной вербальной номинации не теряет своей актуальности, является важнейшим инструментом пропаганды в западных СМИ, которые продолжают целенаправленно блокировать сведения о военных преступлениях США и их союзников.

В рассмотренных нами примерах функцию вторичной номинации выполняют лексические единицы на уровне слов и словосочетаний, такие как «зеленая повестка», «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека», характеризующиеся семантической многозначностью и частотно-прецедентным употреблением в средствах массовой коммуникации в тех оценочных и смысловых коннотациях, которые необходимы для лоббирования определенных геополитических интересов, объективации концептосферы идеологии управления в соответствии с коммуникативным замыслом источника воздействия.

Такие концепты, как «зеленая повестка», «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека», которые находят свое отражение в дискурсе западных СМИ, зачастую под благовидными предлогами применяются для обозначения экологических инициатив, а также программ в сфере медицины и биотехнологий, которые фактически могут быть использованы для легитимации узкокорыстных экономических мер или политических и военных действий.

Применение вторичного номинирования косвенно сигнализирует о фактах блокирования информации и фальсификации истины, что необходимо осознавать и чему необходимо противостоять для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В дальнейшем мы планируем продолжить исследования, сосредоточив внимание на таких концептах, как «оборона», «трансгуманизм», «умный город» и др.

ИСТОЧНИКИ

1. «Зеленая повестка». Свет и тень экологической инициативы. — URL: <https://cominf.org/node/1166552498> (дата обращения: 28. 02.2025)
2. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. — 2020. — 31 июля. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/1424261/#:~:text=Конвенция о запрещении разра

¹ https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12543302@egNews.

ботки%2C производства, является бессрочной. (дата обращения: 7.03.2025)

3. Коновалов П. П., Арсентьев О. В., Буянов А. Л., Бекмурзов С. М. Применение биологического оружия — реалии современного мира. // Сибирское медицинское обозрение. — 2015. — № 4. — С. 79–84. — URL: https://smr.krasgmu.ru/journal/121_16.pdf (дата обращения: 5. 03.2025). The use of biological weapons — realities of the contemporary world

4. Ларина Е., Овчинский В. США и НАТО: ставка на инновационные технологии в военном деле // Завтра. — 2023. — 13 янв. — URL: https://zavtra.ru/blogs/ssha_i_nato_stavka_na_innovatsionnye_tehnologii_v_voennom_dele (дата обращения: 7.03.2025)

5. Минобороны: США рассматривают Африку как полигон для испытаний препаратов // Piter.tv. — 2024. — 24 дек. — URL: https://piter.tv/event/Minoboroni_SShA_rassmatrivayut_Afriku_kak_poligon_dlya_ispytaniy_preparatov/ (дата обращения: 8.03.2025)

6. Россия предостерегла Африку от сотрудничества с США в военно-биологической сфере // Коммерсантъ. — 2024. — 24 дек. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402040> (дата обращения: 8. 03.2025)

7. Milloy, Steve. There Is Nothing Green About the ‘Green’ Agenda. // Real Clear Energy. — 2025. — Feb. 6. — URL: https://www.realclearenergy.org/articles/2025/02/06/there_is_nothing_green_about_the_green_agenda_1089809.html (date of access: 1.03.2025)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бартош, А. А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI в. / А. А. Бартош. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2022. — 324 с.: с ил. — Текст : непосредственный.

2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар. — Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва : [б. и.], 1987. — С. 88–125.

3. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Наука : Флинта, 2008. — Текст : непосредственный.

4. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности : моногр. / С. М. Иншаков. — Москва : РУСАЙНС, 2024. — 306 с. — Текст : непосредственный.

5. Иссерс, О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 1. — С. 74–79.

6. Кабаченко, А. М. Особенности ведения войны в современных условиях; характерные черты «гибридных» войн / А. М. Кабаченко. — Текст : электронный. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-voyny-v-sovremennykh-usloviyah.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

7. Красильникова, Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : дис. ... канд. филол. наук / Красильникова Н. А. — Екатеринбург, 2005. — Текст : непосредственный.

8. Кушнерук, С. Л. Основные направления развития российской лингвистики информационно-психологической войны / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — С. 20–43.

9. Панарин, И. Н. Гибридная война и ЯЛТА-2 / И. Н. Панарин. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2023. — 452 с.: ил. — Текст : непосредственный.

10. Попова, З. Д. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. — С. 8–50. — Текст : непосредственный.

11. Романов, А. А. Технология резонансной информации в политической коммуникации / А. А. Романов, Л. А. Романова. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России — 6. Материалы постоянно действующего семинара. — Москва : [б. и.], 2002.

12. Сивков, К. Гибридная война / К. Сивков, К. Соколов. — Москва : Наше завтра, 2023. — 280 с. — Текст : непосредственный.

13. Хабаров, А. А. Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Хабаров А. А. — Москва, 2022. — Текст : непосредственный.

14. Языковая номинация: виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1977. — 356 с. — Текст : непосредственный.

15. Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников, д-р филол. наук А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1977. — 360 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. «Zelenaya povestka». Svet i ten' ekologicheskoy initsiativy [“Green Agenda”. Light and Shadow of the Environmental Initiative] (n.d.). Retrieved Feb. 28, 2025, from <https://cominf.org/node/1166552498> (In Russ.)

2. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2020, July 31). *Konventsia o zapreshchenii biologicheskogo i toksinogo oruzhiya* [Biological and Toxin Weapons Convention]. Retrieved March 7, 2025, from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/1424261/#~:text=Konventsia o zapreshchenii razrabotki%2Cproizvodstva,Yavlyatsya bessrochnoy (In Russ.)

3. Konovalev, P.P., Arsent'ev, O.V., Buyanov, A.L., & Bekmurzov, S.M. (2015). *Primenenie biologicheskogo oruzhiya — realii sovremennogo mira* [The use of biological weapons — realities of the contemporary world]. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie*, 4, 79–84. Retrieved March 5, 2025, from https://smr.krasgmu.ru/journal/121_16.pdf (In Russ.)

4. Larina, E., & Ovchinskiy, V. (2023, Jan. 13). SShA i NATO: stavka na innovatsionnye tekhnologii v voennom dele [USA and NATO: betting on innovative technologies in military affairs]. *Zavtra*. Retrieved March 7, 2025, from https://zavtra.ru/blogs/ssha_i_nato_stavka_na_innovatsionnye_tehnologii_v_voennom_dele (In Russ.)

5. Piter.tv (2024, Dec. 24). *Minoborony: SShA rassmatrivayut Afriku kak poligon dlya ispytaniy preparatov* [Ministry of Defense: US considers Africa as a testing ground for drugs]. Retrieved March 8, 2025, from https://piter.tv/event/Minoboroni_SShA_rassmatrivayut_Afriku_kak_poligon_dlya_ispytaniy_preparatov/ (In Russ.)

6. Rossiya predostereгла Afriku ot sotrudnichestva s SShA v voenno-biologicheskoy sfere [Russia warned Africa against cooperation with the US in the military-biological sphere] (2024, Dec. 24). *Kommersant*. Retrieved March 8, 2025, from <https://www.kommersant.ru/doc/7402040> (In Russ.)

7. Milloy, Steve (2025, Feb. 6). There Is Nothing Green About the ‘Green’ Agenda. At *Real Clear Energy* (site). Retrieved March 1, 2025, from https://www.realclearenergy.org/articles/2025/02/06/there_is_nothing_green_about_the_green_agenda_1089809.html

REFERENCES

1. Bartosh, A.A. (2022). *Tuman gibridnoi voyny. Neopredelennosti i riski konfliktov XXI v.* [Fog of hybrid war. Uncertainties and risks of conflict in XXI]. Moscow: Goriachaia liniia — Telekom, 324 p. (In Russ.)

2. Blakar, R.M. (1987). *Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti* [Language as an Instrument of Social Power]. In *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya* (pp. 88–125). Moscow. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Metafora v politicheskoi kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Nauka: Flinta, 248 p. (In Russ.)

4. Inshakov, S.M. (2024). *Gibridnaya voyna v sisteme voennykh ugroz natsional'noi bezopasnosti* [Hybrid war in the system of military threats to national security] [Monograph]. Moscow: RUSAINS, 306 p. (In Russ.)

5. Issers, O.S. (1999). *Rechevoe vozdeystvie v aspekte kognitivnykh kategoriy* [Speech Impact in the Aspect of Cognitive Categories]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1, 74–79. (In Russ.)

6. Kabachenko, A.M. (n.d.). *Osobennosti vedeniya voyny v sovremennykh usloviyakh; kharakternye cherty «gibridnykh»*

voin [Features of warfare in modern conditions; characteristics of «hybrid» wars]. Retrieved March 12, 2025, from <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-voyny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf> (In Russ.)

7. Krasil'nikova, N.A. (2005). *Metaforicheskaya reprezentatsiya lingvokul'turologicheskoy kategorii SVOI — ChUZhIE v ekologicheskom diskurse SShA, Rossii i Anglii* [Metaphorical Representation of the Linguocultural Category OF OURS — ALIENS in the Environmental Discourse of the USA, Russia, and England] [Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 2005. (In Russ.)

8. Kushneruk, S.L. (2020). Osnovnye napravleniia razvitiia rossiiskoi lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoi voyny [Main directions of the development of Russian linguistics of information and psychological war]. In A.P. Skovorodnikov (Ed.), *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voyny* [Linguistics of information and psychological war] (Monograph, Vol. III). Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. (In Russ.)

9. Panarin, I.N. (2023). *Gibridnaia voina i IaLTA-2* [Hybrid war and YALTA-2]. Moscow: Goriachaia liniia — Telekom, 452 p. (In Russ.)

10. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2002). *Iazyk i natsional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii* [Language and national consciousness. Questions of theory and methodology]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (In Russ.)

11. Romanov, A.A., & Romanova, L.A. (2002). Tekhnologiya rezonansnoy informatsii v politicheskoy kommunikatsii [Technology of resonant information in political communication]. In *Politicheskii diskurs v Rossii* (Materials of the permanent seminar, Iss. 6). Moscow, 2002. (In Russ.)

12. Sivkov, K., & Sokolov, K. (2023). *Gibridnaia voina* [Hybrid warfare]. Moscow: Nashe zavtra, 280 p. (In Russ.)

13. Khabarov, A.A. (2022). Etnokognitivnye osnovy informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviia v kommunikativnoi dinamike diskursa [Ethno-cognitive basis of informational and psychological impact in the communicative dynamics of discourse] (Doctoral thesis). Moscow. (In Russ.)

14. Serebrennikov, B.A., & Ufimtseva, A.A. (Eds.) (1977). *Iazykovaia nominatsiia: vidy naimenovanii* [Language nomination: types of names]. Moscow: Nauka, 356 p. (In Russ.)

15. Serebrennikov, B.A., & Ufimtseva, A.A. (Eds.) (1977). *Iazykovaia nominatsiia (obshchie voprosy)* [Language nomination (general questions)]. Moscow: Nauka, 360 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.112.2'42+81'27+808.54
ББК ШП43.24-51+ШП43.24-55+ ШП43.24-003

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Джамиля Ревшеновна Извольская

Государственный университет просвещения, Москва, Россия, izvolik@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2582-8838>

Концепт «безопасность» (Sicherheit) в языковой картине мира немцев и немецких политиков

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуются признаки концепта *Sicherheit* в обыденном сознании немцев на основе данных ассоциативного эксперимента А. Г. Смирновой и Г. С. Климовой и признаки данного концепта в политическом и публицистическом дискурсе. В качестве второго источника исследуются выступления в ЕС как источник политического дискурса. Путем анализа значений концепта *Sicherheit* в сознании немцев сравниваются ценности народа и те, которые прокламируются немецкими политиками на уровне ЕС.

Цель статьи — выявить наиболее характерные, укорененные в немецком характере признаки концепта *Sicherheit*, а через них — присущие ему ценности немецкого народа, а также выявить возможные сходства и расхождения в понимании данного концепта и стоящих за ним ценностей немцами и их лидерами. Статья опирается на предыдущие исследования **методом построения ассоциативного поля**, а также действует методы **семан- тико-когнитивного, контекстного, дискурс-анализа** для изучения высказываний политиков. Используются также понятия психолингвистики («картина мира») и понимание концепта с точки зрения лингвокультурологического подхода. Исследование носит междисциплинарный характер и привлекает знания не только лингвистики, но и политической науки, используются элементы политологического анализа.

Было выявлено, что между пониманием концепта *Sicherheit* простыми немцами и немецкими политиками существует разрыв: в то время как в поле ЕС безопасность декларируется как оборона от врагов, самими немцами она понимается как нахождение в кругу семьи, чувство спокойствия, а также обеспечение правопорядка. Можно сделать вывод, что картина мира, которая навязывается немцам нынешними немецкими политиками, не соответствует их личной картине мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептосфера, концепты, безопасность, обыденное сознание, языковая картина мира, немцы, немецкие политики, система ценностей, немецкий язык, политический дискурс, политическая риторика, политические речи, политические тексты, политические деятели, речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Извольская Джамиля Ревшеновна, аспирантка, Государственный университет просвещения; 105005, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2; email: izvolik@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Извольская, Д. Р. Концепт «безопасность» (Sicherheit) в языковой картине мира немцев и немецких политиков / Д. Р. Извольская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 145-153.

Dzhamilya R. Izvol'skaya

Federal State University of Education, Moscow, Russia, izvolik@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2582-8838>

The Concept of “Sicherheit” (Security) in the Linguistic Worldview of Germans and German Politicians

ABSTRACT. This article investigates the specific features of the concept of *Sicherheit* in the everyday consciousness of Germans based on the data of the associative experiment of A. G. Smirnova and G. S. Klimova and the properties of this concept in political and journalistic discourse. The study focuses on German politicians' speeches in the EU as sources of practical research material. By analyzing the meanings of the concept of *Sicherheit* in the consciousness of Germans, the article compares the values of the people and the values proclaimed by German politicians at the EU level.

The aim of the article is to identify the most typical properties of the concept *Sicherheit*, rooted in the German character, and through them, the inherent values of the German people, as well as to discover the possible similarities and differences in the understanding of this concept and the values underlying it by Germans and their leaders. The article draws on previous research using the **associative field method** and employs **methods of semantic-cognitive, contextual, discourse analysis** to study the utterances of German politicians. The research also involves the concepts of psycholinguistics (“worldview”) and the interpretation of the concept from the perspective of the linguoculturological approach. The study has an interdisciplinary character and engages knowledge not only from linguistics but also from political science; it also involves elements of politological analysis.

The study has revealed that there is a discrepancy between ordinary Germans and German politicians' understanding of the concept of *Sicherheit*. While in the EU, security is proclaimed as defense from enemies; ordinary Germans understand it as being in the family circle, as a sense of peace and preservation of law and order. It can be concluded that the linguistic worldview of German politicians is imposed on ordinary Germans, and does not correspond to their personal views.

KEYWORDS: *conceptosphere, concepts, security, everyday consciousness, linguistic worldview, Germans, German politicians, system of values, German language, political discourse, political rhetoric, political speeches, political texts, politicians, speech.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Izvol'skaya Dzhamilya Revshenovna, Post-Graduate Student, Federal State University of Education, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Izvol'skaya D. R. (2025). The Concept of "Sicherheit" (Security) in the Linguistic Worldview of Germans and German Politicians. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 145-153. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Поскольку далее мы будем иметь дело с лингвокультурными концептами, то дадим определение концепта. М. В. Пименова дает следующее определение: «Концепт — это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в свободной и закреплённой формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концепта. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры [Пименова 2006]. Ю. С. Степанов в монографии «Концепты» даёт более культурно органичное определение: концепт — это понятие, но «расширенное» культурными, эмоциональными, научными признаками.

Ранее изучались такие концепты немецкой лингвокультуры, как *Ordnung* и *Achtung* [А.Вежбицкая], но концепт *Sicherheit* изучался ограниченно. Исследованием этого концепта занимались Н. Г. Коршунова и М. Т. Касимова в 2014 г. и Т. С. Медведева в 2011 г., как упоминают А. Г. Смирнова и Г. С. Климова [Смирнова, Климова 2022: 745]. В исследовании Г. Фернандес-Диаса в переводе Е. Е. Аникина показано, что слово «безопасность» («security») занимает второе место в списке наиболее употребимых слов в дискурсе ЕС до 2008 г. [Фернандес-Диас 2008: 66].

Концепт, по определению, должен воплощать в себе нечто специфичное для данной культуры, хотя В. И. Карасик считает, что каждое отдельно взятое слово не является единственным способом актуализации того или иного концепта: «*Лингвокультурный концепт* — это *многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны*». Среди онтологических характеристик концепта выделяются: 1) наличие имен концептов, 2) неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности, в зависимости от их значимости в иерархии данного этноса, 3) специфическая комбинаторика ассоциативных признаков этих концептов и другие [Карасик 2004: 109]. Пункт 3 позво-

ляет говорить о том, что в представлении разных этносов признаки концепта могут иметь различное значение и положение в иерархии концептов. Как пишет В. И. Карасик, она связана с различным освоением действительности разными этносами.

С одной стороны, концепты отличаются устойчивостью, с другой, могут несколько видоизменяться в связи с событиями в стране и в мире, сменой взглядов. А. И. Хлопова и О. М. Ладоша отмечают: динамика изменения содержания концепта способна репрезентироваться в языке [Хлопова, Ладоша 2021]. С нашей точки зрения, именно это происходит с концептом *Sicherheit* в немецком обществе. Динамику данного процесса постараемся показать в данной статье.

Следует также, несмотря на известность данных положений, сказать несколько слов о различии «**понятия**» и «**концепта**». Если понятие — нечто, обладающее категориальными признаками, которые являются для него определяющими, то «концепт» — нечто более широкое, включающее признаки из окружающего мира, которые присвоили данному понятию люди — носители данной культуры. В *понятии* сигнификативное значение является главным [Кобозева 2000: 44]. *Концепт* же — это, согласно наиболее полному объяснению, «ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой» [Попова, Стернин 2007: 34]. В структуре концепта отображаются признаки, функционально *значимые для соответствующей культуры*.

Структура концепта — это совокупность обобщённых признаков и групп признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира.

В настоящей статье мы воспользуемся методами семантико-когнитивного анализа, предполагающего разбор концепта на признаки, и контекстного анализа, предполагающего анализ того, какой из признаков репрезентируется в том или ином контексте. Для этого мы: 1) определим признаки концепта *Sicherheit* в русской и немецкой культуре путем опоры на предыдущие исследования, 2) сравним репрезентацию этих признаков в избранных контекстах.

Контексты употребления признаков концепта *Sicherheit* отбирались в текстах публицистического дискурса. Важнейшая функция текстов этого типа дискурса — транслировать мнения от политиков к народу и в обратную сторону, отражать настроения в обществе; кроме того, в публицистическом дискурсе раскрываются наиболее наглядно присущие концепту *Sicherheit* признаки.

Каждая культура имеет свою *картину мира*, об этом писали М. В. Пименова, А. А. Вежицкая, В. И. Карасик и др. «Языковая картина мира, — отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, — это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин 2007: 38], т. е. *картина мира отражает представления народа на определенном этапе его развития*. Так, концепт *Kriegszeit* («военное время») в немецкой лингвокультуре в XX — начале XXI века обозначал период Второй мировой войны. В предыдущие же столетия, как можно предположить, он мог обозначать войны Пруссии с Францией в 1806–1807 гг., 1870–1871 гг., войну с Австрией. По определению, данному А. А. Зализняк и Б. Левонтиной, «*картина мира*» — это совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, которые складываются в некую единую систему взглядов и предписаний. Под редакцией названных авторов вышли две книги о русских ценностях — «Константы и переменные русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина 2012] и «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина 2005].

По А. П. Бабушкину, картина мира — это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (индивидуальном, групповом) сознании [Бабушкин 2002: 10], существующая на определенном этапе в жизни общества.

В картину миру входят ценности носителей данной лингвокультуры. В данной работе мы разберем, соответствуют ли ценности, выражаемые немецкими политиками, ценностям, отраженным в концептах немецкого народа.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В данной работе мы руководствуемся одним из традиционных методов анализа концептов — методом ассоциативного эксперимента, который используется во многих трудах по анализу концептов. Мы опираемся на ассоциативный эксперимент, уже проведенный А. И. Хлоповой и О. М. Ладосей, в котором они выявили семантические признаки концепта «безопасность» в сознании

немцев. Данные авторы относят концепт «безопасность» к *базисным* и ссылаются на то, что он присутствовал в немецкой культуре в течение сотен лет. Как определяют авторы исследования, «базисные концепты сопоставимы с ценностями и всегда культурно обусловлены, поэтому список базисных концептов в различных культурах не одинаков» [Хлопова, Ладоса 2021]. Кроме того, данные авторы использовали в своей работе анализ словарных дефиниций, анализ сочетаемости исследуемого слова, контекстный анализ. В своей работе авторы сопоставляют лексикографические данные и ассоциативное поле слова-стимула *Sicherheit*, чтобы затем сравнить интегративные признаки, выделенные лексикографическим путем, и признаки, выделенные в ассоциативном эксперименте.

По мнению Е. С. Рябковой, анализ фрагментов дискурса также может служить средством анализа объективирующих концепт признаков [Рябкова 2012]. Данный метод мы также применяем в данной работе.

Среди многих определений дискурса (Т. ван Дейк, А. А. Кибрик, В. З. Демьянков, В. В. Красных, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов) мы придерживаемся широкого понимания, которое в обобщенном виде представим так: «Дискурс — это *сложное коммуникативное явление*» (Т. ван Дейк, А. Е. Кибрик), включающее не только анализ речевых событий, но и мнения и установки говорящих, а также *деятельность*, в процессе которой порождается текст. Таким образом, дискурс — это нечто, формирующееся в процессе коммуникации между двумя или более индивидами. Мы полагаем, что медиадискурс является именно таким сложным явлением, в котором через журналистов отражается мнение общества, поэтому мы используем также и его для анализа языковой картины немцев.

А. Е. Кибрик противопоставляет текстцентрическую, автономную лингвистику, которая изучает язык в самом себе, без опоры на «экстралингвистические» факторы, и антропоцентрическую лингвистику, которая обращает внимание на совместную коммуникативную деятельность, функционирование языка в определенных временных и социальных обстоятельствах. Это и есть парадигма дискурса.

В данной статье мы рассматриваем восприятие безопасности в Европейском союзе, сравнивая восприятие концепта безопасности простыми немцами (на примере результатов ассоциативных экспериментов и материалов СМИ) и немецкими политическими деятелями, позиции которых важны для всего ЕС, а именно главы Еврокомиссии Урсулы

фон дер Ляйен. Поскольку указанный немецкий политик занимает пост, который позволяет ей напрямую формировать политику ЕС в области внешней политики, безопасности и обороны, то ее восприятие безопасности транслируется другим странам ЕС как позиция Германии, и во внешний мир — как позиция всего ЕС.

3. ИССЛЕДОВАНИЕ

Восприятие концепта «безопасность» немцами

В работе А. Г. Смирновой и Г. С. Климовой [Смирнова, Климова 2022] в результате ассоциативного эксперимента среди 40 респондентов из Германии и 50 из России были установлены категориальные признаки концептов 'Sicherheit' и 'безопасность'. Было выявлено, что для русских основными признаками концепта «безопасность» являются: *дом* (19 ответов), *защита* (15), *мир* (12), *охрана* (10), *надежность* (9), *уверенность* (8), *семья* (7). На втором месте признаки со значением «комфорт» (*комфорт*, *уют*, *тишина*). К признакам, принадлежащим к сфере «война», относятся только *сила* (4), *бункер* (2), *крепость* (менее 1), и они находятся на периферии ассоциативного поля.

Для немцев основными признаками концепта 'Sicherheit' являются: *Familie* (семья) (15), *Zuhause* (дом) (9), *Macht* (сила, применяемая государством) (7), *Polizei* (7), *Schutz* (6). Признаки, обозначающие государство и связанные с ним мероприятия по созданию безопасности, составляют малую часть концепта Sicherheit — *Staat* (2), *Feuerwehr* (пожарная бригада), *Feuerlöscher*¹ (огнетушитель). Интересно отметить, что в концепт безопасности для немцев входят *свобода* (*Freiheit*), *деньги* (на верхних строчках упоминаний). Кроме того, в него входят и такие ожидаемые для семантического поля Sicherheit признаки, как *закон* (*Gesetz*), *чувство защищенности* (*Geborgenheit*), *отсутствие страха* (*keine Angst*), *доверие* (*Vertrauen*). Лексемы, связанные с войной и военной защитой (*NATO*, *Verteidigung*, *Waffen*), находятся на периферии ассоциативного поля.

Можно сгруппировать их, как и сделали авторы статьи, по следующим группам: *дом, жилье, семья* (*дом, крепость, хижина, дверь, стена*, и т. п.), *семья/близкие люди, спокойствие/покой* (*спокойствие, покой, тишина* и т. п.), *обеспечение безопасности средствами, доблестными государству* (*охрана, ПДД, страж, спасатели* и т. п.) (18), *семья, близкие люди* (12). По итогам группировки можно сделать следующие выводы: для

немцев на первом месте стоят признаки «семья и близкие люди» (по количеству ассоциаций), на третьем месте — «власть и государственные институты» (*NATO, Staat, Polizei, Macht*), а обходят их занимающие второе место «защита и средства защиты» (*огнетушитель*), которые имеют тоже довольно много упоминаний. Для русских на первом месте оказываются *дом/жилье*, на втором — *спокойствие (покой, тишина)*, на третьем — *ощущение безопасности*, на четвертом — *те, кто задействован в обеспечении безопасности* и на пятом — *комфорт* и все, что его формирует, в то время как у немцев этот признак как таковой не объективируется. Для немцев чувство защищенности находится на 4-м месте в иерархии, а чувство дома — на 5-м.

Сравнивая представления русских и немцев, можно сделать следующие выводы: для немцев важнее концепт **семьи**, для русских же — **чувство дома, жилища**, которое защищает от невзгод. Для немцев важное значение имеют **институты**, обеспечивающие безопасность: государство, международные альянсы (НАТО), для русских же безопасность скорее ассоциируется с конкретными **людьми** (пожарный, охрана), но не с институтами. Для русских большое значение среди признаков безопасности имеют понятие **дома и комфорта**, для немцев же нет. У немцев есть те понятия, входящие в концепт безопасности, которых нет у русских: **свобода, деньги, финансовая безопасность**.

Т. С. Медведева пишет, что концепт *Sicherheit* в немецкой картине мира означает прежде всего надежность, состояние «уравновешенности, отсутствие внутренней растерянности» [Медведева 2014: 46–47]. В немецкой лингвокультуре безопасность, кроме того, это отсутствие неопределенности. Поэтому немцы так привержены правилам: они делают их жизнь спокойнее. Ссылаясь на немецкую исследовательницу, Т. С. Медведева цитирует, что *Sicherheit* включает и понимание онтологического устройства мира: «...уверенность в знании того, что есть добро и зло, то есть, ясное представление о том, что нужно и не нужно делать». Кроме того, *Sicherheit* (безопасность) в течение десятилетий относится к ключевым ценностям немецкой культуры (в каждой культуре существуют наиболее значимые ценности (ценностные доминанты), сохраняющиеся в языке).

Сравним теперь, какие признаки имеет концепт «безопасность» в Европейском союзе на высшем уровне и какие у него есть составляющие.

¹ Для статистически ничтожно малого числа упоминаний количество ответов не указывается.

Дискурс о классическом восприятии немцами концепта «Безопасность»

В августе Германию потрясло преступление в городе Золинген: мигрант на праздновании дня города совершил нападение, в результате которого погибли 3 немца, 4 были тяжело ранены [*‘Was über den Anschlag in Solingen bekannt ist’*]. Это происшествие всколыхнуло волну обсуждения мер предотвращения преступлений мигрантов в Германии. Большая их часть посвящена институциональному методу поддержания безопасности: речь идет о придании большего числа полномочий полицейским для отражения «исламистской угрозы». Также говорится о мерах правопорядка, позволяющих предотвратить дальнейшие преступления с ножевым оружием [*‘Innere Sicherheit — Wie die Politik nach Solingen handeln will’*]. Таким образом, затронуты два признака «безопасности» в ее традиционном понимании: *действия обеспечивающих безопасность структур и меры, обеспечивающие порядок*. В дебатах о предотвращении таких ситуаций в будущем правительственными партиями и находящейся в оппозиции ХДС были предложены меры предотвращения на уровне закона таких преступлений, а значит, закон также входит в ближний круг признаков концепта «безопасность» в понимании политиков, что совпадает с пониманием немцев. Все эти признаки входят в понятие «безопасность» для немцев. Доходило даже до предложений закрыть границы ЕС (председатель ХДС Фридрих Мерц).

Приведенный выше случай рассказывает о человеке, который в 2023 г. должен был быть выдворен из Германии, но остался по упущению немецких властей и в 2024 г. совершил преступное деяние. Впоследствии обсуждение ужесточения подхода по выдворению беженцев привело к спорам в Бундестаге. Консервативная партия ХДС обвинила правящую коалицию в недостаточно строгих мерах, которые планировалось принять в рамках пакета мер *Sicherheitspaket* («меры по безопасности») [*‘Kontroverse Debatte über Sicherheitspaket...’*]. Это подчеркивает и роль, которую имеет понятие защиты в немецком концепте государства. Оно мыслится немецкими политиками как государство, в котором главенствует Закон, охраняется правопорядок, ценится и охраняется личное достоинство. Как показывают исследования, это понимание совпадает с позицией немецких граждан.

Интересны рассуждения в статье на странице Немецкого радио (Deutschlandfunk) — «Большее число полицейских не усилит чувство безопасности» [*‘Mehr Polizei erhöht nicht*

das Sicherheitsgefühl’]. Автор данной статьи подвергает сомнению, что количественное усиление полиции и придание ее работникам дополнительных полномочий будет способствовать улучшению ситуации в безопасности, связанной с беженцами. В полевым исследовании, в котором впервые в Германии исследовалась взаимосвязь между количеством полицейских и чувством безопасности с участием 18 000 человек, было выяснено, что, хотя в целом опросы демонстрируют благодарность властям за увеличение присутствия полицейских, существует и обратный эффект: увеличение числа стражей правопорядка может вызывать глубокое недовольство. В целом, как утверждают авторы, в Германии сознание простого человека связывает присутствие полиции с тем, что именно в данный момент происходит нечто противоправное, и что, естественно, в порядке вещей своевременное противодействие этому. Однако увеличение полицейского контингента в мирное время не способствует формированию чувства большей защищенности (*‘Sicherheitsgefühl’*). В статье приводятся интересные находки, указывающие на то, что увеличение полицейского контингента не ведет к чувству большей защищенности, однако, будучи спрашиваемы на тему, что бы они хотели видеть в качестве меры усиления безопасности, 2/3 опрошенных отвечают: увеличение полицейского контингента. Таким образом, хотя чувство безопасности и не растет в связи с увеличением числа полицейских, но сам концепт «безопасность» неразрывно связан в сознании немцев со стражами правопорядка.

Тема «полиции» и охраны правопорядка активно обсуждается в политическом и публицистическом дискурсе ФРГ. В другой статье, посвященной неблагополучному Герлицкому парку в Берлине (*Görlitzer Park*), автор вновь поднимает этот вопрос и заставляет посмотреть на него еще с одной стороны. В начале статьи авторы спрашивают читателя: «А насколько безопасно ты себя чувствуешь здесь?» — и отвечают, что сами абсолютно не чувствуют себя в безопасности здесь, и описание обстановки позволяет понять, почему: «...повсюду продавцы наркотиков, шприцы, кокаин, алкоголь, стекло» [*‘Parkstreit in Berlin’*]. Мы видим классическое понимание безопасности как комфортной среды для жизни, не отягощенной пороками общества: пристрастием к наркотикам, алкоголю, насилием над другими, — которые проявляются на глазах у всех и повышают чувство незащищенности, уязвимости. Цель, объявленная в статье —

«вновь вернуть парк семьям» ('für die Familien zurückgewinnen'), т. е. «семья» трактуется как еще одно связанное с «безопасностью» понятие. Кроме того, Германия называется одним из самых «безопасных обществ мира и в истории» ('Wir leben in einer der sichersten Gesellschaften, die es gibt auf der Welt und auch in der Geschichte'), что много говорит о самоидентификации немцев. Кроме того, как и в упомянутой ранее статье, тут также поднимается вопрос сложной взаимосвязи численности полицейского контингента и чувства безопасности, между которыми, как уже было выяснено, нет линейной зависимости ('Also objektive Sicherheitslage und subjektive Sicherheitsempfinden sind ja zwei relativ unterschiedliche Dinge').

Эволюция военного компонента концепта «безопасность»

Во времена подписания Маастрихтского договора «безопасность» понималась трояко: как охрана правопорядка (п.2), как продвижение близких Европе ценностей (п.1 и п.5) и как продвижение сотрудничества и мира между государствами (п.3, 4)¹. В настоящее время цели ЕС в области безопасности не изменились и остаются в общем-то такими же разнообразными, включая не только военный компонент². Таким образом, понимание безопасности в ЕС изначально больше связано с внутренней политикой ЕС.

Тем не менее аналитики указывают, что проблемный фокус среди чиновников ЕС сместился на оборону и вот уже несколько лет дискуссия вращается вокруг того, возможна ли для членов ЕС более активная оборона, с задействованием серьезного военного компонента (вооружения и спецопераций). В мае 2024 г. Ж. Боррель заявлял, что страны ЕС «не создали оборонительный союз до сих пор» [«Боррель допустил создание в будущем в ЕС оборонительного союза»], а в течение всего срока председательства немки Урсулы фон дер Ляйен в Евросоюзе существует невероятно высокая степень согласия по поводу необходимости усиления военного сотрудничества [The European Union is becoming too obsessed with defence. September 25, 2024].

Итак, можно заключить, что стратегия безопасности и обороны ЕС развивалась таким образом, что в концепте *безопасность* для ЕС на первое место выступил семантический признак «защита от угроз» ('das Sicherheit vor Gefahr oder Schaden'),

которая в немецком толковом словаре Duden находится на 1-м месте. На 2-м месте по частотности стоит «höchstmögliches Freisein von Gefährdungen», «свобода от опасности», т. е. «комфорт», образ дома, семьи отходят на второй план.

Заголовок комментария на «Немецком радио» 16.07.2024 звучит как «Entwurf für die Strategische Agenda: EU will sich auf Wirtschaft und Verteidigung konzentrieren» («ЕС собирается концентрироваться на экономике и обороне»), и это подается как «Проект стратегического плана действий». В самом комментарии говорится о необходимости защищать демократические принципы. *Политиками акцентируется «оборона», которая также входит как признак в семантическое поле Sicherheit, но стоит на периферии. На данном этапе мы видим, что периферийный семантический признак целенаправленно пододвигается в центр.*

Защита, как видно из комментариев У. фон дер Ляйен, должна осуществляться от «диктаторов и демагогов», чтобы «обезопасить демократию» и «европейский образ жизни»: «„Europa könne die Diktatoren und Demagogen der Welt nicht kontrollieren, aber es kann sich dazu entschließen, seine Demokratie zu beschützen“. Sie werde niemals zulassen, dass Extremisten und Demagogen „unsere europäische Art zu leben“ zerstören, so von der Leyen» [Von der Leyen will Verteidigung der EU stärken]. Глава Еврокомиссии, кроме того, говорит о создании «настоящего оборонного союза» («Zudem wolle sie sich auf den Aufbau einer „wahren europäischen Verteidigungsunion“ konzentrieren»), и этим еще раз подтверждается, что в дискурсе о безопасности в ЕС на первый план выходит такая коннотация слова 'Sicherheit', как «оборона». Выражаясь в терминах А. А. Зализняк и Б. Левонтиной, можно сказать, что данная картина мира для европейцев навязанная.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Некоторые исследователи считают, что межнациональной идентичности как общего конструкта в объединениях государств не существует. Мелешин и Шабалина, например, исследуя, правда, не европейскую, а евразийскую идентичность, полагают, что только ценности, имеющие априорно, вследствие своего онтологического основания, безусловно положительное значение, и также безусловно, на уровне категорического

¹ Treaty on the European Union. N C 191/1 (Маастрихтский договор) // Official Journal of the European Communities. — 29.7.92. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11992M/TXT>.

² A Strategic Compass for the EU // European Union External Action. — 20.03.2023. — URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-eu-0_en.

императива, воспринимаемые личностью, могут служить надежной основой обеспечения евразийской безопасности [Мелешин, Шабалина 2023: 149]. Это возвращает нас к одному из значений концепта *Sicherheit*, согласно которому это есть «уверенность в том, что есть добро и зло» (онтологическое добро и онтологическое зло). По мнению некоторых исследователей, идентичность в ЕС сегодня является проблемой, так как, во-первых, общая идентичность должна быть ясной и понятной. Во-вторых, прежде необходимо выстроить структуру отношений между идентичностями разных государств Европы.

Г. Г. Слышкин отмечает, что не может быть единой иерархии духовных ценностей для всех людей, говорящих на данном языке [Шишкина 2018: 442]. Исходя из того, что в содержании *Sicherheit* на первое место разными людьми ставится разное содержание, что мы выяснили благодаря данным ассоциативного эксперимента А. С. Смирновой и Г. С. Климовой, и место данного концепта в сознании разных людей будет разным. Согласно указанному эксперименту, нельзя утверждать, что концепт *Sicherheit* имеет в головах немцев однозначно то значение, которое придают ему политики на уровне ЕС. На первом и втором месте у немцев, согласно указанному исследованию, стоят семантические признаки «дом», «семья» и «комфорт», т. е. безопасность не ассоциируется в их сознании с обороной и наращиванием военной мощи государства.

5. ВЫВОДЫ

Концепт *Sicherheit* в немецком обществе демонстрирует динамику и переживает изменения. Если ранее он воспринимался в первую очередь как «внутренняя стабильность», «уверенность в работе государственных систем», «спокойствие» в том окружении, в котором живет человек, то в свете нынешних концепций Европейского союза концепт «безопасность» имеет значения «оборона от опасности», «защита от врагов».

Данный концепт, как показывают данные А. Г. Смирновой и Г. С. Климовой, в сознании немцев не изменялся с 70–80-х гг. XX века и даже более раннего периода, в то время как в речах немецких политиков отчетливо выходит на первый план значение концепта, которое в сознании немцев находится на периферии — «оборона» (*Verteidigung*). Налицо разрыв между языковой картиной немцев и немецких политиков и несоответствие декларируемых на высоком уровне немецкими политиками ценностей ценностям, десятилетиями разделяемыми немцами.

Налицо произошедшая за последние 2–4 года милитаризация дискурса о безопасности в ЕС: военный компонент в концепте «безопасность» выдвигается ключевыми политиками ЕС на первый план. Однако, согласно данным словарей и опросов немцев, понимание безопасности как необходимости защищаться от угроз не стоит на первом месте. Таким образом, налицо разрыв в содержании концепта, транслируемого политиками Германии и ЕС, и имеющегося у народа.

Данный вывод подчеркивают выводы из приведенных статей, посвященных дискуссии о безопасности в контексте недавнего совершенного мигрантом преступления и в контексте научных исследований. Как дискуссия в парламенте ФРГ на тему усиления мер безопасности, так и результаты научного исследования на тему связи полиции и чувства безопасности в сознании немцев свидетельствуют, что в немецком обществе преобладающими являются такие признаки концепта «безопасность», которые в исследовании А. Г. Смирновой и Г. С. Климовой были выведены в качестве основных: «семья» (*Familie*) и «полиция» (*Polizei*), т. е., иными словами, силы поддержания правопорядка внутри страны.

ИСТОЧНИКИ

1. Was über den Anschlag in Solingen bekannt ist. Tagesschau // Stand. — 25.08.2024, 21:12 Uhr. — URL: <https://www.tagesschau.de/inland/solingen-faq-100.html> (date of access: 15.09.2024).
2. Innere Sicherheit — Wie die Politik nach Solingen handeln will // Deutschlandfunk. — 30.08.2024. — URL: <https://www.deutschlandfunk.de/messer-attentat-solingen-sicherheitspaket-for-derungen-politik-100.html> (date of access: 09.09.2024).
3. Kontroverse Debatte über Sicherheitspaket — Union wirft Bundesregierung Verschleppung vor // Deutschlandfunk. — 26.09.2024. — URL: <https://www.deutschlandfunk.de/kontroverse-debatte-ueber-sicherheitspaket-union-wirft-bundesregierung-verschleppung-vor-100.html> (date of access: 29.09.2024).
4. Mehr Polizei erhöht nicht das Sicherheitsgefühl // Deutschlandfunk. — 26.09.2024. — URL: <https://www.deutschlandfunk.de/mehr-polizeipraesenz-weniger-sicherheit-dlf-kultur-d8e37a47-100.html> (date of access: 06.10.2024).
5. Hildebrandt, P. Parkstreit in Berlin — Wie sich Großstädte sicherer machen lassen / P. Hildebrandt. — Text : electronic // Deutschlandfunk. — 01.10.2024. — URL: <https://www.deutschlandfunk.de/streit-um-goerlitzer-park-in-berlin-wie-sich-grossstaedte-sicherer-machen-lassen-dlf-0b61031c-100.html> (date of access: 06.10.2024).
6. Youngs, R. The European Union is becoming too obsessed with defence / R. Youngs. — Text : electronic // The Conversation.com. — 2024. — September 25. — URL: <https://theconversation.com/the-european-union-is-becoming-too-obsessed-with-defence-239666> (date of access: 27.09.2024).
7. Von der Leyen will Verteidigung der EU stärken // Der Spiegel. — 18.07.2024. — URL: <https://www.spiegel.de/ausland/ursula-von-der-leyen-will-verteidigung-der-eu-staerken-a-d2c091c2-b7f2-4a8d-920e-55aaf6ea9392> (date of access: 06.07.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабушкин, А. П. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии : моногр. / А. П. Бабушкин [и др.] ; науч. ред.: З. Д. Попова, И. А. Стернин ; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Воронеж. гос. ун-т, Моск. обществ. науч. фонд, Ин-т перспектив. рос. исслед. им. Кеннана

(США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Катрин Т. Мак-Артуров (США). — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. — 313 с. — Текст : непосредственный.

2. Вежбицкая, А. А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. А. Вежбицкая ; пер с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 287 с. — Текст : непосредственный.

3. Дейк, Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; сост. В. В. Петрова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2014. — 309, (1) с. — Текст : непосредственный.

4. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Яз. славян. культуры, 2005. — 540 с. — Текст : непосредственный.

5. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — 691 с. — Текст : непосредственный.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик ; Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. лингвистика». — Москва : Гнозис, 2004. — 389 с.

7. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с. — Текст : непосредственный.

8. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 203 с. — Текст : непосредственный.

9. Медведева, Т. С. Концепт Sicherheit в немецкой лингвокультуре / Т. С. Медведева. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2011. — Вып. 2. — С. 46–52.

10. Мелешин, К. Ю. От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности как основе евразийской интеграции / К. Ю. Мелешин, А. Е. Шабалина. — Текст : непосредственный // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2023. — Т. 17. — № 2 (44). — С. 143–152.

11. Пименова, М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира / М. В. Пименова. — Текст : непосредственный // Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. — Москва : Гнозис, 2006. — Вып. 1. — С. 172–186.

12. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : науч. издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Воронеж : Истоки, 2007. — 250 с. — Текст : непосредственный.

13. Рябкова, Е. С. Лингвокультурный концепт как элемент языка и культуры / Е. С. Рябкова. — Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. — Тамбов : Грамота, 2012. — № 4 (59). — С. 187–188.

14. Смирнова, А. Г. Сравнительный анализ ассоциативных полей *безопасность* и *Sicherheit* в репрезентации носителей русского и немецкого языков / А. Г. Смирнова, Г. С. Климова. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — Т. 24. — № 6 (94). — С. 744–751.

15. Фернандес-Диас, Г. Корпус языка политики и его приложение к преподаванию языка / Г. Фернандес-Диас. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — С. 64–72.

16. Хлопова, А. И. Диагностика динамики базового значения концепта *Sicherheit* (безопасность) в немецкой лингвокультуре (на материале корпуса устных текстов и данных ассоциативного эксперимента) / А. И. Хлопова, О. М. Ладоса. — Текст : непосредственный // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2021. — № 3 (51). — С. 35–46.

17. Шишкина, Е. В. Культурные аспекты дискурса европейской идентичности / Е. В. Шишкина. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2018. — Вып. 3 (35). — С. 437–449.

MATERIALS

1. Was über den Anschlag in Solingen bekannt ist. Tagesschau (2024, Aug. 25). *Stand*. Retrieved Sept. 15, 2024, from <https://www.tagesschau.de/inland/solingen-faq-100.html>

2. Innere Sicherheit — Wie die Politik nach Solingen handeln will (2024, Aug. 30). *Deutschlandfunk*. Retrieved 2024, from <https://www.deutschlandfunk.de/messer-attentat-solingen-sicherheitspaket-forderungen-politik-100.html>

3. Kontroverse Debatte über Sicherheitspaket — Union wirft Bundesregierung Verschleppung vor (2024, Sept. 26). *Deutschlandfunk*. Retrieved Sept. 29, 2024, from: <https://www.deutschlandfunk.de/kontroverse-debatte-ueber-sicherheitspaket-union-wirft-bundesregierung-verschleppung-vor-100.html>

4. Mehr Polizei erhöht nicht das Sicherheitsgefühl (2024, Sept. 26). *Deutschlandfunk*. Retrieved Oct. 6, 2024, from <https://www.deutschlandfunkkultur.de/mehr-polizeipraesenz-weniger-sicherheit-dlf-kultur-d8e37a47-100.html>

5. Hildebrandt, P. (2024, Oct. 1). Parkstreit in Berlin — Wie sich Großstädte sicherer machen lassen. *Deutschlandfunk*. Retrieved Oct. 6, 2024, from <https://www.deutschlandfunk.de/streit-um-goerlitzer-park-in-berlin-wie-sich-grossstaedte-sicherermachen-lassen-dlf-0b61031c-100.html>

6. Youngs, R. (2024, Sept. 25). The European Union is becoming too obsessed with defence. *The Conversation.com*. Retrieved 2024, Sept. 27, from <https://theconversation.com/the-european-union-is-becoming-too-obsessed-with-defence-239666>

7. Von der Leyen will Verteidigung der EU stärken (2024, July 18). *Der Spiegel*. Retrieved Aug. 6, 2024, from <https://www.spiegel.de/ausland/ursula-von-der-leyen-will-verteidigung-der-eu-staerken-a-d2c091c2-b7f2-4a8d-920e-55aaf6ea9392> (date of access: 06.08.2024)

REFERENCES

1. Babushkin, A.P. et al. (2002). *Yazyk i nacional'noe soznanie: voprosi teorii i metodologii: nauch. izd.: (monografiya)* [Language and National Consciousness: Issues of Theory and Methodology]. Voronezh: Voronezh State University (In Russ.)

2. Vezhbitskaya, A.A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through Key-words]. Moscow: Languages of Slavic Culture (In Russ.)

3. Van Deijk, T. (2014). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: LENAND (In Russ.)

4. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., & Shmelev, A.D. (2005). *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World]. Moscow: Languages of Slavic Cultures (In Russ.)

5. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., & Shmelev, A.D. (2012). *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Linguistic Picture of the World]. Moscow: Languages of Slavic Cultures (In Russ.)

6. Karasik, V.I. (2004). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

7. Kobozeva, I.M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS (In Russ.)

8. Kubryakova, E.S. (2012). *V poiskax sushhnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language: Cognitive Research]. Moscow: Znak (In Russ.)

9. Medvedeva, T.S. (2011). *Koncept Sicherheit v nemeckoj lingvokulture* [The concept Sicherheit in German linguoculture]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2, 46–52 (In Russ.)

10. Meleshin, K.Yu., & Shabalina, A.E. (2023). *Ot koncepta nacional'noj bezopasnosti k konceptu civilizacionnoj bezopasnosti kak osnove evrazijskoj integracii* [From the Concept of National Security to the Concept of Civilizational Security as the Basis for Eurasian Integration]. *Evrasijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 17 (2 (44)), 143–152 (In Russ.)

11. Pimenova, M.V. (2006). *Kody kul'tury i principy konceptualizacii mira* [Codes of culture and principles of conceptualization of the world]. In *Yazyk i poznanie: metodologicheskie problemy i perspektivy* [Language and cognition: methodological problems and prospects] (pp.172–186). Moscow: Gnozis (In Russ.)

12. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka: nauchnoe izdanie* [Semantic-Cognitive Analysis of Language: Scientific Edition]. Voronezh: ISTOKI (In Russ.)

13. Ryabkova, E.S. (2012). Lingvokul'turnyj koncept kak element yazyka i kul'tury [Linguocultural concept as an element of language and culture]. *Almanac of Modern Science and Education*, 4(59), 187–188. Tambov: Gramota. (In Russ.)

14. Smirnova, A.G., & Klimova, G.S. (2022). Sravnitel'nyj analiz asociativnykh polej bezopasnost' i Sicherheit v reprezentacii nositelej russkogo i nemetskogo yazykov [Comparative analysis of the associative fields of security and Sicherheit in the representation of native speakers of Russian and German]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 24 (6(94)), 744–751 (In Russ.)

15. Fernandes-Dias, G. (2008). Korpus jazyka politiki i ego prilozhenie k prepodavaniju jazyka [A corpus of the language of

politics and its application in teaching language]. *Political linguistics*, 1(24), 64–72 (In Russ.)

16. Khlopova, A.I., & Ladosha, O.M. (2021). Diagnostika dinamiki bazovogo znachenija koncepta Sicherheit (bezopasnost') v nemeczkoy lingvokul'ture (na materiale korpusa ustnykh tekstov i dannykh asociativnogo eksperimenta) [Diagnostics of the dynamics of the basic meaning of the concept Sicherheit (security) in German linguistic culture (based on a corpus of oral texts and associative experiment data)]. *Contemporary linguistic and methodical-didactical studies*, 3(51), 35–46 (In Russ.)

17. Shishkina, E.V. (2018). Kul'turnye aspekty diskursa evropejskoj identichnosti [Cultural aspects of the discourse of European identity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 3(35), 437–449 (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.111'42+81'38
ББК ШП41.12-51+ШП43.21=51+ШП05.551.5

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ксения Игоревна Кириллова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN-код: 4824-3274, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются артефактные метафоры, используемые в 140 публикациях российских и 100 публикациях американских массмедиа 2022–2025 гг. при характеристике страны-оппонента (соответственно США и РФ). Цель работы — выявить роль артефактных метафор в формировании идеологем «США» и «RUSSIA». Актуальность темы обусловлена одновременной устойчивостью и изменчивостью таких переносов во временном и дискурсивном аспектах. При исследовании использовалась комплексная лингвокогнитивная и социально-дискурсивная методика анализа материала. Было установлено, что российские и американские СМИ регулярно употребляют две модели метафоризации (механико-инструментальную и искусственно-имитационную) для формирования негативного образа страны-оппонента. «США» и «RUSSIA» позиционируются как активные субъекты международных отношений, склонные к неправомерному решению поставленных задач («США» — достижения абсолютной гегемонии в мире, «RUSSIA» — победы в специальной военной операции и экономического давления на другие государства). «RUSSIA» может также выступать в роли объекта экономического и политического воздействия со стороны «коллективного Запада». При характеристике внутренней политики «США» на первый план выходит негативная оценка межпартийных отношений, тогда как «RUSSIA» — отношений между руководством страны и ее остальными социальными институтами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, американские СМИ, политический дискурс, образ России, образ США, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, когнитивная лингвистика, артефактные метафоры, идеологемы, политическая идеология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кириллова Ксения Игоревна, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; email: kirillovakseniya1999@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кириллова, К. И. Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа) / К. И. Кириллова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 154–161.

Kseniya I. Kirillova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia,
kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN code: 4824-3274, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

The Image of an Opponent Country Through the Prism of Artifact Metaphors (Based on Contemporary Russian and American Mass Media)

ABSTRACT. The article analyzes artifact metaphors used in 140 publications of Russian and 100 publications of American mass media in 2022–2025 to characterize the opponent country (respectively, the United States and the Russian Federation). The aim of the work is to identify the role of artifact metaphors in the formation of the ideologemes “USA” and “RUSSIA”. The urgency of the study can be attributed to the simultaneous stability and changeability of such transfers in temporal and discursive aspects. The study uses complex linguo-cognitive and socio-discursive methods of text analysis. It has been found that Russian and American media regularly use two artifact models of metaphorization (mechanical-instrumental and artificial-imitative) to form the negative image of the opponent country. “USA” and “RUSSIA” are portrayed as active subjects of international relations, prone to the arbitrary solution of the problem set (“USA” — to achieve absolute hegemony in the world, “RUSSIA” — to win the special military operation and exercise economic pressure on other states). “RUSSIA” can also act as an object of economic and political manipulation on the part of the “collective West”. When characterizing the domestic policy of “USA”, the negative assessment of inter-party relations comes to the fore. When describing the domestic policy of “RUSSIA”, the focus is on the relations between the country's leadership and other social institutions.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, American media, political discourse, image of Russia, image of the USA, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, linguistic units, cognitive linguistics, artifact metaphors, ideologemes, political ideology.

AUTHOR'S INFORMATION: Kirillova Kseniya Igorevna, Post-Graduate Student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

FOR CITATION: Kirillova K. I. (2025). The Image of an Opponent Country Through the Prism of Artifact Metaphors (Based on Contemporary Russian and American Mass Media). In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 154-161. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Объектом данной статьи стали концептуальные метафоры на базе членов семантического поля «Артефакты» (далее СПА), характеризующие страну-оппонента: в современных российских общественно-политических массмедиа — США, в американских — РФ.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, изучение политической коммуникации (в том числе массмедийного политического дискурса) — одно из самых востребованных направлений при анализе концептуально-функционального аспекта языка [Романова 2019; Chomsky 2004; Lakoff 2012]. Это обусловлено ее сложной организацией, многофункциональностью, когнитивной насыщенностью [Карасик 2000; Спиридовский 2024; Чудинов 2012; Fairclough 2003]. Во-вторых, метафоры (в широком их понимании [Арутюнова 1990; Балашова 2014; Гак 1998]) играют заметную роль в формировании политической (идеологической) картины мира, то есть в категоризации и оценке политической действительности с позиции субъекта речи, в логико-эмоциональном воздействии на адресата [Балашова 2017; Будаев 2020; Велентеенко, Рязанцева 2024; Зарипов 2024; Чудинов 2013; Charteris-Black 2017]. В-третьих, СПА — один из устойчивых источников метафор, но в разные периоды и в разных типах дискурса использование этого ресурса имеет специфические свойства [Балашова 2014; 2021; Велентеенко, Нахимова 2024; Цолоева 2021; Чудинов 2003; Ferrin, Snidaro, Foresti 2015].

Цель исследования — выявить роль концептуальных артефактных метафор в формировании политических образов (идеологем) стран-оппонентов («США» и «RUSSIA») в российском и американском массмедийном политическом дискурсе в период резкого обострения отношений между РФ и США. Материал для анализа — 140 российских и 100 аме-

риканских публикаций в электронных вариантах печатных и цифровых общественно-политических массмедиа в период с 22.02.2022 по 31.01.2025¹. В ходе анализа использовались современные когнитивно-семантические и когнитивно-дискурсивные методики анализа текстового материала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общая характеристика номинаций артефактов как источника метафоризации

Как показал анализ русскоязычного и англоязычного корпусов, число метафор на базе членов СПА, а также их употреблений при характеристике страны-оппонента, достаточно велико и разнообразно; например:

- «Машины, механизмы, инструменты, приспособления» (ср.: *машина, инструмент, рычаг, громомотвод; machine, tool, leverage, robot*);
- «Транспорт» (ср.: *каток, узда; train, steam-rolling, rail*);
- «Милитарные артефакты» (ср.: *оружие, бомба; weapon, bomb*);
- «Строения» (ср.: *крепость, фундамент, дверь; building, door, basis*);
- «Артефакты для творчества, спорта, досуга» (ср.: *марионетка, козырь, игрушка; puppet, portray, pawn, food*);
- «Личностно-бытовые артефакты» (утварь, белье, продукты и т. п.) (*корыто, лоскутное одеяло, фастфуд; meat grinder, mouthpiece* 'трубка телефона, микрофон', *cake*).

Как и в русском и английском языках, в российских и американских массмедиа переносы на базе членов СПА активно включаются в формирование различного рода концептуальных моделей. В некоторых из них собственно артефактные метафоры занимают периферийное положение, например: «Пространственная модель целенаправленной деятельности» (ср.: *США во внутренней политике загнали себя в тупик*).

¹ Российские СМИ: «Аргументы и факты» — <https://aif.ru/> (далее АиФ); «Ведомости» — <https://www.vedomosti.ru/> (Вед.); «Взгляд» — <https://vz.ru/> (Взг.); «Газета.ru» — <https://www.gazeta.ru/> (Г.ру); ИА «Sm. News.» — <https://sm.news/> (Sm.); «Известия» — <https://iz.ru/> (Изв.); «Коммерсант» — <https://www.kommersant.ru/> (Ъ); «Комсомольская правда» — <https://www.kp.ru/> (КП); «Московский комсомолец» — <https://www.mk.ru/> (МК); «Правда» — <https://gazeta-pravda.ru/> (Пр.); РБК. Новости — <https://www.rbc.ru/> (РБК); «Российская газета» — <https://rg.ru/> (РГ); «Царьград» — <https://tsargrad.tv/> (Цг.); американские СМИ: «Axios» — <https://www.axios.com/> (Ax.); «Bloomberg» — <https://www.bloomberg.com> (BB); «Jacobine» — <https://jacobin.com/> (Jac.); «Newsweek» — <https://www.newsweek.com/> (NW); «New York Post» — <https://nypost.com> (NYP); «The New York Times» — <https://www.nytimes.com/> (TNyT); «The Washington Post» — <https://www.washingtonpost.com/> (WP); «USA Today» — <https://www.usatoday.com/> (USAT); «U.S. News & World Report» — <https://www.usnews.com/> (USN).

РГ. 20.07.23¹; “We block any **escape hatch** Putin has in getting around the full weight of our sanctions,” — said Hassan. Ах. 08.03.22); «Азартно-игровая социальная модель» (ср.: У Вашингтона остался во внешней политике последний **козырь** — язык угроз. Изв. 05.02.23; *Putin’s effort to re-engineer Russia is a desperate ... throw of the dice, disconnected from reality.* WP. 06.05.24). Вместе с тем в исследованных корпусах фиксируются две собственно артефактные метафорические модели — механико-инструментальная и искусственно-имитационная. В основе обеих лежит концептуально значимое переосмысление ядерного для СПА признака ‘то, что создано / используется человеком’. Общим, как правило, оказывается и принцип метафорической трансформации на основе функционального подобия.

2. Механико-инструментальная модель метафоризации

Согласно нашему анализу, механико-инструментальная модель является ведущей при характеристике страны-оппонента (российские СМИ — 31 единица в 60 контекстах; американские СМИ — 25 единиц в 83 контекстах). В ее реализацию вовлекаются прежде всего члены семантической группы (далее СГ) «Машины, механизмы, инструменты, приспособления», но также используются единицы из других СГ.

Когнитивным центром модели становятся два базовых представления общезыкового характера. Во-первых, устройство, совершающее какую-л. полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой, ассоциируется с различными социальными институтами страны-оппонента (ср.: *Конфликт на Украине крайне выгоден американской военной машине.* АиФ. 12.02.24; *The United States remains committed ... to imposing sanctions and other restrictions on Russia’s war machine.* ВВ. 21.11.24). Во-вторых, инструментарий, функциональные блоки механизма и т. п. коррелируются с теми способами, которые используются странами-оппонентами или иные социальными институтами для достижения своих целей (ср.: *США рассматривают данное соглашение как инструмент контроля ... над состоянием российского ядерного арсенала.* Изв. 12.12. 22; *For Putin ... the concept of fake news has proven a potent tool for just that.* WP. 11.03.22). В соответствии с этим в российских и американских СМИ фиксируется два варианта модели — механистический и инструментальный.

В **механистическом** варианте (российские СМИ — 12 единиц в 19 контекстах; американские СМИ — 6 единиц в 27 контекстах) акцент делается на том, что государство-опponent, его социальные и иные институты воспринимаются как самостоятельно действующий механический агрегат — с четкими функциями, структурой и т. п. Для реализации этого образа российские и американские СМИ используют однотипные обобщенные именованья агрегатов и процесса их функционирования (ср.: *машина, аппарат, работать; machine, apparatus, system*). Подобные номинации в массмедиа РФ и США сами по себе не являются аксиологическими, однако оценка, обычно негативная, страны-опponentа и его институтов может осуществляться за счет эпитетов, общего контекста и т. п. (ср.: *Американские СМИ являются пропагандистской машиной Демократической партии США.* Изв. 21.09.24; *Бюрократический аппарат, тот самый deep state, при любом хаосе в политике будет махать США в указанном до наступления хаоса направлении.* Sm. 31.07.24; *His central claim ... — a claim that echoes the most persistent theme of Russia’s propaganda machine.* NYP. 09.05.24; *And what of Putin’s suppression machine? ... Putin [was] relying ... on a swollen, well-fed security apparatus.* ВВ. 15.09.22).

Оценка (практически всегда пейоративная) осуществляется за счет указания на качественные характеристики, особенности и этапы функционирования агрегата — социального института. Американские СМИ используют лишь две единицы (*stalled, botched*), с помощью которых акцент делается на относительной недееспособности Вооруженных сил РФ в противостоянии Украине (ср.: *Despite some slow progress by Russian troops in the northern Donbas area, everything else is stalled.* NW. 13.05.22; *[Putin] directed a botched effort to take Donbas.* NW. 24.08.22). В российских СМИ представлено большее число единиц, которые именуют как позитивные, так и негативные характеристики функционирования агрегата (ср.: *на полную мощность, раскручиваться* (в исходном ЛСВ — о работе генератора, турбины и т. п.), *без сбоев, в инерционном режиме, со скрипом* (исходный ЛСВ ‘очень медленно (о движении колеса и т. п.)’, *подвиснуть* (исходный ЛСВ ‘прекратить функционирование (о компьютере)’)). Метафоризация лексем с дисфункциональным компонентом аналогична соответ-

¹ Поскольку объектом исследования стали общие представления о концептуальном использовании артефактных метафор, то для сокращения объема текста при цитировании указывается только издание и день выхода публикации.

ствующим английским единицам, но сфера приложения русских переносов шире (ср.: *Политическая составляющая жизни Америки весьма хаотизирована, и в этом смысле, «подзависла»*. ... Но американский бюрократический аппарат при отсутствии политической составляющей работает исключительно в **инерционном режиме**. См. 31.07.24; Брандту [США] давали все же кое-какие вещи делать, хотя и **со скрипом**. КП. 04.01.23). Вместе с тем негативная оценка содержится и в контекстах с единицами, именующими бесперебойную, с полной нагрузкой работу агрегата: в данном случае речь обычно идет либо об активизации враждебных по отношению к РФ и другим государствам действий США либо о кратковременных успехах в деятельности США и их отдельных институтов (ср.: *Глобальное доминирование США работало без сбоев*. Изв. 20.06.22; *Экономика США до сих пор работает на полную мощность, но маловероятно, что это продлится долго*. Вед. 29.04.24).

Наконец, небольшим числом единиц в обоих исследованных корпусах представлена метафоризация номинаций вмешательства человека в функционирование агрегата. Американские СМИ с помощью одного такого переноса (*cripple* 'портить, выводить из строя') делают акцент на военных успехах киевского режима, причем источником сообщения о выведении из строя военной машины РФ является сам Киев (ср.: *Ukraine carried out "massive" drone strikes on several regions of Russia overnight, local officials there said on Tuesday, in what appeared to be one of the largest recent assaults in Kyiv's campaign to cripple Russia's war machine on its home turf*. TNYT. 14.01.24). Российские СМИ используют эту часть когнитивной матрицы (ср.: *перезагрузка, перезапускать, подмазать*) для характеристики действий правящей элиты США и их институтов по преодолению кризисных явлений в социально-экономической ситуации в стране и мире (ср.: *Это не только поддерживает экономику, но и фактически ее перезапускает*. АиФ. 12.02.24; *Из Вашингтона ... он [индийский премьер] увезет несколько «жирных» контрактов..., которыми Вашингтон пытается «подмазать» Нью-Дели в первую очередь*. Взг. 22.06.23).

В более востребованном **инструментальном** варианте модели (российские СМИ — 19 единиц в 41 контексте; американские СМИ — 19 единиц в 56 контекстах) акцент делается на целеполагании: человек использует некий механизм с определенной целью. В соответствии с этим действия социальных институтов и их представителей,

а также социально-экономические, политические факторы ассоциируются со способами воздействия на страны, их руководство и т. п. Реализация данного варианта в российских и американских массмедиа имеет общие и специфические черты.

Общими источниками метафоризации становится несколько СГ, часть из которых представляет собой собственно артефактную лексику, а часть именует процессы, связанные с использованием артефактов. При этом семантика первичных русских и английских ЛСВ может быть как однотипной, так и различной:

- «Обобщенные наименования инструментария, принципов и результатов их применения»: российские СМИ — 4 единицы (*инструмент, орудие, механизм, срабатывать*) в 12 контекстах; американские СМИ — 3 единицы (*tool, mechanism, instrument*) в 12 контекстах;

- «Наименования орудий, сооружений, средств для нападения или защиты»: российские СМИ — 6 единиц (*оружие, бомба, запал, таран, арсенал, полигон, громоотвод, убежище*) в 14 контекстах; американские СМИ — 5 единиц (*weapon, trigger (n), time bomb, arsenal, armament, fortress, testing ground*) в 13 контекстах;

- «Наименования других конкретизированных по функции механизмов, их частей и средств»: российские СМИ — 6 единиц (*рычаг, маховик, ограничитель, переключатель, реостат, рупор*) в 10 контекстах; американские СМИ — 5 единиц (*leverage, screw, mouthpiece, golden keys, steamrolling*) в 9 контекстах;

- «Номинация действий человека в ситуации использования артефакта»: российские СМИ — 3 единицы (*врубить* (переключатель), *переключить, заложить* (бомбу)) в 5 контекстах; американские СМИ — 6 единиц (*exploit (v), manipulate (v), fuel (v), trigger (v), spark (v), clampdown, steamrolling*) в 22 контекстах.

При метафоризации данные единицы сохраняют (хотя и в трансформированном виде) свои функциональные признаки (ср.: *инструмент / tool* 'орудие для производства каких-л. работ' → 'орудие, средство, применяемое для достижения чего-л.'; *оружие / weapon* 'орудие для нападения или защиты' → 'средство, способ для достижения, осуществления чего-л.'; *рупор / mouthpiece* 'труба конической формы, служащая для концентрации энергии звуковых колебаний в определенном направлении с целью усиления звука' → 'выразитель, распространитель чьих-л. идей, взглядов').

Употребление членов этого варианта модели достаточно системно и идеологически мотивировано.

В российских массмедиа наиболее типичной оказывается ситуация, в которой «США» является пользователем / владельцем различного рода инструментария и активно применяет его с целью достичь геополитического доминирования по отношению к своим противникам, союзникам и нейтральным странам. Орудием же воздействия становятся экономические, политические и военные ресурсы страны, а также другие государства, конфликтующие с оппонентами / противниками Штатов: Украина против России, Индия против КНР и т. п. (ср.: *США, НАТО и их союзники [используют] братский народ Украины в качестве орудия в своих злонамеренных планах сохранения глобального господства*. Пр. 04.08.22; *Власти страны [США] используют валюту в качестве экономического оружия против своих геополитических противников*. Изв. 01.04.22; *При провале Киева Вашингтон получит еще один рычаг для разорения стран Евросоюза*. КП. 21.04.23; *Доллар и вовсе используется как инструмент шантажа [независимых государств]*. Изв. 01.04.22; *Индия ... захотели использовать как таран, который проломит брешь в Великой Китайской стене*. Изв. 27.04.24). Аналогичные процессы наблюдаются при характеристике внутривнутриполитической борьбы демократического правительства с республиканской оппозицией, хотя число таких употреблений моделей невелико (ср.: *Американский истеблишмент хочет лишь отвести внимание от внутренних неразрешимых проблем. ... И потому единственным «громоотводом» остаётся война против Ирана, особенно учитывая параллельные интересы Израиля*. Цр. 14.01.24; *Демократы во главе с Джо Байденом ... [пытаются] продемонстрировать своим гражданам, что Вашингтон остаётся «рупором свободного мира»*. Изв. 16.06.23; *Вопрос в том, может ли хоть какое-то обвинение сработать против Трампа*. Цр. 14.01.24; *Это и есть та самая юридическая бомба, которая закладывается демократами под Трампа*. РГ. 20.07.23).

В американских массмедиа «RUSSIA» также позиционируется преимущественно как активно действующий пользователь инструментария, но акцент делается на иных составляющих внешней и внутренней деятельности России. В отношениях с другими государствами «RUSSIA» предстает в образе шантажиста-агрессора, который применяет свой экономический экспортный потенциал (энергоносители, сельхозпродукцию и т. п.) в качестве орудия воздействия на другие страны, угрожая тем самым их суверенитету

и стабильности во всем мире (ср.: *Russia is still selling hundreds of millions of dollars in LNG cargos, mostly to the same nations that have imposed sanctions against Moscow. It's a powerful weapon in its arsenal of energy armament*. BB. 13.10.22; *Moscow's machinations fuel a feeling of growing instability worldwide. ... While Europe invests in good governance and infrastructure in Moldova, Russia has invested only in propaganda and agents of influence, fueling corruption, division and instability*. TNYT. 29.03.24). Указанные единицы употребляются также для негативной оценки недостоверной, с точки зрения критиков РФ, информации, распространяемой «RUSSIA» для поддержания своего имиджа и воздействия на мировое сообщество и собственный электорат (ср.: *For Putin ... the concept of fake news has proven a potent tool for just that*. WP. 11.03.22; *The goal is to manipulate the Global South, whose support Moscow so desperately needs. ... Putin hosted a second Russia-Africa Summit, and his foreign minister toured Latin America — in both cases exploiting the history of colonialism to paint the West as nefarious*. NYP. 16.10.23). При характеристике внутренней политики создается негативный образ прежде всего властных структур РФ, оказывающих давление на электорат и несистемную оппозицию. В роли орудия используются законы, средства информации, правоохранительные органы (ср.: *Known as article 20.3.3, the law has become the most widely used tool in Russia's wartime crackdown*. TNYT. 29.12.23; *This war has thus become a testing ground for the Kremlin in creating new tools of population management*. Jac. 23.04.23; *His media mouthpieces Vladimir Solovoyov and Margarita Simonyan no longer own the narrative*. BB. 15.09.22; *Putin's using the war and hatred as the instrument to brainwash the Russian people*. WP. 06.05.24; *In Moscow, the conflict is also viewed in existential terms, largely due to the Kremlin's clampdown on the spread of unofficial information*. NW. 22.05.22).

В американских массмедиа, в отличие от российских СМИ, страна-опponent может выступать в роли не только субъекта, но и объекта воздействия. С одной стороны, это действия коллективного Запада по сдерживанию РФ, с другой — это внутренние экономические и политические проблемы, которые становятся причиной кризисных явлений в стране, несмотря на возможную активность властных структур, использующих «средства защиты» (ср.: *The United States ... has deployed many economic weapons against Russia*. WP. 24.03.22; *Putin "sits on a ticking financial time bomb of his own making"*.

NW. 13.01.25; *The decision was indicative of ... a lack of feedback mechanisms, and above all a growing insulation of those at the top from reality.* Jac. 12.08.22; *The flight of western companies poses tough problems for Russia., despite the Kremlin's "fortress economy" strategy.* NW. 03.08.22). Кроме того, фиксируются единичные случаи позитивной оценки развития РФ и ее отношений с коллективным Западом, но такого рода контексты либо включены в конструкции с ирреальной модальностью, либо являются цитатами из речи российских политических деятелей (ср.: *Instead of giving Putin the golden keys to the Ukrainian kingdom, Trump issued an ultimatum to the Kremlin.* NYP. 24.01.25; [A. Prokhanov:] *The war in Ukraine has fueled a new "Russian avant-garde."* NYT. 13.05.24).

3. Искусственно-имитационная модель метафоризации

Искусственно-имитационная метафорическая модель занимает в обоих исследованных корпусах в статистическом аспекте периферийное положение: российские СМИ — 9 единиц в 22 контекстах, американские СМИ — 8 единиц в 14 контекстах. Ее концептуальным центром становится противопоставление объектов, созданных человеком, объектам естественным (неодушевленным и одушевленным). Это когнитивное представление реализуется в двух вариантах: в **пассивном** искусственность интерпретируется как пассивность, безволие, бездушие; в **имитационном** — как внешнее подобие, не отражающее реальности, сущности чего-либо, или как намеренное искажение действительности, скрываемое за подобием.

В ситуативном аспекте в **пассивном** варианте акцент делается на политической несамостоятельности государства / международного института, их руководства, на их безвольном подчинении другим политическим силам. В соответствии с этим пассивная сторона в обоих исследуемых корпусах ассоциируется с артефактами, внешне схожими с людьми, которые управляются живыми людьми: российские СМИ — 4 единицы в 14 контекстах (*марионетка, марионеточный, кукловод, кукловодить*); американские СМИ — 3 единицы в 6 контекстах (*puppet* (n), *puppet* (ad), *robot*). Американские массмедиа используют также номинации других артефактов, а также процесса их изготовления / применения, где на первый план выходит признак 'созданный с определенной целью / используемый с определенной целью' — 2 единицы в 4 контекстах (*rubber-stamp, mold*).

В российских СМИ наиболее последовательно таким образом оцениваются домини-

рующие отношения «США» с другими государствами (прежде всего — с киевским режимом) и международными институтами (ср.: *В составе этой по сути марионеточной организации 37 государств — союзниц США.* Изв. 05.05.24; *Раскрыт замысел кукловодов: США выиграют от попытки наступления Украины при любом исходе.* КП. 21.04.23; *Мадура сравнил Зеленского с Гуайдо и предрек ему схожую судьбу марионетки США.* Изв. 12.12.23). Единичным примером представлено мнение сторонников Д. Трампа об отношениях внутри Демократической партии (ср.: *Илон Маск назвал Камалу Харрис корпоративной марионеткой.* МК. 24.07.24). В американских СМИ подобным образом также характеризуются отношения между страной-оппонентом и киевским режимом, но только тем, что «RUSSIA» «навязет» Украине в случае победы (ср.: *Putin ... planned to topple Ukraine's democratically elected government, install a Kremlin puppet regime.* NYT. 14.01.25). Внутри «RUSSIA» таким образом позиционируется доминирование руководства над другими социальными институтами (ср.: *They need an obedient new generation — indoctrinated robots in an ideological sense — supporting Putin. ... Putin's effort to mold a new national identity is as profound as the Russian October Revolution.* WP. 06.05.24; *Putin has steadily destroyed democratic institutions, leaving the media, courts, a rubber-stamp parliament and a tame electoral commission under rigid state control.* WP. 14.03.24).

При реализации **имитационного** варианта модели источником метафоризации в обоих исследуемых корпусах является артефактная лексика тематических блоков «Искусство» и «Производство»: российские СМИ — 5 единиц (*бутафория, декорация, фабриковать, сфабрикованный, фальшивый*) в 8 контекстах; американские СМИ — 3 единицы (*manufacturing, engineering, fake*) в 4 контекстах. Данные переносы употребляются с целью обвинить страну-оппонента, ее политические силы в неискренности, предоставлении мировому сообществу и собственному электорату недостоверной, ложной информации и т. п. (ср.: *Причиной вмешательства США и НАТО в балканские войны 1990-х годов также послужили сфабрикованные обвинения. ... В 95-м году [НАТО во главе с США] решили даже не менять декораций: трагедия произошла на том же рынке, боснийских сербов вновь провозгласили ответственными за взрыв.* Изв. 16.05.22; *Возможное обвинение Дональда Трампа из-за секретных бумаг является фальшивым.* Аиф. 09.06.23; *Putin also wants to ...*

generally distract the West by manufacturing tensions — especially between Serbia and Kosovo. BB. 04.10.22; *Such demographic engineering offers a scary vision of the future envisaged by Putin*. Jac. 23.04.23).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что российские и американские массмедиа достаточно активно и системно используют артефактные переносы для формирования негативного образа страны-оппонента («США» и «RUSSIA»). Наиболее концептуально оформленными оказываются две метафорические модели (механико-инструментальная и искусственно-имитационная), ядром которых становится функциональное подобие.

Единство когнитивных матриц моделей обуславливает относительное единообразие источников метафоризации, а также формируемых с их помощью идеологем страны-оппонента. «США» и «RUSSIA» в российских и американских СМИ позиционируются как активные субъекты международных отношений, склонные к неправомерному решению поставленных задач (цель «США» — абсолютная гегемония в мире, «RUSSIA» — победа в специальной военной операции и экономическое давление на западные и другие страны). «RUSSIA» может также выступать в роли объекта экономического и политического воздействия со стороны «коллективного Запада». При характеристике внутренней политики «США» на первый план выходит негативная оценка межпартийных отношений, тогда как «RUSSIA» — отношений между руководством страны и ее остальными социальными институтами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 296–297.
2. Балашова, Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 12–24.
3. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : электронный // Quaestio Rossica. — 2017. — Т. 5, № 4. — С. 1178–1196. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qv_4_2017_17.pdf.
4. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
5. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. — 464 с. — Текст : непосредственный.
6. Велентеенко, М. В. Артефактная метафора в британском и американском медиадискурсе / М. В. Велентеенко, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2024. — № 1. — С. 13–19.

7. Велентеенко, М. В. Метафоры «Природы» на примере российского медиадискурса / М. В. Велентеенко, Т. Ю. Рязанцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1. — С. 42–49.

8. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 768 с. — Текст : непосредственный.

9. Зарипов, Р. И. Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4. — С. 175–183.

10. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20.

11. Романова, Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности / Т. В. Романова. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. — 120 с. — Текст : непосредственный.

12. Чудинов, А. П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3. — С. 42–48.

13. Спиридовский, О. В. Использование стратегий конфликтно обусловленной коммуникации в целях сохранения президентской власти в США / О. В. Спиридовский. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1. — С. 85–90.

14. Цолоева, С. Б. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: артефактная метафорическая модель / С. Б. Цолоева. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2021. — Вып. 7, № 1. — С. 183–191.

15. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.

16. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — URL: <https://discourseworld.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf>. — Текст : электронный.

17. Charteris-Black, J. Competition Metaphors & Ideology: Life as a Race / J. Charteris-Black. — Text : unmediated // The Routledge Handbook of Language and Politics. — 2017. — P. 202–217.

18. Chomsky, N. Language and politics / N. Chomsky. — Oakland, CA : AK Press, 2004. — 800 p. — Text : unmediated.

19. Fairclough, N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 270 p. — Text : unmediated.

20. Ferrin, G. Artifact “Metaphors”: Gaining capability using “Wrong” tools / G. Ferrin, L. Snidaro, G. L. Foresti. — Text : unmediated // Fusion. — 2015. — P. 1176–1181.

21. Lakoff, G. Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the gulf / G. Lakoff. — Text : unmediated // Cognitive Semiotics. — 2012. — № IV (2). — P. 5–19.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). Metaphora [Metaphor]. *Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 296–297). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
2. Balashova, L. (2021). Artifact Metaphor in V. V. Putin's Speech as a Way to Represent the Image of Russia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Political Linguistics*, 2, 12–24. (In Russ.)
3. Balashova, L. (2017). The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion). *Quaestio Rossica*, 5(4), 1178–1196. (In Russ.) Retrieved from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qv_4_2017_17.pdf (In Russ.)
4. Balashova, L. V. (2014). *Russkaja metaforičeskaja sistema v razviti: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow: LRC Publishing House, 632 p. (In Russ.)

5. Budaev, E.V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Sankt-Peterburg: Naukoemkie tekhnologii, 464 p. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43136020_77893807.pdf (In Russ.)
6. Velenteenko, M.V. & Nakhimova, E.A. (2024). The Artifact Metaphor in the British and American Mediadiscourse. *Aktualnye Problemy Germanistiki, Romanistiki I Rusistiki* [Current Issues in Germanic, Romance and Russian Languages Studies], 1, 13–19. (In Russ.)
7. Velenteenko, M.V., & Ryazantseva, T.Y. (2024). Metaphors of NATURE on the Example of the Russian Media Discourse. *Political Linguistics*, 1, 42–49.
8. Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 768 p. (In Russ.)
9. Zaripov, R.I. (2024). Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse. *Political Linguistics*, 4, 175–183. (In Russ.)
10. Karasik, V.I. (2000). O tipah diskursa [On the types of discourse]. In *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse] (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
11. Romanova, T.V. (2019). *Ideologemy i aksiologemy russkogo iazykovogo soznaniia kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noi mental'nosti : monografiia* [Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of the constant and dynamics of national mentality: Monograph] Nizhnii Novgorod: DEKOM, 120 p. (In Russ.)
12. Chudinov, A.P., & Segal, N.A. (2024). The Metaphorical Image of Russia on the Ukrainian Telegram Channels of 2022–2024. *Political Linguistics*, 3, 42–48. (In Russ.)
13. Spiridovskiy, O.V. (2024). Strategies of Conflict Communication Employed by American Presidents for Retention of Power. *Political Linguistics*, 1, 85–90. (In Russ.)
14. Tsoloeva, S.B. (2021). Metaforicheskie modeli, verbalizuemye v angloyazychnom professional'nom reklamnom diskurse: artefaktnaya metaforicheskaya model' [Metaphorical models verbalized in Englishlanguage professional advertising discourse: artifact metaphorical model]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(1), 183–191. (In Russ.)
15. Chudinov, A.P. (2012). Discursive Characteristics of Political Communication. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. Retrieved from <https://politlingvistika.ru/images/2-2012/8.pdf> (In Russ.)
16. Chudinov, A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 176 p. Retrieved from <https://discourse.world.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf> (In Russ.)
17. Charteris-Black, J. (2017). Competition Metaphors & Ideology: Life as a Race. *The Routledge Handbook of Language and Politics*, pp. 202–217.
18. Chomsky, N. (2004). *Language and politics*. Oakland, CA: AK Press, 800 p.
19. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 270 p.
20. Ferrin, G., Snidaro, L. & Foresti, G.L. (2015) Artifact “Metaphors”: Gaining capability using “Wrong” tools. *Fusion*, 1176–1181.
21. Lakoff, G. (2012). Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the. *Cognitive Semiotics*, IV(2), 5–19.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.581'42+811.581'38+811.581'27+327.56
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш171.1-006.21

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Наталья Николаевна Кошкарлова^{1✉}, Дарья Александровна Соколова^{2✉}

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, nkoshka@rambler.ru[✉], SPIN-код: 3844-0536

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sokolovadarya399@gmail.com[✉]

Репрезентация европейского турне Си Цзиньпина в китайских СМИ

АННОТАЦИЯ. В мае 2024 года председатель КНР Си Цзиньпин совершил рабочую поездку во Францию, Сербию и Венгрию, что вызвало широкий общественный резонанс. Целью настоящего исследования является анализ общественной реакции на визит Си Цзиньпина в Европу, а также выявление сложившегося у китайского народа и транслируемого СМИ отношения к тем странам, которые посетил китайский лидер в ходе своего европейского турне. Материалом для исследования послужили публикации в китайских средствах массовой информации, посвященные указанному политическому событию. В ходе исследования установлено, что китайские средства массовой информации транслировали образ Китая через призму имиджа дружественных государств — Франции, Сербии и Венгрии, что говорит о доминировании положительного вектора в реализации концептуальной оппозиции политического дискурса «свой — чужие». На основе анализа китайскоязычных СМИ делается вывод о том, что сам визит китайского лидера был также оценен положительно, поскольку во время него не только был заключен ряд значимых соглашений, но и определены дальнейшие пути развития государства, показаны статус и значимость КНР на международной арене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, китайские СМИ, китайский язык, политический дискурс, китайские политики, европейское турне, Си Цзиньпин, внешняя политика, международные отношения, переговоры, Франция, Венгрия, Сербия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т. Ленина, 76, ауд. 169; email : nkoshka@rambler.ru.

Соколова Дарья Александровна, магистрант, кафедра восточных и романо-германских языков, факультет Европы и Востока, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, ул. Ворошилова, 4а, ауд. 201; email: sokolovadarya399@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. Репрезентация европейского турне Си Цзиньпина в китайских СМИ / Н. Н. Кошкарлова, Д. А. Соколова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 162-171.

Natal'ya N. Koshkarova^{1✉}, Dar'ya A. Sokolova^{2✉}

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, nkoshka@rambler.ru[✉], SPIN code: 3844-0536

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sokolovadarya399@gmail.com[✉]

Representation of Xi Jinping's European Tour in Chinese Media

ABSTRACT. In May 2024, Xi Jinping made a working trip to France, Serbia and Hungary, which caused widespread public outcry. The purpose of this article is to analyze the public reaction to Xi Jinping's visit to Europe and to identify the attitude towards the countries visited by the leader that formed among the Chinese people and was disseminated by the media. The practical research material consisted of publications in Chinese media dedicated to the political event under consideration. It was found that Chinese media presented the image of China through the prism of the image of friendly states — France, Serbia and Hungary, which indicates the dominance of the positive vector in the realization of the conceptual opposition of the political discourse “own – alien”. Based on the analysis of Chinese media, it was concluded that the visit of the Chinese leader itself was also evaluated positively, since during it, not only a number of significant agreements were concluded, but also the further paths of development of the state were outlined and the status and the significance of China in the international arena were demonstrated.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Chinese media, Chinese language, political discourse, Chinese politicians, European tour, Xi Jinping, foreign policy, international relations, talks, France, Hungary, Serbia.

AUTHOR'S INFORMATION: Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Politology and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

Sokolova Dar'ya Aleksandrovna, Master's Degree Student, Department of Oriental, Romance and Germanic Languages, Faculty of Eurasia and East, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Koshkarova N. N., Sokolova D. A. (2025). Representation of Xi Jinping's European Tour in Chinese Media. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 162-171. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире внешняя политика ключевых игроков на международной арене привлекает внимание не только государственных лидеров, но и рядовых граждан, так как от избранного страной геополитического курса зависит ее будущее во многих аспектах. В связи с этим внешнеполитический курс государства инспирирует постоянные дискуссии политологов, лингвистов, всех интересующихся политикой. Среди ключевых игроков на международной арене в последние десятилетия выделяется КНР — страна, обладающая большой экономической мощью и способная оказывать значительное влияние на другие государства и проводимую ими внешнюю политику.

В начале мая 2024 года председатель КНР Си Цзиньпин совершил первую за последние пять лет рабочую поездку в Европу. В рамках своего европейского турне китайский лидер посетил три европейские страны — Францию, Сербию и Венгрию. Си Цзиньпин встретился с лидерами этих стран, а также с председателем Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен, чтобы обсудить важные для дальнейшего развития межгосударственных отношений экономические, культурные и политические вопросы. Факт данного визита, а также контракты и соглашения, заключенные во время него, получили широкий отклик как в западных, так и в китайских СМИ. Новостные агентства многих стран внимательно следили за ходом визита Си Цзиньпина в Европу и анализировали происходящие во время него события. Три страны были выбраны китайским лидером не случайно — Франция, Сербия и Венгрия наиболее толерантны по отношению к Китаю и проводимой им политике, признают многополярность современного мира и считают КНР одной из наиболее влиятельных фигур в международных отношениях. Можно сказать, что страны, в которых побывал китайский лидер, олицетворяют собой образ «своих», то есть дружественных Китаю, стран, являющихся его значимыми экономическими и культурными европейскими партнерами, придерживающимися сходных взглядов на мироустройство. В этих государствах наблюдается позитивное отношение к Китаю и китайскому народу, и, что более важно, они проводят относительно независимую внешнюю политику, что также положительно сказывается на их имидже в самом Китае. Программа европейского турне председателя КНР также не случайна — в первую очередь

Си Цзиньпин приехал во Францию, которая, хоть и выступает за многополярность, но все же является страной, активно сотрудничающей с другими западными странами по большинству вопросов, а затем посетил Сербию и Венгрию, являющиеся надежными партнерами КНР и проводящие свою внешнюю политику в выгодном для Китая русле.

ПОЛИТИКА VS. ИМАГОЛОГИЯ

В современном мире политика — это не только и не столько дело профессионалов, сколько область интереса обывателей и профессионалов, изучающих указанную сферу общественной жизни с точки зрения различных научных направлений. Особенно востребованными в последнее время являются лингвистические изыскания в области политического дискурса, так как они предоставляют возможность выявить «связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка», а их цель состоит в поиске закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме [Будавев 2006: 24]. Указанная цель может быть успешно реализована в имагологических эмпириках, когда изучаются и описываются образы стран, наций, культур, чужих (других) для воспринимающего субъекта. Суть имагологии выражена в дефиниции данного научного направления, предложенного О. Ю. Поляковым, который отмечает, что в настоящее время «имагология — это наука, изучающая образы „своих“ и „чужих“, их происхождение, содержание и изменение» [Поляков 2015: 6]. Имагология представляет собой сферу исследования в различных дисциплинах и может также пониматься как наука о создании имиджа, который играет зачастую решающую роль в современном мире [Ощепков 2010: 251]. Действительно, то, как другие участники международных отношений относятся к тому или иному государству, и то, как оно ими воспринимается, может определять их дальнейшую модель поведения.

Одним из основных понятий в имагологии является образ, представляющий собой совокупность представлений о чем-то. Согласно Б. В. Земскову, образ имеет два значения — широкое, обобщающее (например, образ страны) и более узкое, являющееся одним из «инструментов» рецепции и репрезентации, куда относятся образы в искусстве и литературе [Земсков 2011: 7]. Образ другого государства складывается из множества разных факторов — его истории, экономических и полити-

ческих особенностей, отношений с другими государствами, населения, проживающего на его территории, его языка и культуры.

Как было сказано ранее, имагология занимается изучением образов «своих» и «чужих». Советский и российский лингвист Ю. С. Степанов утверждал, что противопоставление этих образов «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 126]. Следовательно, образы «своих» и «чужих», сложившиеся у граждан какого-либо государства, могут рассказать не только об их национальной идентичности, но и о том, какие другие государства близки к ним, а с какими отношения могут складываться напряженно. С данной точки зрения интересно проанализировать образы стран, которые посетил Си Цзиньпин, сложившиеся в самом Китае и транслируемые китайскими средствами массовой информации.

Франция

Первой страной, которую в рамках своего европейского турне посетил Си Цзиньпин, стала Франция. В период с 5 по 7 мая 2024 года председатель КНР встретился с президентом Франции Эммануэлем Макроном и президентом Европейской комиссии Урсолой фон дер Ляйен. Дипломатические отношения между КНР и Францией были установлены в 1964 году и с тех пор пережили несколько периодов охлаждения и нормализации, однако с 1990-х гг. они начали активно развиваться. Несмотря на периодически возникающие между Францией и КНР проблемы в активизации торгово-экономического сотрудничества и политические разногласия, страны остаются друг для друга привилегированными партнерами [об этом см., например: Тимофеев 2016]. В 2024 г. государства отмечают 60-ю годовщину установления дипломатических отношений. Во время своего визита в Пекин в период с 5 по 7 апреля 2024 г. президент Франции обсудил с председателем КНР множество вопросов, связанных с экономикой, политикой, в том числе и вопрос восстановления мира на Украине, был заключен ряд контрактов и договоров. Во время данной встречи лидеры стран обсудили и культурные связи между Францией и КНР — Эммануэль Макрон выступил за возобновление обмена студентами между государствами, также стороны договорились о проведении в Запретном городе выставки, посвященной дипломатическим отношениям

государств в XVIII веке¹. Еще одним важным итогом данной поездки стал тот факт, что китайский лидер пригласил Эммануэля Макрона посетить Китай с ответным визитом.

Во Франции китайскому лидеру был оказан душевный прием — во многих китайских СМИ отмечается тщательная подготовка французской стороны ко встрече гостей, дружелюбность французских граждан по отношению к китайской делегации, а также желание Эммануэля Макрона, считающего персонализацию ключом к успешной дипломатии, создать теплую и менее формальную атмосферу. За время пребывания председателя КНР во Франции было подписано 18 соглашений, затрагивающих гуманитарную сферу, сельское хозяйство, сотрудничество предприятий и другие вопросы, были обсуждены мирные инициативы, касающиеся палестинской проблемы, предотвращения холодной войны и олимпийского перемирия во время Игр в Париже.

Несмотря на его позитивные итоги, некоторые детали визита Си Цзиньпина во Францию вызвали резонанс как в китайской, так и в западной прессе.

С одной стороны, китайские СМИ пересказывали ход встречи, передавали высказывания лидеров двух стран и обращали внимание на высказывания глав стран о том, что «中方愿同法方保持战略沟通, 尊重彼此核心利益, 巩固双边关系战略稳定» (Zhōngfāng yuàn tóng fǎ fāng bǎochí zhànlüè gōutōng, zūnzhòng bǐcǐ héxīn lìyì, gǒnggù shuāngbiān guānxì zhànlüè wěndìng) — «Китай готов поддерживать стратегические связи с Францией, уважать коренные интересы друг друга, укреплять стратегическую стабильность двусторонних отношений», а Франция «希望同中方进一步密切双边经济关系和多边沟通协作» (xīwàng tóng zhōngfāng jìnyībù mìqiè shuāngbiān jīngjì guānxì hé duōbiān gōutōng xiézuò) — «надеется на дальнейшее укрепление двусторонних экономических отношений, а также многосторонних связей и сотрудничества с Китаем» [习近平同马克龙举行会谈: 双方应打造守正创新、担当作为的中法关]. Средства массовой информации акцентировали внимание на том, что страны являются значимыми игроками на международной арене, хорошими партнерами друг для друга и должны продолжать активно развивать и укреплять двустороннее взаимовыгодное сотрудничество.

С другой стороны, в некоторых СМИ был упомянут и тот факт, что поездка Си Цзинь-

¹ Le Château de Versailles en chine. URL: <https://www.chateauversailles.fr/presse/expositions-hors-les-murs/chateau-versailles-chine-exposition-cite-interdite-2024>.

пина во Францию вызвала протест со стороны тибетских и уйгурских групп. Некоторые СМИ рассказали о том, что в день приезда китайского лидера в Париж активисты движения «Свободный Тибет» организовали демонстрацию рядом с Триумфальной аркой, что связано с политикой КНР, проводимой в отношении данных этнических групп. Протестующие подготовили плакаты, развернули знамена и «要求法国向中国施压» (Yāoqiú fàguó xiàng zhōngguó shī yā) — «требовали, чтобы Франция оказала давление на Китай» [习近平欧洲三国之行抵达法国巴黎 受到西藏和维吾尔团体抗议].

Стоит отметить, что широкого освещения в китайской прессе данная новость не получила, однако в некоторых источниках упоминается, что, согласно информации, полученной от официальных лиц, президент Франции 6 или 7 мая поднимал вопрос о правах человека в Китае, однако об этом ни в одном коммюнике не упоминалось [吃火腿、话家常：马克龙的魅力攻势能打动习近平吗].

Так же, как западные, китайские СМИ обратили внимание на цели встречи французского президента с Си Цзиньпином. В китайских источниках отмечалось, что Макрон «希望中国领导人敦促俄罗斯总统普京结束乌克兰冲突» (xīwàng zhōngguó lǐngdǎo rén dūncù èluósī zǒngtǒng pǔjīng jiéshù wūkèlán chōngtú) — «надеется, что китайский лидер призовет президента России Владимира Путина положить конец конфликту на Украине» [马克龙和习近平将在法国比利牛斯山共进晚餐]. Данное высказывание получило внимание как в китайской, так и в западной прессе. Когда о данном вопросе зашла речь при диалоге глав государств, Си Цзиньпин отметил, что Китай неоднократно заявлял о своей позиции по этому вопросу и она остается неизменной. КНР, являясь крупным и влиятельным государством, не является стороной, вовлеченной в конфликт, и надеется на скорейшее прекращение боевых действий, поддерживает мирное урегулирование кризиса, а также «一直为劝和奔走，为促谈尽力» (yīzhí wéi quàn hé bēnzǒu wéi cùtán jìnlì) — «прилагает все усилия, чтобы добиться мира и способствовать переговорам» [习近平同马克龙和冯德莱恩举行中法欧领导人三方会晤]. Так, китайский лидер еще раз обозначил позицию своего государства по данному вопросу и дал понять западным партнерам, что КНР не собирается активно вмешиваться в конфликт и будет способствовать его мирному разрешению. Также в некоторых западных СМИ отмечалось, что данная тема вызвала у Си Цзиньпина явное недовольство.

Отдельного внимания заслуживают подарки, которыми обменялись лидеры стран перед началом переговоров. Китайские СМИ отметили, что среди них особенно выделялись олимпийские факелы — Эммануэль Макрон подарил китайскому лидеру факел предстоящих Олимпийских игр, а Си Цзиньпин подарил факелы Олимпийских игр 2008 и 2022 годов [近距离 | 中法元首互赠奥运火炬]. Помимо этого, в китайских массмедиа сообщалось, что председатель КНР сделал президенту Франции «особый» подарок — книги, изданные на французском языке в Китае, тем самым продемонстрировав уважение к французской культуре в КНР [习近平送给马克龙的一份特殊礼物].

Еще одним вызвавшим неоднозначную реакцию СМИ подарком, врученным Си Цзиньпину, оказались бутылки коньяка марок «Hennessy» и «Rémy Martin». На переговорах между лидерами двух стран были затронут вопрос проведения Китаем антидемпингового расследования в отношении французского коньяка, которое рассматривается как реакция на расследования ЕС в области китайских субсидий на медицинские устройства и автомобили. Вопросы торговли вызывают разногласия между государствами, и потому подарок французского президента был расценен СМИ как попытка продвинуться дальше в их разрешении. Новостная организация «The Associated Press» назвала данный ход «Cognac diplomacy» (Коньячная дипломатией), а также отметила, что после обсуждения существующих торговых споров Э. Макрон поблагодарил председателя КНР за «открытость в отношении временных мер в отношении французского коньяка» [Call it Cognac diplomacy]. Данный аспект получил большое внимание в западной прессе, китайские же источники не стали делать акцент на данной теме.

Помимо этого, Эммануэль Макрон выложил в своих социальных сетях несколько постов на китайском языке, что было также отмечено китайскими СМИ. В комментариях под этими новостями и «点赞中法亲密互动» (diǎnzàn zhōngfǎ qīnmì hùdòng) — «положительно оценивали тесное взаимодействие между Китаем и Францией» [“非常高兴接待您”！马克龙两天用中文连发四帖].

Подводя итог, можно сказать, что визит Си Цзиньпина во Францию, его встречи с президентом Франции и президентом Европейской комиссии Урсолой фон дер Ляйен были весьма неоднозначны. За несколько дней, проведенных Си Цзиньпином во Франции, политические лидеры обсудили важные экономические, культурные и политические вопросы, заключили ряд соглашений, на-

правленных на развитие и укрепление сотрудничества между странами. Китайские средства массовой информации активно следили за ходом визита, освещая различные, местами малозаметные, детали взаимодействия политиков. В основном СМИ транслировали позитивный образ Франции, однако в некоторых источниках вниманию читателей предоставлялись не только положительные стороны визита, но и спорные моменты, как, например, поиск французским президентом выгоды в отношениях с Китаем и попытка навязывания своей точки зрения по экономическим и политическим вопросам.

Венгрия

Визит китайского лидера в Венгрию выступил очередным подтверждением крепких партнерских отношений между двумя государствами и наличия широких перспектив для сотрудничества и взаимопомощи во многих отраслях. Во время переговоров между Си Цзиньпином и премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном, которые прошли 9 мая 2024 г. в Будапеште, Председатель КНР заявил, что «当前, 中匈关系正处于历史最好时期» (dāngqián, zhōng xiōng guānxì zhèng chūyú lìshǐ zuì hǎo shíqī) — «в настоящее время китайско-венгерские отношения переживают лучший период в их истории», Виктор Орбан также отметил, что «15年来我们各自国家和匈中关系都取得了巨大进步» (15 Niánlái wǒmen gèzì guójiā hé xiōng zhōng guānxì dōu qǔdéle jùdà jìnbù) — «венгерско-китайские отношения за последние 15 лет продвинулись в своем развитии очень далеко» [习近平同匈牙利总理欧尔班举行会谈].

Венгрия была одной из первых стран, признавших КНР, а дипломатические отношения между двумя государствами были установлены 6 октября 1949 года и с тех пор активно развивались. Стоит отметить, что в истории отношений КНР и Венгрии были и периоды охлаждения — первый из них (в 60-х — 70-х гг. XX в.) был связан с ухудшением советско-китайских отношений, а второй (конец 80-х гг. XX в.) — с переходом Венгрии к новой политической системе, что завело венгерско-китайские отношения в тупик, но начиная с середины 90-х гг. они вновь получили активное развитие. Об истории и сегодняшнем дне венгерско-китайских отношений сообщается на сайте посольства Венгрии в Китае¹.

В настоящее время отношения между Венгрией и КНР представляют собой все-

объемлющее стратегическое партнерство — страны активно сотрудничают в экономической и культурной сферах, Будапешт также поддерживает политику одного Китая, проводимую правительством КНР, и инициативу «Один пояс, один путь». Л. Н. Шишелина обращает внимание на то, что именно в Венгрии находятся самая многочисленная китайская диаспора, а также единственная в регионе школа, в которой обучение ведется на венгерском и китайском языках [Шишелина 2022: 41]. Это связано с тем, что Венгрия создает благоприятные условия для получения гражданства приезжими из стран, не входящих в ЕС, ввиду чего количество китайцев, проживающих на территории данной страны, а вместе с тем и объем инвестиций КНР в Венгрию, постоянно увеличивается.

Во время переговоров политики указали на необходимость дальнейшего укрепления и расширения сотрудничества между государствами. Так, на сайте Пекинского правительства было сказано, что «两国要继续做互信互助的好朋友、合作共赢的好伙伴, 以建立新时代全天候全面战略伙伴关系为契机, 为两国合作注入新的强大动力, 为两国人民开创更加美好的明天» (liǎng guó yào jìxù zuò hùxìn hùzhù de hǎopéngyǒu, hézuò gòng yíng de hǎo huǒbàn, yǐ jiàn lì xīn shídài quán tiānhòu quán miàn zhàn lüè huǒbàn guānxì wéi qī jī, wéi liǎng guó hézuò zhù rù xīn de qiáng dà dòng lì, wéi liǎng guó rén mín kāi chuàng gēng jī jiā měi hǎo de míng tiān) — «страны должны продолжать оставаться хорошими друзьями, которые доверяют и помогают друг другу, хорошими партнерами для взаимовыгодного сотрудничества, и использовать установление всесезонного всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху как возможность придать новый и мощный импульс сотрудничеству между двумя странами и создать лучшую атмосферу для будущего народов двух стран»². По итогам встречи было объявлено об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, а также был подписан ряд документов, направленных на взаимовыгодное сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах, поддержку и развитие инициативы «Один пояс — один путь».

В китайской прессе данное событие освещалось в позитивном ключе. Так, китайские средства массовой информации акцентировали внимание на фразе Виктора Орба-

¹ 匈牙利大使馆北京 (Xiōngyá lì dà shǐ guǎn běijīng). URL: <https://peking.mfa.gov.hu/zh/page/politikai-kapcsolatok> (дата обращения: 27.07.2024).

² 习近平同匈牙利总理欧尔班举行会谈 (Xìjìnpíng tóng xiōngyá lì zǒnglǐ ōu ěr bān jǔ xíng huìtán). URL: https://wb.beijing.gov.cn/home/index/rdgz/202405/t20240514_3680958.html (дата обращения: 28.07.2024).

на «欢迎你们‘来家里’，我们感到极大荣光» (Huānyíng nǐmen ‘lái jiālǐ’, wǒmen gǎndào jí dà róngguāng) — «Для нас большая честь приветствовать вас в нашем доме», при этом отмечая высокий уровень организации встречи гостей, воодушевление и 温馨 (wēn-xīn) — тепло, которые прослеживалось на протяжении всего визита китайского лидера [“来家里”，习近平再访匈牙利有新意].

Также некоторые источники обратили внимание на детали встречи китайского лидера. Президент Венгрии Тамаш Шуйок встретил Си Цзиньпина во время торжественной церемонии, а цветы председателю КНР вручала та же девушка, что и 15 лет назад, когда он прибыл в Венгрию с рабочим визитом в должности заместителя председателя КНР. Китайский лидер сказал: «从小姑娘到一个美丽的少女，这不就是象征着中匈友谊友好的成长吗?» (Cóngxiǎo gūniáng dào yīgè měilì de shàonǚ, zhè bù jiùshì xiàng-zhēngzhe zhōng xiōng yǒuyì yǒuhǎo de chéng-zhǎng ma?) — «От маленькой девочки до красивой молодой девушки — разве это не символизирует рост китайско-венгерской дружбы?» — тем самым отметив, что то, как выросла эта девушка, символизирует и рост дружбы между двумя государствами [там же].

Виктор Орбан, в свою очередь, подчеркнул, что с самого начала поддерживал китайскую инициативу «Один пояс, один путь», и указал на то, что венгры «是从东方迁徙而来，我们在西方定居，但是我们的根特别重要» (shì cóng dōngfāng qiānxǐ ér lái, zài xīfāng dìngjū, dànshì wǒmen de gēn tèbié chóng yào) — «мигрировали с востока, поселились на западе, но [наши] корни особенно важны» [там же]. Так политик напомнил о том факте, что исторически венгерский народ прибыл в Европу с Востока, а потому дружба и взаимопонимание восточной и западной культур много значат для этой страны.

Помимо этого, связи Венгрии и КНР рассматриваются как возможность достичь стабильности отношений между Китаем и ЕС и надежно обеспечить их развитие. Си Цзиньпин заявил, что «中方愿同匈方继续引领中国—中东欧国家合作正确方向» (Zhōngfāng yuàn tóng xiōng fāng jìxù yǐnlǐng zhōngguó-zhōng dōng'ōu guójiā hézuò zhèngquè fāngxiàng) — «Китай готов работать с Венгрией, чтобы продолжать сотрудничество между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы в правильном направлении» [习近平：中方愿同匈方一道，引领中匈关系不断迈向更高水平].

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что визит Си Цзиньпина в Венгрию был освещен китайскими СМИ

с положительной стороны, отношение китайского народа к Венгрии также положительное. Ввиду исторических особенностей взаимодействия этих двух государств, а также внешней политики, проводимой Венгрией и Китаем, эти страны являются друзьями и партнерами, могут и должны помогать друг другу в разных сферах. СМИ также обращали внимание на тесные рабочие отношения между Си Цзиньпином и Виктором Орбаном и высокий уровень политического доверия между государствами.

Сербия

Следующей европейской страной, которую посетил Си Цзиньпин в рамках своего турне, стала Сербия; китайский лидер был там 7–8 мая 2024 года. Председатель КНР прибыл в Сербию в годовщину бомбардировок Югославии силами НАТО, что довольно символично, учитывая характер взаимоотношений между государствами. Дипломатические отношения между Сербией и Китаем были официально установлены 2 января 1955 г. путем обмена дипломатическими нотами между министерствами иностранных дел государств. Страны поддерживают теплые партнерские отношения, что подтверждается в том числе взаимной отменой иммиграционных требований о получении гражданами въездной визы в 2017 г. КНР и Сербию связывают долгосрочные теплые отношения. Китайская сторона поддерживает Сербию во многих вопросах, в том числе в вопросе статуса Косово, не признавая его суверенитет ввиду существования схожей проблемы — Тайваньского вопроса. Сербия при этом также поддерживает политику «Одного Китая», считая Тайвань его частью. Оба государства признают и уважают многополярность современного мира и являются важными партнерами друг для друга. Кроме того, внеблоковость Сербии и особенности ее экономического развития, благоприятные для финансовых вложений, выступают в качестве объективной причины для развития китайско-сербского партнерства [Шахэти 2023: 13].

В 2013 г. страны подписали совместную декларацию об углублении стратегического партнерства, а шесть лет спустя Сербия присоединилась к китайской инициативе «Один пояс, один путь». Сербия является значимым для КНР государством-партнером, предоставляя Китаю возможность увеличивать свое присутствие в Европе. Данные отношения выгодны и для Сербии, которая получает от Китая инвестиции в области инфраструктуры, технологий и промышленности. Российско-украинский конфликт предоставил Сербии возможность вновь активизировать политику позиционирования Ки-

тая как основного незападного партнера государства [Бочарова 2023: 53]. Также отмечается, что образ КНР в Сербии положительный, данное государство обладает там хорошей репутацией [там же: 54].

Что касается самого Китая, Сербия также считается там дружественной страной, являющейся надежным партнером КНР на европейском пространстве. Во время визита Си Цзиньпина в Сербию китайские средства массовой информации отмечали радушие, с которым был принят китайский лидер. Так, СМИ обращали внимание на то, что помимо традиционной торжественной церемонии приветствия гостей, 15 000 сербов вышли с государственными флагами Китая и Сербии на площадь перед правительственным комплексом «Палата Сербия», чтобы 对习近平表示最热烈的欢迎 (Dui xijīnpíng biǎoshì zuì rèliè de huānyíng) — «оказать Си Цзиньпину самый теплый прием» [习言道 | 习近平欧洲之行, 几个场景很不寻常]. Данный факт свидетельствует о том, что Китай и председатель КНР пользуются популярностью среди сербского народа. Китайские СМИ, освещая данное событие, также отметили, что Си Цзиньпин был «потрясен и глубоко тронут этой сценой» «为那个场面所震撼, 也深受感动» (wéi nà gè chǎngmiàn suǒ zhènhàn, yě shēnshòu gǎndòng) [там же].

Помимо этого, в китайских СМИ был высоко оценен тот факт, что президент Сербии Александр Вучич опубликовал в своих социальных сетях пост, в котором отметил крепкую дружбу между государствами и тепло приветствовал Си Цзиньпина. «您为我们的国家和人民带来了巨大的荣誉。塞中铁杆友谊万岁!» (Nín wèi wǒmen de guójiā hé rénmin dài lái le jù dà de róngyù. Sāi zhōng tiěgǎn yǒuyì wànsuì!) — «Вы оказали большую честь нашей стране и нашему народу. Да здравствует стальная дружба между Китаем и Сербией!» [习近平到访, 武契奇社交平台发文: 塞中铁杆友谊万岁!]. Многие китайские источники процитировали сербского президента и сделали акцент на словосочетании *стальная дружба*, или *крепкая дружба*, которыми характеризовали сложившиеся отношения между государствами.

Кроме того, в другом своем посте Александр Вучич отметил, что КНР никогда не оставляла Сербию без внимания, и написал: «习主席, 欢迎您来到您的‘第二故乡’——塞尔维亚!» (Xí zhǔxí, huānyíng nín lái dào nín de ‘dì èr gùxiāng’—sà’ěrwéiyǎ!) — «Председатель Си, добро пожаловать в ваш „второй дом“ — Серию!» [там же]. Тем самым президент Сербии продемонстрировал отношение к китайскому лидеру, сложившееся в его стране,

а также еще раз подтвердил слова о крепкой дружбе между двумя странами.

Что касается дальнейшего развития отношений между государствами, Си Цзиньпин заявил, что Китай и Сербия будут «углублять китайско-сербское всеобъемлющее стратегическое партнерство и строить китайско-сербское сообщество единой судьбы в новую эпоху» «深化和提升中塞全面战略伙伴关系, 构建新时代中塞命运共同体» (Shēnhuà hé tíshēng zhōng sāi quánmiàn zhànlüè huóbàn guānxì, gòujiàn xīn shídài zhōng sāi mìngyùn gòngtóngtǐ) [习近平访“塞铁”, 贝尔格莱德遇到“中国红”]. Государства будут взаимно поддерживать выбранные ими пути развития, укреплять стратегическое сотрудничество в областях инфраструктуры, туризма, спорта, культуры, экономики и технологий.

По итогам визита Си Цзиньпина в Сербию был подписан ряд документов, направленных на укрепление сотрудничества между государствами, в том числе договор о свободной торговле и совместная декларация о повышении отношений с уровня стратегического партнерства до уровня общего видения будущего.

Встреча глав двух государств еще раз подтвердила теплые партнерские отношения между Белградом и Пекином, а также наметила перспективы их дальнейшего развития, заключающиеся в продолжении работы над углублением и развитием сотрудничества во многих областях. Так, новостное агентство *ChinaNews.com* в своей публикации отметило, что «当贝尔格莱德遇到“中国红”, 中塞关系写就历史性新的篇章» (dāng bèi'ěrgéláidé yù dào “zhōngguó hóng”, zhōng sāi guānxì xiě jiù lìshǐ xīn de piānzhāng) — «Когда Белград встретился с „Красным Китаем“, началась новая глава в отношениях между Сербией и Китаем», что символизирует переход от стратегического партнерства к общему видению будущего [там же].

Китайские средства массовой информации рассказывали о событиях визита председателя КНР в Сербию в позитивном ключе, обращая особое внимание на тесные связи между Китаем и Сербией, дальнейшие перспективы их сотрудничества. В СМИ транслировался позитивный образ Сербии и сербского народа, уделялось внимание деталям приема председателя КНР и отмечались радость и гостеприимство, с которыми данный прием был оказан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что визит китайского лидера в страны Евро-

пы имел большую значимость и потому широко освещался западными и китайскими СМИ. При анализе событий, произошедших за это время, особенностей приема Си Цзиньпина в разных странах и различных дипломатических аспектов данных встреч можно заключить, что европейское турне китайского лидера имело значение не только с точки зрения настоящего положения дел в межгосударственных отношениях, но и в плане исторического контекста взаимодействия Китая и европейских государств, а также прогнозирования развития двухсторонних связей в будущем. Китайские средства массовой информации, следившие за ходом визита Си Цзиньпина, транслировали образ Китая через призму имиджа дружественных государств — Франции, Сербии и Венгрии, что говорит о доминировании положительного вектора в реализации концептуальной оппозиции политического дискурса «свои — чужие». Информационные источники обращали внимание на позитивные и интересные детали, замеченные во время переговоров и встреч, а также отмечали теплые взаимоотношения между лидерами стран и общность интересов и перспектив развития государств. В китайской прессе прослеживается положительное отношение к странам, посещенным председателем КНР, они рассматриваются в качестве друзей, стратегических партнеров, с которыми необходимо поддерживать хорошие отношения с целью дальнейшего укрепления и углубления сотрудничества, совместной работы по важным вопросам.

ИСТОЧНИКИ

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — Текст : непосредственный.
2. Call it Cognac diplomacy. France offered China's Xi a special drink, in a wink at their trade spat // The Associated Press — 06.05.2024. — URL: <https://apnews.com> (date of access: 28.07.2024). — Text : electronic.
3. Le Château de Versailles en chine : une exposition à la cité interdite en 2024 // Le Château de Versailles. — 06.04.2023. — URL: <https://www.chateauversailles.fr> (date of access: 28.07.2024). — Text : electronic.
4. Макрон и习近平将在法国比利牛斯山共进晚餐 // 俄罗斯卫星通讯社 [Makelong he Xi Jinping jiang zai Faguo Biliniusishan gong jin wancan // Eluosi weixing tongxunsh]. — 05.05.2024. — URL: <https://sputniknews.cn> (date of access: 28.07.2024).
- 5.习近平欧洲三国之行抵达法国巴黎 受到西藏和维吾尔团体抗议 // ABC中文 [Xi Jinping Ouzhou Sanguo zhi xing dida Faguo Bali shoudao Xizang he Weiwu'er tuanti kangyi // ABC Zhongwen]. — 06.05.2024. — URL: <https://www.abc.net.au> (date of access: 28.07.2024).
- 6.习近平同马克龙和冯德莱恩举行中法欧领导人三方会晤 // 观察者网 [Xi Jinping tong Makelong he Fengdelai'en juxing Zhong Fa ou lingdaoren san fang huiwu // Guanchazhe wang]. — 06.05.2024. — URL: <https://www.guancha.cn> (date of access: 28.07.2024).
- 7.习近平同马克龙举行会谈：双方应打造守正创新、担当作为的中法关系 // 俄罗斯卫星通讯社 [Xi Jinping tong

Makelong juxing hui tan: shuangfang ying dazao shou zheng chuanguanxin, dandang zuowei de Zhong Fa guanxi // Eluosi weixing tongxunsh]. — 07.05.2024. — URL: <https://sputniknews.cn> (date of access: 28.07.2024).

8. 近距离 | 中法元首互赠奥运火炬 // 新华通讯社主办 [jin-juli | Zhong Fa yuanshou hu zeng Aoyun huoju // Xinhua tongxunsh zhuban]. — 07.05.2024. — URL: <http://www.news.cn> (date of access: 28.07.2024).

9. 习近平送给马克龙的一份特殊礼物 // 中国新闻社 [Xi Jinping songgei Makelong de yi fen teshu liwu // Zhongguo Xinwenshe]. — 07.05.2024. URL: <https://www.chinanews.com.cn> (date of access: 28.07.2024).

10. 吃火腿、话家常：马克龙的魅力攻势能打动习近平吗 // 纽约时报中文网 国际纵览 [Chi Huotui, Hua Jiachang: Makelong de meili gongshi neng dadong Xi Jinping ma // Niuyue Shibao Zhongwen wang guoji zonglan]. — 08.05.2024. — URL: <https://cn.nytimes.com> (date of access: 28.07.2024).

11. “非常高兴接待您”！马克龙两天用中文连发四帖 // 中国新闻网 [“Feichang gaoping jiedai nin”! Makelong liang tian yong Zhongwen lianfa si tie // Zhongguo Xinwen Wang]. — 08.05.2024. — URL: <https://www.chinanews.com> (date of access: 28.07.2024).

12. 习近平到访，武契奇社交平台发文：塞中铁杆友谊万岁！ // 中国新闻网 [Xi Jinping daofang, wu qi qi shejiao pingtai fawen: sai zhong tiegan Youyiwan sui ! // Zhongguo Xinwen Wang]. — 09.05.2024. — URL: <https://www.chinanews.com.cn> (date of access: 28.07.2024).

13. “来家里”，习近平再访匈牙利有新意 // 观察者网 [“Lai jiali”, Xi Jinping zai fang Xiongyali youxinyi // Guanchazhe wang]. — 11.05.2024. — URL: <https://www.guancha.cn> (date of access: 28.07.2024).

14. 习言道 | 习近平欧洲之行，几个场景很不寻常 // 中国新闻网 [Xi yan dao | Xi Jinping Ouzhou zhi xing, jige changjing hen bu xunchang // Zhongguo Xinwen Wang]. — 11.05.2024. — URL: <https://www.chinanews.com> (date of access: 28.07.2024).

15. 习近平同匈牙利总理欧班举行会谈 // 北京市人民政府外事办公室网 [Xi Jinping tong Xiongyali zongli ou er ban juxing hui tan // Beijing Shi renminzhengfu waishi bangongshi wang]. — 11.05.2024. — URL: <https://wb.beijing.gov.cn> (date of access: 28.07.2024).

16. 政治和外交关系 // 匈牙利大使馆北京 [Zhengzhi he waijiaoguanxi // Xiongyali dashiguan Beijing]. — URL: <https://peking.mfa.gov> (date of access: 28.07.2024).

17. 习近平：中方愿同匈方一道，引领中匈关系不断迈向更高水平 // 俄罗斯卫星通讯社 [Xi Jinping: Zhongfang yuan tong xiong fang yidao, yinling zhong xiong guanxi buduan maixiang geng gao shuiping // Eluosi weixing tongxunsh]. — 09.05.2024. — URL: <https://sputniknews.cn> (date of access: 28.07.2024).

18. 习近平访“塞铁”，贝尔格莱德遇到“中国红” // 观察者网 [Xi Jinping fang “sai tie”, Bei'ergelaide yudao “Zhongguohong” // Guanchazhe wang]. — 09.05.2024. — URL: <https://www.chinanews.com> (date of access: 28.07.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бочарова, З. С. Внешнеполитическая ориентация Республики Сербия на современном этапе / З. С. Бочарова, Беликз Нацзык. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 27, Глобалистика и геополитика. — 2023. — № 3. — С. 43–60.
2. Горбушина, О. П. Имидж страны: методы исследования / О. П. Горбушина. — Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2023. — Т. 11. — № 4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/70PSMN423.pdf>. — DOI: 10.15862/70PSMN423.
3. Земсков, В. Б. Россия на «переломе» / В. Б. Земсков. — Текст : непосредственный // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре и литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI вв.). — Москва : Новый хронограф, 2011.
4. Иванова, С. В. Внешняя политика Республики Сербии по вопросу ее вхождения в Европейский союз / С. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности : сб. статей. — Москва : РОП, 2021. — Т. 1. — С. 292–299.

5. Катков, А. Д. Влияние принципа суверенитета на политику признания государств (на примере конфликта в Косово) / А. Д. Катков. — Текст : непосредственный // Вестник ННГУ. — 2018. — № 4. — С. 37–48.
6. Ощепков, А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 251–253.
7. Поляков, О. Ю. Имагология / О. Ю. Поляков. — Киров : ВятГУ, 2015. — Текст : непосредственный.
8. Тимофеев, О. А. Структура и модель развития китайско-французского партнерства: уроки и возможности для России / О. А. Тимофеев. — Текст : непосредственный // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2016. — № 21. — С. 189–200.
9. Шахэти, А. Интересы Китая на Балканах / А. Шахэти. — Текст : непосредственный // Международные отношения. — 2023. — № 2. — С. 11–17.
10. Шенк, Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе / Ф. Б. Шенк. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2001. — № 4. — С. 4–17.
11. Шишелина, Л. Н. Многовекторность восточной политики Венгрии / Л. Н. Шишелина. — Текст : непосредственный // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2022. — № 1. — С. 35–43.
12. Dyserinck, H. Zum Problem der «Images» und «Mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der vergleichenden Literaturwissenschaft / H. Dyserinck. — Text : unmediated // Arcadia. — 1966. — № 1. — S. 107–120.
13. Imagology: the cultural construction and literary representation of national characters: a critical survey / ed. by M. Beller and J. Leerssen. — Amsterdam, 2007. — Text : unmediated.
14. Jacoby, W. Different cases, different faces: Chinese investment in Central and Eastern Europe / W. Jacoby. — Text : unmediated // Asia Europe Journal. — 2014. — Vol. 12. — No 1-2. — P. 199–214.
15. Mitrovic, M. Assessments and foreign policy implications of the national security of Republic of Serbia / M. Mitrovic. — Text : unmediated // Security and Defence Quarterly. — 2021. — N 34 (2). — P. 7–19.

MATERIALS

1. Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997.
2. The Associated Press (2024, May 6). *Call it Cognac Diplomacy. France Offered China's Xi a Special Drink, in a Wink at Their Trade Spat*. The Associated Press. Retrieved July 28, 2024, from URL: <https://apnews.com>
3. Le Château de Versailles (2023, April 6). *Le Château de Versailles en Chine: une exposition à la Cité Interdite en 2024*. Le Château de Versailles. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.chateauversailles.fr>
4. Russian Agency "Sputnik" (2024, May 5). *Makelong he Xi Jinping jiang zai Faguo Bilinushan gong jin wancan* [Macron and Xi Jinping Will Dine in the Pyrenees]. Retrieved July 28, 2024, from <https://sputniknews.cn>.
5. 习近平欧洲三国之行抵达法国巴黎 受到西藏和维吾尔团体抗议 // ABC中文[*Xi Jinping Ouzhou Sanguo zhi xing dida Faguo Bali shoudao Xizang he Weiwu'er tuanti kangyi. ABC Zhongwen*]. 06.05.2024. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.abc.net.au>
6. 习近平同马克龙和冯德莱恩举行中法欧领导人三方会晤 // 观察者网 — 06.05.2024. [*Xi Jinping tong Makelong he Fengdelai'en juxing Zhong Fa ou lingdaoren san fang huiwu. Guanchazhe wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.guancha.cn> (accessed 28 July 2024).
7. 习近平同马克龙举行会谈：双方应打造守正创新、担当作为的中法关系 // 俄罗斯卫星通讯社 — 07.05.2024. [*Xi Jinping tong Makelong juxing huitan: shuangfang ying dazao shou zheng chuangxin, dandang zuowei de Zhong Fa guanxi. Eluosi weixing tongxunshu*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://sputniknews.cn> (accessed 28 July 2024).
8. 近距离 | 中法元首互赠奥运火炬 // 新华通讯社主办 — 07.05.2024. [*jinjuli | Zhong Fa yuanshou hu zeng Aoyun huojia. Xinhua tongxunshu zhuban*]. Retrieved July 28, 2024, from URL:

<http://www.news.cn>

9. 习近平送给马克龙的一份特殊礼物 // 中国新闻社 — 07.05.2024. [*Xi Jinping songgei Makelong de yi fen teshu liwu. Zhongguo Xinwenshe*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.chinanews.com.cn>
10. 吃火腿、话家常：马克龙的魅力攻势能打动习近平吗 // 纽约时报中文网 国际纵览 — 08.05.2024. [*Chi Huotui, Hua Jiachang: Makelong de meili gongshi neng dadong Xi Jinping ma. Niuyue Shibao Zhongwen wang guoji zonglan*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://cn.nytimes.com>
11. “非常高兴接待您”！马克龙两天用中文连发四帖 // 中国新闻网 — 08.05.2024 [*“Feichang gaoxing jiedai nin”! Makelong liang tian yong Zhongwen lianfa si tie. Zhongguo Xinwen Wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.chinanews.com>
12. 习近平到访，武契奇社交平台发文：塞中铁杆友谊万岁 // 中国新闻网 — 09.05.2024. [*Xi Jinping daofang, wu qi qi shejiao pingtai fawen: sai zhong tiegan Youyiwansui! Zhongguo Xinwen Wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.china-news.com.cn>
13. “来家里”，习近平再访匈牙利有新意 // 观察者网 — 11.05.2024. [*“Lai jiali”, Xi Jinping zai fang Xiongyali youxinyi Guanchazhe wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.guancha.cn>
14. 习言道 | 习近平欧洲之行，几个场景很不寻常 // 中国新闻网 — 11.05.2024. [*Xi yan dao | Xi Jinping Ouzhou zhi xing, jige changjing hen bu xunchang. Zhongguo Xinwen Wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.chinanews.com>
15. 习近平同匈牙利总理欧尔班举行会谈 // 北京市人民政府外事办公室网 — 11.05.2024. [*Xi Jinping tong Xiongyali zongli ou er ban juxing huitan. Beijing Shi renminzhengfu waishi bangongshi wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://wb.beijing.gov.cn>
16. 政治和外交关系 // 匈牙利大使馆北京. [*Zhengzhi he waijiaoguanxi. Xiongyali dashiguan Beijing*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://peking.mfa.gov>
17. 习近平：中方愿同匈牙利一道，引领中匈关系不断迈向更高水平 // 俄罗斯卫星通讯社 — 09.05.2024. [*Xi Jinping: Zhongfang yuan tong xiong fang yidao, yinling zhong xiong guanxi buduan maixiang geng gao shuiping. Eluosi weixing tongxunshu*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://sputniknews.cn>
18. 习近平访“塞铁”，贝尔格莱德遇到“中国红” // 观察者网 — 09.05.2024. [*Xi Jinping fang “sai tie”, Bei'ergelaide yudao “Zhongguohong”. Guanchazhe wang*]. Retrieved July 28, 2024, from <https://www.chinanews.com>

REFERENCES

1. Bocharova, Z.S., & Belike, Natszyke (2023). Vneshnepoliticheskaya orientatsiya Respubliki Serbiya na sovremennom etape [Foreign Policy Orientation of the Republic of Serbia at the Modern Stage]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*, 3, 43–60. (In Russ.)
2. Gorbushina, O.P. (2023). Country image: research methods. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 11(4), 70PSMN423. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/70PSMN423.pdf>. (In Russ.). DOI: 10.15862/70PSMN423
3. Zemskov, V.B. (2011). Rossiya na “perelome” [Russia at the “Turning Point”]. In *Na perelome: obraz Rossii proshloy i sovremennoy v kulture i literature Evropy i Ameriki (konets XX — nachalo XXI vv.)*. Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)
4. Ivanova, S.V. (2021). Vneshnyaya politika Respubliki Serbii po voprosu ee vkhozhdeniya v Evropeyskiy [Foreign Policy of the Republic of Serbia on the Issue of Its Accession to the European Union]. In *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otноsheniy, mezhdunarodnogo prava i bezopasnosti* (Collection of articles, Vol. 1, pp. 292–299). Moscow: ROP. (In Russ.)
5. Katkov, A.D. (2018). Vliyanie printsipa suvereniteta na politiku priznaniya gosudarstv (na primere konflikta v Kosovo) [The Influence of the Principle of Sovereignty on the Policy of Recognition of States (using the Kosovo Conflict as an Example)]. *Vestnik NNGU*, 4, 37–48. (In Russ.)
6. Oschepkov, A.R. (2010). Imagologiya [Imagology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 251–253. (In Russ.)

7. Polyakov, O.Yu. (2015). *Imagologiya* [Imagology]. Kirov: VyatGU. (In Russ.)
8. Timofeev, O.A. (2016). Struktura i model' razvitiya kitaysko-frantsuzskogo partnerstva: uroki i vozmozhnosti dlya Rossii [Structure and Development Model of Sino-French Partnership: Lessons and Opportunities for Russia]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 21, 189–200. (In Russ.)
9. Shaheti, A. (2023). Interesy Kitaya na Balkanakh [China's Interests in the Balkans]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 11–17. (In Russ.)
10. Shenk, F.B. (2001). Mental'nye karty: konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope [Mental Maps: Constructing Geographical Space in Europe]. *Politicheskaya nauka*, 4, 4–17. (In Russ.)
11. Shishelina, L.N. (2022). Mnogovektornost' vostochnoy politiki Vengrii [Multivector Policy of Hungary's Eastern Politics]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, 1, 35–43. (In Russ.)
12. Dyserinck, H. (1966). Zum Problem der «Images» und «Mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der vergleichenden Literaturwissenschaft. *Arcadia*, 1, 107–120.
13. Beller, M., & Leerssen, J. (2007). *Imagology: the cultural construction and literary representation of national characters: a critical survey*. Amsterdam, 2007.
14. Jacoby, W. (2014). Different Cases, Different Faces: Chinese Investment in Central and Eastern Europe. *Asia Europe Journal*, 12(1–2), 199–214.
15. Mitrovic, M. (2021). Assessments and foreign policy implications of the national security of Republic of Serbia. *Security and Defence Quarterly*, 34(2), 7–19.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-006.21

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.5

Элла Германовна Куликова^{1✉}, Александр Владимирович Осипенко^{2✉}

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, kulikova_ella21@mail.ru[✉], SPIN-код: 6607-2130, <https://orcid.org/0000-0002-5305-8789>

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, saleks1966@mail.ru[✉]

Диалогичность телевизионного медиадискурса (на материале политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым»)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым» как политическому, когнитивному и лингвистическому феномену. Особое внимание уделено стратегии диалогичной коммуникации, которую считаем доминирующей в этом ток-шоу. В противовес высказываемым (иногда) мнениям об авторитарности ведущего и общем агрессивном настрое участников ток-шоу доказывается, что это лучшая политическая передача в современном телевизионном медиадискурсе, которую отличает высочайший уровень обсуждения всех общественно значимых проблем; это «поединок интеллектов», в результате которого у миллионов зрителей формируется картина современного мира с его причинно-следственными связями. Для реципиентов это прекрасная возможность ориентироваться в сложном процессе современной политики. В формате этой передачи последовательно, принципиально и непримиримо отстаиваются интересы и приоритеты России в её противостоянии с «коллективным Западом». Политическое ток-шоу В. Соловьёва — во многом импровизационный жанр, это особая форма познавательного процесса, в которой соблюдены принципы равноправия, уважительности по отношению ко всем участникам. В качестве эмпирического материала для проведенного исследования послужила выборка диалогов из телевизионных программ избранного жанра («Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» с февраля 2022 по 2025 г.). Однако языковые примеры взяты только из февральских выпусков 2025 года. Для исследования диалогического дискурса использован лингвопрагматический анализ и аналитико-дедуктивный метод.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российское телевидение, телепередачи, диалог, политический дискурс, политические ток-шоу, журналисты, телеведущие, Владимир Соловьёв, речевые жанры, речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10; email: kulikova_ella21@mail.ru.

Осипенко Александр Владимирович, аспирант кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); 344002, Россия, Ростов-на-Дону, Б. Садовая ул., д. 69; email: saleks1966@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова, Э. Г. Диалогичность телевизионного медиадискурса (на материале политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым») / Э. Г. Куликова, А. В. Осипенко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 172-179.

Ella G. Kulikova^{1✉}, Aleksandr V. Osipenko^{2✉}

¹ Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba (RUDN University named after Patrice Lumumba), Moscow, Russia, kulikova_ella21@mail.ru[✉], SPIN code: 6607-2130, <https://orcid.org/0000-0002-5305-8789>

² Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, saleks1966@mail.ru[✉]

Dialogic Nature of TV Media Discourse (Based on the Material of the Political Talk Show “Evening with Vladimir Solovyov”)

ABSTRACT. The article analyzes the talk show “Evening with Vladimir Solovyov” as a political, cognitive, and linguistic phenomenon. Special attention is paid to the strategy of dialogic communication, which is considered dominant in this talk show. In contrast to opinions about the authoritarianism of the talk show host and the general aggressive attitude of its participants, the authors argue that this is the best political program in modern television media discourse, distinguished by the highest level of discussion of all socially significant issues. This is a “duel of intellects”, as a result of which, a picture of the modern world with its causal connections is formed in the minds of millions of viewers. This is a great opportunity for the audience to understand the complex processes of modern politics. In the format of this TV program, Russia's interests and priorities in its confrontation with the “collective West” are consistently, fundamentally, and irreconcilably defended. The political talk show of V. Solovyov is to a large extent an improvisational genre; it is a special form of cognitive process that abides with the principles of equality and respect for all participants. The article presents an empirical study of a sample of dialogues from the TV talk shows “An Evening with Vladimir Solovyov” and “Sunday Evening with Vladimir Solovyov” broadcast from February 2022 to 2025. However, the linguistic examples in the text of the article are taken only from the

February 2025 talk show releases. The method of linguopragmatic analysis and the analytical-deductive method are used to study the dialogic discourse under consideration.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian TV, TV shows, dialogue, political discourse, political talk shows, journalists, TV hosts, Vladimir Solovyov, speech genres, speech.

AUTHOR'S INFORMATION: Kulikova Ella Germanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Mass Communications of the Philological Faculty, Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba (RUDN University named after Patrice Lumumba), Moscow, Russia.

Osipenko Aleksandr Vladimirovich, Post-Graduate Student of Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: Kulikova E. G., Osipenko A. V. (2025). Dialogic Nature of TV Media Discourse (Based on the Material of the Political Talk Show "Evening with Vladimir Solovyov"). In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 172-179. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Проблема сущности диалогической коммуникации, детально исследованная в трудах М. М. Бахтина, остается актуальной [Абрамова 2022; Андреева 2015; Арпентьева 2018; Дускаева 2012; Колокольцева 2012, 2021; Малышева 2023]. Различные аспекты диалога изучались в рамках грамматики, функциональной и экспрессивной стилистики, лингвопрагматики, жанроведения, теории дискурса, а также медиалингвистики и медиастилистики. На основе этих трудов был сформирован междисциплинарный подход к исследованию диалогической коммуникации, то есть разговора между двумя или более лицами с целью обмена мнениями, изучения предмета или решения вопроса.

Диалогическая коммуникация признается основой многих медийных жанров, среди которых особое место занимают политические ток-шоу [Барабаш 2017; Бинштейн 2025; Гегелова 2022; Грабельников 2018; Косов 2021; Сироткина 2021]. В диахронии можно проследить связь этого формата с публичными политическими речами в античных городах-государствах, со средневековыми диспутами и публичной перепиской XIX–XX вв. Диалог как преобладающий способ коммуникации в политических ток-шоу является в то же время не только естественным для проявления такого социального феномена, как гражданская активность, но и такой формой речевой деятельности, которая прагматически актуализирована и дает возможность влиять на систему знаний и представлений адресата, в том числе и коллективного.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве эмпирического материала для проведенного исследования послужила выборка диалогов из телевизионных программ избранного жанра («Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» с февраля 2022–

2025 гг.). Однако языковые примеры взяты только из февральских выпусков 2025 года. Для исследования диалогического дискурса использован лингвопрагматический анализ и аналитико-дедуктивный метод.

ДИСКУССИЯ

Ток-шоу Владимира Соловьёва в целом и роль ведущего оцениваются в высшей степени неоднозначно. Ср.: «Как журналист Соловьёв не отличается ни глубиной, ни оригинальностью мышления. В ток-шоу ЦТ ему отведена роль цепного пса» [Большаков 2019]. О многочисленных дефектах (логических, собственно языковых и этических) ток-шоу В. Соловьёва говорится в положениях на защиту диссертации Н. В. Пешковой: «В конфронтационном дискурсе политического ток-шоу „Вечер с Владимиром Соловьёвым“ и „Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым“ регулярно нарушаются различные правила коммуникации: чаще всего — постулаты качества (в связи с репрезентацией большого количества недостоверной информации) и максимы одобрения (в связи с агональным характером ток-шоу). Предпочтение отдается переходу на личности как более эффективному инструменту коммуникативного противоборства... Максимумы симпатии и скромности нерелевантны в исследуемом конфронтационном дискурсивном пространстве в силу его жанровой специфики. Коммуникативное поведение участников исследуемого ток-шоу примерно на 70 % связано с реализацией агрессивного речевого воздействия, направленного преимущественно на эмоциональное подавление оппонента, что обусловило доминирование коммуникативных тактик конфронтационного типа. Наибольшей агрессивностью отличается коммуникативное поведение самого ведущего ток-шоу» [Пешкова 2021: 10–11]. Автор практически обвиняет ведущего ток-шоу (В. Соловьёва) в «превышении меры допустимого законами жанра политического ток-шоу агрессивного речевого воздей-

вия», в том, что «вспомогательная коммуникативная стратегия дискредитации трансформируется в доминирующую», а «языковая игра, несмотря на исходную позитивную заданность, продуцирует высокий уровень речевой агрессии», и в целом «доминирует установка на конфликт» [там же: 11].

Но у этой программы (а она регулярно выходит на канале «Россия-1» с 2012 года) много горячих почитателей и высокие рейтинги. Приглашаемые спикеры — самые авторитетные люди в нашей стране: депутаты Госдумы А. М. Бабаков, А. В. Гурулёв, А. В. Картаполов; известные политологи, журналисты и деятели культуры Д. О. Дробницкий, С. А. Михеев, М. С. Симоньян, В. В. Корнилов, Р. В. Мирошник, А. В. Сосновский, Н. В. Стариков, К. Г. Шахназаров, Т. Э. Кеосаян, В. Ф. Гигин, С. П. Килинкар; профессора МГУ, МГИМО, ВШЭ, СПбГУ Д. Г. Евстафьев, Г. Т. Сардарян, А. А. Сидоров, С. Л. Ткаченко; военные эксперты Е. Г. Бужинский, В. В. Шурыгин, М. М. Ходарёнок, А. Ф. Клинецвич; востоковеды С. А. Багдасаров, Н. Н. Вавилов, Д. В. Мосяков и многие другие достойнейшие и умнейшие люди. Трудно представить, чтобы главы комитетов Госдумы, директора институтов, полковники и генералы собирались для «демонстрации речевой агрессии» и нарушения известных Н. В. Пешковой «правил коммуникации». Напротив, «златоусты» Д. Евстафьев и В. Ф. Гигин, острослов С. П. Килинкар, эрудиты Г. Т. Сардарян и Д. О. Дробницкий и, конечно, сам ведущий демонстрируют высший уровень владения всеми приемами современной полемики.

Поклонники этой передачи часто имеют свои собственные предпочтения. Так, писательница В. Токарева особенно любит слушать Карена Шахназарова (Московский комсомолец, 20 ноября 2022 г.). У каждого участника ток-шоу есть область компетенции, за пределы которой он, как правило, не успевает выйти: С. А. Багдасаров проясняет ситуацию на Ближнем Востоке, американисты Д. О. Дробницкий и А. А. Сидоров говорят о политике и экономике США, А. В. Сосновский информирует об особенностях политической жизни в Германии.

Как правило, каждое ток-шоу состоит из двух частей. Тематика задается актуальными событиями и общемировой медийной повесткой. В первой части обсуждаются события в РФ и в мире, вторая часть сосредоточена на СВО и событиях на Украине. Хотя, конечно, о СВО речь идет и в первой части, а гости второй части программы (это, как правило, политики, которые после 2014 года переехали из Украины в РФ и получили российское гражданство — С. П. Килинкар,

В. А. Вакаров, В. В. Корнилов, Е. Э. Копатько, В. Н. Олейник) нередко от собственно украинской проблематики переходят к общемировой повестке. Таким образом, у зрителя складывается полная картина актуальных событий и формируется адекватное понимание происходящего в мире.

Только воскресная передача не имеет второй «украинской» части. По воскресеньям продолжением ток-шоу становится фильм, снятый В. Соловьёвым на линии боевого соприкосновения. Таким образом, ток-шоу выходят пять дней в неделю, а оставшиеся два дня В. Соловьёв посвящает рабочим поездкам в зону СВО. Недаром М. Симоньян говорила о «непостижимом трудолюбии» своего коллеги. Будучи помноженным на интеллект, эрудицию, мгновенную реакцию и «быстромыслие», оно дает прекрасные результаты. В. Соловьёву нет нужды хвалить, рекламировать себя (ср. рефрен О. Скабеевой и Е. Попова: «В эфире ваша любимая передача „60 минут“, мы всегда на высоте») — за двенадцать лет программа В. Соловьёва делом доказала, что всегда на высоте, и стала по-настоящему любимой. Когда 4 февраля 2025 года В. Соловьёва в студии попытались назвать «самым компетентным журналистом, который видел „лицо войны“», он отреагировал мгновенно: «Конечно, нет, потому что есть такие военкоры, как Женя Поддубный...» В. Соловьёв перечислил многих — Андрея Сладкова, Семёна Пегова, ребят с Первого канала, НТВ, канала «Звезда», из «Комсомольской правды» (Саша Коц). И закончил так: «Поэтому — спасибо за доверие, но...»

Полагаем, что позитивное значение ток-шоу В. Соловьёва в эпоху СВО трудно переоценить. Это информационно-аналитические программы, разъясняющие суть происходящего в стране и за рубежом, формирующие картину мира и мировоззрение, по-настоящему работающие на нашу победу. Для доказательства этой позиции проанализируем эти ток-шоу с точки зрения содержательной и лингвистической составляющей диалогической коммуникации ее участников.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Стратегия ведущего состоит в ориентации именно на диалог. Каждому гостю дается несколько минут для выступления, но никто не гарантирует ему, что не будет попутных реплик, комментариев, даже возражений и протестов. Когда несколько лет назад один из участников программы попытался оспорить такой стиль программы, В. Соловьёв парировал: «Это не лекция». Заметим, что и на лекции хороший преподава-

тель с ходу готов отвечать на вопросы и комментарии и только приветствует таким образом выраженный интерес к предмету своей лекции. Ср.:

Профессор С. Л. Ткаченко говорит: «USAID имеет две основных функции. Во-первых, они предоставляют гранты, во-вторых, они оказывают помощь тем, кто нуждается, — меньшинствам».

В. Соловьёв: «Подкуп и крыша».

С. Л. Ткаченко: «Именно».

В. Соловьёв: «Сразу перевожу на русский».

Политолог А. Шпаковский говорит о прошедших в Белоруссии выборах и о том, что белорусский народ не поддавался на провокации, понимая, к чему они ведут. В. Соловьёв напоминает: «Дурной пример рядом».

В. Ф. Гигин говорит: «Я вообще не понимаю, как ООН переживёт трампизм».

В. Соловьёв: «Надеюсь, не переживёт».

М. М. Ходарёнок рассказывает об организации украинской армии, о тех ступенях, которые должен пройти высший офицер. Реплика В. Соловьёва: «Юлий Цезарь, Александр Македонский и Наполеон пробежали мимо этих ступеней». М. М. Ходарёнок реагирует: «Правила пишутся не для гениев».

Комментарии В. Соловьёва глубоки и содержательны. Ср.:

Е. Г. Бужинский: «Пока у них (США) 44 перехватчика. Что касается космоса, то это очень проблематично. Нужно внедрять компактный ядерный реактор. Которого у США нет».

В. Соловьёв: «Но, если идти по этой технологии уничтожения, мы сталкиваемся с другим технологическим подходом, потому что, благодаря тому же Маску, возможность контроля за происходящим выросла колоссальным образом по сравнению с предыдущим поколением».

Е. Г. Бужинский: «Ну это да».

В. Соловьёв: «То есть фактор обнаружения а) упрощается, б) удешевляется. Время на реакцию тоже».

Е. Г. Бужинский: «Всё правильно»

В. Соловьёв: «Нет никакой необходимости использовать импульсное оружие».

Очень часто В. Соловьёв, подхватывая мысль спикера, дополняет ее, конкретизирует, углубляет. Так, 3 февраля генерал-полковник А. В. Картаполов заговорил о том, что правила приема в военные училища (служившие в армии могут поступать до 24 лет, а не служившие — до 22 лет) не соответствуют моменту. В. Соловьёв вклинивается с помощью слова «Рассказываю» и говорит о своем опыте общения с бойцами. Есть во-

ин, «герой-герой, вся грудь в наградах», обожает армию, но в военное училище поступить не может по возрасту, и, чтобы было высшее образование (без него карьерный рост невозможен), идет в сельскохозяйственный вуз. Глава комитета по обороне ГД А. В. Картаполов продолжает тему: нужны целевые наборы в военные училища и вообще нам нужно держать порох сухим, армия должна быть боеспособной. Этой цели будет служить и новый указ о ДОСААФ, о приоритетном бюджетном финансировании. Теперь ДОСААФ сможет реально готовить призывников.

В. Соловьёв: «Только сначала надо провести аудит и всех барыг, которые прикрывались должностями в ДОСААФ, посадить».

Частотны и чисто эмоциональные реплики ведущего:

А. В. Картаполов: «Даже натовцы озаботились тем, что Зеленский ворует».

В. Соловьёв: «Какая неожиданность!»

Обращаясь к А. А. Сидорову, В. Соловьёв шутит: «Трампа оказался серьезнее, чем думал Андрей Анатольевич и некоторые камалисты в наших рядах» (имеется в виду то обстоятельство, что А. А. Сидоров в период избирательной кампании в США говорил: Камала Харрис понятна, мы знаем, чего от нее ждать, а Трамп непредсказуем, поэтому для нас предпочтительнее Камала Харрис).

Юмор играет важную роль, формирует особую атмосферу программы. 3 февраля 2025 года С. П. Килинкар «посетовал»: «Не знаю, что посоветовать Зеленскому — ходить и оглядываться или сразу взять лопату и закопать себя». В. Соловьёв «вклинился» с таким анекдотом: «Мужчина приходит в банк и говорит: „Я взял кредит, но теперь моя фирма разорилась, мне к какому окошку?“ Ему отвечают: „К любому. Это девятый этаж“».

По поводу возможности присоединения Канады В. Соловьёв спросил: «НАТО будет на чьей стороне воевать — Канады или США?» Когда В. Соловьёв 4 февраля 2025 года заметил, что последним, кто пытался рисовать психологические портреты политиков, был Тарле, а сегодняшним институту обожания США и Канады или институту поклонения Евросоюзу это недоступно, Д. Куликов, по достоинству оценив шутку, сказал: «Я это украду».

Как правило, видеофрагменты предшествуют дискуссии, но они могут появляться и по ходу выступления гостей. Так, при обсуждении намерений Трампа относительно Гренландии ведущий дает фрагмент речи датского премьер-министра Метте Фредериксен: «Нам, к сожалению, придется дать

жесткий ответ». Комментарий В. Соловьёва: «А жестко это как? Ты наденешь кожаное белье, возмешь в руки плетку и начнешь жестко? Очнись, детка! Тебе нечем ответить. В мировой современной политике вы ничто, просто ничто. Вы оккупированные территории, поэтому, как сказал наш президент, будете ласково хвостиком вилять у ног американского хозяина».

Ср. остроумную аналогию:

В. А. Вакаров: «Так выборы будут в Украине?»

В. Соловьёв: «Да какая нам разница! Большой потел перед смертью? Это хороший признак. Понимаете? Вот такое же отношение и к выборам. А что, выборы помогут? Подпишут капитуляцию? Кейтель подпisał — и чем это кончилось?»

С. П. Килинкар: «Пусть еще попробуют повесить такого, как Стефанчук».

В. Соловьёв: «Да ни одна веревка не выдержит такую тушу. Но для такого случая есть тросы...»

Все постоянные гости В. Соловьёва нацелены на диалогическое общение, рассчитывают на живую реакцию. К. Г. Шахназаров 3 февраля 2025 года поделился таким воспоминанием: «В 1986 или 87-м году Тимофеем Васильевичем Левчук, секретарь Союза кинематографистов СССР, начал свою „тронную“ речь так: „Грозовым весенним раскатом по нашей стране идет перестройка“. (Смех в студии) Ничего не напоминает сегодня? Кстати, его сняли после этого. На его место пришел демократ. Так что я поддерживаю полностью господина Трампа...»

В. Соловьёв подхватывает: «Весенние раскаты...»

К. Г. Шахназаров: «На американской земле идет перестройка, ну и слава богу. Дойдет ли она до того желаемого нами результата, который был в СССР в 1991 году? Не факт. В СССР не было глубинного государства, вернее оно было, но не было такого влияния»

В. Соловьёв: «Оно корни не смогло пустить. Не было наследования собственности и должностей».

Д. О. Дробницкий: «Было, династии были».

В. Ф. Гигин: «Первый секретарь, а потом и сын его — такого не было. Сын в МГИМО мог поступить, еще что-то...»

В. Соловьёв: «Были даже ограничения — отец и сын не могли служить в одной структуре КГБ...»

Как видим, шутливое воспоминание дает импульс к очень содержательному разговору, и каждый из участников добавляет из-

вестные ему детали в общую картину. Или ср. в передаче от 2 февраля 2025 года разговор о том, что нельзя оставлять нацистские формирования на территории Украины. Военный эксперт М. М. Ходарёнок очень кстати включается в тему и приводит точную цитату из А. В. Суворова: «Недорубленный лес вырастает».

На этой же передаче (3 февраля 2025 года) был эпизод, когда В. Соловьёв заметно вышел из себя. Во второй, «украинской» части социолог Е. Э. Копатко связал будущие выборы на Украине с необходимостью перемирия. Соловьёв спросил: «Я не понял логическую цепочку. Какое перемирие?» В. Соловьёву пришлось несколько раз повторять, что это вещи не связанные, что ни на какое «перемирие» ради украинских выборов мы никогда не пойдём.

В. Соловьёв — мастер аллюзий, которые удаются ему благодаря прекрасному знанию прецедентных текстов. Когда А. А. Сидоров сказал, что ему жалко Данию — маленькую страну, Соловьёв вспоминает Маяковского на свой лад: «А вы попытайтесь, „чувств никаких не издевав, берут паспорта каких-то там датчан и разных прочих шведов...“. Чего их жалеть? Сами выбрали свою судьбу. Они Украине передали всё, что у них было в армии...»

Слова А. А. Сидорова о том, что он в USAID не работал, В. Соловьёв продолжил: «Конечно, вы же не заканчивали... Как там у Ильфа и Петрова было? Закончил Пажеский корпус...» В «Золотом телёнке» один из обитателей Вороньей слободки Митрич говорит: «„Что еще за параллель такая, может, такой никакой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались“. Митрич говорил сущую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус».

С. П. Килинкар: «Зеленский говорит: мы к этим миллиардам отношения не имеем».

В. Соловьёв: «Всё украдено до нас» (отсылка к классической комедии Л. Гайдая).

Ведущий ценит и чужую шутку:

С. П. Килинкар: «Макрон там петушится чего-то, типа я готов там воевать и так далее, для того чтобы в будущем, может быть, чтоб не выгуливать по парку дедушку Брижжит, наверное, он хочет занять пост какого-нибудь там министра обороны Европы...»

В. Соловьёв (с улыбкой): «Выгуливать дедушку Брижжит... Жесток, Спиридон Палыч...»

Реплики подаёт все участники программы, уточняя, дополняя, конкретизируя сказанное выступающим.

Иногда В. Соловьёв оценивает выступления своих гостей с помощью эпитетов «Красиво!», «Глубоко!» или «Сильно!». Таких оценок удостоивались Д. Г. Евстафьев, В. Ф. Гигин, Д. О. Дробницкий, С. А. Михеев, Г. Т. Сардарян. В самом деле, когда декан факультета управления и политики МГИМО Г. Т. Сардарян отстаивает тезис о невозможности убрать, редуцировать, исключить из социальной жизни идеологию, он очень убедителен. Идеология связана с целеполаганием, без этого может жить животное, но не человек.

В ток-шоу В. Соловьёва, конечно, заметное место занимают инвективы — резко негативные оценки людей и событий, но они всегда глубоко мотивированны:

В. Соловьёв: «Путин хочет завоевать Европу — откуда вы это взяли, дебилы?». Если К. Каллас говорит о стратегическом поражении России, которое будет во благо самих же народов России, то инвективы В. Соловьёва — «эстонская дурочка», «евроидиотка» Каллас — как нельзя более справедливы. 4 февраля 2025 года В. Соловьёв сказал: «Мне вообще нравится: эта послыха или послнца или просто тупая свинья Макарова заявила: „Ну если, конечно, американская администрация требует, то мы проведем выборы“. Я-то думал, а кто ж является источником власти на Украине? Оказывается, американская администрация. Вот вам и майдан незалежности и революция достоинства. Вот эта подлость, пошлость и мерзость — вот это достоинство?». Когда украинский политик говорит, что надо расчленив Россию на несколько частей, В. Соловьёв восклицает: «Ну конечно, этого свиняку надо на бекон, что с ними говорить» (4 февраля 2025 г.).

Ср. едкую иронию в отношении стран Прибалтики в передаче от 3 февраля 2025 г.:

Г. Т. Сардарян: «Ни одна страна не может обеспечить цифру, которую от нее требует Трамп» (5 % ВВП на оборону).

В. Соловьёв: «Кроме Прибалтики».

Г. Т. Сардарян: «Я же сказал — страна».

В. Соловьёв (с прибалтийским акцентом): «Ах, извините... Про Вымираты речь не идет».

В ток-шоу от 2 февраля 2025 года слова С. А. Багдасарова об иранском политике, которого обвиняют в том, что он имел дело с Соросом и был другом Байдена, В. Соловьёв прерывает замечанием: «А Байден еще помнит, что у него есть друзья?»

Участники ток-шоу нередко обращаются для решения сегодняшних проблем к опыту истории. В связи с обсуждением очередных терактов Украины на территории России

(убийство Армена Саркисяна, замученные украинскими нацистами мирные жители в курском селе Верхнее Поречное) историк по образованию В. Ф. Гигин вспоминает о том, что в СССР в 1943 году (после того, как воочию увидели сожженные дотла деревни, концлагеря) был образован СМЕРШ и была введена смертная казнь через повешение для нацистских преступников. Участники передач В. Соловьёва едины во мнении, что и сегодня наказание за военные преступления, измену Родине, терроризм должно быть ужесточено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалог всегда рассматривался как форма существования языка, связанная с его социальной природой, и даже как «сущность общения», реализующая «смыслы для других» [Арпентьева 2018]. Как мы пытались доказать, принцип диалогичности коммуникации — главный в политических ток-шоу Владимира Соловьёва, возможности равноправного познавательного диалога здесь представлены во всей полноте. Это не догматическая, естественно-разговорная речь участников, это корректный спор, уточнение позиций, обмен информацией, ценностями и смыслами. Конечно, из высказываний участников и ведущего можно извлечь немало инвектив в адрес наших врагов и на этом основании вычислить «процент агрессивности», как это сделано в диссертации Н. В. Пешковой, о которой шла речь в начале. Но интолерантные выражения появляются в связи с конкретными информационными поводами, которых в избытке: действующие санкции и угроза новыми санкциями, беспрецедентное давление на РФ, взрыв «Северных потоков», накачка Украины западным оружием, преступления украинских нацистов против мирных граждан и т. д. И не инвективы определяют облик передачи (хотя в ряде случаев именно они помогают понять события и людей в истинном их качестве), а высочайший уровень обсуждения всех общественно значимых проблем, «поединок интеллектов», в результате которого для миллионов зрителей формируется картина современного мира с его причинно-следственными связями.

Политическое ток-шоу В. Соловьёва — во многом импровизационный жанр, это особая форма познавательного процесса, в которой соблюдены принципы равноправия, уважительности по отношению ко всем участникам. Для зрителя это прекрасная возможность ориентироваться в сложном процессе современной политики. И самое главное, что в этом формате — ток-шоу

Владимира Соловьёва — последовательно, принципиально и непримиримо отстаиваются интересы и приоритеты России в ее противостоянии с «коллективным Западом».

ИСТОЧНИКИ

1. Вечер с Владимиром Соловьёвым. — 2025. — 4 февраля. — URL: <https://smotrim.ru/video/2929284> (дата обращения: 09.02.2025).
2. Вечер с Владимиром Соловьёвым. — 2025. — 5 февраля. — URL: <https://smotrim.ru/article/4343865> (дата обращения: 09.02.2025)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, А. С. Актуальное членение высказывания в русской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Абрамова А. С. — Екатеринбург, 2022. — 22 с. — Текст : непосредственный.
2. Андреева, С. М. Лингвистическая и коммуникативная сущность диалога / С. М. Андреева, А. М. Андреева. — Текст : непосредственный // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. — 2015. — № 4. — С. 251–255.
3. Арпентьева, М. Р. Диалог как сущность / М. Р. Арпентьева. — Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. — 2018. — № 1 (18). — С. 8–12.
4. Барабаш, В. В. Дискурсные практики политико-административной медиакommunikации в интернете / В. В. Барабаш, М. А. Чекунова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2017. — Т. 22. — № 1. — С. 130–140.
5. Бинштейн, М. М. Стратегия убеждения в политическом дискурсе (на материале политического ток-шоу «60 минут») / М. М. Бинштейн, Н. А. Самыличева. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2025. — Т. 24. — № 1. — С. 168–174.
6. Большаков, В. Осторожно: ток-шоу / В. Большаков. — Текст : электронный // Русский вестник. — 29.06.2019 (18). — URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=13057> (дата обращения: 09.02.2025).
7. Грабельников, А. А. Политические ток-шоу на российских телеканалах / А. А. Грабельников, Н. С. Гегелова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2018. — Т. 23. — № 2. — С. 234–245.
8. Гегелова, Н. С. Российское телевидение: годы реформ / Н. С. Гегелова, А. А. Грабельников ; под ред. Е. Н. Брызгаловой, А. М. Шестериной. — Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2012. — 245 с. — Текст : непосредственный.
9. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд., доп., испр. — Санкт-Петербург : Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. — 274 с. — Текст : непосредственный.
10. Колокольцева, Т. Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы типологии диалогических дискурсов / Т. Н. Колокольцева. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2012. — № 2 (66). — С. 74–78.
11. Колокольцева, Т. Н. Проблемы изучения диалогической коммуникации и специфика интернет-диалогов (на материале блога) / Т. Н. Колокольцева. — Текст : непосредственный // Культура и текст. — 2021. — № 1 (44). — С. 197–215.
12. Косов, А. П. Российские политические ток-шоу как инструмент влияния на формирование взглядов общественности по вопросам развития отношений России и США / А. П. Косов. — Текст : непосредственный // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 29 октября 2021 г.). — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. — С. 72–75.
13. Малышева, Е. Г. Диалог и диалогическая коммуникация как объекты научной рефлексии: обзор отечественных лингвистических исследований / Е. Г. Малышева, В. А. Ерош-

кина. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2023. — № 4 (41). — С. 104–110.

14. Пешкова, Н. В. Языковая игра как способ реализации конфронтационных стратегий в политическом ток-шоу Владимира Соловьёва : дис. ... канд. филол. наук / Пешкова Н. В. — Майкоп, 2021. — 227 с. — Текст : непосредственный.

15. Сироткина, Я. А. Роль телеведущего в создании общественно-политического ток-шоу (на примере «Время покажет») / Я. А. Сироткина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 25 (367). — С. 531–533.

MATERIALS

1. Vecher s Vladimirom Solov'evym (2025). *Vecher s Vladimirom Solov'evym 04 fevralya 2025 g.* [An evening with Vladimir Solovyov from February 04, 2025]. Retrieved Feb. 9, 2025, from <https://smotrim.ru/video/2929284> (In Russ.)

2. Vecher s Vladimirom Solov'evym (2025). *Vecher s Vladimirom Solov'evym 05 fevralya 2025 g.* [An evening with Vladimir Solovyov from February 05, 2025]. Retrieved Feb. 9, 2025, from <https://smotrim.ru/article/4343865> (In Russ.)

REFERENCES

1. Abramova, A.S. (2022). *Aktual'noe chlenenie vyskazyvaniya v russkoj dialogicheskoy rechi* [The actual division of the utterance in Russian dialogical speech] (Abstract of Philology Cand. Diss.). Ekaterinburg. (In Russ.)
2. Andreeva, S.M., & Andreeva, A.M. (2015). *Lingvisticheskaya i kommunikativnaya sushchnost' dialoga* [The linguistic and communicative essence of dialogue]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova*, 4, 251–255. (In Russ.)
3. Arpentieva, M.R. (2018). *Dialog kak sushchnost'* [Dialogue as an entity]. *Vestnik Gumanitarnye issledovaniya*, 1(18), 531–533. (In Russ.)
4. Barabash, V.V., & Chekunova, M.A. (2017). *Diskursnye praktiki politiko-administrativnoj mediakommunikatsii v internete* [Discursive practices of political and administrative media communication on the Internet]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 22(1), 130–140. (In Russ.)
5. Bernstein, M.M., & Samylicheva, N.A. (2025). *Strategiya ubezhdeniya v politicheskom diskurse (na materiale politicheskogo tok-shou "60 minut")* [The strategy of persuasion in political discourse (based on the material of the political talk show "60 Minutes")]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 24(1), 168–174. (In Russ.)
6. Bolshakov, V. (2019). *Ostorozhno: tok-shou* [Caution: Talk show]. *Russkij vestnik*. Retrieved Feb. 9, 2025, from <http://www.rv.ru/content.php3?id=13057> (In Russ.)
7. Duskaeva, L.R. (2012). *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogical nature of newspaper speech genres] (Ed. M.N. Kozhina, 2nd ed., suppl., cor.). St. Petersburg: Filol. fakul'tet S.-Peterb. gos. un-ta, 274 p. (In Russ.)
8. Gegelova, N.S., & Grabelnikov, A.A. (2022). *Rossiiskoe televidenie: gody reform* [Russian TV: the years of reforms] (under editorship of E.N. Bryzgalova, A.M. Shesterina). Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), 245 p. (In Russ.)
9. Grabelnikov, A.A., & Gegelova, N.S. (2018). *Politicheskie tok-shou na rossijskikh telekanalakh* [Political talk shows on Russian TV channels]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2(2), 234–245. (In Russ.)
10. Kolokoltseva, T.N. (2012). *Sovremennaya dialogicheskaya kommunikatsiya i problemy tipologii dialogicheskikh diskursov* [Modern dialogic communication and the problems of the typology of dialogic discourses]. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2(66), 74–78 (In Russ.)
11. Kolokoltseva, T.N. (2012). *Problemy izucheniya dialogicheskoy kommunikatsii i specifika internet-dialogov (na materiale bloga)* [The problems of studying dialogic communication and the specifics of online dialogues (based on the blog material)]. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2(66), 74–78 (In Russ.)
12. Kosov, A.P. (2021). *Rossiiskie politicheskie tok-shou kak instrument vliyaniya na formirovanie vzglyadov obshchestvennosti po voprosam razvitiya otnoshenij Rossii i SSHA* [Russian

political talk shows as a tool to influence the formation of public views on the development of relations between Russia and the United States]. In *Interpretative violence against historical memory and the formation of a culture of political thinking: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, October 29, 2021* (pp. 72–75). Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. (In Russ.)

13. Malysheva, E.G., & Egoshkina, V.A. (2023). Dialog i dialogicheskaya kommunikaciya kak ob"ekty nauchnoj refleksii: obzor otechestvennykh lingvisticheskikh issledovanij [Dialogue and dialogic communication as objects of scientific reflection: a review of Russian linguistic research]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 4(41), 104–110 (In Russ.)

14. Peshkova, N.V. (2021). *Yazykovaya igra kak sposob realizatsii konfrontatsionnykh strategij v politicheskom tok-shou Vladimira Solov'yova* [Language game as a way to implement confrontational strategies in Vladimir Solovyov's Political Talk show] (Philology Cand. Diss.). Maikop. (In Russ.)

15. Sirotkina, Ya.A. (2021). Rol' televedushchego v sozdanii obshchestvenno-politicheskogo tok-shou (na primere "Vremya pokazheT") [The role of a TV presenter in the creation of a socio-political talk show (using the example of "Time will Tell")]. *Molodoj uchenyj*, 25(367), 60–62. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).

Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.111'38+81'27

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП43.21-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Наталья Александровна Купина^{1✉}, Юлия Борисовна Пикулева^{2✉}

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ natalia_kupina@mail.ru[✉], SPIN-код: 7646-8339, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

² pik@bk.ru[✉], SPIN-код: 7391-2251, <https://orcid.org/0000-0003-1948-3594>

Взрыв в мировом информационном пространстве: реакции на телефонный разговор президентов России и США

АННОТАЦИЯ. В статье на материале высказываний, извлеченных из текстов российских СМИ в период с 12 по 22 февраля 2025 года, интерпретируются служащие предметом анализа вербализованные реакции на состоявшийся 12 февраля телефонный разговор президентов РФ и США. Анализ проводится в темпоральном контексте с учетом влияния ближайшей ретроспекции и исторического времени на событийное настоящее. Целевая установка исследования связана с лингвистической диагностикой резко изменившегося в течение 10 февральских дней политического процесса. Установлено, что основной лингвистической составляющей этого процесса является разветвленная парадигма глаголов речи и соответствующих именных производных. Использованный критерий частотности позволил выделить злободневные слова текущего момента. Доказана эффективность соблюдения политическими лидерами постулатов межличностной коммуникации, исключающих речевую агрессию. Выявлено влияние аксиологического фактора на формирование долговременных контактов — межличностных и межгосударственных. Отмечена регулирующая функция универсальных и внутринациональных аксиологических констант. Специальное внимание уделено разрушительным последствиям патологических эмоциональных реакций на телефонный разговор представителей европейской элиты. Лингвистическая диагностика принципов речевого общения на состоявшихся 17 февраля двусторонних переговорах в Саудовской Аравии позволила уточнить набор коммуникативных качеств речи, способствующих достижению искомым дипломатических результатов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, российский президент, американский президент, телефонные разговоры, информационное пространство, событийное время, эмоциональные реакции, вербализованное коммуникативное взаимодействие, злободневные слова, украинский кризис, российско-американские отношения, дипломатическое урегулирование, традиционные ценности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, Почетный профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; email: natalia_kupina@mail.ru.

Пикулева Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; email: pik@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Купина, Н. А. Взрыв в мировом информационном пространстве: реакции на телефонный разговор президентов России и США / Н. А. Купина, Ю. Б. Пикулева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 180-188.

Nataliya A. Kupina^{1✉}, Yuliya B. Pikuleva^{2✉}

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ natalia_kupina@mail.ru[✉], SPIN code: 7646-8339, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

² pik@bk.ru[✉], SPIN code: 7391-2251, <https://orcid.org/0000-0003-1948-3594>

Explosion in the Global Information Space: Responses to the Telephone Conversation Between the Presidents of Russia and the United States

ABSTRACT. The article provides analytical interpretations of the verbalized reactions to the telephone conversation between the presidents of the Russian Federation and the United States that took place on February 12. The sample contains utterances extracted from the texts of the Russian media in the period from February 12 to 22, 2025. The analysis is carried out in a temporal context with regard to the influence of immediate retrospection and historical time on the eventful present. The purpose of the study is related to the linguistic diagnostics of the political process that changed dramatically during the 10 February days. The authors argue that an extensive paradigm of verbs of speech and the corresponding nominal derivatives constitutes the basis of the linguistic component of this process. The frequency criterion used makes it possible to identify the topical words of the current moment. The article demonstrates the effectiveness of compliance of political leaders with the postulates of interpersonal communication excluding verbal aggression. The study reveals the influence of the axiological factor on the formation of long-term contacts – interpersonal and interstate – and highlights the regulating function of universal and intra-national axiological constants. Special attention is paid to the devastating consequences of pathological emotional reactions of representatives of the European elite to the telephone conversation. The linguistic diagnostics of the

principles of speech communication at the bilateral negotiations in Saudi Arabia on February 17 made it possible to clarify the set of communicative qualities of speech that facilitate achieving desired diplomatic results.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, Russian president, American president, telephone conversations, information space, eventful time, emotional reactions, verbalized communicative interaction, urgent words, Ukrainian crisis, US-Russia relations, diplomatic solution, traditional values.

AUTHOR'S INFORMATION: Kupina Nataliya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Honorary Professor of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Pikuleva Yuliya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kupina N. A., Pikuleva Yu. B. (2025). Explosion in the Global Information Space: Responses to the Telephone Conversation Between the Presidents of Russia and the United States. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 180-188. (In Russ.).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Среда, 12 февраля 2025 года — 1085-й день военной операции (Газета.ру)¹. В этот день лидеры России и США впервые с начала спецоперации на Украине смогли созвониться (КП. 13.02). Важно, что разговор Путина и Трампа состоялся как раз в то время, когда в Европе завершалась встреча контактной группы по поддержке Украины в формате «Рамштайн» и начиналась Мюнхенская конференция (Известия. 14.02). Телефонному разговору Путина и Трампа предшествовал обмен заключенными: Москва освободила гражданина США Марка Фогеля <...>, а Вашингтон освободил гражданина России Александра Винника (Монокль. 15.02). Приведенные высказывания свидетельствуют о необходимости учета специфики текущего событийного времени в процессе осмысления взорвавшегося мирового информационное пространство телефонного разговора двух лидеров.

Для осмысления значимости состоявшегося телефонного разговора следует учитывать общественное мнение. Приведем в этой связи отдельные результаты анонимного опроса, проведенного редакцией Новостей Mail.ru (Новости Mail.ru. 13.02).

Вопрос: *Слышали ли вы о телефонном разговоре между Владимиром Путиным и Дональдом Трампом?* Ответы: Да, слышал — 97,14%; Слышу впервые — 1,22%; Нет, не слышал — 1,19%; Затрудняюсь ответить — 0,46%.

Вопрос: *Прошедший телефонный разговор... — это скорее важное или скорее не важное событие для отношений России и США?* Ответы: Важное — 83,84%; Не важное — 11,53%; Затрудняюсь ответить — 4,63%.

Вопрос: *Какая из тем переговоров кажется вам наиболее важной?* Ответы: Урегулирование конфликта на Украине — 79,94%; Российско-американские отношения в сфере экономики — 10,82%; Обмен гражданами России и США — 4,57%; Затрудняюсь ответить — 3,23%; Ближневосточное урегулирование — 0,81%; Иранская ядерная программа — 0,52%.

Сопоставление количественных данных позволяет утверждать, что диалог между президентами, безусловно, стал общественно значимым событием. Как следует из ответов, в ядре проблемного поля находится ощущаемая россиянами перспектива урегулирования украинского конфликта. Показательны также ответы на вопрос: *Как состоявшийся разговор отразится на российско-американских отношениях?* Ответы: Ничего не изменится — 48,49%; Отношения скорее улучшатся — 43,66%; Затрудняюсь ответить — 5,71%; Отношения скорее ухудшатся — 2,23%. Количественные показатели свидетельствуют об осторожном оптимизме, охватившем гражданское общество.

К сожалению, мы не располагаем аналогичными данными об общественном мнении граждан других стран. Отдельные сведения: *На Украине провели опрос о необходимости переговоров с Россией.* <...> Исследование «Рейтинг»: 64% украинцев поддерживают прямые переговоры с РФ (КП. 21.02); *Американское общество сегодня... за контакты с Россией* (ТК1. 18.02).

О важности лингвистической составляющей политического процесса свидетельствует статистика: базой данных «Интегрум» (Integrum.ru) в период с 12 по 22 февраля (включительно) зафиксировано 1787 употреблений лексики *переговоры*; 1758 упот-

¹ Извлечения из текстов СМИ передаются светлым курсивом. Соблюдается орфография и пунктуация источника. В круглых скобках указываются источник и дата.

реблений лексемы *разговор*; 1088 употреблений лексемы *беседа*; 1053 употребления лексемы *диалог*. Под влиянием риторики Трампа в дипломатический речевой оборот вошла лексема *сделка* (861 употребление). Частотность отмеченных «злободневных слов» [Вепрева, Купина 2021] позволяет судить о востребованности межличностной коммуникации, основной формой которой является непосредственное речевое взаимодействие. Значимость лингвистической составляющей текущего политического процесса подтверждают высказывания с выделенными выше злободневными словами: *Американский портал Axios называет телефонный разговор Путина и Трампа «значительным прорывом в замороженных отношениях США и России»* (РГ. 14.02); *Путин и Трамп сломали выстроенную систему блокирования диалога* (КП. 13.02); *Западные политики уверены, что беседа Путина и Трампа, которая состоялась 12 февраля, «войдет в историю мировой политики и дипломатии»* (Там же. 14.02); *Переговоры президента Соединенных Штатов Дональда Трампа и главы российского государства Владимира Путина по урегулированию конфликта на Украине приведут к шокирующей сделке* (Красное знамя (Краснознаменск). 20.02).

В статье на материале текстов российских СМИ (12–22 февраля 2025 г.) исследуются зафиксированные в указанный период речевые реакции на телефонный разговор. Цель исследования — лингвистическая диагностика политического процесса, резко изменившегося в течение 10 февральских дней.

Непосредственный предмет разноаспектного лингвистического анализа — высказывания, содержательно и эмоционально оценивающие диалог двух президентов в контексте текущего времени, а также прогнозирующие развитие сложившейся политической ситуации. Особая примета языкового облика анализируемых высказываний — активизация тематической группы глаголов речи и их именных производных: *говорить, договориться, поговорить, переговорить — договор, разговор, переговоры; беседовать — беседа; сказать; заявить — заявление; обсудить — обсуждение; комментировать, прокомментировать — комментарий; обсудить — обсуждение; обвинять — обвинение; излагать — изложение; намекать — намек; объяснять — объяснение; отрицать — отрицание; перечислять — перечисление; подтвердить — подтверждение; пояснять — пояснение; сообщать — сообщение*. Предпринятый лингвоаксиологи-

ческий анализ обнаружил влияние на политику вербализации общечеловеческих и внутринациональных традиционных ценностей.

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОБЫТИЯ

Восприятие телефонного разговора В. Путина и Д. Трампа включено в проживаемое время. Точка отсчета — 12 февраля. Продленное настоящее — дни, следующие за телефонным разговором — стали символом неминуемых перемен: *Мы начали отход от края пропасти, на котором оказались* (С. Лавров) (Р1. 17.02).

Ближняя ретроспекция маркирована Минскими соглашениями. Бывший президент Украины Порошенко признается: *Минские соглашения дали Украине время для укрепления армии* (РИА «Новости». 17.02). Российской стороной осознается стратегически запланированный обман: *Мы помним, что Запад пытался ввести Россию в заблуждение* (ТК1. 17.02); *На минские грабли мы больше не наступим* (Там же). Осмысление недавнего прошлого неизменно связано с актуальным настоящим. Общим местом является акротеиза: *Не заморозка конфликта, а его окончательное завершение*.

Связь прошлого и настоящего прослеживается и в осмыслении *байденовского наследия*: *Лавров призвал разгрести наследие Байдена* (Lenta.Ru. 19.02). Отмеченной установки придерживается действующий президент США, публично заявивший о том, что *ещё один год правления Байдена мог спровоцировать третью мировую* (РИА «Новости». 20.02). Аналитики подчеркивают: *Трамп не хочет, чтобы из-за проекта, который организовал Байден, провалился сам Трамп. < > Начинает работать процесс переговоров* (ТВЦ. 17.02). Для избранного президента США очевидна связь между провальной политикой и риторикой Байдена, а также Зеленского: *Трамп заявил, что Зеленский и Байден говорили неправильные вещи* (РИА «Новости». 21.02). Ср. прямое суждение: *Я очень разочарован. У Украины было 3 года, чтобы начать переговоры* (ТК1. 19.02).

Характерно, что аргументация реакций на состоявшийся телефонный разговор проецируется на давнопрошедшее историческое время. Например, критикуя проект *стратегического поражения России*, Трамп неоднократно напоминает, что русские *победили Наполеона и Гитлера*. В зарубежных СМИ устойчивой стала параллель, связанная с переговорами лидеров России, США, Великобритании о завершении Второй ми-

ровой войны: *Ялта — Ялта-2* (ТК1 и др. 18.02). Ср. также: *Экс-посол США заявил, что Трамп помогает осуществить мечту Сталина — <...> расколоть НАТО* (РБК. 20.02).

Итоговый вывод российских СМИ: *Время работает на нас*.

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА ПРЕЗИДЕНТОВ

Телефонный разговор президентов не транслировался, расшифровка текста не была опубликована, поэтому о лингвокоммуникативных характеристиках диалога можно судить, опираясь на ставшие достоянием общественности публично высказанные мнения.

Событийность разговора никем не отрицается: *Лидеры двух стран впервые за почти пять лет созвонились лично* (КП. 13.02). Личностный фактор — залог достижения искомого коммуникативного результата. Приведем оценочные высказывания главы МИДа Лаврова: *Разговор Путина и Трампа был беседой двух интеллигентных людей, способных договариваться* (ТК1. 14.02); *Нормальный разговор двух воспитанных, вежливых людей. В Европе таких людей уже не осталось* (ТВЦ. 14.02). Пресс-секретарь президента РФ Д. Песков подчеркивает, что *между Путиным и Трампом есть взаимное уважение* (ТАСС. 14.02); *Лидеры продемонстрировали волю к контактам* (ТК1. 14.02); *Тон телефонной беседы двух лидеров был конструктивным, рабочим и откровенным* (КП. 14.02). Журналисты воспроизводят слова Трампа, который назвал «великолепными» переговоры с Путиным (Коммерсантъ. 14.02).

Отмеченные характеристики позволяют составить представление о соблюдении коммуникантами универсальных постулатов общения — качеств хорошей речи [Головин 1988; Гордон, Лакофф 1985], исключающих возможность речевой агрессии, несущей зло [Лоренц 1994].

Обращает на себя внимание замечание С. Лаврова о соблюдении собеседниками точности, ясности и уместности речи: *<...> очень осторожно подбирались слова* (ТК1. 19.02). *Нормальный разговор воспитанных людей* соответствовал также условиям уместности этической, предполагающей неуклонное соблюдение норм дипломатического этикета.

Соблюдение качеств хорошей речи (точности, ясности, уместности, чистоты) становится залогом эффективности общения между лидерами стран, а уважительное отно-

шение — предпосылкой конструктивной межгосударственной коммуникации.

Тематическая организация диалога задана интенционально. По словам В. Путина, *целью и предметом разговора было восстановление российско-американских отношений* (ТВЦ. 22.02), *урегулирование украинского кризиса путем переговоров* (Lenta.Ru. 14.02) и *долгосрочное продолжение мира* (ТК1. 14.02). Обсуждались вопросы, связанные с *архитектурой глобальной безопасности*, реальными перспективами возобновления научного, культурного, экономического сотрудничества, особо — проблемы ядерных угроз и *ядерной безопасности*, военно-политическая позиция НАТО.

Важно, что В. Путин согласился с предвыборным лозунгом Д. Трампа «*Здравый смысл*». Все вопросы обсуждались с учетом объективной реальности и в проекции на дипломатическое строительство в ближайшем будущем. Осознавая, что для российского общества центральным является вопрос о прекращении войны на Украине, В. Путин формулирует фундаментальный тезис: *Наша позиция — нейтральная, внеблоковая Украина; признание освобожденных областей субъектами Российской Федерации* (РИА «Новости». 14.02). Нельзя не заметить, что Д. Трамп с пониманием относится к принципиальным установкам собеседника: *Он (Путин) не хочет, чтобы это закончилось, а потом опять продолжились бои через шесть месяцев* (КП. 13.02).

Взвешенным является решение до начала официальных переговоров *систематизировать и устранить первопричины украинского конфликта и препятствия*, не позволяющие восстановить полноценные отношения между США и РФ.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ

Аналитики отмечают, что результативность межличностного общения Путина и Трампа основана на *ценностях, которые разделяют президенты* (ТК1. 20.02). Показатель частотности аксиологемы *ценности* в прессе — 1152 употребления в период с 12 по 22 февраля (Integrum.ru).

Декларируются общечеловеческие ценности, ядром которых является *жизнь*: *Дональд Трамп заявил: он и Владимир Путин «очень твердо верят» в здравый смысл и хотят «остановить миллионы смертей» из-за военных действий на Украине* (ПГ. 14.02). Аксиологическая установка наведена реальной ситуацией: по данным Министерства обороны РФ, *потери ВСУ ежемесячно со-*

ставляют около 50 тысяч человек. Поражает бесчеловечность укронацистов, о зверствах которых сообщают журналисты: После освобождения села Николаево-Дарьино стало известно о зверствах взсэушников, об издевательствах над мирными жителями. Люди вспоминают о мародерстве, поджогах, пытках (Р1. 14.02); ВСУ атаковали школу в селе Крупец в Курской области (КП. 17.02); ВСУ в Курском приграничье дистанционно минируют гражданские объекты (ТАСС. 20.02). На базе тревожной лексики формируется представление о страданиях мирных граждан: дроны поражают жилые дома, детские сады, частные автомобили, пассажирские автобусы... Гибнут старики и дети. Российская сторона заявляет, что преступления ВСУ против жителей Курской области являются геноцидом (АИФ. 14.02); Украинские каратели повторяют в Курской области злодеяния нацистов (РГ. 21.02). Оценочные обобщения (геноцид, злодеяния) маркируют неприемлемые для россиян аксиологические установки, которыми руководствуется в своих поступках сторона противника: нацизм; отрицание жизни как базовой ценности. Косвенным подтверждением факта геноцида становится отрицание еврочиновниками очевидных фактов. Глава дипломатии Евросоюза Кая Каллас, например, утверждает, что мирные россияне не гибнут в украинском конфликте (Газета.Ру. 16.02). Тявканье еврочиновников воспринимается иронически. Уничажительную маркированность приобретают зоосемизмы: Если Трамп хочет срочно прекратить конфликт, а Зеленский и шавки Европы — нет, то, значит, Зеленского американцам придется менять (КП. 17.02). Ср. оценку публичных выступлений представителей стран Прибалтики: <...> маленькие собачки всегда лают громче больших (Советская Россия. 13.02).

Расчеловечиванию укрофашистов и их союзников противопоставлен процесс актуализации в российском информационном пространстве типажа героя, защищающего Отечество, семью, национальные ценности: «Образ „защитника“ из века в век наделяется лучшими качествами, смыслами и идеями, возвышающими его среди других представителей сообщества, частью которого он является» [Чудинов, Сегал 2023: 59]. Для публицистики характерно воссоздание образа истинного сына России — простого человека из народа, воина, выполняющего свой долг, лучшего представителя многонациональной страны.

Преимущество России на линиях боевого соприкосновения признается всеми сто-

ронами конфликта: Россия продолжает наносить удары по военным объектам противника <...> Российские войска продвигаются по всем направлениям (ТВЦ. 14.02); «Орешник» в небе — войска на земле (ТАСС. 22.02); Враг отступает. Наши ребята идут вперед (Р1. 15.02). Трамп, будучи реалистом, настаивает: Одним из «козырей» являются уже занятые территории (ТАСС. 20.02).

Базовые ценностные предпочтения президентов Путина и Трампа — мир, а не война; мирные переговоры, дипломатические договоренности. Беседа Путина и Трампа выдвигает, но не решает идею мирного урегулирования украинского конфликта: Означает ли разговор Путина и Трампа, что мир близок. Личная энергия и политическая воля пока заменяют реальные работающие механизмы (НГ. 14.02).

Телефонный разговор президентов способствует вербализации ценностных предпочтений, отражающих концептуальное видение президентами мироустройства: многополярный мир, суверенитет, независимость: Трамп пытается изменить господствующие в течение 30 лет идеи однополярности и гегемонии (ТК1. 17.02); У каждой страны есть свои национальные интересы. Это поддерживает идею многополярного мира (Там же. 19.02).

Возведенные президентами в процессе полтора часового разговора «мосты понимания» [Карасик 2019] способствуют активизации в публичном информационном пространстве коммуникативных ценностей [Вешинский 2005; Дементьев 2013 и др.]. Коммуникативная конвенция предполагает доверительность, установку на рациональное решение текущих проблем, обеспечение долговременных двусторонних отношений и контактов сильных лидеров: Президент США Дональд Трамп доверяет российскому лидеру Владимиру Путину в вопросах урегулирования ситуации на Украине и уверен, что Россия стремится к миру (КП. 13.02); Наступило время, чтобы Москва и Вашингтон работали вместе — такой тезис американского президента, прозвучавший во время телефонного разговора, Владимир Путин поддержал (ПГ. 14.02); Путин и Трамп <...> согласились, что наступило время для совместной работы двух стран (Монокль. 13.02); В Кремле считают разговор Путина и Трампа «очень важным» на фоне отсутствия контактов с США на высшем уровне в последние годы (РГ. 14.02); Главное достижение телефонного разговора — возможность выйти на

дипломатическое решение конфликта (Р24. 17.02). *Сегодня мы видим начало диалога России и США* (ТК1. 18.02). Ср.: *Киев не может найти общий язык с администрацией Трампа* (Life.Ru. 14.02).

Декларируемая общность мировосприятия, соблюдение постулатов речевого общения обеспечивают дипломатическую результативность телефонной беседы Путина и Трампа. На этом фоне осуждается не соответствующая статусу просроченного президента речевая манера (повторяющиеся характеристики: *хамская, токсичная, непозволительная, гопническая*) Зеленского. *Диктатор без выборов* позволяет себе публично оскорблять Трампа (ТВЦ. 20.02), *хамить президенту США* (ТК1. 20.02). Вице-президент Вэнс *предостерег Зеленского от «отвертительного способа общения» с США* (РБК. 19.02). Очевидно, что Зеленский вредит себе, атакуя Трампа через европейские СМИ (АиФ. 20.02). Ожидаемое следствие: *Похоже, в Вашингтоне запущен процесс разрушения образа Зеленского* (РГ. 20.02).

Президенты декларируют приверженность к внутринациональным ценностям: *Россия сохраняет свои фундаментальные ценности* (ТК1. 18.02). Трамп отстаивает ценности *глубинного государства*: он *начинает смотреть на мир без идеологических шор* (Там же. 16.02). Вместе с тем для России и США очевиден кризис системы фундаментальных ценностей европейской цивилизации: *Настоящей угрозой Европе выступают*, по мнению вице-президента США Вэнса, *не Россия и Китай, а отход европейцев от их основных ценностей* (ТВЦ. 15.02). Очевидно необоснованное аксиологическое упрямство еврочиновников: *Каллас назвала слова Вэнса провокацией* (Там же). Зеленский маскируется под истинного европейца. В своих публичных выступлениях он манипулятивно использует вербальные формулировки ценностных констант европейского мира, которые уничтожены на Украине. Например, в одном из интервью Зеленский искренне признался, что *«ненавидит русский народ»*, а императив *«Воевать до последнего украинца»* заставляет усомниться в любви и преданности украинского лидера народу своей страны.

Как следует из приведенных примеров, намеченные Путиным и Трампом направления развития политических технологий должны быть основаны на исторически сложившихся константах систем ценностей — универсальных и внутринациональных.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ НА ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР СИЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ И ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ И МИРУ

Министр обороны Германии Борис Писториус заявил, что *прошедшая неделя для европейцев стала воплощением худших кошмаров* (ТК1. 18.02). Причина эмоционально-психологического потрясения кроется в том, что *союзников США в Европе не предупредили о разговоре Трампа и Путина* (КП. 13.02). Недалековидность и высокомерие европейских элит обернулись недоумением и обидой: *В Старом Свете не ожидали такого маневра Вашингтона* (Там же. 14.02). 12 февраля для Европы — это *чёрный день* — «предвещающий трудное время, время несчастий» [ФСРЯ 1978: 135].

С. Лаврова поразило *оцепенение мира после разговора Путина и Трампа* (ТАСС. 14.02). Эффект неожиданности привел к внезапному онемению, а затем — к взрыву эмоций — «чувств, которые мотивируют и направляют восприятие, мышление и действия» [Изард 2006: 27]. СМИ констатируют состояние *крайнего ошеломления* европейских, а также украинских политиков: *В Европе ошеломлены разговором Трампа с Путиным* (КП. 13.02). Диагностические вербальные сигналы психологического состояния — слова с корнем *шок-*. Отдельные примеры: *Разговор Путина с Трампом шокировал Европу* (Р1. 14.02); *Разговор Путина и Трампа: ужас в Киеве, шок в Европе* (ТВЦ. 15.02); *Зеленский пребывает в глубоком шоке* (КП. 13.02); *...не только Зеленский в таком шоке, но и вся союзническая ему Европа* (Там же. 14.02). Социально опасную депрессию диагностируют повторяющиеся сочинительные словосочетания *шок и ужас; ужас и страх*. Страх, складывающийся «из определенных и вполне специфических физиологических переживаний, проистекающих из ожидания угрозы и опасности» [Изард 2006: 293], парализует: *Телефонный разговор Трампа с Путиным 12 февраля уже посеял страх и ужас в Киеве и европейских столицах* (КП. 14.02); *В ЕС испугались переговоров Путина и Трампа* (Там же). Интуитивно ощущая заразительность страха, *Зеленский попытался напугать весь мир последствиями разговора Путина и Трампа* (Там же).

Оцепенение уступает место бурлящим эмоциям, выражающим крайне напряженное эмоциональное состояние: *В Европе началась истерика после звонка Трампа Путину* (КП. 15.02); *ЕС впал в истерику из-за разговора Путина с Трампом* (Там же. 14.02); *Премьер-министр Франции Франсуа Байру пришел в бешенство из-за контактов пре-*

зидента РФ Владимира Путина с главой США Дональдом Трампом (Там же. 18.02); Во Франции заметили панику в действиях Зеленского (Там же. 14.02). Метафорическая номинация эмоциональной реакции указывает на силу потрясения: разговор произвел эффект разорвавшейся бомбы (ТК1. 17.02). Воздействие текущего политического процесса на Украину передается с помощью окказионализма *зелетрясение*, образованного путем наложения основы сложного слова *землетрясение* и редуцированной формы фамилии украинского президента Зеля: *разговор Путина и Трампа вызвал «зелетрясение» на Украине* (КП. 13.02). Закономерна российская реакция: *Не чрезмерна ли вся эта истерика? Всего был один звонок* (ТК1. 17.02).

Наблюдаемый эмоциональный водоворот аналитики оценили как вспыхнувшую болезнь: *«Психически больные люди»: На Западе указали на странную реакцию ЕС на диалог Путина с Трампом* (КП. 14.02). Специальный представитель РФ в ООН В. Небензя констатировал: «Европа находится на грани помешательства». Здравомыслящие политические деятели, актуализируя метафору пьянства/похмелья, призывают европейцев одуматься: *Премьер-министр Словакии Роберт Фицо призвал Европейский союз (ЕС) протрезветь от военного безумия после разговора российского президента Владимира Путина и 47-ого лидера США Дональда Трампа* (КП. 13.02); *Лаврову... жаль, что Запад так отреагировал на телефонный разговор: «Надеюсь, это немного отрезвит и заставит перечитать учебники истории и политологии»* (Там же. 13.02). Актуальной остается проблемная постановка вопроса: «Ослепление. Как Европа теряет Россию» [Рар 2022]. Отрезвление позволит Западу осмыслить конкретные действия, инициированные 12 февраля. Все понимали, что *разговор Путина и Трампа — это начало трудного большого пути* (КП. 13.02), однако вряд ли кто ожидал, что *события будут развиваться так быстро* (ТВЦ. 22.02).

Дело пошло: разговор Путина и Трампа привел в движение машину помощников и ведомств (КП. 13.02). Представители президентов РФ и США 17 февраля провели переговоры в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде. За столом переговоров как наблюдатели присутствовали *три саудита*. Представители Украины и стран Европы *не были приглашены*. Символизировали дву-

стороннюю встречу *американский и российский флаги* (ТК1. 18.01), а *сам факт встречи* был воспринят как весомый *результат*. Со слов переговорщиков, стало известно, что они обсудили *большой круг конкретных вопросов*. Главный вопрос — восстановление двусторонних отношений между РФ и США. В этой связи принципиальным стало обсуждение организации личной встречи президентов, а также дипломатических двусторонних переговоров. Темы дискуссий — механизмы урегулирования украинского кризиса и возможности строительства многополярного мира.

Грандиозный шаг к миру и сотрудничеству удалось сделать благодаря особой атмосфере речевого взаимодействия. Отдельные оценки российских переговорщиков: «Разговор был полезным. Мы не только слушали, но слышали друг друга» (С. Лавров); «Был очень серьезный разговор по всем вопросам (Ю. Ушаков); «Позитивное уважительное общение, стремление понять друг друга <...>, конструктивный диалог <...>, начало продуктивных дискуссий» (К. Дмитриев).

Итоговые выводы о переговорах в Эр-Рияде: *Россия и США услышали друг друга <...> появился механизм, чтобы снять «раздражители» в отношениях России и США* (РГ. 19.02); *В Конгрессе США прокомментировали переговоры в Эр-Рияде: Россия победила в первом раунде переговоров по Украине* (Life.Ru. 19.02). Резюме: *наступило время начал и время итогов*.

В. Путиным и Д. Трампом даны конкретные поручения помощникам; оперативно сформированы переговорные группы; началась подготовка личной встречи двух президентов; прошли *двусторонние консультации* по актуальным проблемам. Поскольку *РФ и США контролируют 95% мирового ракетно-ядерного потенциала* (Монокль. 13.02), насущной объявлена проблема ядерной безопасности. Вскоре становится известным, что *встреча России и США по раздражителям пройдет на экспертном уровне по линии министерства иностранных дел* (РИА «Новости». 24.02). В этот же день запланированы переговоры США и России по экономическим сделкам¹. Президенты неоднократно заявляли о поэтапном восстановлении двусторонних отношений и необходимости дипломатического урегулирования украинского конфликта.

На Мюнхенской конференции (14–16 февраля) и инициированном Э. Макроном Па-

¹ Актуальная финансово-экономическая составляющая политического процесса остается за пределами анализа.

рижском саммите (17 февраля) проявился раскол, прогнозирующий крах коллективного Запада. В то время как президенты РФ и США стремятся не допустить всемирного апокалипсиса (РИА «Новости». 22.02), ЕС не отказывается от милитаристской повестки дня.

Февральские политические события ознаменовали крах попыток Запада изолировать Россию (КП. 13.02). *Стратегическое поражение РФ не получилось* (ТК1. 17.02). Началась *перезагрузка* международных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение десяти дней февраля 2025 года обнаружилась значимость лингвистической составляющей стремительно развивающегося политического процесса. Фундаментом этой составляющей является разветвленная парадигма глаголов речи и соответствующих именных производных. Точкой отсчета продленного политического процесса стал взорвавший мировое информационное пространство телефонный разговор лидеров великих держав.

В процессе анализа отмечена интенционально заданная реализация коммуникативных качеств речи, обеспечивающая результативность политико-дипломатических контактов. Установлена роль констант аксиологического лексикона — номинаций универсальных, прежде всего общечеловеческих, ценностей, а также исторически сформировавшихся внутринациональных ценностей.

Лингвистическая диагностика позволяет сформулировать вывод о политической эффективности коммуникативной толерантности и неэффективности эмоциональной энергии речевой агрессии, основанной, в частности, на использовании ярлыков, служащих инструментами оголтелой русофобии.

Речевая действительность позволяет согласиться с тем, что, *возможно, есть проблеск света в конце этого темного туннеля* (РГ. 19.02).

ИСТОЧНИКИ

1. АИФ — Аргументы и факты.
2. Газета.ру. — URL: <https://www.gazeta.ru>.
3. Известия.
4. Интегрум (информационная база данных). — URL: <http://www.integrum.ru> (дата обращения: 22.02.2025).
5. КП — Комсомольская правда.
6. Красное знамя (Краснознаменск).
7. Монокл.
8. НГ — Независимая газета. — URL: <https://www.ng.ru>.
9. Новости Mail.ru. — URL: <https://news.mail.ru>.
10. ПГ — Парламентская газета.
11. РБК.
12. Р1 — телевизионный канал «Россия 1».
13. Р24 — телевизионный канал «Россия 24».
14. РГ — Российская газета.

15. РИА «Новости». — URL: <https://ria.ru>.

16. Советская Россия.

17. TACC — Информационное агентство. — URL: <https://tass.ru>.

18. ТВЦ — телевизионный канал «ТВ Центр».

19. ТК1 — «Первый канал».

20. Коммерсантъ.

21. Lenta.ru.

22. Life.ru.

СЛОВАРИ

1. ФСРЯ = Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Русский язык, 1978. — 543 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вепрева, И. Т. Злободневные слова на шкале времени / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — 312, [1] с. : ил. — Текст : непосредственный.
2. Вешинский, Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) / Ю. Г. Вешинский. — Текст : непосредственный // Мир психологии. — 2005. — № 4. — С. 226–235.
3. Головин, Б. Н. Основы культуры речи : [учебник для вузов по специальности «Русский язык и литература»] / Б. Н. Головин. — 2-е изд., испр. — Москва : Высшая школа, 1988. — 320 с. — Текст : непосредственный.
4. Гордон, Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — Москва : Прогресс, 1985. — С. 276–302.
5. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры : категория личности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. — Москва : Глобал Ком, 2013. — 336 с. — Текст : непосредственный.
6. Изард, К. Э. Психология эмоций / Кэррол Э. Изард. — Москва : Питер, 2006. — 460 с. — Текст : непосредственный.
7. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. — Москва : Дискурс, 2019. — 523 с. — Текст : непосредственный.
8. Лоренц, К. Агрессия : (так называемое «зло») / К. Лоренц ; пер. с нем. Г. Ф. Швейника. — Москва : Прогресс : Универс, 1994. — 272 с. — Текст : непосредственный.
9. Рар, А. Ослепление. Как Европа теряет Россию / А. Рар ; авторизованный перевод Г. Ф. Вороненковой, Е. М. Гапоновой. — Москва : Просвещение-Союз : Просвещение, 2022. — 222 с. — Текст : непосредственный.
10. Чудинов, А. П. Метафорическое моделирование образа защитника в российском медиапространстве 2022–2023 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 57–66.

MATERIALS

1. AIF — Argumenty` i fakty`
2. Gazeta.Ru
3. Izvestiya
4. Integrum (informacionnaya baza dannyx). Retrieved February 22, 2025, from <http://www.integrum.ru> (In Russ.)
5. KP — Komsomol'skaya pravda
6. Krasnoe znamya (Krasnoznamensk)
7. Monokl`
8. NG — Nezavisimaya gazeta
9. Novosti Mail.ru
10. PG — Parlamentskaya gazeta
11. RBK
12. R1 — televizionny`j kanal «Rossiya 1»
13. R24 — televizionny`j kanal «Rossiya 24»
14. RG — Rossijskaya gazeta
15. RIA Novosti
16. Sovetskaya Rossiya
17. TASS — Informacionnoe agentstvo
18. TVCz — televizionny`j kanal «TV Centr»
19. TK1 — «Pervy`j kanal»
20. Kommersant`
21. Lenta.Ru
22. Life.Ru

DICTIONARIES

1. Molotkov, A.I. (Ed.) (1978). *FSRYa — Frazеologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkij yazyk, 543 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Vepreva, I.T. & Kupina, N.A. (2021). *Zlobodnevny'e slova na shkale vremeni* [Topical words on the timeline]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 312 p. (In Russ.)

2. Veshninskij, Yu.G. (2005). Aksiologiya kul'turnogo prostranstva vremeni (v graniczax postsovet'skogo kul'turnogo prostranstva) [The axiology of the cultural space of time (within the boundaries of the post-Soviet cultural space)]. *Mir psixologii*, 4, 226–235. (In Russ.)

3. Golovin, B.N. (1988). *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of speech culture] [Textbook for universities specializing in Russian language and Literature]. Moscow: Vysshaya shkola, 320 p. (In Russ.)

4. Gordon, D. & Lakoff, G. (1985). *Postulaty rechevogo obshheniya* [Postulates of speech communication]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike—XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* (pp. 276–302). Moscow: Progress (In Russ.)

5. Dement'ev, V.V. (2013). *Kommunikativny'e cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow: Global Kom, 336 p. (In Russ.)

6. Izard, K.E. (2006). *Psixologiya e'mocij* [Psychology of emotions]. Moscow: Piter, 460 p. (In Russ.)

7. Karasik, V.I. (2019). *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language bridges of understanding]. Moscow: Diskurs, 523 p. (In Russ.)

8. Lorencz, K. (1994). *Agressiya: (tak nazyvaemoe «zlo»)* [Aggression (the so-called “evil”)]. Moscow: Progress, Univer, 272 p. (In Russ.)

9. Rar, A. (2022). *Osleplenie. Kak Evropa teryaet Rossiyu* [Blinding. How Europe is losing Russia]. Moscow: Prosveshchenie-Soyuz, Prosveshchenie, 222 p. (In Russ.)

10. Chudinov, A.P. & Segal, N.A. (2023). Metaforicheskoe modelirovanie obraza zashhitnika v rossijskom mediaprostranstve 2022—2023 gg. [Metaphorical modeling of the defender's image in the Russian media space 2022–2023]. *Politicheskaya lingvistika*, 5(101), 57–66. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.111 '42+811.111 '38+616-036.21
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Мария Валерьевна Лисенко^{1✉}, Виктория Игоревна Космодемьянская^{2✉}, Маргарита Владимировна Мальных^{3✉}

^{1,2,3} Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ marialisenko@yandex.ru ✉, SPIN-код: 7327-9166

² kosmoviktoria@gmail.com ✉, SPIN-код: 1902-8924

³ malyhinam@mail.ru ✉, SPIN-код: 6418-3700

Конспирологический дискурс и манипулирование общественным сознанием в контексте пандемии COVID-19

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются особенности конспирологического дискурса на тему COVID-19, которые можно обнаружить в современных англоязычных каналах, распространяющих алармистские и подстрекательские материалы в социальной сети Telegram. Авторы сосредотачивают внимание на анализе манипулятивных коммуникативных стратегий и стратегиях подачи информации в данных каналах, на создании состояния тревоги, возбуждении гнева и недовольства у аудитории. В статье выделяются несколько характерных черт, присущих конспиративной и манипулятивной риторике: противопоставление «Мы и Они», упрощенный анализ фактов, бинарное мышление, недоверие к официальным источникам информации, органам власти, традиционным общественным институтам, а также к достижениям науки, особенно в области медицины. Кроме того, в статье отмечается, что эти каналы часто обращаются к негативным эмоциям, используют субъективную интерпретацию данных и неполное цитирование. Показано, что метафоризация дискурса и использование неологизмов также призваны усилить эмоциональное воздействие на аудиторию. В статье анализируются названия каналов, заголовки и содержание размещенных в них материалов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конспирологический дискурс, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, социальные сети, английский язык, манипуляция сознанием, манипулятивное воздействие, общественное сознание, пандемия, коронавирус, COVID-19, язык пандемии, дезинформация, манипулятивные стратегии, стратегии убеждения, неологизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Лисенко Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: marialisenko@yandex.ru.

Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: kosmoviktoria@gmail.com.

Мальных Маргарита Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: malyhinam@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лисенко, М. В. Конспирологический дискурс и манипулирование общественным сознанием в контексте пандемии COVID-19 / М. В. Лисенко, В. И. Космодемьянская, М. В. Мальных. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 189-196.

Mariya V. Lisenko^{1✉}, Viktoriya I. Kosmodem'yanskaya^{2✉}, Margarita V. Malykhina^{3✉}

^{1,2,3} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ marialisenko@yandex.ru ✉, SPIN code: 7327-9166

² kosmoviktoria@gmail.com ✉, SPIN code: 1902-8924

³ malyhinam@mail.ru ✉, SPIN code: 6418-3700

Conspiracist Discourse and Manipulation of Public Consciousness in the Context of COVID-19 Pandemic

ABSTRACT. The article studies the specific features of conspiracist discourse on the topic of COVID-19 Pandemic that are characteristic of modern English-language channels spreading alarmist and provoking materials in the Telegram social network. The authors focus on the analysis of manipulative communication strategies and strategies for presenting information in these channels and on the creation of the state of anxiety and arousing anger and discontent among the audience. The article highlights the following features of conspiracist and manipulative rhetoric: the opposition of "Us and Them", simplified analysis of facts, binary thinking, expression of distrust for official sources of information, authorities, traditional public institutions, as well as the achievements of science and, in particular, medicine. In addition, the article shows that these channels often appeal to negative emotions, rely on subjective interpretation of data and selective citation. The authors also believe that the metaphorization of discourse and the use of neologisms are also aimed at enhancing the

© Лисенко М. В., Космодемьянская В. И., Мальных М. В., 2025

emotional impact upon the audience. The article analyzes the names of the channels, the titles, and the content of the materials posted in them.

KEYWORDS: *conspiracist discourse, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, social networks, English language, manipulation of consciousness, manipulative impact, public consciousness, pandemic, coronavirus, COVID-19, language of pandemic, disinformation, manipulation strategies, strategy of persuasion, neologisms.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lisenko Mariya Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English language and Linguoculturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.*

Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English language and Linguoculturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Malykhina Margarita Vladimirovna, Senior Lecturer of Department of the English language and Linguoculturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Lisenko M. V., Kosmodem'yanskaya V. I., Malykhina M. V. (2025). Conspiracist Discourse and Manipulation of Public Consciousness in the Context of COVID-19 Pandemic. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 189-196. (In Russ.).*

Изучение конспирологического дискурса является важным направлением междисциплинарных исследований и позволяет лучше понять социальные, политические и психологические процессы, происходящие в современном мире, и разработать эффективные стратегии противодействия дезинформации и манипуляции общественным мнением. Поскольку конспирологический дискурс затрагивает множество аспектов человеческого взаимодействия, его изучение требует комплексного подхода, объединяющего усилия специалистов из разных научных областей, среди которых важное место занимает политическая лингвистика [Чудинов, 2009: 11].

Пандемия COVID-19, ставшая одним из сильнейших общественных потрясений мирового масштаба в XXI веке, не могла не найти отражения в функционировании языка. В период пандемии произошли серьезные изменения в политическом и социальном устройстве общества, в общественном сознании и, соответственно, в языке: эти изменения проявились в словарном составе и функционировании лексических единиц, в переосмыслении прежних значений и метафоризации, а также в стиле речевой коммуникации. Состояние неопределенности, масштабы потерь, вынужденные меры по изоляции и ограничению мобильности населения и непредсказуемость дальнейшего развития событий стали причиной распространения слухов, недоверия к медицине, к государству, власти и социальным институтам, а также сопровождались намеренной дезинформацией, которая, в частности, осуществлялась и в русле конспирологической риторики через социальные сети и в межличностном взаимодействии. Несмотря на то что пандемия COVID-19 осталась в прошлом, исследование конспирологическо-

го дискурса, связанного с эпохой COVID-19, продолжает быть актуальным и в настоящее время, поскольку позволяет изучить механизмы распространения дезинформации и манипулирования общественным сознанием, в частности через социальные сети и мессенджеры. Кроме того, в условиях информационного перенасыщения и кризиса доверия к традиционным источникам информации сходные механизмы наблюдаются и в конспирологическом дискурсе в рамках тематики, связанной с прочими глобальными проблемами сегодняшнего дня, такими как угроза новых пандемий, вооруженные конфликты мирового масштаба, терроризм, межнациональные столкновения, изменение климата, нехватка природных ресурсов, перенаселение планеты и особенно привлекающие внимание в последнее время риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта [Lewandowsky, Cook, Lloyd, 2018: 149; Birchall, Knight 2022: 5–6; Mahl, Schäfer, Zeng 2022: 3–4; Christoph 2022: 142].

Каналами распространения конспирологических теорий в обществе являются межличностное взаимодействие и социальные сети, мессенджеры и форумы. В данной статье рассматривается англоязычный конспирологический дискурс, представленный в каналах социальной сети *Telegram*, изначально созданных противниками вакцинации, но, хотя проблема вакцинации на данный момент не является такой острой, как в 2020–2022 гг., конспирологическая риторика в рамках этой тематики продолжает существовать и развиваться и захватывает более широкие проблемы. Данное явление определяется неологизмом *инфодемия* [Борхсениус 2021]. Статья сосредоточена на языковых особенностях и риторических стратегиях манипулирования общественным сознанием и дезинформации внутри так называемого «нового

ковидного дискурса». Необходимо отметить, что за рамками данного исследования остаются психологические и социальные факторы, способствующие появлению и устойчивости конспирологического нарратива — потребность личности в определенности и контроле, определении виновных, страх перед властью и наукой и недоверие к ним [Нестик, Дейнека 2020; Mahl, Schäfer, Zeng 2022: 1–2].

В статье используются материалы, опубликованные в следующих англоязычных телеграм-каналах, появившихся в годы пандемии и остающихся активными в настоящее время:

- Global Freedom Convoy [URL: https://t.me/freedom_convoy, дата обращения: 23.02.2025];
- Plandemic 1984 [URL: <https://t.me/plandemic1984>, дата обращения: 13.03.2025];
- StopNewWorldOrder [URL: <https://t.me/STOPNEWWORLDORDER>, дата обращения: 03.03.2025];
- COVID 1984 [URL: <https://t.me/COVID1984group>, дата обращения: 03.03.2025];
- Covid Scamdemic [URL: <https://t.me/CoVidScamdemic>, дата обращения: 22.02.2025];
- Scamdemic Covid 19+++ [URL: <https://t.me/scamdemic>, дата обращения: 22.02.2025];
- Students Corner Covid Hoax [URL: https://t.me/Students_corner_Covid_19_hoax, дата обращения: 22.02.2025];
- Covid Truth Bombs [URL: <https://t.me/C19TruthBombs>, дата обращения: 03.03.2025];
- We The Media [URL: <https://t.me/WeTheMedia>, дата обращения: 10.03.2025];
- Plandemia. News [URL: <https://t.me/voyager1970>, дата обращения: 10.03.2025];
- Rebel News [URL: <https://t.me/RealRebelNews>, дата обращения: 10.03.2025].

Данные каналы, которые, по мнению исследователей, являются по сути каналами дезинформации о здоровье, объединяют следующие темы:

- 1) дискредитация вакцинации (заявления о том, что вакцины вредны, опасны, неэффективны, содержат микрочипы, изменяют ДНК, вызывают аутизм или являются частью плана глобального контроля над человечеством), превосходство «естественного иммунитета», преуменьшение серьезности COVID-19 и продвижение недоказанных или опровергнутых «естественных» средств защиты от инфекции;
- 2) утверждения о том, что пандемия была спланирована или спровоцирована правительствами, фармацевтическими компаниями или мировой элитой;
- 3) выступления против масок, карантина и прочих защитных мер и представление

мер общественного здравоохранения как тиранических и ущемляющих личные свободы, часто связанных с более широкими антиправительственными теориями заговора;

- 4) разоблачение заговора крупных фармацевтических компаний.

Однако все вышеперечисленные телеграм-каналы объединяют не только содержательные аспекты, но также общие лингвистические особенности ведения дискурса, а именно: использование особого «ковидного» языка и использование определенных стратегий коммуникации — стратегий манипулирования, с помощью которых продвигаются альтернативные конспирологические идеи и нарративы. Язык этих каналов имеет ряд сходств с языком, обычно встречающимся в дискурсах в рамках теорий заговора. Необходимо отметить, что эти признаки конспирологического дискурса представлены не только в постах и материалах авторов каналов, но и являются характерной чертой комментариев, которые оставляют участники в обсуждениях. Эти сходства относятся не столько к содержанию самих убеждений (хотя присутствуют, как отмечалось выше, определенные пересечения), сколько к стилю, структуре и приемам убеждения, используемым в дискурсе. Далее в статье рассмотрим некоторые ключевые моменты сходства между конспирологическим дискурсом и так называемым ковидным и постковидным дискурсом в рассматриваемых телеграм-каналах.

Во-первых, администраторы и участники данных телеграм-каналов демонстрируют недоверие к власти и социальным институтам. Такое же отношение наблюдается и в конспирологических теориях: они характеризуются глубоким скептицизмом и неприятием устоявшихся институтов, таких как правительство, наука, СМИ и академические круги. Они рассматриваются как изначально коррумпированные, предвзятые или контролируемые скрытыми силами [Lewandowsky, Cook, Lloyd 2018: 146–147; Giry, Tika 2020: 113].

Обращает внимание часто выражаемое этими каналами недоверие к органам общественного здравоохранения (таким как Центр по контролю заболеваний США — Center for Disease Control (CDC) или Всемирная организация здравоохранения (WHO)), ученым и официальным СМИ, освещающим проблемы COVID-19. Во всех рассматриваемых каналах используются такие выражения, как *Big Pharma* или *Big Tech*, *government overreach* (превышение полномочий правительством) и *media manipulation*. Предполагается, что фармацевтические компании и большой бизнес получили огромную прибыль от пандемии, что представляется как мотив для сокрытия прав-

ды о происхождении вируса. Такую же ситуацию описывают и исследователи российского медийного пространства [Пакшина, Маскаева 2021; Дейнека, Духанина, Максименко 2020; Нестик, Дейнека, Максименко 2020].

Научные данные и мнение медицины отвергаются как *propaganda* или *fear-mongering* — разжигание паники. Подчеркивается уверенность в том, что правительство, научные и медицинские институты обманывают общество или скрывают «настоящую правду» о коронавирусе: в отношении научных данных авторы материалов упоминают *half-truth*, описывают официальную информацию как *hoax* (в значении «фальсификация»), *fraud*, *trick*, *deceit/deception*, при этом характеризуют собственные материалы как *uncensored* и *unfiltered*, как *forbidden knowledge* и *hidden truth*. Эту тенденцию отражают сами названия каналов и заголовки размещенных в них материалов: например, «Truth You Need to Know», «Truth Seekers Chat Group», «Pandemic Indoctrination», «Truth and Justice for All», «Conspiracy Theorists», «COVID Truth Network», «The Great Reset Exposed», «Medical Freedom».

Второй чертой, объединяющей «ковидный» и конспирологический нарративы, является повторяющееся противопоставление «Мы и они» («We against Them») и провозглашение собственной элитарности. Так, теории заговора разделяют мир на «знающую» группу посвященных (тех, кто верит в заговор) и «зомбированных» посторонних — тех, кто невежественен или сознательно подчиняется. Это создает у приверженцев теории заговора чувство особого знания и превосходства. Точно так же новый ковидный дискурс представляет тех, кто сомневается или сопротивляется мерам против распространения заболевания, как «пробудившихся» («awakened»), «мыслящих критически» или «свободно мыслящих» людей («critical thinkers», «free-thinking»), которые «провели собственное расследование» («have done their own research»). Тех, кто следует советам общественного здравоохранения, определяют как «зомби», «овцы», «промытыми мозгами», «покорными» («sheep», «sheeple», «zombie», «brain-washed», «ignorant retards», «blind», «willingly compliant», «scared cattle»). Такое противопоставление («awake individuals» против «asleep masses») создает аналогичную конспирологическому нарративу оппозицию «Мы и Они», дающую последователям данного нарратива чувство превосходства над остальной частью общества [Казун 2022: 99].

Из описанного выше сходства между новым ковидным дискурсом и конспирологиче-

ским нарративом вытекает и следующая общая для них черта — упрощение восприятия информации и бинарное мышление. Так, для теорий заговора характерно сводить сложные вопросы к упрощенным повествованиям о противостоянии добра и зла, а от нюансов и сложностей отказываться в пользу черно-белого восприятия реальности. Подобным образом новый ковидный дискурс упрощает сложности вирусологии, эпидемиологии и общественного здравоохранения до простых положений. Например, для рассматриваемых каналов свойственны следующие упрощенные представления о природе вируса и защитных мерах:

– «Covid is just the flu» — «Ковид — это просто грипп» (преуменьшение серьезности и новизны заболевания);

– «Vaccines are either perfectly safe or deadly and dangerous» — «Вакцины либо абсолютно бесполезны, либо смертельно опасны» (игнорирование нюансов анализа и соотношения риска и пользы);

– «Masks are either completely ineffective / are instruments of control» — «Маски совершенно неэффективны или являются инструментами контроля» (игнорирование различных уровней эффективности и подмена понятий при описании назначения защитных мер).

Интересно отметить, что для рассматриваемых интернет-ресурсов характерно свойственное конспирологической риторике противопоставление героев и злодеев: например, назначение Дональда Трампа на роль харизматичного героя-борца, с одной стороны, с распространением вируса и, с другой стороны, борца против распространения фальсифицированных данных о масштабах пандемии. При этом остальные политические лидеры и представители бизнес-элиты эпохи COVID-19 и последующих лет, например Джо Байден, Джастин Трюдо, Клаус Шваб и Билл Гейтс, рассматриваются как представители мирового зла. Характерно, что именно эти каналы горячо поддерживали Дональда Трампа и в ходе президентских выборов в США в 2024 г., представляя его национальным героем. Это бинарное мышление, свойственное рассматриваемым телеграм-каналам, позволяет их участникам избежать признания неопределенности, развивающегося научного понимания ситуации и сложностей, присущих научным и политическим дискуссиям и проблемам общественного здравоохранения.

Кроме того, в обсуждении темы COVID-19 и его последствий в рассматриваемых каналах, как и в теориях заговора, часто встречаются эмоциональные призывы, на-

правленные на то, чтобы вызвать страх и негодование. При этом авторы публикаций заявляют, что они стремятся противостоять страху и панике. Подобно теориям заговора, которые часто описывают пугающие сценарии и вызывают возмущение против предполагаемых врагов, каналы, посвященные COVID-19 и его последствиям, часто используют эмоциональные призывы, чтобы напугать своих читателей и вызвать у них гнев.

Что касается нового ковидного дискурса, то, хотя в нем часто заявляется о противодействии разжиганию паники правительством и общественным здравоохранением, в нем широко используются стратегии запугивания. Это может включать в себя: преувеличение рисков вакцинации (например, делается акцент на редких побочных эффектах непропорционально пользе), представление мер общественного здравоохранения как репрессивных и ведущих к тоталитарному контролю, провоцирование тревоги и беспокойства по поводу нарушений личной свободы и автономии, фокусирование внимания на единичных случаях негативного опыта вакцинации или предполагаемого вреда и побочных эффектов, часто в отдаленной перспективе.

Эмоциональная нагруженность материалов исследуемых телеграм-каналов прослеживается и в широком использовании метафор, и в частности метафоры войны. Необходимо указать, что исследователи [Ли 2021: 67] отмечают частоту обращения к метафоре войны в официальных средствах массовой информации эпохи пандемии: распространенность таких словосочетаний, как «борьба с вирусом», «работники на передовой», «война против пандемии» («fighting the virus», «frontline workers», «war against the pandemic»), которые представляли пандемию как битву и подчеркивали героизм усилий медиков и государства. Однако в рассматриваемых нами каналах метафора войны принимает другое значение — война против эпидемиологических мер, в частности вакцинации и необходимости носить маски и перчатки, соблюдать карантин и изоляцию, то есть война против ограничений свободы, а также война как сопротивление «новой повестке» и «глубинному государству» [Чудинов 2009: 50]. Это значение отражено, например, в названиях каналов и заголовках размещенных материалов, по которым невозможно догадаться, что они посвящены проблемам пандемии, а не военным или революционным событиям, например: «Against tyranny!», «Freedom convoy», «We are still free», «Rebel News», «Raging Dissidents», «The storm has arrived». Развернутая

метафора войны представлена также в пересмыслении «военной» лексики применительно к реалиям пандемии, например, в употреблении словосочетания «blanket lockdown», образованного от ‘blanket bombing’, или *jab /shot* в значении «vaccine injection».

Остановимся на следующей характеристике, объединяющей конспирологический дискурс и дискурс вокруг проблем COVID-19 в рамках рассматриваемых каналов. Чтобы доказать обоснованность поводов для беспокойства и паники и теории заговора, данные телеграм-каналы обращаются к избирательному использованию информации и дезинформации [Ли 2021]. В обоих случаях приводятся специально подобранные данные, искаженные научные исследования или неподтвержденные факты, игнорируется или отвергается противоречивая или противоположная информация. В рассматриваемых телеграм-каналах дискурс на тему COVID-19 сфокусирован на искажении научных исследований, в нем прослеживается преувеличение негативных эффектов вакцин или, напротив, преуменьшение рисков новой коронавирусной инфекции, подчеркивается необоснованность ограничительных мер. Широко привлекаются маргинальные мнения или скомпрометированные «эксперты», которые поддерживают конспирологический нарратив. Кроме того, данные телеграм-каналы распространяют информацию о нерепрезентативных ситуациях, манипулируя статистикой, так как представляют единичные случаи как массовые. Помимо этого, наблюдается выборочное цитирование, игнорирование или отрицание обширного корпуса научных данных, подтверждающих целесообразность мер общественного здравоохранения и эффективность вакцин. Внимание аудитории фокусируется на отдельных фактах, при этом игнорируется более широкий контекст и подавляющее большинство научных доказательств.

Отметим также, что, подобно конспирологическим теориям, материалы рассматриваемых каналов включают темы тайных заговоров («conspiracy», «plotting») и могущественных групп, пытающихся контролировать население или мировые события. В обоих видах дискурса присутствуют темы «скрытых мотивов», «тайной повестки» и «контроля» («secret motives», «hidden agendas», «under the guise of public safety», «control»). Новый ковидный язык представляет предпринятые ограничительные и защитные меры как мистификации, выходящие за рамки заботы об общественном здоровье. Это может включать в себя обвинения правительств в использовании пандемии для

«контроля» и «слежки» («control», «surveillance») или для того, чтобы постепенно ввести «новый мировой порядок» («new world order»). Озвучиваются предположения и утверждения о том, что фармацевтические компании мотивированы исключительно прибылью и скрывают потенциальный вред вакцинации. Все телеграм-каналы рассматриваемого содержания утверждают, что COVID-19 является запланированной пандемией (используется неологизм *plandemic*) или намеренно разработан для достижения обогащения или иных скрытых целей. Сами названия телеграм-каналов и заголовки постов часто подразумевают эту идею, обыгрывая неологизм *plandemic* и обращаясь к идее нового мирового порядка, например: «Plandemic 1984», «Plandemia News», «Plan Damned», «PlanDoomed», «Plandemic Indoctrination», «New World Disorder».

Наконец, для конспирологического дискурса — и таким же образом для нового ковидного нарратива в рассматриваемых каналах — характерно использование эмоционально окрашенного языка, лозунгов (например: «My Body My Business», «All You Want is Truth», «It's Time to Act», «Think and Act») и ярких неологизмов. Так, в изученных телеграм-каналах употребляются такие эмоционально окрашенные слова, как *тирания*, *медицинский апартеид*, *экспериментальные вакцины*, *пандемия по плану*, *Великая перезагрузка* и *свобода* (*tyranny*, *medical apartheid*, *experimental vaccines*, вышеприведенный неологизм *plandemic*, *Great Reset*, *freedom*). Эта лексика предназначена для того, чтобы вызвать сильные эмоции у аудитории и заставить ее отказаться от рационального анализа.

Особый интерес представляют неологизмы, появившиеся в эпоху пандемии и в постковидное время. Исследователи [Ли 2021; Баранова, Добровольская 2021] отмечают, что беспрецедентные события пандемии COVID-19 послужили лингвистическим катализатором, привнес в английский язык новую лексику и переосмыслив уже существовавшую. Выше уже приводились неологизмы *plandemic*, *plandemia*, *plandamned*, *plandoomed*. Приведем некоторые другие примеры неологизмов, встречающихся в материалах рассматриваемых телеграм-каналов: *society zero*, *pandanimal*, *covidiot*, *covedient*, *vaxer/antivaxer*, *unvacs*, *scamdemic*, *infodemic*.

Как указывалось выше, рассматриваемые каналы остаются активными и в настоящее время, в конспирологическом ключе освещая новые сложные вызовы, которые встают перед человечеством, и при этом не оставляют тему COVID-19. Эти телеграм-

каналы имеют значительное число подписчиков. В качестве иллюстрации предложенного в статье анализа конспиративного дискурса на тему COVID-19 рассмотрим свежий (от 13.03.2025) пост в канале «Plandemic 1984»:

Germany's BND Confirms COVID Lab Leak, Years Too Late

Germany's BND intelligence agency has concluded that COVID-19 likely originated from a Wuhan lab accident, citing risky virus experiments and repeated safety violations. Reports indicate they had this evidence as early as 2020, with an 80—95% certainty, but kept it secret. Meanwhile, China denies everything, and U.S. agencies like the CIA and FBI hint at the same theory with “low confidence”. Conveniently, the truth only comes out after Big Pharma cashed in and governments seized more control (Plandemic1984 [URL: <https://t.me/plandemik1984>, дата обращения: 13.03.2025]).

Отметим сначала, что упоминание самого факта лабораторного происхождения COVID-19 не является признаком конспирологического дискурса, поскольку является одной из существующих на данный момент официальных версий. Тем не менее, мы видим, что данный пост демонстрирует многие из рассмотренных в статье признаков конспирологического дискурса. Во-первых, в нем содержится указание на «скрытую правду» и «тайные знания» («kept it secret» — держали в секрете) — предполагается, что эту правду намеренно утаивали от общественности. Во-вторых, пост обнаруживает недоверие к официальным источникам и институтам («China denies everything» — «Китай все отрицает») — речь идет о подтверждении вины, а не о законном опровержении. Также присутствует намек на то, что ЦРУ и ФБР знают больше, но, возможно, по политическим причинам или из-за участия в заговоре не делают прямых заявлений. В-третьих, делается акцент на корыстных мотивах определенных групп и стремлении власти к усилению контроля («Conveniently, the truth only comes out after Big Pharma cashed in and governments seized more control») — здесь, казалось бы, несвязанные события (запоздалая публикация информации и обогащение Big Pharma, усиление роли правительств) представлены как взаимосвязанные и спланированные. Слово *conveniently* также подчеркивает подозрительность времени раскрытия информации и намекает на спланированность и манипуляции. Кроме того, в данном материале отсутствуют доказательства, так как автор ссылается на неуточненные источники информации (*reports indicate*).

Уверенность в 80–95 % является лишь оценкой вероятности, и при этом в тексте отсутствуют ссылки на конкретные исследования. Таким образом, текст содержит явные признаки конспирологического дискурса и создает нарратив о заговоре, имеющем в качестве цели получение прибыли и власти. Хотя текст ссылается на отчет немецкой разведки, что создает видимость авторитетности и верифицируемости информации, ее интерпретация и способ подачи придают ему конспирологическое звучание. Он не является только сообщением о заключении разведки, а выстраивает более развернутую конспирологическую картину, в которой пандемия и ее последствия представляются результатом сговора и манипуляций.

В заключение подчеркнем, что изучение конспирологического дискурса, связанного с COVID-19, в настоящее время не просто академически интересно, но и крайне важно в практическом аспекте. Выявленные характеристики позволяют распознать опасные тенденции, выявить механизмы и каналы распространения дезинформации, провокационных заявлений и алармистских настроений, оценить социальные и политические риски, а также разработать эффективные стратегии противодействия манипулированию сознанием. В условиях продолжающейся информационной избыточности и сохраняющихся социальных вызовов изучение этого феномена остается необходимым для обеспечения общественного здоровья, социальной стабильности и доверия к науке и общественным институтам.

Важно также отметить, что не каждый телеграм-канал, который выражает скептицизм, сомнение и тревогу или который задает острые вопросы по поводу различных аспектов политики государства в области COVID-19 и других опасных инфекций, действует в рамках конспирологических теорий. Многие социальные сети являются площадкой для легитимных дебатов и критического исследования набравших, нерешенных, неразрешимых и неоднозначных вопросов по данной тематике. Однако, когда авторы и участники канала социальной сети последовательно демонстрируют недоверие к власти и науке, бинарное мышление, стратегии эмоционального манипулирования, избирательное использование информации и обвинения в скрытых мотивах, такой дискурс перекликается с языком конспирологических теорий и может способствовать дестабилизации общества через распространение дезинформации.

ИСТОЧНИКИ

1. Global Freedom Convoy. — URL: https://t.me/freedom_convoy (date of access: 23.02.2025).
2. Plandemic 1984. — URL: <https://t.me/plandemic1984> (date of access: 23.02.2025).
3. StopNewWorldOrder. — URL: <https://t.me/STOPNEW> (date of access: 03.03.2025).
4. COVID 1984. — URL: <https://t.me/COVID1984group> (date of access: 03.03.2025).
5. Covid Scamdemic. — URL: <https://t.me/CoVidScamdemic> (date of access: 22.02.2025).
6. Scamdemic Covid 19+++ . — URL: <https://t.me/scamdemic>.
7. Students Corner Covid Hoax. — URL: https://t.me/Students_corner_Covid_19_hoax (date of access: 22.02.2025).
8. Covid Truth Bombs. — URL: <https://t.me/C19TruthBombs> (date of access: 03.03.2025).
9. We The Media. — URL: <https://t.me/WeTheMedia> (date of access: 10.03.2025).
10. Plandemia.News. — URL: <https://t.me/voyager1970> (date of access: 10.03.2025).
11. Rebel News. — URL: <https://t.me/RealRebelNews> (date of access: 10.03.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранова, К. М. Лексические новообразования периода пандемии COVID-19 в русском языке / К. М. Баранова, О. В. Добровольская. — Текст : непосредственный // Русский язык и культура в зеркале перевода. — 2021. — № 1. — С. 70–81.
2. Борхсениус, А. В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы / А. В. Борхсениус. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2021. — № 1. — С. 52–59.
3. Гришина, Д. И. Сетевые дискуссии антипрививочников как питательная среда для конструирования реальности / Д. И. Гришина. — Текст : непосредственный // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 22 / отв. ред. А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2022. — С. 83–88.
4. Дейнека, О. С. Фейки и особенности их распространения в СМИ и социальных сетях в период инфодемии, вызванной COVID-19 / О. С. Дейнека, Л. Н. Духанина, А. А. Максименко. — Текст : непосредственный // European Scientific Conference : сборник статей XX Междунар. науч.-практ. конф. — 2020. — С. 326–340.
5. Казун, А. Д. Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы / А. Д. Казун. — Текст : непосредственный // Экономическая социология. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 91–117.
6. Ли, И. Пандемия дезинформации в СМИ о COVID-19 / Ли И. — Текст : непосредственный // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. — 2021. — Т. 1. — № 1. — С. 64–73.
7. Нестик, Т. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации / Т. А. Нестик, О. С. Дейнека, А. А. Максименко. — Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 87–104.
8. Пакшина, И. А. Коммуникативные практики освещения пандемии коронавируса в традиционных и новых СМИ региона / И. А. Пакшина, Е. Н. Маскаева. — Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. Общественные науки. — 2021. — Вып. 3 (844). — С. 214–229.
9. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 292 с. — Текст : непосредственный.
10. Birchall, C. Do Your Own Research: Conspiracy Theories and the Internet / C. Birchall, P. Knight. — Text : unmediated // Social Research. — 2022. — Vol. 89, no. 3. — P. 1–23.
11. Boguslavsky, D. Counteracting Conspiracy Ideas as a Measure of Increasing Propensity for COVID-19 Vaccine Uptake in Russian Society / D. Boguslavsky, K. Sharov, N. Sharova. — Text : unmediated // Journal of Global Health. — 2022. — Vol. 12, no. 03013. — P. 1–6.

12. Christoph, S. On conspiracy thinking: Conspiracist ideology as a modern phenomenon / S. Christoph. — Text : unmediated // *Politics and Governance*. — 2022. — Vol. 10, no. 4. — P. 135–145.

13. Fischer, K. Neologisms of the COVID-19 pandemic in English and Russian: A comparative study / K. Fischer, D. M. Zuev. — Text : unmediated // *Russian Journal of Communication*. — 2021. — Vol. 13, Iss. 4. — P. 387–405.

14. Giry, J. Conspiracy Theories in Political Science and Political Theory / J. Giry, P. Tika. — Text : unmediated // *Routledge Handbook of Conspiracy Theories* / ed. by M. Butter, P. Knight. — London : Routledge, 2020. — P. 108–120.

15. Lewandowsky, S. The conspiratorial style in reasoning: Implications for climate change denial / S. Lewandowsky, J. Cook, E. A. Lloyd. — Text : unmediated // *Psychological Science*. — 2018. — Vol. 29, Iss. 9. — P. 145–157.

16. Mahl, D. Conspiracy Theories in Online Environments: An Interdisciplinary Literature Review and Agenda for Future Research / D. Mahl, M. Schäfer, J. Zeng. — Text : unmediated // *New Media & Society*. — 2022. — P. 1–21. — <https://doi.org/10.1177/14614448221075759>.

MATERIALS

1. Global Freedom Convoy. Retrieved Feb. 23, 2025, from https://t.me/freedom_convoy

2. Plandemic 1984. Retrieved Feb. 23, 2025, from <https://t.me/plandemic1984>

3. StopNewWorldOrder. Retrieved March 3, 2025, from <https://t.me/STOPNEWWORLDORDER> (date of access: 03.03.2025).

4. COVID 1984. Retrieved March 3, 2025, from <https://t.me/COVID1984group>

5. Covid Scamdemic. Retrieved Feb. 22, 2025, from <https://t.me/CoVidScamdemic>

6. Scamdemic Covid 19+++ . Retrieved from <https://t.me/scamdemic>

7. Students Corner Covid Hoax. Retrieved Feb. 22, 2025, from https://t.me/Students_corner_Covid_19_hoax

8. Covid Truth Bombs. Retrieved March 3, 2025, from <https://t.me/C19TruthBombs>

9. We The Media. Retrieved March 10, 2025, from <https://t.me/WeTheMedia>

10. Plandemia.News. Retrieved March 10, 2025, from <https://t.me/voyager1970>

11. Rebel News. Retrieved March 10, 2025, from <https://t.me/RealRebelNews>

REFERENCES

1. Baranova, K.M., & Dobrovol'skaya, O.V. (2021). Lek-sicheskie novoobrazovaniya perioda pandemii COVID-19 v rus-skom yazyke [Lexical new derived words during the COVID-19 pandemic in the Russian language]. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, 1, 70–81. (In Russ.)

2. Borkhsenius, A.V. (2021). Infodemiya: ponyatie, sotsial'nye i politicheskie posledstviya, metody bor'by [Infodemic: concept, social and political consequences, methods of struggle]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*, 1, 52–59. (In Russ.)

3. Grishina, D.I. (2022). Setevye diskussii antiprivivochnikov kak pitatel'naya sreda dlya konstruirovaniya real'nosti [Online discussions of anti-vaxxers as a breeding ground for constructing

reality]. In A.A. Malyshev (Ed.), *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzgl'yad molodykh issledovateley* (Interuniversity collection of scientific works of students, master's students and graduate students, Iss. 22, pp. 83–88). St. Petersburg. (In Russ.)

4. Deyneka, O.S., Dukhanina, L.N., & Maksimenko, A.A. (2020). Feyki i osobennosti ikh rasprostraneniya v SMI i sotsial'nykh setyakh v period infodemii, vyzvannoy COVID-19 [Fakes and Features of Their Spread in the Media and Social Networks during the Infodemic Caused by COVID-19]. In *European Scientific Conference* (Collection of articles of the XX International Scientific and Practical Conference, pp. 326–340). (In Russ.)

5. Kazun, A.D. (2022). Konspirologicheskoe myshlenie: ponyatie, izmerenie i faktory [Conspiracy Thinking: Concept, Measurement, and Factors]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 23(2), 91–117. (In Russ.)

6. Li, I. (2021). Pandemiya dezinformatsii v SMI o COVID-19 [The Pandemic of Disinformation in the Media about COVID-19]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'*, 1(1), 64–73. (In Russ.)

7. Nestik, T.A., Deyneka, O.S., & Maksimenko, A.A. (2020). Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki very v konspirologicheskie teorii proiskhozhdeniya COVID-19 i вовлеченность в setevye kommunikatsii [Social and psychological prerequisites for belief in conspiracy theories about the origin of COVID-19 and involvement in online communications]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 11(4), 87–104. (In Russ.)

8. Pakshina, I.A., & Maskava, E.N. (2021). Kommunikativnye praktiki osveshcheniya pandemii koronavirusa v traditsionnykh i novykh SMI regiona [Communicative practices of covering the coronavirus pandemic in traditional and new regional media]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki*, 3(844), 214–229.

9. Chudinov, A.P. (2009). *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication] [Tutorial]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 292 p. (In Russ.)

10. Birchall, C., & Knight, P. (2022). Do Your Own Research: Conspiracy Theories and the Internet. *Social Research*, 89(3), 1–23.

11. Boguslavsky, D., Sharov, K., & Sharova, N. (2022). Counteracting Conspiracy Ideas as a Measure of Increasing Propensity for COVID-19 Vaccine Uptake in Russian Society. *Journal of Global Health*, 12(03013), 1–6.

12. Christoph, S. (2022). On conspiracy thinking: Conspiracist ideology as a modern phenomenon. *Politics and Governance*, 10(4), 135–145.

13. Fischer, K., & Zuev, D.M. (2021). Neologisms of the COVID-19 pandemic in English and Russian: A comparative study. *Russian Journal of Communication*, 13(4), 387–405.

14. Giry, J., & Tika, P. (2020). Conspiracy Theories in Political Science and Political Theory. In M. Butter & P. Knight (Eds.), *Routledge Handbook of Conspiracy Theories* (pp. 108–120). London: Routledge, 2020.

15. Lewandowsky, S., Cook, J., & Lloyd, E.A. (2018). The conspiratorial style in reasoning: Implications for climate change denial. *Psychological Science*, 29(9), 145–157.

16. Mahl, D., Schäfer, M., & Zeng, J. (2022). Conspiracy Theories in Online Environments: An Interdisciplinary Literature Review and Agenda for Future Research. *New Media & Society*, 1–21. <https://doi.org/10.1177/14614448221075759>

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+811.161.1'38+811.111'38+81'27
ББК Ш141.12-55+Ш143.21-55+Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.6; 5.9.8

Марина Юрьевна Рябова^{1✉}, Наталья Сергеевна Каруковец^{2✉}

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ mriabova@inbox.ru ✉, SPIN-код: 2543-4870, <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

² nkarukovets@mail.ru ✉, SPIN-код: 7128-0430

Коммуникативные стратегии эвфемизации и дисфемизации дипломатического дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема функционирования коммуникативных стратегий в сфере политического дипломатического дискурса, среди которых одной из важнейших является аргументативная, представленная тактиками эвфемизации и дисфемизации. Актуальность исследования определяется повышенным вниманием общественности к событиям современной международной политики, требующей объективного осмысления и понимания. Целью исследования является описание феноменов эвфемизации и дисфемизации в контексте политического дискурса дипломатии, представленного текстами выступлений российского и английского министров иностранных дел, опубликованных на сайтах Министерства иностранных дел РФ и Великобритании (www.mid.ru; www.gov.uk), с применением метода сплошной выборки. Методология исследования включает методы лингвистического описания, интерпретации, семантического, контекстуального и дефиниционного анализов. В результате данного исследования было установлено, что современный политический дипломатический дискурс, представленный как русскоязычным, так и англоязычным вариантами, актуализирует стратегию аргументации в форме эвфемии и дисфемии, при том что использование дисфемизмов становится все более распространенной дискурсивной практикой, которая не только не противоречит принципам дипломатического общения, но, напротив, становится неотъемлемой чертой идеологически мотивированной дипломатической коммуникации. Можно заключить, что успешность дипломатического общения обусловлена в том числе адекватным применением широкого спектра коммуникативных практик, включая тактики эвфемизации и дисфемизации, позволяющих как вуалировать, так и подчеркивать смысловые и оценочные коннотации информационного содержания текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатия, дипломатический дискурс, политический дискурс, политическая риторика, политические речи, политические тексты, министерство иностранных дел, речевые жанры, речевая деятельность, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, языковая личность, лингвоперсонология, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, официальные сайты, аргументация, эвфемизация, дисфемизация, политическая идеология, международные отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Рябова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: mriabova@inbox.ru.

Каруковец Наталья Сергеевна, преподаватель кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: nkarukovets@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рябова, М. Ю. Коммуникативные стратегии эвфемизации и дисфемизации дипломатического дискурса / М. Ю. Рябова, Н. С. Каруковец. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 197-204.

Marina Yu. Ryabova^{1✉}, Natal'ya S. Karukovets^{2✉}

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ mriabova@inbox.ru ✉, SPIN code: 2543-4870, <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

² nkarukovets@mail.ru ✉, SPIN code: 7128-0430

Communication Strategies of Euphemization and Dysphemization of Diplomatic Discourse

ABSTRACT. The article deals with the problem of functioning of communication strategies in the sphere of political diplomatic discourse, the most important of which is the strategy of argumentation represented by the tactics of euphemization and dysphemization. The urgency of the study is determined by the heightened public interest in the events of the modern international politics, which require objective consideration and understanding. The study aims to describe the phenomena of euphemization and dysphemization in the context of the political diplomatic discourse, represented in the speeches of the Russian and British Ministers of Foreign Affairs, extracted by the method of continuous sampling from the texts published on the websites of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and Great Britain (www.mid.ru; www.gov.uk). The study employs the methods of linguistic description, interpretation, semantic, contextual and definition analyses. As a result of this study, it was found that modern political diplomatic discourse – either Russian or English version – actualizes the strategy of argumentation in the form of euphemization or dysphemization, while the use of dysphemisms is

becoming an increasingly common discursive practice, which does not contradict the principles of diplomatic communication, but, on the contrary, becomes an integral feature of ideologically motivated diplomatic discourse. It can be concluded that the success of diplomatic communication is due, among other things, to the adequate use of a wide range of communicative practices including the tactics of euphemization and dysphemization, which allow both veiling or emphasizing the semantic and evaluative connotations of the information content of the text.

KEYWORDS: *diplomacy, diplomatic discourse, political discourse, political rhetoric, political speeches, political texts, ministry of foreign affairs, speech genres, speech, communication strategies, communication tactics, linguistic personality, linguopersonology, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, official sites, argumentation, euphemization, dysphemization, political ideology, international relations.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ryabova Marina Yur'yevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

Karukovets Natal'ya Sergeevna, Senior Lecturer of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: *Ryabova M. Yu., Karukovets N. S. (2025). Communication Strategies of Euphemization and Dysphemization of Diplomatic Discourse. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 197-204. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Исследование современного дискурса дипломатии представляется актуальной лингвистической задачей в связи с тем, что обсуждение внешнеполитических международных проблем наблюдается в разнообразных речевых форматах и медийных изданиях, в рамках которых актуализируются различные коммуникативные приемы, тактики и стратегии. Насколько отличны стратегии дипломатического языка от языка повседневной коммуникации, в каких формах реализуются коммуникативные цели дипломатического дискурса и каковы его стратегические ресурсы и является объектом настоящего исследования. Предметом исследования являются приемы эвфемизации и дисфемизации, реализуемые в рамках коммуникативной стратегии аргументации в сфере англоязычного и русскоязычного дипломатического дискурса. Материалом исследования служит дискурс профессиональных дипломатов, представленный на сайте МИД РФ (www.mid.ru), и материалы, размещенные на сайте правительства Великобритании (www.gov.uk).

Определение дипломатического дискурса представляет собой некоторую лингвистическую проблему, так как это дискурс, который совмещает в себе признаки институционального и политического дискурсов, являясь политическим с точки зрения функциональности [Чудинов 2012] и институциональным с точки зрения статусно-ролевой характеристики участников. Таким образом, политический дипломатический дискурс есть вид коммуникативной деятельности, предназначенный для осуществления целей внешней и внутренней политики государства [Ардаева 2018: 114]. На современном этапе развития международных отношений наблюдается движение дипломатического дискурса и его влияния в сферу публичной междуна-

родной коммуникации, представленной медиа и дискурсом социальных сетей. Формат дипломатической коммуникации используется для формирования общественного мнения и взглядов общества, для информирования граждан и выражения новых идей [Там же].

В дипломатическом дискурсе стратегия аргументации может быть представлена различными тактиками, включая тактику дистанцирования, опровержения, сомнения в истинности информации, тактику неявной или открытой критики [Кутакова 2017: 76]. Каждая из указанных тактик имеет характерные для нее языковые средства актуализации. Одним из наиболее часто применяемых механизмов стратегии аргументации является тактика эвфемизации — дисфемизации, позволяющая либо скрыть истинные оценочные смыслы коммуникативного содержания, либо прямо их обозначить и выявить в соответствии с прагматикой дипломатического общения.

По правилам дипломатического этикета высказывания должны быть построены с минимальной оценочностью и эмотивностью. При необходимости оценка может быть выражена имплицитно посредством эвфемизмов, ослабляющих воздействие неприятных фактов [Беляков 2018].

Термин «эвфемизм» был введен в научный оборот в 1656 г. в словаре Томаса Блаунта [Зверева 2019]. Несмотря на многовековую историю его использования, современные лингвисты так и не пришли к единому мнению по поводу трактовки данного языкового явления. По мнению К. Аллана и К. Бэрридж, под эвфемизмами следует понимать выражения, которые используются в качестве альтернативы неприятному выражению с целью избежать потери лица [Allan, Burridge 1991]. Считается, что эвфемизм — это речевой акт, смягчающий выска-

зывание и зависящий от языковой формы, значения и интенций говорящего [Ковшова 2007].

Дипломатии, являющейся сферой деятельности политики, присуща высокая частотность употребления политических эвфемизмов. Политический эвфемизм — это эвфемизм, функционирующий в текстах политической коммуникации и использующийся с целью сокрытия неприятных сторон действительности [Москвин 2001]. Основными функциями политических эвфемизмов, по мнению Е. И. Шейгал, являются нейтрализация остроты социальных, экономических, политических и мировых проблем; сокрытие неправомерных действий во избежание общественного осуждения; уклонение от потери лица; реализация принципа вежливости; перераспределение вины; завоевание поддержки политических сил и другие [Шейгал 2000].

Политические эвфемизмы характеризуются оценочностью и мотивированностью [Будаев 2012]. Тем не менее следует различать сферы употребления политических эвфемизмов в дипломатии. Если в процессе переговоров неоднозначность эвфемизмов допустима, то в официальных документах она должна быть сведена к минимуму. Это объясняется тем, что во время переговоров необходимо воздействовать на оппонента и представлять реалии в более выгодном свете, в документах политические эвфемизмы используются с целью поддержания вежливого стиля изложения.

С учетом реалий современной международной ситуации, которая характеризуется открытыми и скрытыми военными конфликтами, эвфемистические и дисфемистические номинации становятся неотъемлемой частью арсенала манипулятивных средств речевого воздействия.

Существует несколько определений понятия «дисфемизм». Согласно А. М. Кацеву, дисфемизм подчеркивает негативные ассоциации, связанные с денотатом [Кацев 1988]. А. Н. Резанова понимает под эвфемизмом «намеренное использование табуированной языковой формы или слов сниженного стиля, несоответствующих данной речевой ситуации для решения поставленной коммуникативной задачи» [Резанова 2008: 209].

Причины, объясняющие повышение негативного фона вербальной коммуникации в дипломатическом дискурсе, приводящие к его дисфемизации, вероятно, таковы. Во-первых, дисфемизация дипломатического дискурса тесно связана с процессом вульгаризации речи, который затронул все сферы человеческой деятельности, в том числе и дискурс

дипломатического протокола. Во-вторых, дисфемизация является сопутствующим проявлением состояния фрустрации, при котором говорящий идет наперекор всем нормам и ограничениям, выплескивая агрессию. Такое поведение дипломатических деятелей ярко проявляется во время дебатов. В-третьих, дисфемизмы могут использоваться намеренно с целью дискредитации оппонента и привлечения внимания к особенно важным вопросам международной политики [Пастухова 2014].

Вышеперечисленные причины подчеркивают необходимость комплексного анализа дисфемизмов с учетом социологического, психологического, прагматического и лингвистического аспектов. Выделяют следующие функции дисфемизмов: манипулятивная (компроментирование оппонента); апеллятивная (выражение негативной оценки); художественная (придание выразительности) [Бех 2017].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эвфемизм принято определять как замену грубых, резких слов и выражений стилистически более нейтральными [Цветова 2014: 741]. При этом процесс данной замены представляет собой эвфемизацию или эвфемию, которая и является разновидностью речевой тактики стратегии аргументации или манипуляции в политическом дипломатическом дискурсе.

В дипломатическом дискурсе, как и в других видах коммуникации, эвфемизмы используются для того, чтобы не говорить о неприятных или чувствительных темах открыто и прямо. Говорящий прибегает к эвфемизмам, когда предполагает, что тема разговора может обидеть собеседника или вызвать у него неловкость [Крысин 2000; Москвин 2001].

Эвфемия — это результат особой речевой стратегии, имеющей выраженный манипулятивный эффект, в которой отражаются культурные и ценностные установки, особенности мышления и мировоззрения общности [Габибли 2021: 13]. Эвфемизация — это употребление неоскорбительного или нейтрального термина вместо прямого, оскорбительного, маскирующее истину [Neaman, Silver 1995: 201].

Рассмотрим тактику эвфемизации в контексте дипломатического дискурса, цели и функции, характерные для данных номинаций. В этой связи интересно исследовать дипломатический дискурс министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, деятельность которого имеет неопределимое значение в деле налаживания международных отношений, урегулирования конфликтных ситуа-

ций, решения важнейших вопросов в условиях кризиса международных отношений, информационной войны и вооруженных конфликтов. Так, например, в интервью газете «Аргументы и факты» 20 октября 2024 года явление эвфемии представлено в следующем контексте: *Объединение идет не от искусственных схем. В НАТО было решено, что надо «сдерживать» Россию, поэтому они будут беспрестанно расширяться, объявлять санкции, лишь бы только наша страна (такая же линия проводится и в отношении Китая) не стала сильным конкурентом. То есть бюрократией поставлена задача. В Евросоюзе задает цель бюрократия НАТО, диктуют американцы. Собственно, это одно и то же, потому что брюссельская бюрократия целиком и полностью зависима от того, что скажет Вашингтон* (https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1976783/). В данном контексте можно наблюдать эвфемизм «сдерживать» Россию, который позволяет подчеркнуть термин, часто используемый представителями Запада в отношении России, вуалирующий смысл «препятствовать ее развитию и процветанию». А использование номинации «диктуют американцы» представляет собой результат дисфемизации «контроль, влияние со стороны США», который, напротив вскрывает истинные смыслы современной политики между странами.

Другим примером распространенного политического эвфемизма может служить термин «Запад»: *Многие другие структуры сейчас все больше внимания уделяют тому, чтобы обезопасить механизмы своего экономического взаимодействия от произвола, который, как доказал Запад, может в любой момент наступить, по сути дела, любое государство, следующее самостоятельным курсом на международной арене* (Там же). В данном контексте термин **Запад** вуалирует прямое указание на главного актора и инициатора политических действий на международной арене — США, которые стоят практическими за всеми событиями международной жизни.

Ср.: *Независимо от исхода выборов, мы будем оставаться для Соединенных Штатов если не врагом, то точно противником. В любом случае — конкурентом* (Там же). Здесь можно видеть, что эвфемизация представлена заменой слова «враг» на более политически корректный синоним «оппонент» или «соперник», что подчеркивает этикетный стиль коммуникации в рамках дипломатического протокола интервью.

Ср.: *Будем ждать волеизъявления американского народа* (Там же). В данном фраг-

менте интервью в качестве эвфемизма употребляется слово «волеизъявление», которое заменяет термин «выборы», что характеризует тщательность и дипломатическую осторожность формулировок говорящего.

Наконец, одним из распространенных эвфемизмов современной политической коммуникации является выражение «специальная военная операция»: *Все круто переменялось после начала специальной военной операции в 2022 г.* (Там же), которое является более нейтральным субституту термину «война» и «военные действия». Естественно, основной целью эвфемизации в данном случае следует считать стремление завуалировать масштаб и важность происходящих событий, с тем чтобы не нагнетать страх и панику, алармистские настроения в обществе.

Примером эвфемизации можно считать и следующий фрагмент интервью: *Призыв разговаривать о стратегической стабильности, о контроле над ядерными вооружениями без предварительных условий — обман. Что значит «без предварительных условий»? Это означает, что американцы оставляют за собой право в своих доктринальных документах объявлять нас врагом, официально заявлять, что их цель — нанесение России «стратегического поражения» на поле боя* (Там же). В данном фрагменте наблюдаем функционирование эвфемизма «без предварительных условий», смысл которого раскрывается в рамках следующего предложения — «право объявлять нас врагом», право на ослабление России всеми возможными средствами.

Рассмотрим несколько примеров эвфемизации в политическом дипломатическом дискурсе представителей Великобритании. Так, в статье «UK joins key meetings to help build a stable Syrian future in Saudi Arabia», опубликованной на сайте Министерства иностранных дел Великобритании (<https://www.gov.uk/government/news/uk-joins-key-meetings-to-help-build-a-stable-syrian-future-in-saudi-arabia>) 12 января 2025 года, говорится: *Reiterating the importance of an inclusive Syrian-led political transition, the Foreign Secretary will offer UK expertise on humanitarian coordination and accountability.* (пер.: Подчеркивая важность инклюзивной политической трансформации в Сирии, министр иностранных дел предложит экспертную помощь Великобритании по вопросам координации в гуманитарной сфере). В данном контексте выражение *inclusive Syrian-led political transition* (инклюзивная политическая трансформация Сирии) является результатом эвфемии с целью вуалирования истинного поли-

тического смысла происходящих событий — свержения правительства Башара Асада и перехода власти к оппозиционным силам.

Дисфемизм — явление, противоположное эвфемии. Если эвфемизм является лексической номинацией, выражающей понятие в более мягкой форме с целью сокрытия неприятных сторон действительности, то дисфемизм — более грубая лексическая единица, используемая для того, чтобы выразить негативное отношение к предмету речи. Соответственно, процесс замены эвфемизма или другого стилистически нейтрального выражения более грубым является дисфемизацией, или дисфемией, который сегодня наравне с эвфемизацией входит в круг речевых тактик стратегии аргументации. В настоящее время употребление дисфемизмов в рамках политического дипломатического дискурса позволяет политическим акторам не только воздействовать на сознание людей и дискредитировать оппонентов, но и высказываться открыто, не вуалируя собственные интенции. Из чего следует, что по сравнению с эвфемизацией дисфемизация представляет собой речевую тактику, которая имеет не только большой манипулятивный, но и апеллятивный потенциалы.

Рассмотрим функционирование данной тактики на примере выступлений министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и премьер-министра Великобритании Кира Стармера. Анализ их выступлений является показательным, поскольку взгляды С. В. Лаврова и Кира Стармера на происходящие на международной арене события расходятся.

Так, например, в интервью российским и зарубежным СМИ от 26 декабря 2024 министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил: *It seems to me that the focal point of this meeting was indeed the “picture,” as two politicians and a Nazi racist were photographed against the backdrop of the cathedral.* (https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1989213/). Данный фрагмент дискурса интервью является наглядным примером функционирования речевой тактики дисфемии. Вместо прямой отсылки к президенту Украины используется более грубая лексическая единица, дисфемизм *a Nazi racist*. Таким образом министр иностранных дел РФ выражает пейоративную оценку политики, проводимой президентом Украины, и дискредитирует образ президента в глазах аудитории, подчеркивая расизм и нацистский характер политики.

Ср.: *Estonia, the “most important power” of all, said, through its foreign minister, that it will not support the new authorities in Damascus unless they “kick out” Russian military bases from Syria* (Там же). В данном предложении

дисфемизмом можно считать глагол *kick out* (пер. «выкинут»), который чаще всего используется в разговорной речи и неприемлем в политическом дипломатическом дискурсе. Такое нарушение стиля является намеренным, что позволяет реализовать речевую тактику дисфемии. Усиливает воздействие этой тактики и тот факт, что в речи министра иностранных дел Эстонии вместо глагола *kick out* употреблен глагол *withdraw*. Это свидетельствует о том, что министр иностранных дел РФ пытается «играть» словами оппонентов и вызвать к ним недоверие.

Другим примером функционирования тактики дисфемии в политическом дипломатическом дискурсе может служить интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова американскому журналисту Т. Карлсону. Например, в предложении: *On Ukraine, never, ever they mumbled the words “human rights”, seeing these human rights for the Russian and Russian-speaking population being totally exterminated by law* (https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1985783/) — обнаруживается дисфемизм *mumble* (пер. *бормотать*), использующийся для того, чтобы указать на двойные стандарты, которые существуют на Западе и на Украине по отношению к России. Например, «они» активно выступают за защиту демократии и человеческих прав, но, когда вопрос заходит о защите русскоговорящего населения Украины, наступает тишина.

Ср. также: *Because the U.S., historically, in foreign policy, was motivated by making some trouble and then to see if they can fish in the muddy water* (Там же). В данном контексте идиоматическое выражения *fish in the muddy water* (пер. «ловить рыбу в мутной воде») выступает в качестве дисфемизма. Считается, что идиомы и фразеологизмы являются эффективными инструментами воздействия на сознание, поскольку передают образ, как положительный, так и отрицательный, полнее и ярче, что позволяет политическим акторам манипулировать мнением людей. В случае с вышеупомянутым дисфемизмом происходит формирование у людей отрицательного образа США.

Рассмотрим несколько примеров дисфемизации в политическом дипломатическом дискурсе Великобритании. Сегодня наиболее употребительными в политической коммуникации Великобритании являются дисфемизмы *bloodshed* (букв. «кровопролитие») и *masacre* (букв. «резня»): *After months of devastating bloodshed and countless lives lost, this is the long-overdue news that the Israeli and Palestinian people have desperately been waiting for. They have borne the brunt of this con-*

flict — triggered by the brutal terrorists of Hamas, who committed the deadliest massacre of Jewish people since the Holocaust on October 7th, 2023 (<https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-israel-hamas-cease-fire-15-january-2025>). Указанные номинации обличают сегодняшнюю действительность, не вуалируя неприятные геополитические явления (войны, террористические акты и т.д.) и привлекая внимание общественности к данным международным проблемам.

Другим дисфемизмом, который стал неотъемлемой частью выступлений премьер-министра Великобритании Кира Стармера на тему событий российско-украинского конфликта, служит выражение *illegal and barbaric invasion* (букв. «незаконное и варварское вторжение»): *Spanning nine key pillars, it will harness the innovation, strength and resilience that Ukraine has shown in its defence against Russia's illegal and barbaric invasion; and foster it to support long-term security and growth for both our countries* (<https://www.gov.uk/government/news/uk-and-ukraine-sign-landmark-100-year-partnership-to-deepen-security-ties-and-strengthen-partnership-for-future-generations>). Естественно, этот дисфемизм употреблен с целью дискредитации российской стороны и упрочения собственной позиции.

Ср.: *Putin's ambition to wrench Ukraine away from its closest partners has been a monumental strategic failure* (Там же). В данном контексте дискурса глагол *wrench away* (букв. «выдернуть») является результатом дисфемизации, позволяющей создать отрицательный образ России как страны, которая до сих пор прибегает к варварским способам решения проблем, что подрывает ее авторитет на международной арене.

Ср. также: *He will meet patients and doctors and hear how £100m of UK humanitarian funding is supporting needs across Ukraine and specialist medical care for burn victims, including those aimed by Russian missiles raining down on neighbourhoods* (Там же). Процесс дисфемизации в настоящем контексте иллюстрируется глаголом *rain down* (букв. «лить как из ведра»). Этот дисфемизм повышает отрицательный политический смысл высказывания за счет придания образности событиям в ходе специальной военной операции.

Итак, лингвистический анализ контекстов выступлений и заявлений дипломатов демонстрирует особенности функционирования речевых тактик эвфемии и дисфемии на уровне стратегии аргументации в политическом дипломатическом дискурсе и раскрывает основные цели их употребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном дискурсе дипломатии реализуются различные коммуникативные стратегии. Ведущей является стратегия аргументации, актуализирующаяся в разнообразных приемах и тактиках, основными из которых являются эвфемизация и дисфемизация. В настоящее время эвфемизация и дисфемизация рассматриваются как взаимосвязанные функциональные противоположности. Эвфемизмы призваны смягчать негативный смысл лексической единицы, а дисфемизмы — его усиливать для достижения цели коммуникации. Целью эвфемизации может являться желание дипломата избежать конфликтов, поддержать беседу в вежливом тоне, сохранить свой статус и авторитет, а также выставить себя в лучшем свете. Дисфемизация, наоборот, направлена на более открытое и честное выражение пейоративной оценки, в отличие от сокрытия определенных смыслов, включая тактику компрометирования и дискредитации оппонентов. Таким образом, указанные речевые тактики эвфемизации и дисфемизации позволяют дипломатам вести переговоры и обсуждать международные проблемы и политические события с выгодной политической позиции.

ИСТОЧНИКИ

1. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова Издательскому дому «Аргументы и факты», Москва, 20 октября 2024 года. — URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1976783/#sel=36:19:Big,36:64:Thf (дата обращения: 21.01.2025).
2. Foreign Affairs. — URL: <https://www.gov.uk/international/foreign-affairs> (date of access: 12.01.2025). — Text: electronic.
3. Lavrov, S. Interview to Tucker Carlson, Moscow, December 6, 2024. — URL: https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1985783/ (date of access: 15.01.2025). — Text: electronic.
4. Lavrov, S. Interview with Russian and international news media, Moscow, December 26, 2024. — URL: https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1989213/ (date of access: 15.01.2025). — Text: electronic.
5. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. — URL: <https://mid.ru/en/> (date of access: 12.01.2025). — Text: electronic.
6. Starmer, K. Statement on the Israel-Hamas ceasefire: 15 January 2025. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-israel-hamas-ceasefire-15-january-2025> (date of access: 17.01.2025). — Text: electronic.
7. Starmer, K. UK and Ukraine sign landmark 100 Year Partnership to deepen security ties and strengthen partnership for future generations. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-ukraine-sign-landmark-100-year-partnership-to-deepen-security-ties-and-strengthen-partnership-for-future-generations> (date of access: 17.01.2025). — Text: electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ардаева, Н. В. Дипломатический и политический дискурс. Латинская Америка / Н. В. Ардаева. — Текст : непосредственный // Власть. — 2018. — № 05. — С. 114–117.
2. Беляков, М. В. Эвфемизация в открытом дипломатическом дискурсе / М. В. Беляков. — Текст : непосредственный // Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Москва : МГОУ, 2018. — С. 126–132.

3. Бех, Е. Ф. Особенности функционирования дисфемизмов на основе их отношения с эвфемизмами в англоязычной литературе / Е. Ф. Бех. — Текст : непосредственный // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». — 2017. — № 2 (12). — С. 3–8.

4. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2012. — 248 с. — Текст : непосредственный.

5. Габибли, Г. Б. Эвфемизмы и дисфемизмы в англоязычных новостных публикациях, посвященных конфликту в Нагорном Карабахе / Г. Б. Габибли. — Екатеринбург : Изд-во Уральского фед. ун-та, 2021. — 61 с. — Текст : непосредственный.

6. Зверева, М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике / М. И. Зверева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12-4 (78) — С. 86–90.

7. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособие к спецкурсу / А. М. Кацев. — Ленинград : ЛГПИ, 1988. — 80 с. — Текст : непосредственный.

8. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — Текст : непосредственный // Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. — Москва : Гнозис, 2007. — 367 с.

9. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. — Текст : непосредственный // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 384–408.

10. Кутакова, О. А. Речевая стратегия оппозиционирования и репрезентирующие ее тактики в дипломатическом дискурсе / О. А. Кутакова. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4 (64). — С. 76–81. — URL: https://dep.fl.pnzgu.ru/files/dep.fl.pnzgu.ru/pavlova_na_aleshina_eyu.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

11. Логунова, К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке / К. А. Логунова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-2 (42). — С. 109–112.

12. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58–69.

13. Пастухова, О. Д. Дисфемизмы английского языка и их структурные особенности / О. Д. Пастухова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 6 (335). — С. 69–72.

14. Резанова, А. Н. Понятие о речевой норме и стандартах в контексте проблемы дисфемии в речи / А. Н. Резанова. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 51. — С. 268–271.

15. Шейгал, Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал. — Текст : непосредственный // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И. В. Сентеберг : сб. научных трудов. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 158–170.

16. Цветова, Н. С. Эвфемизм / Н. С. Цветова. — Текст : непосредственный // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. — Красноярск : СФУ, 2014. — С. 741–742.

17. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 2 (40). — С. 53–59. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-12.htm> (дата обращения: 28.01.2025).

18. Allan, K. Euphemism and Dysphemism. Language used as shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. — New York : Oxford Univ. Pr., 1991. — 263 p. — Text : unmediated.

19. Neaman, J. S. The Wordsworth Book of Euphemism / J. S. Neaman, C. G. Silver. — London : Wordsworth Editions LTD, 1995. — 310 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Lavrov, S.V. (2024, October 20). *Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov to the Publishing House «Argumenty i fakty» [Arguments and Facts]*. Moscow. Retrieved January 21, 2025, from <https://mid.ru/r/>

https://mid.ru/r/press_service/minister_speeches/1976783/#sel=36:19:Big,36:64:Thf

2. *Foreign Affairs* (n.d.). Retrieved January 12, 2025, from <https://www.gov.uk/international/foreign-affairs>

3. Lavrov, S. (2024, December 6). *Interview to Tucker Carlson*. Moscow. Retrieved January 15, 2025, from https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1985783/

4. Lavrov, S. (2024, December 26). *Interview with Russian and international news media*. Moscow. Retrieved January 15, 2025, from https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1989213/

5. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation* (n.d.). Retrieved January 15, 2025, from <https://mid.ru/en/>

6. Starmer, K. (2025, January 15). *Statement on the Israel-Hamas ceasefire*. Retrieved January 17, 2025, from <https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-israel-hamas-cease-fire-15-january-2025>

7. Starmer, K. (n.d.). *UK and Ukraine sign landmark 100 Year Partnership to deepen security ties and strengthen partnership for future generations*. Retrieved January 17, 2025, from <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-ukraine-sign-landmark-100-year-partnership-to-deepen-security-ties-and-strengthen-partnership-for-future-generations>

REFERENCES

1. Ardaeva, N.V. (2018). Diplomaticeskij i politicheskij diskurs. Latinskaya Amerika [Diplomatic and Political Discourse. Latin America]. *Vlast'*, 5, 114–117. (In Russ.)

2. Belyakov, M.V. (2018). Evfemizacija v otkrytom diplomaticheskom diskurse [Euphemization in open diplomatic discourse]. *Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo: lingvisticheskie, politicheskie i pedagogicheskie aspekty. Materialy Mezhduнародnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (pp. 126–132). Moscow: MGOU. (In Russ.)

3. Bekh, E.F. (2017). Osobennosti funkcionirovaniya disfemizmov na osnove ih otnosheniya s evfemizmi v angloязычной literature [Features of the functioning of dysphemisms based on their relationship with euphemisms in the English literature]. *Nauchnyj rezul'tat. Seriya «Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki»*, 2(12), 3–8. (In Russ.)

4. Budaev, E.V. (2012). *Metafora v politicheskoy kommunikacii* [Metaphor in political communication]. Moskva: Flinta, 248 p. (In Russ.)

5. Gabibli, G.B. (2021). *Evfemizmy i disfemizmy v angloязычных novostnyh publikacijah, posvyashchennyh konfliktu v Nagornom Karabahe* [Euphemisms and Dysphemisms in English News Publications on the Nagorno-Karabakh Conflict]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo fed. un-ta, 61 p. (In Russ.)

6. Zvereva, M.I. (2017). Istoriya izucheniya evfemizmov v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike [History of the study of euphemisms in domestic and foreign linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12-4(78), 86–90. (In Russ.)

7. Kacev, A.M. (1988). *Yazykovoe tabu i evfemiya* [Language Taboo and Euphemism]. Leningrad: LGPI, 80 p. (In Russ.)

8. Kovshova, M.L. (2007). Semantika i pragmatika evfemizmov [Semantics and pragmatics of euphemisms]. In *Kratkij tematicheskij slovar' sovremennyh russkikh evfemizmov*. Moscow: Gnozis, 367 p. (In Russ.)

9. Krysin, L.P. (2000). Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech]. In *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* (pp. 384–408). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)

10. Kutakova, O.A. (2017). Rechevaya strategiya oppozicionirovaniya i reprezentiruyushchie ee taktiki v diplomaticheskom diskurse [Speech strategy of opposition and tactics representing it in diplomatic discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(64), 76–81. Retrieved January 15, 2025, from https://dep.fl.pnzgu.ru/files/dep.fl.pnzgu.ru/pavlova_na_aleshina_eyu.pdf (In Russ.)

11. Logunova, K.A. (2014). Evfemizmy v diplomaticheskom yazyke [Euphemisms in diplomatic language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12-2(42), 109–112. (In Russ.)

12. Moskvin, V.P. (2001). Evfemizmy: sistemnye svyazi, funkicii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: systemic connections, functions and methods of formation]. *Voprosy yazykoznaniya*, 3, 58–69. (In Russ.)

13. Pastuhova, O.D. (2014). Disfemizmy anglijskogo yazyka i ih strukturnye osobennosti [Dysphemisms of the English lan-

guage and their structural features]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6(335), 69–72. (In Russ.)

14. Rezanova, A.N. (2008). Ponyatie o rechevoj norme i standartah v kontekste problemy disfemii v rechi [The concept of speech norms and standards in the context of the problem of dysphemism in speech]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 51, 268–271. (In Russ.)

15. Shejgal, E.I. (2000). Evfemizatsiya v politicheskom diskurse [Euphemization in political discourse]. In *Yazykovaya lichnost': problemy kreativnoj semantiki. K 70-letiyu professora I. V. Sentenberg: sb. nauchnyh trudov* (pp. 158–170). Volgograd: Peremena. (In Russ.)

16. Cvetova, N.S. (2014). Evfemizizm [Euphemism]. In A.P. Skovorodnikov (Ed.), *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik* (pp. 741–742). Krasnoyarsk: SFU. (In Russ.)

17. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. Retrieved January 28, 2025, from <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-12.htm> (In Russ.)

18. Allan, K., & Burridge, K. (1991). *Euphemism and Dysphemism. Language used as shield and Weapon*. N.Y.: Oxford University Press, 263 p.

19. Neaman, J.S., & Silver, C.G. (1995). *The Wordsworth Book of Euphemism*. London: Wordsworth Editions LTD, 310 p.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП41.12-006.21

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Анатолий Прокопьевич Чудинов^{1✉}, Наталья Александровна Сегал^{2✉}, Анна Николаевна Мищенко^{3✉}

¹ ap_chudinov@mail.ru✉, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, SPIN-код: 4516-4166, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

^{2,3} Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

² natasha-segal@mail.ru✉, SPIN-код: 1068-7693, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

³ anutik-anutik18@mail.ru✉, SPIN-код: 9585-5730, <https://orcid.org/0000-0002-7088-0942>

Метафорическая модель «Политика — это шахматная партия» в медиaprостранстве 2022–2024 гг. (на материале Telegram-каналов)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена комплексному анализу метафорической модели «Политика — это шахматная партия» в медиaprостранстве 2022–2024 гг. На материале текстов русскоязычных Telegram-каналов выявляются наиболее частотные языковые факты, лежащие в основе метафорической модели «политика — это шахматная партия». С опорой на семантико-прагматический потенциал исследуемых языковых единиц формируются фреймово-словотворческая структура метафорической модели «Политика — это шахматная партия», устанавливаются особенности ее представления в актуальном медиaprостранстве. Доказывается, что посредством реализации языковых единиц образной системы, формирующих данную модель, эксплицируются важные характеристики мира политики, связанные с особенностями реализации определенных стратегий и тактик построения диалога или, напротив, обострения конфликта. Выделение в качестве наиболее значимых фреймов «политические события — это геополитические шахматы» и «политические решения — это результат шахматной игры» позволяет сделать вывод о широком спектре слов и конструкций, формирующих исследуемую метафорическую модель как многогранную и многовекторную, включающую метафоры, ценные при описании не только процессов или ситуаций, но и особенностей действий определенных политических субъектов. Комплексное описание метафорической модели «Политика — это шахматная партия» позволяет сделать вывод о ее центральном месте при отражении в медиaprостранстве актуальных политических событий и выявить спектр политических сфер, транслируемых посредством использования языковых единиц образной системы с интегральным компонентом «шахматы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, социальные сети, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, медиaprостранство, метафорические образы, коннотация, шахматная партия, шахматы, шахматные метафоры, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; ведущий научный сотрудник Российского государственного профессионально-педагогического университета, 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; email: ap_chudinov@mail.ru.

Сегал Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Вернадского, 4; email: natasha-segal@mail.ru.

Мищенко Анна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Вернадского, 4; email: anutik-anutik18@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00377, <https://rscf.ru/project/24-28-00377>).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чудинов, А. П. Метафорическая модель «Политика — это шахматная партия» в медиaprостранстве 2022–2024 гг. (на материале Telegram-каналов) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 205–214.

Anatoliy P. Chudinov^{1✉}, Natal'ya A. Segal^{2✉}, Anna N. Mishchenko^{3✉}

¹ ap_chudinov@mail.ru✉, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, SPIN code: 4516-4166, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

^{2,3} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

² natasha-segal@mail.ru✉, SPIN code: 1068-7693, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

³ anutik-anutik18@mail.ru✉, SPIN code: 9585-5730, <https://orcid.org/0000-0002-7088-0942>

The Metaphorical Model of “Politics Is a Chess Game” in the Media Space of 2022-2024 (Based on the Material of Telegram Channels)

ABSTRACT. The article is devoted to a complex analysis of the metaphorical model “Politics is a chess game” in the media space of 2022-2024. Based on the texts of Russian-language Telegram channels, the most frequent linguistic facts underlying the metaphorical model “Politics is a chess game” are revealed. Taking in consideration the semantico-pragmatic potential of the linguistic units under investigation, the study forms the frame-slot structure of the metaphorical model “Politics is a chess game” and establishes the specific features of its representation in the current media space. The study argues that realization of the linguistic units of the figurative system forming this model facilitates efforts to explicate important characteristics of the world of politics, related to the specificity of the implementation of certain strategies and tactics for conducting dialogue or, conversely, exacerbating conflict. The identification of the frames “Political events are a game of geopolitical chess” and “Political decisions are the result of a chess game” as the most significant ones allows the authors to conclude about a wide range of words and constructions that form the metaphorical model under study as a multi-faceted and multi-vector phenomenon, including metaphors that are valuable in describing not only processes or situations, but also while characterizing actions of certain political actors. A complex description of the metaphorical model “Politics is a chess game” allows the authors of the article to conclude about its central place in reflecting current political events in the media field and to identify the range of political spheres translated through the use of linguistic units of the figurative system with the integral component “chess”.

KEYWORDS: Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, social networks, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, media space, metaphorical images, connotation, chess game, chess, chess metaphors, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Leading Researcher of the Russian Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Segal Natal'ya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Mishchenko Anna Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to research project No. 24-28-00377, <https://rscf.ru/project/24-28-00377>.

FOR CITATION: Chudinov A. P., Segal N. A., Mishchenko A. N. (2025). The Metaphorical Model of “Politics Is a Chess Game” in the Media Space of 2022-2024 (Based on the Material of Telegram Channels). In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 205-214. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир, с одной стороны, построенный на соперничестве и конфликтах, с другой — стремящийся к диалогу, все более и более напоминает игру, в которой исход партии зависит от выдержки и профессионализма игроков, их умения принимать своевременные решения, находить выход из, казалось бы, бесперспективной ситуации. Именно игровой компонент сближает реальный и виртуальный миры, лежит в основе адекватного восприятия социополитических событий через призму знакомых с детства характеристик. Как справедливо подчеркивает А. П. Чудинов, «Взаимоперекрывающиеся метафорические модели ЖИЗНЬ — это ИГРА и ЖИЗНЬ — это СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ широко распространены в самых различных коммуникативных сферах, что связано с совершенно особой ролью игры и спорта в человеческой деятельности. Сказанное в полной мере относится и к российскому политическому дискурсу, среди доминантных моделей которого выделяется представление политической жизни как сво-

его рода игры или спортивного состязания» [Чудинов 2001]. Размышляя о феномене игры как основы метафорического моделирования, Н. А. Мишанкина приходит к выводу о том, что в современных социополитических реалиях «в фокус метафоризации попадают различные аспекты, связанные с неоднозначной интерпретацией феномена игры. В самом общем виде игра понимается как действие, осуществляемое несколькими участниками и продолжающееся во времени, состав участников не обязательно является постоянным, некоторые из них могут присоединиться к уже идущему процессу» [Мишанкина 2010: 24].

Многообразие игровых метафор обусловлено как широкой вариативностью игр как элемента той или иной лингвокультуры, так и различием в прагматических установках авторов медиатекстов, поставленными задачами и характеристикой целевой аудитории. **Целью** предлагаемой статьи является построение и описание метафорической модели «Политика — это шахматная партия» в медиапространстве 2022–2024 гг. **Материалом** исследования послужили данные

русскоязычных Telegram-каналов, которые, по справедливому утверждению политиков, политологов, журналистов и лингвистов, с наибольшей полнотой отражают динамику социополитических реалий, опережая все другие медийные источники.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования:

- проведен анализ научной теоретической литературы, посвященной особенностям моделирования спортивной метафоры в актуальном медиапространстве, установлено место метафорической модели «Политика — это шахматная партия» в системе спортивных метафор;

- на основе данных лексикографических источников выявлена специфика денотативного содержания языковой единицы «шахматы» как ключевой составляющей метафорической модели «Политика — это шахматная партия» с дальнейшим установлением специфики текстовой реализации данной языковой единицы;

- проведено многоуровневое построение метафорической модели «Политика — это шахматная партия» на основе фреймово-слотовой структуры, выявлены ключевые единицы (слова и конструкции), лежащие в основе формирования данной метафорической модели, охарактеризован их семантико-прагматический потенциал.

ОБСУЖДЕНИЕ

Метафорическое моделирование актуального медиапространства, ставшее одним из ключевых направлений современного текстового анализа (работы А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, Л. Е. Бессоновой, Н. Ю. Бородулиной, М. Джонсона, О. П. Ермаковой, И. М. Кобозевой, Н. Ф. Крюковой, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, А. Н. Мищенко, Н. А. Сегал, Т. Г. Скребцовой, А. П. Чудинова и др.), демонстрирует тот факт, что новая социополитическая реальность формирует новую фреймово-слотовую структуру метафорических моделей, определяет расширение спектра языковых единиц образной системы, лежащих в основе приращения новых смыслов. Данный тезис глубоко и полно определяет специфику реализации метафорической модели «Политика — это шахматная партия» в медиапространстве 2022–2024 гг.

Согласно данным лексикографических источников, слово **шахматы** имеет два значения: «1. Игра на доске в 64 светлых и тем-

ных клетки между 16 белыми и 16 черными фигурами по установленным для каждой из них правилам передвижения. 2. Набор фигур для такой игры»¹. Как будет доказано далее, именно эти значения лежат в основе формирования метафорической модели «Политика — это шахматная партия» в актуальном медиапространстве. Проведенный анализ позволяет заключить, что наиболее яркими и многоаспектными экспликаторами метафорической модели «Политика — это шахматная партия» являются фреймы «политические события — это геополитические шахматы» и «политические решения — это результат шахматной игры». Рассмотрим каждый из представленных фреймов более детально.

При моделировании **фрейма** «политические события — это геополитические шахматы» обращает на себя внимание вариативность формирующих его слотов. Как показал анализ, в основе данного фрейма лежат следующие слоты: «внешнеполитические события — это шахматы»; «внутренняя политика — это шахматы»; «военные действия — это шахматная партия», слот «экономическая сфера — это шахматная партия». Рассмотрим особенности реализации выделенных слотов в актуальном медиапространстве.

Слот «внешняя политика — это геополитические шахматы» опирается на понимание особенностей геополитики как стратегически выверенного диалога, учитывающего возможность достижения целей более подготовленным игроком, умеющим прогнозировать шаги соперника. Шахматная доска, таким образом, является картой геополитического влияния, на которой правила игры устанавливаются сильнейшими участниками — влиятельными государствами или политическими объединениями. При этом между участниками геополитических шахмат наблюдается противоборство, легко экстраполируемое на социально-политические реалии современности. Для победы в шахматной партии как в спорте, так и в политике необходимы сила, выдержка, характер и четкое видение стратегии и цели.

В современном медиапространстве **шахматная партия** определяется как лоббирование интересов одного государства посредством вовлечения в конфликт другого геополитического субъекта, при этом шахматистами зачастую являются государства, предпринимающие попытку изменить геополитическую ситуацию.

¹ Словарь русского языка. В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 (электронная версия). URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

литическую расстановку сил в свою пользу: *Китай указал на угрозу «шахматной партии» США на Украине. США разыгрывают своеобразную «шахматную партию» борьбы за Евразию на длительный срок, в которой остальные страны являются пешками, а основные усилия направлены на евразийское пространство* (<https://t.me/s/Lentacom>, 17.08.2022). Данный пример отражает ситуацию, когда шахматная партия представляет собой целое евразийское пространство, в котором участниками игры являются несколько крупных государств, а Украина становится шахматной доской как полем битвы. В медиaprостранстве фиксируются примеры, в которых шахматной доской может выступать материк, размеры которого подчеркивают масштабность происходящих геополитических событий: *Евразия является «шахматной доской», на которой продолжается борьба за мировое господство* (<https://t.me/russgeopolitika>, 27.03.2022). Отмечается, что в геополитических шахматах есть сильные и слабые участники, как правило, уступающие противнику в игре: *Политолог: идет «шахматная игра», в которой НАТО пытается давить* (<https://t.me/s/Lentacom>, 24.01.2022). При этом ход игры предполагает разные сценарии, где каждый из участников может то побеждать, то терять свои позиции: *Америка теряет свою репутацию. Весь мир ненавидит Америку. Европа является пешкой Америки в Африке. Все африканские государства ненавидят государства, которые их эксплуатируют, включая Францию. Игра изменилась. Самая большая задача Турции — это достижение ее полной независимости. Турция решает эту проблему вместе с Тайипом Эрдоганом* (Царьград, 19.04.2023).

В политических медиатекстах находим примеры, в которых определены правила игры в шахматы или отдельные пункты правил (например, число игроков), экстраполируемые на двухсторонние международные отношения: *...от принципа «одного Китая» зависят международные связи. Это политическая основа для развития наших двусторонних отношений с Литвой и другими государствами. Мы настаиваем, чтобы указанные литовские официальные лица перестали быть пешкой антикитайских сил и сторонников так называемой независимости Тайваня* (Царьград, 11.08.2022).

Известно, что игра в шахматы — длительный процесс, в котором нужны упорство и выдержка, строгий контроль за каждым ходом соперника. Данный тезис метафорически отражается в следующем примере, где ослабление мощи Америки является след-

ствием ряда ходов (возникающих в значимых для США конфликтах): *Американцам все перечисленные «движухи» явно не по вкусу, и они ожесточенно сопротивляются. Это означает, что еще одна опора западного могущества — контроль над нефтяным Ближним Востоком — рассыпается. Очевидно, то же самое должно произойти на Украине и Тайване — это всего лишь отдельные фрагменты в мировых геополитических шахматах* (Царьград, 13.04.2023).

Бесспорным представляется тот факт, что, играя в шахматы, нужно следить за действиями соперника и строго их контролировать, так как потеря бдительности может привести к поражению, что в политических текстах реализуется через угрозу ядерной войны: *Буквально вчера прозападные СМИ вбросили инфу «со ссылкой на южнокорейскую разведку», что якобы сестру Ким Чен Ы на проинструктировали, на какие кнопки нажимать на «ядерном чемоданчике». Намек «свободного мира» понятен — нужно отобрать у северокорейцев этот чемоданчик. Теперь уже в сюжетах появилась и Россия. Учитывая «любовь» Вашингтона к геополитическим шахматам, вполне можно ожидать, что КНДР вскоре может стать новой точкой напряжения. Однозначно, России и Китаю нужно не терять бдительность* (Царьград, 02.04.2023).

Анализ показал, что оформление исследуемого слота в виде риторического вопроса, не требующего ответа, служит дополнительным стилистическим приемом для фиксации политического решения — выхода из заключенной сделки: *Игра в геополитические шахматы? Индия прекращает экспорт риса на фоне выхода России из зерновой сделки* (Царьград, 23.07.2024).

Слот «внутренняя политика — это шахматы» рассматривается с позиции внутриполитического противостояния, где противниками зачастую становятся власть и народ: *«Украина для власти — это большие геополитические шахматы»* (<https://t.me/www.newsinfo.ru>, 24.09.2024), *Война для Зеленского — это в шахматной партии перевернуть доску* (Царьград, 11.10.2022).

Наиболее актуальным и продуктивным с точки зрения конструирования метафорических моделей на сегодня представляется слот **«военные действия — это шахматная партия»**, что определяется современными социополитическими реалиями. Так, метафорическая экспликация военных действий описывается как шахматная партия, имеющая неодинаковый набор шахматных фигур: *Президент Украины Владимир Зеленский заявил, что конфликт в Донбас-*

се похож на **шахматную партию**, где Киев играет белыми и без половины фигур (<https://t.me/www.mk.ru>, 20.05.2021).

Особое место занимает акцентирование внимания на затяжном характере игры с перемещением фигур на шахматной доске: **российско-украинский конфликт напоминает затяжную шахматную партию**, в которой за столом находятся Владимир Путин и Джо Байден, которые активно «проверяют» друга, **убирают фигуры**, но не хотят **мата** друг другу. Так, Байден **ведет стратегию** «вечной войны» с Россией, рассчитывая, что та не выдержит и он дожидается **уступок**. Киев он держит «в режиме ожидания» и не дает необходимого оружия, которое могло бы «**поставить** Путину **мат**». В то же время российский лидер использует «**отсрочку**», «чтобы поставить на поле боя Украины **ладьи, коней и слонов**», считают авторы. Под фигурами они подразумевают гиперзвуковую баллистическую ракету X-47M2 «Кинжал» и прочие (<https://tigrm.ru/channels/news>, 16.03.2023).

Отметим, что почти каждая сфера социально-политической жизни общества подвергается метафорическому восприятию, в том числе и сфера экономики, что реализовано в слоте «**экономическая сфера — это шахматная партия**». Сама по себе сфера экономики не может являться шахматной партией, так как представляет собой разноуровневую систему со своими параметрами, но аналогия с шахматами достигается за счет многомерной деятельности и необходимости прогнозирования развития событий. Например, при заключении сделок и договоров о международном сотрудничестве, как и в шахматах, приходится держать в голове десятки различных вопросов, сопоставлять их и обдумывать, как один ход влияет на другой. Характерным при этом является ограниченный набор атрибутивов, лежащих в основе моделирования слота «**экономическая сфера — это шахматная партия**». Выделим наиболее частотные:

– **газовые шахматы**: «Газовые шахматы» в США. Белый дом придумал новый вариант «договорняка» с Ираном (<https://lenta.ru>, 29.11.2023); **Газовые шахматы**: США и Россия делят латвийский Инчукалнс. В конце этой недели в Латвийской национальной библиотеке встретятся суперпрофессионалы шахмат. За **шахматными фигурами** прячутся национальных интересы двух держав (<https://t.me/u103news>, 09.07.2019);

– **нефтяные шахматы**: **Нефтяные шахматы**: Ямал делает «ход конем» (<https://lenta.ru>, 19.01.2023);

Нефтяные шахматы. За последнее время структура Тимченко провели ряд сделок, стремясь увеличить влияние на нефтяном рынке России (<https://t.me/s/interfaxonline>, 01.06.2021);

– **финансовые шахматы**: «18% годовых: Как ЦБ РФ играет в **финансовые шахматы** с инфляцией (и почему это важно для вашего кошелька)» (<https://lenta.ru>, 26.07.2023).

Кроме выделенных групп, данный слот формируют атрибутивы, обозначающие государство, лидирующее в той или иной сфере международной экономики: Эрдоган **вновь связал «российские шахматы»** с торговлей нефтью с ИГ (<https://www.mk.ru>, 22.12.2021); На нефтяном рынке играют в **китайские шахматы**. Модель ситуации, сходной с той, что сложилась на рынке нефти, существует в древних китайских шахматах: **игроки — втроем — должны делать свои ходы с каменными лицами. Выигрывает один**, но во время игры каждому игроку приходится делать ходы то в коалиции с партнером справа, то с партнером слева (https://t.me/vzglyad_ru, 30.03.2021).

Фрейм «**политические решения** — это результат шахматной игры» не является однородным и включает в себя следующие слоты: «политическое решение — это гамбит»; «политические действия — это цугцванг»; «политический успех — это ход конем», «утрата власти — это шах и мат», «смена политических фигур — это рокировка». Проведем анализ каждого из представленных слотов.

Слот «**политическое решение — это гамбит**» в силу современных политических реалий является весьма частотным. **Гамбит** предполагает тактический прием, при котором одна из сторон в интересах скорейшего развития, захвата центра или просто обострения игры жертвует чем-либо, в шахматной партии — обычно пешкой. В политике в метафорическом значении **гамбит** характеризует политическое решение, рассматриваемое в качестве определенной жертвы ради быстрого поиска выхода в политических вопросах, при этом в качестве «жертвы» могут быть субъекты и объекты, входящие в различные тематические группы:

– **военнослужащие**: Союзники Украины заставили Зеленского пожертвовать более чем 400 тысячами украинцев «в неуспешном **гамбите** НАТО». Об этом в соцсетях написал бывший разведчик США Скотт Риттер. Эксперт уверен, что поставки истребителей никак не изменят плачевное положение ВСУ (Крымфорум, 21.08.2023); Херсон станет уже некой Российской военной базой для новой наступления

тельной кампании. Произойдет некий **«гамбит»**, когда Офис Президента бросит все силы, наткнется на «волнорезы», понесет потери и получит встречный контрудары (Крымфорум, 18.10.2022);

– **мирные жители**: Мы понимаем, что шансы на то, что нынешнее руководство ХАМАСа выживет в этот раз — равны почти нулю. Шансы того, что ХАМАС сможет возродиться в Газе — они тоже близки к нулю. А это значит, что они жертвуют настоящим ради чего-то в будущем, а мы даже не знаем, ради чего они жертвуют тысячами жертв среди гражданских, которые их поддерживали. Или не поддерживали. Зачем они **сыграли в Гамбит?** (Соловьев.live, 16.10.2023);

– **денежные средства**: Что совершенно непонятно, так это зачем спикеру Джонсону пытаться выручить Байдена сейчас, в условиях полного, катастрофического фиаско. Настолько неразумно голосовать за выделение любых денег с любой обоснованной точки зрения — кроме узкополитических интересов президента США. Это чисто **политический гамбит**, чтобы протянуть до ноября (Соловьев.live, 19.04.2024);

– **обвинения в причинении вреда**: Владимир Зеленский до сих пор безуспешно подталкивал Запад к активному военному вмешательству на Украине. «Его **последний гамбит** — призвать администрацию Байдена объявить Москву государственным спонсором терроризма. Есть только одна проблема с этой идеей: Россия не является государством, спонсирующим терроризм», — пишет уже в начале своего материала аналитик Дуг Бэндоу, в прошлом помощник президента США Рональда Рейгана (Соловьев.live, 12.08.2022).

Отметим, что данный слот зачастую реализуется в резко негативной коннотации и описывает трагические события, повлекшие за собой жертвы, при этом стремление выиграть шахматную партию может превратиться в смерть для всех участников: Коллективный Запад просто игнорирует преступления киевского режима, еще раз доказывая, что мир на Украине ему на самом деле не нужен. Нашим оппонентам важно сохранять напряжение вблизи российских границ ценой жизни вот таких мальчишек, стариков и женщин. На геополитической шахматной доске Брюссель и Вашингтон пытаются **разыграть кровавый гамбит**, вряд ли отдавая себе отчет, что **выигрышной эта партия быть не может...** (Соловьев.live, 04.04.2022)

Слот **«политические действия — это цугцванг»** в метафорическом смысле рассматривается как любое политическое дей-

ствие или бездействие, ухудшающее ситуацию, что часто в текстах СМИ описывается буквально, с прямым называнием участников событий, повлиявших на ухудшение положения: **Цугцванг Набиуллиной**: Центробанк попал в тупик. Каждое новое действие Центробанка будет еще сильнее **ухудшать ситуацию** в экономике (Царьград, 21.06.2024). Весьма частотными являются примеры, иллюстрирующие грамотно выстроенную шахматную партию, которая все равно приводит в тупик участников игры: Очевидно, что состоявшийся обмен стал самым масштабным в новейшей истории. Он — результат филигранной работы наших ведомств и их зарубежных «партнеров». Это была очень **трудная шахматная партия**, которая проводилась по лучшим учебникам, длилась утомительно долго и подчас, казалось, уходила в цугцванг. Нужно было настаивать на наших целях, в то же время не **заводя ситуацию в тупик** (Соловьев.live, 04.08.2024).

Весьма частотен политический цугцванг, основой которого служит безвыходность ситуации для политического лидера, не имеющего возможности оказать помощь своим соотечественникам: Но самый главный маркер, который отражает истинное положение дел в «государстве 404» — это обращение Зеленского к беженцам, в котором он просит их не возвращаться обратно. Именно этот пункт заставляет экспертное сообщество на Западе переходить в состояние, близкое к панике. Потому что он означает, что пока еще действующая украинская власть не может обеспечить «базовые инфраструктурные услуги» даже тем несчастным, кто до сих пор не успел или не смог уехать из «Незалежной». А если еще и какое-то количество бежавших примет решение вернуться, то вся инфраструктура встанет и будет парализована. Таким образом, киевская хунта оказалась загнанной в **цугцванг**. Ну так к этому давно все шло (Соловьев.live, 19.12.2022).

Данный слот весьма активен для политических медиатекстов, так как может означать различные действия, повлекшие еще больше проблем как для политического субъекта, так и для его окружения. В основе данного образа лежат следующие факты:

– **снижение рейтинга**: Сенатор Перминов: Зеленский находится в политическом **цугцванге**. Заявление Владимира Зеленского о подготовке в этом году базы для завершения конфликта — прямое следствие падения его рейтингов, Киев находится в политическом **цугцванге** (https://t.me/s/rian_ru, 04.08.2024);

– **непрофессионализм**: «Турецкий» **цугцванг** для США. Соединенные Штаты делают очередную попытку решить «турецкую» проблему, точнее — целый комплекс проблем, завязанных на Турцию и ее не желающее подчиняться распоряжениям из-за океана руководство. Вот только действуют американцы настолько неловко и непрофессионально, что остается только удивляться (https://t.me/s/rrian_ru, 26.05.2021);

– **безуспешные попытки наладить отношения**: **Цугцванг** в отношениях РФ-ЕС: **шах и мат** Боррелем не получился. Перегрузка отношений Москвы и западных столиц неизбежна, но в ближайшее время она не состоится (<https://t.me/+1q45XGn4m9NIMtIy>, 14.02.2021);

– **тупик при ведении военных конфликтов**: **Израиль попал в цугцванг**. Нет никакого хорошего хода, нет возможности одержать победу. Даже возможности «продать» исход войны как победу собственному населению, по-видимому, почти исчерпаны. Дело тут вот в чем. Наземная операция в Газе, в зоне плотной городской застройки, проще говоря, в полуразрушенном городе, обернется многомесячными тяжелыми боями и большими потерями (Царьград, 24.10.2023); **Цугцванг для Запада**. Россия сделала идеальный ход. Пока ещё понимание того, что победить Россию у коллективного Запада не получится не является мейнстримом на англоязычных площадках. Но начало, как говорится, положено (Царьград, 10.07.2023); Увязнув в «медийной логике» конфликта, **Киев сам себя загнал в жутковатый цугцванг**. С одной стороны, армейские подразделения не могут покинуть город, которому уже придали сакральное значение. Такой шаг, логичный для военных, привёл бы к снижению зарубежной поддержки и поставок вооружений, необходимых для ведения войны (RT на русском, 04.04.2023);

– **слабость при ведении политического диалога**: Можно ли помочь сербам? Увы, десятилетия нескончаемых уступок Западу сделали своё дело. На наш взгляд, **нынешняя позиция Белграда — это цугцванг**, оттягивание неизбежного (RT на русском, 12.12.2022).

Слот «**политический успех — это ход конем**» активно реализуется в текстах политических СМИ, демонстрируя особенности социополитических реалий. Выполняя данный шахматный ход, игрок внезапно обретает преимущество в решении сложной задачи, что может сбить с толку противника и создать условия для скорой и неожиданной для окружающих победы: Прекрасно пони-

мая, что русские так просто поставки леса не возобновят, особенно после всего, что наговорили европейцы на саммите НАТО в Вильнюсе, ЕС решил **делать «ход конем»** и зайти со стороны ВТО. Всемирная торговая организация, дескать, может обязать русских поставлять лес. Но на такие ультиматумы, и в глубине души европейцы это понимают, Россия может просто **начхать** (Царьград, 15.07.2023).

Известно, что в шахматной партии **ход конем** — это решительное действие или неожиданный хитрый ход, в корне меняющий ситуацию, что находит отражение в медиа-текстах, описывающих находчивый, прекрасно спланированный шаг, ставший переломным и в конечном итоге решающим, изменившим исход игры. Отметим, что неожиданность и решительность в контекстах подчеркиваются посредством реализации глагола «выскочить»: Командир интернациональной бригады «Пятнашка» Ахра Авидзба из Курской области: Других раскладов быть не может, как бы они сюда не стремились это агония. Пал Нью-Йорк, Авдеевское направление сыпалось они решили **сделать ход конем, выскочить!** Но мы же помним, как закончилось на Белгородском направлении — то же самое будет и здесь (Соловьев.live, 10.08.2024).

В шахматах конструкция **ход конем** определяется как передвижение определенной фигуры способом, кардинально отличающимся от движения остальных фигур (конь ходит буквой «Г», а также может совершать ход даже при условии присутствия на своем пути других фигур, что осложняет наблюдение за ним и делает его удары менее предвидимыми), что находит отражение в следующем примере: По информации «Financial Times» с новыми санкциями ЕС против России «покончено». Предел достигнут. Дальнейшие попытки ужесточить рестрикции будут серьезным образом «затрагивать ключевые интересы стран Евросоюза». Ведь как действуют эти лицемерные твари «цивилизованные» европейские бюрократы? Они стараются, чтобы санкции не касались тех отраслей российской экономики, которые критически важны для «евросоюзной братии». Так может пора уже **сделать ход конем** и ввести контрсанкции по всем этим наиболее уязвимым для неуважаемых «партнеров» направлениям (Соловьев.live, 20.04.2023).

Отметим, что более свободно и гибко перемещаться по шахматной доске, кроме коня, может король, что подчеркнуто в следующем примере: Сегодня, пишет The Guardian, прокурор Международного уголовного

суда Карим Хан на конференции в Лондоне, организованной Великобританией и Нидерландами, выпрашивал денег для расследования военных преступлений на Украине. Конечно, «выпрашивал» звучит грубо, тем более учитывая, что конференция была как раз посвящена проблеме финансирования МУС. Но Хан, зная, что денег ведомству могут не дать, заранее, что называется, подсуетился и сделал **ход даже не конем, а сразу королем** — выдал ордер на арест Владимира Путина. Что было полной неожиданностью не только для мирового сообщества, но в большей степени для политических конкурентов Гаагского суда (Царьград, 21.03.2023).

В метафорическом смысле конструкция **ход конем** может обозначать неожиданное, продуманное действие человека или группы лиц, непредсказуемое и не поддающееся прогнозу: Некоторые участники скандальной «голой вечеринки», попавшие под давлением общественности под запрет, не оставляют надежды вернуться и на экраны, и на сцену. Кое-кто решил сделать эдакий **ход конем** — показать всем, что, мол, они вовсе не такие, как про них думают (Царьград, 22.01.2024).

В шахматной партии **ход конем** сложно просчитывать наперед, поэтому наличие данной фигуры на доске ценится весьма высоко: у соперника не хватает времени предотвратить нападение, а от шаха, сделанного конем, невозможно закрыться, что логично вплетено в содержание следующего примера: **Шахматная ловушка в дебюте сработала**. Так можно охарактеризовать реакцию противоположной стороны на логичные предложения России накануне конференции в швейцарском Бюргенштоке. Так называемый «саммит мира» дал понять, мол, «сами мы мира, может, и хотим, но нам нельзя». Впрочем, Владимир Путин, сделавший сегодня интересный **ход конем**, все это, сразу после озвученного предложения, сам же и объяснил: «Опасность для Европы исходит не от России. Главная угроза для европейцев — в критической и все возрастающей, уже практически тотальной зависимости от США» (Соловьев.live, 15.06.2024).

Слот **«утрата власти — это шах и мат»** предполагает ситуацию, когда непродуманные действия приводят к безвыходному положению, что чаще всего находит отражение при характеристике деятельности политических лидеров: **Шах и мат**: Азаров напомнил, что Верховная Рада скоро станет «просроченной». В конце августа истекает срок действия украинского парла-

мента, Владимир Зеленский довел страну до полной утраты глобальной власти (https://tttt.me/ukraina_ru, 18.07.2024). Отметим, что зачастую соперники боятся поставить короля под угрозу, опасаясь ситуаций, требующих немедленного реагирования: **«Шах и мат Киеву»: раскрыт страх Зеленского к переговорам с Россией** (<https://www.mk.ru/telegram>, 17.01.2022). Однако, как правило, **шах и мат** свидетельствуют о неопровержимой стратегической победе: **Сирия: Шах и мат Трампа в пользу США и Израиля? В пользу кого сработает «хитрый план Трампа» в Сирии, ясно уже сегодня. Во всяком случае, не в пользу курдов** (<https://t.me/+bgLJolwKUukzYWQy>, 09.10.2021); **Американский эксперт: Путин поставил Порошенку «шах и мат»**. По его словам, президент России опережает все ходы правительства Украины (<https://t.me/+bgLJolwKUukzYWQy>, 14.09.2024).

Слот **«смена политических фигур — это рокировка»** иллюстрирует ситуацию, при которой происходит перестановка ключевых фигур на политическом поле без их кардинальной замены (могут меняться должности, однако фигуры остаются на местах): **Предвыборная рокировка: зачем меняются должностями премьер Грузии и глава правящей партии** (https://t.me/s/tass_agency, 02.02.2024); **Украина проводит крупнейшую правительственную рокировку с начала боевых действий** (<https://t.me/+1q45XGn4m9NIMTIy>, 04.09.2024); **Рокировки по-украински: Порошенко отставил Кличко, а Зеленский — соратников бывшего президента** (<https://t.me/+bgLJolwKUukzYWQy>, 31.05.2021). Отметим, что **шахматная рокировка** необходима с целью уберечь короля от опасности, позволяя ввести в игру более сильную фигуру, однако в текстах политических СМИ цели рокировок не всегда известны и, в отличие от шахмат, чаще всего не несут пользы политическому лидеру либо не решают проблему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликтность современной геополитики, необходимость использования широкого арсенала возможностей для достижения определенных геополитических целей приводит к необходимости метафорического моделирования мира политики через спортивную метафору, в основе которой, как и в актуальных социополитических реалиях, лежит соревновательный момент, стремление нанести поражение сопернику, желание подготовить верную стратегию для каждого хода и просчитать все потенциальные возможности противника. Именно данный тезис убе-

дительно демонстрирует актуальность и значимость метафорической модели «*Политика — это шахматная партия*», реконструированной в нашей статье на основе фреймовой структуры. Проведенный анализ позволяет заключить, что исследуемая метафорическая модель базируется на двух фреймах: «*политические события — это геополитические шахматы*» и «*политические решения — это результат шахматной игры*», — глубоко и полно отражающих особенности внешней и внутренней политики государств и политических организаций. В статье демонстрируется, что метафорическое моделирование шахматной партии происходит с опорой на слова (*шахматы, пешка, гамбит, цугцванг, шах, мат* и т. д.) и конструкции (*сделать ход конем, шахматная доска, шахматная партия* и т. д.), реализованные на уровне вторичной номинации и демонстрирующие особенности современной геополитики как элементы шахматной игры.

Проведенный анализ позволяет заключить, что современные политические реалии, отраженные в медиапространстве посредством метафорической модели «*Политика — это шахматная партия*», представляют собой систему политических шагов, направленных на дискредитацию соперника и достижение политических целей. Комплексный и системный анализ метафорических моделей с интегральным компонентом 'спортивные состязания' позволит выявить семантико-прагматические и манипулятивные особенности языковых единиц, формирующих актуальное медийное поле, и проследить специфику их экспликации с учетом актуальных геополитических событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Политическая метафора в невербальных семиотических системах / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — № 18. — С. 57–66.
2. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2020. — № 2 (25). — С. 103–113.
3. Буцева, Т. Н. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 2 т. / Т. Н. Буцева [и др.]. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009–2014. — Т. 2. — 1392 с. — Текст : непосредственный.
4. Ворошилова, М. Б. Юмор и ирония в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2015. — 252 с. — Текст : непосредственный.
5. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 194 с. — Текст : непосредственный.
6. Галайда, Е. Ю. Роль лексики в формировании стереотипов в текстах теленовостей на примере освещения украинского конфликта / Е. Ю. Галайда, В. В. Антонова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. —

№ 91 (1). — С. 20–26. — https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_01_02.

7. Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник — зоонимы) / А. И. Золотайко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1. — С. 65–71. — <https://doi.org/10.26170/pl19-01-07>.

8. Милованова, С. О. Влияние невербальных средств коммуникации на восприятие газетных текстов / С. О. Милованова. — Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2009. — № 2. — С. 258–261.

9. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. — 282 с. — Текст : непосредственный.

10. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58–70.

11. Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста / Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Филология и человек. — 2016. — № 2. — С. 107–115.

12. Пономаренко, И. Н. Асимметричная основа антитезы с оппозицией свой / чужой в современных медиатекстах / И. Н. Пономаренко, В. А. Крыжановская, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 111–116.

13. Серова, С. А. Ключевые слова текущего момента как маркеры времени в языке массовой коммуникации новейшего периода / С. А. Серова. — Текст : непосредственный // Медиакультура цифровой эпохи: состояние, проблемы, перспективы. — Тамбов : [б. и.], 2022. — С. 115–132.

14. Сперанская, А. Н. «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона / А. Н. Сперанская. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8, № 1. — С. 102–114.

15. Тимофеев, С. Е. Составное наименование вежливые люди в современном политическом и масс-медиа дискурсе / С. Е. Тимофеев. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 5. — С. 236–244.

16. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

17. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

18. Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 2 (28). — С. 63–67.

19. Шушарина, Г. А. Языковая актуализация региональной идентичности (на материале интернет-ресурсов) / Г. А. Шушарина. — Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2018. — № 1 (4). — С. 224–232.

REFERENCES

1. Budaev, E.V. (2006). Politicheskaya metafora v neverbal'nykh semioticheskikh sistemakh [Political metaphor in non-verbal semiotic systems]. *Political Linguistics*, 18, 57–66. (In Russ.)
2. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2020). Sovremennaya rossiyskaya politicheskaya metaforologiya (2011–2020 gg.). Modern Russian political metaphorology (2011–2020). *Philological class*, 2(25), 103–113. (In Russ.)
3. Butseva, T.N. (2009–2014). *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* [New Words and Meanings: a Dictionary-Reference Book on the Materials of the Press and Literature of the 90s of the XX century] (Vol. 2). St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1392 p. (In Russ.)
4. Voroshilova, M.B., Ruzhentseva, N.B., & Shustrova, E.V. (2015). *Yumor i ironiya v politicheskom diskurse* [Humor and irony in political discourse]. Yekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 252 p. (In Russ.)

5. Voroshilova, M.B. (2013). *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to reading]. Yekaterinburg: Ural State Ped. Univ., 194 p. (In Russ.)
6. Galayda, E.Yu., & Antonova, V.V. (2022). Rol' leksiki v formirovaniy stereotipov v tekstakh telenovostey na primere osveshcheniya ukrainskogo konflikta [The Role of Lexicon in the Stereotypization of TV News Texts on the Example of the Ukrainian Conflict Coverage]. *Political Linguistics*, 91(1), 20–26. (In Russ.)
7. Zolotayko, A.I. (2019). Metaforicheskoe modelirovanie obraza politicii v diskurse obshchestvennogo mneniya SShA (sfera-istochnik — zoonimy) [Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Public Opinion Discourse of the USA (Source-domain — Zoonyms)]. *Political Linguistics*, 1, 65–71. (In Russ.)
8. Milovanova, S.O. (2009). Vliyanie neverbal'nykh sredstv kommunikatsii na vospriyatie gazetnykh tekstov [Influence of non-verbal means of communication on the perception of newspaper texts]. *Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences*, 2, 258–261. (In Russ.)
9. Mishankina, N.A. (2010). *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?] Tomsk: Publishing House of Vol. Univ, 282 p. (In Russ.)
10. Moskvina, V.P. (2001). Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: systemic connections, functions and methods of education]. *Problems of Linguistics*, 3, 58–70. (In Russ.)
11. Nakhimova, E.A., & Chudinov, A.P. (2016). Pretsedentnye fenomeny kak dominanta idioshtila publitsista [Precedent Phenomena as a Dominant of the Publicist's Idioshtyle]. *Philology and Man*, 2, 107–115. (In Russ.)
12. Ponomarenko, I.N., Kryzhanovskaya, V.A., & Segal, N.A. (2020). Asimmetriynaya osnova antitezy s oppozitsiei svoi / chuzhoi v sovremennykh mediatekstakh [Asymmetric basis of the antithesis with the opposition “us” / “alien” in modern media texts]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 3, 111–116. (In Russ.)
13. Serova, S.A. (2022). Klyuchevye slova tekushchego momenta kak markery vremeni v yazyke massovoy kommunikatsii novejshego perioda [Keywords of the current moment as markers of time in the language of mass communication of the newest period]. In *Mediakul'tura cifrovoy epohi: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Media culture of the digital age: state, problems, prospects] (pp. 115–132). Tambov. (In Russ.)
14. Speranskaya, A.N. (2021). “Slovo goda” i “klyuchevaya situatsiya”: o popolnenii aktual'nogo leksikona [“Word of the year” and “key situation”: on the replenishment of the current lexicon]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative research], 8(1), 102–114. (In Russ.)
15. Timofeev, S.E. (2018). Sostavnoe naimenovanie veshchivye lyudi v sovremennom politicheskom i mass-media diskurse [Compound name polite people in modern political and mass media discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 5, 236–244. (In Russ.)
16. Shmeleva, T.V. (2009). Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta. Politicheskaya lingvistika [Crisis as the key word of the current moment]. *Political linguistics*, 2(28), 63–67. (In Russ.)
17. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Yekaterinburg, 248 p. (In Russ.)
18. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, 238 p. (In Russ.)
19. Shusharina, G.A. (2018). Yazykovaya aktualizatsiya regional'noy identichnosti (na materiale internet-resursov) [Language actualization of regional identity (based on Internet resources)]. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 1(4), 224–232. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.112.2'42+811.112.2'38+81'27
ББК ШП43.24-51+ШП43.24-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6 (германские языки)

Мария Анатольевна Шаманская^{1✉}, Оксана Сергеевна Шарманова^{2✉}

¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, mary-sch@yandex.ru[✉], SPIN-код: 1873-1064, <https://orcid.org/0000-0001-5896-058X>

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, oxana1709@mail.ru[✉], SPIN-код: 5686-3231, <https://orcid.org/0009-0005-3654-0513>

Функции стереотипов в немецкоязычном миграционном дискурсе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению языковой репрезентации стереотипов в немецкоязычном миграционном дискурсе на материале текстов речей политиков и аналитических статей. Миграционная политика относилась к важнейшим темам предвыборной борьбы в Германии в 2025 г. Целью исследования является выявление функционального потенциала стереотипов как средства конструирования и передачи мнения, применяемого политиками для формирования отношения общественности к значимым событиям. Теоретически настоящая работа базируется на понимании миграционного дискурса как разновидности политического дискурса и на теории стереотипа как когнитивной единицы. Научная новизна исследования заключается в предложенной методологии рассмотрения функциональной составляющей стереотипов, которая основана на последовательном рассмотрении языковых средств выражения стереотипов, присущих этим стереотипам признаков и функций, выполняемых стереотипами в политической дискуссии. Нами рассматриваются стереотипы, относящиеся к мигрантам, а также Германии и ее гражданам. В результате выявлены и описаны характеристики названных стереотипов, соотносящиеся с дихотомическими функциями политического дискурса, которые, в свою очередь, базируются на оппозиции «свой — чужой». Проведенное исследование позволило обнаружить совпадения в использовании стереотипов политическими оппонентами, что касается как содержания стереотипов, так и их функций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, миграционный дискурс, мигранты, этнолингвистика, этнические стереотипы, миграционная политика, миграционные процессы, языковая репрезентация, средства репрезентации, репрезентация стереотипов, функции стереотипов, немецкий язык, аналитические статьи, политическая риторика, политические речи, политические тексты, политические деятели, речевые жанры, речевая деятельность, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Шаманская Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; email: mary-sch@yandex.ru.

Шарманова Оксана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональных целей, Байкальский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; email: oxana1709@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаманская, М. А. Функции стереотипов в немецкоязычном миграционном дискурсе / М. А. Шаманская, О. С. Шарманова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 215-222.

Mariya A. Shamanskaya[✉], Oksana S. Sharmanova^{2✉}

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, mary-sch@yandex.ru[✉], SPIN code: 1873-1064, <https://orcid.org/0000-0001-5896-058X>

² Baikal State University, Irkutsk, Russia, oxana1709@mail.ru[✉], SPIN code: 5686-3231, <https://orcid.org/0009-0005-3654-0513>

Functions of Stereotypes in the German Migration Discourse

ABSTRACT. The paper studies the linguistic representation of stereotypes in German migration discourse on the material of politicians' speeches and analytical articles. Migration policy was one of the most important topics of the 2025 election campaign in Germany. The aim of this study is to reveal the functional potential of stereotypes as a tool for design and transfer of the opinion used by politicians to form the public attitude to important events. Theoretically, the present work is based on the conception of migration discourse as a variety of political discourse and on the theory of stereotype as a cognitive unit. The scientific novelty lies in the suggested methodology of investigation of the functional constituent of stereotypes which is based on step-by-step analysis of the linguistic means of expression of stereotypes, their specific features and the functions performed by stereotypes in political discussion. The study considers stereotypes referring to migrants and Germany and its citizens. As a result, the authors have singled out and described the characteristic features of these stereotypes, correlating with the dichotomous functions of political discourse, which, in turn, are based on the opposition of "own – alien". The conducted research has made it possible to reveal coincidences in the use of stereotypes by political opponents, which concerns both content of stereotypes and their functions.

KEYWORDS: political discourse, migration discourse, migrants, ethnolinguistics, ethnic stereotypes, migration policy, migration processes, linguistic representation, representation means, representation of stereotypes, functions of stereotypes, German language, analytical articles, political rhetoric, political speeches, political texts, politicians, speech genres, speech, communication strategies, communication tactics.

AUTHOR'S INFORMATION: *Shamanskaya Mariya Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.*

Sharmanova Oksana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Professional Purposes, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

FOR CITATION: *Shamanskaya M. A., Sharmanova O. S. (2025). Functions of Stereotypes in the German Migration Discourse. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 215-222. (In Russ.).*

В настоящее время во многих лингвокультурах наблюдается возросший интерес к обсуждению темы миграции. Можно говорить о том, что это одна из самых «острых» тем в социокультурном пространстве как европейских стран, так и США и России. Предпосылкой к этому послужило вызванное социальными и экономическими потрясениями перемещение значительного количества людей в страны, не являющиеся для них родными. В свою очередь, это вызвало социальные сдвиги в принимающих странах, что требует не только принятия новых мер государственного регулирования миграции, но и формулирования этих мер в приемлемых для всех сторон терминах. Переосмысление принятого в той или иной стране взгляда на структуру общества и места в нем мигрантов также вызывает необходимость выработки механизмов вербализации результатов этого переосмысления.

В этой связи в культурно-политической жизни принимающего общества возрастает значимость миграционного дискурса. В настоящей работе миграционный дискурс понимается как разновидность политического дискурса. Особую роль в жизни общества политический дискурс начинает играть в периоды перед выборами в высшие органы власти, когда существенно возрастает интенсивность присущей ему состязательности [Шейгал 2004: 44]. В этот отрезок времени политики для укрепления своих позиций в глазах избирателей обращаются к темам, волнующих общество. Это наблюдается в отношении темы «миграция» в период с сентября 2024 г. по февраль 2025 г. в Германии. Интенсивность обращения к этой теме в немецком политическом дискурсе объясняется не только тем, что она традиционно обладает большим популистским потенциалом, но также и объективными факторами. Достаточно большое количество переселенцев и сложности интеграции мигрантов в немецкое общество породили рост социальной напряженности и его трагические проявления в форме актов насилия, не являющихся единичными. В этих условиях выражение позиции и планов в отношении регулирования миграционных процессов становится приемом политической борьбы партий за количество мест в парламенте.

При использовании данного приема большое значение имеет оперирование тем, что Т. ван Дейк называет «ментальными моделями социальных событий» [ван Дейк 2015: 90]. К числу данных ментальных моделей, по нашему мнению, принадлежат стереотипы, т. е. сложившиеся в определенных социальных группах устойчивые мнения о некоторых объектах. Этностереотипы как (обычно оценочные) убеждения относительно характеристик, присущих представителям определенных национальностей, достаточно давно изучаются как в социальных науках, так и в лингвистике [Постерняк 2024]. Фокус настоящего исследования составляют не этностереотипы как таковые, но функции, выполняемые стереотипами в политическом дискурсе в условиях предвыборной борьбы. Мы не ограничиваемся рассмотрением исключительно этностереотипов, но исходим из того, что в миграционном дискурсе обнаруживаются стереотипы о всех его участниках. В данной работе рассматриваются стереотипы о собственно мигрантах и о представителях принимающего общества, а также о стране в целом. Необходимо оговорить, что названные акторы не являются гомогенными сущностями. Говоря о «мигрантах» в целом, нужно принимать во внимание тот факт, что они представляют различные группы в зависимости от страны или региона происхождения, сферы занятости и степени интеграции в немецкое общество. Также и «немецкое общество» (autochthonous peoples в терминологии Т. ван Дейка) [van Dijk 2018] образовано совокупностью взаимодействующих групп с их собственными ценностями и установками. Однако природа стереотипа требует обобщения, что мы и рассмотрим в ходе последующего анализа примеров.

Исходя из изложенного выше, мы формулируем цель настоящего исследования следующим образом: выявление функционального потенциала стереотипов, выраженных языковыми единицами в миграционном дискурсе Германии накануне парламентских выборов 2025 г. Данная цель предполагает решение следующих задач: выделение языковых средств выражения стереотипов в рассматриваемом дискурсе; выявление на этой основе актуальных признаков стереотипов; определение выполняемых ими функций.

Можно утверждать, что характерной чертой современных дискурсивных исследований является некоторая «размытость», неопределенность самого понятия «дискурс» [Карасик 2002; Макаров 2003; van Dijk 2018]. Эта неопределенность является закономерным следствием сложности сущности дискурса как «текста в ситуации реального общения» [Карасик 2002: 198] и многообразием направлений его изучения. Многообразие наблюдается также и в выделении типов дискурса. В настоящей работе мы ориентируемся на объектный подход, при котором определяющим критерием для выделения определенного типа дискурса является его тема [Зубарева 2019: 37]. Термин «миграционный дискурс» является достаточно устойчивым в лингвистике. Мы разделяем понимание миграционного дискурса как части дискурса политического [ibid.], а это предполагает, что сущностные характеристики политического дискурса относятся и к миграционному дискурсу. К таковым можно отнести такие релевантные для нашего исследования качества, как смысловая неопределенность, позволяющая использовать его элементы в различных, зачастую противоположных целях [Шейгал 2004: 66], полидискурсивность [Шустова 2020], манипулятивность [Isakova 2024]. Последняя достигается путем использования политических импликаций и пресуппозиций, опирающихся на некоторые ментальные модели, закрепленные в сознании целевой аудитории [van Dijk 2018]. Частным случаем таких ментальных моделей, по нашему мнению, является стереотип.

Под стереотипом понимается «общепринятое (часто предумышленное) представление (которое может быть совершенно неточным) о том, на что похож, чем является и как ведет себя X» [Патнэм 1999: 207]. Стереотипы относятся не только к людям и социальным явлениям. Однако можно утверждать, что изучение именно таких стереотипов вызывает наибольший интерес как в социальной науке, так и в лингвистике вследствие ее антропологического характера. Кроме того, именно таким стереотипам присуща оценочность, не являющаяся, строго говоря, необходимой составляющей любого стереотипа. Согласно основоположнику теории стереотипов У. Липпману, процессы стереотипизации укоренены в человеческом сознании, что связано с экономией усилий по обработке информации и помогает людям ориентироваться в мире [Липпман 2004: 103]. Обращение к этим «точкам ориентации» в нашем сознании является распространенным приемом политической борьбы [Wodak 2007: 205].

Е. Бартминьский выделяет такие виды стереотипов, как а) образ (представление о том, каким на самом деле является некто); б) образец (представление о том, каким он должен быть с точки зрения норм, признаваемых говорящим); в) мифологическое представление (о сверхъестественных существах в широком смысле этого слова); г) идеологические стереотипы (о социальных ситуациях и явлениях) [Бартминьский 2005: 167–168]. Структуру стереотипа как ментальной единицы можно представить в виде комплекса признаков. Эти признаки группируются исследователями по аспектам (фасетам), что позволяет описать стереотип в совокупности его характеристик [ibid.: 211–212].

Необходимо отметить, что стереотип не является жесткой структурой. Несмотря на то, что стереотипы коренятся в традиционном взгляде на действительность, они подвержены изменениям, на что влияет как личный опыт носителя стереотипа, так и социально-культурная среда. Можно утверждать, что при достаточной стабильности ядерных признаков стереотипа для этой ментальной единицы характерна способность к модификациям. В тот или иной период времени определенные признаки стереотипа воспринимаются как наиболее актуальные, существенные, в то время как другие признаки уходят на задний план. Сознательное оперирование этим процессом, сознательная акцентуация некоторых признаков стереотипа открывает возможности для использования его в целях воздействия на мнение аудитории.

В целях выявления стереотипов нами была произведена выборка примеров языковых средств их выражения в текстах миграционного дискурса. При определении того, что является миграционным дискурсом, понимаемым как часть политического дискурса, мы исходим из широкой трактовки последнего термина, включающей в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения. При таком подходе отмечается сращивание политического дискурса и дискурса массмедиа [Шейгал 2004: 45]. Соответственно, источниками примеров для настоящей работы в качестве фрагментов миграционного дискурса послужили как тексты речей политиков, так и статьи политических обозревателей, опубликованные в СМИ. В нашем анализе мы ограничиваемся содержательной составляющей дискурса в понимании В. И. Карасика [Карасик 2002: 201].

Комплексная методика анализа языковых средств выражения стереотипов, предложенная Е. Бартминьским, включает в себя несколько шагов: анализ данных, закреп-

ленных в системе языка, анализ анкетных данных и анализ данных, выявляемых в текстах [Бартминьский 2005: 191–192]. Последний тип анализа является ведущим в настоящей работе в силу специфики поставленной в ней проблемы, поскольку позволяет зафиксировать актуальное проявление стереотипов в момент их функционирования в дискурсе. Также мы обращаемся к данным, закрепленным в словарных толкованиях выражающих стереотипы лексем, т. е. к кодифицированной информации.

При выборке примеров мы опирались на широкое понимание того, что можно рассматривать как языковое средство выражения стереотипа. При таком подходе стереотипы в языке могут быть представлены такими элементами, как предложения и словосочетания, лексические и фразеологические единицы, фонетические и графические особенности [Rümpel-Mader 2010: 69–73].

Анализ фактологического материала позволяет выделить признаки стереотипа, проявляющиеся при его актуализации в дискурсе. Отметим, что мы не ставили перед собой цель конструирования, например, такого стереотипного образа, как «мигрант», или такого идеологического представления, как «мультикультурализм», во всей их полноте. Данная цель предполагает более масштабное исследование и лежит за рамками этой работы. В соответствии с поставленной целью мы сосредоточились на выявлении признаков стереотипов, релевантных для выполнения ими конкретных функций в рамках миграционного дискурса.

Ориентиром для определения функций дискурса послужила концепция Е. И. Шейгал, выводящей группы функций политического дискурса из его базовой функции борьбы за власть. Наиболее значимым для настоящей работы является выделение функций ориентации, интеграции и агональности [Шейгал 2004]. С прагматической точки зрения функция интеграции связана с положительной эмотивностью, функция агональности (агрессии) — с отрицательной эмотивностью, функция ориентации эмотивно нейтральна. Рассмотрение нами именно дихотомических функций интеграции и агональности обусловлено тем, что они базируются на оппозиции «свой — чужой», ключевой для миграционного дискурса и для стереотипов, связанных с социальной реальностью (например, этностереотипов). Под интеграцией понимается как групповая идентичность, так и солидарность, одобрение, принятие, согласие включить некое лицо в группу «своих» или признать некие мнения, убеждения, оценки «своими». Аго-

нальность — это ограничение «чужих» от «своих», неодобрение, умаление значимости, агрессия. Ориентация в этой системе является точкой отсчета, в которой происходит номинация явлений и акторов социальной реальности. Автор отмечает гибкость и подвижность этой системы, в результате чего функциональная окраска одних и тех же знаков может смещаться от нейтральной точки к эмотивным полюсам [ibid.: 175–176]. Интеграционная и агональная функции соотносимы с аспектами, выделяемыми другими исследователями миграционного дискурса: с позитивной и негативной репрезентацией его акторов [van Dijk 2018] или с кооперативной и конфликтной стратегиями дискурса [Шустова 2020]. В настоящей работе мы придерживаемся терминологии Е. И. Шейгал.

Таким образом, метод дискурс-анализа в настоящей работе дополняется методами интент-анализа, контекстуального и лингвокультурологического анализа.

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ МИГРАНТОВ

29 января 2025 г. кандидат на пост канцлера Германии Фридрих Мерц выступил в бундестаге с программной речью о необходимости ужесточения миграционной политики в Германии. Поводом послужили случаи массовых насильственных действий со стороны мигрантов по отношению к случайным людям. Последним на тот момент примером было нападение со смертельным исходом на группу воспитанников детского сада в г. Ашаффенбург, совершенное выходцем из Афганистана.

Обращаясь к депутатам бундестага, политик избегает характеристики мигрантов как таковых, ограничиваясь описанием их действий: *Dann müssen spätestens nach Magdeburg und nach Aschaffenburg jetzt endlich wirksame Entscheidungen gegen den Zustrom illegaler Flüchtlinge nach Deutschland und gegen den illegalen Aufenthalt der Flüchtlinge in Deutschland getroffen werden. Wir haben in Deutschland ein massives Problem der Ausländerkriminalität vor allem unter den Asylbewerbern... Herr Bundeskanzler, Sie geben heute nun bereits zum dritten Mal innerhalb kurzer Zeit eine Regierungserklärung ab zu den tödlichen Angriffen der letzten Monate... Wir haben zugleich eine große Zahl der Menschen mit Migrationshintergrund, die in Deutschland zum Teil seit Jahrzehnten leben in zweiter, dritter und vierter Generation. Diese Menschen sind Teil unseres Landes. Es sind Menschen, die Deutsche sind, die mit uns leben und arbeiten, die Familien haben und ohne die unser Land einfach nicht bestehen könnte* [URL: <https://www.friedrich-merz.de/>, дата обращения: 24.02.2025].

В этой речи заметно противопоставление двух категорий мигрантов. Классификация, упорядочивание сложных явлений и социальных структур с неизбежным для этого процесса упрощением — это один из приемов стереотипизации. В данном случае происходит разделение мигрантов на «плохих», которые именуются беженцами (*Flüchtlinge*, *Asylbewerber*), и «хороших», которых политик называет немцами (*Deutsche*).

Формально нейтральное наименование *Flüchtlinge* в данном контексте сочетается с именем прилагательным *illegal*, повторяемым для усиления прагматического эффекта. Также используется слово из той же тематической области *Kriminalität*, являющееся компонентом сложного слова. Первый компонент этого сложного слова *Ausländer* «иностранец» выступает в качестве атрибута. Так «иностранность» становится характеристикой «преступности». Наречие *vor allem* «прежде всего» здесь является явным средством стереотипизации, приписывания качества «криминальный характер» именно беженцам. Также к средствам стереотипизации, по нашему мнению, относится употребление многочисленных обстоятельств времени: *spätestens*, *endlich*, *bereits zum dritten Mal innerhalb kurzer Zeit*, *der letzten Monate*, подчеркивающих большую частотность проявлений преступного поведения со стороны иностранцев.

Таким образом, ведущим актуализируемым признаком стереотипного образа «беженец» здесь является «преступный характер», сочетающийся с признаком «высокая частотность».

Стереотипизация «хороших мигрантов» осуществляется также контекстуально. В этой части речи примечательно частотное употребление местоимений первого лица множественного числа: *wir*, *unser*, *mit uns*. Так происходит «включение» этой категории мигрантов в число «своих». Политик не называет таких людей мигрантами, используя для их наименования слова *Menschen* (*mit Migrationshintergrund*) и *Deutsche*. «Человечность» этой группы подчеркивается употреблением слов *leben*, *arbeiten*, *Familien*, *Generation*. Обстоятельства времени *seit Jahrzehnten*, *in zweiter, dritter und vierter Generation* выражают не частотность совершения некоторых действий, но длительность нахождения на новой родине.

Соответственно, признаками стереотипного образа «хорошего мигранта» являются «длительность проживания в Германии», «успешная социализация» и «польза, приносимая стране».

Примечательный случай выражения этно-стереотипов обнаруживается в следующем

примере из аналитической статьи социолога А. Эртю: *Kein gemäßigter muslimischer Arzt muss sich in Haftung für die Abwege des Islamismus nehmen lassen, die russische Verkäuferin hat mit osteuropäischen Kriminalitätsstrukturen ebenso wenig zu tun wie die libanesische Krankenschwester mit irgendwelchen Clans und ein Syrer, der sich mühsam über eine Lehre hochgearbeitet hat, kann nichts für Ausländer im Bürgergeldbezug* [URL: https://www.focus.de/experts/sozialforscher-jahrhundertaufgabe-migration-es-gibt-gar-keine-deutsche-gesellschaft-mehr_id_260262192.html, дата обращения: 13.02.2025].

Языковыми средствами выражения стереотипов здесь являются имена прилагательные, обозначающие религиозную или национальную принадлежность, в сочетании с определенным артиклем или же отрицательным местоимением. В этом тексте проводится отрицание этностереотипов. Заметим, что необходимость отрицания подтверждает убежденность автора в существовании названных им стереотипов в общественном сознании.

Приведенные примеры социального положения мигрантов должны подтвердить, что их труд приносит пользу (называются общественно значимые профессии). Кроме того, здесь употребляются имя прилагательное и наречие с положительной оценкой: *gemäßigt* «сдержанный», *mühsam* «упорно». Вместе с тем автор не отрицает наличия «плохих» иностранцев, к чьим признакам относятся «преступный характер» (*Kriminalitätsstrukturen*, *Clans*) и «существование за счет государства» (*Ausländer im Bürgergeldbezug* — «иностранцы, получающие социальные пособия»). Разъяснительный характер этого примера соответствует нейтральной части оценочной шкалы, что отвечает функции ориентации. Однако можно утверждать, что автор стремится не только объяснить читателям роль «хороших» мигрантов в обществе, но и вызвать сочувствие к ним. Таким образом, обращение к стереотипам в данном случае обнаруживает смещение к функции интеграции в отношении «хороших» мигрантов и к функции агональности в отношении «плохих».

В результате сопоставления признаков выявленных стереотипных образов мигрантов можно утверждать, что они реализуют как функцию агональности, так и функцию интеграции. При этом объекты, на которые направлены эти функции, четко противопоставлены. Агональность проявляется в отношении беженцев и получателей социальных пособий. У слушателей и читателей вырабатывается представление о беженцах как источниках большой опасности. В обращении

политика к признаку «высокая частотность преступных деяний» обнаруживается проявление алармизма, т. е. стимулирования у аудитории чувства тревоги и паники [Барбина 2023]. По отношению к мигрантам не первого поколения, напротив, выражается интеграция, что соответствует базовой оппозиции «свой — чужой». «Своими» признаются мигранты, работающие на пользу общества.

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ГЕРМАНИИ И ЕЕ ГРАЖДАН

В условиях притока большого количества иностранцев в Германию ее гражданам необходимо не только выработать представление о новых членах общества, но и частично переосмыслить собственную идентичность. При этом важны не только социальные роли и характеристики отдельных людей, но и образ страны в целом и ее идеологическая ориентация. Оба этих аспекта представлены в высказываниях политиков о миграционной ситуации в Германии.

Образ жителя Германии раскрывается в тексте обращения Ф. Мерца к избирателям, опубликованном на его официальной странице: *Möchte jemand ernsthaft behaupten, dass nach all den Mordtaten der letzten Jahre die öffentliche Sicherheit und Ordnung in Deutschland nicht gefährdet ist? Wie viele Opfer müssen es denn noch werden? Wie viele Menschen auf Sommerfesten und Weihnachtsmärkten sollen denn noch zu Opfern werden, wie viele Kinder?* [URL: <https://www.merz.cdu.de/merzmail>, дата обращения: 24.02.2025].

В риторических вопросах с повторяющимся вопросительным словом *wie viele* жители Германии стереотипизируются как жертвы нападений со стороны мигрантов. Эффект воздействия на читателя создается также путем повторения слова *Opfer* «жертвы» в одном контексте со словом *Mordtaten* «убийства». Употребление слов из области повседневной жизни: *Sommerfeste*, *Weihnachtsmärkte* и в особенности *Kinder* подчеркивает, что никто не защищен от нападений, что опасности подвергаются мирные граждане, живущие обычной жизнью. Упоминание детей как части общества, нуждающейся в особой защите, апеллирует к эмоциям читателей.

Так, главным стереотипным признаком образа жителя Германии в этом высказывании является «уязвимость перед агрессией мигрантов».

Примечательным в приведенном примере является использование абстрактных имен существительных, которые можно отнести к именам идеологических стереотипов. *Ordnung* «порядок» традиционно считается одной из ведущих ценностей немецкой

культуры. Это представление не потеряло своей актуальности. Слова *Ordnung* и *Sicherheit* «безопасность» встречаются в публичных заявлениях и других представителей партий ХДС/ХСС. В своем обращении Ф. Мерц утверждает, что эти ценности подвергаются угрозе со стороны беженцев.

Оппонент Ф. Мерца, действующий на тот момент канцлер Олаф Шольц, также апеллирует к идеологическим стереотипам, чтобы поддержать свою позицию в отношении миграции: *Menschlichkeit und Gerechtigkeit sind Versprechen unserer demokratischen Verfassung. Menschlichkeit und Gerechtigkeit finden ihren Ausdruck in den Grundrechten, darunter das Recht auf Asyl... Das Recht auf Asyl ist die unmittelbare Antwort auch auf das Grauen der NSDAP-Herrschaft... Die Lehre der Geschichte darf nie wieder passieren, das darf gerade Deutschland nie wieder zulassen, wenn wir also heute 80 Jahre nach der Befreiung von Auschwitz hier im Bundestag über Asyl, Flucht und Migration diskutieren* [URL: <https://www.n-tv.de/mediathek/videos/politik/>, дата обращения: 25.02.2025].

В этой речи повторяются имена идеологических стереотипов *Menschlichkeit* «гуманизм» и *Gerechtigkeit* «справедливость». Можно утверждать, что О. Шольц, в отличие от Ф. Мерца, прибегает к ценностям не столько культурно-специфического, сколько общечеловеческого характера. При этом употребление в контексте слов *Verfassung* «основной закон» и *Recht* «право» позволяет оратору опираться также на идеологический стереотип «право».

Обращение к историческим аналогиям, выраженное употреблением прецедентных имен *NSDAP*, *Auschwitz*, актуализирует один из самых болезненных для немецкого общества стереотипных признаков Германии — «связь с фашизмом». Стереотипизация подкрепляется здесь употреблением наречия *gerade* «именно».

Отсылка к этому же стереотипу обнаруживается в аналитической статье бывшего главного экономиста «Дойче Банк» Томаса Майера, в которой раскрывается тема финансовой нагрузки, налагаемой миграцией на немецкое общество: *Das wird die Verbesserung der Lebensbedingungen für Flüchtlinge im Vergleich zu ihren Herkunftsländern kaum schmälern. Aber der deutsche Traum vom Sozialstaat wird platzen... Hoffen wir, dass der jäh erwachte deutsche Michel dann nicht wie früher schon wild um sich schlagen wird* [URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/titelthema-die-letzten-tage-im-paradies_id_260305339.html, дата обращения: 16.02.2025].

В этом тексте утверждается, что улучшение условий жизни беженцев означает

ухудшение таковых для немцев. Для наименования последних используется устойчивая национальная персонификация *der deutsche Michel*. К признакам стереотипного образа «немецкий Михель», зафиксированным в словаре, относятся такие качества, как *schwerfällig* (тяжелый на подъем), *schlafmützig* (вялый), *einfältig* (простоватый) [Pfeiffer 1999: 79–80]. В данном случае эти признаки должны подчеркнуть тот факт, что немцы склонны игнорировать проблему миграции. При этом обстоятельство времени *wie früher schon* «как раньше (бывало)» позволяет провести аналогию с историческими событиями, когда немецкий народ проявлял агрессию по отношению к «чужим».

Рассмотрение приведенных выше примеров показало, что при стереотипизации Германии и ее граждан наиболее явно проявляется функция интеграции. Актуализация признака стереотипного образа жителя Германии «уязвимость перед агрессией мигрантов» призвана вызвать сочувствие и сплотиться перед лицом угрозы. Образ Германии конструируется путем употребления политиками имен идеологических стереотипов, целью которого также является интеграция (убеждение избирателей в своей правоте). Агональность проявляется в отношении такого признака Германии, как «связь с фашизмом». Считаем, что целью использования этого стереотипа является сплочение слушателей как результат дистанцирования от идеологически неверного прошлого.

Проведенный нами анализ языкового материала позволил в соответствии с поставленной целью выявить функциональные особенности представленных во фрагментах миграционного дискурса Германии стереотипов о мигрантах и о представителях принимающей страны.

Для выражения стереотипов политиками и авторами аналитических обзоров используется широкий диапазон языковых средств, к которому относятся: имена существительные со значением «беженец», «иностранец», «немец»; имена прилагательные, обозначающие национальную и религиозную принадлежность; имена собственные, представляющие как национальную персонификацию немецкого народа, так и прецедентные феномены; словообразовательные модели (словосложение); оценочные имена прилагательные, определяющие имена существительные; обстоятельства времени; абстрактные имена существительные, выражающие идеологические стереотипы.

Для создания стереотипного образа мигранта как сторонники, так и противники миграции прибегают к приему классификации.

Мигранты подразделяются на «плохих» (беженцев) и «хороших» (иностранцев, социализировавшихся в немецком обществе). К образу «беженцев» относятся такие признаки, как «криминальный характер», «высокая частотность преступных деяний» и «существование за счет государства». В состав стереотипа о «хорошем мигранте» входят признаки «длительность проживания в Германии», «успешная социализация» и «польза, приносимая стране».

Признаками стереотипного образа гражданина Германии являются «уязвимость перед агрессией мигрантов», а также «инертность». Стереотип Германии складывается из совокупности идеологических представлений. Для сторонников ограничения миграции такими представлениями являются «порядок» и «безопасность». Для противников жестких ограничений это «гуманизм» и «справедливость». При этом представители обеих сторон политической дискуссии для укрепления своей позиции обращаются к историческому стереотипу Германии как страны с фашистским режимом в прошлом.

Названные выше стереотипы «плохих» и «хороших» мигрантов опираются на оппозицию «свой — чужой». Все рассмотренные примеры обнаруживают совпадение функций: по отношению к «плохим» мигрантам реализуется функция агональности, по отношению к «хорошим» — функция интеграции. Функция интеграции является преобладающей при стереотипном представлении Германии и ее народа. Таким образом, можно утверждать, что оппоненты в политической борьбе используют одни и те же стереотипы, выполняющие одни и те же функции.

ИСТОЧНИКИ

1. Pfeiffer, A. Das große Schimpfwörterbuch / A. Pfeiffer. — München : Wilhelm Heine, 1999. — 559 S. — Text : unmediated.
2. Merzrede am 29.01.2025 zur aktuellen Asylpolitik im Deutschen Bundestag. — URL: <https://www.friedrich-merz.de/> (date of access: 24.02.2025). — Text : electronic.
3. Sozialforscher Herteux. Jahrhundertaufgabe Migration: „Es gibt gar keine deutsche Gesellschaft mehr“ // Focus. — 09.09.2024. — URL: https://www.focus.de/experts/sozialforscher-jahrhundertaufgabe-migration-es-gibt-gar-keine-deutsche-gesellschaft-mehr_id_260262192.html (date of access: 13.02.2025). — Text : electronic.
4. MerzMail 04/2025: „Geht nicht“? — 26.01.2025. — URL: <https://www.merz.cdu.de/merzmail> (date of access: 24.02.2025). — Text : electronic.
5. Scholz stellt Merz' Pläne mit Viktor Orban gleich — Ganze Kanzler-Rede zur Migration. — 30.01.2025. — URL: <https://www.n-tv.de/mediathek/videos/politik/> (date of access: 25.02.2025). — Text : electronic.
6. Gastbeitrag von Thomas Mayer. Deutschland ist Asyl-Paradies, doch der deutsche Traum vom Sozialstaat droht zu platzen // Focus. — 25.09.2024. — URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/titelthema-die-letzten-tage-im-paradies_id_260305339.html (date of access: 16.02.2025). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бареева, Н. С. Изучение способов и средств интенсивности в алармистских дискурсах / Н. С. Бареева, В. Е. Глы-

зина, А. А. Леонтьев, Н. В. Максимова. — Текст : непосредственный // *Litera*. — 2023. — № 1. — С. 69–77.

2. Барминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Барминский ; пер. с пол. — Москва : Индрик, 2005. — 528 с. — Текст : непосредственный.

3. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. — Москва : Либроком, 2015. — 340 с. — Текст : непосредственный.

4. Зубарева, Е. О. Модель миграционного дискурса / Е. О. Зубарева. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2019. — № 5 (1). — С. 35–45.

5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

6. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. Т. В. Барчуновой. — Москва : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с. — Текст : непосредственный.

7. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с. — Текст : непосредственный.

8. Патнэм, Х. Философия сознания / Х. Патнэм. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 240 с. — Текст : непосредственный.

9. Постерняк, К. П. Медиаобраз как средство формирования этностереотипов в англоязычном политическом медиадискурсе / К. П. Постерняк. — Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 107. — № 6. — С. 165–171.

10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.

11. Шустова, С. В. Дискурсивные практики в немецком миграционном медиадискурсе / С. В. Шустова. — Текст : непосредственный // Миграционная лингвистика. — 2020. — № 2. — С. 13–34.

12. Isakova, E. S. The use of lexical units with a negative connotation for the implementation of manipulative strategies in American political discourse / E. S. Isakova, A. A. Glibina, M. I. Varakina, Y. A. Levchenko, V. V. Shulipenko. — Text : electronic // *International Research Journal*. — 2024. — № 7 (145). — 10 p. — URL: <https://research-journal.org/archive/7-145-2024-july/10.60797/IRJ.2024.145.56>.

13. Van Dijk, T. A. Discourse and Migration / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // *Handbook of Qualitative Research in European Migration Studies* / eds. R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. — Berlin : Springer, 2018. — P. 227–247.

14. Pümpel-Mader, M. Personenstereotype. Eine linguistische Untersuchung zu Form und Funktion von Stereotypen / M. Pümpel-Mader. — Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 2010. — 483 S. — Text : unmediated.

15. Wodak, R. Pragmatics and Critical Discourse Analysis. A cross-disciplinary inquiry / R. Wodak — Text : electronic // *Pragmatics and Cognition*. — 2007. — № 15 (1). — P. 203–225. — URL: https://www.researchgate.net/publication/233507795_Pragmatics_and_Critical_Discourse_Analysis_A_cross-disciplinary_inquiry.

MATERIALS

1. Pfeiffer, A. (1999). *Das große Schimpfwörterbuch*. München: Wilhelm Heine, 559 S.

2. *Merzrede am 29.01.2025 zur aktuellen Asylpolitik im Deutschen Bundestag*. Retrieved Feb. 24, 2024, from <https://www.friedrich-merz.de/>

3. *Sozialforscher Herteux. Jahrhundertaufgabe Migration: „Es gibt gar keine deutsche Gesellschaft mehr“* (2024, 9 Sept.). Focus. Retrieved Feb. 12, 2025, from https://www.focus.de/experts/sozialforscher-jahrhundertaufgabe-migration-es-gibt-gar-keine-deutsche-gesellschaft-mehr_id_260262192.html

4. *MerzMail 04/2025: „Geht nicht“?* (2025, 26 Jan.). Retrieved Feb. 24, 2025, from <https://www.merz.cdu.de/merzmail>

5. *Scholz stellt Merz' Pläne mit Viktor Orban gleich — Ganze Kanzler-Rede zur Migration* (2025, 30. Jan.). Retrieved Feb. 25, 2025, from <https://www.n-tv.de/mediathek/videos/politik/>

6. *Gastbeitrag von Thomas Mayer. Deutschland ist Asyl-Paradies, doch der deutsche Traum vom Sozialstaat droht zu platzen* (2024, 25 Sept.). Focus. Retrieved Feb. 16, 2025, from https://www.focus.de/politik/deutschland/titelthema-die-letzten-tage-im-paradies_id_260305339.html

REFERENCES

1. Barebina, N.S., Glyzina, V.E., Leont'ev, A.A., & Maksimova, N.V. (2023). Izuchenie sposobov i sredstv intensivnosti v alarmistskikh diskursakh [The study of ways and means of intensity in alarmist discourses]. *Litera*, 1, 69–77. (In Russ.)

2. Bartmiński, J. (2005). *Yazykovoj obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [The linguistic worldview: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 528 p. (In Russ.)

3. Van Dijk, T.A. (2015). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: Librikom, 340 p. (In Russ.)

4. Zubareva, E.O. (2019). Model' migracionnogo diskursa [The model of migration discourse]. *Theoretical and applied linguistics*, 5(1), 35–45. (In Russ.)

5. Karasik, V.I. (2004). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language cycle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russ.)

6. Lippmann, W. (2004). *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow: Institut fonda "Obshchestvennoe mnenie", 384 p. (In Russ.)

7. Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis, 280 p. (In Russ.)

8. Putnam, H. (1999). *Filosofiya soznaniya* [Philosophy of mind]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 240 p. (In Russ.)

9. Posternyak, K.P. (2024). Mediaobraz kak sredstvo formirovaniya etnostereotipov v angloyazychnom politicheskom mediadiskurse [Media image as a means of forming ethnostereotypes in the English-speaking political media discourse]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 6, 165–171. (In Russ.)

10. Sheygal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Dis. of Doctor of Philological Sciences]. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy universitet, 431 p. (In Russ.)

11. Shustova, S.V. (2020). Diskursivnye praktiki v nemeckom migracionnom mediadiskurse [Discursive practices in German migration mediadiscourse]. *Migratsionnaya lingvistika*, 2, 13–34. (In Russ.)

12. Isakova, E.S., Glibina, A.A., Varakina, M.I., Levchenko, Y.A. & Shulipenko, V.V. (2024). The use of lexical units with a negative connotation for the implementation of manipulative strategies in American political discourse. *International Research Journal*, 7(145), 10 p. Retrieved from <https://research-journal.org/archive/7-145-2024-july/10.60797/IRJ.2024.145.56>

13. Van Dijk, T.A. (2018). Discourse and Migration. In R. Zapata-Barrero & E. Yalaz (Eds.), *Handbook of Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–247). Berlin: Springer.

14. Pümpel-Mader, M. (2010). *Personenstereotype. Eine linguistische Untersuchung zu Form und Funktion von Stereotypen*. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER, 483 S.

15. Wodak, R. (2007). Pragmatics and Critical Discourse Analysis. A cross-disciplinary inquiry. *Pragmatics and Cognition*, 15(1), 203–225. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/233507795_Pragmatics_and_Critical_Discourse_Analysis_A_cross-disciplinary_inquiry

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 82-343.4+811.111'42+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.4, 5.9.8

Абдуазиз Абдихакимович Алимджанов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ffortunatov@mail.ru, SPIN-код: 2772-3393, <https://orcid.org/0000-0003-2950-0036>

Неволшебные политкорректные сказки: влияние политического дискурса на жанр

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается один из примеров адаптации с помощью концептов политкорректности (или идеологии) известной сказки «Золушка» («Cinderella») в политкорректный текст американским писателем Джеймсом Финном Гарнером. Сказка адаптирована с позиций политической корректности, нового левого проекта, борьбы с разными видами дискриминации и воинствующего феминизма.

Целью статьи является поиск ответа на вопрос: возможна ли политкорректная сказка как разновидность волшебной сказки? Также ставится цель описать 1) конфликт волшебного и политического и 2) деструктивность политизации дискурсов. Объектом исследования является политический дискурс, а предметом — влияние политического дискурса на сказочный дискурс. Методами анализа являются лингвопрагматический и дискурсивный анализ.

В результате сопоставительного анализа текстов выявлено, что жанр волшебной сказки разрушается языковыми и неязыковыми приемами. Разрушение жанра происходит на идейном уровне (суперпарадигмальном уровне); на уровне языковых картин миров (патриархальное Vs. новый левый проект с воинствующим феминизмом); структуры сказок; и наконец, внедрением идеологием политического дискурса.

В результате исследования сделаны следующие выводы. Концепты закреплены за определенной картиной мира, за определенной онтологией. Политкорректное именование — это не столько замена лексических средств на эвфемизмы, сколько замена традиционных концептов «патриархального» дискурса. Волшебная сказка находится в рамках «патриархальной» парадигмы. Автор адаптации, высмеивая политкорректность и воинствующий феминизм, на самом деле показал границы жанра. Оказалось, что только «мужской» патриархальный мир (дискурс) вмещает волшебное, а политкорректный феминистический прагматический мир не совместим с волшебным миром сказок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политкорректный дискурс, сказочный дискурс, волшебные сказки, морфология волшебной сказки, политкорректные сказки, политическая корректность, концептуальная сетка, политкорректные тексты, картина мира, литературные жанры, дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; email: ffortunatov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алимджанов, А. А. Неволшебные политкорректные сказки: влияние политического дискурса на жанр / А. А. Алимджанов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 223–232.

Abduaziz A. Alimdzhanov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ffortunatov@mail.ru, SPIN code: 2772-3393, <https://orcid.org/0000-0003-2950-0036>

Non-Fairy Politically Correct Tales: The Influence of Political Discourse on the Genre

ABSTRACT. The article examines one of the examples of the adaptation of the famous fairy tale “Cinderella” into a politically correct text by the American writer James Finn Garner using the concepts of political correctness (or ideologemes). The fairy tale is adapted from the standpoint of political correctness, a new leftist project, the fight against various types of discrimination, and militant feminism.

The aim of the article is to find an answer to the question: can a politically correct tale be written as a fairy tale? The aim is also to describe 1) the conflict between the magical and the political and 2) the destructiveness of politicizing discourses. The research scope covers political discourse, and the object of research includes the influence of political discourse on fairy-tale discourse. The study employs the methods of linguopragmatic and discursive analyses.

Comparative text analysis revealed that the genre of fairy tale is destroyed by linguistic and non-linguistic techniques. The destruction of the genre occurs at the ideological level (super-paradigm level), at the level of linguistic worldviews (patriarchal vs. a new leftist project with militant feminism), the structure of the fairy tale, and finally, the introduction of ideologemes of political discourse.

The following conclusions were drawn from this study: The concepts are anchored in a certain worldview, in a certain ontology. Politically correct naming is not so much a replacement of lexical means with euphemisms, but rather a replace-

© Алимджанов А. А., 2025

ment of the traditional concepts of “patriarchal” discourse. The fairy tale lies within the framework of the “patriarchal” paradigm. The author of the adaptation, having ridiculed political correctness and militant feminism, actually showed the boundaries of the genre. It turned out that only the “male” patriarchal world (discourse) encompasses the magical, and the politically correct feminist pragmatic world is not compatible with the magical world of fairy tales.

KEYWORDS: political discourse, politically correct discourse, fairy tale discourse, fairy tales, morphology of fairy tales, politically correct fairy tales, political correctness, conceptual frame, politically correct texts, worldview, literary genres, discourse analysis, linguopragmatic analysis.

AUTHOR’S INFORMATION: Alimdzhanov Abduaziz Abdikhakimovich, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of English Philology and Translation of the Philological Faculty, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Alimdzhanov A. A. (2025). Non-Fairy Politically Correct Tales: The Influence of Political Discourse on the Genre. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 223-232. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Политическая корректность (далее — ПК) в США является частью языковой политики и политического дискурса и, предположительно, продолжает идеологию Нового левого проекта. «Согласно основной установке „Новых левых“, традиционная борьба за освобождение угнетенных классов, ориентирующаяся на привычные формы рабочего движения, обанкротилась, и ей на смену должна прийти политика, связанная с борьбой за права не только рабочего класса, но и др. слоев населения, подвергающихся угнетению: женщин, расовых, национальных и сексуальных меньшинств, студентов и безработных»¹.

ПК с самого начала рассматривалась как инструмент политики, с помощью которого намеревались решать расовые, социальные и политические проблемы (включая глобалистскую интеграцию мира с начала 90-х годов). ПК предлагает «непатриархальную» языковую картину мира.

В словаре Collins дается следующее определение ПК: «Political correctness is the attitude or policy of being extremely careful not to offend or upset any group of people in society who have a disadvantage, or who have been treated differently because of their sex, gender, race, or disability»² («Политическая корректность — это позиция или политика предельной внимательности, чтобы не оскорбить и не расстроить какую-либо группу людей в обществе, которые находятся в невыгодном положении или к которым относятся по-разному из-за их пола, гендера, расы или инвалидности» (здесь и далее перевод автора — А. А.)).

ПК — объект политики, точнее, языковой политики, однако законодательно не закреплена, поскольку Первая поправка к Конституции США запрещает Конгрессу издавать законы, ограничивающие свободу слова и печати. Поэтому обеспечение ПК в Америке исходит не из законодательства, а из правил и положений, например, кодексов университетов, обществ, компаний и т. д.³ И поскольку язык охватывает все сферы социальной жизни, ПК проникла во все сферы и заставила изменить восприятие языка принудительно. Вдобавок ПК стала инструментом и для разных политических и социальных групп, заявляющих о своих правах на номинацию, содержащих «нейтрализованную», оценочную или идентификационную семы. Были разработаны нормы и словари для обозначения социально «чувствительной» лексики. По словам А. П. Чудинова, эта лексика представляет собой идеологемы, представляющие их толкование с позиции правящих сил: «...в Соединенных Штатах изменение наименований некоторых политических реалий происходит в рамках кампании по борьбе за „политическую корректность“» [Чудинов 2012: 94].

Основным концептом ПК стала «дискриминация». Согласно словарю, «Дискриминация (лат. *discriminatio* — различение) — ограничение прав человека (группы людей) по определённому признаку. В качестве признака может выступать любое значимое отличие личности (группы), например раса, этническая принадлежность, пол, религиозные убеждения, политические взгляды, род занятий, сексуальная ориентация, возраст, инвалидность»⁴.

В контексте всего происходящего, некоторые авторы начали переписывать извест-

¹ Фетисов М. С. Новые левые // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2668888> (дата обращения: 23.01.2025).

² Political correctness // Collins dictionary. Электронная версия. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/political-correctness> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Anne Reynolds. Political Correctness // First Amendment encyclopedia. Электронный источник (2023). URL: <https://firstamendment.mtsu.edu/article/political-correctness/> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Гаджиев К. С., Гусов К. Н. Дискриминация // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/1958348> (дата обращения: 23.01.2025).

ные художественные произведения на новый лад, заменяя исходные слова на политкорректные. Делалось и делается это в разных целях (искренне или неискренне, для нас неважно) и указывает на борьбу между разными отношениями к ПК [Кузнецова 2016]. Кто-то всерьез полагает изменить язык, а другие противодействовать им [Лакофф 2014: 69], а кто-то для забавы, видя в ПК дискурсе потенциал для юмора [Чемодурова, Зотова 2022]. Поиск и установление корреляции политического дискурса с существующими дискурсами естественны. По словам О. А. Плаховой, «отмечается тождественность в развитии дискурса и жанра: каждый из них подвержен влиянию социокультурных факторов; и дискурсы, и жанры имеют тенденцию к взаимодействию с образованием новых форм» [Плахова 2015: 249].

Заявленная проблема в данной статье рассматривается на материале адаптации американским писателем Джеймсом Финном Гарнером (James Finn Garner) с помощью концептов ПК известной сказки Шарля Перро «Золушка» на английском языке («Cinderella») на ПК текст, напечатанный в сборнике «Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times». Сказки адаптированы с позиций ПК, Нового левого проекта, борьбы с дискриминациями и воинствующего феминизма.

Проблемы жанра изучаются на специализированной научной площадке журнала «Жанры речи», где обсуждаются вопросы описания речевых жанров, жанрового мышления, речевых компетенций и другие вопросы, касающиеся принадлежности жанров к онтологиям, идеологиям, дискурсам и т. д. [Дементьев 2017; Балашова, Дементьев 2022; Тарасова 2024; Дускаева 2016 и др.].

Цель статьи — поиск ответа на вопрос: возможна ли политкорректная сказка как разновидность волшебной сказки? Также ставятся задачи показать 1) конфликт волшебного и политического и 2) разрушительность политизации языка. Объектом статьи является политический дискурс, а предметом — влияние ПК дискурса на художественный дискурс. Исследовательский интерес представляют концептуальные и сюжетные аномалии в адаптированной сказке. Методами анализа являются лингвопрагматический и дискурсивный анализ.

1. МОРФОЛОГИЯ ИСХОДНОЙ И АДАПТИРОВАННОЙ СКАЗОК ПО В. Я. ПРОППУ

Краткая теория сказки. По определению С. И. Ожегова, сказка — это «повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущ. с участием волшебных, фантастических сил...»¹. Сказки представляют собой особый тип текстов, характеризуются устойчивостью образов, структуры и яркой оценочной лексикой.

В. Я. Пропп описал морфологию жанра волшебных сказок. Ученый выделил 7 действующих лиц в волшебной сказке (антагонист, даритель, помощник, царевна, отправитель, герой, ложный герой), которые выполняют 31 функцию [Пропп 1998: 23–49]. Он выделил устойчивые и переменные элементы, которые и составляют структуру волшебных сказок. К устойчивым элементам В. Я. Пропп причислил действия героев и их последовательность, а к переменным элементам количество действий, ходов, атрибутов и мотивировки героев.

Рассмотрим морфологию 1) оригинального и 2) переделанного вариантов сказки «Золушка» с тем, чтобы увидеть трансформацию структуры формы в зависимости от идейного наполнения, а именно проследить влияние политического дискурса на жанр.

1.1. Анализ оригинальной сказки

Оригинальная сказка, версия Ш. Перро, двухдоговая, главным героем является Золушка. Золушка представляет собой социально обездоленную героиню («Золушка» — имя нарицательное и в РЯ, и в АЯ), которая через испытания и через помощь дарителя и волшебных помощников получает награду — семью (свадьба в конце сказки как компенсация за страдания и доброту).

В рассматриваемой нами исходной волшебной сказке структура сказки (по функциям, выделенным В. Я. Проппом) представлена следующим образом [Пропп 1998: 91–96]:

I. Начальная ситуация

Золушка в начале сказки находится в состоянии беспомощности из-за смерти матери и вторичной женитьбы отца на злой женщине с двумя дочерьми. «Чтобы антагонист мог создать беду, рассказчику нужно привести героя в некоторое состояние беспомощности. ...разлучить с родителями...» — пишет В. Я. Пропп [Пропп 1998: 83]. Женитьба отца и смерть матери Золушки — мотивировка последующей попытки известить Золуш-

¹ Сказка // Толковый словарь Ожегова. Электронная версия. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28782> (дата обращения: 10.01.2024).

ку. Золушка достигла совершеннолетия, и ее положение в семье тяжелое. Золушка связана с очагом, теплом, что является признаком будущего героя. Будущие ложные герои — сводные сестры. Будущий вредитель — новая жена отца, мачеха.

II. Подготовительная часть

Подготовительная часть сказки начинается с мотивировки отлучки (старших) — приглашением на бал. Золушке наложен запрет в форме обращенного приказания. Нанесен ущерб непусканием ее на бал. Золушка нарушает запрет.

III. Завязка

Завязка строится на недостатке, нехватке: Золушка хочет на бал + невербализованная недостака: ей нужен защитник, муж, принц, любовь. Цель героя — найти соответствующее снаряжение, чтобы присутствовать на балу, встретить защитника, принца, выйти за него замуж.

IV. Дарители

Дарителем в сказке выступает фея, и по совместительству крестная Золушки. Она предоставляет волшебных помощников. Фея также ставит Золушке запрет, что является мотивировкой исчезновения Золушки из поля зрения принца и подготавливает второй ход.

V. Помощники

Волшебными помощниками являются карета, туфли, платье и другие вещи, сделавшие возможным посещение бала 2 раза (удвоение, вместо обычного утроения). Помощники служат для ликвидации беды или недостака, а в анализируемой сказке туфелька служит еще и как средство для узнавания настоящего героя (клеймение).

VI. Начало второго хода

Второй ход начинается с поисков принцем владелицы туфельки.

VII. Продолжение второго хода

Здесь имеет место неузнанное прибытие, в нашем случае — анонимность Золушки: ни дома не знают, ни принц не знает, что на самом деле Золушка и есть та прекрасная гостья. Далее идут необоснованные притязания ложных героев, выраженные примеркой туфельки. Одновременно трудной задачей является надеть хрустальную туфельку. Трудную задачу задают для того, чтобы опознать настоящего героя. Далее следует узнавание: совпавшая с формой туфли нога и наличие второй туфельки указывают на настоящего героя. В это же время имеет место трансфигурация героя: платье Золушки преобразилось и всем стало очевидно, что та прекрасная принцесса и есть Золушка. Обычно после определения настоящего героя ложные герои наказываются.

Но в нашем случае Золушка прощает ложных героев (сводных сестер) и даже устраивает их дальнейшую жизнь. Сказка заканчивается свадьбой, что означает ликвидацию начальной беды и недостака (муж и защитник в лице принца, и поездка на бал как средство достижения цели).

Круги действий героев исходной сказки:

- 1) антагонист (мачеха, две сводные сестры);
- 2) даритель (фея);
- 3) помощник (карета, платье, туфли и др.);
- 4) искомый персонаж (принц);
- 5) отправитель (фея, сама Золушка);
- 6) герой (Золушка);
- 7) ложные герои (сводные сестры).

Таким образом, сказка соответствует структуре волшебной сказки, функции не нарушены, круги действий героев соответствуют норме. В сказке два хода. Первый ход сказки (заканчивающийся спешным возвращением Золушки с потерей одной туфельки) не содержит мотивов Боя-Победы или Задачи-Решения по В. Я. Проппу. Второй ход, где принц ищет Золушку, содержит мотив Задачи-Решения, где задачей является надеть туфлю для узнавания настоящего героя. Сказка заканчивается обретением семьи.

1.2. Анализ адаптированной сказки

Адаптированная Джеймсом Финном Гарнером сказка написана с точки зрения феминизма и противодействия дискриминации по внешнему виду. В целом сюжет тот же, однако концовка сказки совершенно другая.

В рассматриваемой нами адаптированной сказке структура сказки (по функциям Проппа) одноходовая и представлена следующим образом [Пропп 1998: 91–96]: начальная ситуация, подготовительная часть, завязка, даритель и помощники совпадают (только даритель (фея) мужского пола и феминист). Он призывает Золушку не следовать идеалам мужчин и не стараться понравиться мужчинам, а носить удобную и простую одежду. Но Золушка не послушалась, и ей фея дает необходимую одежду. Но удвоения действия нет, как нет и трудной задачи (надеть хрустальную туфельку). Золушка ездит на бал 1 раз, а не 2 раза. Опущен второй ход сказки: скорое исчезновение Золушки с бала и потеря туфельки, поиск и узнавание настоящего героя. Ложные герои (сводные сестры) не понесли наказание. Трансфигурация Золушки противоположна исходной: ровно в полночь все одежды (волшебные помощники) приобретают прежний вид (старое удобное платье), происходит трансформация и она вздыхает с облегчением, и теперь женщины завидуют ей из-

за удобства ее одежд. И все женщины снимают свои неудобные корсеты, облачения и обувь и кружатся вокруг Золушки.

Свадьбы тоже нет. Мужчины погибают, включая принца. Наружность Золушки вызывает зависть у женщин, а мужчины рассорились до того в желании обладать ею, что убили друг друга, и никого не осталось. Женщины скрывают истинную причину смерти мужчин, одевают их в свои неудобные одежды (наказание антагониста: здесь антагонистами назначены мужчины) и начинают сами управлять королевством. Создается кооперация женщин. Начинают производить удобную и практичную одежду для мужчин под брендом Золушки («CinderWear»).

Героиня не достигает своей исходной цели, однако фея-феминистка достигает. После получения волшебных помощников в лице платья, туфель и прочего, она не получила от них помощи, наоборот, только страдания в виде неудобств от ношения платья, корсета, хрустальных туфель, а из-за жесткости туфель героиня не смогла сбежать с бала. Здесь произошла смена цели героя и замена антагониста (с мачехи на принца и мужчин). Поэтому героиня забыла о принце и желает комфорта. И она его получает. Золушка восклицает: «Kill me now if you want, sisters, but at least I'll die in comfort» («Убейте меня сейчас, если хотите, сестры, но я, по крайней мере, умру с комфортом»). Феминистические поучения феи в конце оказали свое воздействие и изменили жизнь героини на «комфортную», а не на «счастливую» (с точки зрения волшебной сказки). Золушка, мачеха, сводные сестры и другие женщины стали экономически счастливы (любви и брака, как в исходной сказке, нет).

Круги действий героев нарушены: героиня не выходит замуж за принца, искомый персонаж (принц) погибает (замена на комфорт), волшебные помощники оказываются неэтичными, главный волшебный предмет — туфелька оказалась бесполезна; фея и по совместительству крестный (мужского пола) не соответствует канону, хотя и выполняет свою функцию дарения волшебных помощников, ложные герои оказываются не нужны, т. е. не выполняют свою функцию, наказание несут мужчины (они стали антагонистами), а не истинные антагонисты с ложными героями (мачеха и сводные сестрицы).

По словам В. Я. Проппа, сказочник не свободен нарушать последовательность функций или разрывать зависимые друг от друга элементы. Но свободен в выборе функций и того, как эта функция осуществляется. Теоретически «сказочник совершенно свободен в выборе номенклатуры и атрибутов дейст-

вующих лиц» [Пропп 1998: 87]. Лишь бы они выполняли свою функцию. И «... всё, что попадает в сказку со стороны, подчиняется ее нормам и законам» [там же: 87]. В адаптированной сказке привнесенные элементы разрушили сказку и не подчиняются ее нормам и законам. Это свидетельствует о том, что переделанная под ПК сказка уже не есть волшебная сказка. Ее теперь можно назвать сказкой-анекдотом, если читать ее «традиционно», и феминистической сказкой или феминистическим рассказом с элементами волшебного.

Для сказок-анекдотов характерно, что «в их основе лежит универсальный смех как средство разрешения конфликта и способ уничтожения противника. Герой этого жанра — человек, униженный в семье или в обществе: бедный крестьянин, наемный работник, вор, солдат, простодушный глупец, нелюбимый муж. Его противники — богатый мужик, поп, барин, судья, черт, „умные“ старшие братья, злая жена. Народ выразил свое к ним презрение через всевозможные формы одурачивания. На одурачивании построен конфликт большинства сюжетов анекдотических сказок» [Зуева, Кирдан 2002: 159]. В нашем примере униженная вначале Золушка сама в конце нарушает правила общества.

Таким образом, адаптированная сказка уже не волшебная сказка, поскольку не соответствует морфологии волшебной сказки. Герои не выполняют свои функции. Невыполнение функции диктуется логикой дискурса ПК, воинствующего феминизма и Нового левого движения.

2. ДИСКУРСИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСХОДНОЙ И АДАПТИРОВАННОЙ СКАЗКАХ

Авторскую адаптацию сказки Джеймсом Финном Гарнером, другими словами, можно назвать междискурсивной прагматической адаптацией, а точнее, политизацией, таким образом, под «адаптацией» следует понимать «политизацию». Адаптированная сказка ориентирована больше на неполиткорректного читателя, чем на политкорректного. Ориентированность на две противоположные аудитории, двусмысленность, рождает комическое.

Прагматика исходной сказки состоит в том, чтобы развлечь сюжетом и воспитать содержанием (наличие морали в конце). По словам И. А. Ильина, «сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность

мира, отличие „правды и кривды“. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее» [Ильин 1996: 204]. В. И. Карасик отмечает, что сказки относятся к числу жанров, «выработанных для передачи опыта от поколения к поколению» [Карасик 2024: 145].

Сказка, таким образом, выполняет важнейшую функцию в обществе, прививая, если говорить языком феминизма и либерализма, традиционные «патриархальные» язык, культуру и отношения. А адаптированная сказка лишена морали, она даже в некотором роде аморальна, жестока (например, одевание в женские наряды погибших мужчин; бизнес-проект вместо любви и т. д.). Коммуникативная цель адаптированной сказки двояка: показать логику ПК и показать опасность этой логики. Поэтому адаптированная сказка на самом деле не пародия в общепринятом смысле, а следствие использования ПК лексики. И это не автор создает этот пародийный мир, а концепты ПК, по причине полного несовпадения ПК и сказочного миров. Автор лишь «реализует» принципы ПК. Следование логике ПК на материале сказок невольно рождает пародию, но это не совсем классическая пародия. Термин «пародия» в литературоведческом словаре определяется следующим образом: «Пародия (от греч. *parodia* — противопеснь) — юмористическое или сатирическое подражание литературному произведению с целью его вышучивания, осмеяния. Известны П. как на отдельные художественные произведения или явления литературы, так и на творчество писателя в целом. Цель П. — „передразнивание“ оригинала с целью приземлить его, высмеять»¹. То есть в пародии должно высмеиваться произведение, объект насмешки, а никак не средство, с помощью которого создается пародия, как в нашем случае происходит. Здесь как бы и высмеиваются поступки героев сказки, но на самом деле высмеиваются не они, а язык ПК. Это еще более усиливается тем, что автор во введении к книжке выражает свою приверженность борьбе с многочисленными видами дискриминаций [Garner 1994: 4] и как бы становится крайне ПК человеком, он делает это для усиления комического эффекта.

В текст внедряются новые слова, а за словами новая, чуждая для сказки концептуаль-

ная сетка Нового левого движения (воинствующего феминизма и борьбы с дискриминациями), которая «заставляет» текст терять свою «серьезность». Это происходит потому, что традиционное подчиняется своей логике, а ПК — своей логике. И эти две логики соприкасаются друг с другом в пародийной точке.

Сравним исходный и адаптированный тексты на конкретных примерах. Сказка начинается с «исправления» дискриминации по полу, например, первая фраза сказки, вместо «Once there was a gentleman» начинается с «There once lived a young *wommon* named Cinderella».

Следующие примеры являются смягчающими дискриминацию формулировками по разным признакам:

• **полу:**

- 1) woman — *wommon* и *womyn* — feminist spellings (*wommon* (singular), obsolete spelling of woman; *womyn* (plural)²;

• **внешнему виду:**

- 1) wonderfully busy in selecting the gowns, petticoats, and hair dressing — *They began to plan the expensive clothes they would use to alter and enslave their natural body images to emulate an unrealistic standard of feminine beauty*;
- 2) the singular beauties of the unknown newcomer — *wommon who had captured perfectly their Barbie-doll ideas of feminine desirability*;
- 3) Then they broke more than a dozen laces trying to have themselves laced up tightly enough to give them a fine slender shape. — *A formidable task: It was like trying to force ten pounds of processed nonhuman animal carcasses into a five-pound skin. Next came immense cosmetic augmentation, which it would be best not to describe at all*;
- 4) “You wish that you could go to the ball; is it not so?” — *So, you want to go to the ball, eh? And bind yourself into the male concept of beauty? Squeeze into some tight-fitting dress that will cut off your circulation? Jam your feet into high-heeled shoes that will ruin your bone structure? Paint your face with chemicals and make-up that have been tested on nonhuman animals?*;

¹ Белокурова С. П. Пародия // Словарь литературоведческих терминов. 2005. Электронная версия. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/240-пародия> (дата обращения: 10.01.2024).

² Womyn // Collins online dictionary, 2025. Электронная версия. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/womyn> (дата обращения: 10.01.2024).

- 5) Nothing was then heard but a confused noise of, "How beautiful she is! How beautiful she is!" — *The womyn, trained at an early age to despise their own bodies, looked at Cinderella with envy and spite; "Kill me now if you want, sisters, but at least I'll die in comfort."*;
- 6) ... — *Instead of exacting vengeance on her, they stripped off their bodices, corsets, shoes, and every other confining garment;*
- **социальной роли:**
 - 1) mother — *natural birthmother*;
 - 2) ...employed her in the meanest work — *as if she were their own personal unpaid laborer*;
 - 3) ...invited all persons of fashion — celebrating his **exploitation of the dispossessed and marginalized peasantry**;
 - 4) godmother — *a man dressed in loose-fitting, all-cotton clothes and wearing a wide-brimmed hat. At first Cinderella thought he was a Southern lawyer or a bandleader*; a fairy — *"Hello, Cinderella, I am your fairy godperson, or individual deity proxy if you prefer"*;
 - 5) ...but the young prince ate not a morsel, so intently was he busied in gazing on her. — *Cinderella soon caught the roving eye of the prince, who was busy discussing jousting and bear-baiting with his cronies. "Here," he thought, "is a wommon that I could make my princess and impregnate with the progeny of our perfect genes, and thus make myself the envy of every other prince for miles around. And she's blond, too!" The prince began to cross the ballroom toward his intended prey. So did every other male in the ballroom who was younger than 70 and not serving drinks*;
 - 6) ... — *carried herself like a wommon of eminent social standing. But soon it became clear that the commotion was turning into something ugly, or at least socially dysfunctional*;
 - 7) The king's son was always by her, and never ceased his compliments and kind speeches to her. — *"possessing" the young wommon — The prince lusted after her — other sex-crazed males — a pile of human animals — this vicious display of testosterone — the combatants — unsisterly hostility; ... — macho dance of destruction*;
- **в связи с межвидовой дискриминацией:**
 - 1) a very fine set of six horses — **a team of horse-slaves**;
 - 2) ...This was a new difficulty for Cinderella. — *Cinderella was working harder than a dog (an appropriate if unfortunately speciesist metaphor)*;
 - 3) her clothes turned into cloth of gold and silver, all beset with jewels. This done, she gave her a pair of glass slippers. — *She was dressed in a clinging gown woven of silk stolen from unsuspecting silk-worms. Her hair was festooned with pearls plundered from hard-working, defenseless oysters. And on her feet, dangerous though it may seem, she wore slippers made of finely cut crystal*;
- **других видов:**
 - 1) When she lost sight of them, she started to cry. — *Cinderella was sad, but she contented herself with her Holly Near records*;
 - 2) "Yes," cried Cinderella, with a great sigh. "Well," said her godmother, "be but a good girl, and I will contrive that you shall go." — *"Oh yes, definitely," she said in an instant. Her fairy godperson heaved a great sigh and decided to put off her political education till another day*;
 - 3) glass slippers — **impractical glass slippers**;
 - 4) ... — *Their first official act was to dress the men in their discarded dresses and tell the media that...*;
 - 5) ... — *Their second was to set up a clothing co-op that produced only comfortable, practical clothes for womyn. Then they hung a sign on the castle advertising CinderWear (for that was what the new clothing was called), and through self-determination and clever marketing, they all — even the mother- and sisters-of-step — lived happily ever after.*

В политкорректной сказке много опущений, и они также мотивированы. Например: 1) опущено происхождение имени «Золушка». С точки зрения феминизма это не «посестрински» — одной женщине давать унижительные прозвища другой; 2) опущена свадьба, поскольку свадьба указала бы на «патриархальные» мечты Золушки; 3) нет морали сказки. В сказке Ш. Перро есть два моральных вывода из сказки: 1) быть обходительной — важнее красоты; 2) важно получать благословения крестных, вдобавок к имеющимся талантам, чтобы сопутствовал успех. Мораль опущена в адаптированной сказке, поскольку это тоже «патриархальная» дискриминация женщины (дискриминация по уму).

По словам В. Я. Проппа, «сказочник свободен в выборе языковых средств» [Пропп 1998: 87]. Однако, оказывается, сказочник всё же должен находиться «внутри» сказочного дискурса, где он свободен, а контакт с политическим дискурсом ограничивает его творчество, поскольку понятия политического мира не совместимы с миром сказок.

3. КОНФЛИКТ ДИСКУРСОВ: СКАЗОЧНОГО И ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНОГО

Политизация неполитического дискурса рождает конфликт дискурса с политическим дискурсом, поскольку она вызывает смещение смыслов и их монополлизацию. Политизация сказки рождает сказку-анекдот. В нашем случае, подчинение сказки идеалам воинствующего феминизма (Нового левого проекта) вызывает смещение смыслов в сторону комико-трагического.

Политическое и волшебное конкурируют и конфликтуют между собой, поскольку оба обладают властью, приносят изменения в мир; умеют пользоваться магической функцией языка. Однако они преследуют разные цели. Сказка «дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы...» [Ильин 1996: 204], в то время как интенциональной базой для политического дискурса является борьба за власть [Шейгал 2005: 26].

В словаре С. И. Ожегова «волшебный» определяется как «Действующий волшебством, обладающий чудодейственной силой»¹. С филологической точки зрения, противопоставив политическое и волшебное, можно сказать, что «волшебное» — это неполитическая потусторонняя сила, могущая менять сложившийся статус-кво без денег, политических институтов, структур, учреждений и процедур, через замену или обогащение семантики. Например, была тыква, а стала каретой; было обычное платье, стало вечерним нарядным платьем. Замену семы, повлекшую реальные изменения в денотате, можно назвать волшебством.

Согласно словарю по международному праву, «Политизация — 1) увеличение значения и роли политической сферы в жизни общества и включение в нее социальных, экономических, культурных и пр. явлений и процессов; 2) вовлечение людей в политику, повышение их политической активности»².

Политизация — это попытка властвовать над знаками других дискурсов. В сказке всё переведено в политические объекты. Политизация, по сути, это перевод объектов (сущих) в пространство и время политики с одновременным изменением идентификации объекта на политическое (не считаясь с его иной идентификацией). Объект полностью теряет свою «среду обитания» дискурса и идентификацию и становится «частью» политического, где ему указаны и функция (роль), и место и время (поэтому точнее будет назвать этот объект «объект-омоним», потому что это не тот же исходный объект, а лишь формально одинаковый). Такая трансформация семантических ролей и переход из дискурса в дискурс выражается в смене «поведения» объекта. Он теперь полностью подчиняется дискурсивным и жанровым правилам политического дискурса. Поэтому сюжет сказки и поведение главных героев меняются, но не пародийным образом, а по правилам политического дискурса. И следование этим правилам для тех, кто не внутри политического дискурса, выглядит ненормальным, по крайней мере, нарушением нормы для сказок. А для тех, кто внутри этого политического дискурса, всё выглядит как нечто, соответствующее норме.

Согласно Новой философской энциклопедии, «Норма (от лат. norma — руководящее начало, правило, образец) — установленный эталон, стандарт для оценки существующих и создания новых объектов. ... Соответствует норме и, следовательно, является нормальным лишь тот объект, который служит достижению не любой, а лишь благой цели, т. е. объект, включенный в процесс реализации смысла человеческой жизни. Норма задает границы количественных изменений объекта, в которых он сохраняет свое качество служить средством для достижения благой цели. Различают нижнюю границу нормы (минимум), верхнюю (максимум) и „золотую середину“ между ними (оптимум). Оптимальное средство для достижения поставленной цели называют также идеальным»³. В нашем примере, в сказке произошли не количественные (в пределах нормы), а качественные изменения, поэтому она и воспринимается как не соответствующая «норме», ненормальной. Поскольку нормальное — это состояние

¹ Волшебный // Толковый словарь Ожегова. Электронная версия. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3709> (дата обращения: 10.01.2024).

² Хридошкин А. В., Макушев П. В. Политизация // Международное право. Словарь-справочник 2017 г. Электронный источник. URL: <https://politike.ru/termin/politizacija.html> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Левин Г. Д. Норма // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. Электронный источник. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/837НОРМА (дата обращения: 10.01.2024).

восприятия объекта уместным, адекватным его среде, его дискурсу.

Волшебные сказки морфологически однотипны, хотя и присутствует «принцип полной свободы и взаимной заменяемости» сказочных элементов. Однако, отмечает В. Я. Пропп, «в отдельных сказках отступления довольно значительны, но при ближайшем рассмотрении окажется, что это юмористические сказки. Такая перестановка, сопровождающая превращение поэмы в фарс, должна быть признана результатом разложения» [Пропп 1998: 83]. В. Я. Пропп называет превращением в фарс значительные отступления в компоновке сказочных же элементов, из «сказочного запаса». А в нашем примере сказка не только претерпела значительные отступления, но в нее были привнесены совершенно чуждые элементы — концепты ПК (феминизма и разных дискриминаций).

Таким образом, эвфемизация, перефразирование, перечисление видов дискриминации — лишь способы политизации текста. Логика смысла политизации открывает возможность разнообразными способами добавлять семы концептов политического дискурса. Например, в проанализированной сказке имеет место логическое продолжение сказки, логическое развитие сюжета. Политическая логика диктует своеобразное развитие сюжета.

Таким образом, можно утверждать, что разрушение жанра происходит на двух уровнях: на метаязыковом (философский, идеологический, структурный уровни) и языковом (концептуальный уровень). Итак, для разрушения определенного жанра достаточно внедрить структуру и язык другого дискурса. Это означает, что жанр — это дискурсивный шаблон. И этот шаблон хоть и гибкий, но хрупкий. Поскольку ПК лексика на самом деле не просто лексика, а концептуальный аппарат, концептуальная сетка, так что даже текст, сюжет и мотивы вынуждены менять свое направление при их внедрении в текст. И волшебное становится неволшебным. Оказывается, это «мужской» патриархальный мир (дискурс) вмещает волшебное, а ПК феминистический прагматический мир абсолютно не выносит волшебное. Он превращает абсолютно всё в «политическое». Захват политическим всего обесмысливает всё, если смотреть с точки зрения традиционного, «патриархального» мировосприятия.

ИСТОЧНИКИ

1. Garner, J. F. Cinderella / James Finn Garner / J. G. Garner. — Text : unmediated // Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times. — Macmillan, 1994. — 79 p.
2. Perrault, Ch. Cinderella; or, The Little Glass Slipper / Andrew Lang / Ch. Perrault. — Text : unmediated // The Blue Fairy Book. — 5th ed. — London : Longmans, Green, and Co., 1891. — 890 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. Русские речевые жанры : монография / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2022. — 832 с. — Текст : непосредственный.
2. Дементьев, В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре...» в НКРЯ / В. В. Дементьев. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2017. — Т. 16. — № 2 (16). — С. 193–202.
3. Дускаева, Л. Р. О жанровых текстовых категориях / Л. Р. Дускаева. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2016. — Т. 14. — № 2 (14). — С. 25–32.
4. Ермакова, О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) / О. П. Ермакова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2014. — Т. 9. — № 1 (9). — С. 74–80.
5. Зуева, Т. В. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений. / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. — Москва : Флинта : Наука, 2002. — 400 с. — Текст : непосредственный.
6. Ильин, И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1 / И. А. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — Москва : Русская книга, 1996. — 400 с. — Текст : непосредственный.
7. Карасик, В. И. Аксиологические характеристики сюжетов в армянских литературных сказках / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 2 (42). — С. 144–155.
8. Кузнецова, Н. В. Современные тенденции развития политкорректности во французском политическом дискурсе: градуированный характер политкорректности / неполиткорректности, разные степени их проявления / Н. В. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. — Серия 9, Филология. — 2016. — № 5. — С. 129–134.
9. Лакофф, Р. Р. Вербальная агрессия vs. политкорректность / Р. Р. Лакофф. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2014. — Т. 9. — № 1 (9). — С. 69–73.
10. Плахова, О. А. К вопросу о взаимодействии дискурса и жанра (на примере сказочного дискурса) / О. А. Плахова. — Текст : непосредственный // Вектор науки ТГУ. — 2015. — № 3–2 (33–2). — С. 246–252.
11. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 512 с. — Текст : непосредственный.
12. Тарасова, И. А. Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход / И. А. Тарасова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 1 (41). — С. 23–28.
13. Чемодурова, З. М. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира в современной версии классической сказки / З. М. Чемодурова, А. А. Зотова. — Текст : непосредственный // Язык и культура в эпоху глобализации : сборник научных статей по итогам Второй всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 27–28 октября 2022 года / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. — С. 165–169.
14. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.
15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 431 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Garner, J.F. (1994). Cinderella. In: *Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times* (p. 79). Macmillan.
2. Perrault, Ch. (1891). Cinderella; or, The Little Glass Slipper. In: Andrew Lang. *The Blue Fairy Book* (p. 890). London.

REFERENCES

1. Balashova, L.V., & Dement'ev, V.V. (2022). *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK. 832 p. (In Russ.)
2. Dement'ev, V.V. (2017). O meste ponyatiya «zhanr» v yazykovoy kompetentsii: na materiale vyrazheniya «v zhanre...» v NKRYA [About the place of the concept of “genre” in language

competence: on the material of expression “in genre...” in the Russian national corpus]. *Zhany rechy*, 16 (Iss. 2 (16)), 193–202. (In Russ.)

3. Duskeyeva, L.R. (2016). O zhanrovyykh tekstovyykh kategoriyyakh [About genre text categories]. *Zhany rechy*, 14 (Iss. 2 (14)), 25–32. (In Russ.)

4. Yermakova, O.P. (2014). Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is irony a speech genre? (once again, about some features of irony)]. *Zhany rechy*, 9 (Iss. 1 (9)), 74–80. (In Russ.)

5. Zuyeva, T.V., & Kirdan, B.P. (2002). *Russkiy fol'klor: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Russian folklore: Textbook for higher educational institutions]. Moscow: Flinta: Nauka, 400 p. (In Russ.)

6. Il'in, I.A. (1996). *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 1* [Collected Works: in 10 volumes. Vol. 1]. Moscow: Russkaya kniga, 400 p. (In Russ.)

7. Karasik, V.I. (2024). Aksiologicheskiye kharakteristiki syuzhetov v armyanskikh literaturnykh skazkakh [Axiological characteristics of subject plots in Armenian literary fairy tales]. *Zhany rechy*, 19 (Iss. 2 (42)), 144–155. (In Russ.)

8. Kuznetsova, N.V. (2016). Sovremennyye tendentsii razvitiya politkorrektnosti vo frantsuzskom politicheskom diskurse: gradirovannyi kharakter politkorrektnosti / nepolitkorrektnosti, raznyye stepeni ikh proyavleniya [Modern trends in the development of political correctness in French political discourse: the graduated nature of political correctness / non-political correctness, different degrees of their manifestation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 9: Filologiya*, 5, 129–134. (In Russ.)

9. Lakoff, R.R. (2014). Verbal'naya agressiya vs. politkorrektnost' [Verbal aggression vs. political correctness]. *Zhany rechy*, 9 (Iss. 1 (9)), 69–73. (In Russ.)

10. Plakhova, O.A. (2015). K voprosu o vzaimodeystvii diskursa i zhanra (na primere skazochnogo diskursa) [The question of interaction between discourse and genre (on the basis of the folk tale discourse)]. *Vektor nauki TGU*, 3 (Iss. 2 (33-2)), 246–252. (In Russ.)

11. Propp, V.Ya. (1998). *Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. (Sobraniye trudov V.Ya. Proppa.)* [Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale. (Collected works of V. Ya. Propp.)]. Moscow: Labirint, 512 p. (In Russ.)

12. Tarasova, I.A. (2024). Literaturnyy zhanr v soznanii chitatelya: empiricheskiy podkhod [Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach]. *Zhany rechy*, 19 (1(41)), 23–28. (In Russ.)

13. Chemodurova, Z.M. (2022). Reprezentatsiya individual'no-avtorskoy kartiny mira v sovremennoy versii klassicheskoy skazki [The authorial worldview representation in the modern version of the classic bedtime story]. In *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh statey po itogam Vtoroy vserossiyskoy (natsional'noy) nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 27–28 oktyabrya 2022 goda / Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet* (pp. 165–169). Saint-Petersburg. (In Russ.)

14. Chudinov, A.P. (2012). *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobiye* [Political Linguistics: a textbook]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)

15. Sheygal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 431 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.133.1'373+811.111'373+811.19'373
ББК ШП43.21-36+ШП47.11-36+ШП51-36

ГРНТИ 16.21.49

Код ВАК 5.9.6

Елена Владимировна Ерофеева^{1,2,3}, Людмила Валентиновна Скопова^{2,4}, Эвелина Аркадьевна Мкртчян¹

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

³ e.v.erofeeva@yandex.ru[✉], SPIN-код: 9356-5214, <https://orcid.org/0000-0002-8524-8851>

⁴ l-skopova@mail.ru[✉], SPIN-код: 8474-3399, <https://orcid.org/0000-0001-8452-0406>

Сопоставительный анализ библеизмов во французском, английском и армянском языках

АННОТАЦИЯ. В данном исследовании, целью которого является сопоставительный анализ библеизмов во французском, английском и армянском языках, предпринимается попытка внести посильный авторский вклад в изучение фразеологических единиц, пришедших из Библии. Объектом исследования являются фразеологические единицы (ФЕ) библейского происхождения французского, английского и армянского языков. Предметом исследования выступают семантические особенности библеизмов в сопоставительном аспекте. Материалом для исследования послужили 588 библеизмов из французского, английского и армянского языков, отобранных методом сплошной выборки из словарей библеизмов.

Для изучения библеизмов использовались труды А. Бирих, В. Г. Гака, А. С. Гарибян, Ю. И. Гвоздарева, В. П. Жукова, В. Козут, Н. П. Матвеевой, И. Матешич, А. А. Меликян, В. М. Мокиенко, А. Г. Назаряна, М. Е. Петуховой, Е. С. Худяковой, А. Р. Cowie, Planelles. Библейские цитаты были взяты из Синодального перевода Библии в электронной версии. В соответствии с выбранной классификацией А. Г. Назаряна, авторы выделяют три вида библеизмов: фразеологизмы, включающие библейские сюжеты и события; фразеологизмы, основанные на библейских персонажах, и фразеологизмы, основанные на религиозных обрядах. Делается вывод о том, что библеизмы французского, английского и армянского языков по большей части идентичны; они имеют одинаковое значение и схожее грамматическое оформление. Исследование показало, что в английский язык вошло большее количество фразеологизмов из текстов Священного Писания. В то же время французскому религиозному менталитету ближе упоминание библейских персонажей, а в армянском языке чаще встречаются переосмысленные цитаты, взятые из Библии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Библия, библеизмы фразеологические единицы, фразеологизмы, семантический анализ, сопоставительное языкознание, французский язык, фразеология французского языка, английский язык, фразеология английского языка, армянский язык, фразеология армянского языка.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, Екатеринбург, 8 Марта / Народной Воли, 62/45; email: e.v.erofeeva@yandex.ru.

Скопова Людмила Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, Екатеринбург, 8 Марта / Народной Воли, 62/45; email: l-skopova@mail.ru.

Мкртчян Эвелина Аркадьевна, бакалавр, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ерофеева, Е. В. Сопоставительный анализ библеизмов во французском, английском и армянском языках / Е. В. Ерофеева, Л. В. Скопова, Э. А. Мкртчян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 233-245.

Elena V. Erofeeva^{1,2,3}, Ludmila V. Skopova^{2,4}, Evelina A. Mkrtchyan¹

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

³ e.v.erofeeva@yandex.ru[✉], SPIN code: 9356-5214, <https://orcid.org/0000-0002-8524-8851>

⁴ l-skopova@mail.ru[✉], SPIN code: 8474-3399, <https://orcid.org/0000-0001-8452-0406>

A Comparative Analysis of Biblicisms in French, English and Armenian

ABSTRACT. This study, the aim of which is to carry out a comparative analysis of biblicisms in French, English and Armenian, attempts to make a small authorial contribution to the exploration of phraseological units that originate from the Bible. The scope of the study embraces phraseological units (PU) of biblical origin in French, English and Armenian. The object of the research includes the semantic features of biblicisms in a comparative aspect. The practical research material for the study encompasses 588 biblicisms from the French, English and Armenian languages, selected using the continuous sampling method from Bible dictionaries.

To study *biblicisms*, the article draws on the works of the following scholars: Birikh A., Gak V.G., Garibyan A.S., Gvozdarev Yu.I., Zhukov V.P., Kogut V., Matveeva N.P., Mateshich I., Melikyan A.A., Mokienko V.M., Nazaryan A.G.; Petukhova M.E., Khudyakova E.S., Cowie A.P., Planelles. Bible quotes were taken from the Synodal translation of the Bible in electronic version. In accordance with the selected classification of A. G. Nazaryan, the authors distinguish three types of *biblicisms*: *phraseologisms* that include biblical plots and events; *phraseologisms* based on biblical characters; and *phraseologisms* based on religious rituals. It is concluded that *biblicisms* in French, English and Armenian are, for the most part, identical – they have the same meaning and similar grammatical structure. The study shows that the English language has incorporated a greater number of *phraseologisms* from the texts of the Holy Scripture. At the same time, the French religious mentality is closer to the mention of biblical characters, and reinterpreted quotes taken from the Bible are more typical of the Armenian language.

KEYWORDS: Bible, *biblicisms*, *phraseological units*, *phraseologisms*, *semantic analysis*, *comparative linguistics*, French language, French *phraseology*, English language, English *phraseology*, Armenian language, Armenian *phraseology*.

AUTHOR'S INFORMATION: Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Skopova Ludmila Valentinovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Mkrtychyan Evelina Arkadyevna, Bachelor's Degree Student, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Erofeeva E. V., Skopova L. V., Mkrtychyan E. A. (2025). A Comparative Analysis of *Biblicisms* in French, English and Armenian. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 233-245. (In Russ.).

Библия — это один из тех текстов, благодаря которым сформировалась современная европейская и мировая цивилизация, что и является причиной заинтересованности людей в этой книге. Библия является источником большого количества цитат и символических обозначений, а также множества лексических единиц и устойчивых выражений, которые интересны не только с лингвистической точки зрения, но и с точки зрения семантики, поскольку Библия прежде всего выполняет воспитательную функцию. Она учит, наставляет, предлагает идеал, к которому стоит стремиться каждому человеку.

Несмотря на запрет изучения христианства в отечественной научной литературе XX в., библейская фразеология использовалась повсеместно, так как уже прочно укоренилась в языке, в разговорной речи в виде «ментальных клише». Лингвисты пытались толковать библеизмы с точки зрения семантики, не указывая на их происхождение. После снятия запретов на христианство библейская фразеология становится отдельным разделом для изучения. Актуальность исследования определяется в первую очередь возрождением интереса к Библии и христианству. Тема изучения библеизмов не нова, и написано достаточно много работ, посвященных исследованию Священного Писания, однако она изучена далеко не полностью.

Библеизмы прочно закрепились в языках народов, исповедующих христианство, в некоторых случаях став настолько привычными, что тяжело распознать в них библейское начало. С. Г. Шулежкова пишет: «Библия,

одна из самых известных книг земли, „напитала“ языки христианских народов множеством идиом, афоризмов, образных устойчивых выражений. Нет, пожалуй, такого свойства человеческого характера, такой сферы отношений, житейских коллизий, общественных и природных явлений, которые нельзя было бы охарактеризовать с помощью библеизмов» [Шулежкова 2002: 48].

Неполная изученность библеизмов стала очевидна с первых этапов исследования: при рассмотрении определения понятия «библеизм» в разных источниках мы не нашли единого определения, они многообразны и разноплановы. Поэтому, чтобы лучше понять сущность библеизмов, приведем некоторые из дефиниций.

В книге «Структурно-семантическая характеристика библеизмов, функционирующих в современной публицистике» Т. В. Гончарова, В. Плешков и Н. Тумка дают узкое определение библеизма: «Под библеизмами понимаются языковые единицы предикативного и неpredикативного характера, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имен персонажей, реалий и сюжетов Библии, а также других книг Священного Писания» [Гончарова, Плешков, Тумка 1991: 46]. Однако оно не является полным, так как, исходя из этого определения, выражения, взятые из Библии, употребляемые в прямом значении, не должны считаться библеизмами. К. Н. Дубровина, указав на это, предложила свою дефиницию: «Библейские фразеологизмы — это выражения, восходящие по своему происхождению к Библии» [Дубровина 2010: 4].

Е. М. Верещагин в статье «Библейская стихия русского языка» дает следующее определение библеизмов: «...это отдельные слова современного русского литературного языка, которые или просто-напросто заимствованы из Библии (ад, ангел, суббота и т. д.), или которые подверглись семантическому воздействию библейских текстов. <...> Наряду с отдельными словами, библеизмами называют и устойчивые словосочетания, а также целые выражения и даже фразы, восходящие к Библии...» [Верещагин 1993: 97].

В данном исследовании под термином «библеизм» мы будем понимать слова, их сочетания, афоризмы, отрывки текстов, пришедшие из Священного Писания и окончательно укоренившиеся в языке, как отраженные, так и не отраженные во фразеологических словарях.

Библеизмы фиксируются в языке исходя из разных факторов. К примеру, В. Г. Гак выделяет три главных условия, влияющих на данное явление:

1) наличие общепринятого перевода Библии. При отсутствии данного фактора не смогут употребляться одни и те же фразеологизмы, они будут различаться в зависимости от перевода. Тогда устойчивость — одно из главных свойств библеизмов — не будет присуща данным выражениям, соответственно, они не будут являться ФЕ;

2) наличие закрепившихся ритуальных формул. То есть те фразеологизмы, которые образовались благодаря церковным обрядам (например, выражение, которое произносится при бракосочетании: «тайна сия велика есть»);

3) наличие общего языка богослужения. Во время литургии люди слышали зафиксированные выражения, которые повторяются из раза в раз, позже охотно использовали их и в повседневной речи [Гак 1997: 57].

Библеизмы, как и остальные разновидности фразеологизмов, обладают следующими свойствами:

« • Воспроизводимостью: библеизм представляет собой готовую целостную единицу, которая воспроизводится в речи.

• Раздельнооформленностью: библеизм состоит как минимум из двух компонентов, которые должны являться значимыми частями речи (Это свойство присуще не всем библеизмам. К примеру, «Judas», «un ange» и так далее).

• Устойчивостью (Однако, некоторые среди них могут быть неустойчивыми, как например, «voir la paille qui est dans l'oeil du frère et ne pas apercevoir la poutre qui est dans le sien» может звучать как «voir la paille dans l'œil du voisin et ne pas voir la poutre dans le

sien», «voir la paille dans l'œil de son voisin et ne pas voir une poutre dans le sien» и так далее). Важно отметить также, что библеизмы, в которых присутствуют имена собственные или же устаревшие слова, являются наиболее устойчивыми.

• Семантической целостностью — объединяясь, компоненты библеизма теряют свое собственное значение и обретают одно общее» [Там же].

Существуют различные подходы к классификации библеизмов. Наиболее обобщенной является классификация Е. В. Каминской. В этой части работы мы иллюстрируем классификацию автора собственными примерами из французского языка:

1. Библеизмы-слова.

а) Библеизмы — имена собственные, достаточно употребительные в христианских странах (Adam, Caïn). Также они могут образовывать сочетания (dépouiller le vieil Adam, jugement de Salomon).

б) Библеизмы-топонимы — географические названия, встречающиеся в Библии (Sodome et Gomorrhe, Babylone, Golgotha). Так же, как и библеизмы — имена собственные, могут образовывать фразеологизмы (une tour de Babel, trompettes de Jéricho).

с) Библеизмы — религиозные реалии — слова, которые обозначают некие объекты, используемые в религиозных обрядах, названия таинств, наименования божественных существ (un ange, le chrême).

2. Библеизмы-словосочетания.

3. Библеизмы-предложения [Каминская 2004].

По мнению Г. В. Романовой, библеизмы можно классифицировать с точки зрения происхождения, разбив на *ветхозаветные* (le roi Salomon, Abraham и др.); *новозаветные* (Thomas l'incrédule, Judas и др.), а также с точки зрения содержания, выделяя *наименования Творца* (Seigneur, Dieu, Messie); *понятия и названия существ, которые символизируют божественное начало* (le Paradis, l'âme); *понятия и названия существ, противоположных по своим свойствам божественному* (l'enfer, des démons); *имена подвижников и противников христианства* (Jésus Christ, antéchrist/antichrist, un prophète); *названия обрядов, праздников и прочее* (les Pâques, l'Annonciation, une confesse); *слова, связанные с сотворением мира* (7 jours de la Création, le serpent, la Colombe); *восклицания, используемые в богослужениях, наименования религиозной атрибутики* (la croix, alléluia); *образные выражения, взятые из Библии, которые обрели устойчивость и стали фразеологизмами* (vas en paix, la statue de sel) [Романова 2003].

В. Г. Гак считает, что между библеизмами и Священным Писанием есть некое соотношение. В своей статье ученый предлагает кардинально другую классификацию:

« 1. Цитатные и ситуативные библеизмы. Цитатные библеизмы подразумевают под собой те ФЕ, которые взяты прямо из текста Библии (могут быть несколько измененными), как, например, *la voix qui clame dans le désert, sans la moindre hésitation* и др. Тогда как под ситуативными библеизмами понимаются выражения, которые отсутствуют в Библии, однако несут в себе название какой-либо библейской истории, как, например, *arche de Noé, le baiser de Judas* и др.

2. Библеизмы, имеющиеся /отсутствующие в языке. Наличие / отсутствие определенных фразеологизмов обуславливается мировоззрением народа. Также есть такие библеизмы, которые отличаются по смыслу от соответствующих им, на первый взгляд, библеизмов в другом языке. Например, «*déchirer ses vêtements*» переводится как «рвать на себе одежды»; в русском языке оно подразумевает «отчаяние, скорбь», тогда как во французском его значение расширяется: «скорбь, негодование, сильная ярость».

3. Первичные и вторичные библеизмы. Первая группа представляет собой библеизмы, которые непосредственно связаны с библейской историей. Например, *le péché d'Eva*. Тогда как вторичные библеизмы лишь отдаленно соотносятся с текстом Библии. Например, *les larmes d'Adam*.

4. Непосредственные и опосредованные библеизмы. Исходя из терминов, мы уже можем сделать вывод, что непосредственные библеизмы восходят к Библии, тогда как опосредованные заимствованы из других языков или каких-либо произведений отдельных авторов. Например, *en costume d'Adam*, «*Qui sont les juges ?*» («А судьи кто?» — цитата из пьесы «Горе от ума» А. Грибоедова).

5. Прямые и переосмысленные библеизмы. Прямые библеизмы — те, что сохранили свое первичное значение, в котором они использованы в тексте Библии, а переосмысленные — библеизмы, которые прошли некую семантическую трансформацию. Во втором случае форма ФЕ сохраняется, однако меняется ее значение. Например, *Médecin, guéris-toi toi-même; Tout est entre les mains de Dieu*. В современном языке они несут скорее шутивно-ироничную окраску» [Гак 1997: 55].

Отечественный лингвист А. Г. Назарян пришел к выводу, что ФЕ библейского происхождения можно объединить в три большие группы:

« 1. Фразеологизмы, взятые из текста Библии, как из первой его части — Ветхого За-

вета, так и из второй — Нового. В их основе лежат библейские сюжеты и события: *fruit défendu, s'en laver les mains*.

2. Фразеологизмы, в основе которых лежат библейские персонажи: *Madeleine repentante, fils d'Adam*.

3. Фразеологизмы, в основе которых лежат религиозные обряды: *porter sa croix, bouc émissaire*» [Назарян 1987: 276].

Также следует упомянуть, что некоторые исследователи выделяют отдельную группу библеизмов — церковную лексику. Ее главное отличие от всех тех видов библеизмов, что мы рассмотрели выше, заключается в том, что она относится к материальной стороне жизни церкви. Так, к примеру, С. В. Булавина, изучив церковную и религиозную лексику, пришла к выводу, что первая группа является обширнее последней. В своих трудах она предлагает следующую классификацию: наименования предметов культа и утвари, использующейся в церковной жизни; наименования деталей архитектуры, внутреннего убранства храма и его внешнего устройства; наименования подразделений церкви, единиц административного управления церкви; наименования обрядов и обычаев церкви [Булавина 2003: 63].

Не менее значимым является предложение Т. З. Черданцевой, Н. Н. Курчаткиной и А. В. Супрун, которые в своих трудах начали классифицировать фразеологизмы по структуре их образования. Они выделяют библеизмы со структурой словосочетания (*ange déchu*) и библеизмы со структурой предложения или паремии (*Il n'y a rien de nouveau sous le soleil*) [Черданцева 2000; Супрун, Курчаткина 1981].

В соответствии с выбранной нами классификацией А. Г. Назаряна, мы распределили наш исследовательский материал по трем группам. Рассмотрим некоторые примеры.

1. Фразеологизмы, основанные на библейских сюжетах и событиях

(*Celui qui cherche, trouve / cherchez et vous trouverez — who seeks will find (finds) / seek and you will find — նիլ փնտրում է, գտնում է / փնտրեցէք և կգտնեք*). Данный библеизм передает призыв, побуждение к прошению; он означает, что, если мы с упорством будем стремиться к чему-либо, обязательно получим. В английском варианте используется лексическая единица *seek* в значении «искать», «стремиться», тогда как во французском варианте глагол *chercher*, означающий «искать», «пытаться»: *Les Juifs cherchaient ... à le faire mourir* [Ин. 5:18]. В армянском глагол *փնտրել* имеет те же значения, что и во французском.

(*Livre*) *sous le sceau du secret* — *a book sealed with seven seals, sealed book* — *յըփ կնիքով փակված*. Данный библеизм имеет одинаковое значение во всех трех языках. Впервые встречается в последней книге Библии — в «Откровении» Иоанна Богослова [Откр. 5:1], где под *Книгой за семью печатями* подразумевается Книга Жизни, где «записаны» имена тех, кто наследует Царствие Небесное; это никому не известно, кроме Бога, поэтому данный библеизм стал символом чего-то непонятного, непостижимого; в армянском языке также используется в значении «тщательно хранимое». В английском и армянском языках употребляется пассивный залог, а во французском использована более простая предложная конструкция. С семантической точки зрения можно отметить, что во французском переводе совсем не упоминается числительное *семь*, тогда как в английской и армянской версии оно сохраняется, а также появляется существительное *secret*, чего нет в других вариантах. К тому же стоит отметить, что в английском варианте идет повтор однокоренных слов: *sealed with seven seals*. В армянском варианте не используется слово *книга*.

A chacun selon ses oeuvres — *give to each his own*. Интересно, что в английском переводе присутствует глагол *give* — *давать*, тогда как во французском он не употребляется. Значение библеизма следующее: каждый человек должен получить то, что он заслуживает, исходя из того, какие поступки он совершает. Пришло данное выражение из высказывания Иисуса Христа [Мф. 16:23]. В армянском языке не является узуальным, однако есть библеизм, имеющий приближенное значение — *Աստված գլխին կրակ շաղ կուտ*, то есть *Бог на голову огонь пошлет* (Бог серьезно накажет), ведь когда говорят о возмездии, подразумевается, что кто-то сделал что-то плохое и говорящий ждет наказания.

A la sueur de son front — *in the sweat of one's brow* — *ճակատի քրոնիքով*. В этом примере мы наблюдаем полное совпадение. Интересно, что во всех трех языках используется существительное «лоб» — *front, brow, ճակատ*. Синтаксически французский и английский варианты идентичны: предлог + артикль + существительное + предлог + притяжательное местоимение + существительное; тогда как в армянском, в силу наличия родительного и местного падежей, отсутствуют предлоги. Этот библеизм имеет следующее значение: усердно работать, не покладая рук. Происходит он от повеления Бога, кото-

рое было дано при изгнании из рая: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» [Быт. 3:19].

A leopard cannot change its spots. Дословно — «леопард не может поменять своих пятен». Также данный библеизм может звучать в виде вопроса: *Can a leopard change its spots?* В тексте Библии данное выражение встречается, например, в Книге пророка Иереми: «*Can the Ethiopian change his skin, or the leopard his spots? Then may you also do good, that are accustomed to do evil*» [Иер. 13:23]. Во французском и армянском языках данный библеизм неузуален.

Beaucoup d'appelés, peu d'élus — *many are called, but few are chosen* — *Բազում էն կոչեցանք եւ քիչաք ընտրեանք*. Здесь идет речь о том, что всегда есть много претендентов, однако действительно достойных мало; обычно данное выражение используется по отношению к какому-либо делу, которым многие занимаются, но успешны в нем только по-настоящему талантливые. Впервые мы видим данную фразу в словах Иисуса Христа «*ибо много званых, а мало избранных*» [Мф. 22:14]. В целом приведенные библеизмы идентичны, однако стоит отметить, что в английском варианте используется глагол *to be (are)*, образующий пассивный залог, тогда как во французском переводе *appelés* и *élus* являются причастиями прошедшего времени. Армянский вариант синтаксически эквивалентен французскому, но стоит отметить, что он используется на церковном языке.

Brebis égarée / perdue — *lost sheep* — *վնորյալ գառնուկ* — означает сбившегося с правильного пути человека. Данный библеизм происходит из рассказанной Иисусом Христом притчи про заблудшую овцу, где Он показывает нам, насколько каждый человек важен для Бога: «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшую, пока не найдет ее?» [Лк. 15:4]. Семантически библеизмы полностью эквивалентны, с грамматической точки зрения есть отличие: в армянском языке употребляется прилагательное, а в европейских языках — страдательное причастие прошедшего времени.

C'est de l'abondance du coeur que la bouche parle — *Out of the abundance of the heart the mouth speaks* — *Բերանը արտի ալեկցունկից է խոսում*. Есть небольшие синтаксические отличия (порядок слов в предложении, наличие оборота *c'est ... que* во французском варианте; использование предлога *out of*, показывающего направление; в армянском иной порядок слов — подлежащее стоит на первом месте, сказуемое — на последнем). Интересно, что избыток

сердца (*l'abondance, the abundance* — *изобилие, избыток* соответственно во французском и английском) в армянском языке передан как *ալիքնություն*, то есть *остаток, излишек*. Несмотря на различия, эти библеизмы можно назвать эквивалентными с семантической точки зрения. Впервые данную цитату можно увидеть в Новом Завете [Мф. 12:34]. Смысл данного библеизма заключается в том, что мы не можем говорить что-то, если это не является частью нас.

Celui qui ne travaille pas ne mange pas ! — He who does not work, neither shall he eat! — Ով չի աշխատում, նա չի ուտում: Это высказывание впервые мы видим у апостола Павла, который писал к фессалоникийцам: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [2Фес. 3:10]. Смысл библеизма заключается в следующем: если человек не работает, ленится, то ему и не надо есть, потому что пища — это источник энергии, а если она не тратится, то, соответственно, и есть будет неправильно; для начала нужно заслужить пищу. В данных эквивалентах можно увидеть грамматическое расхождение во второй части: во французском и армянском языках используется настоящее время изъявительного наклонения в отрицательной форме — *ne mange pas, չի ուտում*, тогда как в английском языке эта мысль выражена в будущем времени изъявительного наклонения. К тому же, в английском языке есть слово *neither*, которое не допускает отрицания при глаголе *shall*, и он стоит в утвердительной форме.

Créer, modeler, façonner à son image, à sa ressemblance — in our image, according to our likeness — ստեղծել, դաստիարակել ըստ համաձայն իր պատկերի (և նմանության). Данный библеизм восходит к книге Бытие Ветхого Завета: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» [Быт. 1:27]. Интересно, что во французском и армянском переводах используются различные глаголы: *créer, modeler, façonner, ստեղծել, դաստիարակել*, а в английском не делается акцент на глаголе. Также стоит отметить, что во французском библеизме дважды встречается предлог *à*, в английском варианте предлоги разные: *in* (в, по) *our image, according* (соответственно) *to our likeness*. К тому же в английской версии используется этимологически более верное местоимение — *our* (наш; еще в Ветхом Завете встречаются упоминания множественности Бога — троичности), а во французской версии употребляются прилагательные 3-го лица единственного числа *son, sa*. В армянском языке библеизм может употребляться как в полной форме, так и в сокращен-

ной: *ըստ պատկերի* — по образу и *ըստ պատկերի և նմանության* — по образу и подобию.

Eloigne, écarte de moi ce calice / cette coupe — Let this cup pass from me — Անցն՛ գրաժակս զայս յինէն / Այս բաժակն ինձանից հեռու՛ պահիր. Данное выражение несет следующий смысл: пусть не коснется меня эта беда, неприятность, горе, невзгоды, трудность, от этого испытания освободи меня. В основу библеизма легли слова молитвы Иисуса Христа перед тем, как его схватили иудеи: «да минует меня чаша сия» [Мф. 26:39]. Во французской ФЕ глаголы *éloigner* и *écarter* (*отдалять*) стоят в повелительном наклонении и библеизм дословно означает *отдали от меня эту чашу*, английский вариант *let this cup pass from me* переводится как *пусть / да минует меня эта чаша*. В армянском языке используется два варианта: на церковном языке употребляется *убери эту чашу от меня*, а на современном — *держи эту чашу подальше от меня*.

Fruit défendu — forbidden fruit — արգելված պտուղ. Здесь представлены эквиваленты библеизма, который означает что-то запретное, но желанное. Он восходит к Ветхому Завету, где первая женщина — Ева возжелала плод дерева познания добра и зла, от которого они с Адамом не должны были есть. С точки зрения грамматики, переводы практически идентичны; разница лишь в порядке слов в языках: причастие прошедшего времени во французском языке стоит после определяемого слова, а в английском и армянском — в препозиции.

Grincement de dents — gnashing of teeth — մեկի՛ մի բանի դեմ ատամները կրճնացնել. Данный библеизм означает такое состояние горя, терзаний, озлобленности, когда человек «зубы точит» на какое-то событие либо на другого человека. В Новом Завете употребляется для описания того, что будет происходить в аду: *там будет плач и скрежет зубов* [Мф. 8:12]. Это означает, что в ад попадут те, кто не исправит душу свою, не освободится от злобы, ибо в раю все будет наполнено любовью, а любовь и злость — вещи противоположные. Армянский библеизм значительно отличается синтаксически: вместо имени существительного употребляется глагол *կրճնացնել*. Дословно можно перевести как *стучать зубами против кого-то, чего-то*. Есть небольшое расхождение в семантике между словами *grincement, gnashing* и *կրճնացնել*: во французском варианте используется *скрип*, в английском — *скрежет*, а в армянском — *стучать*, однако общий смысл сохраняется.

Le doigt de Dieu — finger of God — Մամոն ձեռքը. Впервые данный библеизм встречается в Книге Исход, где описываются казни египетские: «И сказали волхвы фараону: это перст Божий» [Исх. 8:15]. Исходя из этого, с помощью этого высказывания описывается мощь, сила Божия, Его дела на земле. В данном случае мы наблюдаем полное грамматическое и семантическое совпадение во французском и английском языках. В армянском языке используется существительное *ձեռք* — рука.

L'homme propose et Dieu dispose — Man proposes but God disposes. Данный библеизм несет очень глубокий смысл: человек может просить Бога о желаемом, но, пока Бог не увидит, что нам это полезно, Он не даст нам просимое. Обе версии совпадают как в грамматическом, так и в семантическом плане. За исключением того факта, что во французском варианте используется соединительный союз *et* (и), тогда как в английском — разделительный союз *but* (но). В армянском языке аналогичный библеизм не зафиксирован в словаре.

Mangeons et buvons, car demain nous mourrons! — Let us eat and drink, for tomorrow we die! — Կէր, խմիր (քէ՛՛ք տրի՛նք լիւրջիւղիր). Данный библеизм впервые встречается в притче: «и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись!» [Лк. 12:19]. Это является одним из самых распространенных ныне девизов — *бери от жизни все!* Нами было выявлено только одно расхождение: во французском варианте употребляется глагольная форма *mourrons* в будущем времени (умрем), в английском *die* стоит в настоящем времени, а в армянском глаголы стоят в повелительном наклонении. Также может использоваться краткая версия: *կէր, խմիր* — ешь, пей.

Nouveau Jérusalem — New Jerusalem — Նոր Երուսաղեմ. Под Новым Иерусалимом понимается некое блаженное место, рай. Данные библеизмы полностью эквивалентны.

Pas d'un iota, ne pas changer d'un iota — Մի նշանակեղ (անգամ). Значение библеизма: не изменить ни на сколько, даже на самую малость. В армянском языке употребляется в значении *маленькая вещь, мелочь*. Йота — это самая маленькая буква в греческом алфавите; черточка, которая писалась под другими буквами: ղ, փ. Впервые данная фраза встречается в Новом Завете, где Иисус Христос говорит, что данный Богом закон не будет переписан никогда и даже йота в нем не изменится [Мф. 5:18]. В европейских языках

мы видим полностью совпадающие переводы и в синтаксисе, и в семантике. В армянском языке используется сокращенная версия — *ни одна йота*.

Rameau d'olivier — olive branch — ճրթեղմի ճյուղ. Данный библеизм употребляется для обозначения мира между людьми. Пришел он из Ветхого Завета и связан со Всемирным потопом: когда Ной выпустил голубя во второй раз, чтобы проверить, сошла ли вода с земли, птица, являющаяся символом мира, принесла в клюве масличную ветвь; это значило, что деревья уже росли, а воды не было [Быт. 8:10–12]. Здесь можно увидеть небольшие грамматические различия: во французском варианте используется конструкция с предлогом *de* и названием дерева — *d'olivier*. А в английском языке употреблено прилагательное *olive*. Также имеется различие в семантике: во французском варианте используется слово *rameau*, несмотря на то что есть слово *branche*; то есть делается акцент на том, что ветвь еще свежая, возможно, вновь родившаяся. В английском языке используется лексическая единица *branch*, что является символом некой закоренелости.

Rendre l'âme — give up the ghost — իր շունքը տալ. Данный библеизм означает «умереть». В Библии встречается достаточно часто: «Иисус же, ... испустил дух» [Мф. 27:50]. Все три перевода являются полностью эквивалентными. Также в армянском языке используются следующие библеизмы со значением *умереть*: *ի Տէր հաւնգէլ — почить в Господе* (умереть с верой в Господа) и *լուիք բաժին դառնալ — стать частью света*, т. е. соединиться душой с вечным светом.

Se prendre Dieu pour le Père. Данный библеизм взят из Евангелия от Иоанна: «*il disait encore que Dieu était son père, se faisant égal à Dieu*» [Ин. 5:18]. Интересно, что изначально это выражение использовалась евангелистом в том смысле, что Иисус Христос — действительно Сын Божий, и Он открыто об этом говорил. Тогда как во французском языке оно подразумевает описание гордого человека. В английском и армянском языках подобных библеизмов не было зафиксировано словарями.

Semer la bonne parole — to fall on good ground — տերևը ցարարւն հողի վրա գգել (քնկնել). Данный библеизм означает «расти и развиваться в очень хороших условиях». Он восходит к притче о сеятеле: «*вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял*» [Мф. 13:3–23]. Несмотря на один и тот же источник, библеизмы сильно отличаются. Во французском *semer la bonne parole* (сеять доброе слово) —

переосмысление фразы, взятой из Библии, а в английском языке библеизм *to fall on good ground* (упасть на добрую землю) полностью совпадает с библейским вариантом. Так же и в армянском языке библеизм полностью совпадает с библейской цитатой, однако отличается от английского выражения, где использовано имя прилагательное *good* (добрый, хороший), так как употребляется *լիարարի* (плодородный). Помимо вышеуказанного библеизма, узואльно выражение *տէրութիւնը արարածի վրա զգել (ընկնել)*, которое также связано с притчей о сеятеле и которое означает *сеять доброе слово не там*, т. е. не для того, кто будет слушать, и, соответственно, не получить плода.

Tomber en disgrâce — to fall from grace. Данный библеизм означает «потерять расположение в глазах кого-либо». «Остались без Христа, отпали от благодати» [Гал. 5:4]. Интересно, что здесь представлены грамматически антонимичные библеизмы. Во французской версии отрицание создается с помощью префикса *dis* (*tomber en disgrâce — упасть в немилость*), а в английском языке происходит семантическое отрицание (*to fall from grace — выпасть из благодати*). В армянском языке данное выражение не узואльно. Однако есть антонимичное выражение *ի վերջում արգիւ տնել*, означающее *получить дар свыше*. Английский и французский эквиваленты не зафиксированы в словарях фразеологизмов.

Une traversée du désert. Дословно — «переход через пустыню», то есть тяжелые времена, непростой период в жизни. Здесь можно увидеть отсылку к Исходу еврейского народа из Египта, который происходил через пустыню. Английский и армянский эквиваленты отсутствуют.

Vanité des vanités — vanity of vanities — ռւնայնութիւն ռւնայնութեանց. С синтаксической точки зрения французский и английский варианты полностью совпадают. Интересно, что используются однокоренные слова одинакового происхождения. В армянском языке отличие появляется за счет наличия падежей, соответственно отсутствует предлог; также используется форма не современного языка, а церковного. Данный библеизм означает незначительные заботы, что-то бесполезное, не имеющее ценности. Впервые встречается в Ветхом Завете в книге Екклесиаста, которая начинается словами «*Суета сует, — сказал Екклесиаст. — Суета сует, всё — суета!*» [Еккл. 1:2].

Voir la paille qui est dans l'oeil du frère et ne pas apercevoir la poutre qui est dans le sien — Not to see the plank in one's own eye — իր աչքի գերանը չտեսնել. Данный библеизм описывает ситуацию, когда неодобрительно замечают мелкие недостатки кого-либо, не замечая своих, более крупных. Данный известный цитатный фразеологизм восходит к Евангелию от Матфея: «*И что ты смотришь на сучок в глазе брата своего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?*» [Мф. 7:3–5].

Примечательно, что в английском и армянском языках данный библеизм употребляется в сокращенном варианте: *not to see the plank in one's own eye* и *իր աչքի գերանը չտեսնել* (не видеть сучка в собственном глазу). Также есть лексическое различие: в английской и армянской версиях используется глагол *видеть* — *to see*, *տեսնել*, а во французской *apercevoir* — *замечать*.

Ապարամբի / վեւի վրա կանգնել / կանգնել. Английский и французский эквиваленты не употребляются в качестве фразеологизма. В армянском языке данный библеизм означает «крепко основать (встать)», дословно — «крепко поставить (встать) на камнях». Восходит к притче Иисуса Христа об участии людей, которые слушают Его Слово. Здесь они сравниваются с домами, построенными на песке и на камнях, то есть хорошей основе [Мф. 7:24–27].

Առաջ Աստված. Дословно библеизм означает «Бог впереди». То есть призыв: пусть будет по воле Божией, по Его милосердию. Во французском и английском языках данный библеизм не узואлен.

Մի բանի որով ցանել — безэквивалентный армянский библеизм, который означает «раздражать, стравливать, дразнить; посеять зло». Восходит он к притче о добром семени и плевелах, которая была записана со слов Иисуса Христа [Мф. 13:24–30].

2. Фразеологизмы, основанные на библейских персонажах

Anesse de Balaam — Balaam's Donkey — Բաղամի եշ. Этот библеизм связан с интересной историей, описанной в Библии в Книге Чисел [Чис. 22:21–35]. Царь Валак попросил прорицателя Валаама проклясть евреев, чтобы победить в сражении. Валаам ехал к царю, сидя на ослице. Но по дороге Господь поставил ангела с мечом в руках. Ослица, испугавшись, сворачивала с пути, а Валаам заставлял ее ехать обратно, но та отказывалась. Тогда Валаам начал ее бить, а ослица сказала: «*что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?*». Что касается значения библеизмов, они абсолютно идентичны во всех языках — человек, который обычно всегда молчит и не высказывается, вдруг начинает говорить и жаловаться. Однако грамматически различаются в сле-

дующем: в английском варианте используется притяжательный падеж (*Balaam's*), тогда как во французском — конструкция с предлогом *de* (*de Balaam*), а в армянском — родительный падеж, образованный от имени *Բալաամ*. Также примечательно, что во французском переводе употреблено слово *ânesse*, принадлежащее к женскому роду, тогда как в английском и армянском не имеется категории рода.

Ange déchu — *fallen angel*. Под данным словосочетанием понимается дьявол. Изначально это был ангел, который возгордился и решил стать богом, тогда он был изгнан с небес, потому и «падший», что упал с небес. *Déchu* во французском означает «падший, свергнутый», а *fallen* в английском — «упавший, падший». Соответственно, здесь отсутствуют семантические различия, равно как и грамматические. В армянском языке данный библеизм не зафиксирован в словаре.

Arche de Noé — *Noah's ark* — *Նոյի անոթ*. С синтаксической точки зрения, здесь можно выделить следующее различие: в английском варианте используется притяжательный падеж (*Noah's*), во французском — конструкция с предлогом *de* (*de Noé*), а в армянском — прилагательное, образованное от имени *Նոյ* (*Նոյի* — *Ноев*). Восходит к Ветхому Завету, где Ной — праведник, строивший ковчег, как заповедовал ему Бог. Когда Ной его достроил, должен был произойти потоп, поэтому он взял много разных видов животных, и ковчег был переполнен [Быт. 6–9]. В настоящее время во французском и английском языках данный библеизм имеет значение чего-либо перенаселенного, переполненного. В армянском используется в качестве символа Святой Церкви как Ковчега спасения. Интересно, что в европейских языках употребляются слова одинакового происхождения — *arche* и *ark*.

Baiser de Judas — *kiss of Judas* — *Հուդայի համբույր*. Данный библеизм связан с самой трагичной историей на земле: Иуда — ученик Иисуса Христа предал своего Учителя за тридцать сребреников, о чем рассказывают нам все четыре Евангелия. Но он это сделал самым низким образом: «Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть» [Лк. 22:47]. Примечательно, что здесь мы видим полностью совпадающие переводы и в синтаксисе, и в семантике во французском и английском языках. В армянском не используется конструкция «существительное + предлог + существительное», так как имеется родительный падеж. Также имеется выражение *սպանալիկ համբույր* (убийственный поцелуй), которое означает, как и все пре-

дыдущие, *предательство ближнего*.

Le bon Samaritain — *the Good Samaritan* — *բարի սամարիտի*. Данный библеизм восходит к притче, в которой Иисус Христос рассказывает об одном путешественнике, который, спускаясь из Иерусалима, попал в руки разбойников; его избили, ограбили и оставили на дороге. Мимо проходили, на первый взгляд, благочестивые люди — священник, левит, но они не помогли пострадавшему, боясь запачкаться. Также рядом проходил один самаритянин (по еврейским традициям они причислялись к язычникам, с ними даже разговаривать нельзя было), который подобрал путешественника и позаботился о его лечении [Лк. 10:30–35]. Таким образом, *добрый самаритянин* означает человека, готового помочь во всем даже в ущерб себе. Однако во французском и армянском языках данный фразеологизм может употребляться с некой иронией по отношению к тем, кто совсем не заботится о себе, но только помогает другим. По внешней форме библеизмы полностью совпадают, за исключением отсутствия определенного артикля перед существительным в армянском языке.

Le chemin de Damas — *the road to Damascus* — *Դամասկոսի ճամբար*. Данный фразеологизм означает неожиданный, положительный и переломный момент в жизни. Он восходит к книге Деяния Апостолов, где рассказывается об апостоле Павле, который был фарисеем и осуществлял гонения на первых христиан за их веру во Христа. Он взял разрешение Синедриона на задержание христиан, ушедших в Дамаск в поисках спасения. По дороге в этот город ему являлся Иисус Христос, после чего апостол посвящает всю свою жизнь Господу и служению Ему и становится одной из самых выдающихся христианских личностей [Деян. 9:1–9]. Поэтому и библеизм означает абсолютную перемену личности. С грамматической и лексической стороны все варианты библеизма практически идентичны. Есть различие в использовании предлога: во французском это предлог *de*, выражающий принадлежность, в английском — *to*, обозначающий направление, а в армянском предлог отсутствует. Также примечательно, что в английском и армянском вариантах используется название города Дамаск, пришедшее из древнегреческого языка.

Le pauvre Lazare — *the poor Lazarus* — *աղքատ Լազարոս*. В европейских языках данный фразеологизм описывает человека, который после страданий обретает огромное счастье, а в армянском означает крайне бедного человека. Библеизм восходит к притче о богаче и бедном Лазаре, где Лазарь —

больной, голодный, грязный человек, который сидит у ворот дома богача в надежде получить пропитание. Однако хозяин не обращает внимания на умирающего Лазаря. Через некоторое время умирают и богач, и бедняк. Первый попадает в ад, а второй — в рай, где находит успокоение и утешение у Бога [Лк. 16:19–31]. Французский и английский библеизмы полностью эквивалентны: они совпадают и синтаксически, и лексически. Стоит отметить, что английский вариант имени *Lazarus* и армянский *Հազարի* более близок к древнегреческому, на котором писан Новый Завет, тогда как во французском *Lazare* потерял явное сходство.

Le signe de Caïn — the mark (brand) of Cain — *Հայկնի նշան*. Библеизм пришел из Книги Бытия, где рассказывается о сыне Адама и Евы Каине, который убил своего брата. После убийства явился Бог и сказал ему уйти в другую землю. Тогда Каин, испугавшись, что его убьют за такой поступок, попросил у Бога защиты. Он сделал знак на его лбу, который означал, что к нему нельзя подходить [Быт. 4:8–15]. Библеизм имеет следующий смысл: признак преступления, который выражен внешне; клеймо преступника, изгоя, братоубийцы, предателя. Варианты библеизма с точки зрения лексики идентичны: в английском и французском языках *le signe de Caïn* и *mark of Cain* буквально переводятся как *знак, отметина Каина*. В армянском используется слово *նշան*, то есть *печать, клеймо*. С точки зрения грамматики стоит отметить расхождение: используется формула «существительное + предлог + существительное», которая выражает отношения принадлежности во французском и английском языках, а в армянском это выражено с помощью родительного падежа.

Thomas l'Incrédule (Saint Thomas) — *doubting Thomas* — *անհաշիւս թոմաս*. Данный библеизм также пришел в язык из библейской истории. После смерти Господь Иисус Христос пришел к своим ученикам, чтобы они уверовали в то, что Он воскрес из мертвых. Однако апостол Фома не присутствовал на этой встрече и не поверил в достоверность Воскресения и сказал, что, пока он не увидит раны нашего Господа и не вложит в них свои руки, не поверит в Его Воскресение [Ин. 20:24–29]. Тогда Иисус приходит во второй раз и говорит Фоме, чтобы тот сам посмотрел Его раны, и после этого он поверил [Ин. 20:27]. Когда Фома убедился, воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» [Ин. 20:28]. С синтаксической точки зрения есть разница между вариантами библеизма: в английском языке используется причастие (сомневающийся — *doubting*) и имя собственное, тогда

как во французском — имя собственное и существительное (*Thomas l'Incrédule*), либо, как во втором варианте, прилагательное и имя собственное (*Saint Thomas*); в армянском употребляется прилагательное *անհաշիւս* (*неверующий*). Данный библеизм обозначает человека, который во всем сомневается, относится с неверием ко всему.

Հորի համբերություն. (терпение Иова). Библеизм означает крайние трудности, испытания, которые появляются в жизни человека. Выражение отсылает к истории Иова — человека, верующего в Бога и исполняющего Его волю. В один период своей жизни он теряет все — детей, богатство, друзей, здоровье. Но несмотря ни на что он не разлюбил Бога, за что Он вернул ему прежние условия [Иов.]. В английском и французском языках эквивалент не найден.

3. Фразеологизмы, основанные на религиозных обрядах

Bouc émissaire — *scapegoat* — *քաղնթաւն նիւսգ*. Данный библеизм означает невинного человека, на которого скидывают ответственность за все, что произошло. Библеизм пришел из Ветхого Завета, где описан один из обязательных тогда обрядов. Он происходил следующим образом: священнослужитель возлагал руки на козла, тем самым перекладывая все грехи еврейского народа на него. После этого козла выгоняли в пустыню, чтобы его съели дикие животные. Иногда козлу ломали ноги, чтобы все прошло быстрее [Лев. 16:1–34]. Интересно, что в новозаветной традиции козлом отпущения считается Иисус Христос, Который пострадал, взяв наши грехи на себя. Потому в христианских странах по сей день используется данный библеизм по отношению к человеку. Во французском языке данный библеизм состоит из существительного в мужском роде и прилагательного, однако в английском языке этот смысл передается сложносоставным словом *scapegoat*, включающем элементы *scape* (устаревшая форма глагола *escape* — «убегать», в том числе в значении «избежать опасности») и *goat* (козел). В армянском библеизм дословно означает *козел очищения*.

Charger de tous les péchés d'Israël. Данный французский безэквивалентный библеизм означает «возложить всю вину на кого-либо, обвинять во всех смертных грехах». Восходит он к древнему еврейскому обряду, когда накладывали руки на голову животному — козлу (отпущения), тем самым перенося грехи всех людей, всех жителей Израиля на это животное, а затем отправляли его в пустыню, где его съедали звери. В армян-

ском и английском языках не было зафиксировано подобного библеизма.

Choisir une bonne partie — choose the better part — ընտրել լավ մասը. Корни этого библеизма восходят к Евангелию от Луки, где описывается история Марфы и Марии. Марфа — хозяйственная девушка, которая готовится к ужину с Самим Богом Иисусом Христом, бегает и суетится, чтобы все прошло хорошо. Тогда как Мария, ее сестра, сидя у Его ног, слушала поучения Христа. Когда Марфа просит Его заставить Марию помочь ей, Иисус отвечает, что Мария «избрала благую часть» [Лк. 10:38–42]. С точки зрения синтаксиса, библеизмы практически идентичны. Однако лексическая сторона немного отличается: во французском и армянском языках используется прилагательное *bonne* и լավ (хороший), а в английском употребляется сравнительная степень *better* (лучшую).

Comme un agneau (qu'on mène) à la boucherie — as a lamb (goes) to the slaughter. Данный библеизм означает человека, который безропотно, покорно делает что-то, что обычно ему совсем не во благо. Если брать новозаветный текст на русском, то можно увидеть, что там употребляется слово *agneц* [Ин. 1:29], к тому же эта фраза также олицетворяла Иисуса Христа — непорочного, чистого, невиновного, которого ведут на заклание. Следует отметить, что в обоих переводах данного библеизма мы встречаем полное грамматическое и семантическое совпадение. Однако в вариациях *comme un agneau qu'on mène à la boucherie* и *as a lamb goes to the slaughter* появляются различия в значении: во французском языке говорится *qu'on mène*, т. е. «против воли», тогда как в английском варианте *goes* показывает самоотверженность — и в грамматике: появляется английский глагол «идет», а во французском употребляется относительное местоимение, вводящее сложноподчиненное предложение. В армянском языке библеизм не узуален.

La maison du bon Dieu — безэквивалентный французский библеизм, означающий гостеприимный дом. Восходит к иерусалимскому Храму, построенному Истинному Богу.

La Sainte Cène (la Cène) — the Last Supper / the Lord's Supper. Данный библеизм отсылает к завершению миссии Иисуса Христа — к Тайной вечере. Во французском языке библеизм может иметь структуру «существительное + прилагательное»: *la Sainte Cène*, а может употребляться в виде одного слова, написанного с заглавной буквы и с определенным артиклем: *la Cène*. Интересно, что и в английском языке используется структура «прилагательное + существительное», но отличается ее наполнение. Во француз-

ском это *Sainte Cène* — *Святой Ужин*; в английском *the Last Supper* — *Последний Ужин* или же *the Lord's Supper* — *Ужин Господа*, где есть и синтаксические отличия. Несмотря на имеющееся выражение *վերջին ընթրիկ* (последний ужин), в армянском языке подобный библеизм не зафиксирован словарями.

Péché capital — mortal, deadly sin — մահացու մեղք. Данный библеизм означает очень большой порок, проступок, непростительный поступок. В трудах Святых Отцов выделяется семь смертных грехов, однако данное словосочетание мы можем часто видеть и в Новом, и в Ветхом Заветах. Стоит отметить, что слово *capital* — «главный, важнейший». То есть *péché capital* можно дословно перевести как «самый главный, основной грех». А вот английский вариант предполагает определение *mortal, deadly*, армянский — *մահացու* — «смертный; тот, который ведет к смерти». Однако синтаксически эти библеизмы абсолютно идентичны, соответствуют схеме «прилагательное + существительное».

Porter sa croix — to bear one's cross — իր խաչը կրել. Обычно данный библеизм используется для описания чьей-либо тяжелой судьбы, невыносимых страданий. Этот известный фразеологизм был взят в первую очередь из Евангелия от Иоанна (хотя данный эпизод встречается у всех евангелистов, однако само словосочетание было употреблено именно им), где мы читаем о дне Распятия Иисуса Христа, когда Он был вынужден нести Свой крест, чтобы на нем же быть распятым: «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски — *Голгофа*» [Ин. 19:17]. С точки зрения грамматики и семантики представленные библеизмы являются абсолютными эквивалентами.

Saints des Saints — Holy of Holies — Մրբաբանի Մրբոց. Данный фразеологизм употребляется в значении «что-то сокровенное, заветное». Что касается Библии, мы встречаем словосочетание «Святая Святых» при описании иерусалимского Храма. Это была часть Храма, куда можно было входить только первосвященнику один раз в год [Исх. 26:33]. Французский и английский варианты являются абсолютными эквивалентами по внешней форме и по содержанию. Важно отметить, что во французском языке употребляется латинский библеизм, который содержит в себе значение *Святая Святых*: *Sanctum Sanctorum*, где *Sanctum* означает *Святое* — прилагательное в форме единственного числа среднего рода; *sanctorum* — прилагательное в форме множественного числа родительного падежа, которое указы-

вают на отношения принадлежности. Только из-за отсутствия падежей в рассматриваемых нами языках используется конструкция с предлогом *de / of*, тогда как в армянском языке имеется родительный падеж, почему и отсутствуют предлоги.

Une manne céleste / une manne — Manna from heaven / manna — երկնային մաննա. Во французском и английском языках данный библеизм употребляется в значении чего-либо ценного и очень желанного. В армянском языке — для обозначения чего-то хорошего, полученного без приложения усилий, без работы. Данное выражение относится к истории еврейского народа во время скитания по пустыне, когда Бог кормил иудеев манной — пищей [Исх. 16:15–32]. Во всех трех языках имеется сокращенная версия, состоящая только из названия данной пищи. В полных формах есть грамматическое расхождение: французское *une manne céleste*, *երկնային մաննա* (манна небесная) употребляется с прилагательным *céleste* и *երկնային* (небесный), а английское выражение подразумевает использование конструкции «предлог + существительное» — *from heaven* (с небес), то есть дословно — *манна с небес*. Также в армянском слово *манна* — *մաննա* используется в выражении *մաննա չթողնել*, т. е. *съесть все до конца*.

Առանց ծաւի ու Լիտուրգի. То есть «без храма и Литургии». Данный библеизм означает делать что-то без передышки, без отдыха, не покладая рук. Ходить на Литургию в храм по воскресеньям является неотъемлемой частью жизни христианина. Поэтому делать что-либо без Литургии подразумевает все семь дней в неделю работать. Английский и французский эквиваленты не найдены.

В результате исследования мы выявили, что по большей части библеизмы французского, английского и армянского языков идентичны, они обладают одинаковой семантикой и имеют схожее грамматическое оформление.

Также европейские библеизмы не всегда имеют армянский эквивалент и наоборот. Следует отметить также, что, чем длиннее цитата, взятая из Библии, тем больше у нее шансов на идентичность во всех трех языках.

Важно подчеркнуть, что все проанализированные нами библеизмы были взяты именно из Библии — из строчек Ветхого и Нового Заветов: притч, заповедей и др. В соответствии с проведенным количественным анализом, из 588 библеизмов 398 единиц включают библейские сюжеты и события (113 французских, 105 английских и 180 армянских соответственно). Фразеологизмы, содержащие имена библейских персонажей, со-

ставили 98 единиц (31 — французский, 22 — английские и 45 — армянские). Фразеологизмы, основанные на религиозных обрядах, составили 89 единиц (20 французских библеизмов, 17 английских и 52 армянских соответственно).

Проанализировав полученные данные, мы можем сделать вывод, что в английский язык вошло большее количество фразеологизмов из текстов Священного Писания. В то же время французскому религиозному менталитету ближе упоминание библейских персонажей. А в армянском языке чаще встречаются переосмысленные цитаты, взятые из Библии.

ИСТОЧНИКИ

1. Библия в синодальном переводе. — 2021. — 1520 с. — URL: <https://bibleonline.ru> (дата обращения: 02.02.2025).
2. Гак, В. Г. Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак. — Москва : [б. и.], 1963. — 1112 с. — Текст : непосредственный.
3. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. — [Б. м.], 2010. — 808 с. — Текст : непосредственный.
4. Когут, В. И. Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises (Словарь идиоматических выражений французского языка) / В. И. Когут. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2014. — 208 с. — Текст : непосредственный.
5. Planelles, G. Les 1001 expressions préférées des français / G. Planelles. — [S.l.], 2017. — 1178 p. — Text : unmediated.
6. The Oxford Dictionary of English Idioms. — 3 ed. — Oxford : [s.n.], 2010. — 2112 p. — Text : unmediated.
7. Բեդիրյան Պ. Ս. Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան. — Ереван, 2011. — 1410 с.
8. Սուրիապյան Ա. Մ. Հայոց լեզվի դարձվածքաբանական բառարան / Սուրիապյան Ա. Մ., Գալստյան Ս. Ա. — Ереван, 1975. — 634 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирях, А. Фразеология библейского происхождения / А. Бирях, Й. Матешич. — Прага : [б. и.], 1999. — 41 с. — Текст : непосредственный.
2. Булавина, С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : дис. ... канд. филол. наук / Булавина С. В. — Воронеж, 2003. — 156 с. — Текст : непосредственный.
3. Верещагин, Е. М. Библейская стихия русского языка / Е. М. Верещагин. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 1993. — № 1. — С. 90–98.
4. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами) / В. Г. Гак. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 55–65.
5. Гарибян, А. С. Краткий курс армянского языка / А. С. Гарибян, Дж. А. Гарибян. — Ереван : [б. и.], 1980. — 432 с. — Текст : непосредственный.
6. Гвоздарев, Ю. А. Строки библейской мудрости / Ю. А. Гвоздарев. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 1994. — С. 113–118.
7. Гончарова, Т. В. Структурно-семантическая характеристика библеизмов, функционирующих в современной публицистике / Т. В. Гончарова, В. Плешков, Н. Тумка. — Текст : непосредственный // Структурно-семантические характеристики слова и предложения. — 1991. — С. 46–50.
8. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. — Москва : [б. и.], 1986. — 310 с. — Текст : непосредственный.
9. Жуковская, Н. П. Библеизмы французского языка / Н. П. Жуковская. — Москва : [б. и.], 2006. — 381 с. — Текст : непосредственный.
10. Каминская, Е. В. Фразеология библейского происхож-

дения во французском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / Каминская Е. В. — Санкт-Петербург, 2004. — 218 с. — Текст : непосредственный.

11. Курчаткина, Н. Н. Фразеология испанского языка : учеб. пособие / Н. Н. Курчаткина, А. В. Супрун. — Москва : [б. и.], 1981. — 144 с. — Текст : непосредственный.

12. Матвеева, Н. П. Библизмы в русской словесности / Н. П. Матвеева. — Текст : непосредственный // Русская словесность. — 1993. — № 3. — С. 15–18.

13. Меликян, А. А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знания в семантические единицы языка : дис. ... канд. филол. наук / Меликян А. А. — Пятигорск, 1998. — 203 с. — Текст : непосредственный.

14. Мокиенко, В. М. Библизмы в современной русской речи. Как их правильно понимать и употреблять / В. М. Мокиенко. — Москва : [б. и.], 2017. — 160 с. — Текст : непосредственный.

15. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка : учеб. пособие / А. Г. Назарян. — Москва : [б. и.], 1987. — 288 с. — Текст : непосредственный.

16. Петухова, М. Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Петухова М. Е. — Казань, 2003. — 180 с. — Текст : непосредственный.

17. Романова, Г. В. Использование библизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук / Романова Г. В. — Воронеж, 2003. — 223 с. — Текст : непосредственный.

18. Худякова, Е. С. О функциях религиозной лексики и библизмов в текстах современных печатных СМИ / Е. С. Худякова. — Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена : сайт. — URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/20\(49\)/khudyakova_20_49_226_234.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/20(49)/khudyakova_20_49_226_234.pdf) (дата обращения: 02.02.2025).

19. Черданцева, Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы / Т. З. Черданцева. — Москва : [б. и.], 2000. — 304 с. — Текст : непосредственный.

20. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. — Москва : [б. и.], 2002. — 287 с. — Текст : непосредственный.

21. Cowie, A. P. Phraseology: Theory, Analysis, and Applications / A. P. Cowie. — Oxford : [s.n.], 1998. — 272 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. *Bibliya v sinodalnom perevode* [The Bible in the Synodal Translation] (2021). 1520 p. Retrieved Feb. 2, 2025, from <https://bibleonline.ru> (In Russ.)

2. Gak, V.G. (1963). *Francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar* [French-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, 1112 p.

3. Dubrovina, K.N. (2010). *Enciklopedicheskij slovar biblejskih frazeologizmov* [Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseologisms]. 808 p. (In Russ.)

4. Kogut, V.I. (2014). *Dictionnaire des expressions idiomatiques francaises* (Slovar idiomaticheskikh vyrazhenij francuzskogo yazyka). SPb, 208 p.

5. Planelles, G. (2017). *Les 1001 expressions préférées des français*. 1178 p.

6. *The Oxford Dictionary of English Idioms* (2010). (3 ed.). Oxford, 2112 p.

7. Բեդիրյան Պ. Ս. Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան. Yerevan, 2011. 1410 p. = Bediryan, P.S. (2011). *Extensive explanatory dictionary of Armenian idioms*. Yerevan, 1410 p. (In Armenian)

8. Սուքիասյան Ա. Մ., Գալստյան Ս. Ա. Հայոց լեզվի դարձվածաբանական բառարան. Yerevan, 1975. 634 p. = Sukiasyan, A.M., & Galstyan, S.A. (1975). *Idiomatic dictionary of the Armenian language*. Yerevan, 634 p. (In Armenian)

REFERENCES

1. Biriň, A., & Mateshich, J. (1999). *Frazeologiya biblejskogo prois-hozhdeniya* [Phraseology of Biblical Origin]. Prague, 41 p. (In Russ.)

2. Bulavina, S.V. (2003). *Russkie ustojchivye slovosochetaniya, sodержashie cerkovno-religioznuyu leksiku* [Russian Set

Phrases Containing Church-Religious Lexicon] [Dis. of Cand. of Philology]. Voronezh, 156 p. (In Russ.)

3. Vereshagin, E.M. (1993). *Biblejskaya stihiya russkogo yazyka* [Biblical Nature of the Russian Language]. *Russkaya rech*, 1, 90–98. (In Russ.)

4. Gak, V.G. (1997). *Osobennosti biblejskih frazeologizmov v russkom yazyke (v sopostavlenii s francuzskimi biblejskimi frazeologizmami)* [Features of biblical phraseological units in the Russian language (in comparison with French biblical phraseological units)]. *Voprosy yazykoznanija*, 5, 55–65. (In Russ.)

5. Garibyan, A.S., & Garibyan, Dzh.A. (1980). *Kratkij kurs armyanskogo yazyka* [A Brief Course in the Armenian Language]. Yerevan, 432 p. (In Russ.)

6. Gvozdev, Yu.A. (1994). *Stroki biblejskoj mudrosti* [Lines of Biblical Wisdom]. *Russkaya rech*, 113–118. (In Russ.)

7. Goncharova, T.V., Pleshkov, V., & Tumka, N. (1991). *Strukturno-semanticheskaya harakteristika bibleizmov, funkcioniruyushih v sovremennoj publicistike* [Structural and semantic characteristics of biblical expressions functioning in modern journalism]. In *Strukturno-semanticheskie harakteristiki slova i predlozheniya* (pp. 46–50). (In Russ.)

8. Zhukov, V.P. (1986). *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow, 310 p. (In Russ.)

9. Zhukovskaya, N.P. (2006). *Bibleizmy francuzskogo yazyka* [Biblical expressions of the French language]. Moscow, 381 p. (In Russ.)

10. Kaminskaya, E.V. (2004). *Frazeologiya biblejskogo prois-hozhdeniya vo francuzskom i russkom yazykah* [Phraseology of biblical origin in French and Russian] [Dis. of Cand. of Philology]. St. Petersburg, 218 p. (In Russ.)

11. Kurchatkina, H.H., & Suprun, A.B. (1981). *Frazeologiya is-panskogo yazyka* [Phraseology of the Spanish language] [Text-book]. Moscow, 144 p. (In Russ.)

12. Matveeva, N.P. (1993). *Bibleizmy v russkoj slovesnosti* [Biblical expressions in Russian literature]. *Russkaya slovesnost*, 3, 15–18. (In Russ.)

13. Melikyan, A.A. (1998). *Klassifikaciya biblejskih frazeolo-gizmov anglijskogo yazyka na osnove konceptualnyh modelej preobrazovaniya znaniya v semanticheskie edinicy yazyka* [Classification of biblical phraseological units of the English language based on conceptual models of knowledge transformation into semantic units of language] [Dis. of Cand. of Philology]. Pyatigorsk, 203 p. (In Russ.)

14. Mokenko, V.M. (2017). *Bibleizmy v sovremennoj russkoj rechi. Kak ih pravilno ponimat i upotrebyat* [Biblicisms in modern Russian speech. How to understand and use them correctly]. Moscow, 160 p. (In Russ.)

15. Nazaryan, A.G. (1987). *Frazeologiya sovremennogo francuzskogo yazyka* [Phraseology of the modern French language] [Teaching manual]. Moscow, 1987. 288 p. (In Russ.)

16. Petuhova, M.E. (2003). *Funkcionalnye osobennosti cerkovnoj leksiki s predmetnym znacheniem v russkom yazyke* [Functional features of church vocabulary with subject meaning in the Russian language] [Dis. of Cand. of Philology]. Kazan, 180 p. (In Russ.)

17. Romanova, G.V. (2003). *Ispolzovanie bibleizmov v poezii Mariny Ivanovny Cvetaevoj* [The Use of Biblical Identities in the Poetry of Marina Ivanovna Tsvetaeva] [Dis. of Cand. of Philology]. Voronezh, 223 p. (In Russ.)

18. Hudyakova, E.S. (n.d.). *O funkciyah religioznoj leksiki i bibleizmov v tekstah sovremennyh pechatnyh SMI* [On the Functions of Religious Vocabulary and Biblical Identities in the Texts of Modern Printed Media]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [site]. Retrieved Feb. 2, 2025, from [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/20\(49\)/khudyakova_20_49_226_234.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/20(49)/khudyakova_20_49_226_234.pdf) (In Russ.)

19. Cherdanceva, T.Z. (2000). *Italyanskaya frazeologiya i italycy* [Italian Phraseology and Italians]. Moscow, 304 p. (In Russ.)

20. Shulezhkova, S.G. (2002). *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ih istochniki i razvitie* [Winged expressions of the Russian language, their sources and development]. Moscow, 287 p. (In Russ.)

21. Cowie, A.P. (1998). *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 272 p.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+811.161.1'276.5+811.111'276.5
ББК Ш105.51+Ш141.12-55+Ш143.21-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 5.9.8

Денис Дмитриевич Ефремов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, denis-174@list.ru, SPIN-код: 1810-5025

Неморфологические способы образования профессионализмов на примере двух лексико-тематических групп: «Наименования лиц, являющихся военнослужащими», «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими» — американско-русского военного дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие военного дискурса, его отличительные признаки, а также лексико-семантические особенности профессионального языка военных США и России. Цель исследования — выявить и описать неморфологические, а также морфологические способы образования профессиональной лексики. Объект исследования — лексико-тематические группы «Наименования лиц, являющихся военнослужащими» и «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими» американско-русского военного дискурса. Предмет исследования — профессионализмы и жаргонизмы, входящие в эти группы. Для классификации и описания особенностей лексем применялись методы лексико-семантического анализа и сравнительного анализа. Для выделения способов словообразования с некоторым уточнением использовались классификации лингвистов В. В. Виноградова и Н. А. Шанского. Материалом послужили словари военной лексики, нон-фикшен литература, а также современные глоссарии военного языка из англо- и русскоязычных онлайн-источников. В статье доказывается, что основными способами образования профессионализмов и жаргонизмов как в русском, так и в американском военном дискурсе являются неморфологические способы словообразования: метафора, заимствование и искажение; морфологические способы применяются значительно реже и представлены усечением и слоговой аббревиацией. Результаты исследования расширяют языковую и культурную подготовку специалистов, связанных с военной сферой, а также лиц, участвующих в межкультурной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военный дискурс, профессиональный язык, военный жаргон, российские военнослужащие, американские военнослужащие, профессиональная лексика, лексическая семантика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ефремов Денис Дмитриевич, аспирант первого курса, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; email: denis-174@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ефремов, Д. Д. Неморфологические способы образования профессионализмов на примере двух лексико-тематических групп: «Наименования лиц, являющихся военнослужащими», «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими» — американско-русского военного дискурса / Д. Д. Ефремов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 246-253.

Denis D. Efremov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, denis-174@list.ru, SPIN code: 1810-5025

Non-morphological Methods of Formation of Professionalisms on the Example of Two Lexico-Thematic Groups – “Nominations of Military Persons” and “Nominations of Non-military Persons” – in the American-Russian Military Discourse

ABSTRACT. The article covers the concept of military discourse and its distinctive features, as well as lexico-semantic features of the professional language of the US and Russian military. The aim of the study is to identify and describe non-morphological and morphological ways of formation of professional lexicon. The scope of the research includes lexico-thematic groups “Nominations of military persons” and “Nominations of non-military persons” of the American-Russian military discourse. The object of the study is presented by professionalisms and jargonisms included in these groups. The study uses the methods of lexico-semantic analysis and comparative analysis to classify and describe the specific features of the lexemes under examination. It draws on the classifications of V.V. Vinogradov and N.A. Shansky to identify the specific methods of word formation. The practical research material was extracted from dictionaries of military terms and non-fiction literature, as well as modern glossaries of military language from English- and Russian-language online sources. The article argues that non-morphological methods of word formation: metaphor, borrowing, and distortion are the main ways of formation of professionalisms and jargonisms, both in Russian and American military discourse; morphological methods are used much less frequently and are represented by truncation and syllabic abbreviation. The results of the study may enhance the linguistic and cultural training of specialists in the military sphere, as well as those involved in intercultural communication.

KEYWORDS: military discourse, professional language, military slang, Russian military persons, American military persons, professional lexicon, lexical semantics.

© Ефремов Д. Д., 2025

AUTHOR'S INFORMATION: Efremov Denis Dmitrievich, Post-Graduate Student, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Efremov D. D. (2025). Non-morphological Methods of Formation of Professionalisms on the Example of Two Lexico-Thematic Groups – “Nominations of Military Persons” and “Nominations of Non-military Persons” – in the American-Russian Military Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 246-253. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Вооруженные силы — это отдельная профессиональная группа, члены которой, как и представители любой другой профессии, общаются друг с другом посредством профессиональной коммуникации — специальной смысловой коммуникации, служащей для передачи профессиональных знаний и умений [Соколов 2014: 288]. Хотя особый «военный язык» существовал столь же долго, сколько и сами вооруженные силы, исследование этого языка с точки зрения лингвистики было предпринято только в середине XX века, когда после окончания двух мировых войн у отечественных и зарубежных лингвистов накопилось достаточно практики для проведения фундаментальных исследований в области военного профессионального языка.

Актуальность нашего исследования обоснована тремя факторами:

1. Фактор геополитический. В связи с проведением СВО сложно переоценить важность исследования профессионального языка военнослужащих США и России.

2. Фактор медиалингвистический. Благодаря вовлеченности СМИ и социальных сетей, военный дискурс вышел за пределы боевых конфликтов, а профессиональная лексика военнослужащих проникла в лексику общепотребительную.

3. Фактор собственно лингвистический. Неморфологические способы образования профессиональной лексики военных изучены недостаточно. При этом результаты лексико-семантического анализа, представленные в настоящей статье, убедительно демонстрируют, что этимология военных лексем строится на основе именно неморфологического способа словообразования.

Материалом исследования послужили англо- и русскоязычные словари военной лексики: «Словарь русского военного жаргона» (2000) В. П. Коровушкина, «Словарь военных терминов» (2007) Р. Боуера и книга П. Диксона «Военный сленг: Боевые слова и выражения американцев начиная со времен Гражданской войны» (2004). Помимо печатных источников, были рассмотрены глоссарии актуальной лексики военного языка из англо- и русскоязычных онлайн-источников: NPR — «U.S. Military Lingo: The (Almost) Definitive Guide», Vietnam Veteran — «Vietnam Veteran's Terminology and Slang», Спец-

наз России — «СИРИЙСКИЙ СЛЕНГ» и «Комсомольская правда» — «Самые важные, необычные и забавные слова СВО».

В ходе исследования было изучено 250 лексем военнослужащих США и Российской Федерации, по 125 единиц лексики американского и русского профессионального языка. Эти лексемы разделены на 6 лексико-тематических групп: «Наименования лиц, являющихся военнослужащими», «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими», «Наименования транспортных средств», «Наименования оружия и боеприпасов», «Наименования предметов экипировки» и «Наименования явлений и предметов военного быта». В данной работе мы рассмотрим профессиональную лексику военнослужащих США и Российской Федерации на примере первых двух лексико-тематических групп.

Лексико-тематическая группа «Наименования лиц, являющихся военнослужащими» обширна. Она включает в себя лексемы, обозначающие самих военнослужащих, а также звания вооруженных сил США и РФ соответственно.

В лексико-тематической группе «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими» представлены жаргонизмы и термины, характеризующие лиц, не являющихся непосредственно членами вооруженных сил США или РФ — это разного рода гражданские лица и комбатанты других сторон, как дружественных, так и враждебных военнослужащим соответствующих вооруженных сил.

Объектом исследования, таким образом, являются лексико-тематические группы «Наименования лиц, являющихся военнослужащими» и «Наименования лиц, не являющихся военнослужащими» американско-русского военного дискурса.

Предметом выступают профессионализмы и жаргонизмы этих групп.

Цель работы — выявить и описать неморфологические способы образования профессиональной лексики двух указанных выше тематических групп.

В работе использовались методы лексико-семантического анализа (анализ и извлечение значений лексических единиц из текстов на лексико-фразеологическом уровне) для того, чтобы распределить лексемы по лексико-тематическим группам, а также сравнительного анализа (выявление сходств и различий лексико-семантических особен-

ностей профессионального военного жаргона (на исследуемых языках) для сравнения лексико-тематических групп двух профессиональных языков и выявления их сходств и различий.

2. ПОНЯТИЕ ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Мы рассматриваем дискурс как коммуникативное явление, включающее речь, текст и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели, индивидуальные и социальные особенности коммуниканта и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение), необходимые для понимания текста и речи.

Современными исследователями обозначаются две основных разновидности дискурса: статусно-ориентированный (институциональный) и личностно ориентированный (персональный). В. И. Карасик выделяет военный дискурс как одну из категорий институционального дискурса. Институциональный дискурс характеризуется предельным количеством ограничений речи, малой контекстообусловленностью, генеральными целями, строгой структурой, главенством глобальной организации. Как правило, этот вид дискурса стремится к полноте описания, он в большинстве случаев монологичен, максимально наполнен смыслами и обладает стандартизованностью языковых средств [Карасик 1998: 185–196].

По определению М. А. Шевченко, военный дискурс является «видом институционального дискурса, для которого характерны ритуализованность, жесткая структурность и формализованность, а также особые правила и нормы порождения и существования дискурса, только при следовании которым возможна эффективная коммуникация. Письменной зафиксированной основой военного дискурса являются военные материалы, а сам дискурс структурно подразделяется на формальный и неформальный» [Шевченко 2019: 156]. В дальнейшем мы будем опираться на это определение.

3. ВИДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Язык профессиональной коммуникации содержит в себе терминологию, профессионализмы (устную профессиональную лексику) и профессиональные жаргонизмы.

Профессионализмы определяются в словаре-справочнике лингвистических терминов Д. Э. Розенталя как «слова или выражения, свойственные речи той или иной профессиональной группы» [Розенталь 1985: 357]. Военные профессионализмы, соответственно, являются профессионализмами, свойст-

венными речи военнослужащих. Например, русскоязычное слово *резина* и англоязычная аббревиатура *МОРР* свойственны именно речи военнослужащих (в значении *костюм химзащиты*). Профессионализм выступает как просторечный эквивалент терминов, который, как правило, не имеет официального закрепления.

Жаргон — это речь определенной социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много отличных от общего языка слов и выражений, отражающих вкусы и потребности данной группы. Согласно Д. Ховарду, военный жаргон играет особую роль во взаимоотношениях и помогает сблизиться военнослужащим, происходящим из разных социальных групп. Общность разговорной лексики является средством адаптации новых членов в коллективе [Howard 1956: 188]. В отличие от профессионализмов, профессиональный жаргон обычно характеризуется стилистически сниженной лексикой, фамильярным и юмористическим отношением, наличием нецензурной лексики, выражает отношение пользователей к называемым объектам, имеет эмоциональную окраску и является частью сугубо разговорной речи. Например, жаргонизм *красные шапки* (военные полицейские ВС РФ) отражает пренебрежительное отношение военнослужащего к представителям правоохранительной структуры, а лексема *crayon eaters* («поедатели цветных мелков», морпехи США) выражает негативное мнение говорящего об умственных способностях бойцов корпуса морской пехоты.

4. СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Мы принимаем за основу классификацию В. В. Виноградова с некоторыми уточнениями. Ученый предложил различать следующие способы словообразования: лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфологосинтаксический и морфологический [Виноградов 1952: 44–47]. Первые три способа для удобства объединим в общую неморфологическую группу. Таким образом, мы имеем дело с неморфологическими (без помощи морфем) и морфологическими (с помощью различных морфем) способами словообразования.

Нами было выявлено несколько способов образования лексем, входящих в заявленные тематические группы:

- словообразование посредством метафоры;
- заимствование;
- искажение;
- усечение;
- аббревиация (в том числе слоговая).

Основываясь на классификации В. В. Виноградова, метафору, заимствование и искажение мы относим к неморфологическим способам словообразования. При этом усечение и аббревиацию, вслед за Н. М. Шанским, мы считаем примерами морфологического словообразования [Шанский 1987: 256].

5. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всего нами было обработано 250 лексем профессионального языка военных. Сравнительный анализ показал, что только 7 из них образованы морфологическим способом. Таким образом, неморфологический способ при образовании профессионализмов исследуемых тематических групп доминирует в пропорции 17 к 7. Другими словами, случаи, когда единицы американско-русского дис-

курса были образованы неморфологическим способом, существенно превышают случаи словообразования морфологического.

Приведем избранные примеры, убедительно демонстрирующие полученные нами результаты. В Таблице 1 рассматриваются 12 лексем профессионального языка ВС США, шесть из которых относятся к самим военнослужащим, а остальные — к лицам, не состоящим в вооруженных силах, но контактирующих с военными. В таблице указаны типы лексем, а также средства их образования. Каждый пример снабжен краткой этимологической справкой. В Таблице 2 по той же схеме рассматриваются лексемы профессионального языка ВС РФ.

Таблица 1

Примеры образования профессиональной лексики американского военного дискурса

	Лексема	Тип лексемы	Способ образования	Этимология
Военнослужащие	POG = морпех-тыловик	Жаргонизм	Аббревиация = морфолог. способ	Расшифровывается как People Other than Grunts (люди помимо пехоты). Это уничижительное наименование для бойцов КМП, не участвующих в бою или других опасных действиях на передовой, и служащих в тыловых, вспомогательных подразделениях.
	<i>Boot</i> (ботинок) = новобранец КМП/ВМФ США	Профессионализм	Метафора = неморфолог. способ	Изначально этим жаргонизмом обозначались гетры, которые носили моряки во время Испано-американской войны 1898 года, но позднее жаргонизм был прикреплен к новичкам корпуса морской пехоты (КМП) и ВМФ США.
	<i>Butter bar</i> (полоска масла) = младший лейтенант	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	От сходства знака различия младшего лейтенанта (вертикальный прямоугольник золотистого цвета) с прямоугольным куском масла.
	<i>Chicken</i> (курица) = полковник	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	Ироничное сравнение знака различия полковника (серебряный орел с расправленными крыльями) с одомашненной птицей.
	<i>Devil dog</i> (дьявольский пёс) = Морпех США	Профессионализм	Метафора = неморфолог. способ	Происходит от мифа времен Первой мировой войны, когда в ходе битвы при Белло Вуд во

Окончание таблицы 1

	Лексема	Тип лексемы	Способ образования	Этимология
Военнослужащие (окончание)	–	–	–	Франции в июне 1918 года, немецкие солдаты прозвали бойцов КМП Teufelhunden (sic), т. е. «дьявольскими псами», в знак уважения к врагу.
	<i>Fobbit</i> = <i>Солдат, не выходящий с базы</i>	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	От слияния акронима FOB (Forward Operating Base, передовая оперативная база) и Hobbit (Хоббит), названия фэнтезийной расы из произведений Дж. Р. Р. Толкина.
	<i>Bad guys</i> (плохие парни) = <i>враги</i>	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	Упрощение образа врага до стереотипных «плохих парней» из массовой фильмов-боевиков.
Не военнослужащие	<i>Haji</i> (хаджи) = <i>арабы</i>	Жаргонизм	Заимствование = неморфолог. способ	Хаджи — почётное звание для мусульманина, который совершил хадж (паломничество в Мекку). Основано на связи жителей Ближнего Востока с исламом. Сегодня считается дерогативом.
	<i>Srook</i> (привидение) = <i>Агент ЦРУ на территории военной базы</i>	Профессионализм	Метафора = неморфолог. способ	Агентов сравнивают со сверхъестественными сущностями из-за скрытной природы их работы и привычке исчезать с военных объектов.
	<i>Terp</i> = <i>переводчик из числа гражданских</i>	Профессионализм	Усечение = морфолог. способ	Сокращение от слова interpreter.
	<i>Opfor</i> = <i>противостоящая сила</i>	Профессионализм	Слоговая аббревиация = морфолог. способ	От слов opposing force. Чаще всего используется в контексте боевых учений, где одно из подразделений играет роль условного противника.
	<i>Muj</i> = <i>моджахед/враг</i>	Жаргонизм	Заимствование/сокращение = неморфолог. способ	Сокращение от арабского слова mujahedeen (моджахед, участник джихада).

Таблица 2

Примеры образования профессиональной лексики русского военного дискурса

	Лексема	Тип лексемы	Способ образования	Этимология
Военнослужащие	<i>Мехвод</i> = <i>механик-водитель</i>	Профессионализм	Слоговая аббревиация = морфолог. способ	От названия специальности «механик-водитель».
	<i>Контрабас</i> = <i>военнослужащий-контрактник</i>	Жаргонизм	Искажение = неморфолог. способ	Искажение как средство образования выражает пренебрежительное отношение срочников к контрактникам.
	<i>Партизан</i> (человек, воюющий против оккупантов методами партизанской войны) = человек, призванный на военные сборы	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	Люди, призванные на сборы, приходят на них в полувоенной форме одежды, подобно партизанам, одетым в смесь гражданской одежды и военной экипировки.
	<i>Подпол</i> (пространство под полом или подвал) = <i>подполковник</i>	Профессионализм	Слоговая аббревиация = морфолог. способ	Обозначение звания подполковник, образованное слоговым сокращением от слова подполковник.
	<i>Комод</i> (низкий шкаф с выдвижными ящиками) = <i>командир отделения</i>	Профессионализм	Слоговая аббревиация = морфолог. способ	От названия должности «командир отделения».
	<i>Штурма</i> = <i>бойцы, участвующие в штурмовых операциях</i>	Профессионализм	Усечение = морфолог. способ	От слова «штурмовики».
Не военнослужащие	<i>Садык</i> (друг) = <i>солдат армии Сирийской Арабской Республики</i>	Жаргонизм	Заимствование = неморфолог. способ	Заимствование из арабского языка. Образовано от частого употребления сирийскими солдатами слова «садык» в сторону бойцов ВС РФ, из-за чего российские военные стали ассоциировать это слово с сирийцами.
	<i>Боевик</i> = <i>член вооруженных группировок, террористических организаций./ боец ВСУ.</i>	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	Изначально слово означало членов боевого крыла политических организаций начала 20-го века. При использовании жаргонизма по отношению к солдатам вооруженных сил Украины идет их сравнение с бойцами незаконных и/или террористических формирований.
	<i>Музыканты</i> = <i>бойцы ЧВК «Вагнер»</i>	Жаргонизм	Метафора = неморфолог. способ	От ассоциации названия организации с именем известного немецкого композитора, Вильгельма Рихарда Вагнера.

	Лексема	Тип лексемы	Способ образования	Этимология
Не военнотружующие (окончание)	<i>Вагнерá</i> = <i>бойцы ЧВК «Вагнер»</i>	Жаргонизм	Искажение = неморфолог. способ	От названия организации.
	<i>Даеш</i> = <i>ИГИЛ*, боец ИГИ-Ла</i>	Жаргонизм	Займствование = неморфолог. способ	От ДАИШ, арабского акронима для террористической организации (араб. داعش, [ˈdaːʕiʃ]).
	<i>Дух (сущность, разум умершего человека, покинувшего тело)</i> = <i>моджахед</i>	Жаргонизм	Займствование/искажение = неморфолог. способ	От пуштунского слова «душман» (враг). Так афганские просоветские власти и бойцы Советской Армии называли моджахедов в ходе Войны в Афганистане. Советские солдаты постепенно превратили «душманов» в жаргонных «духов».

Из представленного материала видно, что главными способами формирования профессионализмов являются способы неморфологические (17 лексем), а именно — метафора (10 лексем), заимствование (5 лексем) и искажение (2 лексемы). Морфологические способы (7 лексем) представлены сокращениями (3 лексемы) и аббревиациями (4 лексемы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основным способом образования лексем в группе военнотружующих США служит метафора: *butter bar* — *младший лейтенант* (5 лексем), в группе не военнотружующих — равное соотношение метафор, заимствований и сокращений: *spook* — *агент ЦРУ*; *tuj* — *моджахед*; *terp* — *переводчик* (по 2 лексемы на способ).

В русском языке военные по отношению к сослуживцам чаще всего используют сокращения: *комод* — *командир отделения* (3 лексемы), группе не военнотружующих свойственны заимствования: *даеш* — *боевик ИГИЛ** (3 лексемы).

Англоязычные лексемы, обозначающие военнотружующих, как отмечалось выше, чаще всего образуются посредством метафоры: *devil dog*, или *дьявольский пес* — *морпех США*. В жаргонизмах, обозначающих лиц других национальностей, используются отсылки к чужой культуре: жаргонизм *haji* — *араб*. В обоих случаях активно применяются сокращения: *fobbit* — *солдат, не выходящий с базы*; *OpFor* — *противостоящая сила*.

В русском профессиональном языке при создании жаргонизмов, относящихся к самим военнотружующим, чаще всего используется способ слоговой аббревиации: *подпол* — *подполковник*; *комод* — *командир отделения*. В группе лексем, обозначающих не военнотружующих, как правило, используются заимствования из других языков: *даеш* — *боевик ИГИЛ**, и искажения: *дух* (от *душман*) — *моджахед*.

служущих, как правило, используются заимствования из других языков: *даеш* — *боевик ИГИЛ**, и искажения: *дух* (от *душман*) — *моджахед*.

ПРИМЕЧАНИЕ

* ИГИЛ — террористическая организация, деятельность запрещена на территории РФ.

ИСТОЧНИКИ

1. Коровушкин, В. П. Словарь русского военного жаргона / В. П. Коровушкин. — Екатеринбург : Уральский университет, 2000. — 372 с. — Текст : непосредственный.

2. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Просвещение, 1985. — С. 357. — URL: https://www.phantastike.com/dic/slov_spravochnik/djvu/view/. — Текст : электронный.

3. Bowyer, R. Dictionary of Military Terms / R. Bowyer. — London : A&C Black Publishers Ltd, 2007. — 289 p. — Text : unmediated.

4. Dickson, P. War slang: American fighting word and phrases since the Civil war / P. Dickson. — 2-nd. ed. — Washington, D.C. : Brassey's, Inc., 2004. — 428 p. — Text : unmediated.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов, А. Д. Швейцер. — Москва : Военное издательство, 2004. — 320 с. — Текст : непосредственный.

2. Виноградов, В. В. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Современный русский язык. Морфология. — Москва : [б. и.], 1952. — С. 44–47.

3. Глушко, М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М. М. Глушко. — Москва : Издательство Московского университета, 1974. — 180 с. — Текст : непосредственный.

4. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий / Е. И. Голованова. — Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 32–35. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-diskurs-subdiskurs-zhanr-professionalnoy-kommunikatsii-sootnoshenie-ponyatiy>.

5. Захарчук, О. А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Захарчук О. А. — Челябинск, 2007. — 170 с. — Текст : непосредственный.

6. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик. —

Текст : непосредственный // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 1998. — 185–196 с.

7. Нелюбин, Л. Л. Учебник военного перевода. Английский язык / Л. Л. Нелюбин, А. А. Дормидонтов, А. А. Васильченко. — Москва : Воениздат, 1981. — 379 с. — Текст : непосредственный.

8. Сдобнова, Ю. Н. Некоторые дискурсивные особенности современной военной терминосистемы вооруженных сил Франции / Ю. Н. Сдобнова. — Текст : электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 10 (696). — С. 195–209. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-sovremennogo-voennogo-diskursa>.

9. Соколов, А. В. Социальные коммуникации : учебник / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург : Профессия, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.

10. Стрелковский, Г. М. Теория и практика военного перевода (немецкий язык) / Г. М. Стрелковский. — Москва : Воениздат, 1979. — 272 с. — Текст : непосредственный.

11. Шанский, Н. М. Современный русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Просвещение, 1987. — 256 с. — Текст : непосредственный.

12. Шевченко, М. А. Методика обучения военных переводчиков профессиональному иноязычному дискурсу на основе компетентностного подхода / М. А. Шевченко, С. С. Загайнов ; под общ. ред. С. К. Гураль. — Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2019. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000659354>. — Текст : электронный.

13. Шмаков, В. С. Картина мира как объект исследования / В. С. Шмаков. — Текст : непосредственный // Взаимодействие научно-технического и социального прогресса. — Новосибирск : [б. и.], 1989. — С. 264–270.

14. Юсупова, Т. С. Структурные особенности военного дискурса / Т. С. Юсупова. — Текст : электронный // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — № 4 (4). — С. 1055–1058. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-voennogo-diskursa/viewer>.

15. Яроцкий, Д. А. Военный жаргон как «язык для посвященных» в межкультурной коммуникации / Д. А. Яроцкий. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. науч. трудов. — Екатеринбург : Издательство УМЦ-УПИ, 2020. — С. 58–62.

16. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris. — Text : unmediated // Language. — 1952. — Vol. 28, № 1. — P. 1–30.

17. Howard, D. United States Marine Corps Slang / D. Howard. — Text : unmediated // American Speech. — 1956. — № 3. — 188 p.

MATERIALS

1. Korovushkin, V.P. (2000). *Slovar' russkogo voennogo zhargona* [Dictionary of Russian military jargon]. Ekaterinburg: Ural'skij universitet, 372 p. (In Russ.)

2. Rozental', D.E., & Telenkova, M.A. (1985). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-Reference book of linguistic terms]. Moscow: Prosveshchenie, 357 p. Retrieved from https://www.phantastike.com/dic/slov_spravochnik/djvu/view/ (In Russ.)

3. Bowyer, R. (2007). *Dictionary of Military Terms*. London: A&C Black Publishers Ltd, 289 p.

4. Dickson, P. (2004). *War slang: American fighting word and phrases since the Civil war* (2-nd. ed.). Washington, D.C.: Brassey's, Inc.

REFERENCES

1. Borisov, V.V. (2004). *Abbreviaciya i akronimiya. Voennye i nauchnotekhnicheskie sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviation and acronym. Military and scientific and technical

abbreviations in foreign languages]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 320 p. (In Russ.)

2. Glushko, M.M. (1974). *Funkcional'nyj stil' obshchestvennogo yazyka i metody ego issledovaniya* [Functional style of public language and methods of its research]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 180 p. (In Russ.)

3. Golovanova, E.I. (2013). Professional'nyj diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noj kommunikacii: sootnoshenie ponyatij [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of notions]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1(292), 32–35. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-diskurs-subdiskurs-zhanr-professionalnoy-kommunikatsii-sootnoshenie-ponyatij> (In Russ.)

4. Karasik, V.I. (1998). O kategoriyah diskursa [On the categories of discourse]. In *Yazykovaya lichnost': sociolingvisticheskij i emotivnyj aspekty* (pp. 185–196). (In Russ.)

5. Nelyubin, L.L. (1981). *Uchebnik voennogo perevoda. Anglijskij yazyk* [Textbook of Military Translation. English language]. Moscow: Voениzdat, 379 p. (In Russ.)

6. Sdobnova, Yu.N. (2014). Some modern military discourse (on the material of zoonyms in French navy terminological sphere). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(696), 195–209. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-sovremennogo-voennogo-diskursa> (In Russ.)

7. Shanskij, N.M. (1987). *Sovremennyy russkij yazyk* [Modern Russian language] [Textbook for students of pedagogical institutes] (In 3 parts. Part 2. Word formation. Morphology). Moscow: Prosveshchenie, 256 p. (In Russ.)

8. Shevchenko, M.A. (2019). *Metodika obucheniya voennykh perevodchikov professional'nomu inoyazychnomu diskursu na osnove kompetentnostnogo podhoda* [Methodology of training military interpreters in professional foreign-language discourse based on the competence approach]. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 156 p. Retrieved from <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000659354>. (In Russ.)

9. Shmakov, V.S. (1989). Kartina mira kak ob'ekt issledovaniya [World picture as an object of research]. In *Vzaimodejstvie nauchnotekhnicheskogo i social'nogo progressa* (pp. 264–270). (In Russ.)

10. Sokolov, A.V. (2014). *Social'nye kommunikacii* [Social Communications] [Textbook]. Saint-Petersburg: Professiya, 288 p. (In Russ.)

11. Strelkovskij, G.M. (1979). *Teoriya i praktika voennogo perevoda (nemeckij yazyk)* [Theory and Practice of Military Translation (German)]. Moscow: Voениzdat, 272 p. (In Russ.)

12. Vinogradov, V.V. (1952). Voprosy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya v svete trudov I. V. Stalina po yazykoznaniyu [Questions of modern Russian word formation in the light of the works of I. V. Stalin on linguistics]. In *Sovremennyy russkij yazyk. Morfologiya* (pp. 44–47). (In Russ.)

13. Yarockij, D.A. (2020). Voennyj zhargon kak “yazyk dlya posvyashchennykh” v mezhkul'turnoj kommunikacii [Military jargon as a “language for the initiated” in intercultural communication]. In *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* (sb. nauchn. trudov, pp. 58–62). (In Russ.)

14. Yusupova, T.S. (2009). Structural features of military discourse. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 4(4), 1055–1058. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-voennogo-diskursa/viewer>. (In Russ.)

15. Zaharchuk, O.A. (2007). *Voennal'nye harakteristiki i nacional'no-kul'turnaya specifika voennogo zhargona* [Universal characteristics and national-cultural specificity of military jargon] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Chelyabinsk, 170 p. (In Russ.)

16. Harris, Z. (1952). Discourse analysis. *Language*, 28(1), 1–30.

17. Howard, D. (1956). United States Marine Corps Slang. *American Speech*, 3, 188 p.

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 821.161.1-192(Высоцкий В. С.)+811.161.1'42
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,45+Ш105.51

ГРНТИ 16.01.11; 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Наталья Юрьевна Темникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия,
temnatasha@mail.ru, SPIN-код: 4190-2602

Дискурс власти в жанровых песнях-сценках В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг.

АННОТАЦИЯ. В статье на материале жанровых песен-сенок В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг. рассматривается проявление в языке повседневности властных общественных отношений. На основе дискурсивного подхода к анализу не во всем грамотной устной речи, изображаемой Высоцким, выясняется, что автор выходит за пределы упрощенных слоганов о политической власти как регуляторе сознания и поведения и в коротком, внешне незатейливом тексте увязывает обыденную коммуникацию с разнообразными способами реализации говорящим собственных корыстных целей, обнажая перед читателем встроенные в язык тонкие и всеобъемлющие механизмы власти.

Словарь, интеракция и семиотические практики низового советского дискурса в изображении Высоцкого вскрывают иерархичность социальных отношений: закреплённость права высказывания от имени власти за обезличенным коллективным субъектом («человеком-массой», по Ортеге-и-Гассету), а не индивидуумом, представителями титульной нации, а не национального меньшинства, условным «простым народом», а не интеллигенцией. Высоцкий обращается к известной формуле «диктатура пролетариата», привычно используемой в речи как публицистический штамп, и актуализирует ее прочно забытое прямое (буквальное) значение.

Стихия иронии, пронизывающая тексты песен-сенок, «плутовство с языком» (Р. Барт) имеют у Высоцкого не только эстетическую, но и философскую значимость, становятся орудием мысли. С их помощью показан тотальный абсурд, пропитавший советское бытие, а также выражено отношение автора к мейнстриму советских речевых практик, скрывающих за пустословием и фразерством истинное, не внушающее оптимизма положение вещей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, поэтические образы, В. С. Высоцкий, политический дискурс, дискурс власти, криминальный жаргон, директивные речевые акты, стратегия подавления, свой — чужой, архетипы, советский человек, дискурс-анализ, поэтические тексты, песни-сценки, общественные отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Темникова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева; 443086, Россия, Самара, 34; email: temnatasha@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Темникова, Н. Ю. Дискурс власти в жанровых песнях-сценках В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг. / Н. Ю. Темникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 254–260.

Natal'ya Yu. Temnikova

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia, temnatasha@mail.ru,
SPIN code: 4190-2602

The Discourse of Power in V.S. Vysotsky's Musical Skits of the 1960s and 1970s

ABSTRACT. The article examines the manifestation of social power relations in everyday language based on the material of genre musical skits by V.S. Vysotsky in the 1960s and 1970s. As a result of a detailed discourse analysis of Vysotsky's oral speech characterized by frequent deviations from the literary norm, it is shown that the author goes beyond simplistic slogans about political power as a regulator of consciousness and behavior and, in a short, seemingly simple text, links everyday communication with various ways of the speaker's realization of his own selfish goals, exposing to the reader the subtle and comprehensive mechanisms of power embedded in language.

The vocabulary, interaction, and semiotic practices of the grassroots Soviet discourse in Vysotsky's poetic art discover the hierarchy of social relationships: the belonging of the right to speak on behalf of power to an impersonal collective subject rather than an individual, to representatives of a titular nation rather than a national minority, to conditional "common people" rather than intelligentsia. Vysotsky seems to be referring to the well-known formula "dictatorship of the proletariat", which is habitually used in speech as a journalistic cliché, and actualizes its well forgotten direct (literal) meaning.

The riot of irony that permeates the lyrics of the musical skits, and "cheating with language" (R. Barthes) have not only aesthetic, but also philosophical significance for Vysotsky; they become a tool for thought. They help demonstrate the total absurdity of Soviet existence and express the author's attitude to the mainstream Soviet speech practices, hiding the true, not encouraging state of affairs behind empty words and pompous phraseology.

KEYWORDS: Russian poetry, Russian poets, poetic creative activity, poetic genres, poetic images, V.S. Vysotsky, political discourse, discourse of power, criminal slang, directive speech acts, strategy of suppression, own — alien, archetypes, Soviet person, discourse analysis, poetic texts, musical skits, social relations.

AUTHOR'S INFORMATION: *Temnikova Natal'ya Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Mass Communication, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia.*

FOR CITATION: *Temnikova N. Yu. (2025). The Discourse of Power in V.S. Vysotsky's Musical Skits of the 1960s and 1970s. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 254-260. (In Russ.).*

Высоцкий обладал, по справедливому замечанию И. Бродского, абсолютным языковым чутьем, главным объектом его изображения было слово как таковое — его «журчание, клекот, цоканье, мычание, ...звон» (так писала Майя Кучерская о другом гении русского языка, Лескове [Кучерская 2023: 15]). С помощью слова Высоцкий легко вживался в образы самых разных людей, воспроизводя, пользуясь терминологией М. М. Бахтина, различные «словесно-идеологические и социальные кругозоры», существующие внутри абстрактного единого национального языка [Бахтин 1979]. Так, в песнях-сценках 1960–1970-х гг. лирический герой нередко является «своим парнем», пролетарием или маргиналом, которые не слишком владеют языковыми нормами и не брезгают крепким словом. Для них характерны хамски-агрессивные интонации, они преисполнены ненависти к «чужим», отрицают всякую индивидуальность, а мораль и культуру им заменяют кодекс чести, воровской закон, «понятия». Подобный речевой типаж, для обозначения которого более всего подходит пейоратив «быдло» (о слове «быдло» см. подробнее: [Воркачев 2012]), представлен прежде всего в «блатных» песнях, а также в «Товарищах ученых», «Диалоге у телевизора», «Письме с выставки». Однако в рамках той же игры в низкие жанры Высоцкий предстает перед нами «под маской» и совершенно иного речевого субъекта — полного эмпатии, сострадания: например, в песне «Лукоморья больше нет», где рассказчик, в духе позднего Чехова, с болью описывает мрачную атмосферу одичалого советского селения — уменьшенной в масштабе модели страны. Герой Высоцкого выражается то как типично «советский человек» с соответствующим бэкграундом (*Русский я по паспорту; А у меня антисемит на антисемите* («Не состоялось»)), то как ярый антисоветчик, мечтающий забросить *ужасно далеко, куда подальше, / И лучше, если б раз — и навсегда* молот — символизирующий советскую власть «собрат» серпа («Песенка метателя молота»). Но все перечисленные «словесно-идеологические и социальные кругозоры», при всем их своеобразии, безусловно, так или иначе восходят к архетипу советского обывателя, что обеспечивает языковую гомогенность соответствующих текстов.

В этом хоре голосов отчетливо выделяются такие, которые хотят «донести до нас самый дискурс власти — дискурс превосходства» [Барт 1989: 547]. Максимально наглядно это проявляется в «блатных» песнях, герой которых, пользуясь выражением другого поэта, Н. Гумилева, «сильный, злой и веселый»: он лишен рефлексии и сомнений в правильности своих поступков, его главный аргумент — кулак или нож, его единственный закон — право на насилие: *К слезам я глух и к просьбам глух — / В охоту драка мне, ох как в охоту!* («А счетчик щелкает!»). В песне «Я в деле» четко сформулирован этот закон, а также рефреном, как бандитская клятва, проходит мысль о его незыблемости: *Я в деле и со мною нож. / И в этот миг меня не трожь! / А после — я всегда иду в кабак. / ... И дальше буду делать точно так.*

Однако не только представители криминального мира у Высоцкого являются субъектами дискурса доминирования. Колхозники, работяги, анонимные алкоголики легко переходят на бюрократический язык, транслируют нарративы власти (например, о необходимости борьбы против политически враждебных сил, как в «Песне-сказке про джинна», где герой в белой горячке принимает явившуюся ему нечисть за иностранного шпиона). Высоцкий делает нас свидетелями того, как сквозь почву маргинализованной речи прорастают всевозможные лидеры, «громоздкие или крохотные административные аппараты, группы давления и подавления» [Барт 1989: 547], для которых говорить — это не вступать в коммуникацию, а подчинять себе адресата.

Выявление в низовой советской речи, изображенной в текстах песен-сценок Высоцкого, средств и способов вербализации отношений власти и подчинения является целью настоящей статьи. В своем анализе мы будем в общих чертах придерживаться методологии, предложенной Т. ван Дейком в книге «Дискурс и власть» [ван Дейк 2013]: чтобы установить корреляцию между таким абстрактным явлением, как властные общественные отношения, и довольно конкретными свойствами речи и текста, необходимо связать типичные характеристики общества (существующие в нем группы, организации и т. п.) с характеристиками дискурса: особенностями лексики и грамматики, речевых

актов и разговорных стратегий, семиотических практик.

Начнем с анализа лексико-семантического уровня дискурса. Словарь песен-сценок включает три основные группы единиц, самую значительную из которых составляют слова, употребляемые в повседневной жизни. Среди них выделяются лексемы со следующими ядерными компонентами:

– «выпивка и пьянство»: *водка, вино, портвейн, дрянь, гадость* (А *гадость* пьют из *экономии* (Диалог у телевизора)), *выпитая* (после *литры* *выпитой* (Не состоялось)), *проклятая, бензин* (хлебал *бензин...* (Диалог у телевизора)), *перегар, запой, пьянь, алкаш, кабак, пропил, недопил, подпил, опохмелимся, усугубили* (*портвейном усугубили* (Милицейский протокол));

– «повседневные действия»: *намять, поработали, отдохнем, поешь* (*поешь — и сразу на диван* (Диалог у телевизора)), *кричишь, заначил;*

– «одежда и материал для ее производства»: *маечка, кофточка, с лавсаном материя, платице, полушубки;*

– «сельскохозяйственная деятельность»: *поля, лопаты, вилы, навоз; амбар, лабаз, зерно, бугай, бык;*

– «продукты жизнедеятельности и процессы распада»: *навоз, гниль, плесень, остатки; сгниет, заплесневевает;*

– «разные виды связей между людьми»: *семья, родня, шурин, кум, друзья, знакомые;*

– «еда»: *картофель, картошка, соль (сольца)* и др.

Среди глаголов особенно много разговорно-просторечных единиц: *задохнетесь, вопил, уважаем* (*небось картошку все мы уважаем* (Товарищи ученые)), *валяйте, повременит, не сумлевайтесь, не ладится, заявимся, покумекаем, очухались, порешили, накрылась* (*накрылась премия в квартал* (Диалог у телевизора)); *не содят* (в такси *не содят* (Милицейский протокол)) и др. Отдельно укажем на вульгаризмы и единицы криминального жаргона, обозначающие насильственные действия, в том числе сексуального характера: *мордуют, наколол, заporол; лапают, приставать, хватать.*

Кроме того, в песнях-сценках в изобилии встречаются просторечные фразеологизмы (*попасть в лапы, как собак нерезаных, всем кагалом, на-кось выкуси, в бога душу мать, семьсот на рыло* (Тогда у нас было *семьсот на рыло* (Милицейский протокол), *хрена ли* (*Хрена ли нам Мнёвники...* (Не состоялось)) и т. д.) и обценные языковые средства типа *сукин сын, паскуда, шалава, стерва, падла, зараза*. Специфические коннотации,

закрепленные в подобных единицах языка, были близки и понятны миллионам слушателей Высоцкого: в стране, значительная часть населения которой или сама прошла через тюрьму и лагерь, или имела близких с соответствующим опытом, криминальная идеология прочно вошла в коллективное бессознательное.

Вторая группа лексем, составляющих анализируемый словарь, — это единицы с абстрактным значением: *развраты* (Так в столице, говорит, *всякие развраты* (Два письма)), *мемуар* (*Кот диктует про татар мемуар* (Лукоморья больше нет)), *темнота, некультурная, агрессия, безработица, жалобы, ратный подвиг, коллектив, семья, спортивная лестница, осознание, просветление* и др. Примыкают сюда официальное обращение *товарищ* (*товарищи ученые*) и лексико-фразеологические единицы с социально-политическими коннотациями: *антисемит, пятая графа, вредитель, патриотизм, рядами и колоннами*, в том числе имена политических деятелей: *Голда Мейр, Моше Даян*. В общей стилистике воссоздаваемой в текстах речи такие единицы часто представляют собой искусственные, инородные элементы, что подчеркивается употреблением просторечных морфологических форм (*развраты, мемуар*), или подвергаются нарочитому стилистическому снижению: *Голду Меир я словил / В радиоприёмнике...; Моше Даян — / Стерва одноглазая* (Не состоялось); *А что мычит, так это он от волненья, / От осознания, так сказать, и просветленья* (Милицейский протокол).

Особую функцию таких слов мы, вслед за Дж. Оруэллом, определили бы как уничтожение значений. Содержание их нередко сводится к нулевому, в результате чего они превращаются в бюрократические штампы: *ратный подвиг* (*Добрый молодец он был, ратный подвиг совершил...* (Лукоморья больше нет)), *патриотизм* (*Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль / С лопатами проявите здесь свой патриотизм* (Товарищи ученые)); *рядами и колоннами*, обращение *товарищи*. Черты советского новояза в песнях особенно заметны на общем просторечном стилистическом фоне: *Вокруг меня корреспонденты бесятся, / — Мне помогли, — им отвечаю я, — / Подняться по крутой спортивной лестнице / Мой коллектив, мой тренер и семья* (Песенка метателя молота); *Так приезжайте, милые, / Рядами и колоннами...* (Товарищи ученые); *Теперь позвольте пару слов без протокола: / Чему нас учит семья и школа?* (Милицейский протокол). Так на словарном уровне Высоцкий показывает

конститутивную черту советского дискурса — докучливое пустословие.

И наконец, в отдельный класс мы выделили средства, которые в лексико-грамматическом плане соотносятся со словами из предшествующей группы в силу абстрактности своей семантики, но обладают явным функциональным своеобразием. Это научные и технические термины, а также имена ученых (все примеры — из песни «Товарищи ученые», что отвечает ее проблематике): *иксы, нули; молекулы и атомы; корни; гидрит и ангидрит; гамма-излучение; гены и хромосомы; апатиты; синхрофазатроны; аффект; эйнштейны и ньютоны*. Бросается в глаза использование этих слов преимущественно во множественном числе, а написание личных имен — с маленькой буквы. Смысл этого видится в том, что все упоминаемые в тексте научные понятия и имена сродни ереси (ср.: *...вы все там химики и нет на вас креста*), враждебны правильному, «истинно народному» мировоззрению, и потому, по Дж. Оруэллу, должны быть свалены в одну кучу и заклеены совокунно как заслуживающие презрения.

Термины употребляются у Высоцкого просто как знаки «заумного языка», труднопроизносимые слова (ср. также: *...но вы ж ведь там задохнетесь за синхрофазатронами*) и десемантизируются, а в некоторых случаях приобретают двусмысленность: читатель воспринимает их в качестве эвфемизмов матерных слов, весьма характерных для соответствующего типа речи: *бросайте ваши опыты, гидрид и ангидрид*.

Очевидно, что средства научного стиля маркируются в данном словаре как идеологически вредные и подлежат речевой дискредитации, а их приверженцы, соответственно, — дискредитации социальной. Таким образом через поляризацию «своих» и «чужих», «ингрупп» и «аутгрупп», «классово близких» и «классово чуждых элементов» реализуется общая дискурсивная стратегия подавления.

Если рассматривать художественный текст как «двухтекст» — одновременно и высказывание о предмете, и высказывание о самом высказывании [Вежбицкая 1978], «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем» [Лотман 1998: 434], то становится понятно, что слово в песнях-сценках Высоцкого — это не только ценный сам по себе объект изображения, но и «волшебный фонарь», который высвечивает социальные язвы современной поэту жизни: культ алкоголя (о проблеме масштабного пьянства в СССР см., например: [Клинова 2009]); культ насилия — Высоцкий

запечатлел в песнях большое разнообразие его вариантов и акторов (ср.: *Леший как-то недопил, / Лешачиху свою бил и вопил...* (Лукоморья больше нет); *А он [полковник — Н. Т.] от радости всё бил по морде нас* (Зэка Васильев и Петров-зэка); *Нас каждый день мордуют уголовники, / И главный врач зовёт к себе в любовники* (Зэка Васильев и Петров-зэка); *А я парнишку наколол, / Не толковал, а заporол* (Я в деле); *Был в балете — мужики девок лапают. Не давай себя хватать, моя лапочка!* (Два письма) и т. д.). Непосредственно связана с двумя указанными формами общественного зла и дисфункция семьи: неустойчивые браки, неоформленные сожителства, одинокое материнство. Ср. в «Лукоморье...»: *А русалка — вот дела! — честь недолго берегла / И однажды, как смогла, родила; Тридцать три же мужика — не желают знать сынка: / Пусть считается пока сын полка; Как-то раз один колдун... Предложил ей, как знаток бабских струн: Мол, русалка, все пойму и с дитем тебя возьму. И пошла она к нему, как в тюрьму* (Лукоморья больше нет). Сколько людей могло (да и сейчас может) узнать в произведениях Высоцкого себя! Представляется, что именно эта способность улавливать общественные проблемы, находить нужную интонацию для разговора о них, воспроизводить механизмы коллективного сознания и стала одной из главных причин огромной народной популярности Высоцкого.

Пронизанность капиллярами власти видна и на другом уровне дискурса — на уровне высказывания. В текстах песен регулярны запреты, приказы, инструкции и т. п. формы реализации директивной прагматики. Модальность долженствования выражается в таких конструкциях различными грамматическими средствами, ср.: *Мишке там сказали «нет», / Ну а мне — «пожалуйста»* (Не состоялось); *Значит так: автобусом до Сходни доезжаем, / А там — рысцой, и не стонать!*; *Товарищи учёные, кончайте поножовщину, / Бросайте ваши опыты... / Садитесь, вон, в полуторки, валийте к нам в Тамбовщину...* (Товарищи ученые); *Ну что «отстань», всегда «отстань»...* (Диалог у телевизора); *Уж ты б, Зин, лучше помолчала бы...* (Диалог у телевизора) и т. д.

И авторская речь, и речь героев в песнях изобилуют негативно-оценочными характеристиками поведения адресата, степень категоричности которых варьируется в диапазоне от снисходительной «журибы» до оскорблений и угроз. Так, в качестве наименее категоричной формы оценки используются

предупреждения, поучения, увещевания, упреки. Эти речевые акты сопровождаются у Высоцкого специфической шутливо-фамильярной интонацией, характерной для общения взрослого с ребенком. В песне «Товарищи ученые» от имени доминирующей группы выступают колхозники, которые «учат учёных» — оторванных от жизни, а потому не приносящих практической пользы «умников». Характерными риторическими приемами здесь являются экспрессивные разговорные конструкции: например, конструкция язвительного упрека в виде комбинации частицы *небось* и местоимения *мы* в значении *вы* (*небось картошку все мы уважаем...*); драматически-эмоциональное описание нежелательного альтернативного положения дел, включающее форму глагола будущего времени с приставкой *до-* и постфиксом *-ся* (*Ох, вы там добалуетесь, ох, вы доизвлекаетесь, / Пока сгниёт-заплесневевает картофель на корню!*); моралистические изречения, проповедование банальностей (*Земле — ей всё едино: апатиты и навоз*). Кроме того, намерение говорящего самоутвердиться за счет собеседника может выражаться противопоставлением *вы* и *мы* в подчинительной конструкции: *Коль что у вас не ладится — ну, там, не тот аффект, — / Мы мигом к вам заявимся с лопатами и с вилами, / Денёчек покумекаем — и вы правим дефект!*

Максимальная степень категоричности отрицательной оценки в текстах выражена в речевых актах угрозы и упрека-изобличения, причем последний часто сочетается с оскорбительной формой обращения: *...Надрывался издаля, все твоей забавы для, / Ты ж жалеешь мне рубля, ах ты тля!* (Лукоморья больше нет), *Что же ты, зараза, бровь себе подбрила, / Ну для чего надела, падла, синий свой берет! / И куда ты, стерва, лыжи наострила...* (Что же ты, зараза, бровь себе подбрила); *Кто мне писал на службу жалобы? Не ты?! Когда я их читал!* (Диалог у телевизора); *Гляди, дождешься у меня!* (Диалог у телевизора); — *Дай рубля, прибью, а то, я добытчик али кто?!* (Лукоморья больше нет); *С агрономом не гуляй — ноги выдерну* (Два письма); *Я ж тебе ноги обломаю, в бога душу мать!* (Что же ты, зараза, бровь себе подбрила).

На коммуникативном уровне, как и на уровне лексико-семантическом, мы наблюдаем поляризацию ингрупп и аутгрупп, но выраженную более дифференцированно. Так, аутгруппу, кроме «товарищей ученых», составляют, например, евреи, как в песне «Не состоялось», где абсурдистски обыграна «пятая графа» советской анкеты, из-за

которой Мишку Шифмана не выпустили в Израиль (*Мишке там сказали «нет», / Ну а мне — «пожалуйста»*). Но главной и неизменной аутгруппой в песнях Высоцкого, безусловно, являются женщины. Несмотря на то что СССР — страна победившего феминизма, советский дискурс — Высоцкий заостряет эту черту — был в высшей степени мизогинным. Сюжеты песен-сценок вполне могли бы называться по-чеховски «Истории полового авторитета»: архетипический образ мужчины здесь несет печать токсичной маскулинности, он сочетает в себе черты пьяницы и бездельника с чертами домо-строевского тирана: *И пошла она к нему, как в тюрьму* (Лукоморья больше нет); *Ты приснился мне во сне пьяный, злой, угрюмый* (Два письма); *А ты придёшь домой, Иван, / Поешь — и сразу на диван, / Иль, вон, кричишь, когда не пьян...* (Диалог у телевизора). Архетип женщины отражает идею порочности и никчемности женского племени (*А дома в шубке на рыбьем меху / Мне она подготовит сюрприз: / Пока я был на самом верху, / Она с кем-то спустилась вниз...* (Песенка прыгуна в высоту); *А русалка — вот дела! — честь недолго берегла* (Лукоморья больше нет); *А у тебя подруги, Зин, / Все вяжут шапочки для зим, / От ихних скучных образин / Дуреешь, Зин* (Диалог у телевизора), в связи с чем женщина становится легальной мишенью для претензий, которые могут быть предъявлены ей как за ее собственное поведение, недостойное жены и матери (*Сама намазана, прокурена...* (Диалог у телевизора)), так и за поведение друзей (*Приятель был с завода шин, / Так тот — вообще хлебал бензин...* (Диалог у телевизора)), за внешность (*... эту майку, Зин, / Тебе напяль — позор один. / Тебе шитья пойдёт аршин...* (Диалог у телевизора); *Ведь ты мне можешь надоесть с полушубками, / В сером платье с узорами блёклыми* (Два письма)) и за духовно-нравственный облик (*Но ты, конечно, не поймёшь там, за печкою, / Потому ты темнота некультурная* (Два письма)) и т. д.

Наряду с различными способами демонстрации власти дискурс доминирования включает и демонстрацию подчинения — например, вербализованное чувство «совершенного проступка» [Барт 1989: 547], вины и стыда. Оно находит выражение в речевых актах извинения и самооправдания, причем оправдываются герои не только за социально осуждаемое поведение, например пьянство или супружескую измену (*Ну, и меня, конечно, Зин, / Всё время тянет в магазин, / А там — друзья... Ведь я же, Зин, / Не пью один!* (Диалог у телевизора),

Считай по-нашему, мы выпили немного (Милицейский протокол), *С агрономом я прошлась... Только ты не думай — / Говорили мы весь час только про тебя* (Два письма)), но и за собственную индивидуальность, непохожесть на другого: *У кого толчковая — левая, / А у меня толчковая — правая!* (Песенка прыгуна в высоту).

Таким образом, Высоцкий показывает, как на коммуникативно-прагматическом уровне в низовой речи обнаруживают себя имманентные свойства дискурса власти — иерархичность и патриархальность. Мы видим склонность дискурса к выстраиванию иерархий, которая проявляется в том, что одни субъекты обладают преимущественным коммуникативным правом по сравнению с другими и широко используют стратегию речевого подавления, прибегая к директивной модальности. В структуре советского социума право высказываться от имени власти принадлежит обезличенному коллективному субъекту, а не индивидууму; представителям титульной нации, а не национального меньшинства; условному «простому народу», а не интеллигенции: последняя выступает в роли ребенка, который нуждается в правильном воспитании и наставлении на путь истинный. Главный носитель авторитета в социуме — мужчина. А поскольку он всегда находится в конфликте с внешним миром, и конфликт этот не может вылиться в форму внутренней рефлексии, наиболее достигаемым предметом вовне для реализации мужского превосходства становится женщина, коммуникация с которой осуществляется главным образом в форме адресуемых ей упреков, оскорблений и угроз.

Рассмотрев пути реализации в песнях-сценках Высоцкого 1960–1970-х гг. семантической оппозиции «власть — подчинение», мы можем сделать некоторые выводы. Речевая маска «человека из народа», «человека-массы» (Ортега-и-Гассет), которую использует Высоцкий, воспроизводимая им не во всем грамотная устная речь — способ сформулировать идеи, на эмпирическом уровне близкие многим, тем не менее трудно облакаемые в слова. В частности, способ сделать осязаемым содержание известной формулы «диктатура пролетариата», привычно используемой в речи как публицистический штамп. В воссоздаваемом дискурсе эта формула реализуется на уровне иллюзии в высокой регулярности директивных речевых актов, а также актов извинения и самооправдания; трансформации обращения как значимого компонента диалогической речи в оскорбление. На уровне словаря

и грамматики — в явном перевесе слов с конкретно-бытовым значением над единицами абстрактными; десемантизации лексики, относящейся к интеллектуальной сфере; использовании обценных средств в синтаксической функции вокатива. Коммуникация предстает, таким образом, как отношения полного «отчуждения» и тотальной зависимости одного субъекта речи от другого, что имплицитно выражает идею несостоятельности диалога и даже его невозможности в данном виде дискурса. Имитация диалога в таких песнях, как «Диалог у телевизора» или «Два письма», является риторическим приемом антифразиса и лишь саркастически усиливает указанный смысл.

Творя язык своих героев, Высоцкий использует прием смешения разных стилевых пластов: канцеляризмы и средства, присущие бюрократическому языку, свободно сочетаются с вульгаризмами и единицами криминального жаргона. Так изображается тотальный абсурд, пропитавший советское бытие, а кроме того, выражается авторское отношение к мейнстриму советских речевых практик, скрывающих за пустословием и фразерством истинное, не внушающее оптимизма положение вещей. Таким образом, очевидно, что, несмотря на низкий предмет изображения, песни-сценки пронизаны этикой и моралью.

Тексты песен-сенок построены на «лукавом притворстве, когда человек прикидывается простаком, не знающим того, что он знает» [Потебня 2003: 295]. Они неотделимы от стихии иронии и юмора, позволяющей автору воплотить в коротких, внешне незамысловатых текстах свои размышления об эпохе, о власти и обществе, о культуре и языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с. — Текст : непосредственный.
2. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : [б. и.], 1979. — С. 281–307. — Текст : непосредственный.
3. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. — Москва : Прогресс, 1978. — С. 402–425.
4. Воркачев, С. Г. «Быдло» как ключевое слово рунета / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 16–26.
5. Гранева, И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы / И. Ю. Гранева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 4. — С. 206–209.
6. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т. ван Дейк. — Москва : Либроком, 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.
7. Иванов, Д. В. Проблемы профилактики семейно-бытового насилия и подростковой преступности в Ленингра-

де и области в начале 1960–1990-х гг. / Д. В. Иванов. — Текст : электронный // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-profilaktiki-semeyno-bytovogo-nasiliya-i-podrostkovoyprestupnosti-v-leningrade-i-oblasti-v-nachale-1960-1990-h-gg>.

8. Канчани, П. Оппозиция «свои — чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Канчани П. — Москва, 2007. — 24 с. — Текст : непосредственный.

9. Клинова, М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е — конец 1980-х гг.) / М. А. Клинова. — Текст : электронный // Омский научный вестник. — 2009. — № 2 (76). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-otechestvennaya-istoriografiya-potrebleniya-alkogolya-zhiteliami-sssr-1940-e-konets-1980-h-gg>.

10. Кучерская, М. Лесков: прозванный гений / М. Кучерская. — Москва : Вимбо, 2023. — Текст : непосредственный.

11. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Об искусстве. Структура текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: статьи, заметки, выступления (1962–1993) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. — С. 423–436.

12. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. — Текст : непосредственный // Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — 2-е изд., испр. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2003.

13. Сафарова, Т. В. Жанровое своеобразие песенного творчества В. Высоцкого : дис. ... канд. филол. наук / Сафарова Т. В. — Нерюнгри, 2002. — URL: <https://worlds-vv.albumplayer.ru/static/upload/Safarova-diss.pdf>. — Текст : электронный.

14. Серебрякова, Е. Г. Шестидесятники и власть: от диалога к монологу / Е. Г. Серебрякова. — Текст : электронный // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — Вып. 4. — С. 47–54. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shestidesyatniki-i-vlast-ot-dialoga-k-monologu>.

15. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин. — Текст : электронный // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2009. — Т. 151, кн. 6. — С. 31–37. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike>.

REFERENCES

1. Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics] (Transl. from French, compiled, general editorship and introduction by G. K. Kosikov). Moscow: Progress, 616 p. (In Russ.)

2. Bakhtin, M.M. (1979). Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. An Attempt at Philosophical Analysis]. In M.M. Bakhtin, *Estetika slovesnogo tvorchestva* (pp. 281–307). Moscow. (In Russ.)

3. Vezhbitskaya, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. In *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* (Iss. 8, pp. 402–425). Moscow: Progress. (In Russ.)

4. Vorkachev, S.G. (2012). «Bydlo» kak klyuchevoye slovo runeta [“Bydlo” as Runet key word]. *Political Linguistics*, 3(41), 16–26. (In Russ.)

5. Graneva, I.Yu. (2008). O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya my [On the referential and non-referential use of the pronoun we]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 4, 206–209. (In Russ.)

6. Van Dijk, T. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication] (Transl. from Engl.). Moscow: Librokom, 344 p. (In Russ.)

7. Ivanov, D.V. (2020). Problemy profilaktiki semeyno-bytovogo nasiliya i podrostkovoy prestupnosti v Leningrade i oblasti v nachale 1960–1990-kh gg. [Problems of Prevention of Domestic Violence and Juvenile Delinquency in Leningrad and the Region in the Early 1960s–1990s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 7. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-profilaktiki-semeyno-bytovogo-nasiliya-i-podrostkovoyprestupnosti-v-leningrade-i-oblasti-v-nachale-1960-1990-h-gg> (In Russ.)

8. Kanchani, P. (2007). *Opozitsiya «svoi — chuzhiye» kak pragmaticheskaya dominanta politicheskogo diskursa* [The opposition “us — them” as a pragmatic dominant of political discourse] [Author’s abstract. of Diss. of Cand. of Philological Sciences]. Moscow, 24 p. (In Russ.)

9. Klinova, M.A. (2009). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya potrebleniya alkogolya zhiteliami SSSR (1940-e — konets 1980-kh gg.) [Modern domestic historiography of alcohol consumption by residents of the USSR (1940s - late 1980s)]. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2(76). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-otechestvennaya-istoriografiya-potrebleniya-alkogolya-zhiteliami-sssr-1940-e-konets-1980-h-gg> (In Russ.)

10. Kucherskaya, M. (2023). *Leskov: Prozevannyi geniy* [Leskov: The Missed Genius]. Moscow: Vimbo. (In Russ.)

11. Lotman, Yu.M. (1998). Tekst v tekste [Text in the text]. In Yu.M. Lotman, *Ob iskusstve. Struktura teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki: stat'i, zametki, vystupleniya (1962–1993)* (pp. 423–436). St. Petersburg: Iskustvo-SPb. (In Russ.)

12. Potebnya, A.A. (2003). Iz zapisok po teorii slovesnosti [From notes on the theory of literature]. In A.A. Potebnya, *Teoreticheskaya poetika* (2nd ed., corr.). St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Moscow: Akademiya. (In Russ.)

13. Safarova, T.V. (2002). *Zhanrovoye svoeyobraziye pesennoy tvorchestva V. Vysotskogo* [Genre originality of V. Vysotsky's song creativity] [Dis. of Cand. of Philological Sciences]. Neryungri. Retrieved from <https://worlds-vv.albumplayer.ru/static/upload/Safarova-diss.pdf> (In Russ.)

14. Serebryakova, E.G. (2012). Shestidesyatniki i vlast': ot dialoga k monologu [The sixties and power: from dialogue to monologue]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 4, 47–54. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/shestidesyatniki-i-vlast-ot-dialoga-k-monologu> (In Russ.)

15. Khurmatullin, A.K. (2009). Ponyatiye diskursa v sovremennoy lingvistike [The concept of discourse in modern linguistics]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 151(6), 31–37. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike> (In Russ.)

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9; 5.9.8

Гуань Шаоян

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, guanshaoyang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0763-9726> R

Исследование характеристики мультимодальных метафор в новостных карикатурах на тему инициативы «Пояс и путь»

АННОТАЦИЯ. Целью настоящего исследования является анализ характеристик мультимодальных метафор в контексте включаемых в новостные сообщения карикатур, посвященных китайской инициативе «Пояс и путь». Карикатуры, являющиеся приметой современных медиатехнологий, привлекают к себе особое внимание исследователей, поскольку позволяют читателям не только усваивать информацию на интуитивном уровне, но и активизировать схемы восприятия для более глубокого осмысления представленных событий. Для достижения поставленных задач применяется комплексный методологический подход, объединяющий качественный и количественный анализ данных. В качестве основы для исследования была выбрана коллекция новостных карикатур, отражающих различные аспекты инициативы и использующих метафорические приемы, реализуемые вербальными и визуальными средствами, для передачи глубинных значений. В результате анализа было выявлено четыре основных типа мультимодальных метафор: ситуационные, гибридные, вербально-изобразительные и метафоры с одним неявным исходным доменом. Установлено, что выбор и использование метафорических моделей в карикатурах определяется контекстом новостных сообщений и особенностями изобразительного ряда. Исследование вносит значительный вклад в развитие теории мультимодальных метафор и предлагает пути для повышения эффективности культурного взаимопонимания и международного сотрудничества в контексте распространения инициативы «Пояс и путь» через СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, новостные тексты, новостные сообщения, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, мультимодальные метафоры, новостные карикатуры, китайские инициативы, новостной дискурс, характеристика мультимодальных метафор.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гуань Шаоян, лектор, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: guanshaoyang@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке Фундаментального научного проекта по теме «Исследование когнитивной критики в российских мультимодальных политических дискурсах» при поддержке Департамента образования провинции Ляонин, номер объекта: LJKQR2022490.

本文系辽宁省教育厅高校基本科研项目 “俄罗斯多模态政治话语的认知批评研究” (项目编号: LJKQR2022490) 研究成果

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гуань, Шаоян. Исследование характеристики мультимодальных метафор в новостных карикатурах на тему инициативы «Пояс и путь» / Гуань Шаоян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 261-267.

Guan Shaoyang

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, guanshaoyang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0763-9726> R

A Study of Multimodal Metaphors in News Cartoons on the Topic of the Belt and Road Initiative

ABSTRACT. This study aims to analyze the characteristics of multimodal metaphors in the context of cartoons about the Chinese Belt and Road initiative included in news reports. Cartoons, which are a typical feature of modern media technologies, attract the attention of researchers, as they allow readers not only to assimilate information on an intuitive level but also to activate perception patterns for a deeper understanding of events presented. To achieve these objectives, the study uses a complex research method that combines qualitative and quantitative data analyses. A collection of news cartoons reflecting various aspects of the initiative and employing metaphorical techniques realized with the help of verbal and visual means to convey deep meanings was chosen as the basis for the practical examination. The analysis revealed four main types of multimodal metaphors: situational, hybrid, verbal-pictorial, and metaphors with one implicit source domain. It has been established that the choice and use of metaphorical models in cartoons are determined by the context of news reports and the specific features of the visual aspect. The research makes a significant contribution to the development of the theory of multimodal metaphors and suggests ways to increase the effectiveness of cultural understanding and international cooperation in the context of dissemination of the Belt and Road initiative through the media.

© Гуань Шаоян, 2025

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, news texts, news reports, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, linguistic units, multimodal metaphors, news cartoons, Chinese initiatives, news discourse, characteristics of multimodal metaphors.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Guan Shaoyang, Lecturer, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been completed with financial support of the Fundamental Research Project “Investigation of the cognitive critical studies in Russian multimodal political discourses” and the Department of Education of the Liaoning Province: LJKQR20222490.

FOR CITATION: *Guan Shaoyang. (2025). A Study of Multimodal Metaphors in News Cartoons on the Topic of the Belt and Road Initiative. In Political Linguistics. No 2 (110), pp. 261-267. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

С момента своего официального представления китайская инициатива «Пояс и путь» стала центральной темой в освещении мировыми и китайскими СМИ. В рамках данного медийного дискурса новостные карикатуры выделились как особенно мощный инструмент коммуникации благодаря своей выразительности и способности проникать в суть представляемых событий. Характеризуясь преувеличением и часто юмором, эти визуальные произведения стали ключевым элементом визуальной коммуникации в эпоху развития мультимедийных технологий, обеспечивая не только передачу информации, но и предлагая уникальную авторскую интерпретацию происходящего.

В контексте быстро развивающихся медиатехнологий и изменяющихся предпочтений аудитории карикатуры как средство новостной подачи привлекают внимание широкого круга читателей благодаря своей способности быстро и ясно передавать сложные идеи. Такой формат позволяет читателям не только усваивать информацию на интуитивном уровне, но и активизировать схемы восприятия для более глубокого осмысления представленных событий.

Использование метафорических приемов в карикатурах не только стимулирует критическое мышление, но и способствует более осмысленной интерпретации новостей, преодолевая при этом языковые и культурные барьеры.

Предлагаемое исследование мультимодальных метафор в новостных карикатурах, посвященных инициативе «Пояс и путь», представляет собой ключевой шаг на пути к укреплению межкультурного взаимодействия и взаимопонимания. Анализируя, как метафоры визуализируются и как они взаимодействуют с текстом для передачи сложных идей и оценок, исследование вносит важный вклад в понимание того, как китайская политика и культурные инициативы представлены и интерпретированы в глобальном контексте.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОР В ИЗОБРАЖЕНИЯХ

В рамках академического исследования начиная с 1990-х гг., по мере углубления реформ в сфере средств массовой информации, становится все более очевидной роль новостных карикатур в диссеминации информации. Соответствующие академические работы демонстрируют возрастающий интерес к данной тематике. В частности, Ван Кай, опираясь на принципы когнитивной лингвистики, тщательно анализирует, как в новостных карикатурах формируется образ трудовых мигрантов через призму мультимодального дискурса [Ван Кай 2020]. Ван Наньцзе предлагает детализированный анализ нарратива антиэпидемических новостных карикатур, акцентируя внимание на таких аспектах, как риторические приемы, визуальные изображения и идеографические символы [Ван Наньцзе 2021].

Все эти исследования, если обобщить, сосредоточены на важной теме: как новостные карикатуры могут отображать сложные идеологические подтексты и объективные истины, используя свои уникальные средства выражения. В контексте анализа мультимодальных метафор карикатур фокус академических исследований обычно направлен на когнитивный процесс интерпретации метафор и на эффекты, возникающие при их толковании [Чэнь Лин, Дуань Уцзинь 2022; Гуань Шаоян, Сунь Юхуа 2023]. Тем не менее, несмотря на значительный объем уже проведенных исследований, вопросы, касающиеся специфики мультимодальных метафор в контексте новостных карикатур, все еще требуют более глубокого анализа и обсуждения.

В исследовании характеристик мультимодальных метафор ключевую роль играет классификация типов этих метафор. Ч. Форсвилль сыграл значительную роль в этом процессе, первоначально обобщив типы мультимодальных метафор, используемых в печатной коммерческой рекламе, к которым он отнес три типа метафор изображений и один тип графических метафор [Forceville 1996].

В дальнейшем, на основе развития своих исследований и предыдущих работ, Форсвилль пересмотрел и расширил классификацию, выделив пять типов мультимодальных метафор: ситуационная метафора (MP1: Contextual metaphor), гибридная метафора (MP2: Hybrid metaphor), изобразительное сравнение (PSS: Pictorial simile), интегрированная метафора (Integrated metaphor) и вербально-изобразительная метафора (Verbal-pictorial metaphor) [Forceville 2008].

Развивая подход Форсвилля, китайский ученый Фэн Дэжэн, используя систематическую функциональную лингвистику, предложил свою классификацию графических метафор, разделив их на три категории в зависимости от способа картографирования: одномодальное, кросс-модальное и мультимодальное отображение [Фэн Дэжэн 2011]. Такой подход позволил создать более многостороннюю систему описания мультимодальных метафор.

Отдельное внимание заслуживает работа Ю Яньмина, который внес значительный вклад в развитие теории мультимодальных метафор, впервые включив в систему классификации «неявную» модальность. Ю Яньмин предложил более строгие критерии для разделения и классификации мультимодальных метафор, что способствовало дальнейшему углублению понимания и анализа мультимодальных метафорических выражений в различных дискурсах [Ю Яньмин 2013]. Эти разработки представляют собой важный шаг в исследовании метафорических выражений, расширяя горизонты их применения и интерпретации.

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для обеспечения авторитетности и надежности используемых данных в данном исследовании был принят строгий подход к формированию корпуса новостных карикатур. Ключевым критерием отбора являлось использование карикатур, опубликованных ведущими китайскими средствами массовой информации, такими как CCTV, People's Daily и China Daily. Этот выбор обусловлен желанием исключить субъективное влияние и обеспечить объективность и достоверность анализируемых материалов.

Для сбора корпуса карикатур использовалась поисковая система *Baidu*. Поиск велся по ключевым словам, связанным с инициативой «Пояс и путь» («the Belt and Road Initiative»), что позволило собрать значимый массив визуальных данных. Основной задачей на этом этапе было идентифицировать и отфильтровать карикатуры, прямо принад-

лежащие к авторитетным источникам, указанным в критериях отбора.

В результате тщательного процесса отбора было выбрано 50 новостных карикатур, содержащих мультимодальные метафоры. Отбор осуществлялся на основе специфического критерия: для включения в исследование карикатура должна была представлять собой мультимодальную метафору, то есть комбинацию двух или более модальностей, создающих метафорическое значение.

Этот методологический подход не только способствовал повышению качества исследования за счет выбора авторитетных источников, но и обеспечил точность в анализе и интерпретации мультимодальных метафор, представленных в новостных карикатурах. Таким образом, была создана надежная основа для последующего углубленного анализа и интерпретации выбранных кейсов, что является ключевым аспектом в достижении целей данного исследования.

ТИПЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ МЕТАФОР В КАРИКАТУРАХ

Исследование мультимодальных метафор в новостных карикатурах расширяет понимание метафор и выводит их за пределы коммерческой рекламы, как это определено Форсвиллем. Особенность новостных карикатур заключается в использовании прямых и выразительных метафор для отражения текущих событий, что обуславливает отсутствие изобразительного сравнения и интегрированных метафор в исследуемом корпусе. Введение Ю Яньмином нового типа метафоры, подразумеваемой исходным доменом, подчеркивает адаптивность мультимодального анализа к разнообразным медиаформатам.

Четыре обобщенных типа метафор — ситуационная, гибридная, вербально-изобразительная и с неявным исходным доменом — иллюстрируют, как текст и графика взаимодействуют для усиления метафорического смысла. Эти типы метафор демонстрируют важность когнитивных операций для интерпретации сообщений в новостных карикатурах. Анализ типичных случаев из корпуса поможет глубже понять механизмы мультимодальной метафоры, подчеркивая вклад исследований Ч. Форсвилля и Ю Яньмина в развитие данной области.

1. Ситуационная метафора (MP1)

Этот тип метафоры основан на контекстуальном взаимодействии объектов в визуальной среде [Forceville 1996]. Ситуация служит катализатором для метафорического переноса, связывая исходный и целевой домен через контекст.

Рис. 1. Карикатура
«Железнодорожное рукопожатие»

На рисунке 1 изображение с двумя сжатыми руками на фоне Земли служит символом международного партнерства. В центральной части картинке находится поезд с надписью «Центральноевропейская железнодорожная линия» (ориг. «中欧班列»), фланкированный зданиями, представляющими разные страны. Это изображение наглядно демонстрирует, как сотрудничество на глобальном уровне способствовало развитию и облегчению транспортного сообщения через инициативу «Пояс и путь». Быстрое развитие и взаимовыгодное сотрудничество, поддерживаемое данным проектом, сравнивают с быстрым поездом, создавая мультимодальную метафору, где «сотрудничество „Пояса и пути“ является скорым поездом». Отсутствие контекста с поездом усложняет восприятие данной метафоры и понимание глубины глобального сотрудничества, стимулируемого этим масштабным проектом.

2. Гибридная метафора (MP2)

Данный тип метафоры объединяет два различных объекта в единую фигуру, позволяя чертам одного объекта проявляться в другом и наоборот. Это создает гештальт, в котором исходные и целевые домены соединяются в одну форму, узнаваемую даже без контекста.

Рис. 2. Карикатура
«Многомерное рукопожатие»

На рисунке 2 представлена карикатура, на которой левая рука ассоциируется с морским транспортом, тогда как правая рука во-

площает наземный транспорт, что демонстрирует их визуальное и пространственное интегрирование. Символика рукопожатия между этими двумя сторонами представляет собой социальный акт, направленный на достижение консенсуса и укрепление сотрудничества, что подчеркивает потенциал для более гармоничного развития совмещения морских и сухопутных путей Шелкового пути. Визуальное объединение элементов, принадлежащих к различным категориям, в единый образ создает осмысленный визуальный синтез, отвечающий критериям гибридной метафоры и символизирующий инициативу «Пояс и путь» как единую сущность.

Дополнительно данная иллюстрация включает прецедентные ситуации, связанные с древним и современным морским и сухопутным Шелковыми путями, что вызывает у зрителей ассоциации и активизирует соответствующие энциклопедические знания об этих транспортных артериях. Таким образом, прецедентные ситуации служат катализатором для мультимодального метафорического отображения, обеспечивая тем самым содержательно богатые предпосылки для понимания и интерпретации данной визуальной метафоры.

3. Вербально-изобразительная метафора (Verbal-pictorial metaphors)

В контексте анализа вербально-изобразительных метафор выделяется их уникальная характеристика, где слова играют ключевую роль в создании метафорических конструкций. Эта особенность заключается в том, что метафорическое значение перестает существовать при отсутствии словесного компонента. Следовательно, слова не просто сопровождают изображение, но и являются непосредственным источником метафоры. Форсвилль подчеркивает важность текстового элемента в вербально-изобразительных метафорах, указывая на то, что удаление текста приводит к потере метафорического содержания [Forcville 1996]. Исходя из аналитических подходов и классификаций, можно выделить два основных типа репрезентации в таких метафорах: текст, относящийся к исходному домену, и изображение, представляющее целевой домен. В некоторых случаях текстовый компонент может одновременно относиться как к исходному, так и к целевому домену. Далее представлен детальный анализ на примере конкретной вербально-изобразительной метафоры.

Рис. 3. Карикатура «Мир в руках»

На рисунке 3 демонстрируются текстовые элементы «一带一路» (Инициатива «Пояс и путь») в нижней части и «人类命运共同体» (Сообщество единой судьбы человечества) на фоне Земли. Визуальная часть изображает земной шар, поддерживаемый двумя руками. В сочетании слова и изображения создают мультимодальную метафору, согласно которой Инициатива «Пояс и путь» представляется как рука, держащая судьбу человечества. Это вербально-изобразительная мультимодальная метафора, где изображение служит исходным доменом, а текст — целевым доменом. Руки, как элемент изображения, и текст «Пояс и путь» вместе передают идею о том, что Инициатива «Пояс и путь» неразрывно связана с судьбой всего человечества. Поднятые руки выражают защиту и заботу, что метафорически отражает отношение инициативы «Пояс и путь» к благополучию человечества.

На рисунке 4 внимание привлекает текст «一带一路共同繁荣之路» (Инициатива «Пояс и путь», путь к общему процветанию), который сам по себе формирует метафору. Исходным доменом здесь выступает «дорога к процветанию», а целевым — инициатива «Пояс и путь». Изображения верблюдов, перемещающихся по пустыне, кораблей, плывущих по морю, поездов, движущихся по железной дороге, и небоскребов, возвышающихся из-под земли, демонстрируют значительные достижения, осуществленные в рамках инициативы «Пояс и путь».

Следовательно, слова и изображения вместе формируют мультимодальную метафору «Инициатива „Пояс и путь“ — это путь к процветанию», где текстовая модальность играет ключевую роль в создании как исходного, так и целевого доменов. Отсутствие текстовой модальности приведет к потере метафорического значения.

Вербально-изобразительная метафора тесно связана с лексическими элементами, и особенности таких метафор определяются взаимодействием между визуальными и вербальными компонентами. Отсутствие вербального элемента приводит к исчезновению метафорического значения. Эти метафоры

Рис. 4. Карикатура «Путь к общему процветанию»

также неразрывно связаны с социальными тенденциями через использование критического подхода для выражения идеологических и политических взглядов в форме карикатуры. В анализе мультимодальных метафор в новостных карикатурах необходимо учитывать изображения персонажей и их символическое значение, поскольку текстовые элементы играют ключевую роль в формировании метафорического смысла в контексте мультимодальной коммуникации.

4. Метафора с одним неявным исходным доменом

Метафоры с одним неявным исходным доменом в новостных карикатурах часто основаны на предположении, что аудитория может интерпретировать подтекст, исходя из знания контекста новостей или политических событий. В таких случаях контекстная информация, необходимая для понимания целевого домена метафоры, может быть не явно представлена в визуальном изображении, но подразумевается через знакомство аудитории с актуальными событиями. Это подчеркивает значимость внешнего контекста и предварительных знаний для полного раскрытия метафорического содержания в мультимодальных метафорах, используемых в новостных карикатурах.

В контексте анализа вербально-изобразительных метафор важно отметить, что отдельное восприятие карикатур без учета внешнего контекста и предшествующего опыта аудитории не позволяет адекватно определить характеристики целевого домена. Однако, опираясь на существующие знания и опыт аудитории, возможно эффективно идентифицировать подразумеваемый целевой домен и провести метафорическое сопоставление. Подход к классификации метафор, предложенный Форсвиллем, несмотря на его значимость в анализе коммерческой рекламы, не в полной мере учитывает специфику целевого домена в различных контекстах [Forceville 1996, 2008]. Это подчеркивает необходимость адаптации методологии классификации метафор к конкретным условиям анализируемого материала.

Рис. 5. Карикатура «Молния» (Застёжка)

На примере карикатуры «Молния» (рис. 5), посвященной инициативе «Пояс и путь», можно наглядно продемонстрировать, что информация, относящаяся к данной теме, не может быть интерпретирована исключительно на основе визуального анализа изображения. Аудитория способна установить связь с темой «Пояс и путь» лишь через контекст новостных сообщений. В данной карикатуре целевым доменом является инициатива «Пояс и путь», при этом морские и парусные элементы слева символизируют морской Шелковый путь, а изображение пустыни и верблюдов в нижней части относится к сухопутному Шелковому пути. Оба Шелковых пути объединены застёжкой, а в руке персонажа изображен китайский флаг, что метонимически указывает на Китай. С учетом новостного контекста, возможно сформулировать мультимодальную метафору: «Китай выступает в роли молнии, объединяющей Шелковый путь», что демонстрирует важность сочетания визуального и контекстуального анализа для понимания мультимодальных метафор.

В рамках исследования мультимодальных метафор выделяется особая категория, где исходный домен представлен неявно, а целевой домен выражен вербально. Примером такой метафоры служит новостная иллюстрация, озаглавленная «Зарубежные инвестиции Китая стали более экологичными». Описываемый эпизод касается решения Промышленного и коммерческого банка Китая прекратить финансирование строительства угольных электростанций в Зимбабве по причине экологических опасений, тем самым внося вклад в экологически устойчивое развитие инициативы «Пояс и путь». Из этого следует, что на рисунке метафорически представленная идея «Инициатива „Пояс и путь“ является источником богатства» находит свое выражение через визуальный образ.

В данной метафоре целевой домен, а именно «Инициатива „Пояс и путь“», занимает центральное место в изображении, чем подчеркивается его ключевая роль. Символ юаня (¥), изображенный в виде дерева с пышной листвой, активизирует когнитивные про-

Рис. 6. Карикатура «Зарубежные инвестиции Китая стали более экологичными»

цессы зрителя, указывая на богатство. Таким образом, хотя исходный или целевой домен в метафоре может быть не полностью явным, это способствует стимуляции воображения и ассоциативного ряда у читателя, облегчая восприятие и интерпретацию сообщения.

Кроме того, изменчивость целевого домена в зависимости от контекстуальных факторов, таких как актуальные события, экономические, политические обстоятельства, демонстрирует гибкость метафорической интерпретации. Целевой домен, таким образом, не является статичным, а адаптируется к различным контекстам, что подчеркивает многогранность и сложность мультимодальных метафор в современной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная статья, основываясь на теоретических положениях когнитивной лингвистики и метафорологии, исследует метафорические выражения в новостных карикатурах, связанных с инициативой «Пояс и путь». Анализ выявил четыре основных типа метафорических репрезентаций в данных карикатурах, которые взаимосвязаны с метафорическим содержанием и зависят от различных контекстуальных факторов, включая новостной фон и графическое оформление карикатур.

Мультимодальные метафорические репрезентации, характерные для новостных карикатур на тему «Пояс и путь», отражают определенную закономерность их использования. Уникальность этих репрезентаций заключается в их способности сочетать нарративные техники, мультимодальность и семантическое богатство, играя ключевую роль в формировании содержания карикатур. Такие характеристики, как идиоматичность, контекстуальность, мультимодальность и языковая специфика, подчеркивают особенности метафорического использования в этих карикатурах.

Когнитивный процесс восприятия мультимодальных метафор в карикатурах, посвященных инициативе «Пояс и путь», носит динамичный характер. Взаимодействие текстовых и визуальных компонентов обогащает метафорическую интерпретацию, делая ее бо-

лее доступной и понятной для восприятия аудитории. Таким образом, мультимодальные метафоры в новостных карикатурах не только усиливают понимание представленных идей, но и придают уникальное нарративное преобразование, подчеркивая их важность и эффективность в коммуникационном процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артемьева, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : 10.02.19 : дис. ... канд. филол. наук / Артемьева Е. А. — Волгоград, 2011. — 240 с. — Текст : непосредственный.
2. Воронина, О. А. Карикатура как вид креолизованного текста / О. А. Воронина. — Текст : непосредственный // Вестник ЦМО МГУ. — 2009. — № 2. Русистика. — С. 14–18.
3. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 194 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.
4. Гуань, Шаоян. Уникальность метафор в политических карикатурах / Гуань Шаоян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — Вып. 83 (5). — С. 193–200.
5. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с. — Текст : непосредственный.
6. Жаковска, М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв. / М. Жаковска. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 35. — С. 15–19.
7. Чистякова, А. А. Прецедентный феномен как ведущее средство интертекстуальности в англоязычных рэп-текстах / А. А. Чистякова. — Текст : непосредственный // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — Вып. 4. — С. 1–7.
8. Forceville, C. Pictorial Metaphor in Advertising / C. Forceville. — London ; New York : Routledge, 1996. — Text : unmediated.
9. Forceville, C. Metaphors in pictures and multimodal representations / C. Forceville. — Text : unmediated // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / R.W.Gibbs, Jr. (ed.). — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2008.
10. Guan, Shaoyang. Multimodal metaphor and metonymy in political cartoons as a means of country image construction / Guan Shaoyang, Sun Yuhua. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2023. — Iss. 27 (2). — P. 444–467.
11. Urios-Aparisi, E. Interaction of multimodal metaphor and metonymy in TV commercials: Four case studies / E. Urios-Aparisi. — Text : unmediated // Multimodal Metaphor / Forceville C., Urios-Aparisi E. (ed.). — Berlin : Mouton De Gruyter, 2009.
12. 陈玲, 段钊金. 新闻漫画中“扶贫”多模态隐喻研究:以《攻坚脱贫, 助力小康》专题漫画为例[J]. 华北理工大学学报(社会科学版), 2022(2):111-118. = Чэнь, Лин. Исследование мультимодальной метафоры «Борьбы с бедностью» в новостных комиксах: на примере специального комикса «Борьба с бедностью и помощь состоятельным» / Чэнь Лин, Дуань Уцин. — Текст : непосредственный // Журнал Северо-Китайского университета науки и техники (издание по социальным наукам). — 2022. — Вып. 2. — С. 111–118.
13. 冯德正. 多模态隐喻的构建与分类:系统功能视角[J]. 外语研究, 2011(1):24-29. = Фэн, Дэжэн. Построение и классификация мультимодальных метафор: перспектива системной функции / Фэн Дэжэн. — Текст : непосредственный // Изучение иностранных языков. — 2011. — Вып. 1. — С. 24–29.
14. 王凯. 新闻漫画汇总农民工形象的建构:基于多模态隐喻的话语分析[J]. 青年读者, 2020(5):33-34. = Ван, Кай. Новостные комиксы обобщают построение образа трудовых мигрантов: дискурсивный анализ на основе мультимодальных метафор / Ван Кай. — Текст : непосредственный // Юные читатели. — 2020. — Вып. 5. — С. 33–34.
15. 王南杰. 抗疫新闻漫画的情感传导和叙事共鸣[J]. 传媒观察, 2021(12):88-94. = Ван, Наньцзе. Эмоциональная передача и повествовательный резонанс противозидемических новостных комиксов / Ван Наньцзе // Обзор СМИ. — 2021. — Вып. 12. — С. 88–94.
16. 俞燕明. 新闻漫画多模态隐喻表征方式研究:模态配置的类型、特点及理据[J]. 外语研究, 2013(1):1-9. = Ю, Яньмин. Исследование методов мультимодальной метафорической репрезентации новостных комиксов: типы, характеристики и обоснование модальной конфигурации / Ю. Яньмин. — Текст : непосредственный // Изучение иностранных языков. — 2013. — Вып. 1. — С. 1–9.

REFERENCES

1. Artem'eva, E.A. (2011). *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa* [Caricature as a genre of political discourse] [Dis. of Cand. of Philology]. Volgograd, 240 p. (In Russ.)
2. Voronina, O.A. (2009). *Karikatura kak vid kreolizovannogo teksta* [Caricature as a type of creolized text]. *Vestnik TsMO MGU*, 2 (Rusistika), 14–18. (In Russ.)
3. Voroshilova, M.B. (2013). *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to reading] [Monograph]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 194 p. ISBN 978-5-7186-0543-3 (In Russ.)
4. Guan, Shaoyang. (2020). Unikalnost metafor v politicheskikh karikaturakh. *Politicheskaya lingvistika* [The uniqueness of metaphors in political cartoons]. *Political Linguistics*, 83(5), 193–200. (In Russ.)
5. Gudkov, D.B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: ITDGK "Gnozis", 288 p. (In Russ.)
6. Zhakovska, M. (2011). *Medved' na okhote, okhota na medvedya: Rossiya v nemetskoy karikature XIX i XX vv.* [Bear on the Hunt, Bear Hunt: Russia in German Caricature of the 19th and 20th Centuries]. *Political Linguistics*, 35, 15–19. (In Russ.)
7. Chistyakova, A.A. (2023). *Pretsedentnyy fenomen kak vedushchee sredstvo intertekstualnosti v angloyazychnykh rep-tekstakh* [Precedent phenomenon as a leading means of intertextuality in English rap texts]. *Russian Linguistic Bulletin*, 4, 1–7. (In Russ.)
8. Forceville, C. (1996). *Pictorial Metaphor in Advertising*. London, New York: Routledge.
9. Forceville, C. (2008). Metaphors in pictures and multimodal representations. In R.W. Gibbs, Jr. (ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr.
10. Guan, Shaoyang, & Sun, Yuhua. (2023). Multimodal metaphor and metonymy in political cartoons as a means of country image construction. *Russian Journal of Linguistics*, 27(2), 444–467.
11. Urios-Aparisi, E. (2009). Interaction of multimodal metaphor and metonymy in TV commercials: Four case studies. In C. Forceville & E. Urios-Aparisi (Eds.), *Multimodal Metaphor*. Berlin: Mouton De Gruyter.
12. 陈玲, 段钊金. 新闻漫画中“扶贫”多模态隐喻研究:以《攻坚脱贫, 助力小康》专题漫画为例[J]. 华北理工大学学报(社会科学版), 2022(2):111-118. = Chen, Ling, & Duan, Wujin. (2022) Research on the multimodal metaphor of "Poverty Alleviation" in news comics: Take the special comic "Fighting Poverty and Helping the Well-off" as an example. *Journal of North China University of Science and Technology (Social Sciences Edition)*, 2, 111–118. (In Chinese)
13. 冯德正. 多模态隐喻的构建与分类:系统功能视角[J]. 外语研究, 2011(1):24-29. = Feng, Dezheng (2011). Construction and classification of multimodal metaphors: System Function Perspective. *Foreign Language Studies*, 1, 24–29. (In Chinese)
14. 王凯. 新闻漫画汇总农民工形象的建构:基于多模态隐喻的话语分析[J]. 青年读者, 2020(5):33-34. = Wang, Kai (2020). News comics summarize the construction of the image of migrant workers: Discourse analysis based on multimodal metaphors. *Young readers*, (5), 33–34. (In Chinese)
15. 王南杰. 抗疫新闻漫画的情感传导和叙事共鸣[J]. 传媒观察, 2021(12):88-94. = Wang, Nanjie (2021). The emotional transmission and narrative resonance of anti-epidemic news comics. *Media Watch*, 12, 88–94. (In Russ.)
16. 俞燕明. 新闻漫画多模态隐喻表征方式研究:模态配置的类型、特点及理据[J]. 外语研究, 2013(1):1-9. = Yu, Yanming (2013). Research on multi-modal metaphorical Representation methods of news comics: Types, Characteristics and rationale of Modal configuration. *Foreign Language Studies*, 1, 1–9. (In Chinese)

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 82.0+37.016:82
ББК Ш30+ШЗр+Ч426.83

ГРНТИ 16.01.13

Код ВАК 5.9.8; 5.9.3

Ирина Александровна Семухина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, slawirsem@mail.ru, SPIN-код: 3441-6657

Итоги XIII международной научно-практической конференции молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы»

АННОТАЦИЯ. В обзоре представлены итоги XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», состоявшейся в Уральском государственном педагогическом университете 6 декабря 2024 г. В научном диалоге приняли участие студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели филологических факультетов, учителя-словесники из разных регионов России (Екатеринбург, Москва, Архангельск, Великий Новгород, Красноярск, Тюмень, Нижневартовск, Саранск, Киров, Коломна, Ровеньки), а также исследователи из Республики Беларусь: Белорусский государственный университет (Минск) выступил соорганизатором конференции. Основные направления работы конференции определили тематику пленарного и секционных заседаний: динамика художественных систем в литературах классических периодов; взаимодействие классических и неклассических художественных систем в литературе XX–XXI вв.; социально-историческая и философская проблематика литературы разных эпох; жанровые процессы и нарративные стратегии; вопросы поэтики, традиции и рецепции, литературно-культурных взаимодействий; проблемы детского чтения, изучения детской литературы и методики преподавания литературы. Секция «А. С. Пушкин и его время, пушкинские традиции», посвященная юбилею великого писателя, объединила участников с постановкой проблем диалога культур, поколенческого дискурса, углубляющих общее представление о картине пушкинской эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-практические конференции, молодые ученые, русская литература, зарубежная литература, поэтика литературы, писатели, литературное творчество, литературные жанры, жанровые процессы, нарративные стратегии, литературные традиции, рецепция, методика преподавания литературы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Семухина Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: slawirsem@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Семухина, И. А. Итоги XIII международной научно-практической конференции молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» / И. А. Семухина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 268–280.

Irina A. Semukhina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, slawirsem@mail.ru, SPIN code: 3441-6657

Results of the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scholars “Littera Terra: Problems of Poetics of Russian and Foreign Literature”

ABSTRACT. The review presents the results of the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scholars “LITTERA TERRA: Problems of Poetics of Russian and Foreign Literature”, held at the Ural State Pedagogical University on December 6, 2024. The scholarly discussions were attended by bachelor's and master's degree students, post-graduate students, lecturers of philological faculties, secondary school teachers of language and literature from different regions of Russia (Ekaterinburg, Moscow, Arkhangelsk, Veliky Novgorod, Krasnoyarsk, Tyumen, Nizhnevartovsk, Saransk, Kirov, Kolomna, Rovenki, etc.), as well as researchers from the Republic of Belarus — Belarussian State University (Minsk) was a co-organizer of the conference. The main research areas of the conference determined the topics of the plenary and breakout sessions: dynamics of artistic systems in the literatures of classical periods; interaction between classical and non-classical artistic systems in the literature of the 20th-21st centuries; socio-historical and philosophical problems of literature of different epochs; genre processes and narrative strategies; issues of poetics, traditions and reception of literary-cultural interactions; problems of children's reading, study of children's literature and methods of teaching literature. The Section “A. S. Pushkin and His Time, Pushkin Traditions”, dedicated to the anniversary of the great writer, united the participants on the ground of dialogue of cultures and generational discourse, deepening the general idea of the picture of Pushkin's epoch.

KEYWORDS: scientific and practical conferences, young scholars, Russian literature, Foreign literature, literary poetics, writers, literary creative activity, literary genres, genre processes, narrative strategies, literary traditions, reception, methods of teaching literature.

© Семухина И. А., 2025

AUTHOR'S INFORMATION: Semukhina Irina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Semukhina I. A. (2025). Results of the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scholars "Littera Terra: Problems of Poetics of Russian and Foreign Literature". In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 268-280. (In Russ.).

6 декабря 2024 года в Уральском государственном педагогическом университете прошла XIII Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», которая объединила филологов различных регионов России, а также зарубежных исследователей. Соорганизатором конференции выступил Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь). Программа конференции включала пленарное заседание и семь тематических секций, одна из которых была посвящена изучению творчества А. С. Пушкина и пушкинских традиций и была приурочена к юбилею писателя.

Пленарное заседание открыл доклад Д. Б. Нефедова (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина), посвященный проблемам изучения жанра детектива, принадлежность которого к той или иной разновидности массовой литературы на сегодняшний день остается предметом активной научной дискуссии. Докладчик обозначил ряд важнейших аспектов научной полемики, ведущими из которых стали вопросы жанровых границ детектива, определения основных элементов его поэтики, а также соотношения понятий «детектив» и «криминальная литература». Рассмотрев историю споров о детективе, начиная с эссе Г. К. Честертона, С. Честертон, Р. Остина Фримена, Р. Нокса начала XX века и заканчивая современными исследованиями, Д. Б. Нефедов предложил свой подход к решению обозначенных дискуссионных вопросов, опираясь на бахтинское понимание жанра. Использование модели жанра М. М. Бахтина позволило проанализировать и сопоставить с другими жанровыми моделями не только ключевые элементы сюжета детектива, предполагающего особый тип преступления, тип расследования, тип героя-сыщика, тип преступника (антагониста), но и своеобразие хронотопа, субъектной организации, специфики нарратива, типа адресата и т. д. Подводя итог, докладчик подчеркнул, что понятие «криминальная литература» необходимо расценивать как существенно более широкое по отношению к таким определениям, как «детектив» или «детективная проза», поскольку первое включает в себя и другие жанры, которые могут опираться на иные принципы организации сюжета.

В следующем докладе С. Н. Бугаевой (Екатеринбург, УрГПУ) в рамках изучения концепции истории Хилари Мантел был представлен путь Томаса Кромвеля к власти в романе «Вулфхолл, или Волчий зал» (2009). Предложенный сравнительный анализ оценки Кромвеля историками (Дж. Р. Грин, Е. Э. Караваева, Д. В. Кирюхин и др.) и его интерпретации в романе Мантел позволил выявить особенности создания художественного образа советника английского короля как незаурядного политика, сыгравшего огромную роль в формировании государственного суверенитета современной Англии. Интерес вызвал тот факт, что именно подобная версия, вслед за традиционным суждением о Кромвеле как «самой страшной фигуре в английской истории», начинает доминировать в последующей историографии. В художественной интерпретации Кромвель — это человек, живущий для процветания своей страны, в силу чего герой окружен недоброжелателями; как следствие, наделенный незаурядными способностями политик вынужден подчиняться жестоким законам средневековой монархии и становится неразборчивым в средствах достижения целей. В последующих частях трилогии характер Кромвеля наделяется чертами все более нарастающей жестокости. В итоге стремительным падением и гибелью Кромвель повторит судьбу многих своих предшественников, таких как кардинал Вулси и Томас Мор. В выводах докладчик приходит к обоснованию социально-философской идеи Хилари Мантел о влиянии выдающейся личности на ход истории, с одной стороны, а с другой — о тех ограничениях, которые накладывают на личность законы социально-исторических обстоятельств.

К проблемам художественного перевода обратился Ю. А. Ноздрин (Екатеринбург, УрГПУ), акцентировав внимание на менее известной стороне творчества М. Яснова, по преимуществу детского писателя, — переводной деятельности. Слушателям конференции был представлен анализ переводческой манеры М. Яснова в ходе работы над сборником французского поэта Ж. Превра «Paroles»: выяснение переводческой стратегии, степени «точности» переводов, причин отступлений от подлинника. Убедительность предлагаемых выводов подкрепляется сопроводительным комментарием осуществ-

ленных разборов, самостоятельными подстрочниками, которые позволяют оценить как лексическую точность переводов, так и расхождения с оригиналом. Выполненный анализ трех переводов приводит Ю. А. Ноздрину к выводам о том, что бережное отношение к подлиннику, свойственное М. Яснову как переводчику, дало возможность тонко передать различную лирическую тональность стихотворений Превера: шутку («Школьное сочинение» / «Composition française»), нежность («Аликанте» / «Alicante»), трагичность мировосприятия («У цветочницы» / «Chez une fleuriste»). Сохранение переводчиком авторского замысла, особенностей композиции и поэтики стиха позволило Ж. Преверу даже на русском языке остаться Ж. Превером.

Завершилось планарное заседание докладом белорусского ученого Д. А. Молчановой (Минск, БГУ), которая обозначила одно из главных направлений конференции — исследование актуальных проблем творчества А. С. Пушкина. Докладчик предложил свой подход к осмыслению «кавказского цикла» Пушкина, рассмотрев «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» в аспекте перформативных характеристик. Учитывая существующие наблюдения над архитектоникой, лирическим сюжетом произведения и опираясь на известную методологию В. И. Тюпы, автор доклада устанавливает жанровую стратегию лирического дискурса посредством соотнесения лирического произведения с тем или иным базовым перформативом. Рассматривая цикл как триптих, Д. А. Молчанова убедительно показала в первом реализацию свойственного элегическому жанру перформатива жалобы (в стихотворениях «Дорожные жалобы» и «Калмычка»), который далее сменяет «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» с «апофатическим самоопределением», скачком рефлексии лирического героя. Заданный угол зрения позволил увидеть в первом и последующем триптихе цикла два вектора лирического переживания — самоумаление и осознание своей уникальности, формирующее образ Поэта. В заключительном триптихе усматривается базовый перформатив хвалы, но, в отличие от традиционной оды, в данном случае «консолидация реципиентов предполагается вокруг мощи и величия надчеловеческого закона и миропорядка, эксплицированного образами Казбека, Кавказа и Дона». В завершение была обозначена возможность сопоставления цикла «Стихов, сочиненных во время путешествия» и повести «Путешествие в Арзрум...», которое позволяет выявить различия

между двумя типами реализаций дискурса: если повесть воплощает событийный опыт существования «я-в-мире», то цикл приобщает читателя к лирическому откровению.

Секция 1 «Литературная классика: динамика художественных систем» была посвящена 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Юлии Михайловны Проскуриной (1929–2019), чей жизненный путь более полувека неразрывно был связан с Уральским государственным педагогическим университетом. Научные интересы Ю. М. Проскуриной, свыше двадцати лет возглавлявшей кафедру русской и зарубежной литературы, нашли свое отражение в проблематике секции конференции, обращенной к вопросам теории и истории классической литературы, а также сравнительному литературоведению.

Работу секции открыл доклад М. А. Макотра (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) «Риторика обличения: апофеги как инструмент создания образа иудейского грешника в проповедях XVII века». Обратившись к анализу ряда проповедей сборника «Статир», молодой исследователь сумел выявить ведущие риторические приемы и стилистику апофега в воплощении образа иудейского грешника (антонимичность, метафоричность, обращение к символике, фольклорным традициям и т. д.), а также их богословское и дидактическое значение. Проследив механизмы трансформации библейских цитат в устойчивые риторические формулы, свойственные церковному красноречию XVII века, М. А. Макотра приходит к выводам о том, как апофеги становятся важнейшим средством морального воздействия на паству, способствуя формированию системы нравственных ценностей. Выходя на обсуждение более широкого вопроса — специфики модели жанра апофега, докладчик обозначил проблему индивидуального стиля анонимного автора письменного сборника проповедей «Статир», что вызвало живую дискуссию участников конференции о степени отражения психологического облика автора в подобных текстах.

Предметом сообщения С. С. Бытко (Нижегородск, НВГУ) стал феномен старообрядчества в философской мысли и литературном творчестве выдающегося мыслителя XIX века К. Н. Леонтьева, обширный корпус сочинений которого отражает развернутую картину культурных, социальных и политических процессов в пореформенной России. Выявлены факторы, повлиявшие на формирование образа староверов в творчестве Леонтьева (круг чтения, заграничные слу-

жебные командировки, личные контакты с представителями старообрядческого сообщества), что свидетельствует об особом внимании философа к феномену старообрядчества, глубокое осмысление которого отразилось в его художественных произведениях, а еще в большей степени в цикле воспоминаний и публицистике. Примечательно то, что, считая «раскол» заблуждением, происшедшим из фанатизма его первых теоретиков, Леонтьев всё же видел в нем «великий тормоз», удерживавший Россию от разрушительных потрясений, противопоставив ментальность староверов развернувшейся в 1860-е гг. пропаганде нигилистических идей. Мыслитель настаивал на необходимости сближения правительства с «ревнителями древлего благочестия» как непреложном условии укрепления величия и дальнейшего процветания русского народа.

В выступлении Е. В. Злобаревой (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) был представлен интересный аналитический комментарий к путевым запискам маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843). Созданный в произведении противоречивый и в целом малопривлекательный образ России объясняется недостаточностью фактического материала, которым располагал автор: поверхностное знакомство с жизнью Петербурга и Москвы, краткий срок пребывания в России. Категоричность ряда высказываний французского путешественника в оценке России и русских политических порядков (русские «упиваются своим рабством», Россия — «империя страха» и т. п.) является следствием его политических взглядов, а также общей ситуации во Франции. Докладчик замечает, что, даже восхищаясь Москвой («колыбель современной Российской империи», «самый живописный из всех городов» страны), автор возвращается к резким характеристикам: «...оплот тиранов, тюрьма народов — вот что такое Кремль». В завершение было подчеркнуто, что в путевых записках Астольфа де Кюстина создан во многом детальный, наглядный, но все же очевидно односторонний и мифологизированный образ России, как в политическом, так и культурном аспекте, обусловленный взглядом европейца.

Следующие два доклада поднимали историко-литературные вопросы, проблемы изучения поэтики русской классики XIX века. Н. Е. Исаева (Екатеринбург, УрГПУ) представила подробный анализ образов внесценических персонажей, упомянутых в «домашних» сценах комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», придя к выводу о том, что подобные образы позволяют драматургу уг-

лубить содержание конфликта, назревшего в старом дворянском доме, высветить социальную динамику в фамусовском обществе, расширить масштаб художественного обобщения. Особое внимание было уделено психологической функции внесценических персонажей, которые помогают увидеть и дополнить черты сценических героев (например, Фамусова и Молчалина). Очевидно и то, что благодаря введению внесценических лиц Грибоедов получил возможность художественно передать движение времени, обозначить социально-историческую перспективу.

Доклад В. С. Рюминой (Екатеринбург, УрГПУ), нацеленный на исследование балладной традиции в сюжетостроении повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», также опирался на скрупулезный анализ художественного текста, а именно сопоставление ключевых сюжетных эпизодов повести и двух известных народных баллад — «Чурила и Катерина», «Князь Волконский и Ваня-ключник». Докладчику удалось расширить существующее представление о роли балладной традиции в произведении. Отмечено не только сходство, но и отступление сюжетного движения повести Лескова от балладной версии (например, в последствиях раскрытия измены), что приводит к иному пониманию характера лесковской Катерины в сравнении с балладной героиней. Наблюдения В. С. Рюминой позволили обнаружить и использование писателем элементов балладной поэтики, в частности сюжетно-композиционного приема «повторение с нарастанием» (градация совершенных героиней убийств; лексические повторы), который усиливает напряженность и динамичность разворачивающихся событий, драматизируя сюжет повести.

Рассмотрение вопросов о роли традиций устного народного творчества в литературной классике далее органично продолжил доклад М. Д. Замараевой (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) «Взаимодействие человека с инфернальной силой и методы избавления: прагматика алапаевской былички». Особая ценность сообщения состояла в том, что материалом исследования стали уральские былички, собранные фольклорными экспедициями УрГУ (записанные в Алапаевском районе Свердловской области в 1960–1980-е гг.), что позволило выявить региональные особенности общеславянских представителей нечистой силы — лешего (в алапаевской быличке частотны именованья «лесунька», «лесной»), домового («соседушка-буканушка»), русалки. Особый интерес слушателей вызвали ре-

гиональные особенности описанных методов спасения человека от нечистой силы, представляющие собой действия ритуального, сакрального характера, обусловленные религиозным, магическим (молитва, заговор, ритуал) или бытовым (приметы) знанием.

Секция 2 «А. С. Пушкин и его время, пушкинские традиции (к юбилею писателя)» объединила участников с постановкой теоретических вопросов диалога культур, автоинтертекстуальности, поколенческого дискурса. Прозвучали доклады как историко-литературного, так и культурологического характера, что позволило глубже раскрыть картину пушкинской эпохи.

Интерес слушателей вызвал доклад В. С. Савчук (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) о роли чувств в эмоциональной культуре Смольного института XVIII — первой половины XIX века, с акцентом на литературном аспекте проблемы. Было показано, как соответствующие эпохе художественные системы влияли на субкультуру женских учебных заведений. Так, принципы классицизма прививались «смолянкам» посредством созданного в институте театра, где ставились пьесы Вольтера и Сумарокова. Трагедия эпохи Просвещения предполагала выбор в пользу стоического преодоления страстей. Сентиментальная эстетика формировала поведенческий паттерн, исходя из которого необходимо было проявлять свои эмоции и, согласно ситуации, реагировать по «заготовленному» шаблону. Сентиментализм и последующая романтическая культура вызвали к жизни характерную экзальтированность поведения, интерес институток к таинственному, культ дружбы и феномен «обожания». В заключение было отмечено, что характерная субкультура Смольного института в последующем распространилась и на другие институты благородных девиц.

Проблема диалога культур обозначилась в докладе молодого исследователя из Республики Беларусь М. В. Аниперовой (Минск, БГУ), рассмотревшей русско-балканские культурные отношения на материале творчества Пушкина. Акцентируется внимание на бережном отношении русского поэта к сербской культуре, отразившемся в поэтическом цикле «Песни западных славян». Подробный анализ двух стихотворений цикла («Песня про Георгия Черного» и «Воевода Милош») позволил прийти к выводам о том, что, с одной стороны, Пушкин посредством культурного опыта соседних стран значительно расширял русское литературное наследие, открыл для России многогранный мир сербов, обозначив точки соприкосновения сла-

вянских народов (свободолюбие, удаль и т. п.); с другой стороны, поэт способствовал развитию национальной сербской литературы и культуры, высветив их историю, увековечив в своем поэтическом слове, сохраняя при этом самобытность, предания сербского народа, особенности сербской речи.

Размышления о пушкинском творчестве продолжила Л. М. Бахтина (Екатеринбург, УрГПУ), сосредоточившись на проблеме источника эпиграфа к роману «Евгений Онегин». Был поставлен вопрос о возможных параллелях между эпиграфом к роману и перепиской А. С. Пушкина на французском языке. Учитывая известные научные изыскания об источнике «главного» эпиграфа к роману, а также беря во внимание эпистолярное наследие Пушкина, посредством самостоятельного анализа Л. М. Бахтина обнаружила любопытные переклички текста эпиграфа с пушкинскими франкоязычными письмами, адресованными младшему брату Льву Сергеевичу, Раевскому, П. Я. Чаадаеву и др. Данные наблюдения позволили заключить, что круг проблем, обозначенный Пушкиным в эпистолярной, художественно осмысляется в романе, а эпиграф воплощает «портрет эпохи», где обозначены отличительные черты людей, ведущих активную светскую жизнь.

Выступление аспиранта из Архангельска А. А. Бужинской (САФУ) «Бессарабия в творчестве А. Ф. Вельмана...» продолжило рассмотрение проблем диалога. Основная задача доклада состояла в выявлении в творческом наследии А. Ф. Вельмана автоинтертекстуальных образов и мотивов, связанных с Бессарабией, где писатель по делам военной службы провел значительную часть своей юности (с 1818 г.). Многие эпизоды и реальные лица из романов Вельмана повторяются, потому что он был живым свидетелем этих событий и людей: Илья Ларин («Илья Ларин», «Счастье-несчастье»), Егор Кириллович Варфоломей («Два майора», «Воспоминания о Бессарабии»), разбойник Урсул («Урсул», «Воспоминания о Бессарабии»). В ряду автоинтертекстуальных образов произведений Вельмана докладчик рассматривает и Александра Пушкина, с которым писатель также познакомился в Бессарабии.

Доклад А. А. Комиссаровой (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) привлек внимание слушателей рассмотрением образа А. Б. Мещерской, невесты генерала 1812 года А. И. Кутайсова, в русской словесности XIX века на материале трех малоизвестных произведений: «Беседы с моей дочерью» Е. Н. Мещерской

(1806–1812), «Памятные записки игумены Евгении Озеровой» (1898), «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово» (1878–1880). Учитывая типологию женских образов того времени (по Ю. М. Лотману: ангельский, демонический, героический типы), докладчик подчеркивает, что образ Мещерской нельзя однозначно отнести ни к одному из известных типов. В соотношении с образом Александра Кутайсова, являющегося ярким выразителем мужского начала, защитником своей страны, личность Анастасии Мещерской предстает образцом женщины-христианки, воплотившей лучшие качества жены и матери.

В сообщении А. Ю. Дубовского (Минск, БГУ, Республика Беларусь) был предложен неожиданный эксперимент — анализ читательской рецепции судьбы и творчества Александра Пушкина и Адама Мицкевича, нашедшей отражение в стихотворении поэта-любителя М. К. Бобрика (прадеда автора доклада) «Да другой гадзіны ночы я сяджу...». Творчество двух поэтов преломляется сквозь призму восприятия белоруса, жившего в первой трети XX века, а рецепция «второй степени» осуществляется самим докладчиком спустя еще почти столетие. В ходе анализа «любительского» стихотворения выявляются аналогии и контрасты не только во взглядах двух великих писателей-романтиков — Пушкина и Мицкевича, но и в двух литературных ситуациях — XIX и XX веков. А. Ю. Дубовский полагает, что в стихотворении М. К. Бобрика образы Пушкина и Мицкевича не случайно взяты в ранний, романтический период творчества (без учета их идейного противостояния 1830-х гг.), так как это позволяет соотнести и литературные ситуации начала XIX и XX вв., когда появляются неоромантики Янка Купала и Якуб Колас. Очевидно, культурно-исторический контекст начала XX в. и побудил поэта-любителя обратиться к романтическим образам двух великих поэтов, сближаемых общей позицией любви к родине.

Следующие доклады продолжили обсуждение вопросов рецепции Пушкина. Так, М. С. Корюкалова (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) обратилась к рассмотрению отражения пушкинского кода в мемуарах, дневниках и лирике Д. Самойлова. Приведены множественные примеры произведений Самойлова с различными формами пушкинского присутствия (узнаваемость личности, биографических деталей, упоминание имени, включение цитат, эпитафий и т. д.; например, в названиях «Волна и камень», «Старый Дон Жуан»

и т. п.). Пушкинский текст оказывается в первую очередь связан с воссозданием Самойловым образа «поколения сорокового года», поскольку писатель ощущал духовную близость с поколением лицеистов круга студенческой московской молодежи рубежа 1930–1940-х гг., так называемых «ифлийцев» (ИФЛИ), молодых поэтов, которых перечисляет в «Памятных записках» (Н. Глазков, Ю. Долгин, М. Луконин и другие ровесники Самойлова).

Завершилась работа секции докладом Т. Е. Сутягиной (Екатеринбург, УрГПУ), проанализировавшей особенности издания Е. Двоскиной «Пушкин с нами» (2021) как полихудожественного единства на стыке книги и интернет-жанра блога. Сопоставительный анализ книги и блога приводит к выводу, с одной стороны, об их структурном сближении, а с другой — содержательных отличиях, в частности в плане субъектной организации. Художественная целостность произведения создается, по мысли докладчика, за счет рамочного комплекса (вступление «От автора», эпитафия «Посвящается Дубровскому», обложка и др.), а также игровой стратегии Двоскиной и сквозного образа Пушкина. Игровая стратегия автора хорошо показана через соотношение визуального (более 80 иллюстраций) и вербального планов (пушкинские цитаты, подписи к иллюстрациям), которое устанавливает ассоциативные связи и активно участвует в моделировании многогранного художественного мира текста.

Все прозвучавшие на пушкинской секции доклады вызвали неподдельный интерес участников, которые отметили, что, несмотря на многообразие материала, состоялся содержательно цельный диалог, где стержнем научного сюжета, так или иначе, выступил Пушкин, многогранность его личности и творчества.

Секция 3 «Литература XX–XXI веков: направления и течения» была обращена к обсуждению проблем развития и взаимодействия классических и неклассических художественных систем в литературе XX века и современной отечественной и зарубежной литературе, философской и социокультурной проблематики, особенностей поэтического языка. Актуализировался и вопрос о жанрах, жанровых модификациях, гибридах в литературе XX–XXI вв.

Начало научному диалогу было положено докладом А. В. Поповой (Екатеринбург, УрГПУ), в котором через систему образов в романе Т. Манна «Волшебная гора» (1924) было выявлено воплощение настроения общества перед Первой мировой войной, а

также авторская интерпретация причин надвигающейся катастрофы. Отталкиваясь от высказывания Т. Манна «Война — всего лишь трусливое бегство от проблем мирного времени», докладчик показал, как писатель возвращается к этой мысли на протяжении всего романа. Романист стремится вскрыть причины большой войны, воплощая их в метафорической форме, обращаясь к мифологическим параллелям. Надвигающуюся катастрофу Т. Манн видит в состоянии духовного разложения европейского общества начала XX века; утраты предстоящей войны неизбежны и касаются всех людей, даже далеких от власти — «художников» и «бюргеров», размышляющих о будущем или живущих прошлым.

Ряд участников секции объединился вниманием к вопросам развития художественных систем в русской поэзии XX века. Так, И. А. Волконский (Екатеринбург, УрГПУ) обратился к исследованию способов создания двуголосия в поэме Б. Л. Пастернака «Лейтенант Шмидт», одного из сложнейших произведений поэта. Взаимодействие лирического и эпического начал произведения обнаруживается посредством анализа ритмико-мелодической организации (тщательно разобранный докладчиком) и субъектной полифонии текста (анализ которой, с учетом «чужих голосов», не менее убедителен). Возникающий диалог между авторским голосом и лирическим героем формирует многослойную структуру, нарушающую границы традиционного жанра, позволяющую Пастернаку выйти за рамки эпохи, совместив историко-революционную эпичность и глубокий лиризм. Ю. В. Токарева (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) также обратилась к жанровым новациям в поэзии XX века — на примере стихотворения А. Тарковского «Колыбель», где молодой исследователь вновь продемонстрировал мастерство анализа ритмико-метрической организации текста, а также музыкально-композиционного устройства стиха, что позволило увидеть не привычное «одноголосное пение», а драматический диалог, который составляют два лирических персонажа — Он и Она; их инаковость по отношению друг к другу передается посредством сочетания баллады и песенной фольклорной традиции, подчеркивающего невозможность их встречи. А участница из Тюмени Е. Э. Осинцева (ТюмГУ) рассмотрела интерпретацию темы «памятник поэту» в лирике М. Цветаевой. Учитывая изменения в структуре образа в лирике Марины Цветаевой разных лет, докладчику удалось показать трансформацию традиционного мотива: от символа бес-

смертия — к представлению о тленности материала, памяти, языка. Поиск новой формы памятника приводит поэта к созданию альтернативы традиции: в цветаевской лирике 1920-х годов («Новогоднее», «Ici — Haut» и др.) появляется совершенно новая форма памятника — памятник природный, нашедший воплощение в ином языке (в цвете, запахе, звуке, движении); на этом «новом языке» и становится возможным диалог с ушедшими поэтами.

В ходе работы секции выявился интерес молодых ученых к актуальной проблеме изучения жанровых особенностей зарубежных романов «черной академии». Например, докладчик из Екатеринбурга В. В. Хричева (УрГПУ) представила свои наблюдения по исследованию элементов детективного жанра в романе Д. Тартт «Тайная история», полагая, что произведение не является классическим детективом, но все же обладает рядом свойственных ему черт и потому может считаться одной из его жанровых разновидностей. А. Н. Кошубин из Великого Новгорода (НовГУ) рассмотрел вопрос в более широком контексте (Д. Тартт, М. Л. Рио, Т. Фрэнч и др.). Остановившись подробнее не только на «Тайной истории» Д. Тартт, но и рассмотрев роман «Словно мы злодеи» М. Л. Рио, исследователь предпринял попытку вычленения репрезентативных особенностей жанра, синтезирующего элементы университетского романа и детектива-нуара, в результате чего на основе самостоятельных жанровых паттернов формируется новая сюжетная структура, система персонажей и т. д. В завершение отмечено, что на основе выявленных узнаваемых особенностей, определяющих романы темной академии, появляются все новые произведения исследуемого жанра (роман «Пардес» Д. Хоупена, «Вавилон» Р. Куанг и др.).

Необходимо отметить еще одну актуальную проблему в постижении современной зарубежной литературы, которая была обозначена на конференции: исследователь М. Г. Аверина из Архангельска (САФУ) обратилась к изучению творчества Симоны де Бовуар, известной французской писательницы, философа-экзистенциалиста. В докладе экзистенциализм С. де Бовуар был рассмотрен на примере романа «Прелестные картинки» (1966). Наряду с распространенными для данной литературы мотивами одиночества, пустоты, «посторонности», внутреннего противостояния личности окружающему миру, докладчику удалось показать и своеобразие романа, проявившееся в понимании женской потребности в подлинном бытии и женского бунта. В существующей полемике

по вопросу жанра «Прелестных картинок» М. Г. Аверина примкнула к группе исследователей, которые полагают, что именование «феминистический роман» содержательно обедняет образ героини, и останавливается на определении «экзистенциальный роман», в большей степени отражающем собирательный образ современной мыслящей женщины, ищущей смысл существования в торжествующем обществе потребления.

Секция 4 «Образ — мотив — хроно-топ» уже много лет находит отклик у участников данной конференции. Молодых исследователей неизменно привлекают вопросы художественной специфики сюжетостроения и хронотопа в произведениях как отечественной, так и зарубежной литературы.

В докладе А. И. Михайловой (Красноярск, КГПУ) был представлен анализ образа войны в романе Стивена Крейна «Алый знак доблести» (1894–1895), воплощенного через изображение жестокой реальности боевых действий в США времен Гражданской войны (1861–1865), а также посредством обнаружения противоречивости идеалов главного героя, Генри Флеминга. Обращение к таким уровням поэтики романа, как система образов, сюжет, хронотоп, а также историко-библиографическому контексту, позволило вывести осмысление произведения С. Крейна в плоскость понимания философии войны писателя, его размышлений о влиянии войны на человека и социум. Анализ отдельных составляющих художественного мира писателя был посвящен доклад Ф. С. Бегиян (Минск, БГУ) «Образ колокола в романе Н. Алексеевой „Полунощница“: структурно-семантические и нарративные функции». Рассмотрев подробно культурно-исторические, сакральные и мифологические смыслы, докладчику удалось показать символическую и нарративную роль образа колокола в сюжетных линиях и романной структуре в целом. Продуктивным видится автору доклада дальнейшее исследование образа колокола и в системе бинарных оппозиций картины мира романа (слово/молчание, истинное/фальшивое и т. п.), и на уровне речевой организации текста.

В рамках изучения вопросов пространственно-временной организации на секции прозвучала и набоковская тема. А. Сайфутдинова (Тюмень, ТюмГУ) рассмотрела, каким образом в романе В. В. Набокова «Лолита» художественное пространство и время определяют формирование образа читателя. Докладчик выдвинул гипотезу о том, что герой Гумберт, стремясь оправдать свое преступление, сближает собственную пространственно-временную точку зрения с точкой

зрения читателя и оценивает наррататора как собственного двойника; в результате сочувствующий Гумберту читатель оказывается одной из «масок» рассказчика. Представляя также тюменскую научную школу, Е. Л. Иванова избрала в качестве предмета исследования в набоковской «Лолите» реминисценции из чеховской «Чайки». С точки зрения докладчика, чеховский интертекст позволяет Набокову переосмыслить в романе традиционный образ «влюбленного художника», а также ряд мотивов (мотив встречи с музой, мотив свободы творчества и др.) и шире — тему границ театральной сцены и реальности. Апеллирование к литературным шаблонам («Аннабель Ли» Э. По, Беатриче Данте, «Кармен» Мериме) оборачивается для героя жизненной трагедией, поскольку лишает свободы других персонажей и ограничивает его во взаимоотношении с миром.

В ряде докладов поднимались проблемы урбанистики в литературе. Так, аспирант Р. А. Кадеева из Саранска (МГУ им. Н. П. Огарева) рассмотрела топографию города в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве». В результате исследования специфики воссоздания образа города в первой части автобиографической «харьковской трилогии» Э. Лимонова устанавливается, что в «Подростке Савенко...» топография города выстраивается не только при помощи детализации описаний окраины Харькова, но и посредством воплощения особого топографического континуума (термин Ю. М. Лотмана), которым является рабочий поселок Салтовка, на фоне которого происходит психологическое становление героя.

Достаточно большой блок сообщений был посвящен анализу женских образов в зарубежной литературе. В рамках данной проблематики в выступлении А. М. Коноваловой (Великий Новгород, НовГУ) система женских персонажей в романе К. Исигуро «Погребенный великан» была вписана в контекст трансформации традиционного драконоборческого сюжета: переосмысление образа дракона приводит к концептуальному переосмыслению персонажных ролей; в частности, миссия поиска правды, восстановления справедливости у К. Исигуро передана женским персонажам, в результате чего возникает целая галерея второстепенных героинь (безымянная девочка, черные вдовы, безумная старуха), которые готовы бороться, сопротивляться статусу жертвы. С. И. Марышева (Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) рассмотрела интерпретацию образа Элеанор Ригби, созданного изначально

группой «Битлз», в одноименном романе канадского писателя-постмодерниста Дугласа Коупленда. Сформулирован вывод о том, что, в отличие от текста известной песни, у Д. Коупленда героиня обретает характер и трансформируется сама история Элеанор Ригби (у «Битлз» — история одиночества, у Коупленда — история преодоления одиночества), что приводит к формированию иного развернутого сюжета.

Завершилась работа секции разговором о художественном своеобразии образа мира в жанре фэнтези. Л. А. Рузиева из Екатеринбург (УрГПУ) предложила для обсуждения свои наблюдения над художественной спецификой воплощения хронотопа Сумрака в романах С. Лукьяненко о Дозорах: пространство и время Сумрака отличается искаженностью, многослойностью, труднодоступностью, утратой красок и звуков, замедленным течением времени; Сумрак — живой организм, существующий по своим законам, скрытый от обычных людей, но, тем не менее, тесно связанный с действительностью. В докладе аспиранта А. И. Теплова (УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) осмысление системы героев фэнтези-цикла В. Камши «Отблески Этерны» было осложнено соотнесенностью с последующей сериальной адаптацией. При этом филологом было отмечено, что изучение интермедиального прочтения текста В. Камши опирается на серьезную работу с эго-документами автора (интервью, выступления на официальном форуме и т. д.), которые позволяют более глубоко исследовать основные механизмы трансформации литературного текста в кинотекст, с учетом роли автора в данном процессе.

Секция 5. «Автор — герой — читатель». В рамках секции обсуждались самые разные вопросы: творческая личность в оценке современного литературного окружения, дневник писателя, автобиографичность творчества, творческое сознание, прототипы литературных героев, литературный журнал и его читатель.

В обозначенной проблематике активно себя проявила научная школа Уральского федерального университета, молодые представители которой составили большую часть секции. Работу секции открыла магистр О. А. Бедулева, рассмотрев фигуру М. А. Бакунина в контексте его восприятия современниками: А. И. Герценом, И. С. Тургеневым, А. В. Никитенко, В. Г. Белинским, Н. П. Огаревым, Ж. Мишле и др. В ходе обсуждения было отмечено, что исследование актуально для понимания личности автора «Исповеди», написанной Бакуниным по приказу Ни-

колая I, и — в перспективе — авторского образа «кающегося грешника», возникающего в тексте. Оценки, данные Бакунину его окружением, безусловно, расширяют контекст осмысления «Исповеди» и представляются важным фактором для анализа ее жанровой специфики. Л. Д. Амелько в рамках общей проблемы «Кафка и Достоевский» обратил внимание на пересказ фрагмента из «Дневника писателя» в «Письмах к Милене», где австрийский писатель интерпретирует историю первого творческого успеха Достоевского (имеется в виду судьбоносная для литератора майская ночь 1845 г., когда Григорович и Некрасов после прочтения «Бедных людей» пришли в четвертом часу утра к Достоевскому выразить свое восхищение; и последующее знакомство Достоевского с Белинским). В результате сопоставления указанного фрагмента с воспоминаниями Достоевского выявляются особенности эстетической позиции Кафки, неразрывно связанной с его философией.

В следующих докладах участники осмыслили вопросы специфики творческого сознания в лирических жанрах. Так, начинающий исследователь из Тюмени А. В. Зольникова (ТюмГУ), обозначив тему выступления «Духовное прозрение субъекта в стихотворении Л. Иоффе „Я хочу спрятаться под самый прочный пласт“: мифопоэтика и контекст», предприняла попытку выявить интертекстуальную связь духовных прозрений субъектов текста Л. Иоффе (1968 г.) и стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова «Пророк». Убедительно было показано, как в тексте современного поэта, с учетом культурно-исторического контекста второй половины XX в., реализуется архетипический комплекс духовной инициации пушкинского пророка. К постижению лирического сознания поэта обратилась В. Н. Глезденёва (УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина), осмысляя проблему выражения лирического начала в поэзии Григория Дашевского. На примере разбора нескольких текстов докладчик выявляет характерные черты лирического сознания поэта: предельное отсутствие индивидуализации и личных эмоций, абсолютное растворение в мире и др. Подчеркнуто, что лирическое сознание Дашевского может менять точки зрения между ролевыми героями стихотворения, но это не мешает лирическому сознанию оставаться стержнем, организующим читательское восприятие.

В эпической прозе проблема автора осмыслилась участниками секции в аспекте жанровых поисков писателей. Например, Е. А. Романова (УрФУ им. первого Прези-

дента России Б. Н. Ельцина) представила анализ специфики автобиографизма в книге В. Аксенова, которая не случайно названа писателем «В поисках жанра», поскольку появилась в результате творческого кризиса автора. Кризис испытывает и главный герой романа — Павел Аполлинарьевич Дуров, который в поисках вдохновения колесит по миру. Выделены два уровня автобиографического письма: автобиографические знаки, совпадающие с известными фактами жизни писателя; сложное взаимодействие духовных поисков биографического автора и автобиографического героя, отразившееся в субъектной организации произведения. Близкая проблематика была затронута и в докладе аспиранта М. Г. Евстратова «Поиск личностной идентичности в романе В. С. Яновского „Американский опыт“». Роман, написанный в первые годы пребывания автора в США (1946–1948), отразил характерные для русского писателя-эмигранта душевные переживания. Сравнение с последним «парижским» романом Яновского «Портативное бессмертие» позволило показать смену воззрений писателя, что нашло свое отражение в сюжете «Американского опыта», сводимом к поиску личностной идентичности главного героя Боба Кастэра.

С большим вниманием были выслушаны и следующие сообщения, которые, на первый взгляд, поднимали очень разные проблемы, но в итоге приходили к постижению центральных вопросов секционного заседания, касающихся взаимосвязи автора и героя, автора и читателя. Доклад аспиранта В. П. Спешиловой (Нижевартовск, НВГУ) был посвящен теоретическим аспектам, спорным вопросам осмысления понятия «психологизм», уяснения форм, приемов и средств выражения, соответствующих разным видам психологизма. Е. М. Свиридова (УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) обратилась к малоисследованному журналу начала XX века «Пробуждение», ставшему, по мнению докладчика, первым опытом издания российского мидл-журнала, просуществовавшего до 1918 г. Внимание было сосредоточено на характере взаимодействия журнала с читательской аудиторией. А. Ш. Газиева познакомила участников конференции с результатами своего исследования по модификации образа короля Артура в романе Джеральда Брома «Похититель детей», приходя к более общим выводам о специфике функционирования образов и сюжетов древней зарубежной словесности в современном фэнтези-романе американского автора. Уместным оказалось и сообщение А. Д. Гринь о мемуарах принца

Гарри Сассекского «Запасной» (2023) как образце субкультурного анализа британской королевской семьи: произведение сочетает мемуарный текст с романной структурой, отражая процессы давления на героя общест-венности и строгих правил королевского кодекса, способствующие утрате чувств, индивидуальности, навыков общения, а главное — внутренней свободы человека.

Секция 6 «Литература и культура: традиция и рецепция» включила в круг обсуждения различные аспекты литературно-культурного взаимодействия: литература и фольклор, трансформация классических тем в современной литературе, интерпретация художественного текста в кино, мимесис и т. д.

Молодой ученый из Республики Беларусь В. В. Полякова (Минск, БГУ) в докладе «Модернизация античной хоровой традиции в поэзии Олега Юрьева» в качестве характерной черты поэта рассмотрела обращенность к античности, в частности использование жанра «хоров», к которому О. Юрьев тяготел на протяжении всего творчества и отразил в заглавиях 15 стихотворений (««Хор», «Хор на четыре невесты», «Хор на слух и зрение», «Хор балладный» и т. д.), а также нескольких сборников («Избранные стихи и хоры», «Стихи и хоры последнего времени»). В результате осуществленного анализа ряда стихотворений Юрьева, с основательной опорой на теорию вопроса, В. В. Полякова убедительно обосновывает синтез античного кода с мифопоэтикой модернизма, где безличный, отстраненный хор наделяется голосом личного опыта автора.

Р. Е. Ливанов (Коломна, ГСГУ) проанализировал чеховскую тему в книге Ю. Левитанского «Письма Катерине, или Прогулки с Фаустом» во взаимодействии с другими центральными темами поэта. Установка Левитанского на принципиальную интертекстуальность не только отмечалась исследователями, но и становилась предметом лирической авторефлексии самого поэта. Чехов появляется в четвертом тексте книги, в «Сцене в погребке», где Иронический человек предстает полноправным собеседником Поэта и Фауста. Особое внимание было обращено на стихотворение «Шампанским наполнен бокал», где поэт работает с чеховским биографическим мифом, который включается в общую структуру книги, продолжая мотивы других, «нечеховских» стихотворений. Аспирант из Нижевартовска Ф. В. Шелухин (НВГУ) обратился к рассмотрению проблем адаптации литературных произведений к языку кино на примере интерпретации повести М. А. Булгакова «Со-

бачье сердце» (1925) в фильме В. В. Бортко (1988). Помимо выявления сюжетных отличий киноэкранизации в сравнении с булгаковским текстом (дополнительные эпизоды, обогащение отдельных эпизодов и т. д.), выясняется режиссерская творческая задача и определяются средства ее реализации. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил докладчику прийти к выводу о типе экранизации, к которой обращается В. Бортко.

Неподдельный интерес аудитории вызвал доклад Д. В. Леонтьевой (Киров, ВятГУ), предметом рассмотрения которой стал образ кикиморы в современной культуре и литературе г. Кирова. Описав, с опорой на труды фольклористов, особенности образа кикиморы как одного из наиболее древних персонажей славянской демонологии, докладчик выявляет неоднозначность восприятия кикиморы в различных регионах (злой дух дома, дух-покровитель, носитель способностей других славянских существ — домового, Бабы-яги и т. д.). Примечательно, что в вятском фольклоре и искусстве (напр., «Вятская сказка. Кикиморская гора» И. Ярополова, «Кикиморские сказки» Н. Русиновой и др.) кикимора не только пользуется большой популярностью, но и обретает положительные черты. Н. М. Миронов (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева) проанализировал другой демонологический образ, исследуя западноевропейскую традицию осмысления феномена вампира начиная с XII века. Изучив большой корпус трудов, докладчик справедливо утверждает, что фигура вампира является одной из ключевых в системе европейских демонологических образов. Особое внимание уделено трудам мыслителей и писателей XVIII–XIX вв. (О. Кальме, Г. де Пабан, Ж. Коллен де Планси и др.), чьи работы по исследуемой проблеме принято считать классическими.

Завершилась работа секции докладом П. А. Троянской (Нижневартовск, НВГУ) «Мимесис: причины пересоздания зарубежных произведений и роль культурной атмосферы в этом процессе», где на примере «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина и «Белоснежки» братьев Гримм предпринята попытка обоснования того, как культурная среда формирует уникальные черты и смыслы, несмотря на общие сюжетные линии и образы героев.

Секция 7 «Литература в школе» в формате круглого стола объединила сообщения по проблеме детского чтения, детской литературы и методики преподавания литературы в школе. Среди выступающих были студенты, аспиранты и преподаватели российских вузов, учителя и библиотекари

екатеринбургских школ. Материалом для докладов послужили в основном произведения отечественных авторов, как XX, так и XXI вв., в изучении которых акценты были сделаны преимущественно на жанровых особенностях произведений — литературная сказка и ее связь с народной сказкой, трансформация детского детектива; стилистической выразительности текстов — натурализм повестей о войне, дидактизм в поэзии для детей, двуадресность произведений современной детской литературы.

Начало дискуссии по вопросам преподавания литературы в школе было положено докладом Г. С. Селивановской (Екатеринбург, УрГПУ), рассмотревшей возможности изучения романа Ч. Диккенса «Большие надежды» в 10 классе: была обоснована целесообразность включения предлагаемого материала в раздел зарубежной литературы в школьной программе, акцентировано внимание на субъектной организации текста в романе Ч. Диккенса, что позволяет учащимся старшего звена проследить соотношение поступков героев с их убеждениями и особенностями выражения авторской позиции. М. В. Фролова предложила для урока литературы в 7 классе рассмотрение образа детства в рассказе А. П. Платонова «Вся жизнь». Участники круглого стола поддержали идею освоения творчества писателя через восприятие разных видов искусств — литературы и живописи, с применением современных мультимедийных технологий, в том числе потенциала нейросети.

В рамках разговора по изучению детской литературы Е. Ю. Мильчакова (Екатеринбург, УрГПУ) также обратилась к платоновскому творчеству, сосредоточив внимание на синтезе фольклорных и античных литературных ассоциаций в литературной сказке «Чудесный мальчик»: в имени, речи, поступках героя узнаются черты мудрых героев — от пушкинского старика-рыбака до побеждающего змея Геракла. Преподаватель из Луганской Народной Республики Д. С. Чумаченко (Ровеньки, ЛГПУ), ставшая постоянным участником конференции, предложила новые аспекты рассмотрения особенностей проблематики романа В. П. Крапивина «Журавленок и молнии», справедливо отмечая, что произведение имеет большой духовно-нравственный потенциал: поднимаются проблемы взаимоотношения отцов и детей, противостояния интеллигентности и косности, моральной черствости личности и способности постоять за честь товарища. Внимание юного читателя привлекает тонкий психологизм В. П. Крапивина, исполненный уважения к личности и переживаниям ребенка.

К. С. Третьякова, аспирант из УрФУ, раскрыла дидактический аспект в творчестве для детей уральской поэтессы Елены Евгеньевны Хоринской периода 1940–1960-х гг.: особое внимание уделено приемам реализации воспитательной программы Хоринской, целью которой является формирование достойного члена общества и развитие у юного читателя таких качеств, как трудолюбие, патриотизм и социальный оптимизм. Начинаясь исследователь из Великого Новгорода А. А. Дубко (НовГУ) познакомила аудиторию с процессами трансформации детективного канона в детской литературе, показав на примере адресованного детской аудитории «Зверского детектива» А. Старобинца перекодировку элементов, характерных для «взрослого» детектива. М. В. Моцаренко (Красноярск, КГПУ) переключила внимание слушателей на серьезную тему — феномен детских писем как способ рецепции войны в повести Э. Веркина «Облачный полк»: выявлены культурные и социальные аспекты, способствующие формированию детского восприятия войны, предложен новый взгляд на понимание художественных механизмов произведения. Завершилась встреча выступлением Е. А. Ореховой, библиотекаря одной из екатеринбургских гимназий, которая представила опыт встреч школьников с современными писателями как средство сохранения русского языка и продвижения чтения — «Разговор по душам». Обозначенные на круглом столе проблемы вызвали живой отклик аудитории, дальнейшее заинтересованное обсуждение развернулось в направлении новых подходов преподавания литературы в рамках школьной программы и способов ее дополнения произведениями современной, в том числе детской литературы.

Организаторы конференции отметили, что «LITTERA TERRA», традиция которой восходит к 2005 г., продолжает оставаться достойной площадкой плодотворного общения молодых филологов, расширяя свои границы, приглашая к содержательному научному диалогу как студента, работающего под руководством научного наставника, так и кандидата наук, и практикующего учителя-словесника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Littera terra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы : материалы XI Междунар. конф. молодых ученых (2 дек. 2022 г., Екатеринбург) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. И. А. Семухина. — Екатеринбург : [б. и.], 2023. — 1 CD-ROM. — (LITTERA TERRA ; Вып. 17, ч. 1). — Текст : электронный.

2. Littera terra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы : материалы XI Междунар. конф. молодых ученых (2 дек. 2022 г., Екатеринбург) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. И. А. Семухина. — Екатеринбург : [б. и.], 2023. — 1 CD-ROM. — (LITTERA TERRA ; Вып. 17, ч. 2). — Текст : электронный.

3. Littera terra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы : материалы XII Межрег. (с междунар. участием) конф. молодых ученых (1 дек. 2023 г., Екатеринбург) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. И. А. Семухина. — Екатеринбург : [б. и.], 2024. — 1 CD-ROM. — (LITTERA TERRA ; Вып. 18). — Текст : электронный.

4. Барковская, Н. В. Молодежный «Драфт» приглашает к диалогу / Н. В. Барковская. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2014. — № 4 (38). — С. 92–96. — EDN TBXZVP.

5. Зинченко, В. Г. Литература и методы ее изучения. Системный и синергетический подход : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. — 4-е изд. — Москва : Флинта, 2024. — 280 с. — ISBN 978-5-9765-0907-8. — Текст : электронный.

6. Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации : моногр. / О. Г. Сидорова, Л. А. Назарова, К. Хьюит [и др.] ; отв. ред. О. Г. Сидорова, Л. А. Назарова ; Урал. фед. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 254 с. — ISBN 978-5-7996-3611-1. — Текст : электронный.

7. Меньщикова, А. М. Свой шаг: молодая филология Урала (обзор научных конференций и изданий) / А. М. Меньщикова, Л. А. Назарова, Т. А. Снигирева. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2020. — Т. 25, № 4. — С. 201–212.

8. Николаева, А. В. Студенческая публикационная активность как фактор профессионального роста / А. В. Николаева. — Текст : непосредственный // Novainfo.ru. — 2023. — № 137. — С. 93–94.

9. Проскурина, Ю. М. Varia: О русской классике. XIX век / Ю. М. Проскурина ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 190 с. — Текст : непосредственный.

10. Семухина, И. А. «LITTERA TERRA»: филологический дискурс молодых ученых / И. А. Семухина. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2016. — № 1 (43). — С. 116–119.

11. Семухина, И. А. «От самого человека зависит, до какой степени жизнь его наполнена прекрасным и великим...»: памяти Юлии Михайловны Проскуриной / И. А. Семухина. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2019. — № 4 (58). — С. 194–196.

12. Сухих, С. И. Методология литературоведения: комплексный и системный методы анализа литературы / С. И. Сухих. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 6-1. — С. 298–303. — EDN PKISUD.

13. Фещенко, В. В. Из истории когнитивно-лингвистических подходов в отечественной и зарубежной поэтике / В. В. Фещенко. — Текст : непосредственный // Критика и семиотика. — 2019. — № 2. — С. 128–135.

14. Шастина, Е. М. Литература в диалоге культур: проблемы рецепции инокультурного текста (на материале зарубежной литературы XX–XXI веков) / Е. М. Шастина. — Текст : непосредственный // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. — Елабуга : Елабужский институт Казанского федерального университета, 2015. — С. 254–258.

15. Gavins, J. Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh, 2007. — Text : unmediated.

16. Gibbons, A. Multimodality, Cognition, and Experimental Literature / A. Gibbons. — London ; New York : [s. n.], 2012. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Littera terra: problemy poetiki russkoy i zarubezhnoy literatury [Littera terra: Problems of the Poetics of Russian and Foreign Literature] (2023a). Proc. of the XI International Conference of Young Scientists, December 2, 2022, Ekaterinburg (Ed. I.A. Semukhina; "LITTERA TERRA", Iss. 17, part 1). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 1 CD-ROM. (In Russ.)

2. Littera terra: problemy poetiki russkoy i zarubezhnoy literatury [Littera terra: Problems of the Poetics of Russian and Foreign Literature] (2023b). Proc. of the XI International Conference of Young Scientists, December 2, 2022, Ekaterinburg (Ed. I.A. Semukhina; "LITTERA TERRA", Iss. 17, part 2). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 1 CD-ROM. (In Russ.)

3. Littera terra: problemy poetiki russkoy i zarubezhnoy literatury [Littera terra: problems of the poetics of Russian and foreign

literature] (2024). Proc. of the XII Interregional (with international participation) conference of young scientists, December 1, 2023, Ekaterinburg (ed. I.A. Semukhina; "LITTERA TERRA", Iss. 18). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 1 CD-ROM. (In Russ.)

4. Barkovskaya, N.V. (2014). Molodezhnyy «Draft» priglashaet k dialogu [Youth "Draft" invites to dialogue]. *Filologicheskii klass*, 4(38), 92–96. EDN TBXZVP. (In Russ.)

5. Zinchenko, V.G., Zusman, V.G., & Kirnoze, Z.I. (2024). *Literatura i metody ee izucheniya. Sistemnyy i sinergeticheskiy podkhod* [Literature and methods of its study. Systems and synergetic approach] [Teaching manual]. (4th ed.). Moscow: Flinta, 280 p. ISBN 978-5-9765-0907-8. (In Russ.)

6. Sidorova, O.G., Nazarova, L.A., Kh'yuit, K., et al. (2023). *Komparativnye filologicheskie issledovaniya v epokhu globalizatsii* [Comparative philological studies in the era of globalization] [Monograph] (Resp. Eds. O.G. Sidorova, L.A. Nazarova). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 254 p. ISBN 978-5-7996-3611-1. (In Russ.)

7. Menshchikova, A.M., Nazarova, L.A., & Snigireva, T.A. (2020). Svoy shag: molodaya filologiya Urala (obzor nauchnykh konferentsiy i izdaniy) [Their Own Step Forward: Young Philologists of the Urals (Review of Scientific Conferences and Publications)]. *Philological Class*, 25(4), 201–212. DOI: 10.26170/FK20-04-20. (In Russ.)

8. Nikolaeva, A.V. (2023). Studencheskaya publikatsionnaya aktivnost' kak faktor professional'nogo rosta [Student publication activity as a factor in professional growth]. *Novainfo.ru*, 137, 93–94. (In Russ.)

9. Proskurina, Yu.M. (2009). *Varia: O russkoy klassike. XIX vek* [Varia: About Russian classics. XIX century]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 190 p. (In Russ.)

10. Semukhina, I.A. (2016). «LITTERA TERRA»: Filologicheskii diskurs molodykh uchenykh [«LITTERA TERRA»: Young scientists' philological discourse]. *Philological Class*, 1(43), 116–119. (In Russ.)

11. Semukhina, I.A. (2019). «Ot samogo cheloveka zavisit, do kakoy stepeni zhizn' ego napolnena prekrasnym i velikim...» pamyati Yulii Mikhaylovny Proskurinoi [“It depends on the person himself to what extent his life is filled with the beautiful and the great...”: in memory of Yulia Mikhailovna Proskurina]. *Philological Class*, 4(58), 194–196. (In Russ.)

12. Sukhikh, S.I. (2012). Metodologiya literaturovedeniya: kompleksnyy i sistemnyy metody analiza literatury [Methodology of literary criticism: complex and systemic methods of literature analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, 6-1, 298–303. EDN PKISUD. (In Russ.)

13. Feshchenko, V.V. (2019). Iz istorii kognitivno-lingvisticheskikh podkhodov v otechestvennoy i zarubezhnoy poetike [From the history of cognitive-linguistic approaches in domestic and foreign poetics]. *Kritika i semiotika*, 2, 128–135. (In Russ.)

14. Shastina, E.M. (2015). Literatura v dialoge kul'tur: problemy retseptsii inokul'turnogo teksta (na materiale zarubezhnoy literatury XX–XXI vekov) [Literature in the dialogue of cultures: problems of reception of a foreign cultural text (based on foreign literature of the 20th–21st centuries)]. In *Sovremennye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki* (pp. 254–258). Elabuga: Elabuzhskiy institut Kazanskogo federal'nogo universiteta. (In Russ.)

15. Gavins, J. (2007). *Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh.

16. Gibbons, A. (2012). *Multimodality, Cognition, and Experimental Literature*. London, New York.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Email: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

Email: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955.

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — A4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
 - Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логинова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логинова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2025. ВЫПУСК 2 (110)**

Адрес редакции:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 28.04.2025. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.04.2025.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 32,5. Усл. печ. л. — 33,0. Тираж 500 экз. Заказ 5553.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе

Уральского государственного педагогического университета

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Email: uspu@uspu.ru